

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ
ХОЗЯЙСТВО:
концепция, практический опыт
и перспективы применения в России**

Под общей редакцией
проф. Р.М. Нуреева

Издательский дом ГУ-ВШЭ
Москва 2007

Серия основана в 2006 г.

Редколлегия:

д.э.н., профессор Р.М. Нуреев (главный редактор),
к.э.н., доцент Ю.В. Латов,
д.ф.н., профессор Т.Ю. Сидорина

Составитель - д.э.н., проф. Р.М. Нуреев

© Составление. Нуреев Р.М., 2007

© Оформление. Издательский дом
ГУ ВШЭ, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. В поисках возможностей применения социального рыночного хозяйства в России	8
---	---

ВВЕДЕНИЕ. Теория и практика социального рыночного порядка в Германии (<i>Р.М. Нуреев</i>)	9
Теория социального рыночного хозяйства	
Практика социального рыночного хозяйства	
Литература и web-ресурсы о социальном рыночном хозяйстве	

ЧАСТЬ I. КАК ФОРМИРОВАЛАСЬ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

Раздел 1.1. Рождение ордо-либерализма

<i>Бём Ф., Ойкен В, Гроссман-Дёрт Г.</i> Наша задача (ордо-манифест) ...	22
Упадок в экономической науке	
Релятивизм и фатализм	
Карл Маркс и фатализм	
Влияние Густава фон Шмоллера	
Наша программа	

Раздел 1.2. Основные принципы социального рыночного хозяйства

<i>Эрхард Л.</i> Мышление порядка в рыночной экономике	32
<i>Мюллер-Армак А.</i> Принципы социального рыночного хозяйства	40

ЧАСТЬ II. КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Раздел 2.1. Социальное рыночное хозяйство в контексте социальных принципов христианства

<i>Костюк К.Н.</i> Социальные принципы христианства и социальное рыночное хозяйство	54
---	----

Раздел 2.2. Ордо-либералы как преемники и оппоненты немецкой исторической школы

<i>Попов Г.Г.</i> Вальтер Ойкен как преемник и оппонент Вернера Зомбарта (сравнение теорий экономических систем немецкой исторической школы и ордо-либералов)	60
Вернер Зомбарт и немецкая историческая школа	
Сходство взглядов Ойкена и Зомбарта на факторы генезиса капиталистического хозяйства	
Различия между Ойкеном и Зомбартом в понимании эволюции капитализма	
Теория экономических систем В. Ойкена	

Раздел 2.3. Ордо-либерализм – основа социального рыночного хозяйства

<i>Гутник В.П.</i> Теоретическое обоснование политики хозяйственного порядка и ее основные принципы	69
Особенности возникновения теории хозяйственного порядка и ее конституирующие элементы	
Ордолиберальная концепция Фрайбургской школы	
Экономические и социальные концепции представителей немецкого «гуманистического неолиберализма»	
Социально-либеральная концепция А. Мюллер-Армака	
<i>Ванберг В.</i> Фрайбургская школа: Вальтер Ойкен и ордо-либерализм ..	98
<i>Левин С.Н.</i> Германский ордолиберализм как методологическая основа модели «социального рыночного хозяйства» в ФРГ	111
<i>Дементьев В.В.</i> Проблема рыночной власти и социальное рыночное хозяйство	116
Власть в теории хозяйственного порядка В.Ойкена	
Экономическая власть в трансформационном обществе: распределение и последствия	
<i>Сидорина Т.Ю.</i> Социальная политика как политика экономического порядка в теории Вальтера Ойкена	126
Социальные вопросы в политике порядков	
Социальная справедливость в системе порядков В. Ойкена	
Ф.А. Хайек: рыночное распределение благ и иллюзия справедливости	

Раздел 2.4. Людвиг Эрхард – творец германской модели экономики 134

<i>Вюнше Х.-Ф.</i> Представления о хозяйственном порядке Людвиг Эрхарда	
Диагноз нынешнего состояния	
Социальное рыночное хозяйство в понимании Эрхарда	
Политика социального рыночного хозяйства	

Раздел 2.5. Общее и особенное в концепции социального рыночного хозяйства

<i>Сторчевой М.А.</i> Что уникального в концепции социального рыночного хозяйства?	146
«Модель» из двух принципов	
Что значит «социальное»?	
А как же социальная защита?	
Не германское изобретение	
Заслуги германских экономистов	
Бесконечные спекуляции	
Soziale Marktwirtschaft и Welfare State	
<i>Латов Ю.В.</i> Почему концепция социального рыночного хозяйства не вошла в мейнстрим?	154
Парадокс аутсайдерства ордо-либералов	
История экономических учений как отражение конкуренции в ядре мир-экономики	
Ордо-либерализм как предтеча неоинституционализма	

ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ ГЕРМАНИИ

Раздел 3.1. Исторические предпосылки формирования социального рыночного хозяйства в Германии

<i>Исаков Л.А.</i> Не только Эрхард, или Исторические основания социально-рыночного хозяйства ФРГ	161
<i>Болдырев Р.Ю.</i> „Stunde Null“ или „Neubeginn“? Ситуация в до-эрхардской Германии 1945-1948 гг.	165
Проблемы послевоенной Германии	
Оккупационная политика западных держав в Германии	
<i>Невский С.И.</i> История создания Основного закона ФРГ и социальное рыночное хозяйство	176
История создания Основного закона ФРГ	
Социальное рыночное хозяйство как экономико-политическая доктрина	

Раздел 3.2. Мифы и загадки социального рыночного хозяйства

<i>Чепуренко А.Ю.</i> Мифы о социальном рыночном хозяйстве	190
<i>Латов Ю.В.</i> Компаративистский подход к загадкам социального рыночного хозяйства	192
Загадка № 1: сколько было и есть социальных рыночных хозяйств?	
Загадка № 2: было ли эффективным «социальное рыночное хозяйство – 1»?	
Загадка № 3: является ли эффективным «социальное рыночное хозяйство – 2»?	

Раздел 3.3. Социальные институты в германской модели рыночного хозяйства

<i>Григорьева И.А.</i> Исторические предпосылки и особенности развития «немецкой» модели социальной политики	204
Исторические предпосылки развития социального страхования	
Принцип субсидиарности как дополнение социальному страхованию	
Основные черты германской модели социальной политики	
<i>Давыдова Т.Е.</i> Человеческий фактор в системе социального рыночного хозяйства	217
<i>Сидорина Т.Ю.</i> Социальная политика «социального рыночного хозяйства» в системе моделей социальной политики <i>Welfare State</i>	225
Проблема систематизации моделей социальной политики	
Г. Эспинг-Андерсен: типы государства всеобщего благосостояния. Параметры классификации	
Н. Мэннинг: модели управления социальной политикой. Социальная политика и власть	
Еще одна типология. М. Альбер и П. Козловски: какой капитализм? Какая социальная политика?	
<i>Гутник В.П.</i> Кризис социального государства в Германии	232

Раздел 3.4. Экспорт институтов социального рыночного хозяйства

<i>Цедилин Л.И.</i> Роль принципов социального рыночного хозяйства в «срастании» двух Германий)	237
Восточные земли: итоги трансформации	
Восточногерманская экономика: испытание системной конкуренцией	
В поисках решений	
Опыт Германии и Россия	

ЧАСТЬ IV. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

4.1. Проблемы стимулирования конкуренции

<i>Кузнецов А.В.</i> Содействие конкуренции в социальном рыночном хозяйстве как либералистский «пересмотр» итогов приватизации	250
Результаты ошибочной стратегии социально-экономической трансформации в России	
"Социальное рыночное хозяйство" как средство возврата России к либерализму	
Возможности внедрения конкурентного порядка в России	

4.2. Перспективы использования Россией институтов германского хозяйственного порядка

<i>Дюсуше О.М.</i> Проблемы Германии вчера и сегодня - урок для России? (институциональный подход)	257
Можно ли считать экономический анализ нейтральным?	
О немецком «экономическом чуде»	
О применимости опыта реформ	
Институты имеют значение	
Проблемы инфляции, стабилизационного фонда и структурных изменений в экономике России	
О путях решения социальных проблем России	
Простые правила институциональной экономики	
<i>Гутник В.П.</i> В каком хозяйственном порядке нуждается Россия? ...	272

4.3. Проблемы модернизации социальной политики

<i>Творогова С.В.</i> Чтобы было не напрасно: оценивание как способ повышения эффективности социальной политики	279
<i>Григорьева И.А.</i> Модернизация социальной политики в России и возможности использования немецкого опыта	284
Цели и модели современной социальной политики	
Может ли Россия заимствовать у Германии опыт развития социальной защиты?	
Светское использование «принципа субсидиарности» в Европе и возможность использования субсидиарного подхода в России	
Развитие человека и выбор модели социальной политики	
<i>Римский В.Л.</i> Особенности российской социальной политики	300

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Российская модернизация	
в свете концепции социального рыночного хозяйства (<i>Нуреев Р.М.</i>)	311
1. Рекомендации для России: типичные ошибки в выборе приоритетов	
2. Тактические приоритеты	
3. Стратегические задачи	
4. Возможные сценарии развития	
Сведения об авторах	327

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: В поисках возможностей применения социального рыночного хозяйства в России

В московском Государственном университете – Высшей школе экономики стало хорошей традицией каждый год проводить параллельно Интернет-конференции и очные симпозиумы по знаменитым, но недостаточно еще известным в России экономическим концепциям. В 2004 г. ученые ГУ-ВШЭ таким образом отмечали 60-летие «Великой трансформации» Карла Поляни¹, в 2005 г. – 20-летие изучения QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития, начатого Полом Дэвидом². В апреле 2006 г. темой обсуждения стали концепции и практики социального рыночного хозяйства, связанные с концепциями немецких ордо-либералов и реформами Людвиг Эрхарда.

Обсуждение развития немецкой экономической мысли и германского хозяйства происходило сразу по двум формально-юбилейным поводам. Во-первых, в 1936 г. был опубликован «Ордо-манифест» Франца Бёма, Вальтера Ойкена и Ганса Гроссмана-Дорта, который положил начало организационной консолидации ордо-либералов, «отцов» концепции социального рыночного хозяйства. Во-вторых, в апреле 1951 г. бундестаг ФРГ принял закон об участии рабочих во внутрифирменном управлении производством, положив тем самым начало знаменитой системе *Mitbestimmung* («совладения»). Следовательно, участники симпозиума отметили 70-летие ордо-либерализма и 55-летие начала формирования германской модели социального партнерства.

В ходе симпозиума его участники старались, прежде всего, найти новые подходы к пониманию ордо-либеральной теории и практики социального рыночного хозяйства. Особое внимание обращалось на параллели между Германией и Россией – на возможности использования опыта модели социального рыночного хозяйства трансформирующимися странами. Как и раньше, в симпозиуме ГУ-ВШЭ принимали участие обществоведы разных специальностей и из разных регионов. В ходе симпозиума было принято решение издать его материалы отдельной книгой как коллективную монографию.

При подготовке данной книги в нее вошли не только материалы обсуждения, но и новые материалы, специально подготовленные для этого издания. Среди авторов книги – экономисты, социологи и историки Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Кемерово, Воронежа, Донецка (Украина), Фрайбурга (Германия). В книгу включены новые переводы работ немецких экономистов, а также ряд материалов, ранее издававшихся в малотиражных изданиях.

¹ Материалы этого обсуждения нашли отражение в первой книге из серии «Экономическая теория: традиции и современность»: «Великая Трансформация» Карла Поляни: прошлое, настоящее, будущее. Под ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. См. также публикацию серии статей в журнале «Историко-экономические исследования» (2004. Т. 5. № 3) - <http://jh.isea.ru>.

² См. обзор этой дискуссии: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.

ВВЕДЕНИЕ

Нуреев Р.М. (ГУ-ВШЭ)

Теория и практика социального рыночного хозяйства в Германии

1. Теория социального рыночного хозяйства

**Вальтер Ойкен
(1891-1950)**

Для формирования рыночной экономики в России необходимо создание институциональных условий, аналогичных “социальному рыночному хозяйству” в Германии. Методологические основы ее были созданы ордолиберальной “теорией порядка” (В. Ойкен, Ф. Бем, В.Репке, А. Рюстов, Л. Микш, А. Мюллер-Армак). Основными элементами концепции социального рыночного хозяйства являются:

- личная свобода;
- экономическая дееспособность;
- социальная справедливость.

Немецкие экономисты на себе испытали пагубность милитаризации экономики и подавления гражданских свобод. Им предстояло решить дилемму невозможности спонтанного порядка и неприемлемости всепроникающего государственного вмешательства. Необходимо было определить разумные границы и эффективные методы государственного вмешательства в экономику, с одной стороны, и активно защитить свободную рыночную экономику от чрезмерного вмешательства государства, с другой.

Концепция социального рыночного хозяйства формировалась в атмосфере всеобщего хаоса в стране, где старый тоталитарный режим - “централизованно-управляемое хозяйство” - рухнул, а “меновое хозяйство” уже успело предстать в форме анархии и “черного рынка”. Германия потеряла четверть своей довоенной территории, была разделена на оккупационные зоны. Производство в начале 1948 г. едва достигало половины уровня 1936 г. Огромные людские потери, деморализованное войной и разрухой население, 12 млн. беженцев, изношенный реальный капитал, разрушенная инфраструктура, карточная система и сохранение элементов нацистской системы управления - вот далеко не полный перечень бедствий послевоенной Германии. Произошла поистине “потеря старого мира без приобретения нового”. Чувство апатии и безысходности толкало к пренебрежению установленными нормами. Порядок был действительно необходим. Без него было бы немислимо никакое возрождение страны. Неудивительно поэтому, что появившаяся в 1930-1940-е годы “теория порядка” послужила методологической основой социального рыночного хозяйства в ФРГ.

Концепция социального рыночного хозяйства формировалась в атмосфере всеобщего хаоса в стране, где старый тоталитарный режим - “централизованно-управляемое хозяйство” - рухнул, а “меновое хозяйство” уже успело предстать в форме анархии и “черного рынка”. Германия потеряла четверть своей довоенной территории, была разделена на оккупационные зоны. Производство в начале 1948 г. едва достигало половины уровня 1936 г. Огромные людские потери, деморализованное войной и разрухой население, 12 млн. беженцев, изношенный реальный капитал, разрушенная инфраструктура, карточная система и сохранение элементов нацистской системы управления - вот далеко не полный перечень бедствий послевоенной Германии. Произошла поистине “потеря старого мира без приобретения нового”. Чувство апатии и безысходности толкало к пренебрежению установленными нормами. Порядок был действительно необходим. Без него было бы немислимо никакое возрождение страны. Неудивительно поэтому, что появившаяся в 1930-1940-е годы “теория порядка” послужила методологической основой социального рыночного хозяйства в ФРГ.

Франц Бём (1895-1977)

Это был период, когда политическая экономия и право утратили свои позиции в развитии общества. В Германии в это время господствовали концепции фытылизма, с одной

стороны, и историцизма, с другой стороны. Наметившийся в это время разрыв между теорией и реальной жизнью привёл к тому, что экономисты боялись слишком широких обобщений. Историческая школа во главе с Густавом фон Шмоллером погрязла в поверхностных обобщениях и практицизме. Именно это время (в 1936 г.) *Бём Ф., Ойкен В, Гроссман-Дёрт Г.* публикуют ордо-манифест. В качестве первоочередных задач они выдвигают идею синтеза политической экономии и права, опередив американских неонституционалистов более, чем на четверть века. «Трактовка всех практических вопросов политико-правового и политэкономического характера - пишут они – должна соответствовать идее экономической конституции».¹

Под экономической конституцией, считают авторы, «должно пониматься общее политическое решение относительно того, как следует организовывать экономическую сферу страны»². Фактически это была первая попытка создания основ конституционной экономики.

**Вильгельм Рёпке
(1899-1966)**

Духовным отцом немецкого ордолиберализма по праву считается **Вальтер Ойкен (1891-1950)**. В своём фундаментальном труде «Основы национальной экономики» (1940) он сформулировал чрезвычайно важные положения о взаимозависимости порядков (политического, экономического, социального и правового). В «Основных принципах экономической политики» (работе, изданной уже после его смерти в 1952 году) он выдвинул идею о том, что государство организует рынок, проводя политику порядка. Решающим элементом этого порядка должна стать свободная конкуренция. Эти идеи В. Ойкена развивал его соратник - немецкий правовед **Франц Бём (1895-1977)**. Основное его внимание уделено обоснованию взаимосвязи права и власти. Только сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики. Сильное государство – это не такое государство, которое раздаёт налево и направо многочисленные льготы, а то, которое использует политическую власть для создания условий для честной конкурентной борьбы.

Предстояло решить сложную дилемму невозможности спонтанного рыночного порядка, с одной стороны, и неприемлемости государственного вмешательства – с другой. Поэтому предстояло решить двуединую задачу: определить границы и методы государственного воздействия на экономику страны в таких пределах, чтобы не разрушить основы рыночной экономики сильным государством.

Социальное рыночное хозяйство возникло как особый тип общественного устройства. Ещё **Вильгельм Рёпке (1899-1966)** выступил не столько против господства государства как такового, сколько против его тоталитарных тенденций (будь то в социалистических или капиталистических одеждах). Поэтому он резко критиковал «фискальный социализм» кейн-

**Александр Рюстов
(1885-1963)**

¹ См. настоящее издание с. 29.

² Там же с. 30.

сианства, считая, что граждане, которые не принадлежат к мощным союзам, оказываются отделёнными от принятия судьбоносных решений, то есть от государства. Усиление влияния государства на экономическое развитие страны снова делало актуальным вопрос о том, в чьих интересах работает государственный аппарат, кто контролирует государственную машину. Между тем, первым условием общественной интеграции, с его точки зрения, является свободное государство, в котором повиновение и порядок существуют лишь с согласия граждан. Поддерживать структурные изменения путём содействия приспособлению хозяйствующих субъектов призывал и видный немецкий социолог **Александр Рюстов (1885-1963)**.

Термин «социальное рыночное хозяйство» был предложен **Альфредом Мюллер-Армаком (1900-1978)**.

Будучи руководителем Отдела экономической политики Министерства Экономики, - того отдела, который отвечал за обоснование общей концепции реформ, - он стремился «поставить рыночное хозяйство на службу социальному». Фактически, он пытался реализовать свои идеи о преодолении разрыва между индивидуализмом и коллективизмом, общественными и государственными институтами, которые он начал разрабатывать ещё в 1930-е годы. Однако будучи практиком, Альфред Мюллер-Армак фактически сдвигает акцент, перенося его с конкуренции на социальные проблемы.

**Альфред Мюллер-Армак
(1900 – 1978)**

ными и государственными институтами, которые он начал разрабатывать ещё в 1930-е годы. Однако будучи практиком, Альфред Мюллер-Армак фактически сдвигает акцент, перенося его с конкуренции на социальные проблемы.

Таблица 1

Спектр неолиберализма

1. Неолиберализм в узком смысле слова — <i>Фридрих А. Хайек</i> : “Обновить классический либерализм!”		
2. Ревизия неолиберализма	2.1. Ордолиберализм <i>Вальтера Ойкена и Франца Бёма</i> : “Создать и поддерживать конкурентный порядок!”	
	2.2. Либеральный интервенционизм	2.2.1. Общественно-политический неолиберализм <i>Вильгельма Ренке</i> : “Укреплять силы общественной интеграции!”
		2.2.2. Неолиберализм в рыночной политике <i>Александра Рюстова</i> : “Поддерживать структурные изменения путем содействия приспособлению хозяйствующих субъектов!”
		2.2.3. Социальный неолиберализм <i>Альфреда Мюллер-Армака</i> : “Поставить рыночное хозяйство на службу социальному!”
3. Социальное рыночное хозяйство <i>Людвига Эрхарда</i> : “Систематическая экономическая политика, содействующая свободе!”		

Составлено по: Социальное рыночное хозяйство: истоки, концепция, практика. М., 2001. С.43.

Это не означает, что взгляды ордо-либералов были абсолютно едины, между ними были заметные различия, которые наглядно представлены в таблице 1. Однако, тем не менее, эти различия не носили принципиального характера. Классики социально-рыночного хозяйства характеризовали его различные стороны.

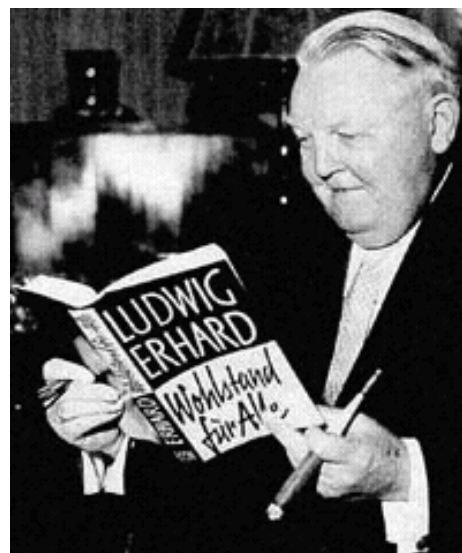
Таковы были основные идеи, которые легли в основу политики **Людвига Эрхарда (1897-1977)**. Важно подчеркнуть, что он был не только практиком рыночного хозяйства, но и теоретиком, получившим степень доктора наук. Он своеобразно интерпретировал фрайбургскую школу: для него главное в ней взаимосвязь порядков и обоснований свободного предпринимательства как важного элемента развития духовной культуры. «Заслуга фрайбургской школы, Вальтера Ойкена и его друзей, - по его мнению, - состоит в том, что они вернули политическую экономию к строгому мышлению порядка не только для того, чтобы отпугнуть жуткий призрак государственной экономики или поставить на место, возникшую эконометрию, но и чтобы – и это было важнее – противопоставить плоскому бездуховному прагматизму культ духовного порядка»³.

2. Практика социального рыночного хозяйства

Реформы Людвига Эрхарда создали предпосылки для воплощения теории социального рыночного хозяйства в германской практике. «Рыночная экономика, - писал Л. Эрхард в своей книге «Полвека размышлений», - оправдана с хозяйственной и нравственной точек зрения только до тех пор, пока она полнее и лучше, чем какая-либо иная форма экономики, обеспечивает оптимальное удовлетворение потребностей всего народа, когда она в максимальной степени наделяет номинальные доходы граждан реальной покупательной способностью»⁴.

В августе 1948 г. на съезде Христианской демократической партии (в г. Реклингхайзене) Л. Эрхард провозгласил необходимость создания такой системы хозяйствования, которая смогла бы обеспечить «благополучие для всех». Социально-рыночное хозяйство – это особый тип общественного устройства и особый способ мышления. Однако не следует думать, что эти идеи были сразу приняты населением. Для того, чтобы благие начинания превратились в реальность, нужно, чтобы были выполнены важнейшие требования, необходимые для проведения эффективной экономической политики:

1. Проводимая политика должна быть понятной гражданам,
2. Политики должны убедить людей в её правильности,
3. Политика должна быть последовательной,
4. Она должна быть открытой и честной,
5. Должна быть правильно выстроена тактически, то есть ориентироваться не только на долгосрочный, конечный результат, но и демонстрировать свою убедительность и эффективность в разумные, с точки зрения ожидания населения, временные сроки.

**Людвиг Эрхард
(1897-1977)**

³ Там же с. 35.

⁴ Эрхард Л. Полвека размышлений: речи и статьи / Пер. с нем. М.: Наука; ТОО «Ордынка», 1996.

Основы будущих реформ были заложены в секретном меморандуме, который был закончен ещё в марте 1944 г. В нем давалась оценка экономической и финансовой системы нацистской Германии в конце войны и намечалась программа перехода от военной экономики к экономике мирного времени.

Промышленное производство в 1946 г. составляло только 33% от уровня 1936 года. Промышленность в это время могла обеспечить каждого немца парой обуви раз в 12 лет, а костюмом – раз в 50 лет! Государственный долг составлял 415 млрд. марок, а общие размеры необеспеченного товарной массой денежного спроса оценивался в 300 млрд. марок. Подлинной денежной единицей стала пачка американских сигарет. За одну пачку «Camel» можно было приобрести полфунта масла, за блок – пару ботинок, а за 300 блоков «Фольксваген». В этих условиях 20 июня 1948 г. была проведена денежная реформа.

Каждый житель получал право обменять 60 марок по курсу 1 к 1. Половину сбережений можно было обменять 1 к 10, а вторую половину 1 к 20. Текущие платежи (зарплата, пенсия, квартплата, обменивались в соотношении 1 к 1), взаимные обязательства предприятий 1 к 10. Все обязательства государства, выраженные в рейхсмарках, аннулировались без всякой компенсации. Монопольное право на выпуск новых банкнот было передано Банку немецких земель. Стратегическая линия Эрхарда состояла в том, чтобы, используя стабилизирующий эффект жесткой денежной реформы, приступить к радикальной перестройке механизма управления экономикой. Важную роль в этом занимали условия для развития рыночной конкуренции и социальные амортизаторы для защиты наиболее слабых.

Минимально необходимая критическая масса рыночных преобразований была осуществлена быстро и комплексно: либерализация цен, отмена многочисленных регламентаций, сковывающих хозяйственную инициативу, переориентация инвестиционных потоков в сферу производства потребительских благ и услуг.

Эрхард умело сочетал концепцию большого скачка и градуалистский подход. Так контроль над ценами основных продуктов питания был снят лишь в 1957 г. когда была установлена конвертируемость немецкой марки. Были приняты эффективные антиинфляционные меры: блокирование вкладов (было заморожено 70% средств на счетах населения), регулярно публиковались каталоги «уместных цен», учитывающие реальные издержки производства и разумную прибыль, была принята государственная программа продажи «каждому человеку» необходимых потребительских товаров по сниженным ценам.

Выборы 1953 г., на которых ХДС/ХСС одержали убедительную победу, создали предпосылки для дальнейшего углубления реформ. В результате в 1957 г. удалось провести через Бундестаг «Закон против ограничения конкуренции», который создал действительные предпосылки для развития малого и среднего бизнеса.

К началу 1960-х гг. ВВП Западной Германии увеличился по сравнению с 1950 г. почти в три раза. Среднегодовые темпы роста экономики составили 10%, а безработица всего 1%. Наиболее ярким критерием эффективности экономической политики государства стали не масштабы её активности, а конечные результаты развития национальной экономики.

Применение концепции в Германии превзошло все самые радужные прогнозы, однако опасность таилась в сильном государстве. Государственная бюрократия далеко не всегда использует свой руль в нужном направлении. Она часто склонна преувеличивать свою роль в хозяйственном развитии. В результате «порядка» становилось всё больше и больше, а «свободы» всё меньше и меньше. Появилась опасность превращения рыночной свободы в свободу, направляемую и контролируруемую государством. Дело в том, что политика хозяйственного порядка представляла собой альтернативу и чистому либерализму, и плановой экономике, и даже олигархическому капитализму. Важно, однако, чтобы регулирование свободы осуществлялось не сверху, а снизу, чтобы существовала органическая взаимосвязь между свободой, самостоятельностью и ответственностью. Если этот баланс нарушается, то

нарастает зависимость людей от государства, а свободные граждане превращаются в послушных подданных. Социальные блага должны быть не дарованы государством, а заработаны самими трудящимися.

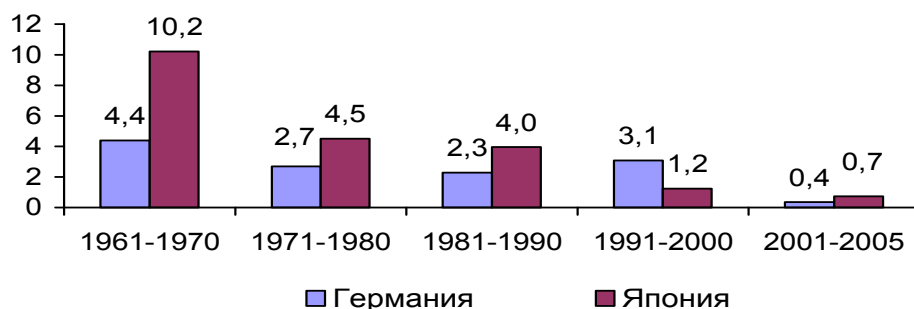

Рис. 1. Темпы роста ВВП в Германии и Японии:

Источники: Economist Intelligence Unit, Deutsche Bank.

Однако в конце 1960-х гг. возникли первые сигналы, свидетельствующие о ревизии социального рыночного хозяйства. Отчасти это было связано с переходом от бурого роста к нормальному экономическому развитию, отчасти – следствием разбухшего государственного бюджета, отчасти – следствием постоянных требований профсоюзов, выступающих за более быстрый рост заработной платы. В результате возникла спираль «зарплаты-цены», которая не замедлила сказаться на темпах экономического роста (Рис. 1).

1967 г. стал поворотным в экономической политике ФРГ. На смену Людвигу Эрхарду пришел Карл Шиллер, который попытался соединить несоединимое – свободу и социализм, конкуренцию и планирование, неолиберализм и неокейнсианство. Новизна заключалась в резком расширении государственного вмешательства в экономику. Его лозунгом стало: «Конкуренция – насколько возможно, планирование – насколько необходимо». Не удивительно, что на смену блоку ХДС/ХСС в 1969 г. пришло правительство социал-демократов, объединившихся со свободными демократами («малая коалиция» – СДПГ и СвДП).

Таким образом, та экономическая политика, которую сам Эрхард называл социальным рыночным хозяйством, проводилась менее 20 лет – с 1948 по 1967 гг. Именно в течение этого времени и наблюдалось «немецкое чудо». Когда же в конце 1960-х гг. принципы экономической политики Германии подверглись решительной ревизии, то «чудо» окончилось. Эту новую политику если и можно называть «социальным рыночным хозяйством», то обязательно подчеркивая, что она шла во многом вразрез с идеями ордолиберализма и с практикой Эрхарда.

Литература и web-ресурсы о социальном рыночном хозяйстве*

Российско-германский экономический журнал «Политэконом» (Politekonom): <http://politekonom.ru/index.html>.

В 1996 г. по инициативе Л.И. Цедилина на базе Института международных экономических и политических исследований РАН было организовано издание специального российско-германского журнала по экономической теории и практике. Каждый номер был тематическим и содержал подборку статей российских и немецких экономистов по какой-либо актуальной проблеме современности. К сожалению, в 2002 г. на 16-м номере издание журнала прекратилось. Однако в настоящее время в Рунете продолжает функционировать сервер этого журнала, где можно ознакомиться с не-

* Библиография подготовлена Ю.В. Латовым.

которыми его материалами. Ниже указаны опубликованные в «Политэкономе» материалы, наиболее тесно связанные с проблематикой социального рыночного хозяйства.

№ 1. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА? (В номере: Ясаи Э. Социально-рыночное хозяйство: социализм в иной форме?; Мюллер-Армак А. Предложения по осуществлению социальной рыночной экономики; Чепуренко А. Рыночная трансформация в странах Восточной Европы: модели и опыт; Гутник В. Апология последовательного либерализма; и др.);

№ 2. ИНФЛЯЦИЯ И ДЕНЕЖНЫЙ ПОРЯДОК. (В номере: Гутник В., Лацис О. Вальтер Ойкен в России; Бутенко А. Что такое социально ориентированная рыночная экономика, и почему о ней так много спорят?; Шлехт О. История и возможности социальной рыночной экономики; и др.);

№ 7. ГОСУДАРСТВО, МОНОПОЛИИ, КОНКУРЕНЦИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. (В номере: Гутник В. Шаг к пониманию теории социального рыночного хозяйства; и др.);

№ 13. ЧЕЛОВЕК В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ. (В номере: Нелль-Бройнинг О. Насколько социальной является «социальная рыночная экономика»?; Окенфельз В. Социальное католическое учение и экономический порядок; Симановский С. Особенности социальной поддержки в Германии; и др.);

№ 14. ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА. (В номере: Х. Гроссекеттлер. Социальная рыночная экономика Германии: стратегия правового закрепления и стабилизация экономического порядка; и др.)

Переводы классических трудов

Ойкен В. Основы национальной экономии [1939] / Пер. с нем. Общ. ред. В.С. Автономова и др. М.: Экономика, 1996.

Ойкен В. Основные принципы экономической политики [1952] / Пер. с нем. Общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата. М.: Прогресс, 1995.

(См. в Рунете: http://www.politekonom.ru/ec_pol/antology/klassiki/1021938275.html.)

Эрхард Л. Благополучие для всех [1956] / Пер. с нем. / Авт. предисл. Б.Б. Багаряцкий, В.Г. Гребенников. М.: Начала-Пресс, 1991. [Репринт с издания: Посев, 1960.]

(См. в Рунете: <http://orel.rsl.ru/nettext/foreign/erhard/erhsod.htm>; <http://ek-lit.agava.ru/erhsod.htm>).

Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи / Пер. с нем. М.: Руссико: Ордынка, 1993. [1988]

Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий нелиберализм. Под ред. В.П. Гутника. М., 2002. (Сер. «Экономическое наследие»).

Переводы трудов современных немецких экономистов

Анализ экономических систем. Основные понятия теории хозяй-

ственного порядка и политической экономии. Под ред. А. Шюллера и Х.-Г. Крюссельберга. М.: Экономика, 2006. [2004]

Бёвентер Э. фон, Хампе Й. Основные знания по рыночной экономике в восьми лекциях. Пер. В.П. Гутника и А.Ю. Чепуренко. М.: Республика, 1993. [1991] (См.: Лекция первая. Рыночный экономический порядок: основы учения о народном хозяйстве. С. 3-20; Лекция четвертая. Задачи государства в рыночном хозяйстве: обоснование экономической политики. С. 74-98.)

Зиберт Х. Эффект кобры. Как можно избежать заблуждений в экономической политике. СПб.: Университет экономики и финансов, 2003

Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / Общая ред. К. Херрманн-Пиллата; Пер. с нем. под ред. Л. И. Цедилина. М.: Фонд “За экономическую грамотность”, 1997.

Ламперт Х. Социальная рыночная экономика: Германский путь / Пер. с нем. Под ред. Г. П. Барковой. М.: Дело, 1993. [1990]

Социальное рыночное хозяйство: Теория и этика экономического порядка в России и Германии. Под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 1999. (Сер. «Этическая экономия».)

Цель — рыночное хозяйство. Хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку / Пер. с нем. Под ред. В.П. Гутника и А.Ю. Чепуренко. М.: ВладДар, 1995.

Хайнц Л. Социальная рыночная экономика, германский путь. М.: «Дело ЛТД», 1994.

Хоман К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая и предпринимательская этика // Политическая и экономическая этика / Пер. с нем. С. Курбатовой, К. Костюка. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. (См.: Первая часть: Экономическая этика как этика порядка. С. 187-272.)

Беттигер Г. Истоки немецкого «экономического чуда» 1950-х // Восток. Выпуск № 7\8 (31\32). Июль-август 2005 г. (http://www.situation.ru/app/j_art_946.htm)

Ванберг В. «Теория порядка» и конституционная экономика // Вопросы экономики. 1995. № 12.

Гутманн Г. Мораль и экономика – этические основы социальной рыночной экономики // (<http://www.academy-go.ru/Site/EconomEtica/Publ/Sobor.shtml>).

Зинн Х.-В. Германия нуждается в реформах // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1.

Мюллер А. Ликвидация социального рыночного хозяйства (2005) (<http://www.rus-crisis.ru/index.php?name=News&file=article&sid=1212>)

Ритер Х., Шмольц М. Идеи немецкого ордолиберализма в период 1938-1945 годов: определение пути к новому экономическому порядку // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. 2004. Вып. 1.

Штудниц Э. Германия: методы структурных перестроек восточных земель // Проблемы теории и практики управления. 2000. №4.

Труды советских и российских экономистов

Андреева Е.Л., Стровский Л.Е. Россия и Германия. Уроки трансформации социально ориентированной экономики. М.: ЮНИТИ, 2007.

Антропов В.В. Социальная рыночная экономика: путь Германии. М.: Экономика, 2003.

Гутник В.П. Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: Экономика, 2002.

Зарицкий Б.Е. Людвиг Эрхард: секреты “экономического чуда”. М.: БЕК, 1997.

Зарицкий Б.Е. Экономика Германии: путь по лестнице, ведущей вниз. М.: Юристъ, 2003.

Котов В. Н. Западногерманский неолиберализм. Критика теории и экономической политики. М.: Ин-т международных отношений, 1961.

Погорлецкий А.И. Экономика и экономическая политика Германии в XX веке. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2001.

Германия: в ожидании реформ [Обсуждение с участием В.Б. Белова, В.В. Ивантера, Р.С. Гринберга, С.П. Капицы и др.] // Вестник Европы. 2005. № 15 (<http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/g8.html>).

Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей. Отв. ред. В.П. Гутник. М.: Наука, 2002. Гл. 2. Германская модель: социальное рыночное хозяйство.

Механизм регулирования экономики в Германии: как он функционирует и чему учит. Под ред. В. П. Гутника. М.: ВладДар, 1995.

Системные изменения в российском обществе: новые взгляды. Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2005. Раздел 5 (http://www.smb.ru/analytics.html?id=siRo_nv).

Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика. Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 2001 (http://www.politekonom.ru/ec_pol/problems/nauka/1021417118.html)

Афанасьев С.В. Немецкий неолиберализм: истоки, теория и практика // Вестник ФА. 2003. № 4(28) ([http://vestnik.fa.ru/4\(28\)2003/8.html](http://vestnik.fa.ru/4(28)2003/8.html)).

Болдырев Р.Ю. Десять особенных лет. От войны и разрухи к современной Германии. 2001 (<http://www.rusgermhist.ru/RusRaboti/RusBoldirew/ten-special-years.pdf>)

Болдырев Р.Ю. Час ноль. Ситуация в послевоенной Германии. 2004 (<http://www.rusgermhist.ru/RusRaboti/RusBoldirew/zero-hour.pdf>)

Глазунов М.Н. «Хозяйственные порядки» В. Ойкена и советская хозяйственная проблематика (набросок критики ордолиберализма) // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 1999. № 3 (<http://forum.barrel.ru/page=708>).

Гутник В.П. Организованный рынок в ФРГ: опыт концептуальной разработки и практического воплощения. Проблемы перехода к рыночной системе хозяйства в СССР и мировой опыт. М., 1991.

Гутник В.П. и др. Становление системы социального рыночного хозяйства в Западной Германии после второй мировой войны // Общество и экономика. 1994. № 1.

Гутник В.П. Концепция хозяйственного порядка: отживший методологический принцип или действенный инструмент изучения экономических систем? // К вопросу теории и практики экономики переходного периода. Материалы заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 3-5 июня 1996г. под председательством академика В.А. Мартынова. М., 1996. (<http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=3042&page=7>)

Гутник В.П. Многотомник – ежегодник «ORDO» // Современная Европа. 2001. № 4. (<http://www.ieras.ru/journal4.2001/14.htm>).

Гутник В.П. Германия // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №8. (<http://www.auditorium.ru/books/3497/>)

Малинкин А. Рейнский капитализм // Отечественные записки. 2003. № 3. (http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_15.html)

Мезенцев С.Д. Социальное рыночное хозяйство: философия свободы и порядка // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 2005. № 1(37) (<http://forum.barrel.ru/page=392>)

Морозова М.Р. Этапы становления социального государства ФРГ // Вопросы истории. 2007. № 4.

Морозова М.Р. Дискуссии о кризисе социального государства ФРГ // Федерализм. 2007. № 1.

Невский С.И. Социальная рыночная экономика Германии: концепция и развитие. Исторический анализ экономико-политического развития ФРГ в период с 1948 по 1961 гг. / История и историография экономики: Сборник статей / Под ред. Ю.Ф. Воробьева и В.В. Дроздова. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2003.

Невский С.И. Экономика послевоенной Западной Германии: на пути к «экономическому чуду»: Учебное пособие. М.: ТЕИС, 2006.

Невский С.И. Концептуальные основы послевоенного экономического строя ФРГ // Экономический журнал. 2006. № 12
(<http://www.rusgermhist.ru/RusRaboti/RusNevskiy/Nevskiy-01-01.pdf>).

Невский С.И. Людвиг Эрхард: ученый, экономист, политик. Биографический очерк // Историко-экономический альманах. Выпуск 2. Под ред. Д.Н. Платонова. М., 2007.

Остроух И.Г. Государство благосостояния и институт семьи в Германии // Демоскоп. № 109-110. 2003.

Павлов Н. Германия: QUO VADIS? // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 3.

Погорлецкий А. И. Экономика и экономическая политика Германии. СПб.: Изд. Михайлова, 2001.

Погорлецкий А.И. Современное состояние экономики ФРГ и поучительные уроки немецкой модели развития
(http://www.politekonom.ru/ec_pol/problems/investizii/1030281593.html).

Сорвилов Б. Пять десятилетий социальному рыночному хозяйству Германии: поучительные уроки прошлого и современность // Белорусский журнал. 1999. № 2.
(<http://beljournal.by.ru/1999/2/17.shtml>)

Твердохлеб И.Б. Людвиг Эрхард: Экономист и политик: Научно-аналитический обзор // Социальные и гуманитарные науки: РЖ: Отеч. и зарубеж. лит. Сер. 5, История. 1997. № 4.

Чепуренко А.Ю. Социальное рыночное хозяйство: взгляд из России
(http://www.politekonom.ru/ec_pol/problems/nauka/1021416482.html).

Цедилин Л.И. Расширение ЕС и перспективы восточногерманских земель // Вопросы экономики. 2005. №4.

Шевченко И. Теория и практика построения социального рыночного хозяйства в Германии и России // **Послевоенная история Германии. Российско-немецкий опыт и перспективы. Материалы конференции российских и немецких историков. Москва. 28-30 октября 2005.** Под редакцией Б.Бонвеча и А.Ю.Ватлина. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007.

Популярные публикации

Браун Н. Отец экономического чуда в обществе контролируемой рациональности и рационального самоконтроля // Зеркало недели. 2002. № 2 (377). (<http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/377/33492>)

Ежов В. Людвиг Эрхард и «немецкое чудо» // Обозреватель. № 3 (122)
(http://www.rau.su/observer/N03_00/03_18.HTM)

Травин Д. Людвиг Эрхард. Drang nach Westen // <http://www.idelo.ru/255/28.html>.

Уроки немецкого чуда Путь разрушенной Германии к богатству. И обратно? (2006)
(<http://liberty-belarus.info/content/view/359/54/>)

Фитц А. Бюргер и «немецкое чудо»: Обыватель преобразил Германию // Новая газета. 24 января 2000 г. (<http://2000.novayagazeta.ru/nomer/2000/03n/n03n-s17.shtml>)

**Немецкие научные организации,
пропагандирующие либеральный подход к экономике**

Фонд имени Конрада Аденауэра (Московское представительство):

<http://www.kas.de/proj/home/home/49/6/index.html>

Как сказано в информации на сервере, «приоритет в работе Московского представительства Фонда им. Конрада Аденауэра отдается темам, связанным с вопросами поддержки и развития правового государства, федерализма и местного самоуправления, *социальной рыночной экономики*, политических партий и парламентаризма, диалога ценности, а также внешнеполитического партнерства и партнерства в области безопасности».

Фонд им. Людвига Эрхарда (Бонн):

<http://www.ludwig-erhard-stiftung.de/>

На сервере фонда размещены материалы на немецком языке – биография Л. Эрхарда, обширная библиография по проблемам социального рыночного хозяйства и другие материалы.

Walter Eucken Institut

ORDO → Constitutio in Libertate

Институт Вальтера Ойкена (Walter Eucken Institut):

<http://walter-eucken-institut.de/>

На сервере института находится обширная коллекция работ современных немецких экономистов-либералов – В. Ванберга и др. ([http://walter-eucken-](http://walter-eucken-institut.de/publikationen/diskussionspapiere.htm)

[institut.de/publikationen/diskussionspapiere.htm](http://walter-eucken-institut.de/publikationen/diskussionspapiere.htm)).

**WZB Wissenschaftszentrum Berlin
für Sozialforschung**

**Берлинский Экономический
Центр социальных исследований:**

<http://www.wz-berlin.de/>

«[Publikationen](#)» («[Discussion papers](#)») находится обширная коллекция текстов немецких экономистов на немецком и английском языках.

Aktionsgemeinschaft Soziale Marktwirtschaft

**Aktionsgemeinschaft soziale
Marktwirtschaft:**

<http://www.asm-ev.de>

INITIATIVE >
Neue Soziale Marktwirtschaft

**Chancen für Alle - Initiative Neue Soziale
Marktwirtschaft:**

<http://www.chancenfueralle.de>

STIFTUNG
Marktwirtschaft
Frankfurter Institut

**Frankfurter Institut - Stiftung
Marktwirtschaft:**

<http://www.frankfurter-institut.de>

РАЗДЕЛ I.
КАК ФОРМИРОВАЛАСЬ
ПАРАДИГМА
СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО
ХОЗЯЙСТВА

В истории формирования немецкого ордо-либерализма следует выделить две фазы. На начальном этапе, в 1936-1945 гг., при фашистском режиме, немецкие ордо-либералы могли только обсуждать свои идеи, причем заведомо в узком кругу и без широкого общественного резонанса. Лишь на следующем этапе, после крушения Третьего рейха, либеральные экономисты вышли из «интеллектуального подполья» и начали активную пропаганду своих взглядов как практической парадигмы реформирования экономики послевоенной Германии. Именно теория ордо-либерализма стала одним из главных (хотя и не единственным) источников реформ Людвига Эрхарда – вероятно, самых блестящих национальных экономических реформ за всю историю рыночного хозяйства. Время возрождения Германии стало «звездным часом» немецкого либерализма.

В «Ордо-манифесте» 1936 г. по понятным причинам его авторы не могли открыто полемизировать с национал-социалистической идеологией. Может даже показаться, что направленная в адрес марксизма критика ордо-либералами фатализма и историцизма во многом схожа с волюнтаристской идеологией немецкого фашизма. Действительно, немецкие ордо-либералы разделяют убежденность в необходимости сознательного институционального конструирования, вместо того чтобы покорно следовать якобы неизбежным спонтанным закономерностям. Различие кроется в том, что основоположники ордо-либерализма считали «ключевым конструктивным принципом сегодняшней экономики Германии» свободную конкуренцию, а не волю какой-либо социальной группы.

Трое авторов «Ордо-манифеста» 1936 г. из Фрайбургского университета (из-за чего ранних ордо-либералов часто называют Фрайбургской школой) в дальнейшем сыграли разную роль в развитии немецкого либерализма. Юрист Ганс Гроссман-Дорт в начале 1940-х гг. фактически поддержал нацистский режим, в результате чего Ойкен порвал с ним отношения; он умер в конце Второй мировой войны, не дожив до «звездного часа» ордо-либералов. Экономист Вальтер Ойкен стал наиболее известным: хотя он ушел из жизни, когда реформы Эрхарда только начинали давать свои плоды, однако почти сразу после смерти Ойкен получил статус корифея немецкой экономической науки. И в наши дни в Германии популярность его концепции «конкурентного хозяйственного порядка» очень велика, не уступая популярности идеям, например, Фридриха фон Хайека. Что касается юриста Франца Бёма, то он прожил наиболее долгую жизнь, успев увидеть и триумф немецкого либерализма в 1950-1960-е гг., и его последующий кризис, связанный с социал-демократической трансформацией концепции социального рыночного хозяйства. В отличие от теоретика Ойкена, Бём лично практически участвовал в конструировании основ германской экономической модели (он, в частности, активно помогал Л. Эрхарду внедрять антимонополистическое законодательство).

Кроме «Ордо-манифеста» в книгу включены также статьи А. Мюллера-Армака и В. Ойкена, которые попытались в конце 1940-х - начале 1950-х гг. на практике применить общетеоретические рекомендации ордо-либералов. Для публикации специально выбраны их работы позднего периода, 1960-1970-х гг., когда реформы уже «состоялись» и над реформаторами не довлела «злоба дня».

Для современной России концепция немецкого ордо-либерализма имеет особое значение. Как и современные российские политики, немецкие либералы 1930-1950-х гг. выступали сторонниками сильного государства, которое есть необходимый гарант эффективной рыночной экономики. Однако сильное правовое государство, по их мнению, – это не такое государство, которое раздаёт налево и направо многочисленные льготы, не государство, манипулирующее экономикой ради политических целей, а то, которое использует политическую власть ради создания условий для честной и эффективной конкурентной борьбы.

Раздел 1.1. Рождение ордо-либерализма

Бём Ф., Ойкен В., Гроссман-Дёрт Г.

Наша задача (Ордо-манифест)¹

В наши дни широкое распространение получило недовольство тем, что право и политическая экономия отстают от жизни, что они не вносят никакого созидательного вклада, и что они перестали являться интеллектуальной силой. Не придавать значения этой критике – значит совершенно не осознавать всей серьёзности положения, учитывая, что в самом деле в Германии эти две науки более не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на фундаментальные решения политико-правового и экономического характера. Любой из тех, кто утверждает, что такая ситуация имела место всегда, ошибается. Когда-то право и политическая экономия были созидательными силами, оказывавшими значительное влияние – к примеру, на преобразование правовой и экономической системы, имевшее место во всех цивилизованных странах с конца восемнадцатого века. Лишь в течение XIX и начала XX века они постепенно утратили свои ведущие позиции.

Упадок в экономической науке

Сегодня не остаётся никаких сомнений в том, что последствия такого "свержения с престола" этих двух наук оказались крайне пагубны. Учёные, будучи в силу своей профессии и положения независимы от экономических интересов, являются единственными беспристрастными, независимыми советниками, способными обнаружить истинное проникновение в сложные взаимосвязи в пределах экономической деятельности, и таким образом заодно выявить основу для вынесения экономических суждений. Кроме того, лишь они способны, основываясь на силе своего сокровенного знания этих взаимосвязей – знания, постоянно расширяющегося и совершенствующегося в результате непрерывного внедрения новых идей – выносить беспристрастные суждения, независимые от их собственных непосредственных экономических интересов, касающиеся экономических мер, уместных в конкретных обстоятельствах.

Если учёные отказываются выполнять эту функцию, или их лишают этого права, то её берут на себя другие, менее сведущие, "советники" – заинтересованные лица. Они, несомненно, являются специалистами в технических вопросах в своей профессиональной сфере, но равным образом, конечно, они не способны, да и не могут быть способны, оценить экономические взаимосвязи во всей их полноте. Более того, они не в состоянии отделить себя от своих собственных экономических интересов, в результате чего, как правило, благополучие их собственной профессиональной области неизбежно начинают путать с благополучием всей национальной экономики. Если государство следует советам этих заинтересованных лиц, политико-экономические и правовые решения, которые основываются на точном знании главных организационных принципов экономической деятельности, вписываются в эту общую систему и приобретают благодаря ей значимость, заменяются решениями, которые противоречат систематическому анализу экономики и ввергают упорядоченную регулирующую систему в состояние хаоса. "То, что сегодня переживает весь мир", писал Альб-

¹ Böhm F., Eucken W., Großmann-Doerth H. Unsere Aufgabe // Ordnung der Wirtschaft. Heft 1: Die Ordnung der Wirtschaft als geschichtliche Aufgabe und rechtsschöpferische Leistung. Stuttgart and Berlin: W. Kohlhammer, 1937. Когда в 1989 г. был впервые сделан перевод этой статьи на английский язык, он получил известность как "The Ordo Manifesto of 1936". Перевод А.А. Курышевой. Примечания к тексту, за исключением специально оговоренных, выполнены по английскому изданию 1989 г.

рект Форстман в 1935 году, "попросту является не более чем фактически очевидным доказательством несостоятельности метода тех, кто претендовал на разрешение наиболее серьёзных политико-экономических проблем с ограниченной точки зрения частно-экономической практики"² [1, p. 5].

Таким образом, авторы считают, что для представителей права и политической экономии наиболее насущная задача – работать сообща, прилагая все усилия к тому, чтобы обе дисциплины вновь заняли надлежащее место в жизни нации. И делать это необходимо не только ради науки, но, что более важно, в интересах экономической жизни германской нации.

Как, однако, возможно достижение этой глобальной цели? Что следует сделать для восстановления прежнего статуса этих двух наук? Истинный ответ уже содержится в самой последовательности вопросов. Научная программа не может заменить детальной работы над рассматриваемым объектом. Формулировка, содержащаяся в этих вводных словах, относится не столько к содержанию работы, сколько к интеллектуальной позиции, с которой необходимо решить задачу. Для ясности, вначале нужно осознать, почему право и политическая экономия утратили руководящее влияние в жизни германской нации.

На протяжении девятнадцатого века в Германии право и политическая экономия находились под влиянием интеллектуального движения, затронувшего всю научную и ненаучную мысль – историцизма. Хотя историцизм навлек на себя волны критики, он продолжает господствовать вплоть до сегодняшнего дня. Историцизм представляет собой нечто большее, чем просто научную точку зрения – он означает особую научную позицию. Романтизм и историческая школа разрушили веру в естественную систему и в области права, и в области политической экономии. В своих полностью оправданных стремлениях постичь реальность и саму жизнь они обречены были столкнуться с изменчивой природой всех человеческих институтов, концепций и представлений. Эволюционные идеи также проникли в эти науки. Нельзя оспаривать тот факт, что понимание права и политической экономии, основанное на их историческом развитии, значительно расширило научный кругозор. Несомненно, за это мы должны отдать должное таким людям, как Фридрих фон Савиньи, Фридрих Лист и др. Движение историцизма также подвергло обе науки смертельным опасностям, которые, однако, изначально ощущались лишь смутно, позже – сильнее, а сейчас являют собой серьёзную угрозу их статусу – более того, самому их существованию. Можно сказать, что они сбились с архимедовой точки, с позиции которой возможно осмысление реальности.

Фридрих фон Савиньи сказал: "Право обретает силу вместе с нацией, развивается вместе с ней и, в конце концов, начинает угасать, по мере того как нация утрачивает свою самобытность" [5, pp. 7, 9]. Следует содействовать развитию права "посредством скрытых внутренних сил, а не указами законодателей". Говоря это, Фридрих фон Савиньи отрицал потребность в профессиональных законодателях – как в современную ему эпоху, так и, коли на то пошло, в любую другую.

Такая вера в скрытые внутренние силы выглядела безобидной, но в действительности, как показали недавние события, оказалась чрезвычайно опасной. Она явилась той почвой, из которой выросли релятивизм и фатализм, которые были призваны разрушать политико-правовую позицию многих поколений германских юристов вплоть до настоящего времени.

Релятивизм и фатализм

Постепенно правовой историцизм утратил своё влияние. С его помощью можно было только проводить обзор исторических изменений сущности права и безо всяких трудностей

² Вначале автор был приверженцем национал-социализма, но сравнительно быстро поменял свои пристрастия. Эта книга в некоторой степени явилась своеобразным скрытым орудием нападения на национал-социализм, причём автор употреблял выражения, которые, по-видимому, славословили режим. По прошествии времени Форстман попал в концентрационный лагерь, но выжил и позже стал профессором экономики в Берлине.

в конечном счёте привёл к заключению, что идея права следовала за сущностью права. Таким образом, идея права также стала носить относительный характер и, в связи с этим, утратила свой прежний статус. Характер "скрытых внутренних сил", которые, по мнению Фридриха фон Савиньи, могли формировать правовую сферу, в ходе девятнадцатого века изменился коренным образом. Крупные группы, обладающие экономической властью, возникали в огромных масштабах, и эти властные группы формировали право абсолютно односторонним образом. Примером может служить то, каким образом такие властные группы устанавливали условия доставки и платежей, которые сводили на нет важные разделы действующего обязательственного права в крупных отраслях экономики. Не считая нескольких исключительных случаев, наука о праве и концепция правовой юрисдикции стали жертвами такого крайне пагубного развития. Это самодельное право, управлявшее экономическими отношениями, казалось бы (неизбежно), должно было явиться результатом исторического развития; и прежде, и сейчас оно практикуется опытными и квалифицированными специалистами по правовым аспектам бизнеса. Как могла правовая система, которая возвела историческое развитие в абсолют, более того, которая уже не признавала никаких основных стандартов – как могла такая система не распознать в этих недостатках именно то, чем они являлись? Столкнувшись с подобным релятивизмом, вся подлинная критика учёных с позиций права неизбежно превращалась в пустой звук.

Другой угрозой, жертвой которой пала историческая школа, а также школа социологии права, стал фатализм. В этой битве против защитников естественного права Фридрих фон Савиньи неоднократно утверждал, что позиция и воля юриста ограничиваются взглядами и жизненными условиями его народа и его эпохи. История показывает, что в этом отношении он был частично, хотя всё же лишь частично, прав. В те времена, когда юриспруденция переживала упадок, как, например, в Римской империи в период после правления Диоклетиана, юристам фактически не удавалось реализовывать какую-либо созидательную силу. Однако в те периоды, когда она была сильна, как в первые два столетия нашей эры, именно римские юристы формировали правовые теории и институты современной им эпохи, а также правосознание людей, оказывая посредством этого значительное влияние на их жизненные условия.

Правовому фатализму Фридриха фон Савиньи, тем не менее, продолжали следовать, в соответствии с духом того времени. В частности, экономические условия представляли перед юристами той эпохи как неотвратимые факты, к которым сам закон вынужден был приспособляться. Преобладала точка зрения, согласно которой "действующее частное право в любой данный момент времени, как и система частных взаимосвязей между гражданами, отражает во все времена дух господствующей социально-экономической ситуации" [2, р. 596]. Политико-правовая функция науки может лишь прояснить в каждом конкретном случае новую социально-экономическую ситуацию и составить рекомендации относительно того, как самому праву следует приспособляться к этой ситуации. Столкнувшись с такой фаталистической позицией, юрист может только адаптироваться к экономическим условиям. Он не ощущает в себе той силы, которая сама способна формировать их. Императорским судом, например, допускалось образование картелей как непреложный факт со времени вынесения показательного и судьбоносного решения от 4 февраля 1897 года. Не было даже предпринято никаких попыток разработки закона, контролирующего картелизацию посредством принципов, воплощённых в Коммерческом кодексе. В качестве альтернативы, нужно было задуматься о праве, регулирующем деятельность компаний, которое фактически разрешило экономически влиятельным группам игнорировать жёсткое конституционное право. Это пренебрежение в отношении законодательства о компаниях, неприятные последствия которого впоследствии пришлось испытать германскому народу, было единственным возможным исходом, поскольку согласно науке о праве и принципам её юрисдик-

ции считалось само собой разумеющимся, что реальное экономическое развитие должно приниматься как данность.

"Во все времена капитализм отыскивал пути и способы процветания, *de lege, praeter legem et contra legem*³". Этими словами Вернер Зомбарт выразил, как он так часто это делал, преобладающий настрой той эпохи. Он рассуждал как политэконом. Историческое мышление в Германии также проникло в политическую экономию и породило фаталистически-релятивистские взгляды у многих поколений учёных. Говоря более конкретно, в рамках исторической политической экономики существовала, да и сейчас существует, одна группа, на которую в большей степени повлиял фатализм, и другая группа, характеризующаяся как более релятивистская. Эти две группы, однако, частично совпадали друг с другом во многих отношениях.

Карл Маркс и фатализм

Вышеупомянутая группа черпала своё величайшее вдохновение у Карла Маркса, несмотря на то, что он уж точно не входил в число её основателей. Карл Маркс верил в закон развития современного общества, и в его представлении историцизм и натурализм смешались. В предисловии к "Капиталу" он утверждает: "Пусть даже общество уже открыло естественный закон, управляющий его собственным развитием, конечная цель этой работы – обнаружить экономический закон развития современного общества – оно не может ни перескочить, ни оставить в стороне естественные фазы своего развития. Оно может, однако, сократить и облегчить родовые муки" [3, pp. 7–8].

Цель заключалась в определении тенденций развития, неизбежных для капитализма, для того чтобы способствовать их успеху и посредством этого ускорить гибель капитализма – ни науке, ни политике не под силу достичь большего. Не один Карл Маркс продвигал такие фаталистические верования в развитие или упадок с целью добиться полной победы. Даже сегодня многие считают такую веру самой естественной основой своего мышления, вплоть до и включая "Tat-Kreis"⁴, который до 1933 оказывал такое сильное влияние на молодые поколения. Единственно признаваемая задача – раннее обнаружение признаков новых тенденций, цель которых – совершить прорыв, последующее ожидание будущего и подготовка почвы для этого будущего, пусть даже оно выглядит неутешительно. Такое фаталистическое представление об истории формирует позицию настороженного согласия, которая, тем не менее, зачастую включает смелые действия. Предвосхищение избранного судьбой пути, например, Освальд Шпенглер рассматривал как великую конечную цель западной культуры. Фатализм и скептицизм всегда очень близки. Такая фундаментальная позиция заставляет казаться бессмысленным или глупым противопоставлять себя безжалостному ходу событий или отстаивать какую-либо идею.

Мы являемся историками в достаточной мере для того, чтобы разглядеть в фатализме историцизма именно то, чем он действительно является: признак слабости в рядах убеждённой интеллигенции. Будучи не очень уверены в своём интеллекте, они не могут больше мобилизовать силы и взять на себя задачу влиять на ход событий; таким образом, они заняли позицию наблюдателя. В своих попытках оправдать такую роль они постоянно апеллируют к историческим описаниям и доктринам, которые совершенно нереалистичны. Прежде всего, им не удаётся оценить огромное разнообразие сил, формирующих историю. Поэтому не удивительно, что прогнозы, на которых фаталисты концентрируют все свои мысли и желания, почти всегда оказываются неверными. Абсолютно недопустимые упрощения схемы развития истории уже были сделаны Карлом Марксом, которому удалось лишь прийти к

³ В рамках закона, несмотря на закон и вне закона. – Прим. пер.

⁴ Группа интеллектуалов, выпускавших ежемесячное периодическое издание "Die Tat". Они были радикальными нацистами. Более подробно см. [4, pp. 65–66].

фаталистической доктрине развития, рассматривая технико-экономическое развитие как единственную детерминанту всего исторического прогресса. Итог всей социальной, политической и интеллектуальной жизни, таким образом, выступает в виде "надстройки". Соответственно, влияние Карла Маркса также распространилось далеко за пределы круга его ближайших учеников. Так, Вернер Зомбарт писал: "...сейчас мы должны осознать, что политические события в целом не определяют курс экономического развития, а развитие капитализма, в частности, почти совершенно независимо от великих политических революций последних столетий" [7, р. 4].

Конечно, это утверждение неверно с исторической точки зрения. Оно выявляет поразительное безразличие к влиянию политических недостатков. Например, во времена Наполеона I, барона фон Штейна⁵ и графа фон Бисмарка, вплоть до Первой Мировой войны и мирных договоров, которые завершились структурными изменениями в правительстве, политические события за рубежом и внутри страны решающим образом повлияли на курс экономического развития. Видение истории, носящее недоктринальный, действительно универсальный характер, однако, является ключевым для того, чтобы корректно оценивать взаимосвязь политических и экономических событий и уметь разглядеть, что они принимают различные формы в разных странах и в разные эпохи, в зависимости от степени влияния сил, которые действовали и продолжают действовать поныне и в сфере правительственной, и экономической. Историзм, склонный к произвольным упрощениям, не способен постичь такие вещи. Несомненно, присущий ему фатализм не может быть оправдан на основе исторического опыта. К несчастью, это подрывает способность науки служить жизненной силой. Как может интеллект влиять на ход событий, если он рассматривает их как неизбежные?

Влияние Густава фон Шмоллера

Что касается политической экономии, историцизм в Германии, как уже отмечалось, также стимулировал развитие другого, более сильного направления, которое ранее было кратко охарактеризовано как релятивистское. Во главе его приверженцев был Густав фон Шмоллер. И напрямую, и посредством своих учеников он оказывал продолжительное влияние на экономическую мысль основных значимых слоёв германского народа вплоть до сегодняшнего дня. Профессиональные интересы Густава фон Шмоллера лежали в сфере политической экономии и социальной политики. Он стремился превратить политическую экономию в нравственную науку. Он выступал, *inter alia*⁶, по поводу проблем трудовой сферы, реформы промышленного законодательства, жилищного вопроса и протекционистских тарифов. Он не верил в неотвратимость хода истории и в то, что никакое вмешательство не может быть успешным. Часто он был расположен к тому, чтобы призывать к государственному вмешательству. Тем не менее, он уж точно не соответствовал требованиям эпохи. Густав фон Шмоллер должен взять на себя значительную долю вины за то, что в Германии политическая экономия утратила свою прежнюю власть как действительно созидательное влияние. Теперь самое время спросить, как же это произошло.

Во-первых, когда в 1872 году в Эйзенахе Густав фон Шмоллер и его друзья разработали свои программы социальной политики в ответ на увеличивающуюся серьёзность проблем в трудовой сфере, это по-прежнему было главным результатом фундаментального конфликта с преимущественными условиями, гарантировавшими им власть и влияние. Предмет дис-

⁵ Барон фон Штейн (1757–1831) был министром Пруссии, проводившим комплексные реформы в Пруссии после её завоевания Наполеоном I в 1807 году.

⁶ Про между прочим. – Прим. пер.

куссии составила вся социальная система. Энтузиазм к постановке принципиальных вопросов, однако, вскоре пропал. К примеру, достаточно только прочесть речь Густава фон Шмоллера о реформировании промышленного кодекса в 1877 г., в которой он детально полемизирует по поводу свободной конкуренции. Его главный интерес состоял в том, чтобы избежать всякого решения, основанного на принципе; каждый вопрос должен был решаться на основе её достоинств. В то время фундаментальное мышление казалось ему доктринерским, и эта ошибка повлекла за собой серьёзный ущерб. Огромные различия в историческом развитии и исторических фактах произвели на него такое впечатление, что он, как реалист, стал верить в то, что ему следует избегать заключений общего характера. В каком бы то ни было смысле, в этом отношении он не был одинок, ни в современной ему эпохе, ни в наши дни. Почти повсюду общее направление мысли постепенно было вытеснено вопросами и размышлениями о конкретных специфических вопросах. В связи с этим Густав фон Шмоллер и его ученики были убеждены в том, что они заняли реалистическую позицию и подготовили почву для проведения реалистичной политики.

На самом деле, они уничтожили тот базис, основываясь на котором, специалисты-политэкономы могли в реалистичном ключе высказывать суждения по поводу главных вопросов реальной экономической политики. Даже распознавание сложных проблем стало слишком недостаточным. Характерной, например, является позиция, которую занял Густав фон Шмоллер и его школа по отношению к образованию монополий, которые нарастающими темпами начали возникать в германской экономической системе в последние десятилетия девятнадцатого века. Фундаментальный и в то же самое время практический вопрос относительно того, разрушается ли целостная экономическая система в результате формирования монополий, затрагивался лишь вкратце, но всерьёз не обсуждался. Будь это сделано, они бы осознали, что означает распространение частных властных групп в экономике. Могли быть предложены реальные политико-экономические меры, сама дискуссия могла бы перейти на новый уровень, и значительную часть серьёзного ущерба, который обнаружился впоследствии, можно было бы предвидеть. Тогда бы наука выполнила этот долг. Историческая школа, однако, смирилась, следуя своему подлинно релятивистскому приспособленчеству, с очевидным фактом существования монополий; решающий вопрос был отклонён, а проблемы рассматривались на поверхностном уровне. Неслучайно поэтому, что последние 50 лет в Германии были отмечены развитием монопольных организаций при недостатке плодотворных научных исследований этой тенденции.

Именно попытка постановки вопросов чётко отличает науку от повседневного мышления. Забывая, как следует задаваться фундаментальными вопросами, историческая школа, в сущности, утратила способность выходить за пределы повседневного опыта.

Во-вторых, в своих попытках постичь историческую реальность, в то же время ни на минуту не забывая о непрерывных изменениях, Густав фон Шмоллер не знал, как использовать аппарат абстрактного мышления, свойственный политической экономии. Он не видел, что до тех пор, пока этот аппарат используется, невозможно прийти к какому-либо истинному пониманию взаимозависимостей, присущих экономической системе. Ему принадлежат несколько общепризнанных, часто цитируемых высказываний, свидетельствующих о его отношении к теоретическим исследованиям, но важность имеют даже не подобные высказывания, а именно исследование само по себе. Пагубным оказалось то, что под его руководством германские политэкономы забыли о том, как применять теорию, как улучшать её и как осуществлять экономический анализ. По этой причине они также забыли, как следует понимать функционирование сложной экономической системы. Короче говоря, они потеряли связь с реальностью и допустили именно ту ошибку, которую они наиболее резко отрицали, ибо действительность – это не совокупность разрозненных фактов. Так появился тип германского экономиста, который преобладает до сих пор. Он стремится найти экономиче-

скую реальность, но не знает, как это сделать. Он уважает теоретические исследования, но не знает, что с ними следует делать. Он хочет оказывать помощь в формировании экономики, но не способен на это, потому что не понимает экономических взаимосвязей. Такое представление о политической экономии было обречено на провал, как только пришлось столкнуться с такими великими проблемами экономической жизни, как, например, инфляция в Германии, или проблема перераспределения.

Политическая экономия в интерпретации Густава фон Шмоллера не смогла разглядеть, что, в общем-то, релятивизм выбивал сам у себя почву из-под ног. Сознательно или бессознательно, этому способствовала широко распространенная вера в общий прогресс. Неслучайно, что Густав фон Шмоллер завершил свою величайшую работу, "Очерк общего учения о народном хозяйстве" [6, р. 774], торжественным заявлением о твёрдой вере в общий прогресс. "Человек совершил огромный материальный, интеллектуальный и моральный прогресс", утверждал он, показывая, насколько он, как дитя своего времени, недооценивает демонические страсти и эгоистические инстинкты человечества, которые должна принимать в расчёт любая экономическая политика. Периоды упадка, как он был убеждён, в будущем также просто бы носили преходящий характер. Он не осознавал опасностей хаоса. Конечный анализ был направлен на то, чтобы объяснить приспособленчество любого рода этой основополагающей верой в прогресс, согласно которой реальное развитие экономической системы и экономического процесса в итоге неминуемо приведёт к чему-то лучшему.

Таким образом, в Германии в обеих науках, юриспруденции и политической экономии, по сей день разыгрывается сходная драма. По мере того, как историцизм достигает всё большего успеха, они постепенно сдают позиции. Идея закона и идея истины превращаются в относительные концепции, с готовностью приспособляясь к изменяющимся фактам и мнениям. Таким образом, каждая из них прекращает быть интеллектуальной и духовной силой. Они удаляются на периферию и, таким образом, группы, обладающие экономической властью, приобретают возможность преследовать свои интересы со всё возрастающим успехом. Научные взгляды имеют обыкновение постепенно проникать, посредством университетов, в более широкие круги судей, чиновников и тех, кто теперь начинал попадать под влияние этой приспособленческой, нефундаментальной позиции учёных. Обе науки поддерживали статус уверенности в своих силах и эффективности лишь постольку, поскольку они оказывали сопротивление историцизму. Тем более резонно сделать на этом акцент, что критика, которой подверглись обе науки в Германии за последнее время, частично имеет своим источником истористский образ мышления и в силу этого ничтожна.

Наша программа

Можно определённо сказать, что стоящая перед нами задача требует критического анализа. Следует только обратить нашу критику в позитивную силу, для того чтобы чётко обозначить направление работы, если мы хотим вернуть правовую и экономическую науку на их надлежащие места.

Во-первых, оспариваем убеждение, что рациональное мышление и творческая деятельность являются диаметрально противоположными категориями, что мысль препятствует энергии, а следовательно, и успеху деятельности. Популярность этой идеи постоянно возрастала с тех пор, как Фридрих Ницше разработал своё учение о сверхчеловеке и его первобытных созидательных инстинктах. Фридрих Ницше желает человеку, действующему геройски, пребывать «в вечном невежестве и беспринципности». Закрывая глаза на рациональное обдумывание решений, он должен отдаться демону своей страсти.

Такое противопоставление в корне ошибочно. Оно не имеет исторических оснований. Оно неизбежно приведёт к пагубным последствиям. Фридрих Великий отверг бы как совершенно абсурдную идею о том, что государственный чиновник или военачальник не мо-

жет иметь ясное представление о происходящем. На самом деле, он беспокоился всякий раз, когда не мог достаточно легко ухватить суть происходящего и различить причинные связи. Все великие личности политической и военной мировой истории в этом похожи. Они стали великими именно потому, что их иррациональная сила воли и мощь ума сообща разрешали трудности, казавшиеся непреодолимыми. Только внутренне слабый человек видит в разуме угрозу, становится неуверенным и теряет из-за этого внутреннюю целостность и, из страха перед трезвым миром данных аргументов и фактов, безрассудно бросается в опьяняющую иррациональность, в лихорадочный экстаз. Сильный человек, однако, ощущает подъём сил всякий раз, когда он способен применить свой разум к тому, чтобы пролить свет на невежество действующего субъекта и осуществить свои полномочия. Используя в качестве отправной точки это убеждение, основанное на историческом опыте, мы хотим предоставить научное обоснование, как отражено в юриспруденции и политической экономии, с целью построения и преобразования экономической системы.

Во-вторых, мы категорически против историцизма, который, как уже подробно описывалось, со своей релятивистской и неопределённой позицией не удовлетворяет нашему фундаментальному принципу. Он заключается в рассмотрении отдельных экономических проблем как составляющих огромного целого. Поскольку все отрасли экономики тесно взаимосвязаны, этот фундаментальный подход – единственный, который соответствует предмету исследования. Трактовка всех практических вопросов политико-правового и политэкономического характера должна соответствовать идее экономической конституции. Именно так преодолеваются присущая релятивизму нестабильность и фаталистское толкование фактов.

В-третьих, радикальное неприятие историцизма, которое не подлежит обсуждению, в любом виде и в любой форме, не означает, что мы игнорируем исторические факты. Именно подходя к истории с фундаментальными вопросами, мы сможем лучше её понять, глубже проникнуть в неё и узнать больше того, что доступно историцизму. Нашей отправной точкой должен стать исторический опыт последних десятилетий и столетий. "История не будет иметь ничего общего с теми господами, которые не имеют ничего общего с историей".

Мы должны продвигаться вперёд сквозь туман непостижимых идеологических концепций к тем составным фактам и условиям, относящимся к исследуемому предмету. Идеология экономических проповедников и догмы, которые попирают факты, нагромождения находчивых идей, которые бросают вызов рациональному контролю, являются столь же бесполезными, как и идеология заинтересованных сторон, которые они нечасто затрагивают. Все концептуальные умозрительные построения, которые сегодня играют более чем когда-либо важную роль в области права и политической экономии, несут с собой пагубные последствия, завлекая нас в область доктринёрства и нереалистичности. Нужно изучать факты и неправовые или экономические концепции. Проблемы, которые необходимо решить, носят практический характер. Страх перед действительностью, который осмеивал граф фон Бисмарк, нужно преодолевать гораздо в большей степени в нашей области, нежели в какой-то другой. Проблемы экономической системы могут быть осмыслены и решены, если реализм совместить с фундаментальным мышлением, что хоть и трудно, однако осуществимо.

В-четвёртых, под экономической конституцией должно пониматься общее политическое решение относительно того, как следует организовывать экономическую сферу страны. Приверженность исключительно этой идее даёт инструменты формирования действительно надёжных основополагающих правил для истолкования многих аспектов общественного или частного права. Это касается не только основных законов, но и, в значительной степени, специальных законов, связанных с экономическими проблемами. До настоящего времени, например, Закон о банкротстве в основном трактовался с позиций процессуального права. Однако такая точка зрения, несомненно, является односторонней и, разумеется, не отра-

жает дух закона в полной мере. Наоборот, Закон о банкротстве совершенно необходимо рассматривать как часть, действительно очень важную часть, экономической конституции, определяющую, когда и как устраняются предприятия из преимущественно бартерной экономики. Лишь при осознании конструктивных принципов этой экономики становится возможным осмыслить Закон о банкротстве, условия и исполнение которого, в свою очередь, крайне важны для функционирования всего экономической конституции и регулирования производственной деятельности. То же самое необходимо сделать, *mutatis mutandis*⁷, в области обязательственного права, совокупности правовых норм, относящихся к недвижимости, семейного права, трудового права, административного права и во всех остальных разделах права. Точно так же в развитии дальнейшего законодательства, должна быть ясно осознана основополагающая идея экономической конституции.

Проблема осмысления правовых инструментов и приведения их в соответствие с экономической конституцией, однако, может быть решена, только если юрист воспользуется результатами экономических исследований. Если, например, практикующему юристу или учёному-правоведу приходится иметь дело с проблемой нечестной конкуренции, то, конечно, для него будет недостаточно изучить моральные представления о коммерческом деле и, исходя из "ощущения правоты всех честных и добропорядочных людей" признать одну сторону правой по закону, а другую – вне закона. Напротив, в данном случае категорически необходимо тщательно продумать проблему в соответствии с положениями экономической конституции, поскольку свободная конкуренция является ключевым конструктивным принципом сегодняшней экономики Германии. Нельзя допустить, чтобы под ложным предлогом якобы недобросовестных приёмов свободная конкуренция оказалась подавлена. С другой стороны, нельзя также допустить, чтобы она действительно переросла в недобросовестную конкуренцию. Где проходит грань между недобросовестной и допустимой конкуренцией, является ли конкуренция свободной или нет, ограничена ли она, эффективна или препятствует развитию, противоречит ли снижение цен принципам системы – все эти вопросы можно решить только посредством исследования экономистами различных состояний рынка. Сотрудничество двух наук, которое в этом отношении по-прежнему оставляет желать много лучшего, является совершенно необходимым.

Протесты в отношении специализации отдельных наук нивелированы в науках прошлого. Всюду действуют мощные силы, которые преодолевают эту проблему специализации. В самом деле, именно работа над самими проблемами и небесплезные методологические разработки вновь связывают отдельные науки уже на новом уровне. Сегодня физика, химия, минералогия, физиология и другие естественные науки более не стоят особняком. Напротив, физиологи теперь вынуждены использовать методы и результаты химической науки, а минералоги и химики – физической. В широкой области гуманитарных наук также повсеместно происходит процесс взаимодействия частей отдельных наук. Разделение гуманитарных наук на политические, экономические, интеллектуальные, духовные и историю искусства показало свою несостоятельность. Чем глубже историк "копает" историческими методами, тем в большей степени он вынужден усвоить универсальный подход к истории. Правовая и экономическая науки также вовлечены, в различных аспектах, в такой процесс взаимодействия. Проблемы, которые рассматриваются в работах нашего цикла, требуют применения методов рассуждения и исследования обеих наук, но не так, чтобы мы допустили "слияния их границ", выражаясь словами Эммануила Канта. Эммануил Кант был совершенно прав, полагая, что это породит "не развитие, а искажение Наук". Каждая из них должна сохранить своё лицо, если требуется чего-то достичь. Но всякий раз, когда предмет

⁷ Внеся необходимые изменения. – Прим. пер.

исследования требует использования обеих наук, следует это осуществить. Мы надеемся, что, поступая так, мы следуем голосу истинной науки.

Литература

1. Forstmann A. Der Kampf um den Internationalen Handel. Berlin: Haude & Spenersche Buchhandlung, 1935.
2. Geiler K. Die wirtschaftsrechtliche Methode im Gesellschaftsrecht // in Karl Predari, Franz Schlegelberger and Martin Wolff (eds.). Beitrage zur Erlauterung des Deutschen Rechts. New series 5. Berlin: Franz Vahlen, 1927.
3. Marx K. Das Kapital. Vol. 1. Preface to the first edition of 1867. Reprinted Berlin: Dietz Verlag, 1951.
4. Ropke W. The German Question. London: Allen & Unwin, 1946.
5. Savigny F.C., von. Vom Beruf unserer Zeit fur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. 1st edn, 1814. Reprint of the third edition of 1840. Freiburg im Breisgau: J. C. B. Mohr [Paul Siebeck], 1892.
6. Schmoller G. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Part II. 2nd edn. Munich and Leipzig: Duncker & Humblot, 1923.
7. Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Vol. 2. 2nd edn. Munich and Leipzig: Duncker & Humblot, 1917.

Раздел 1.2. Основные принципы социального рыночного хозяйства

Эрхард Л.

Мышление порядка в рыночной экономике¹

Представления о рыночном хозяйстве, согласно которым оно просто равнозначно либеральному укладу экономики или тем более жизни, не являются абсолютно верными. Либерализм более резко высветил характер рыночного хозяйства как высокоразвитой формы анонимного обмена товарами и услугами. Но когда говоришь о рыночной экономике, то сегодня, к сожалению, стало необходимо более точно указывать, какое именно рыночное хозяйство имеется в виду. Как либерализм претерпел множество трансформаций, искажений и дегенерации на протяжении более чем 200 лет со времен Адама Смита, так и рыночной экономике грозит в будущем, чего следует опасаться, та же судьба. Тем не менее, можно исходить из того, что общественное сознание воспринимает рыночную экономику как либеральный принцип порядка, и это верно постольку, поскольку раскрепощенность человека едва ли совместима с социалистическими или коллективистскими моделями мышления. Рыночная экономика начинается лишь там, где отношения между производителями, торговцами и потребителями не привязаны больше к личностям, а носят преимущественно анонимный характер. Этот процесс относится к средним векам, когда в обстоятельствах, характеризовавшихся тем, что для конкретных заказчиков производство еще имело немалое значение, а потребление определялось сословной структурой, существовал контроль над устроениями общества. Государственный строй считался ниспосланным от Господа, поэтому власти, по меньшей мере косвенно, могли жестко контролировать жизнь людей.

От этих средневековых форм жизни с их сильными иерархическими связями и представлениями о порядке люди перешли к эре меркантилизма, который с его жесткой доктриной также обеспечивал ограниченный простор для индивидуального развития. Сословная система была заменена иной, которая основывалась на более мощном государственном и национальном сознании, что привело к укреплению народнохозяйственных сил; новая система впервые превратила государственную власть в фактор экономического порядка – через догмы, на которых здесь нет необходимости останавливаться особо.

Если считать, что справедливую оценку можно дать, лишь придерживаясь исторического подхода, то надо признать, что воспоминания о том времени, которое мы, как представляется, преодолели, еще живы и находят свое выражение в утрированном национально-государственном мышлении. Уроки того времени, равно как и современный опыт, учат нас, что плодотворное международное сотрудничество основывается преимущественно на обеспечении стабильного внутреннего порядка.

Подлинный прорыв к рыночному хозяйству в нашем сегодняшнем его понимании начинается с формирования либерализма – как свободного, гражданского толкования экономики общества которое ввело совершенно новые понятия. На место всемогущего государства пришли гражданские права, на место командной власти верхов – свободное решение граждан. Учения Адама Смита, Давида Рикардо и Жана Батиста Сея положили начало духовной революции, которая в форме либерализма не только двигала мир, но и полностью преобразила его. Начало новому времени положило нечто большее, чем просто реакция на господствующее государственно-экономическое мышление. Примечательно, что представители ранних свободных экономических взглядов говорили о рынке, но мало о рыночном

¹ Данная статья написана Л. Эрхардом в 1971 г., к 90-летию Людвиг фон Мизеса. Перевод публикуется по изданию: Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993. С. 574-586.

хозяйстве в собственном смысле. Это казалось, не было необходимым: тот, кто мыслил категориями раскрепощенности либерального порядка, мог относиться к рыночному хозяйству только положительно, не выделяя его как особый порядок.

Во всяком случае, можно определенно считать, что в сегодняшних разговорах о рыночном хозяйстве никто не имеет в виду крайне либеральные формы прошлого столетия, разве что в случаях преднамеренной социально-политической их критики или полемики. Основатели классической национальной экономики раскрыли в теоретически ясно разработанной системе внутреннюю закономерность свободного строя; они выявили экономические взаимосвязи, имеющие абсолютный приоритет с точки зрения чистой экономики. Но их современники и последующие поколения недооценили то обстоятельство, что экономические процессы протекают в сфере "политической" экономики, которая подвергается воздействию других, т.е. воздействующих извне, политических факторов. Чтобы оценить масштабы и силу воздействия последних, надо прибегнуть к приему проецирования на чистую умозрительную модель классического учения как замкнутой в себе системы. Трансформация первоначального либерализма в рыночно-хозяйственное мышление в духе нового времени объясняется не в последнюю очередь социальным противоборством. Она в основном приходится на время усиленной индустриализации и порожденных ею бедствий и неурядиц. Здесь, в конечном счете, причина того, что представления об экономической свободе и социальной справедливости решающим образом изменились.

Выявлением главного недостатка или, иными словами, ошибки либеральной эпохи мы обязаны в Германии все более крепнущей Фрайбургской школе, которая связана главным образом с именем Вальтера Ойкена. Дело не в том, что, как долго полагали социалисты, либеральному строю суждено было разбиться из-за принципа раскрепощенности, и он не страдал избытком свободы, который мог порождать и действительно порождал у работодателей веру в то, что он имеет, в силу своей общественной позиции или экономической функции, право почти произвольно сужать свободу других. Недостатки либерализма состояли, собственно говоря, не в ошибках мышления, а в неверном подходе к социальным и правовым взглядам, которые некогда были верными, а потом со временем становились все более несостоятельными. Если первоначально неравенство сил партнеров на рынке позволяло нещадно использовать рабочую силу, то позже пробуждение совести заставило увидеть социальный ущерб такого поведения и мобилизовало общество на борьбу с ним.

Затем были предприняты не только попытки, но и стало массовой практикой укреплять позиции власти и рынка с помощью частно-правовых договоров – через картельные договоренности или другие формы ограничения конкуренции, тогда как властные структуры в социальной сфере стали носить менее жесткий характер. Либеральную систему не рассматривали и не применяли как прежде всего правила конкуренции, хотя ее теоретическое обоснование опиралось на экономическую практику, а динамичное развитие промышленности в совокупности с интенсификацией мировой торговли все больше повышало значимость этого кардинального элемента свободных экономических взглядов.

Обращаясь взором в прошлое, почти склоняешься сказать, что противоречие между свободной конкуренцией и попытками укротить ее пронизывает, вплоть до наших дней, немалый отрезок экономической истории нового времени. Системный анализ Фрайбургской школы – так называемых ордолибералов – бесспорно, вновь привлек внимание к конкуренции, сделав ее, однако, предметом споров. Как бы то ни было, конкуренция как элемент системы порядка опять была поставлена в центр свободного рыночного хозяйства благодаря исследованиям Фрайбургской школы, более того, конкуренция или, точнее говоря, социальные последствия конкуренции, которая больше не поддается произвольному манипулированию, придавали после политического и экономического крушения Германии

любому мышлению порядка в системе социального рыночного хозяйства и политическое содержание.

Несмотря на духовное родство между ними, есть еще одно различие между первоначальным либеральным мышлением и современным пониманием рыночного хозяйства, в особенности социального рыночного хозяйства. Для последнего определяющее значение имеют не в последнюю очередь не только технические, автоматические механизмы поддержания сбалансированности на рынке, но и духовные и нравственные представления. Одного поддержания равновесия между спросом и предложением через свободное формирование цен мало для оправдания общественного строя или наполнения его идейного багажа. Высшие императивы нравственного рода, они побуждают нас ставить вопрос, может ли верховная власть или наделенный государством привилегиями коллектив присваивать себе право произвольно сужать или вообще ликвидировать индивидуальную свободу, несмотря на признание общих задач более высокого порядка, и если да, то в какой степени

Частная инициатива в экономике, конечно, не может означать, что решающую роль в экономической жизни играет только индивидуальное решение отдельной личности. Например, в акционерных обществах о линии действий договариваются такие принимающие решения органы, как наблюдательный совет и правление. Но подлинно творческие идеи, указывающие новые пути, рождаются не в коллективах, они всегда несут отпечаток индивидуальности. То обстоятельство, что такие идеи до достижения пригодной для реализации зрелости обдумываются и проверяются многими головами, не опровергает того факта, что коллективных умов не существует.

Признаем, однако, дабы не отрывать от реальной жизни, что даже предприимчивый и удачливый предприниматель не выдумывает каждый день нечто новое, однако каждый день он должен быть начеку, чтобы утвердиться в постоянно изменяющемся мире. Это не в последнюю очередь предполагает мужество быстро принимать судьбоносные решения, от которых зависит "быть или не быть". Порой кажется, что так было раньше, а сегодня благодаря якобы существующей предсказуемости и управляемости экономических процессов предприниматель в основном освобожден от этих забот. Это впечатление не только обманчиво, но даже и не ложь во спасение. В последние годы мы были в Германии достаточно часто свидетелями того, как все прогнозы, призванные помочь сориентироваться в событиях, оказывались более или менее неверными, и в конечном счете каждый предприниматель и в плохом, и в хорошем должен был рассчитывать только на себя.

На какие материальные результаты и – что тоже существенно – на какие социальные последствия (большей частью вредные) обрекает себя народное хозяйство без предпринимательской инициативы, показывает пример коммунистических стран. Там, бесспорно, есть такие же способные техники и директора предприятий, как и в свободном мире. Но нет как раз предпринимателей, ибо без открытых рынков, без свободного соревнования и при очень ограниченной свободе выбора в потреблении для этой специфической категории людей места нет. Такие страны могут демонстрировать высочайшие технические свершения, но они не способны удовлетворить относительно примитивные, по западным представлениям, потребности.

Все это достаточно ясно говорит о том, что свободные предприниматели могут существовать только в условиях свободного политического строя и, соответственно, лишь в рамках рыночно-хозяйственной системы. Любое урезание этих свобод делает предпринимателя неспособным плодотворно работать и на свою страну; при отказе от этого принципа нет, как показывает весь опыт, ни малейшей надежды найти лучшие решения или приемлемый вариант выхода. Что же должно, собственно говоря, еще случиться, чтобы подтвердить тезис о том, что рыночная экономика служит основой и самого жизнеспособного общественного строя. Поскольку рыночная экономика (и по своей моральной направ-

ленности прежде всего социальная рыночная экономика) предполагает свободное предпринимательство, никто из непредвзятых людей не станет отрицать непосредственную связь между предпринимательской деятельностью, благосостоянием и социальной защищенностью. Довольно характерно, что в ФРГ ни одна партия, кроме радикальных группировок, таких, как, например, молодые социалисты, не отваживается публично нападать на принцип свободного предпринимательства, хотя, вероятно, кое-кто надеется, что можно тихой сапой начать трансформацию нашего общественного строя, Повышая налоги на имущество, на наследство, на землю. За этими вещами надо тщательно следить, чтобы не оказаться в результате многих малых шагов в социалистическом обществе.

Ныне приходится все чаще слышать, что в условиях экономического развития, которое во все большей степени характеризуется (концентрацией, слияниями и появлением все более мощных объединений как в промышленности, так и в торговле, остается все меньше места для развития частной инициативы по правилам построенной на конкуренции экономики - а это неотъемлемая часть социального рыночного хозяйства. Некоторые явления, казалось бы, подтверждают подобные взгляды, хотя было бы опасной ошибкой предполагать, что с ростом размеров корпораций конкурентная борьба затухает или даже полностью сводится на нет. Когда появляются такие тенденции или когда можно отметить нацеленные на это действия, то – сегодня это бесспорно – дело законодателя предупредить очевидные злоупотребления данного рода и покарать их. И действительно, ожидаются новые законодательные акты, касающиеся борьбы со злоупотреблениями и контроля над слияниями. Я лично, как известно, не собираюсь терпеть частные инициативы по блокированию конкуренции и вообще считать их инициативами. Надо сказать, что и сегодня еще есть предприниматели старой школы, которые вздыхают по давним временам разгула картелей, но время уже отбросило их в сторону. Справедливости и полноты ради надо признать, что некоторые предпринимательские объединения были созданы не по рациональным мотивам, а из стремления укрепить свои рыночные позиции, а может, и добиться гегемонии на рынке. В рамках свободного рыночного хозяйства монопольные и даже олигопольные позиции создать очень трудно, но еще тяжелее их отстоять, поскольку при мировой открытости рынков все такого рода надежды лопнут как мыльные пузыри. Сегодня главное внимание должно быть обращено на надгосударственные попытки ограничить конкуренцию.

Чтобы частная инициатива могла проявить свои сильные стороны в соревновании за оптимальные результаты хозяйствования, ей не должно быть прежде всего политических, и тем более партийно-политических, помех. Во всяком случае бесспорно, что частная сфера жизни в рамках нашего строя, построенного на праве, должна быть свободна от государственной опеки. Никого нельзя вынудить подчиниться какой-либо организации или институту, в этих делах надо обеспечить свободу решения гражданина. Один из аспектов понятия "частная инициатива" - это то, что человек есть и должен быть не только групповым существом, а в первую очередь самостоятельной отдельной личностью. В зрелой демократии мы должны поставить на большую высоту достоинство отдельной личности. Мы далеки от иллюзии, что групповое мышление можно преодолеть или "подравнять", вместе с тем полная гибель индивидуальности, т.е. утрата возможности для отдельной личности развернуться, проявить себя, стала бы проклятием для нашего общества. Сохранение частной сферы жизни касается, таким образом, не только предпринимательской сферы экономики. Каждый гражданин, желающий сохранить свои права и свободу призван как субъект экономики строить свою личную и индивидуальную жизнь по собственным представлениям.

Эти соображения справедливы не только для национальной экономики. Нет другого хозяйственного уклада, нацеленного на мирное общежитие народов, кроме рыночного хозяйства. Оно в силу конкуренции, основанной на борьбе за реальные, объективные результаты, исключает какую бы то ни было попытку государства злоупотребить хозяйственной

силой как инструментом политической власти. Пока превалирует товарообмен по каналам частной инициативы, государство не имеет возможности овладеть этим мирным взаимодействием, которое служит интересам всех народов.

По этим причинам мы построили в Германии после крушения прежнего строя такой порядок и добились благодаря ему признания во всем мире. Правда, тот, кто мыслит сегодня подобными категориями, легко может прослыть старомодным и отсталым. Прогрессистом же считается тот, кто мыслит не категориями порядка, а только операциями, акциями. В свободном мире политические умонастроения все больше определяются пошлым прагматизмом или пагубным конформизмом. Однако тот, кто не способен понять ценность порядка как жизненных рамок, не может его защищать.

В нашей статье мы часто употребляли слово "порядок", не раскрывая подробнее его смысл. Восполним теперь это упущение.

Заслуга Фрайбургской школы, Вальтера Ойкена и его друзей состоит в том, что они вернули политическую экономию к строгому мышлению порядка не только для того, чтобы отпугнуть жуткий призрак государственной экономики или поставить на место возникшую эконометрию, но и чтобы - и это было важнее - противопоставить плоскому бездуховному прагматизму культ духовного порядка. Я не стесняюсь показать в истинном, наверняка в розовом свете восхваляемое сегодня прагматическое поведение к капитуляции перед правдой или же трусость перед жизнью, тот, кто сегодня не видит выхода, боится принимать решения, слывет ныне зачастую умным человеком и к тому же способным политиком, если он действует "прагматически", т.е. исходит из случайных обстоятельств, сложившихся на данный момент. За прагматиками идут по пятам откровенные оппортунисты и, наконец, вообще безыдейные приспособленцы.

Похоже, вообще одна из примет нашего времени состоит в том, что сейчас мыслят не столько категориями порядка, системы, сколько "регламентациями". Внешне это проявляется в создании все новых институтов как на национальном, так и на международном уровне. Попытка довести общественно-экономическую и социальную жизнь до совершенства, устранив и мельчайшие "несправедливости" при помощи все более обширного вмешательства государства или же коллективных образований, слишком легко уводит в сторону от естественного порядка вещей. Афоризм "желающие поднять мир до небес превращают его в ад", несомненно, несет в себе большую долю истины. Кто столь самонадеян, чтобы считать, что знает, что справедливо или социально? Наше сегодняшнее общество, которое так любит подчеркивать свою современность, постоянно хочет поправить Бога или, если вам угодно, Его творение.

Сам я, например, убежден в том, что в экономической жизни подлинное, неподтасованное соревнование представляет собой лучший, самый благотворный принцип отбора, в то время как другие считают, что ради "равенства" власть предрержащие должны регулировать жизненные возможности человеческих личностей. Стремление ко все более сильной уравниловке выступает как общественная целевая установка, несмотря на бесспорное многообразие людей, все больше на передний план. Но поскольку мы, как известно, не все ангелы и не все живем только идеалами, этот метод в перспективе должен бы привести к усреднению трудовых результатов и ослабить нашу способность быть на уровне требований времени, о которых так много говорят, - стоит только подумать о множестве все более неотложных задач, которые стоят перед обществом. Сколь высоко надо ценить солидарность, желание уберечь каждого человека от нужды и нищеты, столь же необходимо поставить рядом с солидарностью и заповедь "сделай все, что в твоих силах, сам, прежде чем обращаться за помощью". В человеческом обществе наделенные духовностью, душой и совестью граждане живут не по правилам термитника, продиктованным законами природы. А раз так,

то человеческий порядок должен предоставлять как можно больше простора свободе и индивидуальности.

Пускай меня обвинят в субъективизме за то, что я, воплощая в жизнь социальное рыночное хозяйство, попытался соединить свободу с порядком, чтобы утвердилась большая справедливость. Порядок мы понимаем не только и не столько как правопорядок тематическом смысле, а как порядок жизни сообщества. Его можно толковать и узко и широко, он простирается от семьи до государства, меняя при этом свой вид, но в конечном счете не суть и не содержание. Это значит, что любая форма человеческого сообщества требует признания общеобязательных "правил игры". Наблюдение "и самый кроткий в мире не пробудет, коль рядом с ним живет сосед-злодей" отражает понимание той истины, что отказ от порядка даже в малом порождает вражду, если не хаос. Кое-кто захочет спросить, как примирить свободу с порядком. Позвольте мне в ответ процитировать самого себя: я неоднократно заявлял, что порядок без свободы слишком часто порождает принуждение, а свобода без порядка грозит слишком легко выродиться в хаос. История дает достаточно примеров и тому и другому тезису. Когда диктатуры утверждают, что в их владениях царит "порядок", а зрелые демократии указывают на то, что в их сфере порядок понимается как само собой разумеющееся включение свободных людей в общество и государство и подчинение им, то нам становится ясно: принудительный порядок должен разрушить любую демократию, в то время как встречающая поддержку позитивная и конструктивная воля к порядку составляет силу подлинной, опирающейся на народ демократии. Трагикомическая идея поставить общественный строй под полицейский надзор останется, будем надеяться, абсурдной фантазией. В этой связи, похоже, снова возникает необходимость понимания порядка не как послушания приказам, а как гармонии, которая крепка внутренним равновесием. Гармония в этом смысле не означает, однако, застывшее блаженство, а остается все еще динамичным процессом в рамках свободно избранного жизненного порядка.

Из этого следует в контексте политики порядка вывод о том, что одного материального толкования внутренней сущности рыночного хозяйства недостаточно, чтобы считать его уже особой формой общества. На той фазе развития, когда люди хотят сделать жизнь все более предсказуемой, нельзя закрывать глаза на опасность того, что активная хозяйственная политика будет все меньше ориентировать рыночную экономику на представления порядка и все больше манипулировать ею по заранее составленным политическим планам. Поэтому нет подлинного рыночного хозяйства, которое позволяет государству произвольно и в короткий срок изменить экономические реалии, подогнав их под идеологические или партийно-политические представления. Такие действия могут, не портя механизм рыночной экономики, породить процессы, которые несовместимы с духом свободного общества. Вспомним, например, о налоговой политике, в сфере которой и в Германии все громче заявляют о себе коллективистские идеи: еще более резкое повышение подоходного налога на высокие заработки, резкое повышение налогов на землю, имущество и наследство преподносятся как социальный прогресс, хотя расчеты и многолетний международный опыт показывают, что прирост поступлений в казну перевешивается издержками в виде понижения экономической активности.

Если свободный общественный строй можно представить себе только с адекватным духовным и нравственным содержанием, то и нормы хозяйственной политики, адекватные свободному обществу, не могут произвольно вводиться или изменяться. Иными (словами, рыночная экономика уже должна нести в себе черты свободного общества, тогда она может расцениваться как категория порядка. А это в свою очередь означает: нет свободного рынка вне свободного общества. В некоторых странах налицо признаки преодоления иллюзий насчет инфляции и предпринимаются первые шаги, чтобы освободиться от проклятия хронической инфляции. Поэтому надо бить во все колокола, показать, что мы утратим сво-

боду и попадем в когти коллективизма, если не выступим против этого зла. Нарастающее стремление широких слоев населения к защите при помощи коллективной безопасности - это не врожденный инстинкт преданных идеалам свободы людей, это в основном результат того процесса, который вызывает у средних слоев и представителей свободных профессий сомнение, хватит ли заработанного ими на протяжении всей жизни для обеспечения своего существования при нынешнем обесценивании денег. Относительное сокращение сберегательных вкладов - это еще одно предостережение. При нынешних налогах на доходы и имущество вкупе с обесцениванием денег на 4-5 процента, которое ведь отражается не только на процентах, но и на самом капитале, воля и желание трудиться с полной отдачей не могут не ослабнуть. Но тем самым мы подрываем свободный общественный строй.

Если гражданин больше не уверен в том, что он может собственными силами выстроить свою судьбу - а эта вера неизбежно утрачивается под влиянием инфляционного процесса, - то хиреет и мужество свободно отстаивать свои взгляды. Когда преобладает чувство зависимости от государства, от его милости или от коллективов, то нечего ждать гражданского мужества. Так свободные граждане превращаются в подданных. И опять сравнение порядка жизни в тоталитарных государствах и свободных странах подтверждает справедливость этих наблюдений. Нашу совесть стараются ублажать не те доверчивые люди, которые предлагают нам промежуточные решения по образцу югославской экономической системы и хотели бы объявить все проявления напряженности между двумя различными формами жизни просто недоразумениями, а чистые коллективисты. Коммунистическим народным хозяйствам, которые располагают производственным капиталом, монополией торговли и правом устанавливать цены и, таким образом, множеством возможностей для вмешательства, не нужен рынок капиталов; они беззастенчиво забирают столько, сколько им требуется прежде чем распределить остаток между потребителями; в свободных же демократических странах государство наряду с налогообложением граждан не может обойтись без того, чтобы граждане создавали капитал в виде сбережений, предоставляя тем самым достаточное количество средств как частной экономике, так и государственным фондам. В рамках нашего строя рынок капиталов не может ни функционировать, ни получать достаточной "подпитки" если и до сих пор пока продолжают действовать инфляционные тенденции. Поскольку ни одно народное хозяйство не может отказаться в условиях конкуренции от рационализации производства и роста производительности, а государственные фонды обязаны решать социальные задачи, частная экономика попытается выйти из положения при помощи повышения не только цен, но, само собой, и заработной платы, государству же придется взимать более высокие налоги, чтобы после окончания одного тура инфляции приступить к следующему. Так сегодняшняя инфляция порождает завтрашнюю, она, как говорится, сама себя кормит. Но разве есть тут какая-то неумолимая закономерность?

Хотя кое-где еще царит вера в возможность ужиться с инфляцией, сегодняшняя жизнь должна была бы образумить всех. И даже если бы инфляция на самом деле позволяла ускорить технический прогресс - что в действительности неверно, - то за этот мнимый выигрыш приходилось бы платить слишком дорого - разрушением свободного общества. Ложная вера в математическую предсказуемость и регулируемость общественных процессов немало способствовала неверной ориентации конъюнктурной политики. Многие государства хотят, не беря, разумеется, никаких обязательств, направить экономику в желательное для них русло, опираясь на целеустановки или так называемые ориентировочные рекомендации. Когда же это "планирование" оказывается в реальной жизни несостоятельным, то, оказывается, ошиблось не государство - нет, виноваты граждане. Они виноваты, когда государство, чтобы прикрыть собственные ошибки, прибегает к принудительным мерам, таким, как замораживание или контроль квартирной платы, цен или заработной платы. Ко-

нечной станцией на этом пути отсутствия порядка должна быть утрата демократической свободы. Если под воздействием инфляции в стране начинается не столько сокращение доходов от налогообложения, сколько перевод капиталов за границу, и, может быть, к тому же собираются спасти ситуацию при помощи жесткого принудительного регулирования валютных операций, то в самое короткое время будет проиграно все, что было нашей надеждой и спасением после катастрофы. Демонтаж мировой экономики и рецидив национально-го протекционизма не оздоровят мировое хозяйство, а обернутся его распадом.

Если мнимо свободным рыночным хозяйством вчерашнего образца, которое мы описали выше, часто пытались манипулировать предприниматели, искажая понятие свободы, то социальному рыночному хозяйству угрожает манипулирование со стороны государства - через неверное толкование понятия "социальное", посредством все более усиливающегося централизованного регулирования или все более мощного коллективизма. Готовность все большего числа групп и слоев искать защиту своих жизненных интересов, гарантию своей безопасности и своего будущего в коллективе порождается не столько искренним стремлением, сколько - даже вопреки внутреннему сопротивлению - озабоченностью, которая весьма часто бывает оправданной тем, что отдельный человек, полагающийся только на собственные силы, совсем не в состоянии действительно бороться с невзгодами, случайностями и перипетиями, возникающими из-за политических решений или конъюнктурных процессов. Когда все больше предприятий и корпораций боятся, что им не выжить без прямой или косвенной поддержки государства, то они становятся "ручными" и угодливыми - они созревают для того, чтобы бежать под защиту коллектива. Надо еще решительнее предостеречь всех благоразумных и предусмотрительных сограждан, что такой процесс ведет к распаду рыночного хозяйства; сейчас существует опасность того, что их внутреннее сопротивление таким зловещим процессам часто слабеет из-за стремления не осложнять себе жизнь или же из желания получить дешевую сиюминутную выгоду.

Сегодня напряженность в обществе выражается не столько в дуализме "социализм-капитализм", сколько в выборе "коллективизм или свобода". При этом следует обязательно учитывать, что быстро развивающаяся техника и применение результатов новых естественно-научных исследований в сочетании с растущим благосостоянием существенно изменили как формы жизни, так и жизненные возможности. То, что мы понимаем сегодня в ФРГ под «социальными задачами», порождено не коллективистскими умонастроениями, а, наоборот, служением благу индивидуума в тех сферах, где отдельная личность своими силами не может успешно решить проблему или упорядочить ситуацию; в качестве примера могу назвать науку и образование, общественное здравоохранение, сооружение дорог и транспорт. Если с этим неизбежно связано присвоение государством части общественного продукта или национального дохода, то обществу следовало бы согласиться с этим.

Но как раз тут и возникают сомнения и социально-политические проблемы. Действительно ли служит благу людей, внутреннему укреплению общества или упрочению демократической мысли мания или "современное" поветрие признавать за государством все больше прав на вмешательство в частную сферу гражданина? Разве он не хочет видеть, что расплачивается за мнимые благодеяния растущей зависимостью от коллектива, закрепощением? Да, он платит еще и наличными - в фунтах ли стерлингов, в американских ли долларах или немецких марках, ибо ни одно государство не может вернуть своим гражданам больше, чем взяло у них. То что, например, Великобритания, классическая страна вольнодумных либеральных идей с мировым влиянием, попала в водоворот коллективистских идей, исторически так же трудно понять, как то, что ФРГ, которая вытаскала себя при помощи свободного строя из бездонной пропасти, ныне, похоже, все больше готова признать уравниловку приемлемой формой общества.

Поэтому нам надо найти золотую середину, оптимальные соотношения между экономической деятельностью государства и работой частников. Кто должен отвечать в будущем за хозяйственную политику или, зададим более конкретный вопрос, где пределы полномочий правительства, которые можно считать приемлемыми для духа рыночной экономики? Если свободные решения граждан - будь то производитель или потребитель, предприниматель или рабочий - уже не определяют экономическое развитие в их сфере жизни или если дело дойдет до этого, то остается только одно - государство подчинит жизнь граждан своему регламенту. Это будет новым видом плановой или командной экономики: под вывеской рыночного хозяйства и его механических закономерностей люди еще раз утратят свою свободу.

Поэтому приходится вновь и вновь повторять, что исконной и главнейшей задачей государства остается создание рамок порядка, внутри которых гражданин должен иметь право свободно двигаться. А это, в свою очередь, требует такого обращения с экономической политикой, чтобы причастные к экономике люди всех социальных слоев были уверены в том, что не станут объектом постоянных непредсказуемых политических решений. Речь идет о том, чтобы экономические и общественные основы нашего жизненного порядка не оказались во власти таких политических механизмов-инструментариев, которые можно менять каждый день.

Законодатель может декретировать определенные образцы поведения, но он все-таки не может подавить умонастроения людей. С этой точки зрения рыночное хозяйство не механический принцип, а скорее выражение уклада, порядка жизни, основанного на убеждениях и нравственности, свободе и праве. И именно это составляет в политической жизни его слабость, но, как я надеюсь, в еще большей степени его силу.

Мюллер-Армак А.

Принципы социального рыночного хозяйства¹

I.

Многие люди понимают социальное рыночное хозяйство только как компромисс — практическую формулу прохождения через фазу реконструкции. Тем, кто посвятил себя этой системе, отвечая требованиям времени, лишь изредка удавалось дать точное определение ее идеологических основ. Результатом явилось неправильное понимание, служившее политическим интересам, в то время как интеллектуальные попытки осмыслить систему социального рыночного хозяйства как целого отступали далеко на задний план. Тем не менее, если социальное рыночное хозяйство должно сохранить свои позиции в условиях изменения обстоятельств, то необходимо активно и конструктивно оформить идею и стиль социальной политики — именно так я и хотел бы рассматривать социальное рыночное хозяйство. Идея была принята в качестве удобной формулы также теми партиями, которые использовали социальное рыночное хозяйство как лозунг, причем они прилагали мало усилий, чтобы понять самим и объяснить другим смысл этой концепции. Им следует, вероятно, более глубоко, более систематично, более активно и всесторонне заняться этой концепцией порядка, для чего необходима политическая воля и сотрудничество с наукой. Поскольку существующие обстоятельства со временем меняются, социально-экономический порядок

¹ Данная статья впервые была напечатана в журнале «The German Economic Review» (1965. Vol. 3. № 2). Перевод публикуется по изданию: Мюллер-Армак А. Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство: Теория и этика экономического порядка в России и Германии. Пер. с нем. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 262-283.

может только тогда сохранить свои позиции, когда принимаются во внимание все изменения общей ситуации. Достижения социального рыночного хозяйства в течение первых нескольких лет реконструкции промышленности в деле преодоления дефицита, роста доходов и полной занятости в настоящей фазе развития представляются чем-то естественным, к чему в настоящий момент необходимо добавить новые цели, исходящие из новых критериев. В течение последних нескольких лет я часто отмечал, что теперь, когда начальная стадия завершена, цели нашего порядка должны также устанавливаться на основе проблем социальной политики. Дальнейший экономический рост сам по себе недостаточен, он будет относительно непривлекательной целью по сравнению с решениями других проблем. Ниже следующие рассуждения следует понимать как попытку дать всеобъемлющее определение сущности социального рыночного хозяйства и обоснование ее будущих задач.

II.

Социальное рыночное хозяйство представляет собой социально-экономический порядок. Оно не имеет прямого отношения к великим политическим решениям, но, так как значительная часть нашей жизни связана с экономическими и социальными отношениями, оно имеет и определенное политическое значение. Состояние напряженности между Востоком и Западом затрагивает весь мир, и это состояние, в связи с которым обе стороны прибегли к средствам ядерного устрашения, ограничивает возможности действия свободного Запада. Поэтому гораздо более важным является обдуманное утверждение присущей Западу формы свободы. Социальное рыночное хозяйство, естественно, не может и не должно использоваться как контридеология; тем не менее, оно является формулой, по которой может быть организовано самосознание Запада в адекватной форме. Если мы сознательно стремимся отстоять в противостоянии с Востоком наш образ жизни, для этого недостаточно предпринимать те или иные прагматические шаги; гораздо более необходима сознательная организация нашей жизни в соответствии с руководящим принципом.

Насколько я понимаю, в настоящий момент существуют только два таких принципа, которые могут продемонстрировать большую способность Запада осваивать новые формы по сравнению с Востоком: это европейская интеграция и социальное рыночное хозяйство. Свободному Западу необходимо выдвигать идеи интеграции в качестве ответа на вызов Востока, претендующего на то, что он предлагает лучшее решение социальных проблем. Ни один представитель Запада, не понимающий руководящий принцип абсолютно ясно и преследующий только сиюминутные цели, не сможет состязаться с Востоком. Ничто не сможет сильнее сразить идеологизированное мышление Востока, чем четкая способность Запада найти лучшие, более гуманные, более свободные и более социально приемлемые решения жизненных проблем в современном мире. Реакция Востока на прогресс Европейского Экономического Сообщества, которое постепенно получает признание как новый, утвердившийся факт, показывает возможности, которые откроются нам, если мы проясним также и для себя идеи, лежащие в основе нашего образа жизни.

III.

Моя попытка объяснить основополагающую идею социального рыночного хозяйства начинается с вопроса о том, что оно собой представляет. Может показаться, что этот вопрос заведет слишком далеко, но для того, чтобы понять эту систему, ответить на него необходимо. Если за отправную точку объяснения принять само словосочетание, означающее свободную рыночную экономику с социальными целями и возможностями, то это мало о чем говорит. Когда данная формулировка была выдвинута в 1946 г., она вызвала удивление, — ведь это был период, когда экономический контроль и регламентация утверждали свою монополию в сфере социального обеспечения и казалось парадоксальным видеть в рыночной

экономике, которая по социальным причинам целенаправленно демонтировалась в течение десятилетия, лучший порядок для широких масс населения. Однако давно было признано, что целенаправленно организованная экономика свободного рынка, сохраняемая посредством регулирующей систему конкуренции, дает более надежную гарантию социального прогресса – особенно потому, что социальный прогресс на базе свободной системы, посредством сознательной выработки мер, соответствующих принципам свободного рынка, и перераспределения доходов через государственный бюджет, когда развитие конкуренции формирует экономическую базу для социальных мер, может быть организован более эффективно. Таким образом, социальное рыночное хозяйство не означает отказа от социальных мер или мер социальной политики. Казалось возможным разработать абсолютно обоснованную систему экономкой политики, при сохранении полной координации, для экономики свободного рынка с учетом ее основных потребностей.

Путаница возникла в связи со сходством данной концепции с неолиберализмом. Социальное рыночное хозяйство нельзя рассматривать как разновидность неолиберализма, хотя в некоторой степени это оправдано. Сходство с неолиберализмом нет необходимости отрицать; мы обязаны ему многими важными идеями, но, в то время как неолиберализм рассматривает механизм конкуренции как единственный принцип организации, концепция социального рыночного хозяйства выросла из других корней. Эти корни — в динамической теории и в философской антропологии, возникших в двадцатых годах под влиянием иного взгляда на государство и развития концепции образа жизни, в значительной степени отвергнутой неолиберализмом. Координируемые функции социального рыночного хозяйства не укладываются исключительно в механические правила конкуренции. Ее принципы организации связаны с государством и обществом, представления которых о ценностях и ответственности оказывают влияние на всю систему социального рыночного хозяйства.

Социальное рыночное хозяйство не есть исключительно теория конкуренции; это, скорее, идеологическая концепция в том смысле, что целью социального рыночного хозяйства является координация между сферами жизни, представленными рынком, государством и социальными группами. Ее база, следовательно, является как социологической, так и экономической, как статичной, так и динамичной. Это диалетическая концепция, в которой социальные цели играют такую же важную роль, как и экономические цели, так что она сочетает экономическую и социальную политику.

Социальное рыночное хозяйство в некоторых случаях поддается критике на том основании, что его философской основой служит номиналистическая вера в механизм свободного рынка. Я вижу в этом неспособность оценить сущность социального рыночного хозяйства, чьи защитники в своих трудах уделяют особое внимание социальной системе ценностей - тому, что существует «по ту сторону предложения и спроса», — а также религиозным корням наших политических и социальных убеждений¹. Но я не хочу сейчас совершить

¹ Напр., см.: Roopke W. Die Gesellschaftskriste der Gegenwart. Erlenbach; Zurich, 1942. 5. Aufl., 1948. Eng.: The Social Crisis of our Time. 1950; Civitas Humana. Erlenbach; Zurich, 1944. 3. Aufl., 1949. Eng. ed. 1948; Mass and Mitte. Erlenbach; Zurich, 1950; Jenseits von Angebot und Nachfrage. Erlenbach; Zurich, 1958; Eng.: A Humane Economy. Regnery, Chicago, 1960; Rustow A.. Zwischen Kapitalismus und Kommunismus // Ordo. 1949. Vol. 2; Wirtschaftsethische Probleme der Sozialen Marktwirtschaft. Der Christ und die Soziale Marktwirtschaft. Stuttgart, 1955; Ortsbestimmung der Gegenwart. Eine universalgeschichtliche Kulturkritik. Stuttgart, 1950-55. Из моих работ я упомяну только следующие: Wirtschaftsordnungen sozial gesehen // Ordo. 1948. Vol. 1. Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft. 2. Aufl. Hamburg, 1948; Stil und Ordnung der Sozialen Marktwirtschaft. Lagler-Messner. Wirtschaftliche Entwicklung und soziale Ordnung. Wien, 1952; Soziale Marktwirtschaft: Handwörterbuch der Sozialwissenschaften. Vol. 9. Stuttgart; Tübingen; Göttingen, 1953; Wirtschaftspolitik in der Sozialen Marktwirtschaft // Der Christ und die Soziale Marktwirtschaft. Stuttgart» 1955; Religion und Wirtschaft. Geistesgeschichtliche Hintergründe unserer europäischen Lebensform. Stuttgart, 1959; Soziale Marktwirtschaft nach einem Jahrzehnt ihrer Erprobung // Wirt-

противоположную ошибку и рассматривать социальное рыночное хозяйство как систему, вытекающую из особых теологических и философских убеждений. Здесь встает вопрос об отношении социального рыночного хозяйства к христианской экономической доктрине, которая пытается вывести из теологии основу для экономической политики. И протестантская и католическая церкви в течение последнего десятилетия предпринимали множество попыток выработать критерии нашей социальной жизни. Я хотел бы упомянуть здесь меморандум «Вопрос о собственности при социальной ответственности», опубликованный Советом Евангелической Церкви Германии, и социальные энциклики Папы «Mater et Magistra». В процессе эволюции Европы социальная ответственность всегда обретала реальную глубину на основе религиозной веры. Ни один социальный порядок не может существовать, не будучи основанным на осознании ценностей, которое является также предпосылкой ответственности перед ближними. Механизм свободного рынка имеет тенденцию скорее к тому, чтобы опираться на фундамент ценностей, нежели укреплять его или даже замещать. С другой стороны, какой бы ни была в обществе функция христианского осознания наших проблем, мне представляется столь же необходимым подчеркнуть относительную независимость системы, посредством которой эта функция реализуется. Общество, в котором мы живем, является плюралистическим, и в нем сосуществуют католики, протестанты, иудеи и неверующие. Эти разные группы могут выдвигать идеи по вопросу об их общем социальном порядке, но организационная проблема свободного социального порядка заключается в том, что разные системы ценностей должны при нем сосуществовать бок о бок и ни одна группа не должна иметь возможности получить абсолютное право представлять всех. Христианские социальные порядки тоже предусматривают общество, в которое входят различные группы с различными ценностями. Например, христианские социальные доктрины, помимо своей религиозной основы, включают в себя концепции универсального порядка, относящегося ко всему обществу. Но порядок, базирующийся на определенной вере, едва ли способен соответствовать потребностям плюралистического общества. Таким образом, хотя социальные порядки должны удовлетворять основным требованиям христиан, т. е. они должны быть устроены так, чтобы христиане могли нести свою ответственность, в сфере нашей социальной политики невозможно принять или отвергнуть определенные системы на основе их конкретной теологической базы.

Что же такое тогда социальное рыночное хозяйство как определяющая база экономической и социальной политики? Это порядок, который впитывает определенные ценности, но не устанавливает их сам, и в этом смысле он не имеет теологической основы. Это способ поведения в нашем мире, стремление к определенному способу решения социальных проблем.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Наше общество представляет собой единое целое, в котором одни группы больше стремятся к свободе, а другие — к социальному обеспечению, в котором все заинтересованы в экономическом росте, но только при условии, чтобы их частная «среда» не была слишком потревожена. Мы можем говорить о «магическом треугольнике» — к этому термину часто прибегают в монетарной теории и в теории международной торговли, - углами которого являются цели личной свободы, экономического и социального обеспечения и экономического роста. В прошлом эти цели создавали ситуацию социального конфликта, так как каждый пытался достичь успеха за счет других. Это вело к крайним формам радикально-либеральных или радикально-интервенционистских социальных целей, но также и к следованию традиции или к хаотич-

ной комбинации всех принципов, как это происходило при вмешательстве государства в экономические дела.

Концепция социального рыночного хозяйства не является философией ценностной базы нашего общества; этот вопрос она оставляет системе религиозных или философских критериев вынесения суждений. Это, скорее, концепция миротворческого порядка — стратегическая идея в рамках конфликта различных целевых ситуаций. Это формула образа жизни, в соответствии с которой делается попытка привести основные цели нашего общества к новой, практической гармонии, которая раньше никогда не достигалась.

Опыт показал, что эта цель, представляющаяся почти очевидной, требует тщательно продуманной концепции порядка. Социальное рыночное хозяйство является формулой интеграции, на основе которой делается попытка привести решающие силы нашего современного общества к настоящему сотрудничеству. Ситуацию напряженности в обществе нельзя считать статической, которую можно разрешить одной раз навсегда данной комбинацией свободного предпринимательства и социального обеспечения. Ситуация конфликта и напряженности в нашем обществе, конечно, подвергается изменениям в связи с меняющимися историческими обстоятельствами и требует постоянного обновления стратегических формул для гармонизации в каждом конкретном случае, чтобы эти формулы были адекватны решаемым задачам. Концепция социального рыночного хозяйства, таким образом, является стратегией в социальной сфере; причем невозможно определить, является ли она успешной, достигает ли своей цели — это будет подтверждено только в течение постоянно продолжающегося процесса разрешения тех внутренних конфликтов нашего общества, которые должны быть признаны как факт. В начальной стадии своего существования социальное рыночное хозяйство, я думаю, решило проблему ослабления напряженности в Центральной Европе и распространило свои политические воздействия за ее пределы.

Сущность социального рыночного хозяйства состоит в том, чтобы вместо проведения политики, сохраняющей прошлое, или экономического контроля, тормозящего свободную инициативу в обществе, или неконтролируемого, нерегулируемого рыночного механизма — дать социальное решение, объясняющее все цели в работающей, реалистической гармонии. Это миротворческая формула, а не утопический подход, который берется решить социальные проблемы любого характера путем использования силы, вмешательства экономического контроля, консерватизма или веры в автоматическое установление гармонии.

Интеграционная формула социального рыночного хозяйства как таковая общеприменима, но она обретает особую плодотворность в ситуации нашего современного общества. Это особое положение вызвано беспрецедентным ускорением развития производства во всех областях благодаря технологии и тем, что массовое общество, взбудораженное и обеспокоенное этим развитием, стремится к гармонии в рамках свободного мира. Ценность этой формулы подтверждается нашим опытом, свидетельствующим, что такой курс — курс стабилизации современного массового общества на путях свободной системы — возможен в принципе. Это означает не фиксацию базы, определяющей путь на все времена, а указание дороги, по которой следует идти сейчас. Задача не только в том, чтобы сделать приемлемыми для массового общества сдвиги, связанные с современным развитием, но и в том, чтобы все общество одновременно имело возможность пользоваться плодами этого развития.

IV.

Как миротворческая формула, как всеобъемлющая концепция социальное рыночное хозяйство не только охватывает экономический порядок, координируемый рынком; прилагательное «социальное» означает, что эта система преследует также социальные цели. Точный смысл этого аспекта социальной экономики на начальной фазе создания социального рыночного хозяйства еще не стал достаточно ясным. Социальные эффекты действия систе-

мы конкуренции вызывали удивление, но люди понимали смысл слова «социальное» более узко, в русле прежней социальной политики — как помощь определенным экономически ущемленным классам. Однако мне кажется, что настало время уделить больше внимания социальным целям социального рыночного хозяйства. С повышением уровня жизни населения картина меняется, самые нуждающиеся классы концентрируются в определенные группы. При удовлетворительном решении проблемы распределения доходов, при почти всеобщем потреблении многих предметов роскоши в обществе исчезает грань, разделяющая уровни потребления, и одновременно смещается основная социальная проблема. Достигнута полная занятость, европейские страны приближаются к экономической самообеспеченности. Однако в самом процессе объективного разрешения проблем дефицита посредством имеющейся экономической системы чувствуется какое-то неудобство, «недомогание». Какими бы нелепыми ни могли иногда показаться его проявления, это фактор, указывающий на более глубокую проблему нашей социальной жизни, в которой с полной занятостью многое было достигнуто, но которая, тем не менее, все еще далека от состояния полной гармонии. Стремительное техническое развитие и структурные изменения в системе производства делают больше, чем требуется, для разрушения прошлых социальных форм и напоминают нам о необходимости найти новую социальную гармонию.

V.

Что же тогда является ведущим принципом социальной политики социального рыночного хозяйства? Точка зрения, приписываемая либерализму, - о том, что экономика свободного рынка, так сказать, сама по себе заменяет социальную политику в смысле формирования социальных позиций и человеческих взаимоотношений, - вводит в заблуждение. Механизм конкуренции действительно должен рассматриваться как незаменимое средство координации планов индивидов и фирм, их взаимной адаптации, как очень точно отметил Франц Бём². Координация может оказывать корректирующее социальное влияние в смысле установления человеческих взаимоотношений и смягчения социальных конфликтов. Конкуренция может уменьшить роль монополий и власти и привести к росту доходов масс, но, тем не менее, она является механическим процессом, нейтральным к ценностям и целям. Хотя мы должны, в соответствии с современными представлениями, поддерживать и работу свободного рынка посредством активной антициклической политики и политики роста, это тем более относится к ведущему принципу социальной политики, который мы можем выработать только на основе самых высоких целей и ценностей. Идея социального рыночного хозяйства придала этому принципу технику формирования конкретной социальной политики и ответила на вопрос, как привести разнородные социальные цели к работающему общему знаменателю.

В дискуссиях, ведущихся в научных кругах и среди всего населения Германии, мы должны исходить из того факта, что после фазы экономической реконструкции и продвижения, сверх всяких ожиданий, к более высокому уровню жизни и улучшению социальных условий социальное рыночное хозяйство сейчас вступает во вторую фазу, в которой, при продолжении всего начатого, оно должно приобрести новые акценты. Я убежден, что мы должны пытаться после тщательной подготовки перейти во вторую фазу социального рыночного хозяйства, в которой на первый план выходит проблема социальной политики, поскольку экономические проблемы оказываются решенными или решаемыми в течение нескольких следующих лет.

Что можно сказать на данном этапе о подобной политике социального рыночного хозяйства? Уже было сказано: ее целью является установление треугольника между экономи-

² Boem F. Die Ordnung der Wirtschaft als geschichtliche Aufgabe und rechtsschoepferische Leistung. Stuttgart, 1937.

ческим ростом, личной свободой и инициативой и социальным равновесием, охватывающим весь комплекс социального обеспечения, от полной занятости до индивидуальной помощи.

VI.

Когда я говорю здесь о ведущем принципе социального рыночного хозяйства, я не имею в виду планирование какого-либо рационального, религиозного, социалистического или либерального идеального порядка. В течение нескольких последних столетий нам было представлено множество идеалов подобного типа, которые, не претворяясь в жизнь, не потеряли своего интеллектуального блеска или притягательности, но потеряли свою эффективность. Мы живем в условиях социальной реальности, представляющей собой систему взаимоотношений в обществе, которое является свободным, но несет отпечаток многочисленных групп, особых установок, споров и соглашений. Задачей социальной политики должно быть предоставление плюралистическому обществу формулы интеграции, которая — хотя и не пресекая расхождения, различия и споры и не обещая их окончательного разрешения, тем не менее, конструктивно используется для максимального сдерживания напряженности и создания реальной базы для совместного действия. Социальное рыночное хозяйство, если серьезно относиться к этой идее, представляется мне идентичным убеждению, что вполне возможно попытаться преодолеть противоположность социального прогресса и свободного предпринимательства — что мы и делали все последнее десятилетие — также и в более широком контексте общества в целом. Ведущий социальный принцип социального рыночного хозяйства направлен на все общество, поэтому мы должны попытаться дополнить проблемы, выдвигаемые на передний план в повседневной политике, целями на будущее, выработанными на базе этого общества. Особые структурные проблемы «средних классов», фермеров и рабочих, действительно существуют, но мы не должны упускать из вида вопросы, которые касаются всех групп. В то же время я бы особо отметил, что улучшение — в сфере общественных задач в самом широком смысле — того, что можно назвать «окружающей средой общества», вполне совместимо с функционированием экономики свободного рынка. В области финансовой политики эти условия находят свое выражение в общественных службах и капитальных проектах (речь идет об «инфраструктуре» в том смысле, в котором это слово обычно употребляют экономисты). Разрушение транспортом природной окружающей среды наших городов, деревень, сельской местности, хаотичное развитие городов и сельских поселений делают необходимым приложении усилий при поддержке всех государственных органов и общества для того, чтобы снова привести эту окружающую среду в гармонию с людьми также и при современных условиях. Нуждается во всевозможной поддержке сфера интеллектуальных вкладов в самом широком смысле. По мере того как среди поднимающихся классов социальная помощь становится необязательной, наша политика должна осуществлять как свою непреложную обязанность улучшение нашей социальной среды одновременно с внушительным увеличением производства и производства благ.

Если эта цель воспринимается не просто как пустые слова, как серьезное предложение, то общую социальную политику, которая не должна игнорировать факт стратификации нашего общества, нужно дополнить усилиями в интересах отдельных классов, с условием, что при этом не создаются особые права для отдельных групп населения. Идея о том, что средний класс или фермеры могли бы достичь своего экономического и социального положения на основе конкуренции, представляется мне столь же неверной, как и другая точка зрения, согласно которой социальная политика могла бы развиваться под защитой этих групп. Я считаю, что теория социального рыночного хозяйства полностью совместима с предоставлением субсидий для того, чтобы обеспечить переход к новому, приемлемому по-

ложению тех секторов экономики, которые особенно подвержены давлению экономических сил, давлению конкурирующих товаров или более сильных рынков, — таких как сельское хозяйство, горнодобывающая и текстильная промышленность. При социальном рыночном хозяйстве мы должны одобрять экономический и технический прогресс, но также и любые необходимые корректировки, скажем, посредством субсидий или освобождения от налогов — для того чтобы конструктивно способствовать переходу к новой конкурентной ситуации. Хотя было бы неверно идти против широких тенденций рынка, тем не менее, здесь существует обширное поле деятельности для тех, кто озабочен экономической политикой, кто имеет идеи относительно ослабления социальной напряженности в переходный период, не отказываясь от концепции общего порядка для всего общества, порядка, который мы должны принимать как базу.

Таким образом, социальная политика не должна для формирования общественной жизни, к которой мы стремимся, основываться только на ведущем принципе. Она должна одновременно изучать непрерывный ход преобразования нашего общества и найти, разумно управляя процессами, которые мы можем предсказать и развитие которых мы можем формировать с меньшим напряжением, рабочее решение, промежуточное между простым допущением преобразования и недопущением развития, благоприятствующего отдельным классам. В то же время она должна не только направить внимание на максимально возможное сохранение независимого среднего класса, но также и уделить особое внимание процессу обретения независимости и индивидуальному социальному продвижению в группе рабочих и наемных служащих. Появление крупных организаций уже значительно уменьшило возможность обретения независимости и самостоятельного продвижения. В этих случаях предложение помощи на начальном этапе, содействие продвижению для получения статуса квалифицированного рабочего, предоставление рабочим возможности стать служащим с твердой заработной платой должны стать целью социальной политики, которая базируется на идее сохранения нашего общества свободным. В повседневной реализации экономической и финансовой политики многие цели социальной политики достигаются уже сегодня. Никто не будет возражать против таких усилий, если они основаны на всеобъемлющей концепции общества. Хотя реализация основных принципов, о которых мы здесь пишем, может быть лишь отдаленной целью, было бы неправильно оставить эту работу на будущее. Она должна быть начата немедленно наряду с повседневными делами для того, чтобы придать ей форму и направление, чтобы конечная социальная цель не превратилась в простую идеологию.

VII.

В обсуждениях социальной политики в течение последних нескольких лет особое место занимало формирование богатства как средства достижения целей новой социальной политики. За несколько последних лет рост доходов населения стал настолько велик, что заработная плата в Германии стала самой высокой по сравнению с другими странами Европейского Экономического Сообщества, даже учитывая рост цен. Если этот стремительный рост можно будет оградить от попятных движений, тогда то, что еще не достигнуто в этой сфере, может быть достигнуто в течение нескольких лет. Это станет возможным, если люди будут заинтересованы в накоплении богатства, что несомненно является превосходным средством в нашем массовом обществе для предоставления личности более безопасного положения, предполагающее собственность на жилье и наличие сбережений. Сомнения вызывает не то, следует ли концентрировать формы сбережения в более мелких акциях или облигациях, предоставлять индивидуальным сберегателям более легкий доступ к средствам производства. Не вызывает сомнений и то, что следует предлагать помощь на начальной стадии — в виде премий или освобождения от налогов — тем, кого мы первым побуждаем

начать процесс накопления, — подобная помощь соответствует различным формам пособий для самостоятельного накопления богатства, которые предоставлялись финансовой политикой в прошлые годы. Сомнения имеются относительно того, допускать ли накопление богатства посредством неконтролируемых и нерегулируемых налоговых привилегий.

Рост доходов влияет на кредитно-денежную политику. Постоянно повышающиеся цены — особенно в области строительства жилья, которое является основным объектом сбережений, — означают постепенное снижение благосостояния, которое едва компенсируется относительно высокими процентами. Таким образом, в обширных областях предпосылкой успешного накопления богатства является относительно строгая политика финансовой стабильности. Желание совместить преимущества постоянного процветания с преимуществами абсолютной стабильности денег является утопическим идеалом. Повышение нашей заработной платы и пенсий в сфере роста доходов возмещается неизбежным ростом цен.

Из того, что уже сказано, как мне кажется, становится невидным, что политика доходов при свободном предпринимательстве является лишь *одной* из целей социальной политики. Рассматривать накопление материального богатства как ключ к социальной политике было бы слишком узким взглядом на проблему. Формирование социального окружения, защита той группы людей, к которой принадлежит данная личность, защита ее независимости, возможностей для продвижения, улучшение взаимоотношений между людьми в промышленности — это цели, имеющие такое же, если не большее значение. Неудобство, испытываемое людьми, несмотря на экономические достижения нашего общества, не может быть ликвидировано исключительно при помощи собственности. Особая проблема в этой связи — обеспечит ли для рабочего его долю в накоплении капитала такой вид заработной платы, который сейчас в обществе называют «Investivlohn» («инвестиционная зарплата»). Как и вопрос об участии рабочих в прибылях промышленности, который часто обсуждался раньше, эта идея возникла в результате особой циклической ситуации. В период относительно низкого давления конкуренции участие в прибылях должно было обеспечить рабочему долю в высоких доходах предприятия. В то время не было опасений, что это может повлиять на уровень цен. Идея «Investivlohn» появилась в ситуации гораздо большего давления конкуренции, при которой возникли опасения, что, если заработная плата будет превышать производительность, это вызовет дальнейшее повышение цен. В основе этой идеи лежит политика распределения, т. е. обеспечение большей доли совокупном накоплении богатства. В то же время общим намерением здесь является предотвращение повышения цен посредством разделения заработной платы на две части — повышение, определяемое увеличением производительности и предназначенное на инвестиции.

Таким образом, имеются веские основания относиться с предосторожностью к этому спорному подходу к политике в области заработной платы. Я полагаю, что имеющаяся система такой политики безусловно может продолжать функционировать при автономии работодателей и наемных работников в рамках социального рыночного хозяйства — при условии, однако, что концепция жесткой финансовой политики может проводиться эффективно и что достигнуто снижение цен в жилищном строительстве, которое систематически и непомерно финансируется из государственных средств и посредством привилегий в налогообложении. Мне кажется неверным изменять систему политики в области заработной платы (причем изменение коснется лишь части работников) в связи с затруднениями нескольких последних лет, когда цены поднялись по очень понятным причинам. Следует помнить, что в течение нескольких лет в Германии мы добились успеха в повышении заработной платы до одной из самых высоких в Европе. Я вижу в этом достижение социального рыночного хозяйства. Не надо вводить никакой новой системы, особенно в период, когда силы свободного рынка, действующие внутри и извне, в течение длительного времени ухудшали ситуацию

в области доходов компаний и, кроме того, стабилизировали ситуацию цен и заработной платы. Было бы, вероятно, опасно вводить здесь какой-либо дополнительный элемент.

Рестриктивная финансовая политика и ограничение строительства жилья до необходимого уровня, наряду с разумными соглашениями между профсоюзами и работодателями должны быть достаточными для сдерживания опасности, которая обязательно скажется на нашем рынке при его международных связях. А это не поможет никому — ни профсоюзам, ни работодателям. Мне представляется, что система «Investivlohn» противоречит идее социального рыночного хозяйства тем, что она включается непосредственно в деятельность рынка, и это может иметь последствия, которые сегодня трудно предвидеть. В то же время я всем сердцем одобряю намерения тех, кто хотел бы обогатить массы населения; но мне кажется, что это может быть более надежно обеспечено постоянным увеличением реальной зарплаты, что, как я понимаю, не имеет аналогии в истории экономики. Согласно принципу социального рыночного хозяйства, любая необходимая коррекция должна производиться ясно, обдуманно и под контролем, посредством национального перераспределения доходов, т. е. посредством налогообложения тех, у кого увеличение доходов считается слишком большим, и в пользу тех, накоплению состояний которых желательно содействовать. Я бы в этой связи выступил за расширение спектра мер, предпринимаемых правительством для поощрения сбережений. Но введение несоразмерного фактора в четкое различие между себестоимостью, ценой и прибылью нанесет значительный ущерб ясности, которой должен обладать расчет рыночных перспектив. Я вижу мало смысла в попытке решать проблемы монетарной политики посредством перестройки политики доходов. Сегодня проблемы должны решаться там, где они возникают, — в финансовой политике и в строительстве.

VIII.

Если подвергнуть тщательному анализу факторы, влияющие на нашу текущую ситуацию, мне представляется, что мы должны более внимательно, с точки зрения социальной политики, рассмотреть проблемы начинающейся сейчас второй фазы социального рыночного хозяйства. Это не вопрос личного пристрастия к новшествам; это вызвано наблюдением, что прежние причины — особенно, необходимость преодоления дефицита и формирование чистого экономического роста — утрачивают свое значение. Сам факт успеха заставляет принимать как должное многое из того, что уже достигнуто. При процветании заметно усиливаются центробежные силы нашего общества, так что нужны дополнительные усилия для интеграции нашего социального порядка. Демократизация потребления и согласованность при общем росте основных интересов почти всех групп населения — что доказано опытом — создают базу, на которой может строиться такая политика. Я указывал в других работах практические проблемы такой политики³. Однако я полагаю, что здоровой политикой будет не позволять идее фундаментально новой для нашего социального рыночного хозяйства системы затеряться в деталях с самого начала. Детали важны, но вначале нужно принять основное идеологическое решение относительно того, желаем ли мы стремиться к установлению гармоничной структуры нашего общества или же экономическая политика должна искать лекарство в дополнительных законах и сиюминутных мерах. Я не предлагаю сместить основной акцент на общие меры социальной политики с приданием меньшего значения мерам экономической политики. В любом случае экономическая политика, проводимая при концепции экономического порядка, неизбежно будет являться и социальной политикой. Здесь упомяну монетарную политику. Денежная стабильность является превосходным средством установления стабильности в нашем обществе. Ползучая инфляция снова посетит

³ Muller-Armack A. Soziale Marktwirtschaft. II. Teil // Studien zur Sozialen Marktwirtschaft. S. 23.

сомнения относительно любых усилий, направленных на накопление богатства, если вследствие обесценивания наших денег этому будет противостоять падение благосостояния, не очень заметное, но неоспоримое.

Сегодня идея стабильности денег тесно взаимосвязана с циклической политикой. Об этом много говорится, но, по-моему, предпринимается слишком мало действий. Здесь вопрос не в статистике, которую нам дают в достаточном количестве. В условиях, когда при полном развитии производственных ресурсов рост деловой активности представляется уже не столь обеспеченным, как раньше, требуется большая институционализация антициклической политики и расширение способов ее применения. Верно, что полезную работу может проделать комитет экспертов; но, кроме того, нужно организовать постоянную институциональную кооперацию в рамках правительства, причем требуется интеллектуальная и практическая подготовка — особенно в области финансовой и кредитной политики — для достижения того прогресса, на который, как мне кажется, указывает опыт нашего прошлого. Перед циклической политикой социального рыночного хозяйства стоит задача достижения «магического треугольника», образованного следующими целями — стабильностью денег, ростом полной занятости, а также равновесием платежного баланса. Опыт, накопленный экономистами в течение прошлых 40 лет, как мне кажется, обеспечивает достаточную базу для приемлемого компромисса между этими целями, которые в некоторой степени находятся в конфликте друг с другом, но могут быть приведены к гармонии, если использовать тщательно продуманную схему. Несколько лет назад я сформулировал для международной циклической политики кодекс должного циклического поведения, который был одобрен всеми европейскими странами Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР). Соответствующими комитетами должна быть проведена дальнейшая подготовительная работа по национальной циклической политике. Это не только вопрос экономической политики, это одновременно и истинная цель социальной политики, так как без развития экономической политики в этом направлении мы не сможем уменьшить постоянно возникающую в связи с резкими изменениями рынка и с неизбежными изменениями рыночной ситуации неуверенность человека, являющегося частью структуры, в которой он лишь едва разбирается.

Возникла дискуссия относительно того, не требуется ли здесь большая степень экономического планирования. Я этого не думаю. Следует признать, что стало модным цитировать «Le Plan» (т. е. планирование, как оно осуществляется во Франции. — *Прим. ред.*), а мнение, что основные элементы экономики свободного рынка должны быть принесены в жертву ради концепции национального бюджета, часто связывается с необходимостью усовершенствования эконометрических данных. Мне кажется, что эта дискуссия сбилась с пути. Экономика свободного рынка базируется на планах индивидов, которые могут осуществлять краткосрочное планирование, как это делают те, кто получает доходы; но даже строительство дома требует также планирования на некоторое время вперед. Крупные фирмы, например, в нефтяной, угольной и автомобильной промышленности должны осуществлять довольно долгосрочное планирование своих капитальных проектов, и почему бы также и правительству не строить свою краткосрочную бюджетную политику в отношении таких отраслей, как транспорт и строительство, на более длительный срок. Имеется обзор рыночных перспектив на два следующих года. Мы всегда это делали в докладах для ОЭСР, получая очень точные результаты на основе статистического материала Германии, который оказался не хуже, чем у стран, ориентированных на планирование. Тем не менее в связи с концепцией системы социального рыночного хозяйства следует учитывать, что прогнозы, особенно относительно индивидуальной деятельности, не обязательно должны оправдываться, так что в случае, если предполагаемые цифры не получены, никакие из предпринимаемых мер не парализуют рынок. Здесь важно, чтобы сторонники социального рыночного хозяйст-

ва не давали оттеснить себя на оборонительные позиции. Прогресс, достигнутый за последние годы, — как и во Франции, где «Le Plan» применяется более десяти лет, — настолько очевидно связан процедурами свободного рынка (во Франции — с реформой Рюэффа⁴), что нет никаких оснований стесняться концепции свободного рынка.

Экономическую стабильность нельзя искать в стабильности индивидуальных факторов, цен и заработных плат. Целью является динамическая стабильность, гармония в росте, что выдвигает более сложные требования, чем просто потребность в стабильности.

IX.

Если пытаться серьезно искать концепцию социальной политики данного типа, то следует снова изучить другие области нашей современной политики с этой точки зрения. С одной стороны, надлежит сделать выводы из социальной политики, направленной на все слои нашего общества, а с другой стороны, попытаться в определенных сферах предоставить личности (по крайней мере, частично) большую ответственность за свои действия, чтобы социальная помощь могла более концентрированно предоставляться тем, кто в ней действительно нуждается. Простое расширение сферы социального обеспечения, игнорирующее происходящие перемены, не есть современное решение.

Следует продолжать развитие нашей собственной политики конкуренции, которая также должна проводиться на базе Общего Рынка. И здесь при планировании статически понимаемого порядка конкуренции, такого порядка, на котором базировалась концепция неолиберализма, следует сознавать, что если экономика уже претерпевает динамическую реорганизацию под воздействием Общего Рынка, то простого продолжения конкурентной по форме системы уже недостаточно. Определенные смещения акцентов, которые должны произойти в важных секторах нашего производства при начавшемся расширении рынков Европейского Экономического Сообщества и Атлантической кооперации, не могут быть произведены без определенной адаптивной интервенции со стороны правительства. Здесь задача состоит в сохранении принципа свободной конкурентной экономики, но при этом в предоставлении временной помощи на начальной стадии и помощи для адаптации, так чтобы совесть предпринимателя не обременялась больше, чем нужно, для того чтобы он продвигался к конечной цели свободного рынка. Мы предоставляли помощь такого рода в Федеративной Республике Германии в виде содействия капиталами в течение 1952-1959 гг. Это содействие было успешным, так как оно с самого начала было тщательно разработано как средство достижения свободного рынка.

X.

На начальном этапе разработки социального рыночного хозяйства мы рассматривали его как специфически немецкую форму решения проблем реконструкции. Появление в экономическом сообществе Шестерки общего рынка, а также предполагаемое вступление в него и ассоциация других стран Европы поставят перед нами вопрос, сможем ли мы сохранить эту концепцию порядка и какой должна быть общая система европейского рынка. Проявляемой до настоящего времени сдержанности по отношению к экспортной продукции в социальном рыночном хозяйстве приходит конец ввиду обусловленного рынком расширения горизонтов. Здесь не стоит вопрос о названии, в моем понимании значения социального рыночного хозяйства реальная проблема в Европе такова: рынок, сохраняющийся свободным внутренне посредством тарифов, квот и интервенции правительства, имеет и внешнее прикрытие в виде определенной меры протекционизма, которая будет уменьшаться в

⁴ Жак Рюэфф (1896-1978) – известный французский экономист, был экономическим советником президента Франции Ш. де Голля. Как либерал-неоклассик, критиковал основанную на кейнсианских рецептах политику государственного регулирования во Франции 1950-1960-х гг.

связи расширением сферы рынка внутри страны и связи с увеличением давления торговли с внешним миром. Таким образом, элементы свободной рыночной экономики будут находиться в определенной степени в конфликте с силами внутренней экспансии, которую уже можно наблюдать, а также с социальным протекционизмом направленным как вовнутрь, так и наружу.

Это такой же случай конфликтующих целей, как и ранее упомянутая начальная стадия социального рыночного хозяйства. Будет невозможно разрешать эту начальную ситуацию с одной или с другой крайней позиции. Поэтому для Европы в целом будет необходимо искать примирительную формулу, которая, я убежден, действительно составляет суть социального рыночного хозяйства. Европа не может прибегать ни к конкуренции по принципу *laissez-faire*, ни к социальному планированию. В общем, перед ней стоит диалектическая проблема направления экономической политики к цели социального обеспечения и к цели свободной инициативы. Подобная диалектическая проблема сама по себе слишком сложна, чтобы решать ее посредством сиюминутной политики; она требует подготовительной работы по выработке принципов, которая должна предшествовать любым практическим действиям, если только это уже не сделано в Римском договоре. В усилиях, прилагаемых созданной этим договором комиссией в области решения проблем региональной политики, координации социального обеспечения, политики конкуренции и формулировании конструктивной циклической политики, я вижу важные отправные точки деятельности в данном направлении, и этой деятельности следует оказывать поддержку. В конечном итоге интеграция в Европе является не только политической интеграцией; она предполагает и интеграцию экономических систем. Экстремальные решения, предполагающие, что все сработает автоматически в результате свободной конкуренции, имеют не больше шансов, чем попытки либерального социализма использовать осторожное планирование. Формула социального рыночного хозяйства не означает выбора прагматического курса, при котором все элементы преобладающей ситуации смешивались бы и самоопределялись. Она указывает на конструктивно спланированный третий путь максимально возможного преодоления конфликтной ситуации в рамках общей системы.

Таким образом, в Европе мы также должны приложить интеллектуальные усилия для более глубокого понимания базы нашего экономического порядка и искать формулу для интеграции европейского общества.

Это, конечно, предполагает, что мы начнем «с нашего собственного дома» и бросим привычку рассматривать социальное рыночное хозяйство как приятную легкую формулу, которая полностью оправдывается своим неоспоримым успехом. Эта формула содержит в себе больше, она предназначена стать ответом на вызов нашего времени, заключающийся в том, чтобы в условиях свободной системы и в период беспрецедентного развития промышленности и технологии выделить особую значимость социальных и структурных проблем. Она не должна быть легкой и прагматической формулой. Общий порядок общества может сохраняться в практической политике и в сознании людей, для которых он предназначен, лишь тогда, когда он устанавливает критерии и вырабатывает современные методы. Надежда на то, что мы выполним современные задачи должным образом и в полную меру своих сил, может крепнуть только на базе веры в идеологическую основу нашего общества и в его будущее.

ЧАСТЬ II.
КОНЦЕПЦИЯ
СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО
ХОЗЯЙСТВА
КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Раздел 2.1. Социальное рыночное хозяйство в контексте социальных принципов христианства

Костюк К.Н. (издательство
«Директмедиа Паблишинг»)

Социальные принципы христианства и социальное рыночное хозяйство

Концепция социального рыночного хозяйства представляет собой сложное явление, имеющее специфические культурные и исторические корни. В истории рыночной экономики концепция социального рыночного хозяйства в значительной мере обязана христианской социальной мысли и без нее вряд ли была возможной. Различные христианские церкви породили разные социальные подходы. Например, возникновение либеральной доктрины в большой степени обязано этико-теоретическим взглядам А.Смита, которые могли появиться только в протестантском контексте. Говоря о социальной рыночной экономике, речь идет, прежде всего, о социальной мысли католической церкви. И ее идейная и культурная подпитка данной экономической теории гораздо значимее, чем это имеет место в протестантизме или православии.

В понятиях христианской хозяйственной этики, с которой непосредственно связана теория социального рынка, экономика является не просто деятельностью ради создания и распределения материальных благ, но проявлением духовной активности человека, многомерным явлением жизни. Христианская мысль исходит из того, что хозяйственная деятельность является хотя и важной, но не единственной и не доминирующей областью гуманного жизненного порядка. Рядом с ней должны найти место в жизни человека семья, любовь, политическая жизнь и многое другое. Поэтому экономика не может подчинить все области общества – культуру, образование, здравоохранение и т.д. – рыночным механизмам, напротив, она должна сама быть подчинена моральным, правовым, политическим механизмам регламентации деятельности. Для любой христианской церкви оправдание хозяйственной жизни является внутренней проблемой, поскольку должны быть найдены моральные основания для деятельности, в которой способен укорениться целый букет человеческих грехов – алчность, корыстолюбие, мирская суетность и т.д. Католическое социальное учение находит такое решение в концепции социальной рыночной экономики, даже если это учение – плод новейшего времени и весьма горячих дебатов.

Следует вспомнить, что развитые представления о социальной справедливости в хозяйственной жизни были свойственны уже средневековому христианскому мышлению. Именно на них базировалась регламентация цехового права. Например, зарплата считалась справедливой, когда она дает средства для существования семьи работника, а не в зависимости от трудового вклада и профессиональной компетенции. Иметь больший доход, чем у других, считалось несправедливым. Религиозно неправильной считалась чрезмерная хозяйственная активность, стремление к богатству, неумеренность и т.д. В целом средневековая христианская экономическая этика ограничивалась этикой добродетелей.

Протестантский вызов мало отразился на принципах экономической этики. Тем не менее, пусть и с опозданием, но католическая социальная мысль активно отреагировала на социально-демократическую и полит-экономическую проблематику XIX столетия. Энциклика «*Regum Novarum*» (1891) Льва XIII открыла ряд папских социальных энциклик, многие из которых были посвящены экономике¹.

¹ В этом ряду находятся такие энциклики, как «*Quadragesimo anno*» (1931), «*Mater et magistra*» (1961), «*Pacem in terris*» (1963), «*Populorum progressio*» (1967), «*Redemptor hominis*» (1979), «*Laborem exercens*» (1981),

Значение социальной христианской мысли было высоко, прежде всего, в Германии, и это не случайно. Именно здесь в интенсивной полемике с протестантскими мыслителями и богословами оттачивалась католическая мысль. Здесь католикам пришлось держать «культурный фронт» (Kulturkampf) против государственного протестантизма, отсюда всплеск социальных движений снизу во второй половине XIX века. Не удивительно, что здесь сильнее других оказалось социально-демократическое движение, ранее других развились формы социального страхования. Одним из специфически католических феноменов оказалась идея создания «сословных профсоюзов», которой католическая церковь увлеклась в начале XX в.² Католикам рекомендовалось объединяться не в профсоюзы, а в христианские союзы по профессиональному признаку, способные объединять как работников, так и работодателей. Таким мыслилось социальное партнерство в ту эпоху. И хотя идея оказалась исторически несостоятельна, подобные союзы существовали и действовали долгое время.

В начале XX века христианское социальное учение служило серьезной альтернативой социал-демократической концепции, несмотря на ряд общих «левых» тезисов. В основании христианского понимания справедливости был положен принцип «о всеобщей предназначенности земных благ», но не о равенстве в распределении. Несмотря на существующее экономическое неравенство, земные дары предоставлены всем, а не кому-то избранному. Из этого вытекает *ответственность* владеющего перед неимущим. Цель социального строительства, которую церковь ставит перед властью имущими, – постепенно приближаться к устранению бедности и несправедливого богатства.

Принцип «всеобщей предназначенности благ» не противоречит принципу частной собственности, который впервые, хотя и с существенными ограничениями, был обоснован Фомой Аквинским. Разумеется, в XX веке это понятие стало предметом жаркой богословской дискуссии. В частной собственности реализуется личная свобода, принцип равенства возможностей, смысл трудовой деятельности человека. Частная собственность и капитал, согласно христианскому социальному учению, являются *производными коллективного труда*, поэтому их владельцы несут на себе обязанность содействовать общему благу, создавать гарантии справедливых условий труда. Отсюда – защита рыночного хозяйства. «Ценность рыночной экономики, - пишет А.Баумгартнер, - заключается не только в том, что она оказалась самым эффективным рыночным строем. Ее моральный облик в значительно большей мере проявляется в том, что она в условиях промышленного общества исходит из свободы субъектов экономики, что она предоставляет свободу выбора профессии и места работы, что она создает условия для свободной предпринимательской деятельности и - не в последнюю очередь - что при ней не центральные плановые органы судят об «истинных» и «подлинных» потребностях людей, а люди сами определяют свои потребности»³.

В первые десятилетия XX в. в социальных энциклопедиях, написанных по преимуществу кругом немецких богословов, были сформулированы основные принципы христианского социального учения: **солидарности, общего блага, персонализма, субсидиарности**. К классическим принципам принадлежали принципы солидарности и общего блага: эти принципы не только смогли послужить альтернативой социалистическим лозунгам, но и сыграли важную роль в дискуссии о государстве всеобщего благосостояния, а также стали на-

«Sollicitudo rei socialis» (1987), «Centesimus annus» (1991) и др., которые определяли точку зрения церкви по проблемам прав и достоинства человека, значения человеческого труда, общественного устройства, отношения к социализму и либерализму, к демократии и т.д.

² Это было продолжением принципиальной установки церкви на создание собственного «католического» представительства в обществе (католических партий, католических цехов, профсоюзов и т.д.), от которой церковь отказалась после Второй мировой войны.

³ Баумгартнер А. Христианская этика и политика добрососедства в Европе // Логос. Кн.50. Брюс.-Мюнх.-Москва. С.13.

правляющей линией целых политических движений, таких как «Солидарность» в Польше⁴. Ответом на современные общественные тенденции стал принцип христианского персонализма, а также принцип субсидиарности, который действительно был уникальным вкладом христианской мысли в историю идей Европы и в становление учения о социальном рыночном хозяйстве, в частности.

Согласно принципу *персонализма*, общественное устройство должно быть таким, чтобы в нем существовал неоспоримый приоритет личности перед государством, приоритет свободы личности перед ее общественным долгом. То новое, что вносит в это исконное понимание индивидуальности современное социальное учение, - подчеркивание высочайшего достоинства и свободы человека, которым должен соответствовать общественный порядок.

Принцип *солидарности* вытекает из той нормы, что каждый в обществе должен жить не ради себя, а с другим и ради другого: такова сущность христианской любви к ближнему и «взаимной ответственности» друг перед другом. Под солидарностью кроется идеал общественного единства и отношения друг к другу, стоящий выше сотрудничества или взаимопомощи. Заимствованная из семейной и сословной сплоченности, солидарность становится особенно актуальной и необходимой в современной рыночной экономике, основанной на конкуренции и экономическом соревновании. Идея христианской солидарности, противоположная лозунгу классово-и всякой групповой солидарности, оказалась более чем релевантна для индустриального и постиндустриального общества.

С солидарностью тесно связан принцип *общего блага*. Если принцип солидарности относится к характеру совместного бытия людей, то последний принцип дает направление политического руководства, законодательства, согласования частных интересов. Общее благо видится высшей целью общественной жизни, каждого конкретного социального действия. Принцип всеобщего блага имеет долгую историю в традиции католического богословия. Его основания были заложены в учении о народном суверенитете в поздней схоластике, выступившей в противовес претензий монарха на абсолютную власть (а также учению патристике об ответственности властителя только перед Богом).

Принцип *субсидиарности* был сформулирован в 1931 г. в энциклике «*Quadragesimo Anno*». Этот принцип утверждал мысль, что никакой вышестоящий институт не должен вмешиваться в жизнедеятельность нижестоящего, до тех пор, пока тот самостоятельно способен справиться со своими проблемами и задачами. Отсюда вытекало разрешение оказывать «помощь только для самопомощи», отказ от государственного интервенционизма, в том числе, со стороны социального государства. Здесь сохранялся и классический иерархизм, но он, в духе синдикализма, строился в направлении «снизу вверх»: от малых социальных образований к более крупным. Крупные образования имели право на существование, только если они решали принципиально новые задачи. Такая концепция была очень созвучна принципу гражданского общества, она же отражала практику общения епархий внутри католической церкви. Принцип субсидиарности становится сегодня основным принципом в оформлении идеи самоуправления в Европе, и в рамках Европейского союза приобрел сегодня отчетливые формы правоотношений между государствами.

Именно принцип субсидиарности стал направляющим для развития идеи социальной рыночной экономики. По своему духу католические принципы имели «левое», социально ориентированное звучание, но в политическом европейском контексте они олицетворяли

⁴ Ключевой вехой, придавшей концепции социальной экономики международное звучание, стал II Ватиканский Собор (1961), проходивший под девизом «поворота к миру» и давшим новый мощный импульс развитию социального учения (пасторальная конституция «*Gaudium et spes*» («Радость и надежда»). Именно на нем был окончательно утвержден основной курс церкви в XX веке – на поворот к современности и демократии, на поддержку труда и социально угнетенных слоев населения, против радикализма и революционных потрясений.

принципы правого консерватизма и противостояли идеям доминирования государства, в том числе социального государства. Теоретики социальной рыночной экономики, в отличие от либералов, стремились расположить экономику в равноудалении между ценностями свободы и справедливости. Это обуславливает их центристскую позицию в классической оппозиции либералов и социалистов.

В отношении к хозяйственной жизни принцип субсидиарности отстаивал первичность малых предприятий и хозяйственных субъектов, т.е. буржуа. Именно на этом низовом уровне фундируется экономическая жизнь. Принцип единства элементарного экономического хозяйства противопоставляется здесь принципу разделения труда, на котором покоится теория классового общества. Теория социальной рыночной экономики, как позже концепция коммунитаризма, с самого начала утверждала возможность преодоления классовых антагонизмов за счет мобилизации механизмов локальных, корпоративных и квазисемейных форм солидарности. Принципиальным моментом при этом было убеждение, что развитие форм социального страхования и улучшение условий труда и жизни работников осуществляется для непосредственной выгоды экономического развития. Только экономика, которая зиждется на уважении к работнику как «носителю высшего человеческого достоинства», что является краеугольным камнем католического социального учения, способна продемонстрировать высокую производительность, эффективность и прогрессивность. Продуктом социальной рыночной экономики является высокообразованный, высокомотивированный, уверенный в завтрашнем дне работник, т.е. человек, полностью отвечающий сложным задачам сегодняшнего дня.

Это убеждение повлекло за собой практические институциональные требования, которые весьма органично слились с задачами профсоюзного движения, политическими программами неоконсервативных политиков, учеными дискуссиями об обществе всеобщего благосостояния. Успех концепции объясняется, не в последнюю очередь, ее функцией антитезы коммунистической идеологии. Одним из высших достижений идеологии социальной рыночной экономики стала практика совместного управления предприятиями в Германии (Mitbestimmung), когда рабочим представителям были гарантированы места в советах директоров предприятий, и каждое серьезное управленческое решение требовало согласие со стороны рабочих. Без учета силы христианско-демократических идей невозможно понять феномен влияния профсоюзов в Германии, которые по своему политическому значению с 1960-х годов стали влиятельнейшей силой в экономике, и были способны сдерживать и опеределить тарифы и зарплаты целых индустриальных отраслей.

Все эти дискуссии проходили при активном участии профессоров богословия, которые в Германии имели самостоятельные кафедры христианского социального учения и давали гуманитарное и богословское обоснование политическим требованиям рабочих. Благодаря этим дискуссиям христианские демократы получили не только плеяду блестящих политиков, но и плеяду мыслителей, сформировавших альтернативу либеральной концепции экономики во второй половине XX века. Поэтому среди теоретиков доктрины социальной рыночной экономики следует особо выделить имя патриарха, иезуита Освальда Нель-Бройнинга. Концепция социальной рыночной экономики была объявлена причиной германского экономического чуда и была в той или иной степени реципирована как работоспособная теоретическая модель в самых разных странах. В отличие от социально-демократических моделей здесь, созвучно духу церковной автономии, никогда не педалировалась роль государства как источника и регулятора в распределении социальных благ. Справедливое распределение социальных благ должно быть гарантировано правильной организацией хозяйственных процессов, государство же служит гарантом выполнения социального контракта, распоряжаясь социальными благами в качестве услуг, а не самостоятельно, от себя.

Радикальное переосмысление концепции государства в XX веке можно назвать самым существенным сдвигом в вероучении церкви, происшедшем за всю историю ее существования. Первый этап этого переосмысления начался в первой половине XIX в., когда почва под ногами европейских монархий только зашаталась и церковь однозначно выступила с их идейной поддержкой. Вплоть до понтификата Льва XIII, папство решительно осуждало демократическое движение, все более теряя при этом народную поддержку (наиболее показательный документ такого отношения – «Сюллабус, ошибки нашего времени»). Второй период, продолжающийся почти целое столетие, ознаменовывается постепенным отступлением от прежней точки зрения, отказом от враждебности к демократии. В этот период возникает тезис о том, что церковь сосуществует с любыми политическими режимами. Но действительное согласие с принципами демократического устройства происходит только в 1944 г., в рождественском радиообращении папы Пия XII, после того, как обнаружили свою антихристианскую сущность все альтернативы демократическому государству – государство социалистическое и государство фашистское. Наконец, третий период начинается с II Ватиканского Собора, после которого церковь уже не связывает свой социальный идеал с религиозным государством, принимает ценности демократического государства, соглашаясь с принципами религиозной свободы, идеологически нейтрального правового государства. Этос христианства приходит в соответствие с этосом демократии. Церковь видит свою задачу не в идеологической поддержке государства, а в осуществлении гражданского контроля над государством, сохраняя собственную свободу действий.

В заключение пару слов о социальных концепциях протестантской и православной христианских церквей. Протестантское богословие обогатило социальную мысль целым рядом ярких концепций, которые, однако, не образовали концептуального единства, а главное, слишком явно отождествлялись с социалистическими или, напротив, либеральными идеями. По этой причине протестантская социальная мысль не оказала значительного политического влияния, но в Германии большинство из протестантских социальных богословов примкнули и развивали концепцию социальной рыночной экономики.

Интересен вопрос о сочетании идеи социальной рыночной экономики с православными социальными принципами. Безусловно, для православного богословия практически не было создано условий для занятия данной проблематикой. Проблемой для него все еще является рыночная экономика как таковая. Но если рыночной экономике суждено получить легитимизацию в глазах православного верующего, то именно как социальной рыночной экономике. Такие понятия, как «соборность», обозначают те же процессы в православном богословии, которые привели к развитию христианского социального учения в католичестве. Поэтому если православие будет развить собственную социальную концепцию, то социальная рыночная экономика должна стать в ней одним из ведущих принципов. Основные тезисы «Социальной концепции РПЦ», принятой в 2000 году и этический кодекс «Христианские принципы хозяйствования», озвученные в 2004 году, свидетельствуют о неизбежности этого процесса.

Христианскую интерпретацию социальной рыночной экономики следует отличать от научной концепции, которая получила обоснование в трудах теоретиков ордо-либерализма, и от социально-политического ее воплощения, обязанного усилиям А.Мюллера-Армака и Л.Эрхарда. Различны корни их происхождения. Для церкви концепция социальной рыночной экономики вытекает не из задач теоретического осмысления реальности, а из потребностей этической рефлексии над реалиями сущего. Экономическая сфера находится в центре этического контроля церкви, как и быт или политика. Социальное учение церкви возникло из «социального вопроса» рубежа XIX – XX вв., который был, собственно, экономическим вопросом. Поддержка трудовых ассоциаций и рабочего движения, моральные требования к характеру производства и предпринимательства, экологическая активность, выступление

против безработицы и нищеты, вопросы рыночного хозяйства и вмешательства государства в экономику – везде была выработана и обоснована собственная христианская позиция, опирающаяся не на теоретические воззрения, а на моральные убеждения. В ответ на противоречия индустриального и постиндустриального общества церковь не призывает отказываться от земных благ, но учит соразмерять ценности.

Тем не менее, социальная концепция христианской церкви и доктрина социальной рыночной экономики имеют общий мировоззренческий источник и в этом качестве служат важными взаимодополняющими элементами общей европейской культуры.

Литература

Баумгартнер А. Христианская этика и политика добрососедства в Европе // Логос. Кн.50. 1995.

Нелль-Бройнинг О. Насколько социальной является “социальная рыночная экономика”? // Politekonom: рос.-герман. журн. по эконом. теории и практике. 2000. №2 (13).

Окенфельз В. Социальное католическое учение и экономический порядок // Politekonom: рос.-герман. журн. по эконом. теории и практике. 2000. №2 (13).

Поташинская Н.Н. Социально-экономическая доктрина католической церкви: отдельные аспекты // Религии мира: Ежегодник 1987. М., 1989.

Раздел 2.2. Ордо-либералы как преемники и оппоненты немецкой исторической школы

Попов Г.Г. (Институт
языков и культур им. Льва Толстого)

Вальтер Ойкен как преемник и оппонент Вернера Зомбарта (сравнение теорий экономических систем немецкой исторической школы и ордо-либералов)

В последние годы в отечественной науке стал заметно расти интерес к германской экономической мысли, особенно к ордо-либеральному направлению. Связано это в первую очередь с процессом переосмысления опыта постсоветских реформ, провал которых признается многими экономистами, даже некоторыми представителями правого (радикально-либерального) лагеря.

Рыночные реформы 1990-х базировались на рецептуре Чикагской школы, что во многом и стало причиной их неудач. Неоклассики всегда исходят из предположения о предопределенности поведения экономических агентов – участники рынка всегда четко знают, что, как и когда они должны потреблять и производить. Далее, неоклассики полагают, что в рыночной экономике существует один главный тип связи - "человек – продукт". Таким образом, все отношения в условиях рынка завязываются вокруг товарного обмена, при этом не учитываются социальные, не-товарные отношения индивидов друг к другу. Неоклассики, что самое важное, изучают лишь процессы, а созданные обществом формы/институты их мало интересуют. Но процесс не может не зависеть от формы. Российские реформаторы 1990-х годов так и проводили свои преобразования, не учитывая форм, т.е. запускали процессы, не соответствовавшие сложившимся в национальной экономике институциональным условиям.

Самое важное упущение либеральных реформ заключается в том, что рыночное хозяйство в России начало строиться без предварительного создания капиталистических структур, хотя, как считают многие историки, экономическая история Западной Европы доказывает, что создание базовых капиталистических структур (протестантская этика, наемный труд, банки, страхование и др.) предшествует рыночному хозяйству. Смещение понятий рынка и капитализма, в принципе, соответствует духу либерального крыла экономической мысли, которое занято почти исключительно процессами.

Хотя в советские времена экономистов не-социалистических стран называли "апогетами капитализма", капитализм как хозяйственная система изучен в экономической теории совершенно недостаточно. Сторонники неоклассического направления как-то стараются избегать даже употребления термина "капитализм". У большинства россиян слово "капитализм" ассоциируется с марксистским учением, которое, казалось бы, безнадежно устарело. Мало, кто знает, что этот термин получил распространение в научном мире благодаря не столько Карлу Марксу, сколько Вернеру Зомбарту.

Вернер Зомбарт и немецкая историческая школа

Именно В. Зомбарт был в первой трети XX столетия главным теоретиком проблем капитализма. Некоторые исследователи на этом основании даже считают Зомбарта сторонником Маркса. Такое мнение о нем сложилось еще в Германии конца XIX в., из-за чего Зомбарт подвергался преследованиям властей. Но на самом деле Зомбарта роднит с Марксом только взгляд на природу накопления капитала, в основе которой, по их мнению, ле-

жит насилие и жажда наживы (вспомним марксовскую концепцию "так называемого первоначального накопления капитала").

Именно насильственную, по своей сути, природу капиталистических отношений не хотят признавать неоклассики, игнорируя само понятие "капитализм". Отвращение к зомбартовскому объяснению природы капитализма испытывали не только неоклассики, но также и его коллеги по молодой исторической школе, в частности, Макс Вебер.

Веберовская трактовка природы капитализма хорошо известна. Вебер полагал, что принципы накопительства и призвания, трактуемые протестантской моралью как главные императивы экономического поведения индивида, стали причиной генезиса капитализма в Европе. По Веберу, таким образом, капитализм возник в Европе не раньше XVI столетия (вернее, именно тогда появились его первые ростки). Разумеется, такой взгляд на генезис капитализма во многом противоречит и марксизму, и учению В. Зомбарта. Однако у концепции Вебера, если приложить ее к анализу конкретных ситуаций, заметны слабые места. Скажем, по мнению многих историков, капитализм впервые появился в католической Италии примерно на рубеже XIV и XV веков (правда, итальянский "прорыв" был затем подавлен феодальной реакцией). В начале XVII в. капитализм расцвел в Шотландии, стране тоже во многом католической. Именно развитию капитализма в Италии и Шотландии у Зомбарта уделено много внимания, что явилось своего рода его ответом на веберовскую теорию.

Хотя Зомбарт считается последним крупным представителем немецкой исторической школы, его подход к пониманию развития экономических систем во многом повлиял на немецких ордо-либералов. Автор намерен остановиться, в частности, на взаимосвязи между учением Вальтера Ойкена и молодой исторической школой в лице Вернера Зомбарта. Сравнение этих двух ученых дает наиболее полное представление об общих чертах и различиях между молодой исторической школой и ордолибералами. Но предварительно надо сделать некоторые замечания по поводу эволюции немецкой исторической школы.

Сейчас трудно представить, насколько популярна была историческая школа в Германии в начале XX в. К началу Первой мировой войны последователи Менгера (то есть австрийской школы) были почти полностью вытеснены представителями исторической школы из германских университетов. Евроцентристские и германофильские, по своей сути, концептуальные идеи молодой исторической школы лучше соответствовали духу кайзеровской Германии, чем абстрактно-либеральные концепции маржиналистов. Даже Вернер Зомбарт, который сочувствовал в молодости марксистам, в зрелые годы обратился к национализму.

Главным недостатком молодой исторической школы, к которой в начале своей научной карьеры принадлежал и сам В. Ойкен, была слишком сильная приверженность эмпиризму. Она рассматривала экономическую науку как междисциплинарный предмет, базисом которого являются история и география.

Некоторые исследователи видят в ордолиберализме германское продолжение американского институционализма. Действительно, между американским институционализмом и ордолибералами есть немало общего. Во-первых, оба направления обращают основное внимание на правовые аспекты хозяйственной жизни. Во-вторых, ими признается национальная уникальность экономических систем.

Однако Ойкен и его последователи не делали заимствования из теорий институционалистов США. В схожести американского институционализма и школы ордолибералов нет ничего удивительного, если обратиться к истокам обоих направлений экономической мысли. Как было сказано, Вальтер Ойкен сформировался как ученый, будучи еще приверженцем молодой исторической школы. А Джон Коммонс, один из основателей американского институционализма, тоже учился у представителей исторической школы. Торстейн Веблен также часто обращался к научному багажу исторической школы. Таким образом,

ордо-либералы не заимствовали идеи у американских институционалистов; на самом деле представители этих обоих направлений черпали многие идеи у германских ученых исторической школы.

***Сходство взглядов Ойкена и Зомбарта
на факторы генезиса капиталистического хозяйства***

Мы считаем, что идея социального рыночного хозяйства есть результат многих десятилетий развития экономической мысли в Германии, она не могла появиться в недрах неоклассической теории. Поэтому те современники В. Ойкена, которые рассматривали его учение как частный случай неоклассического направления, сильно ошибались. На самом деле Ойкен осуществил симбиоз неоклассики и исторической школы. Это явствует в наибольшей степени из его концепций генезиса и эволюции капитализма.

В то время как последние представители исторической школы утопали в эмпиризме, Ойкен развивал новое направление в германской и мировой экономической мысли. Несмотря на приверженность основным постулатам неоклассической теории, он обратил внимание в своих исследованиях в первую очередь на форму (т.е. на экономические системы), а не на процесс. В связи с этим понятен особый интерес Ойкена к неотделимым друг от друга проблемам генезиса и эволюции капитализма, хотя к концу 1930-х годов он отказался от употребления самого термина "капитализм". Таким образом, Ойкен продолжал традиции германской исторической школы и одновременно выступил ее основным оппонентом.

Именно Вернер Зомбарт, еще находясь под обаянием Маркса, сформулировал в начале XX века ту концепцию генезиса и эволюции капитализма, которая оказала сильное влияние на ордо-либеральную концепцию "хозяйственного порядка". Согласно ей, генезис капитализма произошел в результате роста жажды наживы в определенных сегментах европейского общества. Однако для того чтобы стремление наживы получило широкое распространение в жизни европейцев эпох Открытий и Просвещения, необходимы были определенные условия. Главными из них Зомбарт считал централизованное государство и либерализацию общественной морали¹. Существенная разница между Зомбартом и Марксом заключается в том, что последний рассматривал генезис капитализма как чисто социально-экономическое явление, спровоцированное ростом противоречий в феодальном обществе и лишь затем оказавшее влияние на культуру. Зомбарт же шел обратным путем: он видел генезис капитализма результатом сложных политических отношений и культурного развития европейцев, особенно трансформации культуры и сознания феодальной знати. У Зомбарта, как и Вебера, не бытие определяет сознание, а сознание бытие.

В. Зомбарта и В. Ойкена роднит видение процессов генезиса и эволюции капитализма, именно в этом аспекте Ойкен стал продолжателем молодой исторической школы. Если бы Зомбарт не увлекся в свои зрелые годы национализмом, то, вероятно, он оказался бы в одном ряду с Ойкеном.

У обоих авторов капитализм – это продукт эволюции, постоянно трансформирующийся под воздействием сложных политических процессов внутри западноевропейского региона. Европейская природа капитализма утверждается в трудах обоих ученых. И тот и другой считают капитализм результатом развития именно европейского общества. Европоцентризм – это особенная черта германской исторической школы, и в этом смысле Ойкен продолжает ее традиции.

Интересно, что в работах Ойкена мало внимания уделяется научно-техническому прогрессу как фактору, влияющему на развитие капитализма. Это не случайно, ведь историческая школа, начиная с ее создателя Фридриха Листа, рассматривают технологию как

¹ Зомбарт В. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 1. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 27 – 144.

вторичный (если не третичный) фактор экономического развития. Но это не означает, что представители исторической школы были ретроgrадами, просто они мыслили несколько шире. Логику их рассуждений по этому вопросу можно воспроизвести следующим образом. Да, НТП оказывает существенное влияние на трансформацию экономической системы. Но для того чтобы в обществе делались и внедрялись изобретения, необходимы институциональные условия, например, патентное право. Многие великие изобретения были сделаны в Китае еще в древности и в средние века, но лидерами в экономическом развитии стали народы Западной Европы, создавшие в эпоху нового времени основы защиты исключительных прав изобретателей.

Таким образом, трактовки генезиса капитализма у Ойкена и Зомбарта почти не отличаются по сути. Согласно Ойкену, капитализм возник на волне меркантилизма. Зомбарт же считал, что истоки капитализма надо искать в трансформации структуры средневекового государства в пользу увеличения милитаристской составляющей государственной машины.

В Европе эпох крестовых походов и Ренессанса увеличились военные расходы государства, стали более востребованы предприимчивые дельцы для организации военных экспедиций. Эти дельцы выступали в роли государственных чиновников, но в то же время они работали на себя, накапливая капиталы. В период меркантилизма данный тип предпринимателей был очень распространен в Европе, Зомбарт даже причислил к ним некоторых государей. Но почему именно государство в лице своих чиновников и предприятий стало источником зарождения капитализма? Зомбарт отвечает на этот вопрос так: «Государственное предприятие обладало всегда резкими характерными чертами. Это относилось к внешним рамкам устройства предприятия. Во времена недостаточного образования капиталов суммы, на которые государственные власти имели возможность основывать предприятие, являлись значительными, часто сами по себе достаточно большими, чтобы вообще можно было начать предприятие. Вспомним крупные транспортные предприятия, которые вплоть до XIX столетия и позднее могли держаться только на силе государственного капитала; вспомним устройство верфей и т.п.»². Но не только финансовый фактор стал причиной активного участия государства в процессе формирования капитализма. Был еще организационный аспект, о чем Зомбарт пишет следующее: «Таким же выдающимся был организационный аппарат, которым располагало государство. Снова перенесемся в те времена, когда еще не доставало вышколенного персонала, и дадим себе отчет в том, какими преимуществами обладало государство в лице своего чиновничьего аппарата перед частными предпринимателями, которые еще только должны были воспитать свой штат...»³.

Вальтер Ойкен особо не задерживал внимание в своих трудах на вопросах генезиса капитализма. Он по существу солидаризируется с Зомбартом, хотя и ссылается на немецкого историка Фридриха Майнеке (в некоторых российских источниках - Мейнеке). (Не связано ли это с личной антипатией Ойкена к Зомбарту, который в начале 1930-х гг. занял откровенно националистическую позицию?) Признавая вслед за Зомбартом важную роль государства в генезисе капитализма, Ойкен в то же время пытался с ним полемизировать, хотя, на наш взгляд, не совсем удачно. Он писал: «Разумеется, государь, проводя свою экономическую политику, сплошь и рядом вторгался в хозяйственную жизнь, он в значительной степени становился инициатором и носителем экономического прогресса. Но государь мер-

² Зомбарт В. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 1. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 125.

³ Там же. Эти размышления Зомбарта очень интересно примерить к генезису постсоветского капитализма. Ведь большинство предпринимателей пришло в российский бизнес как раз из бывших советских государственных структур. Это вполне понятно: государственный чиновник обладает информацией, межличностными связями и знаниями законодательства в куда больших объемах, нежели индивид, никогда не имевший отношения к государственной службе. Таким образом, можно сделать вывод, следуя Зомбарту, что (во всяком случае, до конца 1990-х гг.) в российском обществе имел место ранний, то есть меркантилистский капитализм.

кантилистской эпохи был далек от желания регулировать всю хозяйственную деятельность своих подданных, как она сложилась в городе и деревне в силу старых традиций и связей. Он вмешивался в экономические процессы, т.е. строил фабрики, заселял новые земли, вводил запреты на ввоз или вывоз товаров, лишь в той мере, в какой этого требовали, по его мнению, интересы государства. В остальном же он предоставлял экономику, которая в тот период в целом изменялась незначительно, самой себе. Тем самым меркантилистская политика не устраняла раскола между государством и обществом вплоть до конца абсолютистской эпохи»⁴. Можно сделать вывод, что Ойкен считал государство одной из иницилирующих генезис капитализма сил; но, чтобы оценить место этой силы в сравнении с другими факторами генезиса, надо было бы рассказать и о других источниках происхождения капитализма, однако Ойкен оставляет их «за кадром».

Таким образом, проблема генезиса капитализма у Ойкена описана в расплывчатых тонах, он как бы стремится абстрагироваться от исторической школы и особенно Зомбарта, но в то же время продолжает тесно придерживаться их постулатов.

Различие между Ойкеном и Зомбартом в понимании эволюции капитализма

Понимание эволюции капитализма у Ойкена отличается от зомбаровского взгляда в следующих пунктах, Зомбарт был убежден, что капитализм идет от расцвета в эпоху Ренессанса к затуханию в индустриальном периоде. Ойкен же считал, что капитализм, напротив, идет к расцвету, если только это движение не будет нарушено социалистами. Ойкен выдвинул концепцию трех стадий развития капитализма - меркантилизм, либерализм и экономическое государство. Последняя стадия, это, собственно, уже не стадия развития капитализма как такового, а стадия экономического развития, в рамках которой трансформируется капитализм. Как и Людвиг Мизес, Ойкен идеализировал вторую стадию, то есть либерализм, полагая, что именно на ней предпринимательская инициатива нашла наиболее полные возможности для реализации⁵.

Другим полем расхождений между Ойкеном и Зомбартом является взгляд на динамику капитализма. Это – очень важный аспект всех теорий о происхождении капитализма, поскольку признание за капитализмом динамики естественным образом влечет за собой вопрос о возможности завершения капиталистического развития. Зомбарт вслед за Марксом признает преходящий характер капитализма, за которым следует социалистическое общество (правда, зомбаровский социализм отличается от его марксистского варианта). Ойкен же категорически отрицал динамический характер капитализма⁶. В этой связи он приводит пример Нидерландов, где капитализм на протяжении длительного времени оставался статичен. Из модели капиталистического общества Ойкена почти изгнан психологический фактор. Если у Зомбарта психология играет ведущую роль в развитии капитализма, то у Ойкена главенствующее место отведено государственным структурам.

В своем отрицании неотъемлемости динамики для капиталистической экономики Ойкен зашел столь далеко, что вообще отверг сами термины "капитализм" и "социализм". Вначале он сделал это по отношению к социализму, когда в 1932 г. выдвинул тезис о том, что в Советском Союзе фактически развивается капитализм, приобретший на данном этапе исторического развития страны столь необычные формы. В конце 1930-х гг. Ойкен отказался и от термина "капитализм". По его мнению, каждая экономика имеет свой национальный уклад, поэтому использование таких универсальных понятий как "капитализм" и "социализм" не имеет смысла. Подобные рассуждения окончательно наводят на мысль о том, что

⁴ Ойкен В. Структурные изменения государства и кризис капитализма // Теория хозяйственного порядка. Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм». М.: Экономика, 2002. С. 11.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 9.

Ойкен вовсе не порвал с исторической школой, хотя и всячески старался от нее абстрагироваться. На отрицание капитализма и социализма повлияло также личное негативное отношение Ойкена к марксизму. Видимо, он до того отрицательно относился к учению Маркса, что решил полностью исключить из своего научного лексикона его терминологию.

Во многом политический характер концептуальных идей Ойкена относительно капитализма привел основателя школы ордо-либералов к некоторым очень декларативным и отчасти даже спекулятивным выводам об эволюции капитализма. В частности, более чем сомнителен его тезис о том, что капитализм не обязательно обладает динамикой. Как было сказано выше, Ойкен приводит тому пример Нидерландов; также в подкрепление своего тезиса он указывал на Англию конца XIX столетия, где экономика перестала расти в сравнительно длительном периоде. Но ему легко возразить. Да, в самой Англии в указанное время прекратилось строительство новых предприятий, экономическая жизнь впала в застой. Однако на периферии Британской империи капитализм, экспортированный из метрополии, вовсю процветал и развивался. То же самое можно сказать и о голландском капитализме – ведь Нидерланды тоже были колониальной империей.

Нам, россиянам, должны быть интересны рассуждения Ойкена о Советской России. При всей кажущейся абсурдности сделанного Ойкеном вывода о том, будто в России при большевиках начала развиваться некая особая форма капитализма, сегодня мы можем по-иному посмотреть на эти рассуждения. Дело в том, что, как признают многие исследователи, социализма в России в прошлом столетии не было, а была какая-то уникальная форма общественного устройства. Некоторые экономисты в связи с этим вспоминают концепцию азиатского способа производства, рассматривая СССР как индустриальную инкарнацию аграрного "восточного деспотизма" (в 1950-е с этой идеей выступил К.-А. Виттфогель, в 1990-е гг. - Л.С. Васильев и Р.М. Нуреев). Ойкен в начале тридцатых годов считал, что советская форма экономики не что иное, как некий переходный этап от докапиталистического общества к капитализму. В частности, он писал по этому поводу: «Россия в своем нынешнем хозяйственном порядке обнаруживает определенное сходство как с североамериканской экспансионистской страной, так и со старыми капиталистическими странами Европы давно прошедшей меркантилистской эпохи»⁷.

По мнению Ойкена, до 1917 г. в России существовало в основном докапиталистическое общество. Получается, что в России не было объективных предпосылок для социалистической революции. А намерения официальных советских властей построить социализм, по мнению, Ойкена были просто красивыми декларациями, призванными увлечь и организовать массы. Сейчас мы видим, что эта интерпретация во многом кажется правдоподобной. Мнение Ойкена относительно российского социализма в принципе соответствует взглядам большинства американских советологов (включая Р. Пайпса), видевших в рождении командной экономики Советского Союза результат социально-экономического отставания царской России. Если следовать логике Ойкена, Россия в конце XX в. преодолела только первый этап эволюции капитализма, то есть совершила переход от меркантилистского капитализма к либеральному капитализму. Страны Западной Европы сделали это на два с лишним столетия раньше. Интересен также еще один вывод Ойкена относительно России советского периода. По его мнению, советское государство было отделено от народных масс, что, в принципе, соответствует западноевропейскому государству этапа меркантилизма⁸. Признавая возможность развития в России капитализма, Ойкен отчасти отрицал европоцентристский подход молодой исторической школы, которая настаивала на исключительно европейской природе капитализма.

⁷ Ойкен В. Структурные изменения государства и кризис капитализма // Теория хозяйственного порядка. Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм». М.: Экономика, 2002. С. 28.

⁸ Ойкен В. Структурные изменения государства и кризис капитализма. С. 29.

"Экономическое государство" Ойкена – это результат Первой мировой войны и революций в Европе. Оно, по мнению Ойкена, вмешалось в экономические процессы, создав в лице государственной распределительной системы альтернативу рынку и свободному предпринимательству. Экономическое государство постепенно вытесняет рынок и частный сектор, что ведет к кризису капитализма и заменяет объективные законы экономического развития субъективной волей. Таким образом, В. Ойкен рассматривает государство как внешнюю по отношению к экономике силу. Здесь он расходится с молодой исторической школой. В. Зомбарт не проводил разделения экономики и государства, государство у него органически встроено в экономическую систему. Тем не менее, это – лишь частное отклонение Ойкена от молодой исторической школы. В целом Ойкен продолжает ее традиции.

Теория экономических систем В. Ойкена

Хотя к концу 1930-х гг. Ойкен, как было сказано выше, отказался от употребления терминов "капитализм" и "социализм"⁹, но этот поворот нельзя рассматривать как окончательный порыв с традициями исторической школы. Отвергнув теории формаций и классов, признававшиеся Вернером Зомбартом, Ойкен как бы вернулся к истокам исторической школы. Дело в том, что основатель исторической школы Фридрих Лист создавал свою теорию как попытку заполнить пробелы в классической теории, главным из которых он полагал бессистемность классической методологии. Именно на эту отрицательную особенность современной ему неоклассики указывал Вальтер Ойкен¹⁰.

Если нет формаций, то, в таком случае, какие существуют формы хозяйствования?

Ойкен вывел две чистые формы хозяйства: «идеально-типические хозяйственные системы, во-первых, не-менового «централизованно управляемого хозяйства» и, во-вторых, «менового хозяйства». Система «централизованно управляемого хозяйства» характеризуется тем, что вся экономика регулируется планами, исходящими из одного центра. Если экономика общества состоит из двух и более отдельных хозяйств, каждое из которых составляет и проводит в жизнь свои планы, то это – система «менового хозяйства»¹¹. Между этими двумя чистыми формами располагается множество различных комбинаций планового и менового хозяйств.

Эволюция хозяйства, согласно Ойкену, шла по пути от жестко централизованно управляемого хозяйства (то есть натурального хозяйства) к меновому хозяйству. «Собственное натуральное хозяйство и централизованно-административное хозяйство – родные братья⁶», писал Ойкен. По его мнению, через интеграцию родовых натуральных хозяйств формировалось меновое хозяйство, достигшее своего расцвета в индустриальную эпоху. Таким образом, централизованно управляемое хозяйство – это анахронизм, проявляющий себя в исключительных случаях, если речь идет о цивилизованном обществе. В этих рассуждениях просматриваются следы французской Школы "Анналов", которая рассматривала прогресс европейской цивилизации как постепенную интеграцию общественных систем. Таким образом, Ойкен переводит анализ эволюции общества из плоскости изучения насилия и эксплуатации в плоскость изучения консолидации индивидов и социальных групп. Похожим образом рассуждал еще Фридрих Лист, когда строил свою концепцию ассоциации производительных сил.

⁹ Надо отметить, что даже такие либералы, как Ф. Хайек и Дж. Сорос, не отрицают существования капитализма.

¹⁰ Конечно, он также писал о недостатках методологии и исторической школы, но под исторической школой Ойкен подразумевал знакомых ему Зомбарта и Шмоллера, которые уже очень сильно отклонились от истоков своей школы.

¹¹ Ойкен В. Основы национальной экономики: Пер. с нем. / Общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. М.: Экономика, 1996. С. 106.

⁶ Там же. С. 114.

Отрицание Ойкеном традиционной теории формаций и капитализма, в частности, позволяет нам по-иному взглянуть на экономическую историю России и иных стран. Получается, если следовать логике Ойкена, что нет отставших и передовых в экономическом отношении наций. Нет народов, большинство представителей которых имеют докапиталистическую ментальность, как это утверждал Вернер Зомбарт, и, соответственно, наций с капиталистической ментальностью. Есть создаваемые государством формы, образующие экономическую систему, которая обладает уже заданными правилами поведения. Таким образом, причинная нагрузка экономического развития перемещается из сферы материального воспроизводства в область политики и связанных с ней социально-культурных процессов, что, собственно, и доказывали В. Зомбарт и другие представители исторической школы.

Насколько научно обоснован этот культурно-политический детерминизм?

Прежде всего, надо подчеркнуть, что в своем подчеркивании первичности политики и культуры В. Ойкен далеко не одинок. Можно вспомнить хотя бы В.О. Ключевского, который хорошо показал, как трансформация религиозного сознания и борьба политических группировок внутри православной церкви в XV в. повлияли на все экономическое развитие России. Многие современные исследователи признают, что при этом противостоянии Горбачева и Ельцина неблагоприятный для второго оборот, и экономическая система современной России была бы совсем иной.

Означает ли признание первичности политики и культуры, что причины глобальных экономических процессов не постижимы полностью? Ведь мы не можем обладать всеми данными о мотивах поведения того или иного политика. Разумеется, нет. Знать все причины поведения отдельного индивида, наделенного властью, невозможно. Но мы можем понимать те социальные среды и связи, заставляющие индивида действовать так, а не иначе. Человек – это продукт культуры и общества, в котором он развивался и развивается, так утверждала немецкая историческая школа. Исходя из этого постулата, мы можем максимально приближенно понять действия индивида и отдельных социальных групп.

Итак, общество у Зомбарта, и у Ойкена – это сложная структура, где существуют тысячи форм и связей, а не сведенные вместе две социальные группы, эксплуататоры и эксплуатируемые, обреченные бороться друг с другом, как это представлено у Маркса. Другая крайность – общество в трактовке неоклассиков, состоящее из миллионов абсолютно независимых индивидов, стремящихся максимизировать свои доходы. Таким образом, историческая школа и ее крайнее ответвление, ордо-либерализм, находятся где-то посередине между марксизмом и неоклассикой.

Резюмируя все сказанное, можно сделать следующие выводы:

- Вальтер Ойкен не порывал с исторической школой, а, напротив, в своих рассуждениях шел к ее истокам, то есть к Фридриху Листу;
- теорию ордо-либералов нельзя считать частным случаем неоклассики, это – симбиоз неоклассики с немецкой исторической школой;
- ордо-либералы методологически близки институционалистам, что является результатом сильного воздействия на оба направления немецкой исторической школы.

Литература

1. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2001.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006.
3. Гутник В. Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: Экономика, 2002.
4. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3-х томах. СПб.: «Владимир Даль», 2006.
5. Ойкен В. Основы национальной экономики: Пер. с нем. / Общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. М.: Экономика, 1996.

6. Ойкен В. Структурные изменения государства и кризис капитализма // Теория хозяйственного порядка. Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм». М.: Экономика, 2002.
7. Тарушкин А.Б. Институциональная экономика. СПб.: «Питер», 2004.

Раздел 2.3. Орло-либерализм - основа социального рыночного хозяйства

Гутник В.П. (ИМЭМО РАН)

Теоретическое обоснование политики хозяйственного порядка и ее основные принципы

1. Особенности возникновения теории хозяйственного порядка и ее конституирующие элементы

Либеральная традиция принципиально не признает права государства вмешиваться в процесс хозяйственного формотворчества, заниматься «политэкономической инженерией». Однако в реальной действительности чисто эволюционное развитие лишь в редких случаях приводит к созданию эффективных или хотя бы общественно приемлемых хозяйственных форм и правил поведения и властные структуры с неотвратимой активностью приступают к корректировкам или радикальным изменениям хозяйственных порядков. В лучшем случае это делает государство, в худшем (при слабом или безответственном государстве) – олигархические группы или придворная камарилья.

Непризнание активной роли государства в реформировании хозяйственного порядка, в системной трансформации ставит либералов в трудное положение: они сдают позиции мощным группам интересов, которые формируют хозяйственные условия, выгодные для них, но не отвечающие критериям свободного предпринимательства и конкурентного рынка.

Поэтому в среде самого либерализма постепенно стала осознаваться необходимость упорядочивающей деятельности государства. Наиболее ярко это проявилось в германском неолиберализме 1930–1950-х годов, и особенно в ордолиберальных концепциях экономистов и юристов Фрайбургской школы во главе с Вальтером Ойкенем и Францем Бёмом. Ордолиберализм считает неправомерным ограничивать роль государства лишь контролем за соблюдением правил хозяйствования. Государство обязано также создавать эти правила, изменять их в случаях, когда они перестают быть действенными или не соответствуют требованиям и условиям данного этапа развития. При этом государство не может рассчитывать на адекватное и быстрое изменение форм и механизмов хозяйственной деятельности и вынуждено вмешиваться и в эту сферу, с тем чтобы новые правила и нормы не повисли в воздухе. Институциональные преобразования совершаются в результате и деятельности хозяйствующих субъектов («спонтанное» становление, развитие и видоизменение рыночных институтов), и целенаправленной экономической политики государства. Становление эффективного и социально приемлемого хозяйственного порядка в современных условиях невозможно без активной, цельной и всеобъемлющей политики хозяйственного порядка. Последняя не означает активного вмешательства государства в хозяйственные процессы, хотя экономическая политика и не может обходиться без такого вмешательства. Однако оно может быть минимизировано (или, точнее, оптимизировано), если политика порядка проводится последовательно и комплексно. Ведь сбои в хозяйственных процессах возникают либо из-за внешних воздействий, с которыми рыночная хозяйственная система не может самостоятельно совладать и тогда призывает на помощь государство, либо вследствие неэффективного порядка, в чем виновата уже сама экономическая политика.

Понять секреты социального рыночного хозяйства невозможно без знания концепций, теоретически и идеологически подготовивших и обосновавших этот порядок, созданный на

руинах тоталитарного нацистского режима. Именно в практической и рациональной Германии предпосылкой системных реформ неизбежно должны были стать теоретические разработки основных принципов и правил новой системы. Новый строй был теоретически обоснован – не предписан во всех деталях, не представлен в виде чертежей-планов, а именно обоснован как некий цельный «эскиз». Концепция социального рыночного хозяйства никогда не считалась замкнутой, завершенной; напротив, она была открыта для постоянного видоизменения и совершенствования, но в рамках принципиально выбранного порядка.

Социальное рыночное хозяйство – это не просто модель экономического развития или вариант соединения эффективной экономики с принципами социальной справедливости. Это особый тип общественного устройства и даже особый способ мышления. Без распространения новой идеологии свободы и порядка, порывающей не только со старыми нормами национал-социализма, но и с принципами олигархической псевдodemократии Веймарской республики и с начатой ею «эпохой экспериментов», либеральные реформы вряд ли были бы приняты населением.

Успех социального рыночного хозяйства в послевоенной Германии во многом был обусловлен ясной и целенаправленной экономической политикой по созданию вполне определенного хозяйственного и социального порядка. Такая политика не могла быть и не была спонтанным озарением или постепенным продвижением вперед методом проб и ошибок. Политики знали, что они создают, куда ведут страну, широко информировали общественность о своих намерениях, а потому и предприниматели, и работники осознавали смысл данной политики, даже если не всегда были с ней согласны^[1]. Впрочем, были и ошибки, и компромиссы, и существенные отступления от некоторых основополагающих принципов, но в целом эта политика – по меньшей мере на протяжении первых пятнадцати лет – оставалась относительно взаимосвязанной и сильной.

Дополнительную силу и внутреннюю устойчивость ей придавало то, что она опиралась на мощный теоретический фундамент, созданный немецкими учеными-неолибералами в 1930-1940-е годы и укрепленный в 1950-е, – на концепции свободного общества и свободной экономики, эффективного конкурентного порядка и социальной справедливости, правового и антитоталитарного государства, признающего приоритет свободы индивида и гуманистических начал в политическом устройстве. В отличие от других стран Запада (например, США) в Германии, проводившей в 1933-1945 гг. экономическую политику коллективизма и корпоративизма исходя из «единства» интересов народа, бизнеса и государства, ученым либерального направления приходилось доказывать эффективность и необходимость конкурентного порядка. При этом те же ученые учитывали горький опыт системы *laissez faire* (т. е. невмешательства государства в экономику), порождавшей не свободную конкуренцию, а господство картелей, исходили из необходимости сильного государства, проводящего политику поддержания конкурентного порядка. Следовательно, спецификой этого направления либеральной экономической мысли (в отличие, например, от Австрийской, Лондонской или Чикагской школ) было убеждение в плодотворности государственного участия в становлении и обеспечении функционирования свободного и конкурентного рыночного порядка.

Особо следует подчеркнуть, что эти концепции были далеки от абстрактных экономических теорем, а, напротив, имели непосредственную практическую направленность. Не случайно почти все ученые, которых позже стали называть «духовными отцами» социального рыночного хозяйства, стремились повлиять на текущую политику, давали рекомендации государственным органам или прямо переходили работать в правительственный аппарат, а профессор Людвиг Эрхард в 1948 г. возглавил работу по практическому воплощению идеи свободной, эффективной и социально справедливой экономики в Западной Германии. Разумеется, он не смог реализовать неолиберальные концепции полностью – отчасти из-за

давления групп интересов и политических сил, отчасти из-за объективной невозможности, а в какой-то степени, видимо, и по причине сохранения у него в 1940-1950-е годы остатков корпоративистского мышления и веры в полезность крупных концернов и предпринимательских союзов ^[2], но в своей политике он весьма активно использовал ордо- и неолиберальные аргументы.

Именно в процессе становления и эволюции *социального рыночного хозяйства* в Германии в наиболее отчетливой форме проявилось практическое действие политики хозяйственного порядка. Определяющее значение для разработки концепции социального рыночного хозяйства как нового хозяйственного и социального порядка имели теоретические работы трех групп ученых ^[3]:

Фрайбургской школы, которую еще в середине 30-х годов XX в. создали профессора университета в г. Фрайбург Вальтер Ойкен, Франц Бём и Ханс Гроссманн-Дёрт ^[4]; к ним примыкали Леонхард Микш, Фридрих Лутц, Фридрих Майер и другие ученые. Это направление именуют также ордолиберализмом (от названия основанного Ойкеном и Бёмом и уже упоминавшегося выше ежегодника «ORDO» и предшествовавшей ему серии публикаций «Ordnung der Wirtschaft» ^[5]);

неолибералов гуманистической традиции, прежде всего Вильгельма Рёпке и Александра Рюстова, соединявших в своих работах проблемы экономического, общественного и культурного развития ^[6];

социал-либералов, в значительной мере (впрочем, как и ученые второй группы) ориентировавшихся на христианскую социальную этику. Представители этой группы, и прежде всего Альфред Мюллер-Армак, стремились найти «магическую» формулу консенсуса государства, общества и бизнеса.

Не все идеи этих ученых были востребованы политиками в процессе переустройства послевоенной Германии и последующего развития социально-экономической системы ФРГ, однако ценность теоретического обоснования нового хозяйственного порядка от этого не уменьшается. Ведь они были не только экспертами для властей, но и пропагандистами нового мышления, а их книги стали учебниками для послевоенного поколения экономистов, юристов, социологов и политологов.

Иерархия среди ученых ордолиберального направления едва ли возможна, но бесспорным главой Фрайбургской школы является В. Ойкен, первым систематически изложивший теорию хозяйственных порядков (Theorie der Wirtschaftsordnungen) и разработавший принципы взаимосвязанной экономической политики.

2. Ордолиберальная концепция Фрайбургской школы

Ситуация в побежденной в первой мировой войне Германии в 20-е годы была непростой. Ущемление национального достоинства в Версальском мирном договоре накладывалось на тяжелое экономическое положение, характеризовавшееся гиперинфляцией (особенно в 1922–1923 гг.), высокой безработицей, господством картелей. Непосильные репарации, которые должна была платить Германия странам Антанты, отторжение промышленно развитых территорий страны, чередование «левых» и «правых» путчей – все это не могло не сказаться на и без того неустойчивой и противоречивой экономической политике тогдашних германских правительств. Нельзя не упомянуть и о сформировавшейся к началу первой мировой войны системе государственно-монополистического капитализма (ГМК) ^[7], означавшей не только сращивание властных экономических групп с государственными структурами, но и введение в обширных масштабах централизованно-административного управления экономикой. И хотя после первой мировой войны государственно-монополистические элементы ослабли, полностью они не были упразднены и дали о себе знать в 1930-е годы. К тому же государство взяло курс на подъем экономики через поддержку крупных монополи-

стических образований, стимулировало, как и в конце XIX в., образование картелей. Тем самым демократическое по форме германское государство в 1920-е годы само создавало базис для трансформации в тоталитарный режим.

Поиском выхода из тупика, в который попала Веймарская республика, занимались многие ученые и политики, причем все большее понимание находила стратегия силового решения и противодействия «врагам государства», вылившаяся в конечном счете в приход к власти национал-социалистов. Однако в это же противоречивое время шел поиск и либерального разрешения проблем Германии. Профессор Фрайбургского университета Вальтер Ойкен и его соратники стремились преодолеть стереотипы утвердившихся в тот период концепций и школ, убедившись в их неспособности найти эффективный выход из кризиса капитализма и всей экономической политики государства в 1920-1930-е годы. В результате в нацистской Германии была создана либеральная, антитоталитарная и по сути антинацистская научная школа, занимавшаяся поиском нового порядка социально-экономического развития, отличного и от капитализма, в котором полностью отсутствует государственное регулирование (*laissez faire*), и от централизованно-административных систем, характерных для советского социализма и немецкого национал-социализма.

Уже в своей первой значительной работе «Структурные изменения государства и кризис капитализма»^[8] Ойкен убедительно показал, что капитализм, при котором господствуют группы интересов и монополистические объединения, имеет с рыночной организацией экономики мало общего, а, напротив, подрывает основы рыночного хозяйства и порождает его болезненные деформации. Рынок без конкуренции становится фикцией, простой этикеткой, неизвестно что обозначающей на самом деле, а государство, поддерживающее картели и союзы, становится все менее и менее эффективным, но со все более явными деспотическими замашками. Оно начинает разрастаться, вмешиваться в экономику, ссылаясь на пожелания «снизу». Последствия, как подчеркивал Ойкен, не только негативные, но и вообще не те, на которые рассчитывают сторонники «сильного государства»: экспансия, которую в постбисмаркианскую эпоху требовали и осуществляли преимущественно представители экономики, означает отнюдь не усиление, а, напротив, ослабление государства. Более того, она таит в себе опасность разложения государства.

Характерно, что в начале 1930-х годов Ойкен фактически отождествлял процессы, происходившие в Германии времен Веймарской республики и в Советском Союзе, называя обе системы капитализмом, причем таким, который в обоих случаях разрушает рынок. Правда, уже через несколько лет Ойкен отказался от отождествления советской системы с капитализмом (заметим, что и термины «капитализм» и «социализм» он впоследствии почти не употреблял, справедливо, на наш взгляд, считая, что в рамках такой политико-идеологической антиномии серьезные экономические проблемы невозможно решить).

Не случайно поэтому Ойкен пытался разработать новую методологию исследования экономических систем, изложив результаты этих усилий в книге «Основы национальной экономики» (1940)^[9]. Правда, сам автор в Предисловии к первому изданию отрицал методологический характер своего фундаментального труда: «Эта книга не является методологической. Ее предмет – *экономическая действительность*... Проникнуть в экономическую действительность, чтобы постигнуть ее научным образом, – вот задача этой книги»^[10].

Ойкен провел морфологический анализ экономической действительности и выделил ограниченное число «чистых форм», из которых образуются разнообразные *хозяйственные порядки*. Последние в свою очередь можно свести к нескольким «идеальным типам хозяйства», а из них непосредственно выводится категория «хозяйственный порядок». Тем самым Ойкен, опираясь в значительной степени на методологию и теорию познания Макса Вебера^[11], наметил основные методы исследования хозяйственных систем. Его книга «Основы национальной экономики» формировала новый тип мышления – мышления в категори-

ях порядка и определяла рамки для целенаправленного поиска нового хозяйственного порядка, создаваемого после краха национал-социалистического режима. Фактически Ойкеном были определены отдельные институциональные элементы и принципы системы, которая позднее получила наименование социального рыночного хозяйства. Именно на эти элементы ориентировались многие ученые 1940-1950-х годов, участвовавшие в разработке основ послевоенного устройства Германии.

Порядок понимается чаще всего как совокупность обычаев, писанных (и утверждаемых, например, в виде законов) и неписанных правил и норм поведения, а также форм и механизмов, обеспечивающих их реализацию^[12]. Наиболее кратко порядок можно определить как *правила игры*.

Вместе с тем порядок следует рассматривать как неразрывное единство правил, механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и форм деятельности субъектов, действующих по этим правилам. Самый сложный вопрос: является ли составной частью хозяйственного порядка механизм государственного регулирования экономики или это внешний по отношению к нему параметр? В классических работах ученых ордолиберального направления трудно найти четкий ответ на него, хотя можно с некоторой вероятностью утверждать, что они (особенно Ф. Бём) склонялись к положительному ответу, большинство же современных авторов скорее считают, что государство находится вне хозяйственного порядка, хотя и активно его регулирует.

Концепция хозяйственного порядка была выработана В. Ойкеном в результате анализа огромного исторического и современного ему конкретного материала, переосмысленного с новых позиций. Исходный пункт концепции заключается в том, что не идеологии и не производственные отношения, а принципы и правила хозяйствования и экономического управления отличают одну экономическую систему от другой. В рамках одного типа хозяйствования (например, в рыночной экономике) формально одинаковые институты могут обладать столь большим своеобразием, что субъекты хозяйствования вынуждены по-разному вести себя на рынке.

Но как получить и откуда вывести формы, в которых протекает хозяйственный процесс, формы, которые должны быть абстрактными, но очень близкими к действительности? До сих пор этот наиболее сложный и спорный вопрос не решен удовлетворительным образом. В этом пункте методология Ойкена, ссылавшегося на тонкое чутье исторических фактов, подвергается особенно сильной критике.

Однако, несмотря на этот спорный момент, можно констатировать, что в «Основах национальной экономики» Ойкен наметил контуры современной институциональной экономики: экономический анализ распространен на сферу общественных институтов, прежде всего на институты права. Подбор исторических примеров, которые то иллюстрировали, то обосновывали теоретические экономические выводы, можно характеризовать не как «устаревший» (как назвал его однажды М. Е. Штрайт), восходящий к исторической школе метод, а как не осознаваемый тогда прорыв в сферу институционального анализа.

При этом фундаментальное значение имеет четкое категориальное разделение, проведенное Ойкеном между «правилами игры» и отдельными «ходами в игре». «Оно демонстрирует, что системное изменение поведения гораздо эффективнее осуществить путем изменения рамочного институционального порядка, чем моральными призывами»^[13]. Отсюда же можно сделать вывод, что хозяйственное поведение обусловлено не только традициями, менталитетом, общей «конstellацией данных» и т. п., но и заданными государством (и другими субъектами, например профессиональными объединениями) рамочными условиями, причем последние могут быть даже более значимыми, чем традиционные факторы, но одновременно и более гибкими, подверженными целенаправленным изменениям. Следовательно, можно воздействовать на достаточно быстрое, т. е. не «через несколько поколений»,

а в течение одного-двух поколений, изменение хозяйственного поведения через изменение рамочных экономических (и политических!) условий методами государственной политики.

В этом контексте примечательно мнение известного ученого М. Олсона, который в Предисловии к русскому изданию своей книги «Возвышение и упадок народов» подчеркнул, что «будущее постсоветского общества не предопределено с неизбежностью его историей или чем-то иным. Если люди в новом демократическом обществе достаточно хорошо осознают ситуацию, в которой они оказались, „экономическое чудо” может случиться также и в их стране»^[14]. Правда, для этого необходимо нейтрализовать лоббирующее влияние групп интересов, не допустить картельного регулирования цен и зарплаты, а также обеспечить защищенные и четко обозначенные права собственности и действие контрактного права^[15].

Ойкен рассматривал порядок экономики лишь как элемент общественной системы, взаимоувязанный с другими элементами – государственным устройством, правовым порядком и т. д. Он выдвинул положение о *взаимозависимости порядков* (Interdependenz der Ordnungen), т. е. взаимообусловленности и взаимовлиянии политического, экономического, социального, правового порядков. Впоследствии оно развивалось многими учеными ордолиберального направления^[16], и взаимозависимость порядков понимается сегодня как многоуровневое явление. Это положение не только создавало фундамент комплексной и взаимосвязанной экономической политики государства, но и делало необходимыми междисциплинарные исследования экономического и социального развития. Целостный и междисциплинарный подход характерен для работ не только Ойкена, но и всех представителей Фрайбургской школы.

Тем не менее в теории Ойкена явно доминировали экономические методы исследования, хотя сам предмет – создание институциональных рамочных условий – подразумевает, по меньшей мере, соединение юридических и экономических методов. Многие ученые даже полагают, что исследование порядков, в частности хозяйственного, относится к юридической науке. Однако ближе к истине, пожалуй, те, кто считает, что у Ойкена (как и у Р. Коуза) применяется именно экономический подход к разработке рамочного институционального, в том числе и правового, порядка^[17], и именно эта традиция является наиболее плодотворной для современного уровня исследований.

На основе такого понимания ордолиберальной концепции можно сделать вывод, что она исходила из экономического *обоснования* законов, а не из анализа последствий их применения. В условиях существенного изменения законодательства и особенно трансформации хозяйственного и правового порядка именно такой подход становится жизненно необходимым. Новое хозяйственное законодательство нельзя строить только на юридической основе, более того, экономические аргументы могут и должны вести к изменениям в правовой базе вплоть до введения новых терминов и взаимосвязей между понятиями. Примеры российских законов об акционерных обществах, о Центральном банке России, Трудового кодекса и т. д. наглядно показывают, чем оборачивается пренебрежение экономической составляющей даже при юридически грамотном составлении законопроектов.

Вместе с тем концепция хозяйственного порядка не была завершена Ойкеном, многие ее элементы остались неразработанными. Задаваемые извне «данные»^[18], т. е. параметры, определяющие условия хозяйствования, несмотря на провозглашенный тезис о взаимозависимости порядков, были выведены из сферы экономического анализа и утрачивали свою историчность. Концепции Ойкена недоставало анализа возникновения и изменения порядков, в том числе и под воздействием «данных» Требовалась «динамизация теории хозяйственного порядка»^[19], которая позднее была частично реализована в концепциях новой институциональной экономики, прежде всего в работах Д. Норта.

Первая книга В. Ойкена ознаменовала собой поворот немецкой экономической науки от «исторической школы» к теории хозяйственного порядка, призванной выявлять, анализировать и обосновывать институциональные формы, правила и механизмы их реализации. Данная теория и стала фундаментом ордолиберализма – специфически немецкой разновидности либерализма, базирующейся на принципах свободной конкурентной экономики, но допускающей активное участие государства в формировании хозяйственного порядка. В современной немецкой экономической мысли ордолиберализм сосуществует и взаимодействует с неоклассическим анализом, но не растворяется в нем. Фактически о теории хозяйственного порядка и ордолиберализме можно говорить как о синонимах.

Ордолиберальная теория исходит из возможности существования разнообразных порядков, будь то «сконструированные» властями или спонтанно выросшие: они могут быть эффективными или неэффективными, демократическими или авторитарными, конкурентными или кооперативными, с более сильной или с более слабой социальной компонентой. Порядок может формироваться «естественным образом», но результат не всегда устраивает общество в целом и его основные группы; чаще всего такой порядок не способен ответить на вызовы времени, и довольно быстро хозяйственные и общественные элементы вновь становятся неупорядоченными. Из этого следует, как подчеркивал соратник Ойкена Фридрих Лутц, что «хороший хозяйственный порядок не образуется сам по себе, он должен устанавливаться»^[20]. Поэтому государство своей экономической политикой должно не только влиять на процесс формирования порядка, но и во многом определять его важнейшие характеристики. Эта специфически немецкая концепция порядка до сих пор представляет собой основу разработок в области экономической политики. Однако она не означает предоставления государству возможностей доминирования и диктата.

В написанной еще до начала второй мировой войны книге Ойкен доказывал не только политическую, но и экономическую несостоятельность «тотального государства» с соответствующим типом *централизованно-административного хозяйства* (конкретными воплощениями этого типа были и плановое хозяйство советского образца, и нацистское экономическое регулирование). Ему он противопоставил *меновое хозяйство* как идеальный тип рыночной экономики, регулируемой механизмами свободной конкуренции и цен. По Ойкену, меновое хозяйство не просто эффективнее – оно отвечает внутренней сути, природе человека как свободного и ответственного за свои действия субъекта.

Все эти методологические элементы разрабатывались Ойкеном не в абстрактном отрыве от реальной хозяйственной практики, а как раз для обоснования эффективной экономической политики, способствующей формированию «хорошего» порядка. В этой политике должны были воплотиться принципы ордолиберализма, которые сделали бы реальностью «третий путь» социально-экономического развития^[21]. Тезис о «третьем пути» наряду с фрайбургскими профессорами активно поддерживали и обосновывали неолибералы А. Рюстов^[22] и В. Рёпке^[23], а также А. Мюллер-Армак. Правда, многие современные неолиберальные ученые не разделяют убеждения, что «хороший» порядок можно отыскать на «третьих путях» и полагают, что социальное рыночное хозяйство, стержнем которого является конкуренция, – это лишь один из вариантов «первого пути», т. е. рыночной системы^[24].

Обоснованию ордолиберальной политики и была посвящена вторая книга Ойкена – «Основные принципы экономической политики»^[25]. По убеждению Ойкена, после войны должна была проводиться экономическая политика, построенная на принципах ордолиберализма и нацеленная на создание свободного хозяйственного порядка в Германии и во всей Европе.

Согласно ордолиберальной концепции, государство *организует* рынок, проводя *политику порядка* (Ordnungspolitik), и именно эта сфера должна быть приоритетной для государственной экономической политики, тогда как политика регулирования процессов

(Prozeßpolitik) второстепенна и носит вспомогательный характер, поскольку хозяйственные процессы непосредственно регулируются самостоятельными рыночными субъектами. Разделение этих двух сфер экономической политики имело принципиальное значение для формирования системы регулирования в социальном рыночном хозяйстве послевоенной Германии.

Эффективный хозяйственный порядок, по Ойкену, не может быть тоталитарным по своей сути, какие бы обличья тоталитаризм ни принимал. Предполагалось создать такой механизм воспроизводства социальной и экономической системы, который автоматически будет противодействовать зарождению любых элементов тоталитарного господства. Иными словами, взаимозависимость экономического и политического порядков обуславливала устойчивость свободного и открытого общества.

В экономической сфере порядок в свою очередь может охватывать всю ее целиком или отдельные ее фрагменты, образуя так называемые частичные порядки: конкурентный, денежный, финансовый, внешнеторговый, порядок на рынке труда и т. д. «Частичные порядки» могут быть разными, но обязательно должны соответствовать общему (совокупному) порядку, фактически образовывать его и одновременно корректироваться в соответствии с его принципами в случае сбоя или неполной взаимной совместимости (иными словами, «частичные порядки» подчинены общему). В рамках совокупного порядка устраняются неизбежные противоречия между «частичными порядками», находится такое решение, которое считается наилучшим из возможных для обеспечения именно совокупного порядка.

Но понимать связь между порядками как простую субординацию было бы ошибочно. Эта связь отражает сложнейшую взаимозависимость порядков, а фиксация и обоснование данного обстоятельства – одно из важнейших достижений ордолиберальной теории.

Решающим элементом новой системы является, безусловно, *свободная конкуренция*. Ойкен полагал, что именно она обеспечивает эффективность рыночной системы экономики и гарантирует личные права и свободы человека, а посему являет собой самое великое изобретение человечества. Рынок без конкуренции возможен (монополистический рынок), но неэффективен и, очевидно, ни в чем не превосходит централизованно-административную систему. Конкуренция реализуется лишь как свобода выбора для хозяйствующих субъектов в условиях многовариантности развития. При этом степень конкуренции может быть разной в зависимости от формы рынка – от рынка полной конкуренции до монополистического рынка (где, впрочем, степень конкуренции близка к нулю). Собственно регулирующим инструментом в условиях конкуренции являются цены – своеобразный «прибор», измеряющий уровень ограниченности (дефицитности) ресурсов и продуктов и подающий соответствующие сигналы всем участникам рыночного процесса. Главный недостаток централизованно управляемого хозяйства, по мнению ордолибералов, как раз и заключается в отсутствии в нем такого инструмента.

Обе книги Ойкена пронизаны идеей ограничения власти, а потому конкуренция для него – это механизм обеспечения не только свободных цен, но и свободного развития экономики и общества. Он считал пагубной концентрацию экономической власти – от кого бы она ни исходила – не только для хозяйственного процесса, но и для развития свободного человека. Свой тезис о «взаимозависимости порядков» Ойкен иллюстрировал взаимозависимостью властных позиций картелей и авторитарного политического строя. Такая взаимозависимость сохраняет свою значимость и ныне: если и не в чистом виде, то как тенденция она обнаруживается и в Германии (где, правда, тут же встречает мощное противодействие), и в России (где противодействие едва заметно), и в других странах.

Проводившуюся в конце 1940-х годов в Германии политику содействия конкуренции и декартелизации Ойкен считал неэффективной, и полагал, что именно она заложила мину под порядок социального рыночного хозяйства, будучи противоречивой и зависящей от та-

ких же групп интересов, которые подорвали в свое время Веймарскую республику. Он требовал действительно радикальной декартелизации, контроля за рынками и создания таких условий, при которых стало бы невозможным не только укрепление монополий, но и их существование, равно как и возникновение монополистических или олигополистических рынков^[26]. Сохранение же властных позиций монополий не только снижало эффективность хозяйственной системы, но и препятствовало решению социальных проблем, и поэтому говорить о социальной направленности складывавшегося в конце 1940-х годов порядка было, по мнению Ойкена, неправомерно. Он не видел у реформаторов конца 1940-х годов большого желания воспользоваться уникальным шансом, чтобы ликвидировать в Германии основы картелизированной экономики и утвердить принципы полной конкуренции.

Ойкен, критикуя реформы, начатые Эрхардом, предупреждал об опасности деформации социального рыночного хозяйства, его превращения в общество, где властные экономические группировки обеспечат социальное благополучие масс за счет ограничения возможностей свободного развития индивида. Вместе с тем эта критика была отчасти романтической, идеалистической, ибо не учитывала соотношения сил в тех конкретных условиях и ограничений, накладываемых интересами определенных групп (точнее, считала возможным переломить их). Для Ойкена было характерным явное преувеличение способностей рынка в условиях полной конкуренции решать практически все вопросы не только экономической, но и социальной и даже политической жизни. Это не умаляет значения предложенной им теории конкуренции: такая позиция необходима, по меньшей мере, для выработки правильных ориентиров экономической политики, но, к сожалению, практическая реализация ее невозможна.

По мнению некоторых исследователей, позиция Ойкена относительно «упорядочивающей способности государства» была непоследовательной и даже противоречивой, а его надежды на создание и поддержание государством конкурентного порядка безосновательными, ибо оно не преследует цели достижения эффективного хозяйственного порядка, а стремится обслуживать особые интересы как отдельных групп, так и прежде всего собственный интерес укрепления власти^[27]. Замечание о действиях государства, не соответствующих императивам Фрайбургской школы, трудно оспорить, тем более знакомых с государственной властью в России. Однако это не значит, что следует махнуть рукой на заведомо неэффективную экономическую политику и добиваться лишь максимальной минимизации государственного вмешательства в экономику. Без давления на государство и требования от него проведения политики порядка ожидать от него более рациональных с общественной точки зрения действий тем более не приходится. А Германия показывает, что несмотря на сохранение и в ней особых интересов, и злоупотреблений властью, и крупных скандалов, от правительства можно добиться и действий, необходимых для успешного развития общества и соответствующих принципам избранного хозяйственного порядка.

В значительной мере это относится и к проблеме борьбы с властью монополий. Разумеется, Эрхард и его сподвижники (например, А. Мюллер-Армак, О. Шлехт) не только не были противниками декартелизации, но и постоянно подчеркивали, что лишь конкуренция способна обеспечить достижение целей социального рыночного хозяйства, более того, свобода предпринимательства и свободная конкуренция (с ее важнейшим элементом – ценообразованием на основе рыночного спроса и предложения) являются главными устоями этой системы. Но идти на чересчур резкое обострение отношений с мощными хозяйственными группировками было рискованно как с точки зрения сохранения властных позиций правительства и поддержания внутривластной стабильности, так и из-за опасения, что удар по картелям вызовет экономические и социальные трудности, которые в краткосрочной перспективе не смогут компенсировать предприятия малого и среднего бизнеса. Очевидно, немалую роль сыграло и убеждение (свойственное многим правительствам), что только

мощные финансово-промышленные группировки способны к масштабной экспансии на внешних рынках и конкурентоспособны на мировом рынке. Поэтому более или менее эффективное антикартельное законодательство запоздало.

Фактически Эрхард оказался тогда заложником ситуации, не позволявшей ему действовать по целиком либеральным рецептам, а радикальность его преобразований («шоковое воздействие») на деле была меньшей, чем прокламировали СМИ и сами политики. Эрхарду необходимо было быстро выводить экономику и общество из состояния краха, но не сильно портить отношения с группами интересов, сила и влияние которых оставались весьма внушительными. В сходной ситуации оказалось и российское «правительство реформаторов» в начале 1990-х годов, действуя не вполне по правилам либеральной политики и проявляя непоследовательность, фрагментарность под давлением обстоятельств, опасаясь спровоцировать социально-политическую нестабильность, чреватую реваншем старой номенклатуры. Другое дело, что политическое и просто «полицейское» прикрытие у немецкого министра экономики оказалось надежнее, чем у российского «и. о. премьера», а политическая воля сильнее.

Ойкен же, обосновывая концепцию конкурентного порядка, призвал не ограничиваться одной лишь борьбой с монополиями и сформулировал *конституирующие принципы* эффективной и цельной экономической политики, которые неразрывны и обуславливают друг друга. Дополненные *регулирующими принципами*, они позволяют проводить не точечную, а комплексную, взаимосвязанную и долгосрочную политику.

Непризнание Ойкеном централизованного планирования не означало, что он делал ставку на спонтанное, ничем не регулируемое хозяйственное развитие. Рыночная координация базируется на определенном порядке, причем – и это обстоятельство Ойкен очень четко показал – порядок не препятствует экономической свободе, а, напротив, обеспечивает ее реализацию. Вместе с тем конкуренция в рыночной системе не сохраняется и не воспроизводится автоматически, а вытесняется монополиями, если не принимаются специальные меры по ее защите, т. е. не поддерживается конкурентный порядок. Последний, в свою очередь, также требует определенных условий, которые необходимо создавать и поддерживать. Именно в этом не только суть, но и важнейшая отличительная черта, *differentia specifica*, ордолиберализма. Он не просто выступает за конкуренцию (такой подход характерен для либералов любой страны и любой окраски), но требует – именно требует, а не допускает – активного государственного вмешательства для формирования конкурентного порядка (здесь обнаруживается явное отличие Германии, скажем, от США, где антitrustовское законодательство лишь ограждало конкурентный сектор от чрезмерно хищных монополий; в Германии же картели господствовали и могли подавить всякую конкуренцию) и последующего его поддержания. На наш взгляд, вполне справедливо говорить о специфической германской политике содействия конкуренции, тогда как в других развитых странах речь идет скорее об антимонопольной политике. Совершенно очевидно, что в сверхмонополизированной экономике России, где отсутствует свободный вход на рынок и где мелкий и средний бизнес прозябает в отведенной ему нише по производству 10–15% ВВП, борьба с монополиями в лучшем случае предотвратит несоразмерный рост цен и тарифов, но не создаст конкурентного порядка.

Критикуя и директивное, и индикативное народнохозяйственное планирование, равно как и кейнсианские методы вмешательства в экономические процессы, Ойкен выступал также против «смешанной» экономики, где действовали бы элементы и конкуренции, и централизованного регулирования экономических процессов. Это обстоятельство отметим особо, поскольку в нашей стране скрытые противники рынка (или – реже - непоследовательные сторонники) уже давно делают упор на том, что западные экономики не рыночные, а «смешанные», не уточняя при этом, что же с чем смешивается. Ошибка здесь двоякая: во-

первых, недопустимо смешивать все подряд, ибо такие смеси взрывоопасны, во-вторых, если речь идет о «смешивании» рыночного и государственного регулирования, то важно определить характер, суть последнего, чтобы установить его совместимость с рыночным механизмом (впрочем, и последний проявляется в разных вариантах, что также необходимо учитывать). Но при этом есть такие виды государственного регулирования, которые не «смешиваются» с рынком, а являются органичными для рыночной системы. Так, политика хозяйственного порядка как раз и представляет собой элемент, внутренне присущий рыночной системе. Следует также подчеркнуть, что и Ойкен, и даже Хайек отрицали возможность сочетания конкуренции с централизованным управлением, но не с планированием как таковым, которое не обязательно должно осуществляться из центра.

Что же касается решения «социального вопроса», то позиция Ойкена, как и других представителей Фрайбургской школы, отличалась от мнения сторонников «сильной социальной политики» (например, А. Мюллер-Армака). Эффективный социальный порядок, по Ойкену, заключается не в особой социальной помощи и не в социальном страховании, а в обеспечении государством таких условий, когда каждый способен самостоятельно позаботиться о себе и своей семье. Следует не результаты рынка корректировать «сильной социальной политикой», а помогать тем, кто «выпал» из сферы рыночных отношений – в силу возраста, болезней – или (пока) не вошел в нее.

Иными словами, подлинно социальным будет не тот рыночный хозяйственный порядок, в котором значительная часть ресурсов и доходов перераспределяется для социальных нужд в интересах большинства граждан, а тот, в котором число людей, действительно нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства и общества, минимально.

Основополагающий принцип ойкеновской концепции – неразрывная связь порядка и свободы – был отнюдь не очевиден ни в 1940-х, ни в 1990-х годах, и ордолибералы должны были доказывать взаимообусловленность двух основных ценностей. Изучением возможностей реализации выбранного порядка свободной конкурентной рыночной экономики, а также барьеров на этом пути еще с начала 1930-х годов занимался соратник Ойкена юрист Франц Бём.

Пожалуй, важнейшим вкладом Бёма в концепцию социального рыночного хозяйства стало обоснование тезиса о том, что угроза свободному конкурентному рынку и свободному обществу исходит не только от государства, имеющего привычку во все вмешиваться и все регулировать, но и от крупных частнохозяйственных или общественных структур. Более того, по Бёму, проблема экономической власти – это прежде всего проблема *частной* власти. Если концентрация такой власти окажется достаточно высокой, то функционирование рыночных механизмов будет нарушено, а демократические институты превратятся в пустую формальность.

Не чем иным, как политической безответственностью и отказом от научной истины (а то и тривиальной продажностью), является, по словам Бёма, «учет реальностей» теми учеными, которые пытаются обосновывать стремление отдельных субъектов и групп завоевать доминирующие позиции как объективную неизбежность. Вместе с тем борьба против экономической власти не может носить сугубо морального или просветительского характера. Необходимо формирование такого порядка, в котором господствовали бы принципы частного права.

Именно *частноправовое общество* обладает упорядочивающей силой, способной нейтрализовать властные поползновения как частных субъектов, так и государства ^[28]. «Частноправовой порядок предусматривает не просто сосуществование независимых друг от друга индивидов, а подчинение множества индивидов *единому правовому порядку*. Частноправовой порядок не только устанавливает правила, которым члены общества должны следовать при заключении договоров, при приобретении друг у друга благ и прав, при осуществ-

лении кооперации или обмена на основе договоров, а также тогда, когда они действуют, осуществляют планирование или бездействуют, не будучи связанными какими-либо договорными отношениями. Помимо этого частнопредправовой порядок наделяет всех людей, действующих в его рамках, чрезвычайно широкой свободой действий, чрезвычайно широкими полномочиями в сфере составления индивидуальных планов и установления отношений с другими людьми»^[29]. При этом государство отделено от общества, но, подобно заботливому садовнику, а иногда вооруженному ночному сторожу, должно содействовать нормальному существованию частнопредправового общества и регулировать те отношения, которые могут вызвать негативные для него последствия.

Частнопредправовое общество соединяет в себе предправовой порядок и рыночное хозяйство, оно становится общей основой и одновременно критерием сочетаемости (взаимозависимости) политической конституции, экономической и социальной политики, предпринимательской деятельности и роли союзов интересов. По определению профессора Э.-Й. Местмеккера, экономика становится рыночной лишь тогда, когда действия частных хозяйственных субъектов регулируются системой частного права^[30]. Это обязательное, но недостаточное условие. Для того чтобы рыночное хозяйство функционировало эффективно, требуется еще увязать частнопредправовой порядок с порядком, не допускающим ограничений конкуренции.

Ведь основным противодействием частной экономической власти как раз и является конкуренция. Бём называл ее «гениальнейшим и величайшим в истории инструментом лишения власти». Параллельно с Ойкенем он критиковал немецкое имперское законодательство, превратившее Германию в начале века в классическую страну картелей, а также позицию юристов в послевоенной Германии, считавших запрет картелей государственным искажением рынка^[31]. Одну из причин ошибочных судебных решений относительно картелей Бём усматривал в том, что юристы, несмотря на высокую квалификацию, оказались некомпетентными, ибо не понимали сути экономических процессов, не учитывали особенностей хозяйственно-политических мер. Поэтому работы Бёма представляют собой сплав юридического и экономического анализа, проведенного с учетом политических факторов. В своих практических рекомендациях и политической деятельности он был принципиален, но далек от догматизма. Идеальная, теоретически выверенная и высчитанная, но нереализуемая модель не представляла для него интереса.

Эта особенность Бёма как ученого имела очень большое значение, когда он помогал Л. Эрхарду «проталкивать» Закон против ограничений конкуренции. Для него важно было не просто «запретить» картели, а обеспечить эффективный хозяйственный порядок. Бём подчеркивал, что никакой, даже самый хороший, закон не внедрит стопроцентную конкуренцию и не уничтожит полностью экономическую власть на рынке. Поэтому антикартельный закон должен «обеспечить достижимый оптимум конкуренции и достижимый минимум экономической власти». Бём как законодатель, по свидетельству сподвижника Эрхарда профессора О. Шлехта, отталкивался от базисной теории о формах рынка (без теории, подчеркивал он, никогда не удастся создать хороший закон), но одновременно был прагматиком. В практической политике содействия конкуренции он предлагал применять простое правило: «оставить в покое мелкую рыбешку, даже если иногда она плавает косяком, а ловить крупных рыб-хищников»^[32].

Однако такую позицию Бёма ни в коей мере нельзя охарактеризовать как беспринципную. Напротив, он твердо держался принципов свободного общества и конкурентной экономики, но постоянно стремился воплотить их в действительность в наилучшей из возможных форме (хотя и ему не всегда это удавалось, и успех, скажем, при принятии Закона против ограничений конкуренции в 1957 г. был не слишком большим). Он умел, по словам экономиста и политика К. Биденкопфа, «проводить различие между компромиссом и нару-

шением принципов»^[33], но компромиссы допускались лишь при полной уверенности в сохранении общей концепции.

Такая особенность не была характерна, например, для максималиста Ойкена, который требовал твердо держаться основных принципов конкурентного хозяйственного порядка, полагая, что в противном случае они будут деформированы до неузнаваемости. Поэтому Бём удачно дополнял его в ордолиберальной школе как ученый-политик, способный создать технологию реализации принципов свободного порядка.

В этом заключается еще один урок ордолиберализма как духовной и научной основы трансформационной политики, направленной на формирование социального рыночного хозяйства: недостаточно выработать четкие и взаимосвязанные принципы и правила, образующие концепцию хозяйственного порядка, поскольку одновременно с разработкой концепции необходимо находить механизмы реализации данных принципов, иными словами, концепция должна быть *технологична* с учетом социальной среды, расстановки политических сил, противодействующего рациональной политике лоббизма и закулисных сделок отдельных групп интересов.

Ордолиберализм всегда выступал за активное и даже сильное государство. В частности, Бём подчеркивал иллюзорность представления, будто хороший порядок установится без всякого участия государства. Но что такое сильное государство? Для Бёма это прежде всего государство, максимально свободное от влияния групп частных интересов, или, если перевести на современный российский политический язык, государство, не только *равно-*, но и *далекоудаленное* от олигархов. Правда, для этого и необходимо предотвращать сосредоточение экономической власти в руках мощных группировок, поскольку иначе они не позволят государству «равноудалиться» от них.

Конечно, и от государственной власти исходит негативная энергия, а экономические интервенции государства могут сильно деформировать рынок. Поэтому деятельность государства должна быть жестко связана законами, упорядоченной правовой системой. Государство обязано особенно тщательно соблюдать правовые нормы. В частности, антимонопольную политику необходимо распространить и на само государство. Если ради «общего блага» или «наведения порядка» государство займет монополистические позиции в той или иной сфере хозяйствования, то негативные последствия этого для экономики едва ли окажутся меньшими, чем в случае действия частных монополий. В связи с этим Бём рассматривал обобществленное производство как основу для абсолютной государственной монополии предложения благ, спроса на труд и управления в форме общехозяйственного планирования. Такая монополия порождает тотальную власть, несовместимую со свободной рыночной экономикой, а кроме того, неспособную действовать в правовом поле, следовательно, обреченную принимать волюнтаристские и неэффективные экономические решения, каких бы умных экономистов ни поставить во главе министерств и ведомств, регулирующих хозяйственную жизнь.

Но если конкуренция развита недостаточно, а государство доверится «естественному развитию» (как это часто бывает в реальной действительности, то результат окажется плачевным. Власть без присмотра не останется – она сконцентрируется в руках отдельных частных лиц («олигархов»), и именно они начнут осуществлять интервенции в экономику, которая от этого не станет свободнее. В свободном, казалось бы, обществе произойдет «дикая рефеодализация», а государство при этом не только не приобретет тоталитарные черты, чего опасались (и опасаются сейчас) противники олигархической власти, а, напротив, максимально ослабеет, хотя и будет пытаться во все по-дилетантски вмешиваться. В результате «*сложится слабое, во все вмешивающееся государство*, слабое государство, которое станет игрушкой в руках противоборствующих организованных групп интересов, ручное государство с необычайно хорошими социальными намерениями, использующее, однако, для вы-

полнения этих намерений трубу, в которую можно дуть как хочешь безо всякой надежды, что труба воспроизведет именно ту мелодию, которую ты хотел на ней сыграть»^[34].

Предотвратить подобный ход дел можно, но лишь при условии, что государство сосредоточится на сильной политике хозяйственного порядка, формируя рамочные условия, благоприятные для предпринимательства, создавая правила хозяйствования и обеспечивая их выполнение всеми субъектами рынка и самим государством. Поэтому Бём особенно настойчиво доказывал пагубность квазифеодальных привилегий и селективных льгот, неизбежных при существовании мощных властных группировок. Сильное государство – это государство, которое не раздает льготы, а использует политическую власть для того, чтобы создать условия для честной конкурентной борьбы на рынке, свободном от власти кого бы то ни было.

Соединение рыночной координации с государственным регулированием способно обеспечить не только эффективный, но и политически и нравственно приемлемый порядок. Эта идею отстаивал профессор Фрайбургского университета Леонхард Микш^[35]. Он разделял теорию Ойкена о двух типах хозяйственного порядка и, развивая ее, сформулировал тезис о неполноте двух полярных видов координации – внутренней (которую осуществляют сами хозяйствующие субъекты) и внешней (со стороны вышестоящей инстанции). Поэтому «задачей экономической политики должно быть установление в каждом случае лучшей комбинации между внутренней и внешней координацией»^[36]. Но что значит «лучшей»? По Микшу, это достижение порядка, соединяющего максимум личной свободы с максимумом социальной справедливости. Причем этот порядок будет нравственным, поскольку исходит из примата личности, имеющей нравственную цель. Власть же, осуществляющая внешнюю координацию, нравственна, только находясь в правовых рамках. Соединение естественных и правовых норм обеспечивает хозяйственный порядок, строящийся на этических принципах.

Микш делал особый упор на том, что такая система может базироваться только на конкуренции. В своей основной работе «Конкуренция как задача. Принципы конкурентного порядка»^[37] он следует ордолиберальным принципам, доказывая, что без упорядочивания хозяйственной жизни государством «свободная экономика не имеет смысла»^[38]. Конкуренция уже не может быть «естественным порядком» и становится «государственным мероприятием».

Правда, обеспечение конкурентного порядка с помощью государства Микш понимал иначе, чем, например, Ойкен. Так, чтобы предотвратить тенденцию превращения олигополий в монополии, Микш предлагал такое государственное регулирование, «принуждающее к конкуренции». Он даже предлагал имитировать свободную конкуренцию специальными хозяйственно-политическими мерами и так организовать рынки, чтобы возникла ситуация, «как будто существует полная конкуренция»^[39]. Ойкен же полагал, что требуется настолько жесткий контроль за монополиями, чтобы отбить у олигополий и других фирм всякое желание переходить в эту категорию. Тогда они сами будут заинтересованы в сохранении конкурентных отношений.

Кроме того, если для Ойкена «порядок становится предпосылкой свободы», то Микш расставлял акценты несколько иначе и рассматривал свободу индивида как «социально-этический масштаб для порядка, который требуется создать»^[40]. Иными словами, индивидуальная свобода воплощается в создаваемом порядке и становится его предпосылкой. В этом Микш довольно близок к современным концепциям конституционной экономики, прежде всего к позиции Д. Бьюкенена^[41].

Иное, чем у Ойкена, было у Микша и понимание государства. «Сильное» государство, по Ойкену, означало, что оно независимо от экономических групп интересов, способно предотвращать или устранять концентрацию экономической власти и воздерживается от

точечного вмешательства в хозяйственный процесс (противодействие государства экономическим группам многие современные экономисты не считают обязательным принципом демократической системы). Конкретные же формы государства Ойкен не рассматривал, а некоторые исследователи вообще считают, что он никак не увязывал конкурентный порядок и демократию^[42]. Микш же однозначно подчеркивал полное соответствие конкурентного порядка правильно понятым целям демократии, причем считал крайне необходимыми выработку и реализацию экономической политики в демократической системе^[43]. В этом вопросе он также близок современному пониманию консенсусной демократии в теориях конституционной экономики.

Реализовать свои предложения по формированию конкурентной политики на практике Микшу не удалось, хотя в 1946–1950 гг. он участвовал в работе экспертных советов по выработке проектов законодательных актов, а рабочая группа под его руководством подготовила проект «Распоряжения о рыночных и производственных союзах и оказывающих влияние на рынок предприятий», в котором предлагалось введение рыночных механизмов в условиях стабилизирующего воздействия оккупационной администрации. Тем не менее высказанные им идеи о хозяйственном порядке, опирающемся на нравственность и соединяющем свободу и справедливость, стали неотъемлемой частью концепции социального рыночного хозяйства.

3. Экономические и социальные концепции представителей немецкого «гуманистического неолиберализма»

Обоснование государственной политики хозяйственного порядка, формирующей благоприятную для предпринимательства конкурентную среду, не может игнорировать опасности, которые порождает чрезмерная активность государства в экономике. Уже в 40-е годы сами ордолибералы указывали на них, но более четко и даже жестко их обозначили немецкие экономисты неолиберального направления, среди которых выделялись Вильгельм Рёпке и Александр Рюстов, эмигрировавшие в начале 1930-х годов из Германии.

В отличие от представителей Фрайбургской школы они значительно больше внимания уделяли моральным, этическим принципам в экономике, не считая рыночный механизм достаточным для успешного развития свободного и демократического общества. Более того, успешное функционирование самого рынка Рюстов обуславливал наличием субсидиарной солидарности внутри общества. Одновременно Рёпке и Рюстов выступали за жесткую индивидуальную ответственность, и хотя и они поддерживали тезис о «сильном государстве», особенно для поддержания конкурентной среды, именно проблема свободы индивида, индивидуальной деятельности волновала их в первую очередь.

И Рёпке, и Рюстов, как отмечалось выше, выступали за «третий путь» социально-экономического развития, критикуя как капитализм, так и социализм^[44], причем Рёпке занимал более жесткие позиции, чем представители Фрайбургской школы. Отстаивая идею конкурентного порядка, он, например, выступал против не только монополизации, но и крупных предприятий как таковых. Впрочем, и у обоих профессоров-неолибералов не было полного совпадения взглядов на хозяйственное переустройство: если Рёпке отрицал целесообразность любых коллективистских форм в экономике^[45], то Рюстов допускал «социализацию» (фактически национализацию) естественных монополий (особенно железнодорожного транспорта и коммунального хозяйства) и отраслей военной промышленности^[46].

Но любая государственная активность – будь то регулирующая или социализирующая – рассматривалась лишь как мера, устраняющая барьеры на пути функционирования рынка. Еще в 1932 г. Рюстов написал (повторив это в 1949 г.), что «только сильное и независимое государство может обеспечить действительно свободную экономику и что манчестерский *laissez faire* должен быть заменен “либеральным интервенционизмом”, т. е. интервенцио-

низмом, понимаемым не как вмешательство, противодействующее рыночным законам, а как конформное, приспособляющее вмешательство в направлении действия рыночных законов для обеспечения их максимально бесперебойной реализации»^[47].

Элементом, объединяющим ордолиберализм и немецкий неолиберализм, является господствующий принцип *индивидуальной свободы*. Либерализации цен, невмешательства государства в механизм ценообразования абсолютно недостаточно для создания свободного хозяйственного и общественного порядка. Свобода человека – это не только ценностная категория, но и важнейшая составляющая эффективного хозяйственного порядка. «Конституция свободы» является высшим законом и для Ойкена, и для Рёпке, и для Рюстова, и, конечно, для Хайека^[48]. И это отнюдь не была апология капитализма в условиях обострявшейся идеологической борьбы политических систем.

Вильгельм Рёпке бескомпромиссно выступал не только против господства государства, но и против как социалистических, так и капиталистических отношений в экономической системе, подавляющих личность, его свободу и достоинство.

Капитализм, по утверждению Рёпке, искажает принципы «чистого» рыночного хозяйства, что проявляется в тенденции к концентрации капитала, картелизации, стремлении к господству на рынке. Причина в том, что уже на ранней стадии развития капитализм был инфицирован вирусами абсолютистского феодализма. Эти вирусы, особенно прусского происхождения, порождали и социалистические тенденции, поэтому к родоначальникам социализма Рёпке относил не только Сен-Симона или Конта, но и Гегеля, Фихте и даже прусских королей^[49].

Исследование проблем национального и мирового хозяйства привело Рёпке к выводу, что экономическая наука только тогда станет силой, формирующей общественное самосознание, когда она преодолет узкие рамки «экономизма» и обратится к проблемам, лежащим «по ту сторону спроса и предложения» (именно так озаглавлена его важнейшая книга, изданная в 1958 г.).

В написанных еще во время второй мировой войны книгах «Общественный кризис современности» и «Гуманистическое общество» («Civitas humana»)^[50] Рёпке предупреждал об опасности «экономического материализма», разрушающего свободу как базис благосостояния, и соответственно укрепляющего худшие стороны государства. Последнее отнюдь не является общественным благом, напротив, оно порождает моральную безответственность и эгоистические устремления. Один из основополагающих выводов Рёпке заключается в том, что невозможно создать эффективную экономику, имея большое общество и патологичное государство.

Не случайно именно Рёпке, разочаровавшись в возможностях капитализма и выступая яростным борцом против тоталитаризма в национал-социалистическом или коммунистическом обличье, еще в 1942 г. в работе первым сформулировал положение о «третьем пути» как способе преодоления «общественного кризиса современности». Эту концепцию справедливо окрестили «экономическим гуманизмом», и она в немалой степени повлияла на обоснование и формирование специфической германской модели. Ее стержнем является приоритет индивида над коллективом и государством. Человек – главный хозяйственный и политический субъект, а не «клеточка» или «винтик» какой бы то ни было общности. Для Рёпке это стало базисным ценностным утверждением, подкрепляемым не только научными аргументами, но и религиозно-философскими убеждениями.

В Германии после первой мировой войны не существовало ни малейших условий, которые обеспечивали бы свободу индивида. Напротив, сменяли друг друга разнообразные диктатуры – от диктатуры групп интересов и картелей в Веймарской республике до «коричневого коллективизма» в период нацизма. После поражения последнего возникла реальная угроза замены этих вариантов коллективизма всеобъемлющей «просвещенной» социа-

лизацией и дирижизмом. Хотя в этом случае в политической сфере утверждаются нормы демократии, она становится ущербной из-за доминирующей роли государства. Индивид обменивает свободу на благосостояние и вынужден признать доминирование государства, пусть и демократического. Частные хозяйственные решения вытесняются политическими. Рёпке впервые обнаружил тесную взаимосвязь между «массовизацией» личности, нарастанием коллективизма и хозяйственным порядком, в котором отсутствует механизм свободной конкуренции.

Дабы не допустить такого развития событий в Западной Германии (а к этому подталкивали немецких руководителей британские и французские власти), Рёпке использовал все научные и публицистические возможности (в частности, через влиятельную газету «Нойе цюрхер цайтунг») для поддержки экономических реформ Л. Эрхарда, хотя его представления о соразмерности хозяйственной структуры человеку и противоречили мышлению практических творцов «экономического чуда». Важную роль сыграл подготовленный им в 1950 г. специальный доклад для Аденауэра, засомневавшемуся было в правильности курса Эрхарда: Рёпке научно подкрепил безальтернативность рыночной направленности преобразований^[51]. В этом он был един с теоретиками Фрайбургской школы (Ойкеном, Бёмом, Микшем), а также с Мюллер-Армаком.

А ведь и сегодня некоторые исследователи и политики в Германии (отнюдь не «левые») ставят под сомнение тот факт, что немецкое «экономическое чудо» произошло вследствие восстановления, укрепления и совершенствования рыночных элементов, а неолиберальные концепции, как и эрхардовские реформы, характеризуют как относительно «малозначимые» в качестве факторов экономического подъема. Поэтому аргументация Рёпке, доказывавшего, что без радикального поворота к либеральной экономической политике хозяйственные успехи в послевоенной Германии были бы невозможны, до сих пор не утратила своей значимости, в том числе и для оценки политики трансформации в постсоциалистических странах.

На протяжении почти двух десятилетий Рёпке развенчивал «фискальный социализм» кейнсианства, особо подчеркивая, что использование кейнсианских методов чревато безудержной инфляцией и кризисом государственных финансов. Предупреждал он и о способности социализма, особенно находящегося в кризисе или в состоянии распада, немного перекрасившись, представившись «демократическим», находить окольные пути, проникать в западное общество через «черный вход», пользуясь структурами «социального государства»^[52].

Доминирование государства в экономике всегда выдвигает на первый план вопрос: в чьих руках находится государственный аппарат, кто контролирует и направляет государственную машину? Очевидно, что ни отдельные личности, ни их совокупный спонтанно проявляющийся интерес не в силах оказать решающее воздействие на определение того, какие субъекты и каким образом будут управлять данной машиной. Особое значение поэтому приобретают группы интересов, которые через различные механизмы определяют государственную политику. Отдельные же граждане, особенно те, кто не принадлежит к мощным союзам, оказываются изолированными от процесса принятия решений, а значит – и от государства.

Вследствие этого общество и национальное хозяйство раскалываются на два сегмента: коллективистско-бюрократический и индивидуально-рыночный. И чем сильнее первый сегмент, тем в большей степени индивидуальные доходы субъектов, находящихся во втором сегменте (а это прежде всего мелкие ремесленники и средний класс), по словам Рёпке, *социализируются*, т. е. формируются не как непосредственный результат их собственной деятельности, а через перераспределение с помощью налогов, отчислений в социальные фонды и т. д. Постепенно желание и способность к самостоятельной ответственности исче-

зают, а их место занимают возрастающие претензии к государству, которое обязано все организовывать и за все отвечать. Со временем эти претензии оборачиваются требованиями привилегий, государство превращается в инструмент удовлетворения групповых желаний, что окончательно разрушает рыночное хозяйство.

Такое развитие неолиберальные теоретики считали чрезвычайно опасным, поскольку оно не только вело в финансовый тупик, но и угрожало деградацией общественных и моральных ценностей. Эффективная хозяйственная система, отмечал Рёпке, есть лишь составная часть «социальной интеграции» свободных людей, которая возникает из взаимодействия «морали и институтов».

Первым условием такой «социальной интеграции» является государство, но свободное государство, т. е. государство, в котором существуют и принуждение, и повиновение, и порядок, однако лишь с согласия граждан, которые и наделяют полномочиями управления государственные органы. Иными словами, свободное государство располагает полномочиями лишь в том объеме, на который дают согласие граждане, причем в любом случае общество имеет право на соучастие в управлении и совместной с государством ответственности. Порядок, укореняемый в обществе и экономике гражданскими структурами, обеспечивает свободу индивида, но возможен лишь в рыночной хозяйственной системе.

Именно отношение к государству сближало Рёпке с такими либералами, как Ф. А. фон Хайек. Не случайно либерализм Рёпке считается более радикальным, чем ордолиберализм Фрайбургской школы. Однако государство, по его мнению, должно быть достаточно сильным, чтобы справиться с мощными монополиями и иными группировками, стремящимися господствовать на рынке. Поэтому вместо безудержного перераспределения государство должно сосредоточиться на защите рыночных принципов хозяйствования, прежде всего конкуренции. Предупреждения Рёпке о «сладком яде государства всеобщего благосостояния»^[53] и об опасности «концентрации предложения на рынке труда со стороны централизованных профсоюзов»^[54] остаются актуальными не только для современной ситуации в Германии, но и для поиска новых социально-экономических форм в России.

Второе условие «социальной интеграции» Рёпке видел в демократии, которая должна быть отнюдь не безграничной. Государство и общество обязаны установить ей пределы. Недопустимыми он считал демократически принятые большинством голосов решения, которые ущемляют права отдельной личности, семьи или малых общественных объединений. Государство должно предпринимать усилия для решения тех задач, результаты которых обеспечивают максимальное единство общества.

Но, как верно подметил Рёпке, взаимодействие «морали и институтов» создает двойственную ситуацию в экономической системе. С одной стороны, хозяйственная конституция, обеспечивающая свободу обмена, ценообразования, предпринимательства, конкуренции, означает одновременно и нечто большее, а именно «освобождение инициативы во всех сферах и подлинную справедливость, полноценное и радостное бытие, человеческие ценности и человеческую теплоту, всеохватный духовный горизонт»^[55]. С другой стороны, индивидуальные интересы, собственность, рынок, ценовой механизм, конкуренция не создают моральных ресурсов, необходимых для функционирования институтов данной системы. Они должны передаваться человеку, входящему в рынок и конкурентные отношения, от семьи, религиозных и иных сообществ, традиций, обычаев, культуры. Иными словами, свободная экономика – условие свободного и нравственного бытия, но не создатель нравственных элементов, которые являются продуктом неэкономических институтов.

Важнейшей формой социальной солидарности, защиты и самостоятельной ответственности, по Рёпке, является семья. Она придает подлинную социальность и рыночному хозяйственному порядку. Наряду с семьей в этом отношении чрезвычайно важны различные малые локальные сообщества, выполняющие социальные и регулирующие функции

эффективнее, чем государство. Велико значение и религии, поскольку она способна инициировать в человеке способность к самостоятельному наложению на себя обязательств, к выработке самодисциплины, честности и добросовестности, чувства справедливости. В этом смысле религию как фактор роста благосостояния не только Рёпке, но и его последователи считают недооцененной. Стоит, однако, оговориться, что в данном случае речь идет о нравственной составляющей религии, причем не любой, а фактически лишь католицизма и протестантизма, хотя эти ограничения, как правило, никем не упоминаются.

Принять гуманистические воззрения Рёпке, оцениваемые как «социальный романтизм», в качестве непосредственной основы экономической и социальной политики современному прагматичному, если не сказать циничному, миру очень сложно^[56]. Но они остаются нравственным императивом и предупреждением зарывающимся политикам и группам интересов: антигуманная и морально ущербная хозяйственная модель обречена на крах.

4. Социально-либеральная концепция А. Мюллер-Армака

Теоретики Фрайбургской школы выработали основные принципы эффективного хозяйственного порядка, который должен был преодолеть недостатки как капитализма, так и социализма. Но в реальной послевоенной трансформации в Западной Германии их идеи использовались лишь частично, фрагментарно. Сами по себе они не формировали концепцию социального рыночного хозяйства, которую затем реализовывал Л. Эрхард. В значительно большей степени эту концепцию можно связывать с именем Альфред Мюллер-Армака, соединившего свои теоретические разработки и практическую деятельность по их воплощению в качестве соратника Эрхарда. Именно Мюллер-Армак стал и автором названия новой модели развития (*социальное рыночное хозяйство*), сформулировав его еще в 1946 г.

Иногда Мюллер-Армака причисляют к ордолибералам. Однако его воззрения существенно отличались от позиции Ойкена или Бёма, хотя и не были враждебны ей, поскольку носили неолиберальный характер. Тем не менее отождествлять концепции Мюллер-Армака и фрайбургских ордолибералов было бы неверно. Более того, в своей концепции социального рыночного хозяйства он сознательно несколько дистанцировался от базисных положений Фрайбургской школы и явно или неявно полемизировал с ними. Это относится прежде всего к пониманию роли государства в рыночной экономике и характера социальной политики.

Главная идея Мюллер-Армака – «соединить принцип свободы на рынках с принципом социального выравнивания». В отличие от Ойкена и Бёма, которые полагали, что специальной социальной политики не понадобится, если будет создан эффективный конкурентный порядок, способный решить все социальные вопросы, Мюллер-Армак ставил социальную политику практически на один уровень с политикой хозяйственного порядка.

Надо сказать, что в современной Германии существует и другая точка зрения, согласно которой Мюллер-Армаку (равно как и Эрхарду) «приписали» преувеличение значения социальной политики, вытекающее из некоторых его тезисов, но не из духа разработанной им концепции. Характерно, что попытка зачислить Мюллер-Армака в лагерь ордолибералов «в широком смысле» и очистить его учение от гиперболизации приоритета социальной политики появились в период кризиса социального рыночного хозяйства, когда начался поиск способов его реформирования.

Тем не менее именно Мюллер-Армак, не принимая, как и ордолибералы, «чистое» рыночное хозяйство, добавил к нему атрибут «социальное», чем инициировал не только поиски подходящей политики, но и споры о том, что же понимается под этим термином. Очевидно, для Мюллер-Армака социальный аспект нового хозяйственного порядка имел основополагающее значение, а конкурентные механизмы, на его взгляд, были не способны решить социальный вопрос. Это вовсе не значит, что он недооценивал конкуренцию: напротив, формирование рыночной конкуренции рассматривалось им как цель экономической

политики. Вместе с тем в отличие от ордолибералов, Мюллер-Армак открыто выступал за прямое перераспределение доходов государством для достижения социальных целей.

Путь Мюллер-Армака к концепции социального рыночного хозяйства был нелегким и противоречивым. В период Веймарской республики, исследуя конъюнктурную политику, он обосновывал положения об ограниченности движущих сил капитализма. В 30-е годы, в период полного господства тоталитаризма в стране, он искал формообразующую силу и способы реализации единой «воли народа», активно занимался вопросом о роли государства в обществе и экономике, критикуя как теории «объективных закономерностей» развития капитализма, так и представления о почти неограниченных, «волютаристских» возможностях политики влиять на развитие экономики и общества.

«Новая идея государства» заключалась для Мюллер-Армака в преодолении разрыва между индивидуализмом и коллективизмом, между общественными и государственными институтами. В государстве он видел «универсальную власть жизни» и то «политическое руководство», которое «дает направление воле народа» (эту идею он обосновывал в изданной в 1933 г. монографии «Идея государства и хозяйственный порядок в новом рейхе»^[57]).

Мюллер-Армак в 1930-е годы был убежден в том, что и в отношениях между государством и экономикой должно установиться единство. Антагонистические или даже просто различные позиции этих двух институтов следует приводить к общему знаменателю (не устранять разногласия, а примирять их!): государство использует свою мощь для поддержки развития хозяйственных сил, а те, в свою очередь, направляют свою деятельность на достижение общего интереса. В этом и заключается, по Мюллер-Армаку, смысл хозяйственного порядка. Частная собственность и предпринимательство при этом не исключаются, но их цели и интересы должны быть подчинены государственным или, что то же самое, общественным целям, имеющим высший приоритет. Согласование интересов обеспечивается корпоративной организацией хозяйства, за которую ратовал тогда Мюллер-Армак.

Едва ли такое понимание взаимоотношений государства и бизнеса можно характеризовать как либеральное или как ордолиберальное^[58]. Правда, понимать «общественные, т. е. коллективные, цели», имеющие приоритет перед всеми другими (а значит, и индивидуальными), тоже можно по-разному и при желании посчитать их *объективными* целями политического и хозяйственного порядка, а не просто следствием каких-либо централизованных предписаний. Вместе с тем примирение различных интересов, которое Мюллер-Армак называл проявлением «социального гуманизма», становилось действительно насущной задачей общественного развития. Но можно ли (и если да, то как) реально это осуществить?

В начале 1940-х годов Мюллер-Армак публикует ряд культурно-социологических и религиозно-социологических работ, в которых обращается к проблеме «генеалогии хозяйственных стилей» и проводит их сравнительный анализ (хозяйственный стиль представляет собой очевидное единство социальной и хозяйственной сфер, причем он характеризуется в конечном счете образом мыслей, мировоззрением). Этот анализ и приводит его к выводу о возможности и необходимости формирования государством нового стиля, ориентированного на новую, социальную, идею. Главную задачу нового стиля Мюллер-Армак видел в достижении общественной гармонии^[59]. Социальное рыночное хозяйство как идея восходит, таким образом, не к ойкеновскому «мышлению в категориях порядков», а к мюллер-армаковскому «мышлению в категориях стилей», к иному, чем у ордолибералов, пониманию государства и к философской антропологии.

Поэтому понятно, что Мюллер-Армак не мог ограничиться лишь вопросом эффективного рыночного порядка, хотя в конце 1940-х – начале 1950-х годов он подчеркивал, что преодоление экономических проблем возможно только в условиях конкурентного рынка и действенной системы цен. В центре его внимания с конца 1950-х годов находится концеп-

ция «общественной политики», для которой политика хозяйственного и тем более конкурентного порядка слишком узка.

Самое трудное в этой концепции заключалось в том, чтобы найти такие формы взаимодействия основных экономических и общественных субъектов, при которых стиль «социального гуманизма» не разрушал бы рыночных механизмов, а меры экономической политики и вообще государственного вмешательства были конформны, т. е. не противоречили рынку. В знаменитой книге «Экономическое регулирование и рыночное хозяйство»^[60], изданной в 1946 г., и в ряде других публикаций конца 1940-х годов Мюллер-Армак противопоставил концепцию социального рыночного хозяйства всем возможным вариантам планового управления экономикой. Ведущей идеей этих работ было убеждение, что решение социальных проблем не связано с социалистическим устройством и плановой экономикой, а вполне достижимо в свободной хозяйственной и общественной системе, в условиях конкурентного порядка.

В этот же период четко обозначилась и та сторона концепции Мюллер-Армака, которая роднит его с ордолибералами: поиск «среднего пути» между полным либерализмом XIX в. и централизованно-административными системами. Исходным пунктом был не идеологический спор между капитализмом и социализмом, как это виделось левым критикам социального рыночного хозяйства, а стремление в условиях индустриального и постиндустриального общества обеспечить *каждому индивиду* должный уровень экономической и социальной безопасности. Только на этом базисе могла реализоваться и свобода индивида. Вместе с тем можно предположить, что Мюллер-Армак в большей степени, чем, например, Ойкен, отказывался от термина «капитализм», сохраняя существенные, конструктивные его элементы в своей теории, а затем и в практической деятельности.

С 1952 г. Мюллер-Армак, приглашенный Эрхардом в федеральное министерство экономики на должность руководителя отдела экономической политики, реализовывал свои идеи на практике, и небезуспешно. Будучи единомышленником Эрхарда, он внес немалый личный вклад в осуществление немецкого «экономического чуда» 1950-х годов. Экономическая политика ФРГ первого послевоенного двадцатилетия несет на себе заметный отпечаток идей этого ученого. Однако на счет Мюллер-Армака должны быть записаны и те отступления от концепции конкурентного порядка, которые позднее в большей или меньшей степени обусловили усиление тенденций «государства благосостояния» и кризиса социального рыночного хозяйства.

В отличие от Ойкена Мюллер-Армак считал, что государству наряду с политикой порядка необходимо проводить активную конъюнктурную политику, регулиующую общехозяйственный кругооборот. Ведь даже самый прекрасный конкурентный порядок не может исключить возникновение сбоев, и не всегда конъюнктурные нарушения можно «вылечить» гигиеной, здоровым образом жизни или мобилизацией внутренних сил организма, которых немало, если хозяйственный порядок сформирован правильно^[61]. Собственно, конъюнктурная политика рассматривалась прежде всего как инструмент создания и гарантирования рабочих мест, недопущения всплесков безработицы при экономических спадах. Однако Мюллер-Армак постоянно предупреждал, что в конъюнктурной политике следует применять только такие инструменты, которые не приносят нарушения в конституцию рыночного хозяйства. Будучи председателем комиссии ЕЭС по проблемам конъюнктурной политики, он стремился построить систему координации конъюнктурной политики на общеевропейском уровне исходя из признания принципов «добросовестности», «правильного поведения»^[62]. Говорить об успехе подобной политики не приходится, и особенно 70-е годы продемонстрировали недееспособность германского варианта конъюнктурной политики, от которой отрешивался потом и сам Мюллер-Армак, утверждая, впрочем, что и принципы, и

инструменты ее были искажены политиками социал-либеральной коалиции (блока СДПГ и СвДП).

Позиция Мюллер-Армака по важнейшим мерам социально-политического характера также существенно отличалась от точки зрения неолибералов и ордолибералов. Он поддерживал расширение социальной помощи для семей, соучастие работников в управлении, образование собственности с применением перераспределительных инструментов и т. д. Он полагал, что эти меры (как и охрана окружающей среды, развитие инфраструктуры и доступность образования) являются важнейшими элементами укрепления и совершенствования модели социального рыночного хозяйства.

Тем не менее Мюллер-Армак постоянно подчеркивал, что допустимость социальных интервенций определяется их совместимостью с функционированием рыночного порядка. Еще в 1946 г. он отмечал, что «существуют чрезвычайно большие возможности придать социально-политическому вмешательству такую форму, благодаря которой оно интегрируется в рыночный обмен, не вызывая в нем сбоев»^[63]. Если, например, недопустимо по социально-политическим причинам замораживать цены, что предоставило бы гражданам с низкими доходами возможность покупать необходимые товары, то можно перераспределить ресурсы с помощью налогообложения высоких доходов и предоставления прямой целевой помощи в виде «детских» пособий, субсидий на аренду или строительство жилья и т. д.^[64]

Мюллер-Армак не избежал упреков в том, что его социально-политические идеи угрожают основам рыночного хозяйства, но он не без оснований замечал, что именно социальные гарантии делают рынок приемлемым для все более широких слоев населения. Только в этих условиях антирыночной партии будет нанесено сокрушительное поражение. Собственно, теоретическая критика концепции Мюллер-Армака со стороны ордолибералов во многом справедлива, но ее убедительность снижается из-за того, что в отличие от данной концепции ордолиберальная доктрина не была реализована на практике.

Принципиальные в 1930-х годах различия между ордолиберализмом и концепцией Мюллер-Армака постепенно смягчались и в 70-е годы практически сошли на нет, причем главным образом за счет приближения к позиции Фрайбургской школы Мюллер-Армака, который воочию убедился, к чему ведет безудержное расширение социального государства.

Опубликованный им в 1972 г. совместно с Л. Эрхардом манифест о совершенствовании социального рыночного хозяйства^[65] призывал германских политиков вернуться к исходной концепции, которая стала подвергаться существенным деформациям. Реанимировать модель 1950-х годов было невозможно, но ее необходимо было совершенствовать на основе исходной концепции. Однако повлиять на доминировавшие в тот период в стране кейнсианские настроения ему не удалось. Впрочем, эволюция социального рыночного хозяйства в 60–80-е годы во многом соответствовала «исходным» воззрениям самого Мюллер-Армака.

Таким образом, в концепция социального рыночного хозяйства сформировалась на стыке теории хозяйственного порядка Фрайбургской школы, неолиберальных и социал-либеральных теорий.

Ордолибералы попытались (и безуспешно) обосновать возможность свободного, но не анархичного рыночного хозяйственного порядка, противостоящего политическому и экономическому тоталитаризму. Социальное рыночное хозяйство в Германии не построено по эскизу представителей Фрайбургской школы, но пропитано их идеями, а конституирующие принципы, выдвинутые Ойкенем, служат ориентиром и критерием «правильности» для мер экономической политики и по сей день.

Немецкая разновидность неолиберализма весьма близка к ордолиберализму, хотя полного слияния не произошло. Что же касается социально-либерального направления, то оно оказалось неустойчивым и в значительной степени было впитано социал-демократами.

Ойкен считал, что успех политики хозяйственного порядка возможен, если будут применяться комплексно все выдвинутые им принципы и подходы. Но в процессе реформ Эрхарда эти принципы использовались лишь частично, в видоизмененном и дополненном другими элементами виде. В конце 1960-х годов вообще стало казаться, что «социальное рыночное хозяйство» идет к закату и идеи Фрайбургской школы имеют лишь историческое значение, тем более что кризисные явления в экономике сделали очевидной одну из основных слабостей ордолиберальной теории – отсутствие механизмов антикризисного регулирования. Однако к началу 1990-х годов в связи с трансформацией экономической системы в бывшей ГДР и в других восточноевропейских странах актуальность ордолиберальной концепции в исходном, ойкеновском варианте возросла.

Разумеется, государство воздействует на формирование и развитие социально-экономической системы (или порядка) в любой стране. Но теория хозяйственного порядка (или ордолиберализм) как отражение особенно активных, целенаправленных и комплексных действий в этом направлении проявляется наиболее ярко в условиях системных преобразований. Поэтому именно в Германии в эпоху значительных перемен на коротком отрезке исторического времени они нашли свое концептуальное воплощение, поэтому, на наш взгляд, они полезны и для постсоциалистических реформ.

Подводя итог анализу концепций, существенно предопределивших характер социального рыночного хозяйства в Германии, можно сделать вывод о том, что наряду с общей их направленностью на создание свободного конкурентного порядка, они имели и значительные различия. Формирование целостной концепции можно в связи с этим обозначить как процесс, который не завершился абсолютным результатом, но, тем не менее, сыграл позитивную роль и в становлении системы, и в практической экономической политике.

Примечания

^[1]Характерно, что согласно опросам российских предпринимателей, проводившимся «Российским экономическим барометром», в 1992–1998 гг. около 60% руководителей предприятий не понимало текущую экономическую политику правительства РФ, причем пик «непонимающих» пришелся на «судьбоносный» 1996 г. Но уже в 1999 г. их число стало устойчиво сокращаться и в начале 2001 г. составило лишь 34% (The Russian Economic Barometer. 2001. № 2. P. 55).

^[2]Подробнее см.: *Oswalt W. Die falschen Freunde der offenen Gesellschaft // Eucken W. Wirtschaftsmacht und Wirtschaftsordnung. Münster: Lit, 2001. S. 133 ff.*

^[3]Большинство немецких исследователей придерживаются подобного выделения трех групп, или направлений. См., напр.: *Thuy P. 50 Jahre Soziale Marktwirtschaft: Anspruch und Wirklichkeit einer ordnungspolitischen Konzeption // ORDO. 1998. Bd. 49. S. 283–284.*

^[4]Гроссманн-Дёрт, стоявший у истоков Фрайбургской школы, не сыграл столь же значимой роли в становлении ордолиберализма, как Ойкен и Бём, а в начале 1940-х годов фактически поддержал нацистский режим, в результате чего Ойкен порвал с ним отношения. См.: *Oswalt W. Die falschen Freunde der offenen Gesellschaft. S. 104.*

^[5]Подчеркнем, что эти ученые пришли к проблеме хозяйственного порядка независимо друг от друга и объединили свои усилия уже после определенного периода научных поисков в этом направлении (см.: *Lutz F. Walter Euckens Beitrag zur Nationalökonomie: Die Idee der Wirtschaftsordnung // Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Tübingen: Mohr, 1990. S. 384).*

^[6]Некоторые авторы со ссылкой на формулировку В. Рёпке называют это направление *социологическим неолиберализмом*. См., напр.: *Hegner J. Alexander Rüstow – Ordnungspolitische Konzeption und Einfluß auf das wirtschaftspolitische Leitbild der Nachkriegszeit in der Bun-*

desrepublik Deutschland. – Stuttgart: Lucius und Lucius, 2000. S. 8. Мы не будем использовать это название, чтобы не путать второе и третье направления. Очевидно, неправомерно именовать это направление неолиберализма и «социал-демократическим» (см.: *Погорлецкий А. И.* Экономика и экономическая политика Германии. СПб.: Изд. Михайлова, 2001. С. 185), сколь бы близкими ни казались воззрения Рёпке и нынешнего федерального канцлера.

[7] Впервые детально проанализированный Р. Гильфердингом феномен ГМК вызывал неприкрытое восхищение В. И. Ленина, видевшего в нем то «ступеньку», ближайшую к социализму, то экономическую «половинку» социализма (вторая «половинка» – диктатура пролетариата – в Германии отсутствовала, но была в России, и Ленин мечтал соединить их, чтобы получился «цельный социализм»).

[8] *Eucken W.* Staatliche Strukturwandlungen und die Krise des Kapitalismus // ORDO. 1997. Bd. 48. S. 5–26. Впервые опубликовано в: *Weltwirtschaftliches Archiv.* 1932. Bd. XXXVI (II).

[9] См.: *Eucken W.* Grundlagen der Nationalökonomie. 9. Auflage. Berlin e.a.: Springer, 1989. (на русском языке см.: *Ойкен В.* Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996).

[10] *Eucken W.* Grundlagen... S. IX.

[11] См.: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie. 5., rev. Auflage. – Tübingen: Mohr, 1980. Вебер называет «идеальный» тип также «чистым типом», отмечая, что только он пригоден для анализа, поскольку является *однозначным*, определенным, отражающим действие, которое происходило бы в условиях единственной целевой ориентации и рациональности, не нарушаемой заблуждениями, ошибками или чрезмерными эмоциями (S. 4, 10 и др.). Возможно, именно у Вебера Ойкен заимствовал и термин «порядок», который широко употреблялся в указанной книге, хотя преимущественно с юридическим содержанием. Например, гл. I первого полутoma озаглавлена «Экономика и общественные порядки». В «Основах национальной экономики» (С. 312) Ойкен упоминает и книгу В. Зомбарта «Порядок хозяйственной жизни», правда, его концепцию относит к учению о «степенях хозяйствования», которое подвергает критике (см. там же. С. 55–66).

[12] Заметим, что «классического», общепризнанного определения термина «порядок» не существует. М. Вебер, например, определял его так: «Распределение фактических прав распоряжаться благами и экономическими услугами, возникшее на основе соглашений как способ балансирования интересов, а также тот способ, каким эти блага и услуги в силу фактического и основанного на согласии распределения данных прав осмысленно используются в действительности, мы называем „хозяйственным порядком“» (*Weber M.* Op. cit. S. 181).

[13] *Renner A.* Der ökonomische Ansatz Walter Euckens // Ordnungstheorie und Ordnungspolitik: Konzeptionen und Entwicklungsperspektiven / Hrsg. von H. Leipold und I. Pies. Stuttgart: Lucius und Lucius, 2000 (Schriften zu Ordnungsfragen der Wirtschaft. Bd. 64). S. 10.

[14] *Олсон М.* Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз: Пер. с англ. Новосибирск: ЭКОР, 1998. С. 11.

[15] См. *Олсон М.* Указ. соч.. Заметим, что страницей выше (а также на с. 129–131) Олсон не вполне оправданно указывает, что тоталитаризм, война и последующая оккупация уничтожили картели в Германии и что одним из источников немецкого «экономического чуда» было отсутствие картельного регулирования цен и заработной платы. Воссозданные в Германии в конце 1940-х годов организации, представлявшие особые интересы, с лихвой восполнили разрушенные структуры.

[16] См., напр.: *Streit M.* Die Interdependenz der Ordnungen – Eine Botschaft und ihre aktuelle Bedeutung // Ordnung in Freiheit. Tübingen, 1992. S. 5–29; *Hoppmann E.* Die Interdependenz der Ordnungen // ORDO. 1998. Bd. 49. S. 3–14.

[17] См.: *Renner A.* Der ökonomische Ansatz Walter Euckens. S. 2.

[18] Подробнее см.: *Ойкен В.* Основы национальной экономики. С. 201–208.

[19] *Leipold H.* Die große Antinomie der Nationalökonomie: Versuch einer Standortbestimmung // ORDO. 1998. Bd. 49. S. 26; *Herrmann-Pillath C.* Der Vergleich von Wirtschafts- und Gesellschaftssystemen: Wissenschaftsphilosophische und methodologische Betrachtungen zur Zukunft eines ordnungstheoretischen Forschungsprogramms // ORDO. 1991. Bd. 42. S. 32 ff.

[20] *Lutz F.* Op. cit. S. 385.

[21] В недавно опубликованной экспертной записке В. Ойкена (написана в 1946 г.) прямо утверждается: «Методы регулирования свободной экономики и централизованно-административной экономики *потерпели* крах. [...] Сегодняшняя ситуация вынуждает нас искать новый, третий путь и отказаться от обоих критикуемых методов регулирования. Этот третий путь можно определить как “конкурентный порядок”» (*Eucken W.* Ordnungspolitik / Hrsg.: W. Oswald. Münster: Lit, 1999. S. 16–17).

[22] А. Рюстов в своей знаменитой статье «Между капитализмом и коммунизмом», написанной в 1949 г., подчеркивал, что немцы не стоят «перед удручающим выбором между “капитализмом” и коллективизмом», поскольку «имеется третий путь, предотвращающий недостатки как “капитализма”, так и социализма» (*Rüstow A.* Zwischen Kapitalismus und Kommunismus // ORDO. 1949. Bd. 2. S. 130. Русский перевод статьи см. в сб.: Концепции хозяйственного порядка. С. 62–114). При этом Рюстов отсылает к давней статье о третьем пути Франца Оппенхаймера (*Oppenheimer F.* Der dritte Weg – weder Kapitalismus noch Kommunismus // *Jentsch C.* Weder Kapitalismus noch Kommunismus. Leipzig, 1893), у которого, кстати, учился и защищал диссертацию Л. Эрхард (см.: *Wünsche H.F.* Erhards Soziale Marktwirtschaft: von Eucken programmiert, von Müller-Armack inspiriert? // Soziale Marktwirtschaft als historische Weichenstellung – Bewertungen und Ausblicke. Eine Festschrift zum 100. Geburtstag von Ludwig Erhard. Düsseldorf: ST Verlag, 1996. S. 160–161).

[23] См.: *Röpke W.* Kernfragen der Wirtschaftsordnung // ORDO. 1997. Bd. 48. S. 27–64.

[24] См., напр.: *Schüller A.* Soziale Marktwirtschaft und Dritte Wege // ORDO. 2000. Bd. 51. S. 170–171.

[25] См.: *Eucken W.* Grundsätze der Wirtschaftspolitik. 6. Auflage. Tübingen: Mohr, 1990. Книга была начата во время войны, но увидела свет в 1952 г., через два года после смерти Ойкена, и была подготовлена к печати его женой Эдит Эрдзик-Ойкен и его учеником К. П. Хензелем. С тех пор она выдержала в Германии шесть изданий, а в 1995 г. вышла на русском языке (*Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995).

[26] *Eucken W.* Industrielle Konzentration. Vorgutachten // *Eucken W.* Ordnungspolitik. S. 35.

[27] *Lösch D.* Das Dilemma mit der Rolle des Staates in der Wettbewerbsordnung: Zum 50. Todestag von Walter Eucken // Wirtschaftsdienst. 2000. Nr.3. S. 188–191.

[28] См.: *Böhm F.* Privatrechtsgesellschaft und Marktwirtschaft // *Böhm F.* Freiheit und Ordnung in der Marktwirtschaft. – Baden-Baden: Nomos, 1980. S. 105–168. Впервые эта работа опубликована в: ORDO. 1966. Bd.17. S. 75–151.

[29] *Böhm F.* Privatrechtsgesellschaft und Marktwirtschaft.

[30] См.: *Mestmäcker E.-J.* Freiheit und Ordnung in der Marktwirtschaft // Franz Böhm, Beiträge zu Leben und Wirken. Melle: Knoth, 1980 (Forschungsbericht / Konrad-Adenauer-Stiftung; 8). S. 46.

[31] Первая значительная работа Бёма, направленная против власти монополий, была опубликована еще в 1933 г. (*Böhm F.* Wettbewerb und Monopolkampf. Berlin, 1933. Воспроизведена фотомеханическим способом в 1964 г.).

[32] *Schlecht O.* Wissenschaftler und Politiker // Wirtschaftsordnung als Aufgabe: zum 100. Geburtstag von Franz Böhm. Krefeld: SINUS-Verl., 1995. S. 11.

[33] *Biedenkopf K.* Der Politiker Franz Böhm // Franz Böhm, Beiträge zu Leben und Wirken. S. 55.

[34] Бём Ф. Свобода конкуренции и свобода картелей // Концепция хозяйственного порядка (учение ордолиберализма) / Общ. ред. К. Херрманна-Пиллата. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1997. С. 219.

[35] Л. Микш сыграл важную роль в разработке ордолиберальной концепции и особенно конкурентного порядка, но даже в Германии ему незаслуженно уделяется очень мало внимания при анализе этого учения, по крайней мере если судить по научным публикациям. Одним из редких исключений стала опубликованная в 51-м томе «ОРДО» фундаментальная статья фрайбургских исследователей жизненного пути и творчества Л. Микша: *Berndt A., Goldschmidt N.* „Wettbewerb als Aufgabe“ – Leonhard Mikschs Beitrag zur Ordnungstheorie und -politik // ORDO. 2000. Bd. 51. S. 33–74.

[36] См.: *Микш Л.* Нравственное значение внутренней координации // Концепция хозяйственного порядка. С. 116.

[37] *Miksch L.* Wettbewerb als Aufgabe. Grundsätze einer Wettbewerbsordnung. 2. Ausg. Godesberg: Küpper, 1947. Впервые работа была издана еще в 1937 г. в качестве 4-го номера серии работ «Порядок хозяйства» («Ordnung der Wirtschaft») и переиздана в 1947 г.

[38] *Miksch L.* Op. cit. S. 15.

[39] Ibid. S. 222. Микш даже изобрел термин для обозначения такой ситуации: «Als-ob-Wettbewerb».

[40] *Berndt A., Goldschmidt N.* Op. cit. S. 65.

[41] См., напр.: *Buchanan J. M., Vanberg V.* Interests and Theories in Constitutional Choice // Rules and Choice in Economics / Ed. V. Vanberg. L., N.Y.: Routledge, 1994. P. 167–177; *Brennan G., Buchanan J. M.* Die Begründung von Regeln. Tübingen: Mohr, 1993. Отметим, что «неофрайбургский» профессор В. Ванберг считает теорию хозяйственного порядка немецким вариантом конституционной экономики (см., напр.: *Vanberg V.* “Ordnungstheorie” as constitutional economics: the German conception of a “social market economy” // ORDO. 1988. Bd. 39. S. 17–31.).

[42] Упомянутые авторы статьи о Микше называют в этой связи, в частности, Г. Мюллера и Ф.-В. Дёргеса (Op. cit. S. 67). Это утверждение опровергают И. Пис и особенно В. Освальт. Последний прямо заявляет, что в концепции Ойкена «единое целое составляют полная конкуренция и демократия, ведь сама конкурентная экономика является “демократичной, поскольку в ней потребители, т. е. народ, через ценообразование и на основе каждодневной взаимоувязки регулируют экономический процесс”, как писал В. Ойкен в 1947 г. в одном экспертном заключении по поводу преобразования западногерманской экономики» (*Освальт-Ойкен В.* Предисловие к русскому изданию // *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. С. 35). Впрочем, в этой же книге можно прочитать критические замечания самого Ойкена относительно «экономической демократии» (имеется в виду переговорный процесс между представителями предпринимателей, работников и потребителей), поскольку она вполне уживается с картelizацией и концентрацией экономической власти (см. там же. С. 427–428).

[43] См.: *Berndt A., Goldschmidt N.* Op. cit. S. 67–68.

[44] Точнее, они выступали против «манчестерского» капитализма (или политики *laissez faire*), против советского, восточноевропейского и китайского «коммунизма», а также против «социализма», который, по их мнению, воплощался в социально-экономических системах таких западноевропейских стран, как Норвегия и Великобритания.

[45] См.: *Doering D.* Ein Feind des Kollektivismus // Handelsblatt. 1999. 8.–9. Oktober.

[46] *Rüstow A.* Op. cit. S. 134.

[47] Ibid. S. 132.

[48] «Конституцией свободы» нередко называют концепцию свободного эффективного порядка, разработанную Хайеком и изложенную им в одноименной книге. См.: *Hayek F. A.*

von. *The Constitution of Liberty*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1960. (Немецкий перевод: *Hayek F. A. von. Die Verfassung der Freiheit*. 3. Aufl. Tübingen: Mohr, 1991.)

[49] См.: *Hahn R. Wilhelm Röpke*. – Sankt Augustin: Academia Verl., 1997. S. 19, 25.

[50] *Röpke W. Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart*. 6. Aufl. – Bern; Stuttgart: Haupt, 1979 (первое издание вышло в 1942 г.); *Röpke W. Civitas humana: Grundfragen der Gesellschafts- und Wirtschaftsreform*. 4. Aufl. – Bern; Stuttgart: Haupt, 1979 (первое издание вышло в 1944 г.)

[51] См.: *Röpke W. Ist die deutsche Wirtschaftspolitik richtig? Analyse und Kritik*. Stuttgart; Köln: Kohlhammer, 1950.

[52] *Willgerodt H. Von der Sozialen Marktwirtschaft zum demokratischen Sozialismus – ein Nachwort zu: Wilhelm Röpke, Kernfragen der Wirtschaftsordnung // ORDO*. 1997. Bd. 48. S. 66–67.

[53] *Hamm W. Wozu Wilhelm Röpke raten würde – Orientierungen für die Wirtschaftspolitik // ORDO*. 1999. Bd. 50. S. 22.

[54] *Röpke W. Jenseits von Angebot und Nachfrage*. Bern; Stuttgart: Haupt, 1979. S. 54.

[55] *Schüller A. Der liberale Wirtschaftshumanist // Handelsblatt*, 1999. 8.–9. Oktober.

[56] См. дискуссию по этому поводу: *Kulbach U. Wegweiser für die Wirtschaftspolitik (Wilhelm-Röpke-Symposium) // Orientierungen zur Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik*. 1999. H. 82. S. 64–66.

[57] *Müller-Armack A. Staatsidee und Wirtschaftsordnung im neuen Reich*. Berlin, 1933. См. также: *Lange-von Kulessa J., Renner A. Die Soziale Marktwirtschaft Alfred Müller-Armacks und der Ordoliberalismus der Freiburger Schule // ORDO*. 1998. Bd. 49. S. 79–104. Основные сведения о деятельности Мюллер-Армака в 1930-е годы почерпнуты именно из этой статьи молодых исследователей, которая, впрочем, подвергается весьма жесткой критике со стороны более умудренных ордолибералов.

[58] В указанной выше статье Ланге-фон Кулессы и Реннера довольно резко противопоставляются позиции ордолибералов и Мюллер-Армака в понимании государства и его роли в экономике. Х. Вилльгеродт убедительно показывает несостоятельность подобного противопоставления и особенно попыток найти общие черты между теориями социального рыночного хозяйства и концепциями национал-социализма (см.: *Willgerodt H. Die Liberalen und ihr Staat // ORDO*. 1998. Bd. 49. S. 43–78). Присоединяясь к общим выводам статьи Вилльгеродта, заметим, что работы Мюллер-Армака 1930-х годов все же существенно отличались по идейной направленности и предлагаемым решениям от исследований Ойкена и его коллег.

[59] Подробнее см.: *Dietzfelbinger D. Soziale Marktwirtschaft als Wirtschaftsstil: Alfred Müller-Armacks Lebenswerk*. Gütersloh: Kaiser, Gütersloher Verl.-Haus, 1998.

[60] См.: *Müller-Armack A. Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft*. – München: Kastell, 1990. Данное издание было специально приурочено к объединению Германии, чтобы, как отметил в предисловии председатель Общества содействия социальному рыночному хозяйству Ф. Телен, «люди на Востоке..... получили не только новые деньги и новые стимулы, но и новую структуру понятий...» (S. 5).

[61] См.: *Willgerodt H. Die Liberalen und ihr Staat... S. 69*.

[62] См.: *Hoffmann H. Zu Arbeit und Werk von Alfred Müller-Armack // Widersprüche der Kapitalismuskritik. Festschrift zum 75. Geburtstag von Alfred Müller-Armack*. Bern; Stuttgart: Haupt, 1976. S. 231–236.

[63] *Müller-Armack A. Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft*. S. 118.

[64] *Ibid.* S. 119.

[65] *Soziale Marktwirtschaft. Manifest '72 / Hrsg. von L. Erhard und A. Müller-Armack*. Frankfurt (M) u.a.: Ullstein, 1972.

Литература

- Бём Ф. Свобода конкуренции и свобода картелей // Концепция хозяйственного порядка (учение ордолиберализма) / Общ. ред. К. Херрманна-Пиллата. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1997.
- Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995.
- Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996.
- Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз: Пер. с англ. Новосибирск: ЭКОР, 1998.
- Погорлецкий А. И. Экономика и экономическая политика Германии. СПб.: Изд. Михайлова, 2001.
- Berndt A., Goldschmidt N. „Wettbewerb als Aufgabe“ – Leonhard Mikschs Beitrag zur Ordnungstheorie und -politik // ORDO. 2000. Bd. 51. S. 33–74.
- Böhm F. Freiheit und Ordnung in der Marktwirtschaft. Baden-Baden: Nomos, 1980.
- Böhm F. Wettbewerb und Monopolkampf. Berlin, 1933.
- Buchanan J. M., Vanberg V. Interests and Theories in Constitutional Choice // Rules and Choice in Economics / Ed. V. Vanberg. L., N.Y.: Routledge, 1994. P. 167–177.
- Brennan G., Buchanan J. M. Die Begründung von Regeln. Tübingen: Mohr, 1993.
- Dietzfelbinger D. Soziale Marktwirtschaft als Wirtschaftsstil: Alfred Müller-Armacks Lebenswerk. Gütersloh: Kaiser, Gütersloher Verl.-Haus, 1998.
- Doering D. Ein Feind des Kollektivismus // Handelsblatt. 1999. 8.–9. Oktober.
- Eucken W. Grundlagen der Nationalökonomie. 9. Auflage. Berlin e.a.: Springer, 1989.
- Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Tübingen: Mohr, 1990.
- Eucken W. Ordnungspolitik / Hrsg.: W. Oswald. Münster: Lit, 1999.
- Eucken W. Staatliche Strukturwandlungen und die Krise des Kapitalismus // ORDO. 1997. Bd. 48. S. 5–26.
- Eucken W. Wirtschaftsmacht und Wirtschaftsordnung. Münster: Lit, 2001.
- Hegner J. Alexander Rüstow – Ordnungspolitische Konzeption und Einfluß auf das wirtschaftspolitische Leitbild der Nachkriegszeit in der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Lucius und Lucius, 2000.
- Herrmann-Pillath C. Der Vergleich von Wirtschafts- und Gesellschaftssystemen: Wissenschaftsphilosophische und methodologische Betrachtungen zur Zukunft eines ordnungstheoretischen Forschungsprogramms // ORDO. 1991. Bd. 42.
- Hoppmann E. Die Interdependenz der Ordnungen // ORDO. 1998. Bd. 49. S. 3–14.
- Kulbach U. Wegweiser für die Wirtschaftspolitik (Wilhelm-Röpke-Symposion) // Orientierungen zur Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik. 1999. H. 82. S. 64–66.
- Lange-von Kulesa J., Renner A. Die Soziale Marktwirtschaft Alfred Müller-Armacks und der Ordoliberalismus der Freiburger Schule // ORDO. 1998. Bd. 49. S. 79–104.
- Leipold H. Die große Antinomie der Nationalökonomie: Versuch einer Standortbestimmung // ORDO. 1998. Bd. 49.
- Lösch D. Das Dilemma mit der Rolle des Staates in der Wettbewerbsordnung: Zum 50. Todestag von Walter Eucken // Wirtschaftsdienst. 2000. № 3. S. 188–191.
- Mestmäcker E.-J. Freiheit und Ordnung in der Marktwirtschaft // Franz Böhm, Beiträge zu Leben und Wirken. Melle: Knoth, 1980.
- Miksch L. Wettbewerb als Aufgabe. Grundsätze einer Wettbewerbsordnung. 2. Ausg. Godesberg: Küpper, 1947.
- Müller-Armack A. Staatsidee und Wirtschaftsordnung im neuen Reich. Berlin, 1933.
- Müller-Armack A. Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft. München: Kastell, 1990.
- Hahn R. Wilhelm Röpke. Sankt Augustin: Academia Verl., 1997.

- Hamm W. Wozu Wilhelm Röpke raten würde – Orientierungen für die Wirtschaftspolitik // ORDO. 1999. Bd. 50.
- Hayek F. A. von. *The Constitution of Liberty*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1960.
- Hayek F. A. von. *Die Verfassung der Freiheit*. 3. Aufl. Tübingen: Mohr, 1991.)
- Hoffmann H. Zu Arbeit und Werk von Alfred Müller-Armack // *Widersprüche der Kapitalismuskritik*. Festschrift zum 75. Geburtstag von Alfred Müller-Armack. Bern; Stuttgart: Haupt, 1976. S. 231–236.
- Soziale Marktwirtschaft. Manifest '72 / Hrsg. von L. Erhard und A. Müller-Armack. Frankfurt (M) u.a.: Ullstein, 1972.
- Oppenheimer F. *Der dritte Weg – weder Kapitalismus noch Kommunismus* // Jentsch C. *Weder Kapitalismus noch Kommunismus*. Leipzig, 1893.
- Renner A. *Der ökonomische Ansatz Walter Euckens* // *Ordnungstheorie und Ordnungspolitik: Konzeptionen und Entwicklungsperspektiven* / Hrsg. von H. Leipold und I. Pies. Stuttgart: Lucius und Lucius, 2000 (Schriften zu Ordnungsfragen der Wirtschaft. Bd. 64).
- Röpke W. *Civitas humana: Grundfragen der Gesellschafts- und Wirtschaftsreform*. 4. Aufl. – Bern; Stuttgart: Haupt, 1979.
- Röpke W. *Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart*. 6. Aufl. Bern; Stuttgart: Haupt, 1979.
- Röpke W. *Ist die deutsche Wirtschaftspolitik richtig? Analyse und Kritik*. Stuttgart; Köln: Kohlhammer, 1950.
- Röpke W. *Jenseits von Angebot und Nachfrage*. Bern; Stuttgart: Haupt, 1979.
- Röpke W. *Kernfragen der Wirtschaftsordnung* // ORDO. 1997. Bd. 48. S. 27–64.
- Rüstow A. *Zwischen Kapitalismus und Kommunismus* // ORDO. 1949. Bd. 2.
- Schlecht O. *Wissenschaftler und Politiker* // *Wirtschaftsordnung als Aufgabe: zum 100. Geburtstag von Franz Böhm*. Krefeld: SINUS-Verl., 1995.
- Schüller A. *Der liberale Wirtschaftshumanist* // *Handelsblatt*. 1999. 8.–9. Oktober.
- Schüller A. *Soziale Marktwirtschaft und Dritte Wege* // ORDO. 2000. Bd. 51.
- Streit M. *Die Interdependenz der Ordnungen – Eine Botschaft und ihre aktuelle Bedeutung* // *Ordnung in Freiheit*. Tübingen, 1992. S. 5–29.
- Thuy P. *50 Jahre Soziale Marktwirtschaft: Anspruch und Wirklichkeit einer ordnungspolitischen Konzeption* // ORDO. 1998. Bd. 49.
- Vanberg V. “Ordnungstheorie” as constitutional economics: the German conception of a “social market economy” // ORDO. 1988. Bd. 39. S. 17–31.
- Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie*. 5., rev. Auflage. Tübingen: Mohr, 1980.
- Willgerodt H. *Die Liberalen und ihr Staat* // ORDO. 1998. Bd. 49. S. 43–78.
- Willgerodt H. *Von der Sozialen Marktwirtschaft zum demokratischen Sozialismus – ein Nachwort zu: Wilhelm Röpke, Kernfragen der Wirtschaftsordnung* // ORDO. 1997. Bd. 48.
- Wünsche H.F. *Erhards Soziale Marktwirtschaft: von Eucken programmiert, von Müller-Armack inspiriert?* // *Soziale Marktwirtschaft als historische Weichenstellung – Bewertungen und Ausblicke*. Eine Festschrift zum 100. Geburtstag von Ludwig Erhard. Düsseldorf: ST Verlag, 1996.

Ванберг В. (Фрайбургский университет, Институт Вальтера Ойкена)

Фрайбургская школа: Вальтер Ойкен и ордо-либерализм*

То, что сейчас известно под именем фрайбургской школы или ордо-либерализма, основано в 1930 г. в университете Фрайбурга в Германии экономистом Вальтером Ойкеном и двумя юристами, Францем Бёмом (1895-1977) и Гансом Гроссман-Дортом (1894-1944).

"Fakultät für Rechts- und Staatswissenschaften" Фрайбургского университета, где работали основоположники ордо-либерализма, включал в себя изучение как права, так и экономики. Это обеспечило основу для синтеза правовых и экономических подходов, что является основой фрайбургской школы и ордо-либеральных традиций. Как позже скажет Бём, родоначальников школы объединяла идея конституционных основ свободной экономики и общества. В первое издание их совместно написанной книги «Порядок экономики» три автора включили программное введение, названное «Наша задача», в котором они подчеркнули свою оппозиционную настроенность по отношению к по-прежнему влиятельному наследию исторической школы Густава фон Шмоллера, а также к необоснованному релятивизму, который, по их мнению, это наследие привнесло в немецкое право и политическую экономию. В противовес им они обозначили свой главный принцип следующим образом: «все практические политико-юридические и политико-экономические вопросы должны рассматриваться через призму экономической конституции» - задача, для которой, как они говорили, сотрудничество юриспруденции и экономической науки является «жизненно важным».

Ордолиберализм фрайбургской школы составляет главную часть тех теоретических основ, на которых была построена социальная рыночная экономика Германии после Второй мировой войны. Как правило, эту школу относят к немецкому неолиберализму, к которому относятся также такие ученые, как Альфред Мюллер-Армак, Вильгельм Рёпке и Александр Рюстов. Хотя они имели много общих взглядов, в их позиции существовала и некоторая разнонаправленность¹. В частности, слегка интервенционистский, ориентированный на достижение конечной цели характер понятия «социальная рыночная экономика» в гораздо большей степени отражает позицию Мюллера-Армака (который придумал сам этот термин), Рёпке и Рюстова, нежели позицию основателей фрайбургской школы, выступавших за строго процедурный и ориентированный на правила либерализм.

Выражаясь простым языком, разницу между ордолиберализмом фрайбургской школы и концепцией «социальной рыночной экономики» Мюллера-Армака можно описать следующим образом: для фрайбургской школы рыночное устройство - недискриминирующее, без привилегий - само по себе является этичным устройством. По поводу «социальной страховки» фрайбургские ордо-либералы считали, что конкурентное рыночное устройство может – и должно – быть совмещено с системой гарантий минимального дохода для тех, кто временно или постоянно не может заработать себе на жизнь, оказывая востребованные на рынке услуги. В то же время они настаивали на том, что подобные социальные гарантии должны иметь недискриминирующий характер, не должны давать привилегий определенным группам и не должны выдаваться в форме субсидий или других привилегий отдельным отраслям, так как это противоречит этическим принципам рыночного устройства.

* Перевод выполнен В. Лавровым по изданию: Vanberg V.J. The Freiburg School: Walter Eucken and Ordoliberalism. 2004 (http://walter-eucken-institut.de/publikationen/04_11bw.pdf).

¹ Для более основательного обсуждения исторических корней фрайбургской школы и ее взаимоотношений с другими «неолиберальными» движениями в Германии см. [H. Grosseckttler, 1989].

Мюллер-Армак, наоборот, считал рыночное устройство наиболее экономически эффективным, но не являющимся по своей природе справедливым с точки зрения этики. Это - своеобразный этический инструмент, который может быть использован обществом для того, чтобы создавать богатство, но в то же время он делает данное общество «хорошим обществом». Общество можно сделать «этически справедливым» с помощью применения дополнительных мер, в частности «общественно-направленной» политики.

Важное различие заключается в том, что, по Мюллеру-Армаку, дополнительные меры, направленные на то, чтобы сделать экономику не только экономически эффективной, но и «этически справедливой», ничем не ограничены, в то время как, согласно фрайбургским ордо-либералам, эти меры не должны вступать в противоречие с концепцией свободного рынка, основанной на равенстве и отсутствии привилегий. Нетрудно предположить, что именно отсутствие обозначенного выше ограничения привело к искажению рыночных принципов, которое наблюдалось в Германии на протяжении последних полувека и которое прослеживается через изменение законодательства и юрисдикции во имя «социальной рыночной экономики». Это искажение привело к тому, что в последнее время стали слышны общественные призывы к «новой» социальной рыночной экономике («Neue Soziale Marktwirtschaft»). Но, увлекшись данными комментариями², я забежал далеко вперед нашей дискуссии, поэтому позвольте мне вернуться к началу.

Современная учебная программа истории либерализма в Европе предлагает разные интерпретации того, что же такое либерализм. Что касается направления фрайбургских ордо-либералов, то оно зародилось, как считается, на одной из встреч общества Монт Пелерин, группы либеральных мыслителей, которых Ф. А. фон Хайек впервые собрал вместе в 1947 г. в Швейцарии. В одной из своих статей, посвящённой Вальтеру Ойкену, Вильгельм Рёпке пишет, что на собрании 1949 г. предметом спора между Людвигом фон Мизесом и Вальтером Ойкеном об адекватном взгляде на либерализм являлась проблема монополии и соответствующей роли государства и закона. Рёпке рассказывает совсем немного об этой встрече³, а в других источниках информация по этому поводу просто отсутствует. Однако Рёпке отмечает, что предмет конфликта между двумя известными мыслителями стал символическим в кругу общества, так и не пришедшему к единогласному мнению.

Ойкен и Мизес представили в своих работах два абсолютно разных взгляда на природу либерального рыночного устройства и роль экономической политики, основываясь на разных организационных концепциях. В случае Мизеса - это свободный рынок (беспрепятственный), а по Ойкену речь идёт о конституциональном устройстве рынка.

На первый взгляд, концепция «свободной рыночной экономики» Мизеса как будто бы даёт чёткие и недвусмысленные критерии того, какие виды проводимой политики в принципе совместимы с рыночной экономикой, а какие – нет⁴. Но при более детальном рас-

² Для более подробного обсуждения см. [Vanberg, 2002].

³ Краткий комментарий Рёпке [1961: 10f.] таков: "Es kam zu Zusammenstößen, unter denen derjenige besonders schwer und eindrucksvoll war, der sich zwischen Walter Eucken und Ludwig v. Mises ereignete. Auf den von dem letzteren erhobenen Anspruch, in seiner Person den allein maßgeblichen Liberalismus zu repräsentieren, war Eucken die Antwort nicht schuldig geblieben., und so wäre es denn nicht leicht gewesen, einen halbwegs versöhnlichen Ausgang zu erreichen, wenn nicht Ludwig v. Mises mit seiner Ritterlichkeit eingelenkt hätte. Jene Diskussion, in der es vor allem um das Monopolproblem und um die dem Staat und der Rechtsordnung dadurch zufallende Aufgabe ging, ist symbolisch für einen Richtungsstreit im liberalen Lager geblieben, der innerhalb der Mont-Pèlerin-Gesellschaft immer wieder hervortrat".

⁴ Людвиг фон Мизес [1949: 238f.] даёт следующее определение: "Воображаемая конструкция чистой рыночной экономики... предполагает, что деятельности рынка не мешают институциональные факторы. Она предполагает, что государство... старается защитить функционирование рынка, старается не вмешиваться в его деятельность и защищает его от попыток людей нарушить рыночные механизмы». (Что касается "метода воображаемых конструкций", Мизес [Ibid.: 237] замечает: "Воображаемая конструкция – это продукт дедукции, порождаемый фундаментальной категорией действия. ... Создавая воображаемую конструкцию, экономиста

смотрении не всё так ясно. Необходимо определять разницу между такой политикой, которая вмешивается в рыночные процессы, и такой, которая создает каркас рынка, определяя его основные правила, при которых транзакционные издержки минимальны.

Никто так яростно не утверждал, как Хайек, что мы должны чётко представлять себе разницу между этими двумя типами политических действий. Термин «интервенция», настаивал Хайек, применим лишь к специфическим институтам, нацеленным на какой-либо конкретный результат, и совершенно неверно использовать его в отношении «всех основных регулирований экономической активности, которая может быть объяснена в форме некоторых правил, указывающих условия, которые все вовлечённые индивиды обязаны выполнять» [Найек, 1960: 224].

Оказывается, когда Мизес говорил о государственных помехах в «свободной экономике», он имел в виду экономическую политику по типу авторитарных запретов. В фиксации цен на товары и услуги он видел ключевое действие интервенции и описывал свою концепцию экономики как ту, в которой государство не мешает течению бизнеса понятиями порядков и запретов [Mises, 1949: 714] Хайек не меньше Мизеса настаивал на том, что специфические порядки и запреты должны быть исключены из рыночного устройства.

Однако Хайек настаивал, что то же самое не может быть сказано о государственной политике, которая ищет способ упорядочить экономический процесс общими правилами⁵. Это совсем не значит, продолжал Хайек, что такая политика может не быть «нежелательной или даже вредоносной». Это означает, что мы должны чётко разделять между случаем желательной или нежелательной и случаем, когда она совместима или несовместима с рыночным устройством. «До тех пор, пока она не противоречит законам, она не может быть отвергнута, как государственная интервенция, но должна быть проверена на каждой инстанции с точки зрения целесообразности»⁶.

Как же, в свете написанного выше, интерпретировать мизесовскую формулу «свободного рынка»? Это, конечно же, не означает отрицание всяких правил и законов. То, что рынок необходимо поддается описанию некими порядками, в отличие от анархии, никогда не вызывало споров среди либералов. Но рынок не может быть попросту описан как «игра каталлаксии» (выражаясь по-хайековски) без какого-либо отношения к правилам игры. И хотя мы можем представить себе рынок без каких-либо специфических распоряжений, но с трудом можно вообразить отсутствие каких бы то ни было основ законов и институтов. Если защитники концепции свободного рынка осознают тот факт, что ничего не может быть без определённой системы, то им придётся ответить, какими же правилами они будут руководствоваться. Это означает, что мизесовский «свободный рынок» не может быть определён в терминах его институциональных характеристик.

не волнует, отражает ли эта конструкция реальное положение дел в той области, которую он хочет подвергнуть анализу.") Как Мизес (Ibid.: 239) отмечает: "Классические экономисты называли систему чистой рыночной экономики «естественной» и государственное вмешательство в деятельность рыночных механизмов – «искусственным». Но эта терминология также была продуктом их щепетильного исследования проблемы интервенционизма".

⁵ Хайек в "Дороге к рабству" писал [1944: 37]: "Любая попытка регулирования цен или выпуска какого-либо товара губит конкуренцию и ее способность эффективно координировать индивидуальные цели... В то же время, это утверждение не является непременно верным по отношению к ограничению определенных способов производства, если эти ограничения касаются всех потенциальных производителей... Например, запрет на использование определенных ядовитых веществ, ограничение длины рабочего дня или санитарные требования, абсолютно точно совместимы с конкуренцией на рынке. Единственный вопрос заключается в том, перевешивают ли в каждом конкретном случае выгоды общественные потери от введения вышеуказанных мер".

⁶ Хайек указывал [1960: 225]: "Но если, например, производство и продажа фосфора запрещена по причинам охраны здоровья или разрешена только при соответствующих правилах, или запрещена работа ночью, то целесообразность таких мер должна быть оценена сравнением всех издержек и выгод; это не может быть определено в свете общих принципов".

Ордо-либерализм фрайбургской школы исходил из той предпосылки, что рыночное устройство является конституционным, то есть задано институциональным каркасом, совместного с конституционным выбором. Это предполагает, что основы рыночных процессов зависят от природы этого самого институционального каркаса (касательно закона) и что нежелательные элементы подобной системы должны быть рассмотрены в качестве конституционных, то есть в терминах относительного желая релевантных конституционных альтернатив. Конституционный взгляд на рыночное устройство имеет нечто общее с программой конституционной политической экономики, которая основана на работах Джеймса Бьюкенена⁷. Ближе к концу статьи я обязательно вернусь к соотношению этих двух программ.

Как написано выше, Ойкен предложил свой собственный подход, контрастирующий с программой Шмоллера, всё ещё имеющей влияние на экономические мысли и экономическую политику Германии⁸. "Staatliche Strukturwandlungen und die Krise des Kapitalismus", опубликованной в 1932 г., и своими двумя главными работами, "Основы национальной экономики" ("Grundlagen der Nationalökonomie" (1989 [1939])) и "Основные принципы экономической политики" ("Grundsätze der Wirtschaftspolitik" (1990 [1952])), он хотел обеспечить альтернативу теоретическим основам исторической школы в области экономического анализа, а именно – необоснованному подходу к экономической политике⁷. Его целью было предложить систематически интегрированный подход к теоретическому изучению и политическому упорядочиванию конституционного социального экономико-политического устройства, или, выражаясь по-немецки, систематический подход к теории порядка (Ordnungstheorie) и политике порядка (Ordnungspolitik)⁹.

Так как термин Ordnung является центральной концепцией программы научного поиска во фрайбургской школе, то важно отметить, что в контексте этой программы он систематически связан с концепцией экономической конституции, в смысле правил игры, на которые опирается экономическая система¹⁰. Это вовсе не значит, что можно применить какой-либо консервативный или авторитарный подтекст к данному термину. Как настаивал сам Ойкен, с тех пор, как все экономические действия опираются на какой бы то ни было определённый свод законов и порядков, то основным вопросом, которым должны задаваться мыслители и экономисты, следует обозначить примерно так: «каковы же правила и порядки этой игры?» Экономические устройства должны трактоваться в терминах экономических конституций, под которыми подразумевается формальный, правовой и институциональный каркас, но который также включает в себя конвенции и традиции, направляющие экономические процессы в соответствии с желаниями общества. Если верить Ойкену, то все специфические экономические системы прошлого и настоящего можно понимать как композицию двух основополагающих принципов – децентрализованная координация всех экономических устройств в соответствии со сводами правил игры и субординация администра-

⁷ Как Бьюкенен [1977: 5] пишет о рыночной экономике: "Но экономика не может функционировать в вакууме, она должна существовать в рамках законов и институтов. Нынешние экономисты по большому счёту игнорируют конституционно-институциональную основу экономической системы".

⁸ Ойкен [1940: 504]: "Критиковать Шмоллера – значит критиковать рассматриваемую часть экономической доктрины нашего времени".

⁷ Как замечает Ойкен [1940: 503] о Шмоллере: "Nur eine Ansicht, seine Grundansicht, vertrat er widerspruchlos und setzte sich mit ihr nirgends in Gegensatz: Eben seine Entwicklungs- und Fortschrittsidee".

⁹ На семинарском занятии в Париже, на котором в марте 2004 г. была представлена данная работа, возник вопрос, насколько сильно фрайбургские учёные в развитии их версии либерализма были подвержены влиянию австрийских традиций или англо-саксонских источников. Кратким ответом на этот вопрос является то, что ордо-либерализм был чисто немецкой «выдумкой», и никаких прямых зависимостей не имел.

¹⁰ Более подробнее о концепции "Spielregeln" (правила игры) фрайбургской школы см. работы Бёма [1937: 120; 1980, fn. 3] и Ойкена [1989: 204; 1990: 377].

тивной системы (что напоминает хайековское разделение на спонтанные порядки и организацию).

Основатели фрайбургской школы часто подчёркивали, что лучшим способом улучшения экономики является переделка институционального каркаса, на котором держатся экономические системы, то есть, как они это называли, экономической конституции. Что возбуждало их интерес, так это возможность применения теоретических знаний экономики и права на практических проблемах «понимания и улучшения правовых инструментов для экономической конституции»¹¹. В качестве названия Ойкен подобрал такому проекту¹² латинское слово *Ordo* – термин, соответствующий естественному подтексту права, который, однако, может быть интерпретирован как желательное устройство для человеческой среды, чтобы принять его¹³.

Ойкен и Бём часто отмечали, что их интерес состоял не в изобретении какой-либо новой программы, но в поиске ответов на практические вопросы, как желаемое экономическое устройство может быть создано и освоено – вопросы, которые они относили к проблеме конституционного выбора, то есть каким образом желаемая экономическая система может быть сгенерирована созданием подобающей экономической конституции. Взаимопереплетённые знания закона и экономики были для них особым условием, который они именовали "*Wirtschaftsverfassungspolitik*", т. е. политика, которая пытается найти улучшение экономического устройства не прямым путём, а реформированием правил игры, в противовес той политике, что пытается непосредственно вмешиваться в экономические процессы¹⁴. Главная их цель в том, чтобы такая политика подвигла непосредственных участников экономического кругооборота продолжать искать улучшения системы. То есть, они видели задачей "*Wirtschaftsverfassungspolitik*" создать условия, при которых «невидимая рука» Смита сможет делать своё дело.

В отличие от представителей исторической школы, марксистов или других ученых, которые настаивали на том, что курс общественного развития невозможно изменить, Ойкен и Бём полагаются, что социально-экономический порядок в обществе является результатом политического выбора. Они признавали, что все общества и экономики в определенной степени являются продуктом эволюционного развития, а не исполнением заранее начертанного плана, и, в частности, рыночное устройство не было изобретено и введено в общество намеренно, а постепенно формировалось на протяжении тысячелетий¹⁵. В то же время они настаивали на том, что конкретное рыночное устройство формируется конкретными политическими действиями, и оно может быть улучшено путем специальных реформ [Vöhm 1950: XLf.; 1960: 163f.; 1973: 16f., 21]. Вот как Ойкен прокомментировал проблемы достижения функционального и гуманистического экономического порядка [1992: 314]: "Проблема не решится сама собой, если мы просто предоставим рынки самим себе и позволим им расти

¹¹ Бём, Ойкен и Гроссман-Доэрт [1989: 23] в "Ордо-манифесте" указывали: "Мы хотим предоставить научное обоснование... с целью построения и преобразования экономической системы".

¹² Ойкен [1990: 373] говорит о проблеме нахождения "*funktionsfähige und menschenwürdige Ordnung der Wirtschaft, der Gesellschaft, des Rechts und des Staates*" – см. также "*Die Aufgabe des Jahrbuchs*" в первом издании журнала "*Ordo*" [1948: VII-XI].

¹³ Как пишет Ойкен [1982: 130; 1990: 290] о своём подходе: "Однако регулятивный каркас, с которым мы имеем здесь дело, не вытекает из естественных законов или... догматических аксиом. ... Смысл всех этих принципов в их положительной цели".

¹⁴ Салли [1996: 8] пишет об ордо-либеральном подходе так: "Необходимо определить и обозначить институциональный каркас свободного экономического устройства, но не следует вмешиваться в механизмы конкурентных экономических процессов. Это суть *Ordnungspolitik*."

¹⁵ См. также Бёма [1973: 30f.], Бём [1973: 31f.] и Ойкен [1989: 52] обращали особое внимание на важность созидательных конституционных реформ в Европе на протяжении конца XVIII и начала XIX столетия для появления рыночной экономики.

независимо. История двадцатого века достаточно ясно это продемонстрировала. Экономическую систему постоянно надо «подравнивать». Проблемы экономической политики, торговой политики, кредитной, монопольной и налоговой политики, или законы о компаниях и банкротстве, - это частички большой задачи, как экономика, национальная и международная, должна функционировать. Фрайбургские ордо-либералы особо подчеркнули, что эффективная конституционная экономическая политика должна учитывать сложные взаимосвязи, посредством которых элементы легально-институциональной системы могут взаимодействовать [Eucken, 1942. S. 42f.]. Основатели школы видели суть данной проблемы так: «Закон о банкротстве, ... закон об облигациях, закон о недвижимости, закон о семье, трудовые законы, административный закон и все другие законы вместе составляют экономическую конституцию, и между ними могут существовать систематические взаимосвязи, которым Ordnungspolitik должна уделять внимание» [Böhm, Eucken, Großmann-Doerth 1989: 24]¹⁶.

В свете вышесказанного, можно утверждать, что исследовательская программа фрайбургской школы представляет собой как теоретическую парадигму, так и парадигму для проведения политики. Теоретическая парадигма основывается на утверждении, что адекватный анализ экономических феноменов должен учитывать природу конституционного устройства, или «правил игры», по которым они действуют. Парадигма проводимой политики основывается на утверждении, что экономическая политика должна быть направлена скорее на то, чтобы улучшить экономическую конституцию таким образом, чтобы в итоге получилось хорошо функционирующее экономическое устройство, а не на то, чтобы получать конкретные краткосрочные результаты, непосредственно вмешиваясь в экономический процесс. Ordnungstheorie – это название позитивной, объясняющей части фрайбургской исследовательской программы, целью которой является систематическое изучение свойств альтернативных институционально-конституционных устройств и сложных взаимосвязей между различными компонентами (закон о компаниях, закон о патентах, закон о налогах, о трудоустройстве...) экономической конституции нации. Ordnungspolitik – это название нормативной парадигмы проводимой политики, предполагающей совмещенный подход к различным компонентам легально-институциональной системы, из которых состоит рыночная экономика¹⁷.

Хайек предложил удобное разделение между порядком правил и порядком действий. В терминах Хайека, объясняющая парадигма фрайбургской школы фокусируется на том, как изменения в порядке правил ведут к изменениям в порядке действий, в то время как парадигма проводимой политики фокусируется на том, как получающийся в итоге экономический порядок может быть улучшен с помощью соответствующих реформ.

Хотя основатели фрайбургской школы и считали себя представителями классического либерализма, они подчеркивали, в отличие от представителей некоторых ветвей либерализма, что свободное рыночное устройство – это не когда государство просто-напросто отсутствует, а скорее это политико-культурный продукт, основанный на конституционном порядке, и он требует внимательного и бережного отношения для того, чтобы хорошо функционировать [Böhm 1937: 74, 120f.]. В этом отношении они считали необходимым проводить границу между собой и представителями «либерализма свободного рынка» (*laissez-faire liberalism*), которые не признавали важную роль государства как гаранта и защитника институциональных норм, позволяющих рыночной конкуренции успешно функциони-

¹⁶ Ойкен [1989: 38f.] указывал: "Актуальные экономические политики многих стран сегодня делают упор на *ad hoc* решение экономических проблем. Но взаимоотношение всех экономических систем ещё не определено".

¹⁷ Сэлли [1996: 5] отмечал: "Ойкен открыто предпочитает мыслить в терминах устройств, ... все действия политики должны быть оценены с точки зрения того, как они согласуются со всем экономическим процессом и его механизмом, то есть с устройством экономических действий".

ровать [Eucken, 1938: 81; 1990: 374f.]¹⁸. Они осторожно разделяли процесс успешной работы рынка, при условии, что в экономике существуют соответствующие условия, и процесс создания этих условий. Другими словами, они четко разделяли «подконституционный» вопрос о том, как рыночная конкуренция работает в рамках заданных правил, и «конституционный» вопрос о том, как эти правила создаются и претворяются в жизнь.

Суть рыночной экономики, считали фрайбургские ордо-либералы, состоит в том, что все экономические агенты являются равными друг другу с точки зрения закона и что добровольный обмен и добровольные контракты – это единственные средства координирования экономических действий [Böhm 1937: 105]. Конечно, они понимали, что принципы равенства и добровольности нигде идеально не выполняются, и они не считали, что эти термины вполне описывают существующие рыночные экономики. Они считали эти принципы скорее нормативными стандартами, в соответствии с которыми существующие экономические устройства и потенциальные реформы должны оцениваться, а также указателем для дальнейшего направления конституционных реформ [ibid.: 124f.]. Важнейший исторический шаг к реализации на практике экономического устройства, наиболее полно соответствующий этим критериям, – это либеральное движение в конце XVIII – начале XIX века [Eucken 1982: 124; 1990: 276] от феодального общества к тому, что Бём называл *Privatrechtsgesellschaft* (частно-правовое общество) или *Zivilrechtsgesellschaft* (гражданско-правовое общество). По мнению ордо-либералов, движущей силой этих перемен была идея трансформации феодального общества с его привилегиями и прерогативами в «частно-правовое общество, состоящее из одинаково свободных людей, равных в правах» [Böhm 1989: 54; 1980: 140], – общество, в котором «у каждого должны быть равные права и одинаковый статус, статус человека в рамках частного права» [1989: 46; 1980: 107]¹⁹.

В то же время Бём и Ойкен настаивали на том, что создание и поддержание свободного рыночного порядка требует большего, чем просто замена феодальных привилегий и ограничений свободной торговлей и свободой контрактов. Они считали, что для этого требуется экономическая конституция, выстроенная таким образом, чтобы поддерживать конкуренцию даже перед лицом антиконкурентных интересов. Вся логика фрайбургской школы основана на различии между «конституционным уровнем», на котором принимаются политические решения, касающиеся экономической конституции общества, и «подконституционным» уровнем, на котором принимаются частные решения в рамках определенных конституцией правил игры. Их главным утверждением является то, что выбор "правил игры" производится для всего общества, и отдельные его члены не могут обойти эти правила на «подконституционном» уровне путем заключения частных контрактов [Böhm 1960: 39-44, 67]²⁰. Эта та самая проблема, которую ордо-либералы имели ввиду, когда они говорили о том, что для правильного функционирования рыночной экономики «нельзя заключать контракты, которые ограничивают или упраздняют свободу заключения контрактов» [Eucken 1982: 125; 1990: 278]²¹. Другими словами, они настаивали, что возможность экономических агентов освободиться от конституционных ограничений путем заключения частных контрактов несовместима с конституционной идеологией рыночной экономики [Böhm 1960: 27-30; 1980: 233-236, 238, 256f., 260f.].

¹⁸ Можно критически отметить, что их представление о *laissez-faire*-либерализме очень упрощенно, а критика чрезмерна. Но не может быть ошибки в природе аргумента, который они хотели привести. Как пишет Тумлир, «Многие из читателей Бёма находят сложным для понимания его осуждения *laissez-faire*».

¹⁹ Как Бём [1989: 47; 1980: 109] выделял, это был конституциональный выбор, выбор правил игры, при которых экономические и политические взаимодействия продолжались.

²⁰ Ойкен замечал [1982: 119; 1990: 267]: «Установить свободы для рынка недостаточно, нужно также удостовериться, что не наблюдается ограничение рынка группами интересов...».

²¹ Ойкен подчеркивал [1982: 124; 1990: 276], что "свобода может не только развить, но и уничтожить конкуренцию". См. также [1989: 57; 1990: 267].

Согласно сказанному, фрайбургские ордо-либералы рассматривали картельные соглашения как несовместимые с конкурентной экономической конституцией, и по этим же причинам спонтанно формирующиеся правила экономики ("selbstgeschaffene Recht der Wirtschaft") [Großmann-Doerth 1933; Eucken 1989: 56]²² могут не служить общественным интересам, а давать выгоды производителю за счёт покупателей. Как заметил Ойкен, нужно уточнить, действительно ли правила и регулирования, созданные экономическими группами для контроля рыночных процессов, претендуют на статус закона. Насколько такие "самодельные" правила противоречат законному порядку? Вопрос очень большой важности в современном индустриальном мире.

Проблема картелей требует здесь отдельного рассмотрения как пример контраста между ордо-либеральными взглядами на рынки и мизесовской концепцией «свободного рынка», о которой я говорил вначале. Конституционный подход фрайбургской школы к этой проблеме отличается от взглядов мизесовского приверженца, Мюррея Ротбарда. Из соображений о свободной рынке Ротбард не видит причин, почему не должно быть картелей. Сама концепция ограничивающего производства, утверждает он, проваливается, когда речь идёт о рынке без запретов. На его взгляд, покупатели и продавцы обо всём без проблем договариваются в добровольной форме, и это включает возможности продавца назначить цену, при которой его доход будет максимизироваться. Картели, по его мнению, ни что иное, как добровольные соглашения между двумя группами продавцов, имеющие право на жизнь, также как и соглашения между покупателями и этими же продавцами. «Сказать, что картели нарушают суверенитет некоторых покупателей, было бы абсолютно неверно. И это правда даже в тех случаях, когда картель создан только для цели ограничения» - заявляет Ротбард.

Обращение к принципу суверенитета покупателей, в глазах Ротбарда, - очень ограниченная интерпретация принципа «собственного суверенитета индивидов», который относится к производителям не меньше, чем к покупателям²³. В связи с этим стоит упомянуть слова Джеймса Бьюкенена, которые не противоречат духу фрайбургской школы: «либертарианская заслуга заключается в том, что понятие защиты свобод индивидов и обществ занимать свободным обменом было расширено до защиты свобод индивидов заключать добровольные соглашения об ограничении торговли».

Соглашаясь с классическими экономистами шотландской школы, фрайбургские ордо-либералисты уточняли, что интересы покупателя являются единственными экономически оправданными интересами и что главная функция конкуренции заключается в направлении стремления к прибыли в русло служения покупателям. Опираясь идеей Смита о том, что человеческий эгоизм теряет свои антисоциальные аспекты в условиях конкуренции, Бём описывал такую структуру, как моральную базу, основанную на достижении прибыли в экономике, добавляя позднее, что «конкуренция – это не только механизм создания стимулов, но, главным образом, инструмент подавления власти (Entmachtungsinstrument), ... наиболее сильный и сложный инструмент подавления власти в истории» [Böhm, 1960: 22].

Фрайбургские ордо-либералы дали чётко понять, что лишь система *Leistungswettbewerb* (или конкуренция в интересах покупателей²⁴) как оппозиция *Behinderungswettbewerb*

²² Стрейт [1994: 511] указал: "В своей инаугурационной лекции Гроссман-Доэрт (1933) обратил внимание на так называемый «самосозданный закон экономического общества» и на факт, что, например, стандартные условия продажи были использованы для сдерживания конкуренции". См. также Каспера и Стрейта [1993: 13].

²³ Ротбард [1970: 560] писал: "Вместо "суверенитета потребителей" было бы правильнее говорить, что в условиях свободного рынка существует "суверенитет индивида" (sovereignty of the individual) ... *individual self-sovereignty*".

²⁴ Как писал Рёнке [1960: 31], *Leistungswettbewerb* означает, что "единственный путь к успешному бизнесу лежит через повышение качества обслуживания интересов потребителей".

(то есть структура, направленная скорее на предотвращение конкуренции между продавцами, чем улучшения положения на рынке покупателей) может удовлетворять требованиям классических экономистов о рыночной конкуренции. Создание такого каркаса «правил игры» Leistungswettbewerb и есть политическая цель Wirtschaftsverfassungspolitik или Ordnungspolitik [Eucken 1990: 266f.]. Можно провести аналогию с садовником, который не создаёт цветы, но помогает им вырасти и помогает расти лишь лучшим растениям. Как писал Бём, создание хорошо функционирующего рынка есть трудный и продолжительный процесс, который можно сравнить с выращиванием сложного типа растения²⁵.

Ordnungspolitik есть та самая политика, целью которой является обеспечение процесса здоровой конкуренции и повышение полезности покупателей. Стоит, однако, заметить, что хоть ордо-либералисты чётко определяли, что они хотят от своей политики, двусмыслица возникала при вопросе, как она должна действовать. Проблема в том, что их концепция «совершенной конкуренции», как один из критериев Leistungswettbewerb, не совсем вязался с изначальной парадигмой фрайбургской логики. Но мы не будем сейчас это детально обсуждать. Достаточно сказать, что хоть некоторые мысли и нуждались в дальнейшей доработке²⁶, это никак не влияло на их основные заявления, что идеальная рыночная структура - не дар природы, но нечто такое, что нужно создавать и аккуратно за этим ухаживать. Есть много разных аргументов, какой же вид Ordnungspolitik является наиболее подходящим, и многие могут не согласиться с основателями фрайбургской школы, но не стоит оспаривать их центральную позицию, что рыночная конкуренция нуждается в своём своде правил игры.

В то время как основатели фрайбургской школы фокусировали своё внимание в основном на «экономической мощи частных агентов», они игнорировали тот факт, что гораздо более глубокие причины явлений, препятствующих конкуренции, являются политическими. Бём знал, что для того, чтобы производители второсортного товара смогли привлечь к себе покупателей, им тяжело обойтись без правонарушения. Ни Ойкен, ни Бём не отвергали того факта, что многие из проблем «личной экономической власти» являются прямыми последствиями вмешательства государства или же это просто дефекты существующей правовой институциональной системы. Как писал Ойкен: "Создание монополий может инициироваться самим государством с помощью патентной политики, торговой политики, налоговой политики... Такое часто случалось в последнее время. Государство первым делом инициирует создание мощной частной экономической власти, а затем становится частично зависимым от нее"²⁷.

Наиболее центральной проблемой программы ордо-либералов являлась та проблема, что они именовали "рефеодализацией" (refeudalisation), а позже стало называться рентиискательством (rent-seeking)²⁸. Как отмечалось выше, основная примета конкурентного рыночного устройства заключалась в отсутствии привилегий, недискриминирующем конституционном устройстве, благодаря которому экономические участники чувствуют себя на

²⁵ Тумлир [1989: 135] пишет о Бёме: "Вся его работа состоит из описания и анализа условий, которые должны быть удовлетворены для успешной конкурентной системы свободного предприятия, чтобы функционировать и быть защищённой от дрейфа. ... Обозначение этих условий и есть объект постоянного внимания».

²⁶ Вилгеродт и Пикок [1989: 7f.] пишут: "Теоретическая концепция конкуренции ордо-либералов заметно менялась... В общем, однако, она всегда была более реалистична, чем концепция «идеальной» конкуренции".

²⁷ Ойкен [1982: 120] отмечал: "Во многих секторах немецкой индустрии картели исчезли бы немедленно в случае появления тарифов для входа. ... Несмотря на определённые правовые меры предосторожности, неожиданно появилась тенденция к формированию монополий и концентрационных процессов в индустрии". См. также Ойкена [1942: 43].

²⁸ Тумлир (1989: 135) пишет об эссе Бёма "Privatrechtsgesellschaft und Marktwirtschaft": "Последняя часть данного эссе могла бы быть легко переведена на современный аналитический язык концепций рентиискательства".

равных и находятся под защитой важнейшего либерального принципа, что «государство ни в коем случае не должно даровать привилегии». Соответственно, они расценивали любую форму привилегии как нарушение основ, на которых построен рыночный механизм, нарушение фундаментальных конституционных обязательств, которые были введены для рыночного устройства и свободного от привилегий общества. С не меньшей ясностью, чем современное положение теории общественного выбора (public choice), ордо-либералы описали фатальные политические движения, которые указывали, где государство имеет право давать привилегии, и где, как следствие, группы специальных интересов ищут такие возможности. Как пишет Бём, «государство сталкивается с таким количеством противоречивых предложений стольких групп...и факт в том, что такое положение вещей ослабляет системе...»²⁹.

Что ордолибералы описали достаточно чётко, так это то, что конкурентное устройство должно рассматриваться как общественное благо и что нужно ясно понимать разницу между выгодой человека от этого блага и его интересом инвестировать в его производство. Что касается конкурентного устройства, то, с одной стороны, выделяются выгоды, приносимые такой системой, и, с другой стороны, отмечается, выгодно ли человеку подвергать себя тем конституционным ограничениям, которые подобная система накладывает. Как писал Бём, конечно же в интересах всех граждан, чтобы государство и законодательство действовали в соответствии с их «конституционно обозначенными задачами, чтобы создавать, сохранять и управлять таким каркасом, который гарантирует функционирование свободного рынка». Но такая выгода не предотвращает, однако, того, что «возможно для каждого участника получить выгоду, нарушая правила...за счёт других индивидов» (например, путем образования картелей, создающих некоторые привилегии). Вторая стратегия очень привлекательна, потому что "в этом случае индивид не нарушает напрямую законы, но использует предложения, выдвигаемые законодательством...такие как протекционистские механизмы, налоговые привилегии, прямые субсидии, ценовые поддержки".

Даже без использований профессиональных терминов, ордо-либералы признают, что по своей сути «игра конкуренции» представляет собой дилемму заключённого, так как всем лучше при системе конкуренции, но многие имеют соблазн обойти ограничения, вводимые системой. Если все найдут способ обходить ограничения, то концом будет протекционистский режим, при котором участники окажутся в более худшем положении. Способом избежать подобной дилеммы, при котором все окажутся в проигрыше, является обязательство, что государство эффективно вводит правила игры для конкуренции. Считается нарушением правил, если кто-либо ищет способ избежать конкуренции через какие-либо политические действия. Это и есть логика ордо-либералов: конкурентное рыночное устройство не выстраивается само по себе, но нуждается в *Ordnungspolitik*. На языке теории игр можно сказать, что целью *Ordnungspolitik* является позволить экономическим участникам обойти дилемму заключённого.

Именуя свою теорию "защитником конкурентного устройства" ("Hüter der Wettbewerbsordnung") [Eucken 1990: 327], фрайбургские ордо-либералы столкнулись с некоей дилеммой. Дело в том, что государство, которое по их логике является тем самым защитником устройства, в то же самое время есть и главный источник дефектов. Они ни коим образом не ожидали, что не имеющее достаточного опыта и знаний государство будет действовать в общих интересах, но, наоборот, они критиковали иллюзорную веру в то, что государство является неперенным источником общего блага [Eucken 1932: 323; 1990: 331]. Однако они всё же понимали, что политическое устройство является институтом, который можно ре-

²⁹ Бём [1973: 41] также ясно описывает асимметрию в политической деятельности: политикам легко получить доступ к привилегиям, но затем у них трудно эти привилегии отобрать.

формировать. И они осознавали полностью тот факт, что это реформирование является больше политической реалией, нежели экономической. Иными словами, вся загвоздка в рентоискательстве (rent-seeking) заключается в его политическом аспекте. Они понимали, что, прежде чем стать надёжным защитником экономической конституции, правила игры в политике сами должны быть реформированы.

И конечно, они понимали, что такая реформа должна быть достигнута при помощи политического процесса, а поэтому нет никаких гарантий, что решение проблемы будет-таки найдено. Но для них это не служило достаточным оправданием, чтобы оставлять проблему в стороне.

Не забыли они и отметить, что это не вина фрайбургской школы, но природа вещей. И если говорить совсем откровенно, то они не претендовали на простое решение. Аргумент, который они использовали и который часто недопонимался, был по сути тем, что нужна твёрдая власть, чтобы прекратить нападки групп интересов. Это не был аргумент в пользу авторитарного порядка с большой властью. Ордо-либералы заявляли, что всё дело в нынешней системе, которая сделалась игрушкой в руках групп интересов³⁰. Формула «сильного государства», по их мнению, должна использоваться для обозначения такого государства, которое ограничено политической конституцией и защищено таким образом от посягательств групп специальных интересов, осуществляющих погоню за рентой³¹. Они не обсуждали в деталях, как же может быть установлено такое конституционное устройство, которое предотвращало бы все привилегии. Но они чётко заявляли, что у государства и законодательства не должно быть власти дискриминировать граждан.

Ойкен особо подчеркивал важность внедрения политики порядка (Ordnungspolitik) из экономической сферы в политическую. Он открыто заявлял, что Ordnungspolitik нуждается как в доработке со стороны экономики, так и в повышении уровня зрелости со стороны политики³². Ранняя смерть не позволила Ойкену продолжить развивать свои мысли в политическом направлении. Но парадигма, обозначенная им и Бёмом, ясно даёт понять, что выход нужно искать на политической арене, и не в последнюю очередь по этой причине исследовательская программа конституционной политической экономии может считаться естественным дополнением фрайбургской традиции. Весомый вклад обоих подходов, ордо-либералов и бюкененского экономического конституционализма, заключается в том, что они расширили наше понимание конституционного измерения либеральной парадигмы - понимание, которого не хватало в доктрине либералов с их понятием свободного рынка.

Анализ фрайбургской школы уделил внимание тому факту, что идея свободного общества и рыночной конкуренции является конституционным идеалом, что она должна рассматриваться в конституционных терминах, в терминах специальных правил для игры, и что именно конституционный режим является наиболее привлекательным. В этом свете ли-

³⁰ Ойкен [1932: 307] отмечал: "Die Umwandlung des liberalen Staates zum Wirtschaftsstaat bedeut für das staatliche, wie für das wirtschaftliche Leben sehr viel. Daß mit diesem Prozeß die Größe des Staatsapparates außerordentlich wächst, daß sein Etat mächtig anschwillt, daß er mit seinen Subventionen, Zöllen, Einfuhrverboten, Kontingenten, Moratorien usw. ... viel tiefer als früher in die Einkommensgestaltung des einzelnen eingreift, daß sich also eine entschiedene Expansion der Staatstätigkeiten vollzieht, ist oft geschildert worden. Solche Tatsachen dürfen aber nicht eine andere Seite der Sache übersehen lassen; diese Expansion nämlich ... bedeutet nicht etwa eine Stärkung, sondern ganz im Gegenteil eine Schwächung des Staates".

³¹ В качестве объяснения того, что такое «сильное государство», можно использовать бёмовское [1989: 61; 1980: 148] описание.

³² Ойкен [1990: 331f.] писал: "Die Ordnung des Staates ist ebenso eine Aufgabe wie die Ordnung der Wirtschaft. ...Denn es ist auch die ordnungspolitische Frage zu stellen: Wie kann ein leistungsfähiger Rechtsstaat aufgebaut werden? ... Und so bedarf der Aufbau des Staates abermals von Grund auf ordnungspolitischer Durchdenkung". См. также у Ойкена [ibid.: 338]: "Die Interdependenz von Staatsordnung und Wirtschaftsordnung zwingt dazu, den Ordnungsaufbau von beiden in einem Zuge in Angriff zu nehmen."

бералы должны опираться на конституционные интересы людей, и аргументы за либеральное устройство, в конце концов, ни что иное как заявление, что конституционные потребности людей будут удовлетворяться лучше всего именно при таком режиме.

Заслуга же бюкененского конституционного либерализма заключается в некоторых добавках к конституционной теме. Бюкенен настаивал, что состоятельный либерализм не может следовать своим принципам индивидуальной свободы выбора и добровольных контрактов только на предконституционном уровне рыночных транзакций, но должен быть также применён и к уровню конституционного выбора³³.

Важнейшей заслугой бюкененского конституционного либерализма является обобщение либерального идеала от добровольного сотрудничества на основе рыночного выбора к конституционному выбору, от обменных контрактов к социальным контрактам. Таким образом, он показал, что классическая либеральная парадигма может быть обобщена от традиционного акцента на добровольном обмене и свободе выбора на рынке к уровню конституционного выбора, поддержав тем самым во многих отношениях более ранние аргументы фрайбургской школы.

Литература

Böhm F. Die Ordnung der Wirtschaft als geschichtliche Aufgabe und rechtsschöpferische Leistung // Ordnung der Wirtschaft. Ed. by F. Böhm, W. Eucken and H. Großmann-Doerth. Vol. 1. Stuttgart and Berlin: W. Kohlhammer, 1937.

Böhm F. Die Idee des Ordo im Denken Walter Euckens // ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft. 1950. Vol. 3. S. XV-LXIV.

Böhm F. Reden und Schriften. Karlsruhe: C.F. Müller, 1960.

Böhm F. Eine Kampfansage an Ordnungstheorie und Ordnungspolitik - Zu einem Aufsatz // ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft. 1973. Vol. 24. S. 11-48.

Böhm F. Freiheit und Ordnung in der Marktwirtschaft. Baden-Baden: Nomos, 1980.

Böhm F. The Non-State ('Natural') Laws Inherent in a Competitive Economy // Stützel W. et al. (eds.). 1982. S. 107-113.

Böhm F. Rule of Law in a Market Economy // Peacock, A. and Willgerodt, H. (eds) 1989. P. 46-67 (English translation of "Privatrechtsgesellschaft und Marktwirtschaft" in: [Böhm, 1980, 105-168]).

Böhm F., Eucken W., Grossmann-Doerth H. The Ordo Manifesto of 1936 // Peacock A. and Willgerodt H. (eds). 1989. P. 15-26 (originally published in German as "Unsere Aufgabe" in [Böhm, F. 1937, VII-XXI]).

Buchanan J.M. Freedom in Constitutional Contract. College Station: Texas A&M University Press, 1977.

Eucken W. Staatliche Strukturwandlungen und die Krise des Kapitalismus // Weltwirtschaftliches Archiv. Vol. 36. 1932. S. 297-323.

Eucken W. Die Überwindung des Historismus // Schmollers Jahrbuch. Vol. 62. 1938. S. 63-86.

Eucken W. Wissenschaft im Stile Schmollers // Weltwirtschaftliches Archiv. Vol. 52. 1940. S. 468-506.

Eucken W. Wettbewerb als Grundprinzip der Wirtschaftsverfassung // Der Wettbewerb als Mittel volkswirtschaftlicher Leistungssteigerung und Leistungsauslese. Ed. by G. Schmolders. Berlin: Duncker & Humblot, 1942 (Schriften der Akademie für Deutsches Recht, Gruppe Wirtschaftswissenschaft, Vol. 6).

³³ Для дальнейшего обсуждения см. [Vanberg, 2001].

- Eucken W. A Policy for Establishing a System of Free Enterprise // Stützel W. et al., 1982. P. 115-131 (Excerpts in English translation from [Eucken, 1990]).
- Eucken W. Die Grundlagen der Nationalökonomie. 9th ed. Berlin: Springer, 1989 (orig. 1939). (English translation 1992).
- Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. 6th ed. Tübingen: J.C.B, 1990 (orig. 1952). Mohr (Paul Siebeck) (Excerpts in English translation published as [Eucken, 1982]).
- Eucken W. The Foundations of Economics - History and Theory in the Analysis of Economic Reality. Berlin, N.Y.: Springer, 1992. (Reprint of the first English edition published 1950 by William Hodge, London).
- Grossekettler H.G. On Designing an Economic Order. The Contributions of the Freiburg School // Perspectives on the History of Economic Thought. Ed. by D.A. Walker. Vol. II. Aldershot: Edward Elgar, 1989. P. 38-84.
- Großmann-Doerth H. Selbstgeschaffenes Recht der Wirtschaft und staatliches Recht. 1933.
- Hartwell R.M. A History of the Mont Pelerin Society. Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1995.
- Hayek F.A. The Road to Serfdom. Chicago: The University of Chicago Press, 1944.
- Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: The University of Chicago Press, 1960.
- Hayek F.A. Rechtsordnung und Handelsordnung // Freiburger Studien. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1969. S. 161-198.
- Hayek F.A. Rules and Order. Vol. 1 of Law, Legislation and Liberty. London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1973.
- Hayek F.A. The Mirage of Social Justice. Vol. 2 of Law, Legislation and Liberty. London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1976.
- Kasper W., Streit M. Lessons from the Freiburg School. The Institutional Foundations of Freedom and Prosperity. The Center for Independent Studies, Australia, 1993.
- Mises L. von. Human Action – A Treatise on Economics. New Haven: Yale University Press, 1949.
- Mises L. von. Liberalism in the Classical Tradition. 3rd edition. San Francisco: Cobden Press, 1985.
- Peacock A. and Willgerodt H. (eds). Germany's Social Market Economy: Origins and Evolution. London: MacMillan, 1989.
- Röpke W. A Humane Economy – The Social Framework of the Free Market. South Bend, Ind.: Gateway Editions, 1960.
- Röpke W. Blätter der Erinnerung an Walter Eucken // ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft. 1961. Vol. 13. S. 3-19.
- Rothbard M.N. Man Economy and State – A Treatise on Economic Principles. Vols. I and II. Los Angeles: Nash Publishing, 1970.
- Sally Razeen. Ordoliberalism and the Social Market: Classical Political Economy from Germany // New Political Economy. 1996. Vol. 1. P. 233-257.
- Streit M. Economic Order, Private Law and Public Policy - The Freiburg School of Law and Economics in Perspective // Journal of Institutional and Theoretical Economics. Vol. 148. 1992. P. 675-704.
- Streit M. The Freiburg school of law and economics // The Elgar Companion to Austrian Economics. Ed. by P.J. Boettke. Aldershot: Edgar Elgar, 1994. P. 508-515.
- Stützel W. et al. Standard Texts on the Social Market Economy. Stuttgart and New York: Gustav Fischer, 1982.
- Tumlir J. Franz Böhm and the Development of Economic-constitutional Analysis // German Neo-Liberals and the Social Market Economy. Ed. by A. Peacock, H. Willgerodt. L.: MacMillan, 1989. P. 125-141.

Vanberg V.J. Die normativen Grundlagen von Ordnungspolitik // Ordo – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft. 1997. Vol. 48. S. 707-726.

Vanberg V.J. Freiburg School of Law and Economics // The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law. Ed. by Peter Newman. Vol. 2. London: MacMillan, 1998. P. 172-179.

Vanberg V.J. Markets and regulation. The contrast between free-market liberalism and constitutional liberalism // Vanberg V.J. The Constitution of Markets – Essays in political economy. L., N.Y.: Routledge, 2001. P. 17-36, 137-144.

Vanberg V.J. Soziale Sicherheit, Müller-Armacks 'Soziale Irenik' und die ordoliberalen Perspektive // Wirtschaftsordnung und Gesellschaftskonzept. Ed. by Rolf H. Hasse und Friedrun Quaas. Bern: Haupt, 2002. S. 227-260.

Willgerodt H., Peacock A. German Liberalism and Economic Revival // German Neo-Liberals and the Social Market Economy. Ed. by A. Peacock, H. Willgerodt. L.: MacMillan, 1989. P.1-14.

Левин С.Н. (Кемеровский
государственный университет)

Германский ордолиберализм как методологическая основа модели «социального рыночного хозяйства» в ФРГ

Сформировавшийся в 30-40-е годы XX в. ордолиберализм (В. Ойкен, Ф. Бем, В. Рёпке и др.), в определенной мере, выступил предшественником современной конституционной экономики. Общность этих концепций заключается в парадигме «контрактного» выбора конституционных правил и приоритете прав и свобод индивида. При этом теория «порядка» возникла в условиях распада «национал-социалистического» варианта «центрально-управляемого хозяйства» и острой борьбы с идейными сторонниками «социалистического» выбора. Характеризуя подход ордолибералов, В. Рёпке писал: «...мы признаем себя сторонниками этого западного мира с его ценностной школой, обусловленной антично-христианской традицией. Это означает, что нравственная индивидуальность отдельного человека, возможная лишь в условиях свободы, должна быть высшей целью, а все прочее необходимо оценивать с точки зрения противодействия или содействия этой цели. В конечном счете, решающее значение имеет то, что, мы думаем о положении человека во вселенной, точнее, что мы принимаем в качестве смыслообразующего элемента – человека или общество»¹. Эти ценностные установки ордолибералы соединяли с использованием в позитивном анализе ряда специфических методологических приемов.

Разработанная, в первую очередь, В. Ойкеном методологическая парадигма базируется на выделении и разрешении проблемы «большой антиномии» экономической науки. Характеризуя эту проблему, В. Ойкен пишет: «Ученый-экономист совершенно справедливо усматривает в повседневной хозяйственной практике лишь часть исторически неповторимой ситуации – иначе он просто проявил бы себя человеком, оторванным от реальности. Но он справедливо рассматривает её ещё и как общетеоретическую проблему – иначе реальность в её взаимосвязях просто ускользнула бы от его взора. Однако каким образом экономист может объединить оба очерченных подхода? Стоит ему ограничиться только первым либо

¹ Рёпке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. С. 120 -121.

только вторым, как экономист-теоретик утрачивает связь с реальностью»². Преодоление «большой антиномии» не может быть достигнуто на путях простого сочетания, поверхностного компромисса между теоретическими и историческими исследованиями. Ведь как отмечает В. Ойкен: «...исторический характер проблемы требует *созерцания, интуиции, синтеза, понимания, вживания в индивидуальное существование*»; общетеоретический её характер требует между тем *рационального мышления, анализа, работы с мысленными моделями*» (курсив автора)³. Из такого подхода вытекает невозможность как абстрагирования от реальных исторических фактов (что в явной форме делают представители теории общественного выбора), так и выведение закономерностей функционирования экономики путем эмпирического, индуктивного исследования (что присуще историческим школам и ряду направлений традиционного институционализма).

Разрешение «большой антиномии» достигается путем использования метода «выделяющей» абстракции. Он базируется на выделении путем анализа конкретных хозяйственных фактов идеальных типов хозяйственных систем. Характеризуя сущность такого подхода, В. Ойкен отмечает: «Во всех случаях важно в полной мере учесть индивидуальные особенности, например специфику китайского семейного крестьянского хозяйства, и нельзя впадать в ошибку, в поисках «нормы» безжалостно отбрасывая неповторимость индивидуального. Повсеместно оказывается, что именно такое пристальное изучение отдельного – возможно, вопреки ожиданиям – приводит к открытию обозримого числа определенных чистых форм. Характер взаимосвязи этих форм и способ, каким они «сплавляются» воедино в различных конкретных хозяйственных образованиях, весьма различны. Меняются местами «доминирующие» и «дополнительные» формы порядка; точно так же меняется и весь общеисторический контекст»⁴. При этом исходным пунктом анализа является то, что поскольку любая хозяйственная деятельность носит целесообразный характер, она сводится к составлению и реализации хозяйственных планов. В зависимости от характера планирования выделяются две чистых конституирующих формы: «идеально-типические хозяйственные системы неменового «централизованно управляемого хозяйства» и «менового хозяйства». Система «централизованно управляемого хозяйства» характеризуется тем, что вся повседневная экономическая жизнь общества регулируется планами, исходящими из одного центра. Если же экономика общества состоит из двух и более отдельных хозяйств, каждое из которых составляет и проводит в жизнь свои планы, то это система менового хозяйства»⁵. Оба базовых типа существуют в виде ряда разновидностей.

При этом В. Ойкен отмечает: «по своему происхождению выделяются хозяйственные порядки двух типов: естественно «выросшие» и «рукотворные». Хотя прежде преобладал первый тип, в последнее время на передний план все больше выходит второй. Ибо современный индустриализированный мир больше не допускает самопроизвольного «роста» хозяйственных порядков. Правда, последние, как правило, выглядят иначе, чем это предусматривалось соответствующими упорядочивающими принципами хозяйственной конституции»⁶. Следует отметить, что первым примером, хозяйственной конституции ордолибералы считали либеральную модель «естественного порядка». Характеризуя этот случай, В. Ойкен пишет: «Частная собственность, свобода договоров и конкуренция были теми упорядочивающими принципами, при помощи которых надлежало создать хозяйственный порядок. Познав совокупную взаимосвязь повседневной хозяйственной жизни и открыв, что

² Ойкен В. Основы национальной экономики: Пер. с нем. / Общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. М.: Экономика, 1996. С. 34.

³ Ойкен В. Указ. соч. С. 36.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Там же. С. 75.

конкуренция является в высшей степени эффективным регулятивным принципом, классическая национальная экономия разработала те основные принципы порядка, для реализации которых было необходимо проведение масштабных реформ. Тогда верили и надеялись, что при помощи «простой системы естественной свободы» (А. Смит) можно создать хорошо упорядоченное конкурентное хозяйство»⁷. Однако, по мнению ордолибералов, система «laissez faire» пришла к саморазрушению, поскольку принцип нерегулируемой свободы договоров создал предпосылки для подрыва механизмов конкуренции.

Завершающий этап исследования хозяйственного порядка любой конкретной экономики в ордолиберализме предполагает использование метода «обобщающей» абстракции, позволяющего выделить «доминирующие» и «дополняющие» формы. Результаты его применения В. Ойкен описывает следующим образом: «Применяя наш морфологический аппарат, мы осуществляем *двойной синтез*, а именно соединяем многообразные чистые формообразующие элементы в рамках целого хозяйственного порядка и затем встраиваем хозяйственный порядок в данную природную, духовную, политическую и социальную среду»⁸. В этой связи следует специально отметить, что ордолиберализм активно и системно использует принципы междисциплинарного анализа в отличие от возникшей в русле «экономического империализма» теории общественного выбора. Поэтому хозяйственный, правовой и политический порядки выступают как относительно самостоятельные, но при этом связанные отношениями взаимозависимости части совокупного общественного порядка. С этой позицией неразрывно связано критическое отношение к модели «*homo economicus*», которая предполагает способность человека максимизировать свою полезность на основе точного сопоставления предельных выгод и предельных издержек независимо от существующего социального и культурного контекста. Ордолибералы исходят из того, что субъективно люди *«всегда и везде в своих хозяйственных планах и тем самым в своих действиях пытаются достичь определенной цели с наименьшими затратами ценных для себя вещей»*. Таким образом, они всегда следуют так называемому «экономическому принципу»⁹. При этом «экономический принцип не имеет никакого отношения к целям и намерениям людей. Эти цели весьма различны, они могут иметь, например, эгоистический или альтруистический характер»¹⁰. Последний тезис, в общем, не противоречит современным вариантам модели «*homo economicus*». Принципиальное отличие заключается в признании того, что целевые установки людей и их способность превратить субъективное следование «экономическому принципу» в объективные результаты определяются параметрами хозяйственного порядка, задаваемыми социальной, культурной и правовой организацией общества.

Таким образом, можно сказать, что методология теории порядка базируется на плюралистической версии методологического индивидуализма. Её исследовательская программа заключается в рациональном анализе индивидуальной свободы и несвободы в различных формах деятельности (хозяйственной, политической) и при разных рамочных условиях (институциональных, культурных, экономических).

Стихийная эволюция хозяйственных порядков в первой половине XX века шла под знаком борьбы двух альтернатив: централизованно-административного хозяйства и менового хозяйства. При этом централизованно-административное хозяйство послужило основой формирования ограничивающих свободу человека социальных, правовых и политических порядков, а так же продемонстрировало низкую способность достигать экономически эффективных результатов вследствие отсутствия рыночных цен как объективных ориентиров рационального хозяйствования. С другой стороны, рыночные порядки в условиях политики

⁷ Ойкен В. Указ. соч. С. 73.

⁸ Там же. С. 216.

⁹ Там же. С. 267.

¹⁰ Там же. С. 330.

«laissez faire» саморазрушались вследствие монополизации и утверждения господства властных групп (последний термин является аналогом понятия «особая группа интересов»). Господство властных групп (например, в лице картелей), в свою очередь, создавало условия для утверждения тех или иных вариантов централизованно-административного хозяйства. В этих условиях, по мнению В. Ойкена «важнейшая задача состоит в том, чтобы этой новой, индустриализированной экономике с глубоким разделением труда дать дееспособный и достойный человека порядок хозяйства, который мог бы существовать достаточно долго. Дееспособный и достойный человека означает следующее: в нем должна максимально широко и надолго преодолеваться ограниченность благ, которая изо дня в день тяжким бременем ложится на большинство домашних хозяйств. Одновременно в этом порядке должна стать возможной самостоятельная ответственная жизнь людей. Эта задача, от решения которой зависит самое главное (причем не только для экономического существования человека), требует создания дельной «хозяйственной конституции», закрепляющей достаточные принципы порядка»¹¹.

Оптимальным, как с позиций экономической эффективности, так и обеспечения свободы индивида ордолибералы считают конкурентный рыночный порядок, который должен формироваться целенаправленно. Государство призвано обеспечивать его сохранение и развитие через проведение активной политики «порядка», выступая в качестве арбитра. В конкурентном порядке государство постоянно стремится защитить экономическую свободу, приближаясь к идеалу полной конкуренции. Участие государства в регулировании хозяйственных процессов ограничивается теми отдельными сферами и отраслями, которые по своей природе могут функционировать только на принципах «централизованно-управляемого» порядка. Деление функции государства на «политику порядка» и «политику регулирования хозяйственных процессов» по своей сути аналогично выделению «государства защищающего» и «государства производящего» в теории общественного выбора.

Реализация предложенных принципов хозяйственной конституции предполагает утверждение определенного правового порядка, который известный теоретик ордолиберализма Ф. Бем определил как «частноправовое общество». Характеризуя его природу, он писал: «Частноправовой порядок устанавливает правила, которым члены общества должны следовать при заключении договоров, при приобретении друг у друга благ и прав. При осуществлении кооперации или обмена на основе договоров, а также тогда, когда они действуют, осуществляют планирование или бездействуют, не будучи связанными какими-либо договорными отношениями. Помимо этого частногоправовой порядок наделяет всех людей, действующих в его рамках, чрезвычайно широкой свободой действий, чрезвычайно широкими полномочиями в сфере составления индивидуальных планов и установления отношений с другими людьми – иными словами, определенным *статусом* в рамках частногоправового общества, который не является даром природы или врожденным качеством, а представляет собой *общественное гражданское право*»¹². Рынок превращается в основной тип экономической координации только в условиях закрепления «частноправового порядка» в качестве господствующей в обществе социально-правовой формы. Обусловлено это тем, что рыночная координация реализуется через контрактный механизм. Таким образом, общество выступает как система, состоящая из автономных индивидов, координирующих свою деятельность посредством частногоправовых контрактов, базирующихся на принципах равноправия сторон, добровольности заключения и обязательности выполнения «Частноправовое общество» в этом плане выступает не как простая совокупность членов, а как «... вполне опреде-

¹¹ Ойкен В. Указ. соч. С. 302.

¹² Бём Ф. Частноправовое общество и рыночная экономика // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. С. 200-201.

ленный, *специфический тип связи между ними*, для которого характерны совершенно определенные институты (прежде всего, правовые институты. Данные институты обеспечивают согласование планов и действий свободных и автономных индивидов, а тем самым *косвенное управление этими планами и действиями и оказание влияния на них*)¹³. В этом плане частное право и система рыночных цен выступают как неразрывно взаимосвязанные надиндивидуальные конвенции, сложившиеся в ходе длительного спонтанного взаимодействия между индивидами. С другой стороны, их утверждение в качестве господствующих принципов социального порядка явилось результатом целенаправленного общественного выбора, конституционно закрепленного в ходе «буржуазных» революций.

«Частноправовому обществу» соответствует «правовое», «демократическое» и «либеральное» государство. Оно должно быть «правовым», чтобы выступать в качестве орудия «частноправового общества», быть его «ночным сторожем» (поскольку само «частноправовое общество» не может выступать в качестве субъекта социального действия); «демократическим», поскольку наличие у членов общества равного статуса предполагает и равенство их прав на участие в управлении государством; «либеральным», поскольку, с одной стороны, оно не должно нарушать автономию индивидов, а с другой, его функции должны быть обозримы для рядовых членов, что является условием сохранения его «правового» и «демократического» характера.

В то же время, наличие у всех граждан единого статуса не означает исчезновения социально-экономических различий. Это признают самые убежденные сторонники рыночной экономики. Например, Ф. Бем, характеризуя «частноправовое общество», отмечает его плутократический характер. В этой связи он пишет: «На смену свойственному феодальной системе различию между господствующей кастой и лично зависимыми людьми пришло различие между бедными и богатыми. Прежде всего, это различие между классом тех членов общества, для которых единственный источник доходов заключается в продаже собственной рабочей силы, и классом тех членов общества, которые могут получать доходы за счет того, что за вознаграждение предоставляют части своего имущества для использования в качестве капитала в процессе производства (т.е. они получают процент на капитал)»¹⁴.

Именно в контексте признания ордолибералами значимости проблем социального неравенства следует рассматривать тот факт, что они выступают за «рыночную экономику», но против «рыночного общества». Ордолибералы исходят из того, что степень эффективности «рыночного порядка» в экономике зависит от состояния нерыночных институтов в системе «социального порядка». В этом плане наиболее показательна позиция В. Рёпке, который подчеркивал «что проблема хозяйственного порядка является *специальной* – хотя и чрезвычайно важной – *проблемой*, которую следует четко отличать от других проблем общественного порядка, несмотря на существующую общую взаимосвязь всех этих проблем. А потому и их решение может потребовать совершенно разных средств. Если рыночная экономика есть наилучшее решение проблемы хозяйственного порядка, то она, разумеется, будет только одним ответом (частью ответа) на этот специфический вопрос. Рыночная экономика в полностью атомизированном, пролетаризированном и массовизированном обществе представляет собой нечто иное по сравнению с рыночной экономикой в обществе с широким распылением собственности, устойчивыми источниками средств существования, здоровой социальной структурой и богатством истинных сообществ, дающих человеку опору (семья, община, соседство, профессия, религиозно-духовные общества), с противовесами для рыночно-ценовых механизмов, с индивидами, у которых есть корни и чье существование нельзя оторвать от естественных жизненных опор, в обществе с равновесием властных

¹³ Там же. С.204.

¹⁴ Бем Ф. Указ. соч. С.238.

групп и широким самостоятельным средним сословием, со здоровыми отношениями между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством»¹⁵. Представляется, что именно вписывание рыночной экономики в систему не сводимого к рынку социального порядка придает по мысли ордолибералов ей характер «социального рыночного хозяйства».

Литература

Бём Ф. Частноправовое общество и рыночная экономика // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

Ойкен В. Основы национальной экономики: Пер. с нем. / Общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. М.: Экономика, 1996.

Рёпке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

Дементьев В.В. (Донецкий
национальный технический университет)

Проблема экономической власти и социальное рыночное хозяйство

Как известно даже в Германии единая концепция сущности и базовых элементов социальной рыночной экономики отсутствует. Один из подходов к определению данного понятия состоит в том, что ключевой проблемой в организации социального рыночного хозяйства является устранение влияния частной экономической власти. Так, по мнению К. Херрманна-Пиллата, основная идея социальной рыночной экономике состоит в защите рыночной экономики от власти [9, с.49]. Социальное, по своим целям и результатам, рыночное хозяйство невозможно без социального характера распределения экономической власти.

Концепция экономической власти является центральным элементом теории хозяйственного порядка, развитой В. Ойкеном. Основные взгляды В. Ойкена на природу экономической власти изложены в двух его работах: «Основы национальной экономики» и «Основные принципы экономической политики». Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы представить в систематизированном виде основные взгляды В. Ойкена на природу экономической власти и, далее, показать влияние распределения власти в экономике на содержание и результаты переходных процессов.

Власть в теории хозяйственного порядка В.Ойкена

В. Ойкен не дает собственного развернутого определения концепта экономической власти. Власть понимается им как отсутствие свободы или как зависимость, экономическая власть противопоставляется свободе¹. Проблема экономической власти для В. Ойкена - другая сторона проблемы свободы в современной индустриальной экономике [4, с.249].

Власть для Ойкена является одной из важнейших характеристик хозяйственного процесса. «Определение и анализ хозяйственных систем, - пишет он, - подводят нас к

¹⁵ Рёпке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. С. 136.

¹ «Власть на рынке, - пишет В. Освальт, - определяется способностью одного из участников ограничивать экономическую свободу других участников» [6, с.339].

большой исторической проблеме – проблеме экономической власти» [3, с.116]. Подобно истории вообще, история экономики наполнена примерами злоупотребления властью. Правда, замечает он, размеры угрозы со стороны усиливающейся власти различны в зависимости от установленного порядка. Особенно остро, по его мнению, стоят проблемы власти в современной экономике. «Проблема экономической власти существовала всегда. Но с начала промышленной революции она предстала в новой форме. Вместе с промышленной революцией наступила эпоха бурного роста экономической власти. ... власть отдельных фирм, власть концернов, картелей, центральных плановых органов или же союзов предпринимателей» [4 с.248]. «Современная индустриальная экономика и общество, - писал он в другом месте, - не только ставят целый ряд новых, взаимосвязанных и жизненно важных задач политики экономического порядка исключительной объективной сложности. Одновременно она дает импульс борьбе за власть правящих слоев, которая носит длительный характер и является определяющим фактором для современной экономической политики» [4, с.70-71]. Таким образом, важнейшей особенностью хозяйственной жизни в современном рыночном хозяйстве является наличие властных группировок² и экономическая борьба между различными властными группами. В. Ойкен отмечает: «Зависимость от давления властных группировок – вот та картина, которую представляет собой нынешнее государство» [4, с.420].

Возникновение власти в хозяйственной жизни В. Ойкен связывал с различными причинами. Во-первых, это связано с извечно существующим стремлением к власти [4, с.218]. Во-вторых, причиной возникновения власти является индустриальная экономика, основанная на разделении труда, которая «предоставляет возможность осуществлять господство и проявлять власть, каких прежде в истории не существовало» [4, с.321]. В-третьих, возникновение частной экономической власти объясняется им тем, что форма рынка полной конкуренции «зачастую не пользуется признанием». Поскольку, как замечает Ойкен, «подчиняет индивида контролю рынка, в значительной степени лишает его власти, понуждает к увеличению объема выполняемых работ и предоставляемых услуг, заставляет его постоянно приспосабливаться, а при возникновении угрозы материальных потерь или при банкротстве располагает чувствительными средствами принуждения [4, с.317].

С точки зрения В. Ойкена, властные позиции отдельного хозяйства и его место в экономической власти проявляется в том, каким образом формируются его хозяйственные планы и в его влиянии на хозяйственные планы других хозяйств. Властные позиции отдельного хозяйства на разных рынках могут быть очень различны: «часто оно должно приспосабливаться к складывающейся на рынке ситуации. Но часто отдельное хозяйство может решающим образом определять ход событий на рынке» [3, с.120].

Соотношение между властью и свободой для отдельных хозяйств является для В. Ойкена отличительной характеристикой различных хозяйственных порядков. Экономическая реальность определяется, прежде всего, тем, в какой мере каждый индивид свободен в реализации собственных хозяйственных планов. Это, для Ойкена, является центральной предпосылкой теории хозяйственного порядка. «Все хозяйственные порядки, - пишет Освальт, комментируя теорию В. Ойкена, - можно охарактеризовать через различные формы распределения власти и свободы [6, с.339].

С точки зрения экономической власти, согласно концепции Ойкена можно выделить три типа хозяйственных систем или форм хозяйственного порядка³.

² «... Хозяйственная жизнь сплошь пронизана схватками за власть» [3, с.25].

³ «... Можно, грубо говоря, выделить три метода регулирования: регулирование, осуществляемое центральными государственными органами; регулирование, осуществляемое группами; регулирование через конкуренцию» [4, с.323].

Первое, полная конкуренция, для которой характерно отсутствие экономической власти со стороны отдельных хозяйств. Иными словами, полная конкуренция означает одинаковую свободу всех потребителей и производителей. Единственным аппаратом контроля над хозяйствами, обладающим силой принуждения, является механизм цен. «Только при одной рыночной форме, - пишет В. Ойкен, - феномен экономической власти совсем исчезает из поля зрения, а именно при *полной конкуренции*» [3, с.256]. В условиях полной конкуренции отдельный субъект почти, но не абсолютно лишен власти. ... И поскольку отсутствует какое-либо сосредоточение власти, постольку нет и личной экономической зависимости, но есть всеобщая зависимость от анонимного рынка. Если бы в какой-либо стране на всех рынках существовала бы полная конкуренция, то все производственные единицы, все домохозяйства и все жители страны были бы в значительной степени лишены экономической власти. Или, формулируя иначе, каждый имел бы очень небольшую долю власти. Проблема экономической власти была бы в такой стране почти незаметна» [3, с. 257].

Именно отсутствие власти отдельных хозяйства создает, по В.Ойкену, идеальный хозяйственный порядок, при котором наилучшим образом обеспечивается регулирование хозяйства общественными потребностями, учет интересов потребителей, социально справедливое распределение дохода. Кроме того, отсутствие власти отвечают кантовскому принципу методологического индивидуализма, который разделял В. Ойкен и согласно которому «каждый человек должен рассматриваться как ценность сама по себе» [6, с.339].

Теория хозяйственного порядка считает рациональными лишь те рыночные результаты, которые являются следствием деятельности одинаково свободных индивидов. Для В.Ойкена максимальная экономическая эффективность достигается тогда, когда все индивиды располагают максимальной экономической свободой. «Так как каждый индивид лучше всех знает, что ему нужно, необходимое условие экономической рациональности заключается в том, что хозяйственный рост происходит вследствие скоординированных действий свободных индивидов. Во-первых, ни одно предприятие не должно иметь власть на рынке, т.е. никто не должен с помощью ценовой политики искажать решения других. Во-вторых, ни одно предприятие в силу своих размеров не должно осуществлять политической власти» [6, с.340].

Полной противоположностью полной конкуренция является централизованное плановое хозяйство⁴. В полностью централизованной экономике, на взгляд Ойкена, происходит наибольшее сосредоточение власти, какое только вообще возможно. Вся власть концентрируется здесь у центрального органа, который единолично разрабатывает экономические планы и направляет действия всех членов сообщества, лишенных какой-либо власти и свободы [3, с.252]. Для централизованного хозяйственного порядка, пишет он, характерно сосредоточение экономической власти в одном месте. «Нет другой хозяйственной системы, где имелась бы большая концентрация власти. Здесь экономическая власть не ограничена хозяйственными факторами. Каждый член сообщества полностью зависит от хозяйственного руководства центральной администрации и ее бюрократии и не имеет никакой экономической свободы и самостоятельности» [3, с.115].

Третья форма хозяйственного порядка - олигополистическая, частично монополистическая и монополистическая формы рынка. «Рыночное хозяйство с монополиями, частичными монополиями и олигополиями располагается между этими двумя крайностями (полной конкуренцией и централизованным хозяйством – В.Д.), в том числе и с точки зрения развертывания экономической власти» [4, с.164]. Носителем экономической власти яв-

⁴ «Централизованно управляемая экономика представляет собой наибольшую концентрацию экономической власти, которая только возможная. Ее антиподом является хозяйственная система с полной конкуренцией на всех рынках, в которой отдельные ее участники не располагают властью, а определенным очень незначительным влиянием на экономический процесс» [4, с.164].

ляются здесь частные властные группировки: монополии, союзы предпринимателей, профсоюзы, картели и т.п. Итак, между полной конкуренцией, где все индивиды управляют хозяйственным процессом через цены, и регулированием посредством центральной инстанции существуют третий вид регулирования - через властные группы [6, с.337].

Властная позиция частных групп определяется их рыночным положением. Во-первых, власть отдельного хозяйства тем сильнее, чем более форма рынка приближается к монополии спроса и предложения. Во-вторых, индивидуальный монополист имеет более сильные позиции, чем коллективный монополист, чья власть часто ослабляется внутренними противоречиями. В-третьих, на рынках, закрытых с обеих сторон или с одной стороны, властные позиции образуются значительно легче, чем на открытых рынках. В-четвертых, сила власти различна в зависимости от значимости рынка [3, с.253]. Властные позиции на рынке зависят также от эластичности спроса и предложения. «...Чем выше эластичность спроса, - пишет он, - тем слабее властное положение продавца» [3, с. 257].

В. Ойкен подчеркивает, что экономическая власть оказывает негативное влияние на функционирование хозяйственного процесса. Концентрация экономической власти является, по его мнению, главной причиной нерешенных глобальных проблем. Комментируя В.Ойкена, Освальт замечает: «Чем больше рынок находится под влиянием властных сил, тем иррациональнее (неэффективнее) его результаты в целом (т.е. для *всех* индивидов)» [6, с.340]. Власть, а равно ограничение свободы означает ограничение влияния потребителей и механизма цен на хозяйственные планы. Это влечет за собой, согласно В. Ойкену, следующие последствия: отсутствие учета интересов потребителей при планировании хозяйственного процесса, искаженное соотношение издержек и выгод в результате отсутствия принудительного ценового механизма, несправедливость в распределении доходов⁵, нарушение индивидуальной свободы и принципов правового государства⁶.

Негативное влияние власти возрастает соразмерно степени ее концентрации⁷. Это дает основание для Ойкена утверждать неспособность централизованного хозяйства обеспечить эффективное регулирование хозяйственного процесса, на том основании, что в этих условиях из-под контроля со стороны потребителя выведено централизованное управление, в котором сконцентрирована экономическая власть. По этой причине оно не попадает под действие какого либо механизма контроля [4, с.129–130]. Централизованная экономика, согласно В. Ойкену, изначально неэффективна, поскольку, во-первых, руководящий слой в централизованной экономике является «неконтролируемой властной группировкой. Имеются все предпосылки для того, чтобы он решительно проводил *свой* собственный интерес, то есть свою властную волю». Во-вторых, если же все-таки есть желание служить общему интересу, то «невозможно распознать этот общий интерес». В-третьих, «допустим, что общий интерес действительно может быть распознан. Тогда было бы невозможно реализовать его в централизованно управляемой экономике» [4, с.457].

Также критически В. Ойкен относится и к способности регулирования хозяйственного процесса частными экономическими группировками. В условиях монополистического или олигополистических форм рынка, замечает он, регулирующая сила потребителей суще-

⁵ «Проблемой справедливости в экономическом смысле распределение доходов в рыночном хозяйстве становится только в случае, если уровень доходов определяется, не исходя из пропорций ограниченности, а из властных позиций, занимаемых на рынке» [4, с.407-408].

⁶ «...Носители частной власти, - замечает Ойкен, - в состоянии устранить гарантированные права других на свободу» [4, с.248].

⁷ «Существует «климакс» экономической власти, который нарастает со сменой формы порядка. Он начинается с формы рынка полной конкуренции. Затем следуют ступени олигополистической, частично монополистической и монополистической форм рынка. ... Централизованно управляемая экономика с наличием частной собственности ведет к более высокой ступени концентрации экономической власти, которая достигает своего максимума в централизованно управляемой экономике с коллективной собственностью» [4, с.472].

ственно ограничивается и она проявляется гораздо слабее, чем при полной конкуренции [4, с.129]. «Частные собственники фабрик или частные концерны, синдикаты и союзы предпринимателей, - пишет он, - используя преимущества, которые предоставляет им частная власть, осуществляли власть, направленную против интересов рабочих, потребителей, конкурентов» [4, с.357]. Сосуществование и противостояние друг другу властных группировок не могут обеспечить прочного и долговременного решения проблемы порядка [4, с.325]. Кроме того, опасность монополии состоит, на его взгляд, в том, что она порождает «тенденцию к проведению политики централизованного управления не столько потому, что она предоставляет в распоряжение плановых органов нужных функционеров, сколько потому, что монополия или олигополия также и в остальном вынуждает экономическую политику использовать методы централизованно управляемой экономики» [4, с.221].

В.Ойкен критикует утверждение, согласно которому современная техника неминуемо ведет к созданию крупного производства, а тем самым к концентрации и монополии и отсюда, в конечном счете, к централизованному регулированию экономического процесса⁸. «Точка зрения на то, что современная техника приводит к исчезновению конкуренции, является не только мнением ряда ученых, но одновременно представляет собой ярко выраженную идеологию, присущую кругу заинтересованных лиц особого рода» [4, с.318]. По его мнению, основа власти не концентрация производства, а концентрация бизнеса. «...Величина производственной единицы сама по себе еще не конституирует экономическую власть; эта величина создает властные позиции лишь тогда и постольку, когда и постольку она ведет к образованию монополистических, олигополистических или иных рыночных форм, отличающихся от полной конкуренции» [3, с.256]. Концентрация экономической власти не является экономическим законом, а становится возможным лишь при определенных условиях [6, с.338]. Более того, как полагает В.Ойкен, в современной промышленности действуют тенденции, которые противостоят концентрации производства: расширение рынков, увеличение выпуска взаимозаменяемых товаров и возрастание адаптационной способности производства [4, с.310].

Отрицательно оценивая возможности централизованного регулирования хозяйства, В. Ойкен критически относится и к политике *laissez-faire* гарантировать экономическую свободу и установить порядок полной конкуренции⁹. Именно политика *laissez-faire* вызвала, по его мнению, значительное усиление властных структур в экономике [4, с.267]. В. Ойкен полагает, что принцип *laissez-faire* недооценивает опасности того, что индивидуальный интерес может обратиться против общего интереса [4, с.459]. Свобода заключения договоров, в рамках либерального порядка, по его мнению, приводит к отрицанию основного принципа конкурентного порядка¹⁰. Индивидуальный интерес, замечает он, реализуется не только в экономическом процессе, но и в формировании позиции на рынке в той или иной форме. Завоевание властных позиций на рынке вступает в противоречие с общим интересом. Ибо, «чем большей властью располагают отдельные лица, тем больше опасность того, что возникнет конфликт между индивидуальным и общественным интересами» [34 с.454]. Так же отрицательно В.Ойкен относится и к либеральной идеологии, недооценивающей проблему экономической власти.

В. Ойкен обращает внимание на противоречивость роли власти в хозяйственной жизни и делает попытку очертить допустимые границы экономической власти. Он пишет: «почему так важна проблема экономической власти?... Обладание властью провоцирует акты произвола, угрожает свободе людей, разрушает сформировавшиеся хорошие порядки.

⁸ «Устарела не сама конкуренция, - замечает В. Ойкен, - а вера в то, что она устарела» [4, с.319]

⁹ «Люди века техники пережили невзгоды, порожденные политикой *laissez-faire*, точно так же, как они перенесли тяготы и опасности централизованного управления» [4, с.207].

¹⁰ Политика *laissez-faire* злоупотребляет свободой заключения договоров ради уничтожения свободы [4, с.247].

Вместе с тем нет социальной жизни без существования положения, дающего власть, поскольку для любой жизни в обществе, будь то в государстве или на предприятии, необходим авторитет. Друзья власти преуменьшают ее опасность, а противники – ее безусловную необходимость. Преодоление этой дилеммы, видимо, является решающей задачей любой политики, в том числе и экономической [4, с.248].

Для Ойкена экономическая власть оправдана лишь до тех пор, пока она служит целям создания и сохранения конкурентного порядка. В частности, им допускается экономическая власть внутри предприятий и власть центрального банка. «Экономическая власть должна существовать в условиях конкурентного порядка лишь постольку, поскольку она необходима для его поддержания. Управлению домашними хозяйствами и предприятиями нужна экономическая власть для того, чтобы иметь возможность проводить в жизнь разработанные хозяйственные планы. При этом в условиях конкурентного порядка над управлением, разумеется, устанавливается необходимый строгий повседневный контроль через механизм цен. Но экономическую власть осуществляет также и центральный эмиссионный банк. ... Однако и это властное образование также имеет своей целью обеспечение конкурентного порядка» [4, с.378].

Хозяйственный порядок полной конкуренции не может возникнуть спонтанно¹¹. Формирование хозяйственного порядка полной конкуренции и ограничение экономической власти является, согласно В. Ойкену, основной целью экономической политики государства. При этом, экономическая политика должна быть направлена в первую очередь не против злоупотреблений существующих властных структур, а непосредственно против возникновения таковых вообще. Первый принцип государственной политики, по его мнению, должен состоять в том, что *«политика государства должна быть нацелена на то, чтобы распустить экономические властные группировки или ограничить их функции. Любое усиление властных группировок усиливает падение нефеодалного авторитета государства»* [4, с.427]. Второй принцип связан с ограничением экономической власти государства: политико-экономическая деятельность государства должна быть направлена на создание форм экономического порядка, а не на регулирование экономического процесса [4, с.429]. В. Ойкен постоянно подчеркивает принцип экономической политики, который состоит в том, что проблема экономической власти (частной) никогда не может быть решена путем дальнейшей концентрации ее в руках государства. Такая концентрация лишь вновь обостряла проблему власти [4, с.247]. «Политика конкурентного порядка, - указывает он, - ... ограничивает экономическую власть путем разграничений, а именно по возможности разграничиваются, в частности, сферы повседневного хозяйствования и политико-государственной деятельности. Это один метод. Еще один метод ... заключается в том, что в рамках экономической сферы с развертыванием конкуренции происходит деконцентрация, препятствующая тому, чтобы сохранялись или вновь возникали позиции, дающие власть [4, с.472].

По сути дела, В. Ойкен переносит в сферу экономической политики задачу построения правового государства в том виде, в каком она была сформулирована Кантом. Задача государства заключается в том, чтобы найти форму, в рамках которой возможно совместное проживание в сообществе и которая предоставляет по возможности наибольший простор для свободного расцвета индивидуальных сил. «Абсолютная свобода естественного состояния» должна быть ограничена законами, которыми отдельно взятый человек защищен от произвола других [4, с.455]. Также как и здесь основной экономической задачей политики для В.Ойкена является защита хозяйственного поведения от произвола частной или государственной власти. Поэтому «абсолютная экономическая свобода естественного состоя-

¹¹ «... «Невидимая рука» не просто так создает формы, в которых индивидуальный и общий интерес согласовывались между собой» [4, с.455].

ния» в отличие от традиционного либерализма им отвергается, поскольку такая свобода становится источником произвола.

В. Ойкен постоянно обращает внимание на то, что в экономике нужно бороться не со злоупотреблениями монопольной власти, а самой властью, с властными позициями и условиями их порождающими¹². По его мнению, контроль за деятельностью монополий, острота которого было направлено против так называемого сопротивления власти, терпит провал. «Понятие «злоупотребление», - пишет он, - не поддается точному определению. Как известно, властные структуры приобретают большой политический вес в той стране, где они начинают разрастаться. В силу этого само государство не в состоянии осуществлять действенный контроль за деятельностью монополий [4, с.245]. Цель законодательства о монополиях и контроля за деятельностью монополий должна состоять в том, чтобы побудить носителя экономической власти к такому образу действий, как если бы существовала полная конкуренция [4, с.383]. «Специальные антимонопольные законы, - пишет он, - ... не решат самой проблемы монополий. Развитие монополий сделало посмешищем пунктуальное законодательство и судебную практику. Несмотря на то, что ведется ожесточенная борьба с монополиями, последние процветают. Об этом свидетельствует весь политико-экономический опыт [4, с.395].

При этом В. Ойкен не считал частную собственность (или ее устранение)¹³ способом решения проблем экономической власти и создания конкурентного порядка. Он писал: «Ожидание от порядка собственности решения социальных и политико-экономических вопросов явилось фундаментальной ошибкой политико-экономической дискуссии и экономической политики XIX – начала XX в.» [4, с.354]. «Частная собственность на средства производства нуждается в контроле со стороны конкуренции. ... Если возникнут монополии и если, следовательно, будет отсутствовать контроль со стороны конкуренции, то полномочия распоряжаться частной собственностью должны быть ограничены» [4, с.359].

Большое значение для ограничения экономической власти В. Ойкен придает принципу ответственности в экономической политике: тот, кто имеет доходы, должен нести и убытки. «Для конкурентного порядка должен действовать принцип: *тот, кто ответствен за планы и действия предприятий и домашних хозяйств, несет за это юридическую ответственность*» [4, с.366].

Особое внимание В. Ойкен уделяет проблемам теоретического исследования экономической власти¹⁴. «Понимание экономической действительности всех прошлых эпох и современности, а возможно и будущего, - писал он, - требует ... понимания экономической власти и рассмотрения поразительно одинаковых методов борьбы экономических властных групп» [3, с.250]. Экономическая власть для него не есть «*нечто иррациональное, мистическое; экономическая власть есть нечто рационально познаваемое*» [3, с.258]. Без понимания власти, невозможно понять современные хозяйственные системы «Власть – это слово. Недостаточно то здесь, то там употреблять это слово, как недостаточно и заявлений, что власть многое значит в экономике, равно как и в политике. Мало что дают и мистические разговоры о центрах «капиталистической власти» и их таинственном воздействии. Основная задача заключается скорее в том, чтобы сделать видимым ядро феномена экономической власти. Иначе мы не сможем понять экономическую действительность» [3, с.258].

¹² «Непомерные властные позиции провоцируют на повседневное осуществление власти» [4, с.203].

¹³ В. Ойкен, в частности, критикует К. Маркса и считает его утопистом за то, что тот считал, что экономическая власть может быть устранена коллективной собственностью [4, с.265]. «Если рабочие участвуют в монопольной прибыли, то они заинтересованы в монополии и монополистической политике не в меньшей степени, чем сами предприниматели» - пишет он 4, с.381].

¹⁴ «Своей теорией хозяйственного порядка, - пишет Освальт, - Ойкен поставил анализ конкретного соотношения власти и свободы в центр экономической теории» [6, с.338].

Ойкен критикует современную ему экономическую науку за пренебрежение проблемами власти. У многих ученых, занимающихся национальной экономией, по его мнению, отсутствует видение и понимание того обстоятельства, что хозяйственный процесс пронизан жестокой борьбой за власть. По его мнению, тот, у кого недостает способностей или силы видеть это, кто желает сгладить углы, тот не понимает экономики. «Мы, экономисты, - пишет он, - должны приподнять занавес, которым идеологии, отражающие интересы различных групп, прикрыли концентрацию экономической власти и борьбу за экономическую власть» [3, с.251].

При этом Ойкен отвергает тезис либеральной теории о том, что проблема власти выходит за рамки экономического анализа. «Если экономическая теория разработана правильно, - утверждает он, - то она не только совместима с проявлениями власти, но и абсолютно необходима ... для познания феномена экономической власти. Принципиальной несовместимости экономической теории и феномена экономической власти не существует» [3, с.252]. Необходимо, применяя категории форм рынка и денежных систем, описать причины и воздействие отдельных властных позиций, определить их место в тогдашнем хозяйственном порядке, показать «сплетения властных позиций» и особенно пункты сосредоточения большой власти, а также указать на области, где отдельные хозяйства лишены всякой власти. Только так можно действительно понять и борьбу за власть [3, с.259].

В. Ойкен указывает также и на идеологические препятствия для изучения проблем экономической власти. Власть порождает идеологии, которые являются орудиями в борьбе за власть. «В этой борьбе за власть, - пишет он, - такие слова с весьма серьезным содержанием, как «свобода», «справедливость» или «право», употребляются с одной, четко выраженной целью. Это орудия борьбы, средства завоевания или защиты власти» [4, с.70]. Властные группы значительно упрочивают свое положение, поставив себе на службу интеллектуалов, которые вырабатывают для них идеологии. Вся духовная история человечества является сплошной чередой попыток идеологического обоснования чьих-либо притязаний на власть, уже реализованных или только заявленных [3, с.24].

Экономическая власть в трансформационном обществе: распределение и последствия

Особое значение приобретает проблема власти для анализа переходной экономики. Одним из условий реформирования хозяйства является трансформация властных отношений в экономике - преобразование системы экономической власти, характерной для планового хозяйства в систему властных отношений рыночной экономики

Серьезным идеологическим промахом при разработке моделей перехода к рынку явилось отсутствие осознания того факта, что переход от плановой экономики к рыночной – это не просто переход от принуждения к экономической свободе. Трансформация социалистической экономики в рыночную представляет собой переход от одной системы власти (или принуждения) к другой. В своей работе, посвященной анализу трансформационных процессов, М. Олсон писал: «Нам сейчас необходима теория, в центре внимания которой была бы власть, базирующаяся на принуждении, а также те выгоды, которая она приносит, теория, объясняющая поведенческие мотивы к получению власти, основанной на принуждении, и побудительные мотивы, стоящие перед теми, кто ею уже обладает» [5, с.54].

Доминирование при переходе к рынку модели «Вашингтонского консенсуса» и лежащей в его основе либеральной идеологии имело следствием игнорирование проблемы распределения власти в экономике¹⁵. Никакой сознательной политики, направленной на ог-

¹⁵ На эту сторону либеральной идеологии обращал внимание Б. Селигмен. Критикуя концепцию Хайека, он писал: «Но еще большее беспокойство вызывает тот очевидный факт, что данная доктрина превратилась в средство идеологического обоснования и хитроумного оправдания неограниченной экономической мощи, находящейся в распоряжении отдельных лиц. Основная проблема состоит не в том, нужны ли планирование и

раничение частной власти, в данной идеологической модели не предусматривается. Более того, ограничение частной экономической власти отождествляется с ограничением экономической свободы. Отсутствие определенной политики по отношению к экономической власти имело следствием *стихийное распределение ресурсов и прав власти* в экономике.

Стихийное распределение власти имело следствием, во-первых, «недостаток» *эффективной власти над экономическим поведением*¹⁶. В конечном счете, это получило выражение в экономической анархии, как следствии предоставления экономической свободы при отсутствии ограничений и принудительной силы, подчиняющих частную деятельность общим интересам. В этих условиях, по образному выражению одного американского экономиста, «невидимую руку» рынка заменяет «невидимая нога». Экономическая свобода, понимаемая как простое отсутствие прямых ограничений хозяйственной деятельности, при отсутствии механизмов принуждения к социально-продуктивной деятельности влечет за собой возникновение хаоса, анархии и произвола в экономике. Принцип индивидуальности и экономической свободы превращается в экономическое зло. По словам Гегеля, в данном случае мы имеем дело с «отрицательной» свободой или «свободой пустоты». Такая свобода, «становится «фанатизмом разрушения всего существующего общественного порядка» [1, с.70]. Частный и всеобщий интерес могут сосуществовать, только будучи опосредованными системой экономической, моральной и политической власти.

Во-вторых. «Недостаток» эффективной власти привел к возникновению *«избытка» частной экономической власти*: государственных чиновников, бесконтрольной власти администрации предприятий, монопольной власти собственника, криминальной власти и т.д. Таким образом, экономическая анархия становится основой для возникновения произвола, при котором «преобладает тенденция односторонне изменять распределение прав и обязанностей в пользу *одной* из сторон на рынке» [4, с.197].

В-третьих. Реакцией на экономическую анархию и произвол частной экономической власти явилось недопустимое расширение границ прямого государственного вмешательства в экономику или *избыток государственной власти*. Вместе с тем, как показал в свое время В.Ойкен, проблема устранения анархии и негативного влияния частной власти не решается путем расширения регулирующих функций в экономике государственной власти.

В-четвертых. Избыток власти становится одним из важнейших условий и источников получения контроля над собственностью. А поскольку власть является одним из основных условий и источников получения доходов, то разворачивается конкурентная борьба между различными частными экономическими группами за захват контроля над источниками власти. Конкуренция вокруг цен и качества, выступающая базовым условием эффективного рынка, вытесняется и подменяется конкуренцией за источники экономической власти. Результатами такой конкуренции явились концентрация экономической власти и образование олигархических групп, объединяющих под своим контролем основные источники и ресурсы власти в экономике: насилие, собственность, монопольное положение на рынке, контроль над государственной властью.

Таким образом, следствием либеральной экономической политики явилось возникновение такого уровня концентрации частной экономической власти, который недопустим с

контроль, а скорее в том, кто будет предписывать планы – властвующая элита, включающая узкий круг частных лиц, или все общество в целом» [7, с. 229].

¹⁶ Речь идет о «недостатке» власти потребителя над производителем, ответственности администрации предприятий перед собственником, власти менеджмента над наемным персоналом, власти государства, обеспечивающей соблюдение законности и защиту прав собственности, механизмов гражданского контроля над деятельностью чиновников и т.п.

точки зрения, как экономической эффективности, так и политической свободы¹⁷. «Неолиберализм, - замечает по этому поводу Роберт У.Макчесни – это политика, посредством которой относительно небольшая группа лиц, руководствуясь своими частными интересами, оказывается в состоянии поставить под свой контроль большую часть социальной жизни, причем, она использует этот контроль с целью увеличения своей личной выгоды» [Цит. по: 10, с.9].

Следствием концентрации частной экономической власти явилось использование властной позиции в целях извлечения дохода из активов общества рентным путем. Это означает, что источником доходов становятся не рост производительности факторов производства, а рента, получаемая за счет перераспределения общественных доходов. «Захват» ренты осуществляется в таких формах, как завышение цен на реализуемую продукцию, занижение цен, по которым оплачиваются используемые ресурсы (в том числе оплата труда), сокращение доходов миноритарных собственников, спекулятивная продажа активов предприятия и др. Как следствие, возникает *отрыв доходов собственника, менеджера, чиновника от производительности контролируемых им факторов производства*.

К настоящему времени можно утверждать, что именно стихийное распределение и концентрация экономической власти стало одним из основных препятствий для становления эффективной рыночной экономики¹⁸. «Главная сила, противостоящая рыночной экономике, - пишет К. Херрманн-Пиллат, - власть как экономическая, так и политическая, порождающая бесправие в обществе и несправедливость в экономике. Поэтому *защита рыночной экономики от власти – важнейшая цель ее политической составляющей*» [9, с.49].

Экономическая политика, направленная на формирование социального рыночного хозяйства, должна включать в себя властную составляющую, целью которой – формирование общественно необходимого порядка власти. Создание эффективного порядка власти должно стать предметом и целью экономической политики государства. *Необходимо сознательное перераспределение ресурсов и прав экономической власти, стихийно формирующихся в результате стремления к максимизации выгоды*. Посредством «политики власти» общество должно установить контроль над распределением экономической власти и не допустить возникновения, как недостатка власти (анархии), так и избытка (произвола) частной экономической власти. «Как перед любой другой политикой, - писал В.Ойкен, - перед экономической политикой встает проблема власти» [4, с.242]. Более того, с его точки зрения, это есть *первый принцип* государственной экономической политики [4, с.427].

Прежде всего, необходимо проведение политики, направленной на деконцентрацию и минимизацию частной экономической власти. «В силу материальной необходимости мы должны освободиться от враждебных свободе властных структур, с которыми до сих пор миримся под воздействием мифа об экономической целесообразности» [8, с.458].

Такая политика должна включать в себя следующие направления.

1) Полное устранение частной власти, основанной на насилии, как фактора экономической жизни общества. Усиление судебных форм защиты прав собственности.

¹⁷ В. Освальт, имея в виду неоавстрийцев, пишет: «Либеральная экономическая наука – вопреки тому, что она сама о себе думает, – слишком мало ориентируется на свободу индивида. Либеральные экономисты традиционно определяют свободу как отсутствие принуждения. Это означает, что опасность для свободы может возникать лишь в том случае, когда один субъект способен отдавать приказы другому. Поэтому для либеральных экономистов государственная власть сама по себе представляет угрозу свободе. Опасность свободе, исходящая от крупных предприятий, как и вся проблема рыночной власти, на методологическом уровне не рассматривается вообще. Даже если властвующие на рынке предприятия по существу закрывают другим дорогу на рынок, свободе последних, по Хайеку, ничто не угрожает: ведь никто не дает прямых указаний» [6, с.339].

¹⁸ «Чем большей властью располагают отдельные лица, тем больше опасность того, что возникнет конфликт между индивидуальным и общественным интересами» [4 с.454].

2) Законодательные ограничения концентрации собственности в одних руках и усиление социальной ответственности за использование собственности¹⁹.

3) Принудительное «открытие» закрытых (аутсайдерских) хозяйственных структур, концентрирующих экономическую власть, преобразование последних в открытые акционерные общества.

4) Развитие экономической демократии, формирование «уравновешивающей» власти профсоюзов и персонала предприятий, создание механизмов социального партнерства.

5) Активизация антимонопольной политики. Прямое ограничение государством монополевой экономической власти и борьба со «злоупотреблениями власти»²⁰.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
2. Гутник В. Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: Экономика, 2002.
3. Ойкен В. Основы национальной экономики. - М.: Экономика, 1996.
4. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995.
5. Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период // Экономика и математические методы. 1995. Т.31. Вып.4. С. 53-81.
6. Освальт В. Теория хозяйственного порядка как методология исследования экономической власти // Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996.
7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.
8. Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.
9. Херрман-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. 1999. №12. С. 48-53.
10. Холмских Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002.
11. Rothschild, K. (ed.) Power in Economics. Harmondworth, Penguin books, 1971.

Сидорина Т.Ю. (ГУ-ВШЭ)

Социальная политика как политика экономического порядка в теории Вальтера Ойкена

Социальные вопросы в политике порядков

Одна из главных задач «Основных принципов экономической политики» В. Ойкена (1950) (по утверждению самого автора) состояла в том, чтобы показать, что социальную политику не следует рассматривать как бесплатное приложение ко всей остальной экономической политике. Она должна быть прежде всего политикой экономического порядка. Независимо от того, идет ли речь о денежной, кредитной, валютной либо картельной политике, о положении рабочего на рынке труда, на предприятии или о его семейных делах, неизменно существует интердепенденция экономической политики, что постоянно затрагивает интересы рабочих. По мысли Ойкена, нет ничего, что не было бы важно в социальном

¹⁹ В ряде стран данное положение принято в качестве конституционной нормы.

²⁰ Цель таких мер в побуждении субъекта экономической власти к такому образу действий, как если бы существовала полная конкуренция. Поведение монополистов, даже если они сохраняются на рынке, должно быть аналогичным конкурентному или максимально приближенным к нему» [2, с. 182].

плане. Нет никаких мер экономической политики, которые бы одновременно (прямо или косвенно) не влекли за собой социальных последствий и не имели социального значения. Тот, кто хочет представлять социальные интересы, должен в силу этого уделять внимание в первую очередь формированию общего порядка. Необходимо попытаться с помощью общей политики порядков препятствовать возникновению социальных проблем¹.

Ойкен рассматривает феномен социальной политики значительно шире, чем его принято трактовать на обыденном уровне. Увеличить заработную плату, предотвратить несчастные случаи на производстве или создать благотворительные организации – все это, несомненно, важно, но этого еще недостаточно для реализации полноценной социальной политики. Такой подход к решению социальных проблем – дело прошлого. Но не потому, что задачи социальной политики в прежнем смысле слова стали несущественными. Эти задачи в высшей степени актуальны и должны наряду с другими стать определяющим фактором нового экономического мышления – мышления категориями экономического порядка.

Существует известное недопонимание в трактовке понятий «экономическая политика» и «социальная политика». Часто их рассматривают независимо друг от друга, часто социальную политику заменяют термином «социально-экономическая политика». И первое, и второе недостаточно точно раскрывает смысл обоих политик. И с этим часто связаны просчеты в решении социальных проблем общества, недостатки экономической политики государства, компании и пр.².

Ойкен подходит к идее экономической политики, трактуя ее как политику, ориентированную на решение социальных вопросов, политику, включающую в себя неизбежную социальную компоненту. И то, что часто обозначается в его работах как экономическое, имманентно включает социальный контекст. Обратимся к фрагменту теоретической дискуссии, которую Ойкен приводит в качестве приложения к работе.

«Слово “порядок” используется в двояком смысле. Под “экономическим порядком” мы понимаем конкретный, позитивно заданный факт. Он представляет собой совокупность реализованных форм, в которых в каждом случае *in concrete* протекает повседневный экономический процесс. Так, в Германии существовал экономический порядок 1945 или 1900 г. либо порядок какой-либо другой экономической эпохи. Мы исследуем прежде всего экономические порядки XIX и XX вв., которые отличались своим разнообразием и которые быстро сменяли друг друга. Они были и зачастую продолжают оставаться нецелесообразными. В их рамках повседневный экономический процесс нередко оказывается неравновесным. Или порядки являются несправедливыми и над свободой в них нависает опасность. Анализ этих порядков — основа политики порядков. Мы обязаны рассматривать их как факты и вскрывать взаимосвязи этих фактов.

“Порядок” имеет еще одно значение, а именно – порядок, который соответствует существу человека и дела. Это означает порядок, в котором доминируют мера вещей и равновесие. Еще античная философия использовала такое понимание порядка. Она искала в разнообразии вещей скрытый план структурного формирования мира. В средние века была четко обрисована эта идея порядка, которая оказала решающее влияние на формирование всей средневековой культуры. Она означает рациональное соединение всех разнообразных вещей и явлений в единое целое.

Прежде всего, во времена оказавшихся несостоятельными или несправедливыми позитивных порядков эта идея порядка бытия, естественного порядка или порядка вообще (*ордо*) регулярно приобретает большую силу. Толчок тому дает абсурдность конкретных обязательств. Ищут такой порядок, который в отличие от заданных порядков соответствует здравому смыслу или природе человека и вещей. В один из таких бедственных периодов, например на стыке IV и V вв., эту идею, обладавшую большим влиянием, развил Августин. В XVII и XVIII вв. ес-

¹ См.: Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 404.

² См.: Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005.

тественный порядок (*ordre nature!*) противопоставлялся позитивному порядку (*ordre positif*). И вновь это оказывало сильное воздействие, например, в сфере формирования права, государства и экономической политики. Сегодня эта идея опять живет в силу насущной необходимости найти для индустриализированной экономики недостающий функционирующий и достойный человека экономический, общественный, правовой и государственный порядки. Если формулировки этого понятия и менялись в ходе развития европейской истории, то намерение создать такое понятие остается прежним или схожим с ним.

Оба понятия, безусловно, необходимы: порядки как индивидуальные, меняющиеся исторические факты и порядок как порядок вообще (*ордо*). Это различие понятий так старо потому, что оно почти неизбежно возникает в столкновении с конкретной действительностью. Человек хочет знать, каковы конкретные порядки, и он ищет лучший порядок. Но оба понятия контрастируют между собой: конкретные неудовлетворяющие порядки, в условиях которых фактически люди живут, и пригодный справедливый порядок.

Мы разграничиваем эти понятия, отделяя конкретные “экономические порядки” от стремления к “порядку в экономике”³.

Основываясь на высказанных положениях, Ойкен рассматривает политику экономического порядка как социальную.

Первый вопрос, которым задается автор, это вопрос о материальном обеспечении членов общества. «Снабжение членов общества, – пишет он, – а тем самым и рабочих, пенсионеров и прочих практически полностью зависимых в социальном отношении лиц, обуславливается прежде всего работоспособностью всего производственного аппарата. Самая лучшая социальная политика не может дать никаких удовлетворительных результатов, если производительность труда человека невелика, Создание функционирующей системы регулирования экономического порядка, базирующегося на разделении труда, является в силу этого важнейшей предпосылкой решения всех социальных проблем»⁴.

В условиях конкурентной экономики это означает прежде всего реализацию ее основного принципа, а именно создание функционирующего механизма цен полной конкуренции. Каждое домашнее хозяйство и каждое предприятие в состоянии проводить точный экономический расчет, действовать в собственных интересах в строгом соответствии с принципом издержек, т. е. как заставляет поступать конкуренция. Но экономическая производительность и благосостояние людей в большой степени зависят также и от реализации других конституирующих и регулирующих принципов. Например, если нестабильная денежная система или денежная политика порождает инфляцию или дефляцию, то это не только искажает структуру цен, фальсифицирует балансы и делает невозможным правильный экономический расчет, но и парализует хозяйственную инициативу и волю к расширению масштабов хозяйственной деятельности; закрытые рынки уменьшают способность конкуренции побуждать к активизации хозяйственной деятельности, ограничивают отбор наиболее способных агентов и т. д.

Но какой прогрессивной и продуманной не была бы экономическая политика порядков, она прежде всего должна учитывать реальное положение дел в обществе: «Словно в фокусе, все мероприятия политики порядков сходятся в вопросе об их воздействии на работоспособность производственного аппарата. Следовательно, если правильно то положение, согласно которому можно распределять только то, что было до этого произведено, то первый вопрос всех социальных реформаторов должен быть адресован экономическому порядку, имеющему наивысший показатель экономической эффективности. Только в качестве дополнения к этому можно ставить другие вопросы. Если в рамках созданного того или иного порядка все люди одинаково голодают, то это не является решением проблемы ни справедливого распределения, ни безопасности, ни какой-либо другой формы проявления

³ Ойкен В. Указ соч. С. 468.

⁴ Там же. С. 405.

социального вопроса. Она не будет решена и в том случае, если станут предприниматься попытки сделать это влияние плохого порядка приемлемым путем этического приукрашивания его и широкой апелляции к общим интересам всех людей»⁵.

Так, за много лет до проведения экономических реформ в России, Ойкен писал о проявлении необходимой осторожности в этом процессе.

Особое внимание при рассмотрении вопросов социальной политики Ойкен уделяет социальной обеспеченности населения. «Потребность в обеспеченности является универсальной проблемой, – пишет он. – Каждая эпоха обладала своей формой необеспеченности и неуверенности. Однако сегодня потребность в обеспеченности выросла в такой степени, какой не знала вся прежняя история человечества»⁶.

В современном мире, покоящемся на разделении труда, отдельно взятый человек должен опасаться не только экономической нужды, но и утраты своих возможностей как личности. Человек вынужден считаться с тем, что по причинам, которые не обязательно следует искать в нем самом, он может быть исключен из социальной кооперации и оказаться на границе общественных условий существования. Это означает не только угрозу экономическому существованию, но и, что также или даже более тяжело, невостребованность его сил, ограничение возможностей его развития и незаслуженное унижение чувства собственного достоинства. С другой стороны, человеку грозит опасность потерять свободу. Ойкен указывает, что эта опасность присутствует не только в тоталитарных государствах, но и вообще в любом государстве. Эта вторая опасность применительно к первой опасности – массовой безработице – зачастую осознается не в полном объеме, хотя события XX столетия определенно показали, насколько эта опасность актуальна⁷.

Социальная справедливость в системе порядков В. Ойкена

Один из вечных вопросов, беспокоящих как общество в целом, так и отдельного индивида – это вопрос социальной справедливости.

Социальная справедливость – один из основных принципов социальной политики, наряду с правом на труд, достойное вознаграждение, ответственностью человека за свое материальное положение и т. д. В широком смысле слова справедливость представляет собой разумность общественной жизни. Справедливость – это соответствие происходящего общепринятым нормам, правилам и традициям; это воздаяние за содеянное, воздаяние по заслугам: согрешил – наказан, совершил благое дело – вознагражден, а не наоборот⁸.

В специальном, узком, смысле справедливость есть нравственно санкционированная размеренность в распределении выгод и тягот совместной жизни людей⁹. В повседневном массовом сознании, с укорененными в нем уравнилельными идеями, справедливость обычно тесно связана с представлением о равенстве. Однако эти ценности в реальной жизни трудно совместимы. Лишь авторам социальных утопий удавалось изобразить общество, которое устроено так, что все люди равны и одновременно благоденствуют. В реальной истории стремление насадить равенство оборачивалось «равенством в нищете».

«Социальная справедливость» – понятие, применяемое для обозначения институционального измерения справедливости – нравственность в ее проекции на социальную сферу. О социальной справедливости говорят, как об основной добродетели социальных институтов. Идеалом социальной справедливости является такая система общественных институтов, которая не в единичных действиях, а по самой своей структуре, а значит постоянно,

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 408.

⁷ Там же. С. 409.

⁸ См.: Сидорина Т.Ю. Указ. соч. Гл. 8.

⁹ См.: Гусейнов А.А. Справедливость // Философия: Энциклопедический словарь. М., 2004. С. 816–817.

обеспечивает справедливое распределение социально-политических прав и материальных благ. Разнообразие подходов к проблеме справедливости определяется ценностными приоритетами общей концепции справедливости, которая может пониматься преимущественно как: 1) равенство; 2) пропорциональность заслугам или же 3) гарантии неотъемлемых прав на обладание чем-либо¹⁰.

Однако проблема распределения не является исключительным атрибутом феномена справедливости. Идея равенства, равного распределения характерна для концепций ревизионистского либерализма и радикального эгалитаризма. Ревизионистский либерализм (его родоначальники Д. Дьюи и Л.Т. Хобхауз) в отличие от классического либерализма исходит из невозможности действительного легально-политического равенства и равноправия вне эгалитарных мероприятий в социальной сфере.

За пределами эгалитаризма – справедливость может выражаться в терминах свободы выбора, свободы предпринимательства, конкурентной борьбы. Человек должен быть свободен в своих действиях (в пределах законности, естественно), и именно это справедливо.

Каково же место социальной справедливости в системе порядков Ойкена? «Достижение социальной справедливости, – полагал Ойкен, – следует искать на путях создания совокупного функционирующего порядка, и прежде всего на путях подчинения процесса образования доходов строгим правилам конкуренции, риска и ответственности. Не следует искать ее в ликвидации частной собственности. Нужно усвоить, что частная собственность *может* приводить к сбоям, коллективная собственность *должна* приводить к ним. Все решения, нацеленные на огосударствление собственности и централизованное регулирование, уменьшают стимулы к производительному труду, ухудшают расчеты издержек и делают неизбежной бюрократизацию хозяйственного управления. Снижение производительности труда, ухудшение снабжения и ограничение свободы – вот та цена, которую приходится платить за каждую попытку отойти от конкурентной экономики, причем не остается никакой надежды на то, что будет обеспечено более справедливое распределение социального продукта»¹¹.

Позиция Ойкена раскрывается в следующих положениях.

В последние десятилетия задача достижения социальной справедливости вновь обратила на себя внимание мыслящих людей и побудила их усомниться в существующем порядке. Однако надежду, овладевшую накануне Первой мировой войны умами представителей широкой общественности, на то, что эту проблему можно разрешить путем введения государственного управления экономикой и обобществления собственности, разрушил накопленный за это время опыт. Приходится возвращаться к более свободным формам порядка. Это – поворот, совершить который, впрочем, многие еще не решаются.

Формирование меновых процессов зависит от экономического развития общества в целом, в силу чего и осуществление социальной справедливости зависит не только от реализации основного принципа конкурентной экономики, но и от использования всех конституирующих и регулирующих принципов. Независимо от того, будут ли вкладчики лишены собственности в результате обесценения денег, а продавцы, покупатели и рабочие в результате закрытия рынков лишатся возможности получать доходы или будут поставлены в одностороннюю зависимость от определенных условий, независимо от того, будет ли из-за злоупотребления свободой заключать договоры ограничена свобода других заключать договоры или будет ли переложен риск на одну из сторон в договоре в результате ограничения ответственности, подобного рода манипуляции одновременно парализуют также и справедливый обмен результатами хозяйственной деятельности¹².

¹⁰ См.: Прокофьев А.В. Социальная справедливость // Там же. С. 818.

¹¹ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1991. С. 406.

¹² См.: Там же.

Разница в уровнях доходов существует во всех экономических системах. В централизованно управляемой экономике руководящий аппарат бывает вынужден использовать сдельную заработную плату в качестве стимула, причем он прибегает как к сверхпропорциональному повышению или снижению заработной платы, так и к особым премиям и штрафам, чтобы добиться хороших результатов или избежать плохих. Это приводит к дифференциации в уровнях доходов работающего населения, которая намного больше, чем в странах с рыночной экономикой. Существование этой разницы следует объяснять функционированием системы централизованных оценок, и она вряд ли соответствует реальному вкладу каждого отдельно взятого работника в социальный продукт. Однако еще большие различия должны были бы возникнуть между доходами трудящихся и доходами руководящего слоя. Эти различия, считает Ойкен, ничуть не меньше, если не больше, чем в странах с экономическим порядком рыночного типа и частной собственностью. Разница в уровнях доходов в централизованно управляемой экономике отчасти объясняется психологией достижений и тем, что руководящий слой должен быть заинтересован в существующей системе порядка. Это дает основание, по меньшей мере, предполагать наличие эксплуатации в пользу руководящего слоя.

Разница в уровнях доходов в рамках рыночной экономики объясняется частично различными результатами хозяйственной деятельности, идущими на удовлетворение потребностей населения, частично монополистическими или иными властными позициями на отдельных рынках. С вопросами справедливости в экономическом смысле распределение доходов в рыночном хозяйстве сталкивается только в том случае, когда уровень доходов определяют исходя не из пропорций ограниченности, а из властных позиций, занимаемых на рынке. Появление в последнее столетие широко известных крупных состояний также объясняется не столько получением доходов от владения имуществом, сколько теми прочными властными позициями, которые занимали на рынке Рокфеллер, Карнеги и другие.

Ф.А. Хайек: рыночное распределение благ и иллюзия справедливости

Позиция в отношении социальной справедливости в политике социальных порядков Ойкена во многом пересекается с подходом Ф.А. Хайека, который, как известно, был активным участником дискуссии по вопросу о перераспределительном налогообложении как средстве достижения социальной справедливости.

Для Хайека, в условиях рыночной экономики понятие распределительной (которую он трактует как социальную) справедливости лишено смысла. Оно может иметь какой-то реальный смысл только в условиях централизованной экономики, когда органы политической и экономической власти определяют долю совокупных благ, причитающуюся каждому члену общества. Экономист считает, что широко развернувшееся в последнее столетие движение к иллюзии «социальной справедливости» может привести к постепенному формированию в западных странах системы «холодного социализма». Такой социализм, конечно, отличается от социализма советского образца (в терминологии Хайека «горячий социализм»), однако и он несет в себе очень серьезные угрозы для фундаментальных ценностей западной цивилизации, прежде всего для свободы.

Хайек – принципиальный противник патерналистского государства, которое просматривается во всех моделях «государства всеобщего благосостояния». Стремление к такому государству приводит к неизбежным сдвигам в психологии людей, поскольку они приучаются и реально привыкают пользоваться теми сомнительными благодеяниями, которыми их одаряет «государство благосостояния». Привычка к зависимости от государства, ослабление личных предприимчивости и ответственности за свою судьбу могут подталкивать людей к требованиям дальнейших изменений политических институтов общества в

сторону социализма. Этот путь является «дорогой к рабству», что Хайек показал в своей знаменитой книге с таким названием.

Неприятие этим известным экономистом идеи социальной справедливости объясняется не только его последовательными антитоталитарными убеждениями. Оно имеет и более глубокие социально-философские и экономические основания.

Коллективистская теория общества, которой Хайек противопоставляет свою позицию, берет начало от социального учения Платона. С тех пор она из века в век совершает одну и ту же серьезную ошибку, рассматривая социальные институты как сущности, бытие которых не зависит от бытия индивидов. Последствия этой ошибки, глубоко укорененной и в повседневном сознании, обнаруживают себя в том, что общество и государство воспринимаются в качестве неких могущественных сверхъестественных сил, довлеющих над нашим индивидуальным существованием. Человек привыкает к сознанию своего бессилия и начинает верить в то, что только лишь социально-политическая система способна обустроить должным образом его частное существование. Все это и создает предпосылки внедрения в умы идей распределительной справедливости, которые реализуются как социалистическом варианте, так и в форме государства всеобщего благосостояния.

Идеология и методология индивидуализма, которые, согласно Хайеку, должны дать интеллектуальный ответ такой коллективистской традиции, также имеют глубокие идейные корни, но в ясном виде сформировались довольно поздно. Ученый формулирует суть индивидуализма в следующих словах: «Нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожидаемого поведения»¹³. Вместе с тем индивидуализм не подразумевает постулирования того, что социальный мир состоит только из «атомизированных» и «эгоистичных» индивидов. Понимание общества как сложнейшего из феноменов жизненного мира возможно только через аналитическое расчленение его на многочисленные составляющие, где предельной единицей является индивид. В этом отношении роль методологического индивидуализма отчасти схожа с той социальной ролью, которую выполняла наука в эпоху Просвещения (освобождение человека от предрассудков). Подобно тому как в XVIII в. объектом просветительской критики была, к примеру, слепая вера в религиозные институты, в XX в. таким объектом стал социальный инфантилизм граждан и соответственно патернализм со стороны государства.

Однако и сам индивидуализм неоднороден. В своих работах Хайек противопоставляет «подлинный» и «ложный» варианты индивидуализма. Первый, принципы которого защищает и развивает он сам, связан с традицией британского либерального индивидуализма Б. Мандевиля, Д. Юма и А. Смита. Второй восходит к французской рационалистической мысли, идущей от Декарта. В учениях Ж.-Ж. Руссо, А. Сен-Симона этот индивидуализм превратился в социальный конструктивизм и оброс пагубными коллективистскими и социалистическими идеями.

Хайек показывает, что это расхождение приводит к принципиально разному пониманию социальной реальности. При первом подходе социальные нормы и институты понимаются как незапланированные социальные изобретения, «спонтанные порядки», при втором – как «сознательные порядки», которые рождены разумом человека и, функционируя по заранее выработанным планам, направлены на достижение ясно различимых целей.

Специфика «спонтанных порядков» состоит в том, что они не являются чьим-то изобретением, воплощением чьего-то замысла. Они образуются эволюционным путем как непреднамеренный, бессознательный результат сознательных действий множества людей, преследующих свои частные цели. В этом смысле спонтанный порядок можно назвать про-

¹³ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 27.

дуктом человеческого действия, но не продуктом человеческого разума¹⁴. Наиболее ценные социальные и экономические институты, включая рынок, права собственности и деньги, все это примеры таких самоорганизующихся спонтанных порядков. Координация в них достигается не вследствие подчинения некоей общей цели, а за счет соблюдения универсальных правил поведения. К упорядоченности приходят не управлением из центра, а регулярно в соотношениях между составными элементами структуры.

Поэтому, по мнению Хайека, «конфликт между сторонниками (с одной стороны) спонтанного расширенного порядка, создаваемого рыночной конкуренцией, и теми (с другой стороны), кто выступает за сознательную организацию человеческих взаимоотношений центральной властью, опирающейся на коллективное распоряжение имеющимися ресурсами, вытекает из фактической ошибки последних в понимании того, как возникают и используются знания об этих ресурсах»¹⁵. Суть этого конфликта заключается не просто в расхождении в интересах или ценностных установках; этот конфликт касается фактического вопроса и может быть разрешен при помощи научного анализа. «Научный же анализ, – полагает Хайек, – показывает то, что, следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка (а эти традиции не удовлетворяют канонам и нормам рационализма, принятым у большинства социалистов), мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы которой претендуют на строгое следование разуму»¹⁶.

Такое понимание рынка и других социальных институтов определяет взгляды Хайека на проблемы распределения благ, неравенства и справедливости в обществе. Он доказывает, что рынок создает условия, при которых функциональная дифференциация среди членов общества происходит спонтанно и естественно, без вмешательства сверху. Люди в результате занимают те места, которые соответствуют их способностям. Разумеется, это приводит к возникновению имущественного и социального неравенств, однако последнее уравновешивается формальным равенством всех граждан перед законом, что также является частью расширенного порядка.

Таким образом, мы видим, что крупнейшие немецкие экономисты В. Ойкен и Ф.А. Хайек в своей трактовке социальной справедливости во многом совпадают, но в чем-то и расходятся, однако общим для них является осознание важной роли социальной политики в решении проблем стабилизации общественной жизни.

Литература

1. Гусейнов А.А. Справедливость // Философия: Энциклопедический словарь. М., 2004.
2. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995.
3. Прокофьев А.В. Социальная справедливость // Философия: Энциклопедический словарь. М., 2004.
4. Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005.
5. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
6. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.

¹⁴ См.: Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С.15.

¹⁵ Хайек Ф.А. Указ. соч. С.17.

¹⁶ Там же.

Раздел 2.4. Людвиг Эрхард – творец германской модели экономики

Вюнше Х.-Ф. (исполнительный директор Фонда им. Людвига Эрхарда)

Социальное рыночное хозяйство: представления о хозяйственном порядке Людвиг Эрхарда*

Диагноз нынешнего состояния

Ожидание конъюнктурного подъема

В Германии вот уже три десятилетия все важнее становятся такие задачи, как солидный экономический рост, надежная система социального страхования, снижение безработицы, консолидация бюджетов – все важнее потому, что на практике они все труднее достижимы. Другими словами, немцы давно страдают от растущего числа экономических, социальных и финансово-политических проблем, о которых с недавних пор ведется интенсивная общественная дискуссия.

Улучшение сложившейся неблагоприятной ситуации возможно только на основе основательного анализа, политики должны выработать необходимые меры, чтобы добиться требуемых улучшений. Многие полагают, что именно это сейчас и делается: правительство и оппозиция консультируются у авторитетных экспертов. Политика ориентируется на сложившийся в основном консенсус советников, а эксперты склоняют правительство к тому, чтобы были, наконец, сделаны важные и правильные шаги. Средства массовой информации также воздают должное широкому консенсусу между наукой, правительством и оппозицией. Они знакомят своих читателей, зрителей и слушателей с наиболее известными экспертами, описывают детали будущих реформ и уже предпринимаемых шагов, чествуют «реформатора года» и публикуют «барометр реформ».

Все, казалось бы, в порядке, причем все выглядит очень занимательно. Тем не менее, политика реформ почему-то не пользуется поддержкой со стороны тех, кому она должна была бы пойти на благо. Граждане не выказывают особого восторга ни по поводу уже проводимых, ни по поводу ожидаемых мер и шагов. Вместо того чтобы горячо их поддерживать, они ворчат по поводу бесчисленных деталей, а также по поводу все возрастающего бремени реформ и связанных с этим жертв с их стороны. Но прежде всего они недовольны тем, что политика оторвалась от земных проблем, а с политиками все труднее становится объясниться на одном языке.

Считается, что политики не воспринимают более всерьез критику в свой адрес. С чувством собственного достоинства и правоты они отвергают большинство контраргументов как эгоистические попытки защитить узкогрупповые интересы и привилегии или как проявление новой немецкой ментальности – стенаний, причитаний и жалоб. Некоторые упреки они отвергают просто потому, что недостатки-де известны давно, а потому идет работа по «реформированию реформ», чтобы их устранить. В остальном же властвует принцип: «Лес рубят – щепки летят», или «И политики тоже люди, и им свойственно ошибаться». Если же кто-то критикует ту суету, которой подменяются реформы, так что в результате постоянного мельтешения ничего по большому счету не меняется, в ответ звучит: «Полноте! Москва не сразу строилась. основополагающие реформы требуют времени».

* Впервые опубликовано в: Системные изменения в российском обществе: новые взгляды. Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РНИСиНП, 2005.

Нежно, как родители капризничаящих детей, политики призывают граждан держать голову выше и терпеливо ждать, пока не заработают осуществляемые реформы. Однако опыт учит людей, что на такие прогнозы полагаться нельзя. Политика давно не отвечает тем запросам, которые формулируют граждане. С др. стороны, не удается выработать конструктивную критику политической стряпни. В результате возникла прямо-таки гротескная ситуация: политики вырабатывают скучные идеи и погружаются в их обсуждение¹. Пока эти идеи распространяются, происходит мало-помалу забвение того, что действительно важно. Даже те цели, которые с помпой подавались как наиважнейшие – например, снижение массовой безработицы и безработицы среди молодежи или соблюдение уровня дефицита государственного бюджета в пределах, допустимых согласно Европейскому пакту о стабильности, бесследно сходят с телеэкранов и пропадают со страниц газет.

Многие сейчас пытаются сами себя убедить, что дело не в политиках; положение скоро само собой улучшится. Наблюдающаяся уже с начала 1990-х гг. стагнация в один прекрасный день должна прекратиться. Придет еще время, когда конъюнктура в Германии станет прекрасной, как никогда прежде. Однако статистики в ближайшее время обещают прямо противоположное. Кроме того, сомнительно, чтобы оживление конъюнктуры могло изменить общий понижающийся тренд. Оживление после 1975 г. и в 1982 г., как и всплеск 1994 г., не привели ведь ни к снижению безработицы, ни к консолидации государственных финансов, ни к санации государственной социальной системы².

Политика, «ориентированная на предложение», не является политикой порядка

Наряду с теми, кто надеется и мечтает, есть много и таких, кто разочаровался. Как правило, они оправдывают свой скепсис тем, что в эпоху глобализации и европеизации-де, при низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни и т.д., и т.п. предписано по одежке протягивать ножки. Этот аргумент, а не разочарование, следует воспринять всерьез: если дело обстоит так (а это в действительности так), что Германия находится в состоянии острой международной конкуренции, а ресурсов становится все меньше, то призыв к скромности означает в первую очередь, что стране следует отказаться как от несвоевременной роскоши от массовой безработицы и массовых же закрытий фирм. Германия просто не может себе позволить, чтобы не использовались мощности, чтобы они консервировались и ржавели – ни с точки зрения потребностей капитала, ни с точки зрения потребностей труда.

Если же, с одной стороны, наблюдается такая расточительность, как, например, массовая безработица, а с другой стороны, существует не удовлетворенный спрос – допустим, в сфере инфраструктуры, - то это означает, что либо рыночное саморегулирование не функционирует больше, так что спрос и предложение не уравновешиваются, либо движущие силы хозяйственного прогресса парализованы, так что спрос, сколь бы велик он ни был, не генерирует более соответствующего предложения. В одном случае следует оживить рыночный механизм, в др. случае – рыночные силы.

Одно из этих требований, кажется, давно подхвачено политикой. При помощи «политики, ориентированной на предложение», с 1982 г. предпринималось много усилий, чтобы оживить хозяйство³. Дополнительные издержки на труд были снижены, создание рабочих мест поддерживалось при помощи дотаций, было облегчено увольнение, вкладывались

¹ Одной из таких идей стало объявление 2004 года «годом инноваций», в течение которого нужно быстренько создать несколько элитных университетов.

² Подробнее см., напр.: Социальное рыночное хозяйство в Германии. Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РОС-СПЭН, 2001.

³ Кредо политики с 1982 г. состоит в следующем: «Придание экономике нового импульса возможно только на основе политики, ориентированной на предложение» (Fels G. Angebotspolitik aus unserer Sicht // Giersch H. (Hg.) Wie es zu schaffen ist. Agenda für die deutsche Wirtschaftspolitik. Stuttgart, 1983, S. 35).

средства в повышение квалификации тех, кто ищет работу. Существовали налоговые льготы, сдерживание требований повышения заработной платы и многое другое. Всего этого оказалось недостаточно, чтобы добиться оживления в экономике. Столь же разочаровывающие результаты дали и такие меры, как либерализация, приватизация, деbüroкратизация и дерегулирование. И они не обеспечили сколько-нибудь заметного оживления хозяйственной активности.

Теперь говорят, что эта политика должна быть продолжена, даже продолжена более решительно. Но возникает вопрос: действительно ли политика ориентации на предложение является тем необходимым, систематически осуществляемым подходом к реконструкции того хозяйственного порядка, о котором Людвиг Эрхард говорил, что он высвобождает силы, «в сравнении с потенциалом и мощностью которых неуместными выглядят школьные премудрости сторонников планового хозяйства»⁴? Или это, скорее, попытка всего лишь несколько ослабить некоторые «винтики» в хозяйственном процессе – с учетом проблем, возникших в сфере производства – и проводить селективные реформы в тех областях, в которых государство стало слишком сильным или взяло на себя непосильные обязательства?

Эрхард полагал, что рыночное хозяйство невозможно построить путем «хозяйственно-политических импровизаций»⁵. Необходима всесторонне обоснованная и последовательно осуществляемая политика порядка. Эрхард определял ее, во-первых, через направляющий принцип, во-вторых, через выстраиваемую исходя из этого направляющего принципа политическую программатiku. Последовательное выведение основных целей политики из направляющего принципа было для него очень важно, поскольку в противном случае политика превращается в произвольное лавирование, в такое движение, при котором зачастую за одним шагом вперед следуют сразу два шага назад.

С точки зрения Эрхарда, для политики порядка в рамках социального рыночного хозяйства важны были три вещи: направляющий принцип, который, по его мнению, заключался в сфере хозяйства в том, чтобы обеспечить свободу; концепция, в основу которой он закладывал вывод о том, что длительное поддержание свободы в экономике возможно только при сохранении и усилении принципа ответственности каждого за свое благополучие; вытекающие отсюда цели. В этом смысле справедливо следующее: хозяйственный порядок, построенный в первую очередь на ответственности за собственную судьбу каждого, столь же мало может отказаться от полной занятости, стабильности цен, благосостояния для всех и социального обеспечения, как и позволить, чтобы в сфере бюджетных отношений нынешнее поколение строило свое благополучие в ущерб следующим поколениям. Чтобы каждый имел возможность заботиться о себе сам, он должен иметь доступ к рынку труда, чтобы заработать столько, сколько ему необходимо, и он должен быть уверен, что его сбережения будут обладать покупательной силой и через многие десятилетия, когда ему понадобится ими воспользоваться.

В рамках «политики, ориентированной на предложение», формулируются цели, которые связаны с социальным рыночным хозяйством. Но это касается только самых общих формулировок желаемых целей. Они не вытекают из направляющих принципов, а потому не выступают столь же обязательными, как в рамках социального рыночного хозяйства. В «политике, ориентированной на предложение», все вращается главным образом вокруг вопроса об инструментах, а именно о том, чтобы развязать свободу действия рыночных сил в сфере производства и инвестиционного процесса. При помощи такой политики должен быть создан эффективный хозяйственный порядок, ведущий к оптимальной аллокации ресурсов и к «благосостоянию для всех». «Высокий уровень занятости», а не полная заня-

⁴ Erhard L. Wirtschaftliche Probleme der Wiedervereinigung // Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. 1953. 12.09. № 134.

⁵ Erhard L. Das Ende der „Improvisationen“ // Tagesspiegel. 23.04.1949.

тость, с этой точки зрения вполне достаточен; а благодаря росту эффективности рыночного хозяйства возрастают возможности финансирования социальных услуг и обязательств.

С этой точки зрения «политика, ориентированная на предложение», заслуживает похвалы, но она ни в коей мере не является политикой, которую стал бы сегодня проводить Эрхард. Она не является продолжением социального рыночного хозяйства в новых условиях и при помощи более современных средств. Она не является «новым социальным рыночным хозяйством», а скорее альтернативой эрхардовского социального рыночного хозяйства. Обе концепции должны быть рассматриваемы сами по себе и сравниваемы друг с другом.

Нынешняя политика провалилась. Она должна быть изменена. Политика Эрхарда была успешной, но ее успехи отстают от нас на несколько десятилетий. Можно ли ее в наше время еще рассматривать в качестве возможной альтернативы? Или, может, это – некое идеальное представление, которое не может быть реализовано никогда и нигде?

Фактом является следующее: Эрхард предсказал те проблемы, которые возникли в экономической политике вскоре после его ухода и перед необходимостью решения которых она стоит и сегодня. В связи с экономическими экспериментами, за осуществление которых тогда настойчиво агитировали, он также высказывал опасение, что они все меньше пригодны для того, чтобы ответить на вновь возникающие проблемы⁶. Но не только! Когда политики убеждаются, что все их усилия напрасны, возникает опасность прекращения серьезных попыток добиться изменений, а политика вырождается в работу по связям с общественностью. Хронически не способные к успеху политики будут стремиться затушевать плохие результаты своей работы и преувеличить сложность проблем, перед которыми они спасовали. Они совершенно определенно станут указывать на то, что все могло бы быть хуже, чем получилось. Все реже будет возникать вопрос: в чем причина того, что политика не в состоянии достичь того, чего она хочет достичь? Самоочевидным начинает казаться стремление удовлетвориться синицей в руках и продолжать по привычке следовать проторенным путем.

Провал политики: феномен со столетней историей

То обстоятельство, что что-то идет не так, как ожидалось, не ново. Да и феномен ошибочной политики, которую многие считали правильной, был подмечен и проанализирован несколько столетий назад. Например, Фридрих Шиллер уже примерно в 1790 г. задавался вопросом: отчего происходит так, что некоторые усилия политиков, которые считаются достойными и верными, оканчиваются пшиком? Он проиллюстрировал это на примере из библейской истории: вопреки интересу государства и наперекор отчаянным попыткам со стороны политиков положение еврейского населения в Древнем Египте непрерывно ухудшалось⁷.

Шиллер нашел правдоподобное объяснение. Существуют ситуации, при которых политика оказывается в плену определенной мыслительной схемы. Она воспринимает проблему, которую перед ней поставлены. Она искренне стремится ее решить. Она не останавливается ни перед какими расходами и осуществляет жесткие меры. Однако в силу того, что она находится в плену своих представлений, политика борется не с причинами возникших проблем, а с их внешними симптомами.

Это описание прекрасно подходит для понимания ситуации, которая сложилась в Германии. Политика действует и реформирует. Она создает новые законы и изменяет старые. Она борется и не сникает после поражений. Она работает над проблемами, но она не может их решить, а поскольку она не может их решить, то сначала она интенсифицировала свои усилия, а потом попыталась отвлечь внимание от своих провалов и обратить его на другие

⁶ Ср. Erhard L. Mehr individuelle Freiheit durch Marktwirtschaft. Rede am 9. Mai 1969 in Bern.

⁷ Ср. Schiller F. Die Sendung Moses. Universalhistorische Vorlesung an der Universität Jena // Thalia. H. 10.

области. Интенсивные усилия, однако, не могли помочь, поскольку никуда не исчезает одна программная ошибка, заложенная в алгоритм действий и воспроизводимая всякий раз, как происходит «запуск» программы. А переключение внимания общественности на другие темы само по себе эту ошибку устранить не может.

Так, может быть, причиной наваждений нынешней политики являются какие-то твердые убеждения, которые лежат в ее основании? Не ведут ли некие воспринимаемые на веру убеждения к отсутствию новых идей, а отсутствие новых идей становится причиной некоего замкнутого круга – они иницируют все новые и все более глубокие интервенции государства, это приводит к еще более глубокому разочарованию, поскольку успеха нет, а успеха нет, потому что сами интервенции были изначально ошибочны?

Шиллер определяет «плохую политику» как политику, уверенную в своих средствах, ибо она делает то, что все считают правильным. «Хорошая политика» заключалась бы в том, чтобы ориентироваться не на мнение большинства и не на определенные методы, а на цели и поиск путей к успешной их реализации. Следовательно, хорошей была бы такая политика, которая нащупывает решение, не оглядываясь на какие-то предубеждения, и всегда готова остановиться и пойти иным путем, если успех не появляется⁸. Это верно. Однако проблема, которую надлежит решить сегодня, заключается отнюдь не в необходимости выбора между различными методами политики. Задача гораздо сложнее. Речь идет о том, чтобы убедить политиков и экспертов, что неверны сами их представления о правильных целях. Эрхард эту задачу распознал и решил, примерно как Александр Македонский, – разрубив гордиев узел.

Социальное рыночное хозяйство в понимании Эрхарда

Подход Эрхарда к политической экономике

Для Эрхарда при проведении политических мер было типично глубокое продумывание возможных последствий и постоянная проверка промежуточных результатов. Типично для него было также стремление самому разобраться в политических вопросах, недоверие к готовым рецептам.

Причиной было то обстоятельство, что Эрхард в ходе дискуссии о путях преодоления мирового экономического кризиса 1929-1932 гг. понял, что так называемые эксперты не обладают должными качествами, чтобы решать политические вопросы. Он объяснял себе это тем, что ученые занимаются исследованиями и преподаванием. При помощи исследования они хотят добыть новые знания. В процесс преподавания они стремятся передать свои знания другим. Когда ученых привлекают к консультированию политики, это означает, что они откладывают свои лекции и вместо того, чтобы учить студентов, начинают учить политиков. До тех пор, пока задаются вопросы или звучат контраргументы, они готовы терпеливо и все в новых выражениях повторять свои уже изложенные взгляды, ибо полагают, что публика еще не поняла их рассуждений. Решение политических вопросов таким путем не достигается, так как оно предполагает другой метод – при котором критика воспринимается всерьез, а убеждения постоянно подвергаются сомнению и перепроверяются⁹.

Также и в отношении мнения науки о политике Эрхард был скептиком. Ученые призывали изучать комплексные, необозримые, на первый взгляд, системы взаимосвязанных

⁸ Карл Р. Поппер придумал для такого подхода понятие «социальной технологии». Его задача заключалась в том, чтобы предупредить против опасности следования завораживающим умы и популярным направлениям в философии государства, ибо они заключают в себе догмы, которые с неизбежностью ведут к политике, подрывающей основы свободы, к тоталитаризму, к «спасению душ путем инквизиции» (ср. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Ложные пророки: Гегель, Маркс и их последователи).

⁹ В беседах Эрхард часто любил повторять 11-й тезис Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным способом объясняли мир. Задача же заключается в том, чтобы его изменить».

моментов. Чтобы четче увидеть причинно-следственные связи, они склонны мысленно упрощать систему взаимосвязей своих объектов познания – при помощи изолирующей абстракции, обобщений, или при помощи изначальных ограничений. Вместо реальности они имеют дело со стройными мыслительными моделями и образами. Таким путем в экономической науке возник нереалистический фантом всезнающего, действующего исходя из чисто эгоистических убеждений человека – *гомо экономикус*.

Эрхард попросту отвергал саму возможность строить политику на основе таких «бескровных абстракций». Политическая экономия должна заниматься действительной жизнью, а не модельными представлениями о ней. Лишь тогда, когда в основу ее будет положено близкое к жизни представление о человеке, она способна будет внести вклад в разработку политической концепции, из которой может родиться обещающая успех политическая программа.

Для Эрхарда этот пункт был крайне важен. Это означает, что его представления о социальном рыночном хозяйстве покоятся на совсем ином фундаменте, нежели те рассуждения, которые экономическая наука пытается все снова и снова выдвигать перед экономической политикой в странах с рыночной экономикой.

«Социальное» в социальном рыночном хозяйстве

Людвиг Эрхард

Исходным пунктом представлений Эрхарда о социальном рыночном хозяйстве является следующее: люди не рождаются эгоистами. В соответствии со своей природой они зависят от признания со стороны других. Они не являются эгоцентриками по определению, а выступают как «социально ориентированные индивидуалисты», поскольку в своем поведении руководствуются главным образом стремлением походить на тот образ, впечатление, которое они хотят производить на других людей. Ибо для них гораздо важнее, чем все деньги на свете, чтобы их считали симпатичными, достойными любви, приятными в общении.

Люди, как правило, думают о своих интересах не непосредственно, а через призму рассмотрения того мнения, которое складывается у окружающих об их поведении. Эта социальная ориентация в высшей степени важна

для совместной жизни людей в обществе – а потому и в хозяйстве. Там, где она отсутствует, общество превращается в систему, где каждый ищет свою выгоду за счет других¹⁰.

В поддержании социально ориентированного общества, в укреплении скрепляющих общество элементов Эрхард видел первостепенную политическую задачу. Потому что, хотя лишь вопреки своей воле и только в «большом обществе» люди превращаются в эгоистов, не знающих сомнений и колебаний в отношении эксплуатации других или стремления пожить за чужой счет, однако и свободные люди могут ограничить или вообще отказаться от

¹⁰ Для Эрхарда такое развитие представлялось упадком, который завершается крушением общественного порядка. А. Смит в этом отношении был оптимистичнее. В «Теории моральных чувств» (2-я часть, раздел 2-й, 3-я глава) он писал, что если между различными членами общества не существует взаимной любви и привязанности, то общество, хотя и будет менее счастливым и гармоничным, все же от этого не разрушится. Общественные связи между каким-то количеством людей могут сохраняться и из соображений взаимной нужды друг в друге – например, как это происходит между купцами. Общество может существовать и без благотворительности, пусть и не в самом хорошем и обнадеживающем состоянии. Для Эрхарда такое состояние было «выражением беды», которую следует возможно быстрее преодолеть. Cp. Erhard L. Der Weg in die Zukunft. Rede vor der 14. Vollversammlung des Wirtschaftsrates des Vereinigten Wirtschaftsgebietes, 21.04.1948.

социальной рефлексии, и растущая потребность в безопасности, удовлетворить которую стремится современная социальная политика, действует именно в этом направлении. Системы социального обеспечения превращают в выгодное для отдельных индивидов дело жизнь за счет других, особенно в тех случаях, когда взаимная поддержка и получение поддержки превращаются в обезличенный процесс, обеспечиваемый путем сугубо технических проводок платежей. Поэтому, чтобы у людей сохранялась их естественная склонность к сохранению соответствующих ценностей, следует избегать «пути к коллективизму»¹¹.

Итак, для Эрхарда в социальном рыночном хозяйстве главным была совсем не эффективная хозяйственная система, как думают сегодня многие. Точно так же неверна и часто высказываемая мысль, будто социальное в социальном рыночном хозяйстве тем сильнее, чем выше объем оказываемых социальных услуг. Эрхард резко отвергал такие подходы¹². Для него речь шла прежде всего о свободном хозяйственном порядке и эффективной защите свободы. Он был убежден, что свобода может быть обеспечена лишь тогда, когда сохраняется ответственность, которую каждый должен нести за себя и за других.

Если социальные убеждения сильны, то может быть сохранена свобода, причем она будет оказывать благотворное воздействие на всех членов общества. Активные социальные убеждения ставят свободе каждого надежные границы. Если же личные моральные представления отсутствуют или находятся на ненадлежащем уровне, чтобы обеспечить взаимное участие и взаимное ограничение, то и свобода становится горькой. Общественные порицания и санкции не восполняют в достаточной мере отсутствие личной ответственности. Закон и право могут, в лучшем случае, «призвать к порядку» отдельных особо зарвавшихся нарушителей. А при попытке установить конституционные пределы свободе, «изначальная свобода» попросту устраняется. Индивиду предписываются лишь некоторые «ареалы», но не обеспечивается свобода поведения¹³.

Политика социального рыночного хозяйства

Начало социального рыночного хозяйства в 1948 году

Итак, у Эрхарда имелись собственные взгляды на экономическую политику в условиях рынка. Они были глубоко укоренены в социально-философских, социально-этических и социально-психологических наблюдениях, которые невозможно устранить из его концепции социального рыночного хозяйства.

С обычным представлением о рыночном хозяйстве как эффективной экономической системе, разделяемым экономической наукой, интерпретация Эрхарда имеет мало общего.

¹¹ Ср.: Эрхард Л. *Благосостояние для всех*. М., 1991. Гл. 12. Вальтер Ойкен также был убежден, что современное индустриальное общество требует новой концепции социальной политики. Ср.: Eucken W. *Die Soziale Frage // Synopsys. Festgabe für Alfred Weber*. Basel, Heidelberg, 1948. В то время как Ойкен лишь описал необходимость, Эрхард своим социальным рыночным хозяйством заложил основы для такой новой социальной политики.

¹² Этот пункт Эрхард особенно подчеркивал в 1957 г., когда отверг широко известное определение Альфреда Мюллер-Армака. По Мюллер-Армаку, «смыслом социального рыночного хозяйства является соединение принципа свободы на рынке с принципом социального выравнивания». Уточнение Эрхарда звучало следующим образом: «Глубокий смысл социального рыночного хозяйства заключается в том, чтобы соединить принцип свободы на рынке с принципом социального выравнивания и моральной ответственности каждого перед обществом».

¹³ В этом пункте Эрхард противоречит Фридриху А. Хайеку. Ср. Хайек Ф. *Конституция свободы*. М., 1999. По Эрхарду, свобода не может быть определена – ни положительно, ни через отрицание несвободы. Неуловимому явлению свободы невозможно поставить никаких границ без опасности его вообще уничтожить. С другой стороны, свобода не может употребляться во вред другим. Она должна быть как-то ограничена. Единственное решение, совместимое с эрхардовским пониманием свободы, заключается в том, что это ограничение собственной свободы должно быть добровольно наложено самим индивидом.

Отсюда ясно, что Эрхард не мог надеяться, что его взгляды будут поддержаны учеными. Картина рыночного хозяйства, рисуемая наукой, настолько принципиально иная, что мышления Эрхарда могли встретить в этом лагере лишь отчужденность. С др. стороны, рассуждения науки о рыночном хозяйстве были неприемлемы для Эрхарда. Он называл их «слишком узколобыми», «слишком технократическими», «слишком далекими от жизни». Опыт, полученный им после 2-й мировой войны при введении социального рыночного хозяйства, убедил его лишней раз в обоснованности скепсиса в отношении экономического типа мышления и его уверенности в правильном понимании фундаментальных вещей.

Эрхард 3 марта 1948 г. был избран директором управления экономики Объединенной экономической области на территориях, оккупированных западными союзниками. Он был полон решимости использовать пост, чтобы положить конец послевоенной нужде и ввести социальное рыночное хозяйство. Однако это было в высшей степени трудным делом, поскольку Эрхард со своей политической программой противостоял сомкнутым рядам политиков и экспертов, которые считали социалистическую хозяйственную систему единственно правильной и отвечающей требованиям времени.

**Альфред
Мюллер-Армак**

В послевоенной Германии социализм был знаменем времени почти во всех научных кружках и во всех политических партиях. Различия в социалистических представлениях о будущем касались лишь деталей. Были марксистские социалисты. Один из предшественников Эрхарда на посту директора управления экономики, Виктор Агарц, принадлежал к их числу. Существовали «демократические социалисты» в СДПГ. ХДС была расколота на представителей «социализма исходя из христианской ответственности» и сторонников нового «социализма свободы».

Министр экономики Северного Рейна – Вестфалии, Эрик Нёльтлинг, радостно предрекал всего за год до начала валютной реформы, что социализм теперь – решенное дело: «Антикапиталистические тенденции и настроения способствуют значительному изменению настроений даже в тех кругах, которые ранее энергично против них возражали, вплоть до буржуазии». Экономист, социолог религии и культур-антрополог из Мюнстера Альфред Мюллер-Армак – которого считают автором понятия «социальное рыночное хозяйство» - вздыхал, что «наше время, судя по всему, едино в убеждении, что управление хозяйством из центра является единственной жизнеспособной формой социального порядка. Возникло нечто вроде духа времени, в соответствие с которым центрально-управляемое хозяйство – единственное серьезное средство, при помощи которого можно противостоять столь серьезному положению, как нынешнее... Люди не чувствуют противоречия между объединяющим все слои стремлением к более свободной форме жизни и все еще несвободной реальностью и едва ли задумываются над тем, сколь велики были достижения по строительству свободного рыночного хозяйства в минувшем столетии».

Эрхард утверждался на своем посту директора как беспартийный «левый демократ», и многим он был не по вкусу. Его понятие «социальное рыночное хозяйство» рассматривалось как «замаскированный капитализм», а потому как пропагандистский трюк, чтобы проводить «антисоциальную» политику, которая будет направлена на обеспечение интересов богатых и влиятельных за счет простых людей. В Экономическом совете – Федеративной Республики и Бундестага еще не существовало – еще в ноябре 1948 г. муссировалось предстоящее увольнение Эрхарда, а 24 ноября 1948 г. дошло и до однодневной всеобщей забастовки против эрхардовского социального рыночного хозяйства.

С 1949 г. обнаружилось, однако, что эксперты заблуждались. Политика социального рыночного хозяйства, проводимая Эрхардом, привела в Западной Германии к крутому подъему, который предсказывал Эрхард и который эксперты считали невозможным. Последствия войны быстро преодолевались. Формировалось конкурентоспособное на мировом рынке национальное хозяйство. Население ощутило преимущества эрхардовской политики. В стране нарастало ощущение социального благополучия. Социальное рыночное хозяйство обретало все больше сторонников и почитателей¹⁴. Однако свою роль в этом сыграла отнюдь не эрхардовская концепция «свободы и ответственности» и не основанная на ней программа социального рыночного хозяйства. Социальное рыночное хозяйство находило поддержку не потому, что были верны его идейные основания, а потому, что оно имело успех.

Борьба Эрхарда за социальное рыночное хозяйство в 1950-е годы

Эрхарду все это стало особенно очевидно, когда появилось понятие «экономическое чудо». Он жестко отвергал это понятие: его успех связан не с чудом, а с основательно продуманной и последовательно осуществляемой политикой. Но интереса к основоположениям его политики так и не возникло.

Эрхард напрасно ожидал, что его политика получит поддержку среди ученых. Он пользовался каждой возможностью, чтобы поделиться с коллегами в университетах своими идеями и убеждениями. Но одобрения, на которое он рассчитывал, он так и не встретил. Более того, участники экономической жизни высказывались в адрес проводимой им политики все более критично. Они видели задачу федерального министра экономики в первую очередь в том, чтобы оказывать им некое экономическое содействие, и не одобряли «эскапад Эрхарда». Поэтому в 1950-е гг. Эрхард усиленно боролся за то, чтобы донести до широкой общественности центральные положения социального рыночного хозяйства. Он надеялся на поддержку общественности в своей борьбе против влиятельных групп интересов и надеялся, что он со своими рассуждениями сможет противостоять также поверхностным, даже ошибочным взглядам ученых.

Эта стратегия не прошла. Эрхард не нашел поддержки своего понимания социального рыночного хозяйства. Сразу же после его ухода из активной политики начала реализовываться «новая экономическая политика». Ни один ученый в 1950-х - начале 1960-х гг. не хотел, однако, открыто возражать успешному министру экономики. Но ни один и не встал на его сторону. Никто не воспринимал его убеждения всерьез и не занимался их изучением. Все работали над альтернативами эрхардовской политике.

Сообщения со «строек будущего»

Экономическая наука выработала собственные представления о рыночном хозяйстве. В экономической действительности социальное рыночное хозяйство превратилось в понятие-трофей, который «различные политические группировки пытаются захватить, чтобы благодаря окружающему его ореолу успеха в более выгодном свете представить собственные требования. Одни предлагают себя на место защитников социального рыночного хозяйства от тенденций возрождения манчестерского либерализма, другие – как охранители социального рыночного хозяйства от парализующего воздействия, которое оказывают на движущие силы и регуляторы рынка излишние социальные интервенции государства»¹⁵.

¹⁴ Ученые теперь задним числом пытаются добиться признания в качестве основоположников социального рыночного хозяйства наряду с Эрхардом. С середины 1950-х гг. почти все научное сообщество перешло на сторону победителя. Но это не означало согласия со взглядами Эрхарда. Скорее, социальное рыночное хозяйство рассматривалось как «экспериментальное доказательство» правильности чьих-то научных положений и выводов.

¹⁵ Reuter D. Soziale Marktwirtschaft und Rechtsentwicklung // Historisch-politische Mitteilungen. Bd.4 / Konrad-Adenauer-Stiftung. Köln, 1997. S. 191.

Тот, кто хотел бы получить аутентичное представление о социальном рыночном хозяйстве, все еще вынужден обращаться к первоисточникам. Особое внимание при этом следует уделить тем высказываниям, которые Эрхард использовал с 1950-х гг., чтобы привлечь внимание на опасности, угрожающие социальному рыночному хозяйству. При этом на первом плане стояли четыре комплекса вопросов. Поскольку Эрхарду ни по одному из них не удалось продвинуть свою точку зрения, а с другой стороны, так как он реалистически оценивал угрозы, следует отметить: от того социального рыночного хозяйства, о котором говорил Эрхард и которое он реализовывал, остались на сегодня лишь жалкие развалины:

- Эрхард в 1950-е гг. настойчиво боролся за осуществление на практике направляющих принципов такой политики конкурентного порядка, которая была бы адекватна социальному рыночному хозяйству. В 1957 г. ему удалось, преодолевая сопротивление мощных групп интересов, федерального канцлера, многих его коллег-министров и членов фракции в бундестаге, профессоров, провести Закон против ограничений конкуренции. Со стороны ученых этот закон уже в момент его принятия удостоился эпитета «гнилой компромисс», поскольку он не содержал догматически чистого запрета картелей. С точки зрения Эрхарда, однако, речь шла не о полном и безусловном запрете, а о направляющем принципе конкурентного порядка, исходя из которого договоренности и кооперация допустимы, если они полезны для рынка¹⁶.

В результате семи раундов новаций на сегодня сам дух эрхардовской концепции полностью устранен из этого закона. Однако избранные для осуществления конкурентной политики альтернативные направляющие принципы оказались недостаточными¹⁷. В наше время конкурентная политика прагматически ориентируется на потребности заинтересованных сторон, прежде всего – крупной промышленности и международных концернов. Политика конкуренции учитывает их представления о конкурентном поведении, рыночных стратегиях, «действительных рынках» и «защите территории производства». Это означает: для центрального элемента социального рыночного хозяйства, конкуренции, не существует сформулированного политикой адекватного направляющего принципа. Если выразиться полемично – политика поддержания конкуренции спасовала перед хозяйственной властью.

- В области социальной политики уже вместе с пенсионной реформой 1957 г. ориентиры были расставлены неправильно. Первоначально речь шла лишь о правильном с точки зрения предвыборной борьбы за голоса решении, однако вскоре уже рыночное хозяйство стали считать социальным, если в нем много – и чем дальше, тем больше – перераспределяют. Для Эрхарда справедливо было обратное – для него хозяйственный строй был социальным, если спрос на социальные услуги слаб, потому что у каждого есть шанс самому позаботиться о себе, и он этот шанс использует. В гл. 12 «Благополучия для всех» он в довольно эмоциональных выражениях описал зловещие последствия неверно выбранного социально-политического ориентира.
- В ходе европейской интеграции вместо вполне оправданных с функциональной точки зрения совместных шагов в политике насаждаются преждевременные идеалы. Эрхард уже при создании Европейского экономического союза (ЕЭС) говорил, что таможен-

¹⁶ Ученик Ойкена Леонард Микш, который в 1948-1949 гг. был сотрудником Эрхарда в Экономическом управлении, рассматривал эти договоренности между конкурентами – к вящему неудовольствию Ойкена – как необходимое явление и характеризовал их как «ограниченную конкуренцию». Ср. Miksch L. Die Wirtschaftspolitik des Als-ob // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1949. Bd. 105. S. 333.

¹⁷ В своем глубоком анализе основных направлений в теории конкуренции Хризостомос Мантцавинос воздает похвалу господствующему теоретическому плюрализму, однако говорит о том, что усилия ученых завели их в тупик. Теории, которая хорошо объясняла бы явление конкуренции, так и нет. Ср.: Mantzavinos C. Wettbewerbstheorie. Eine kritische Auseinandersetzung. Berlin, 1994. Следовало бы добавить: без такой теории у политики конкурентного порядка отсутствует сколько-нибудь рациональное обоснование.

ный союз противоречит идее свободной торговли в мировом масштабе. Сегодня Европейский Союз с различными своими программами субвенционирования отдельных отраслей – не только в сельском хозяйстве, но и в сфере исследований, транспорта, защиты окружающей среды и др. – осуществляет политику, противоречащую социальному рыночному хозяйству. Кроме того, вследствие больших размеров субвенций следует опасаться дальнейшего роста нового национализма.

- За насаждение политики роста, которая проводится в ФРГ с 1967 г., борьба шла еще с 1955 г. Эта политика должна была бы послужить тому, чтобы гарантировать продолжение «экономического чуда». Эрхард противостоял таким попыткам, так что эта политика была начата только после его отставки с поста федерального канцлера. Эрхард видел в ней предательство рыночного хозяйства и ползучий переход от рынка к плановому хозяйству. Он полагал, что в свободном обществе каждый волен сам решать, чего и сколько он хотел бы сделать, чтобы повысить свой жизненный стандарт и улучшить жизненные условия. Государство должно заботиться о том, чтобы каждый имел доступ к рынку и никого не вытесняли бы с рынка. Государство не должно понуждать или стимулировать никого к каким бы то ни было достижениям, или обязывать стремиться к достижению каких-то централизованно установленных показателей роста.

Одним словом, для Эрхарда центральным моментом экономической политики была политика поддержания порядка, а не политика роста. Если сегодня рассуждают о рыночном хозяйстве, то имеют в виду в первую очередь политику роста. Если говорят о рыночном хозяйстве, как правило, хвалят то, что Эрхард презрительно называл «дирижизмом наихудшего сорта» – а именно, попытки государства стимулировать граждан к тому, чтобы они делали то, что руководство считает хорошим и правильным.

Гражданин не является больше свободным. Столь восхваляемые «рыночные стимулы» – это «поводья», за которые дергает государство. Оно то ослабляет их натяжение, когда граждане движутся в желаемом направлении, то натягивает их, когда они сбиваются с пути. Это – странное представление о свободе. Эрхард уже в 1974 г. находил, что такая система вполне утвердилась, а потому писал: «Либерализм стал фасадом совершенно антилиберальных, если не сказать социалистических сил». Однако – оставаясь оптимистом, каковым он всегда был – добавлял: «Начало борьбе за жизненный порядок, основанный на свободе, было положено вполне успешное и достаточно четко указывало верное направление, чтобы служить примером будущим поколениям»¹⁸.

Литература

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Ложные пророки: Гегель, Маркс и их последователи.

Социальное рыночное хозяйство в Германии. Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 2001.

Хайек Ф. Конституция свободы. М., 1999.

Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991.

Erhard L. Das Ende der „Improvisationen“ // Tagesspiegel. 23.04.1949.

Erhard L. Lebensordnung im Geiste der europäischen Freiheit. Ansprache am 6. November 1974 im Schloss Auel bei Wahlscheid.

Erhard L. Mehr individuelle Freiheit durch Marktwirtschaft. Rede am 9. Mai 1969 in Bern.

¹⁸ Erhard L. Lebensordnung im Geiste der europäischen Freiheit. Ansprache am 6. November 1974 im Schloss Auel bei Wahlscheid.

Eucken W. Die Soziale Frage // Synopsys. Festgabe für Alfred Weber. Basel, Heidelberg, 1948.

Erhard L. Der Weg in die Zukunft. Rede vor der 14. Vollversammlung des Wirtschaftsrates des Vereinigten Wirtschaftsgebietes, 21.04.1948.

Erhard L. Wirtschaftliche Probleme der Wiedervereinigung // Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. 1953. 12.09. № 134.

Miksch L. Die Wirtschaftspolitik des Als-ob // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1949. Bd. 105.

Fels G. Angebotspolitik aus unserer Sicht // Giersch H. (Hg.) Wie es zu schaffen ist. Agenda für die deutsche Wirtschaftspolitik. Stuttgart, 1983.

Mantzavinos C. Wettbewerbstheorie. Eine kritische Auseinandersetzung. Berlin, 1994.

Reuter D. Soziale Marktwirtschaft und Rechtsentwicklung // Historisch-politische Mitteilungen. Bd.4 / Konrad-Adenauer-Stiftung. Köln, 1997.

Раздел 2.5. Общее и особенное в концепции социального рыночного хозяйства

Сторчевой М.А. (Институт
"Экономическая школа")

Что уникального в концепции социального рыночного хозяйства?

Когда экономист, воспитанный на англосаксонской литературе, впервые слышит о том, что есть некое «социальное рыночное хозяйство» — оригинальная модель экономики, которая была придумана германскими экономистами и реализована в ФРГ после Второй мировой — он с любопытством начинает читать подробнее. Однако очень долго не понимает, почему нормальное рыночное хозяйство нужно называть оригинальной немецкой моделью, а также что именно в этой модели специфически «социального», если социальное страхование в той или иной форме осуществляли все развитые страны в XX в. При этом ясное и последовательное изложение принципов этой модели обнаружить в литературе достаточно трудно, а многие распространенные представления, как демонстрирует А.Ю. Чепуренко, являются мифом.

Существовало ли сколько-нибудь четкое представление об этой модели до реформ, которое затем систематически использовалось (или не использовалось) при создании хозяйственного порядка в Германии? Было ли оно всеобщим или каждый понимал эту «модель» по-своему? И насколько можно считать социальное рыночное хозяйство оригинальной немецкой концепцией?

Очевидно, что самой Германии хочется, чтобы социальное рыночное хозяйство было именно их оригинальной концепцией. Например, в 1982 г. был издан сборник классических работ по социальной рыночной экономике (в англ. переводе «Standard Texts on the Social Market Economy», в оригинале «Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft»), где собраны работы за последние два столетия, сформировавшие появление «социального рыночного». Издание профинансировано фондом Л. Эрхарда. Там одни сплошные немецкие фамилии. Только А. Смит и Ж. Б. Сэй удостоены чести быть предшественниками великой немецкой модели. Остальной англо- и франкоязычной мысли как будто не существовало. Зато есть фрагменты из Госсена и Тюнена. Они великие экономисты, спору нет, но считать их идейными предшественниками социального рыночного можно только в романтических патристических фантазиях.

Тем не менее, можно попытаться ответить на сформулированные выше вопросы непредвзятым образом на основании анализа первоисточников и критической литературы.

«Модель» из двух принципов

Если быть строгим, социальное рыночное хозяйство — это два общих принципа, на которых, по мнению «отцов-основателей», должна покоиться экономика. Вот они:

1. *Во всех областях жизни должен быть свободный конкурентный рынок.*
2. *Каждый человек должен сам нести затраты своего выбора.*

Первый принцип обеспечивает установление эффективных цен (равенство предельных затрат и полезности), и таким образом, максимизирует общественное благосостояние. Второй принцип, который часто еще обозначают принципом *ответственности*, на самом деле является условием отсутствия оппортунистического поведения во всех его проявлениях, что тоже максимизирует общественное благосостояние благодаря отсутствию транзакционных и агентских затрат. Государство должно следить, чтобы оба принципа выполнялись, и все будет хорошо.

Возможно, это покажется слишком смелым упрощением, но будем честны сами с собой — «отцами-основателями» больше ничего не подразумевалось. Именно этот смысл вкладывал в термин его автор Мюллер-Армак¹. Именно этими принципами руководство

¹ В поисках точного значения термина «социальное рыночное хозяйство» возникает естественное желание обратиться прежде всего к работам изобретателя этого термина Мюллера-Армака. Переведенные работы в сборнике «Социальное рыночное хозяйство» нам не помогут — судя по ним можно сделать вывод, что Мюллер-Армак вообще не является экономистом, а мыслит исключительно в этическом или религиозном дискурсе.

Но если мы возьмем его работу «Социальные аспекты экономической системы» 1947 г. (*Die Wirtschaftsordnung, social gesehen. Denkschrift vom 1. Juli 1947. Oberursel: Berlebach*. Автор знаком с английским переводом в сборнике «Standard Texts on the Social Market Economy»), в которой был введен этот термин, мы обнаружим совершенно другую картину. Там аргументация чисто экономическая, и автор предстает перед нами как самый классический экономист. В этой работе автор рассказывает читателю о совершенно печальном состоянии общественного мнения в Германии. В массовом сознании очень популярна мысль о том, что только плановое хозяйство может вытащить страну из разрухи. А также, что только плановое хозяйство может обеспечить социальные потребности всех слоев общества. Даже среди деловых кругов распространены эти мысли. Но на самом деле это не так и экономисты должны объяснить обществу, что плановое хозяйство доказало свою меньшую эффективность.

Далее Мюллер-Армак демонстрирует ошибочность идеи о том, что плановое хозяйство может обеспечить социальное благосостояние. Он использует прежде всего эмпирические аргументы: процветание США и падение жизненного уровня коллективистских государств Восточной Европы. Но кроме того ссылается и на теоретическую мысль, которая уже около 20 лет изучает этот вопрос и пришла к выводу о принципиальной несостоятельности планового хозяйства. Мизес, Хайек, Репке и Ойкен.

Далее автор подробно разбирает, почему при плановой экономике «всем жить плохо». Потребителям обещают стабильные и низкие цены, но по этим ценам очень часто нельзя ничего купить. Интересы потребителей очень плохо учитывают и уровень потребления на самом деле низкий. Работники не получают точной оценки своего труда и рынок труда не выполняет свои функции. Кроме того, плановое хозяйство оказывается изолировано от рыночных экономик стран, которые окружают Германию. В Германии не хватает продовольствия, но есть металлургические продукты. Если бы цены были свободными, за граница привезла бы в страну продовольствие и Германия смогла бы в обмен экспортировать промышленные изделия, но ничего этого не происходит. То есть нет никаких причин надеяться на государственное управление. Широко распространенные мнения по своей природе иррациональны. Те, кто сомневаются, могут посмотреть на успех США, который без сомнения обеспечен рыночной экономикой. Или на европейские страны: Бельгию, Швейцарию или Италию, которая является особенно хорошим примером, так как за два года после окончания войны смогла восстановить разрушенное хозяйство на 80%. Да и в недалеком прошлом Германии можно найти примеры быстрого роста в условиях рыночного хозяйства в 1924–25 гг.

«Поскольку система государственного управления доказала свою несостоятельность в разрешении экономических проблем, две противоположные системы могут, на мой взгляд, быть объединены в некоторую рыночную экономику, которая обеспечивает реальную социальную защиту. Я предложил название для этой новой экономической системы: социальная рыночная экономика (*Soziale Marktwirtschaft*) и этот термин встретил широкое одобрение. Наша экономическая политика только тогда получит всеобщее признание, если сможет преодолеть жесткие идеологические установки и попытается создать некоторую основу для общего согласия, которая сделает возможным не только достижение социальной справедливости, но и также обеспечение безупречного экономического управления вместо сегодняшней бездумной системы».

Как видим, термин «социальное рыночное хозяйство» изначально введен как идеологическая формула, призванная объединить общественность. Что касается «социальной» стороны этого определения, то Мюллер-Армак высказался в расплывчатом ключе о том, что государство должно осуществлять некоторые меры социальной защиты. Вместо того, чтобы фиксировать цены и выплачивать необеспеченные доходы, лучше ввести четкую систему налогообложения доходов. Эта система может быть более радикальной или умеренной по желанию правительства, которое может балансировать ее строгость в зависимости от общей ситуации. Кроме этого нужно создать юридические рамки, которые обеспечат справедливость в хозяйстве (об этом часто говорил Ф. Бем). Вполне можно позаимствовать опыт США в антимонопольном законодательстве. В условиях рыночного хозяйства уже разрабатываются методы антициклической политики и политики занятости (намек на Кейнса).

В заключении автор говорит о том, что, по его мнению, иррациональная убежденность в преимуществе планового хозяйства уже становится пережитком прошлого. Она представляет собой некоторый суррогат некой гражданской религии, с которой нужно расстаться как с бесполезной иллюзией.

вался великий министр Л. Эрхард². Этот принцип в несколько расширенном варианте излагал В. Ойкен³. И в 1979 г. очередной министр экономики на свой лад пересказал все те же принципы⁴.

Заметим, что, показав превосходное понимание рыночной конкуренции, немецкие экономисты полностью оставили за бортом своего внимания случаи сбоев этого механизма — *общественные блага*. И, соответственно, *проблемы общественного выбора*, который необходимо осуществлять при создании общественных благ. Да, Ойкен и Эрхард активно писали про группы интересов, но это только часть большой теоретической проблемы, которая ставит под вопрос реализацию любого конкурентного порядка.

Что значит «социальное»?

По поводу значения слова «социальное» в названии модели есть два мнения. Первое и наиболее интуитивное понимание: рыночную политику нужно сопровождать социальной защитой граждан⁵. Второй вариант: рыночная система является лучшим из миров и сама обеспечивает лучшую защиту социальных интересов, чем любая другая.

Исторически верным оказывается второй вариант. Это видно, в частности, из рассуждений Мюллера-Армака. Л. Эрхард также считал, что рыночная экономика максимизирует богатство и в таком мире социальные проблемы решаются лучше всего. Эта «функциональная взаимосвязь» и называется «социальной рыночной экономикой».

² Попробуем взглянуть на формулировки другого человека, которого можно считать одним из создателей этой модели — Л. Эрхарда. В «Секретном меморандуме», который был распространен еще во время войны, есть такие слова «Главной целью является свободная рыночная экономика, приводимая в движение конкуренцией профессионалов и самостоятельно настраивающая себя... Задачей государства является не управление экономикой, а обеспечение необходимой юридической и институциональной среды для ее правильного функционирования в пределах закона. Определение точной роли государства будет одной из наиболее важных проблем в послевоенной экономике» («The paramount objective is a free market economy dependent on competitive individual efforts and proficiency and its self regulating rules... The tasks of the state is not to run the economy, but to provide the necessary legal and institutional framework for its proper functioning under the rules of law. To define the role of the state will be one of the most important problems of the post-war economy»). Представления Эрхарда о новой модели экономики можно составить и из его воспоминаний — совершенно очевидно, что его серьезно не заботило ничего, кроме свободных цен и стабильной валюты. Его модель «социального рыночного» очень скупа: 1) не нужно регулировать цены ни при каких условиях, 2) нужно обеспечить стабильность денег любыми способами.

³ В своей книге «Основы экономической политики» Ойкен предлагал восемь структурных принципов (конкурентный порядок, стабильные деньги, открытые рынки, стабильная и предсказуемая политика, частная собственность, свобода контрактов, антимонопольные механизмы, взаимозависимость всех принципов) и четыре регулирующих принципов (регулирование монополий, которые нельзя устранить; политика доходов; перенесение общественных затрат на тех, кто получает выгоды; антициклическая политика). Нужно заметить, что эти принципы частично повторяют друг друга и в целом тоже не содержат ничего нового по отношению к англосаксонской мысли того времени. Кроме этого, нужно помнить, что работы Ойкена не легли в основу никакой «экономической конституции» и остались в значительной степени только теоретическим трактатом.

⁴ Выглядело это примерно так:

- 1) Конкурентный порядок эффективнее любого другого.
- 2) Рынок эффективен, но есть социальные проблемы, которые должно решать государство. Но размеры социальной поддержки должны определяться рынком. Иначе исчезнут личные стимулы и ослабнет эффективность системы.
- 3) Конкуренция создается не маленькими предприятиями, а большим количеством возможностей. Крупный бизнес тоже может быть конкурентным. Любые длительные субсидии разлагают общество.

⁵ This type of political **economy** has on the one hand a basic free-trade orientation and on the other hand some “**social**” precepts that modify the outcome of the **market** process by redistributive and **social** security measures (Witt, 2002).

Но заметим, что с точки зрения употребления «социального рыночного хозяйства», как идеологического бренда, указанная выше двусмысленность идет только на пользу⁶. Есть такое ощущение, что слово *social* имеет магическую политическую силу, которая позволяет завоевать симпатии и доверие широких масс. Это видно и по названиям партий, и по всеобщим симпатиям к социализму, и истории этого слова в Германии.

А как же социальная защита?

В этом вопросе у отцов-основателей на самом деле четкого согласия не было, а реальные политики, воплощавшие в жизнь эту программу, понимали этот вопрос тоже по-своему.

А между тем вопрос социальной защиты может быть рассмотрен последовательно и логически в рамках указанных выше принципов. Социальная защита – это благо, которое каждый человек должен произвести для себя самостоятельно путем добровольного социального страхования. При этом рынок предложит ему наиболее эффективные продукты, а его решения будут наилучшим образом отражать его личные потребности (будет хуже, если оба действия выполнит бюрократ).

Именно так это и понимали наиболее последовательные «отцы-основатели». Хайек и Мизес выступали категорически против любых искажений в действии рынка. Ойкен и Эрхард считали, что рыночное страхование – это лучшая защита, но возможна временная государственная защита, которая постепенно должна сойти на нет.

Но другие считали, что государство должно заботиться о гарантированной защите для каждого человека, а также о создании социальной справедливости, то есть перераспределении дохода и наделению правами работников⁷. Здесь концепция провисает — где КРИТЕРИИ этих действий? Ничего по этому поводу кроме скучных лозунгов о «достойной» жизни предложено не было, и читать эти тексты просто неинтересно⁸.

Не германское изобретение

Нужно признать, что во всей этой программе нет ничего, что можно было бы считать изобретением немецких экономистов. Конечно, в ордо-либерализме можно найти оригинальные идеи – например, введение специального понятия «порядок», идея взаимозависимости порядков и т. д. Но это теоретический мир, который на самом деле имеет мало общего с концепцией социального рыночного или ее воплощением. Можно получать большое наслаждение от чтения работ Фрайбургской школы, в которых все культурно и грамотно, но довольно сложно найти там новую теорию. Это работы грамотного экономиста, который все привел в систему, во всем разобрался.

Принципы, которые легли в основу программы «социальное рыночное» являются наследием классической политэкономии и британского либерализма. Действие рынка описал Адам Смит, подробное и систематическое изложение либерализма есть у Дж. Ст. Милля. Страной либерализма с самого основания были США, где вера в рынок и личную свободу всегда составляли основу общества. Какую Америку открыли во Фрайбурге?

⁶ The widespread acclaim that the **social market economy** soon came to receive from the German public may reflect only that everyone can associate the term **social** with whatever suits his own interests and ideology. Indeed, right after the war, when socialist ideals dominated all of Europe, making a concession to such expectations might have been the only way to ensure majority support for free **markets** in the young German democracy (Witt, 2002).

⁷ Например, Мюллер-Армак писал в 1952 г. "Though Social Security is not directly generated by the market, a successful and growing market economy provides the conditions on which to build the complex system of market-conforming corrections and to counterbalance undesirable market effects." (Zweig, 1980).

⁸ Отсутствие внятного понимания этого вопроса констатируют и другие исследователи: Yet what, precisely, does "**social balance**" mean, and why is it desirable? The fathers of the German economic constitution have been very vague in answering this question. (Witt, 2002).

О пагубности государственного регулирования рынка писали многие экономисты (в том числе, Бем-Баверк⁹), а порочность плановой экономики доказали Ф. фон Хайек, Л. фон Мизес, а чуть раньше российский экономист Б. Д. Бруцкус. В своем программном тексте 1947 г. Мюллер-Армак только повторял эти аргументы.

Заслуги германских экономистов

Тем не менее, отрицать важную роль германских экономистов было бы глупо. Хотя их заслуги немного другие. Они ничего не открыли и не разработали. Но сумели распознать и отстоять наиболее эффективный способ организации в эпоху большой интеллектуальной сумятицы. На основе анализа текста Мюллера-Армака 1947 г. и работ Эрхарда того времени совершенно очевидно, что страна не понимала, как нужно жить дальше. Чрезвычайно популярны были идеи активного государственного управления. Разумеется, их популярность росла постепенно, этот процесс начался за сто лет до судьбоносных 1947-1948 гг.

Когда в XIX в. стали нарастать социальные проблемы, вызванные индустриализацией (бедность, безработица, плохие условия труда), а традиционные способы социальной защиты (семья, церковь) перестали быть достаточными, то вера в свободный рынок впервые дала трещину. Возникли различные социалистические течения, в том числе катедер-социализм в Германии, который утверждал, что модель Смита устарела, поэтому государство должно вмешиваться в экономику и брать социальную защиту на себя. В 1920-1930-е гг. разразился мировой кризис, и уверенность в свободном рынке сошла на нет даже в стране классической политэкономии. Последний удар нанес Дж. М. Кейнс. К 1940-м гг. Великобритания и другие европейские страны решили серьезно заняться «интервенционизмом».

Разумеется, в этой ситуации общественные и политические круги Германии тоже были охвачены сомнениями. На них оказывали давление союзники¹⁰. Либеральным экономистам нужно было приложить большие усилия для преодоления этой ситуации. Очевидцы вспоминают, в частности, разговор на эту тему Ойкена с британским чиновником¹¹.

Интересно, что немецкие экономисты отвергли идеи Кейнса и его «Общей теории». Вальтер Ойкен считал, что политика полной занятости блокирует важный механизм самонастройки экономики. Л. Эрхард — что методы Кейнса могут применяться только в исключительной ситуации и странно, что большинство экономистов этого не понимают. Эта позиция служит как отличная лакмусовая бумажка — экономисты понимают, как работает хозяйство, и их мнение не зависит от того, что думает большинство.

Интеллектуальное мужество и последовательность германских экономистов вызывает глубокое уважение.

Бесконечные спекуляции

После того как термин «социальное рыночное хозяйство» был введен в 1947 г. и политика Эрхарда оказалась успешной, термин стал предметом множества интеллектуальных

⁹ В работе “Macht oder okonmishes Gesetz?” (1914) Бем-Баверк доказывал, что любое вмешательство в работу рынка приводит к ценовым искажениям и неэффективному размещению ресурсов.

¹⁰ Правда, некоторые историки считают, что давление со стороны США и было одной из главных причин, сформировавших прежде всего «рыночное хозяйство» по образу и подобию американского. «To many historians who began writing about the Federal Republic in the 1960s and 1970s, the social market economy represented an American-backed 'restoration' of traditional capitalism rather than a radical break with Germany's past» (Hook, 2002).

¹¹ Röpke relates a significant conversation between Eucken and a prominent member of the British interventionist economics establishment not long after the currency reform. In connection with foreign trade problems, this British Labour Party representative authoritatively advocated intervention through strict quantitative export and import controls and no reliance on market forces. When Eucken objected on liberal market grounds, the British economist replied he would not discuss theories and that this was British policy. Eucken answered prophetically: "For this reason the British economy falls from one crisis into the next." (Zweig, 1980).

и политических спекуляций. У него стали появляться новые значения, и это стало не последней причиной того, что чтение массива литературы о «социальном рыночном» является довольно сложным занятием.

С одной стороны, «социальным рыночным хозяйством» стали называть экономику Германии. Очевидно, что эксперимент удался, и победители не без удовольствия перенесли название концепции на практический результат. Сам Л. Эрхард начал говорить «наше социальное рыночное хозяйство», имея в виду экономику ФРГ. В конечном счете это вызвало подмену понятий — социальным рыночным хозяйством стали называть ВСЁ, что имело место в германской экономике, даже если это было вопреки идеям отцов-основателей или если это было унаследовано из прошлого. Разумеется, «социальному рыночному» стало доставаться от критиков за то, в чем, строго говоря, «социальное рыночное» обвинять некорректно.

С другой стороны, сама концепция «социальное рыночное хозяйство» стала «дорабатываться», но таким энергичным и творческим образом, что первоначальные смысловые рамки постепенно были утрачены. Одним из первых творческие доработки концепции «социального рыночного» начал его автор Мюллер-Армак¹². Другие теоретики и политики стали тоже рассуждать о «социальном рыночном» как о некоем «идеальном обществе», в котором они хотели бы жить, и стали наделять его все новыми и новыми атрибутами. В результате найти ясное и единое для всех значение этого термина после 1960-х гг. практически невозможно. Термин стал модным политическим и идеологическим брендом со всеми вытекающими отсюда последствиями¹³.

Внешние интерпретации

При всех этих внутренних терминологических сложностях, за пределами Германии термин «социальное рыночное хозяйство» оказывается совсем плохо понят¹⁴, а иногда наделяется новыми смыслами.

Например, если открыть журнал *The Economist*, то можно обнаружить, что британские журналисты обозначают этим термином немецкую систему трудовых отношений, которая

¹² Вот некоторые определения Мюллера-Армака:

«The Social Market Economy is not an exclusive competitive theory; it may best be described as an ideological concept, in the sense that a coordination of form is striven after, in the Social Market Economy, between the spheres of life represented by the market, the State and the social groups. Its basis is therefore as much sociological as economic, as much static as dynamic. It is a dialectical concept, in which social goals are equally important as economic goals, and thus combines economic and social policy» (1965). «The Social Market Economy is not a philosophy of the value-basis of our society; it leaves this to the system of standards by which judgements are made on a religious or philosophical basis. It is, rather, the concept of irenic order – a strategic idea within the conflict of different objective situations. It is a formula for a way of life, by which an attempt is made to bring the essential aims of our society into a new, practical harmony... The Social Market Economy is an integration formula by which an attempt is made to lead the crucial forces of our modern society into genuine co-operation» (1965). «The Social Market Economy is not a patent solution for all problems, but, under the conditions facing us, it is in my view the only possible way of achieving social progress while maintaining the functions of the market. It is more than ethical appeal. Basically, its advocates are intent on an institutional anchoring of its double principle in the economic order. It presupposes a free market economy, but is not identical with it. It constitutes an attempt to harmonize our desire for freedom and social justice with insights into the working of the market machinery» (1978). Цит. по (Thanawala, 2002).

¹³ В значительной степени пострадала «социальная» составляющая термина. Как пишет У. Витт: Yet, in practice, interest groups have learned to exploit the vague notion of the “social” in their rent-seeking activities. Hiding their particular interests behind accusations of social injustice or appeals to establish social balance, they have increasingly pressed the government to grant all sorts of advantages to their members (Witt, 2002).

¹⁴ The "social market economy" has been persistently misunderstood, especially in Britain and the United States, It is now routinely referred to as the German version of the welfare state, which is exactly the opposite of what Erhard sought to achieve (Nicholls, 2005).

нацелена на достижение согласия путем коллективных переговоров¹⁵. Разумеется, ничего подобного отцы-основатели не говорили. Данный факт является иллюстрацией того обстоятельства, что в какой-то момент «социальным рыночным» стали обозначать все, что происходило в экономике Германии, и британское сообщество нашло в этом происходящем наиболее характерную и уникальную деталь, которая и была подведена под определение. Заметим при этом, что коллективные переговоры германская экономика унаследовала из Веймарской республики, когда свободный рынок труда был заменен двусторонней картелизацией (крупные профсоюзы договариваются с крупными работодателями), которая и была обозначена как «система согласия» или «система партнерства» и оказалась унаследована послевоенной экономикой ФРГ с небольшими изменениями. То есть, строго говоря, это вообще не элемент «социального рыночного хозяйства» в понимании отцов-основателей.

Soziale Marktwirtschaft u welfare state

В заключении хотелось бы отметить общие черты двух концепций — немецкой *Soziale Marktwirtschaft* и британско-американской *welfare state*¹⁶. Идеологи «социального рыночного хозяйства» справедливо стараются подчеркнуть различия между этими концепциями, но есть и общие черты, которые нельзя не заметить и которые помогают лучше понять их природу.

¹⁵ Вот несколько цитат, подтверждающих такое понимание термина. «Germany's much-praised social-market economy -- its distinctive system of seeking consensus among workers, management and government» (Kohl or Sharping?). «At the heart of Germany's distinctive "social-market economy" is a system called *Mitbestimmung* (or co-determination): by law, employees have half the seats on large companies' supervisory boards, the top governing bodies which hire and fire senior managers. This is part of a network of arrangements which both foster close ties between workers and managers and encourage a distinctive form of corporate governance: firms and banks own shares in each other, thus minimising the ownership-dispersing effects of stockmarkets and shareholders». (Is the Model Broken?).

¹⁶ Вторая мировая война серьезно изменила отношение государств к социальной политике. С одной стороны, многие социальные проблемы обострились. С другой стороны, война встряхнула сознание политиков и в конце войны все чаще раздавались разговоры о «лучшем мире». Термин *welfare state* предложил в 1941 г. священник Willam Temple в своей книге “Citizen and Churchmen” в качестве противопоставления термину *warfare state*, которым тогда обозначалась экономика Германии. Но популярность этот термин приобрел позже. В самом начале войны британское правительство заказало исследование о необходимых после войны реформах и в том числе, о необходимости упорядочивания хаотичных программ социальной защиты, созданных в предыдущие годы. Одним из основных авторов этого исследования был У. Беверидж, который еще в 1910-х гг. помогал У. Черчиллю и Ллойд Джорджу принимать первые законы о социальном страховании. Беверидж опубликовал свой доклад в 1942 г. под заголовком “Social Insurance and Allied Services” (известный как доклад Бевериджа), где предложил правительству борьбу против пяти зол: нужды, болезней, неграмотности, грязи и незанятости (Want, Disease, Ignorance, Squalor and Idleness). Устранение этих проблем привело бы к созданию государства благосостояния (Welfare State). Беверидж предложил систему единого социального налога на всех работающих, из которого выплачивались бы пособия больным, безработным, бездомным и всем нуждающимся. На выборах 1945 г. победили лейбористы и К. Этли (C. Attlee), которые провозгласили доклад Бевериджа своей платформой (интересно, что Беверидж был членом партии либералов). Была создана государственная система медицинского страхования (National Health Service), предоставившая бесплатное медицинское обслуживание для всех граждан. Кроме этого, была создана единая система государственного страхования, защищающая человека от пеленок до глубокой старости. Отчасти она использовала принципы, заложенные в 1911 г. В США в 1946 г. был принят закон «О занятости», который использовал идеи *welfare state* и после 1946 г. термин *welfare state* начинает активно использоваться по обе стороны Атлантики. Он становится модной концепцией, которая распространяется даже за пределы развитых стран, например, в бывшие британские колонии. В 1950 г. этот термин берет на вооружение Международная организация труда. В Великобритании в 1951 г. лейбористам пришлось оставить бразды правления, в частности, из-за необходимости увеличения прямых налогов, но концепция *welfare state* продолжала быть популярной. Снижение ее популярности начинается в 1960-х гг., когда некоторые проблемы социальной защиты получают новую формулировку. В США в 1964 г. принимается Economic Opportunity Act, который начинает «войну с бедностью» (*war on poverty*), и это новое политическое клише несколько вытесняет *welfare state*.

Обе концепции появились в конце 1940-х гг. для обозначения новой экономической модели для послевоенного мира. Обе модели привели к победе политические партии и затем стали успешным популярным политическим брендом. Обе модели на самом деле не имели в своей основе четкой и логичной теории. Обе модели привели к «раздуванию» социального сектора, что вызвало в 1970-х и 1980-х гг. активные дискуссии о необходимости реформировать эти модели.

Как заметил в 1962 г. Дж. Вайнер: «Государство благосостояния – это всего-навсего наспех сымпровизированная система, имеющая черты очень широкого диапазона: от чисто государственной экономики до полной анархии. Это стихийный ответ на совокупность исторических факторов и политических моментов, который еще не приобрел и может никогда не приобрести внутренней логичной и целостной философии. Она постоянно меняется и ее движения вперед, назад и в стороны не управляются никаким ясным и широко признанным согласием относительно того, откуда это все взялось и куда это должно двигаться»¹⁷. Многие из этого можно повторить и про «социальное рыночное».

Литература

1. Bismark`s Steed // *Economist*. 03/29/97. Vol. 342. Issue 8010.
2. Broyer S. The Social Market Economy: Birth of an Economic Style. Discussion Paper FSI 96-318. Berlin, 1996.
3. Buscher, M. Economic Systems and Normative Fundaments: A Social Market Economy in the Light of Economic ethic // *Journal of Socio-Economics*. Winter 1993. Vol. 22. Issue 4.
4. Hook J. C. V. From Socialization to Co-Determination: The US, Britain, Germany, And Public Ownership in the Ruhr, 1945-1951 // *The Historical Journal*. 2002. Vol. 45. Is. 1.
5. Joerges C. What is Left of the European Economic Constitution? EUI Working Paper LAW. № 2004/13.
6. Is the Model Broken? // *Economist*. 5/04/96. Vol. 339. Issue 7964.
7. Karsten, S. G. Walter Eucken: Social economist // *International Journal of Social Economics*. Bradford: 1992. Vol. 19. Iss. 10-12.
8. Kohl or Sharping? // *Economist*. 10/8/94. Vol. 333. Issue 7884.
9. Nicholls A. S. Review of Hook J. Rebuilding Germany: The Creation of the Social Market Economy, 1945-1957. New York. // *American History Review*. April. 2005.
10. Pleuger G. Welfare State // *New Perspective*. Vol. 8. № 2.
11. Standard Texts on the Social Market Economy. Two Centuries of Discussion. Gustav Fisher. Stuttgart, N.Y., 1982.
12. Thanawala K. Reflections on private market economy and social market economy. // *International Journal of Social Economic*. Vol. 29. № 8. 2002.
13. Witt U. Germany`s “Social Market Economy” Between Social Ethos and Rent Seeking // *The Independent Review*. Vol. VI. № 3. Winter 2002.
14. Zweig K. The Origins of the German Social Market Economy. Adam Smith Institute. London, 1980.
15. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс - Универс, 1995.

¹⁷ «the welfare state is at best a hastily improvised system having characteristics stretching all the way through the range from near-statism to near-anarchy. It is an unplanned response to a host of historical forces and of political pressures which has not yet acquired and may never acquire, an internally coherent and logically formulated philosophy. It is undergoing constant change, and its movements forward, backwards and sideways, are not guided by any clear and widely accepted consensus as it knows where it is going or where it should go from here” (J. Viner, “The United States as a Welfare State,” in S. W. Higginbotham, ed., *Man, Science, Learning and Education*, Houston, 1962; p. 226).

16. Антропов В. В. Социальная защита в странах Европейского союза. М.: Экономика, 2006.
17. Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепция, практика / А. Ю. Чепуренко (общ. ред.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
18. Эрхард Л. Благосостояние для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. / Авт. предисл. Б.Б. Багаряцкий, В.Г. Гребенников. М.: Начала-Пресс, 1991

Латов Ю.В. (ГУ-ВШЭ)

Почему концепция социального рыночного хозяйства не вошла в мейнстрим?

Когда некоторые участники нашей дискуссии о социальном рыночном хозяйстве подчеркивают не-оригинальность немецких либералов в сравнении с их англо-американскими коллегами, то в их рассуждениях есть несомненное зерно истины. Действительно, и немецкое *Soziale Marktwirtschaft* и британско-американское *welfare state* - частные случаи той общей закономерности, которую Джон Хикс назвал "административной революцией". Речь идет о начавшейся еще в конце XIX в. мегатенденции усиления институтов централизованного регулирования рыночного хозяйства в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Однако это еще не означает, что в поисках ответа на вызов, общий для всех развитых стран, немецким экономистам не удалось создать ничего нового.

Парадокс аутсайдерства ордо-либералов

Немецкие либералы – творцы социального рыночного хозяйства – имеют в современной экономической науке весьма двусмысленный статус.

Если исходить из того, что практическая ценность – главный критерий оценки экономических теорий, то немецкие либералы должны занимать наивысшие места в мировой "табели о рангах" экономистов XX века. Ведь перед нами, как будто бы, уникальный пример того, как более чем успешная экономическая реформа была проведена профессиональными экономистами в соответствии с разработанной ими новой экономической теорией¹.

Цикл "новая теория – программа реформ – проведение реформ" кажется само собой разумеющимся. Однако, если задуматься, он наблюдается крайне редко. Еще реже проведенные в соответствии с новой теорией реформы оказываются успешными.

Величайшим экономистом XX века называют Дж.М. Кейнса. Однако кейнсианская политика начала активно воплощаться в "новом курсе" Ф. Рузвельта еще до выхода в свет "Общей теории занятости, процента и денег". Идея о том, что государство уже не может играть роль только "ночного сторожа", а обязано для спасения рыночного хозяйства активно заниматься его регулированием, после Великой Депрессии в буквальном смысле слова витала в воздухе. Кейнс лишь "онаучил" то, что уже воплощалось в жизнь.

Другие великие экономисты минувшего столетия либо вообще не занимались разработкой "больших" реформ (Й. Шумпетер, Р. Коуз), либо ограничивались лишь общетеоретическим обоснованием (Т. Веблен, М. Фридмен). Случаи, когда профессиональный экономист приходил "во власть" и начинал осуществлять (или хотя бы активно лоббировать) ре-

¹ Не будем пока касаться вопроса, в какой степени ордо-либерализм Ойкена, концепция социального рыночного хозяйства Мюллера-Армака и экономическая политика Эрхарда образуют единое целое. Априори можно сказать, что между ними есть концептуальные различия, но общее доминирует над особенным.

формы, опираясь на экономическую теорию, довольно редки, а результаты обычно оказывались довольно двусмысленными. Благодаря либералу Т. Гайдару реформы "переломного" 1992 года называют в России "гайдароэкономикой", однако их результаты оценивают в лучшем случае удовлетворительно. Есть схожие примеры и за рубежом. Например, французский либерал Ж. Рюэфф был в 1960-е гг. экономическим советником президента Франции Ш. де Голля, а перуанский либерал Э. де Сото – в 1990-е советником президента Перу А. Фухимори. Вынужденная отставка де Голля и бегство проворовавшегося Фухимори изрядно подмочили репутацию их советников.

Помимо "немецкого чуда" XX век знает немало других экономических "чудес" - успешных "больших" реформ: "новый курс" Рузвельта, "японское чудо", расцвет Сингапура, "южнокорейское чудо", тэтчеризм, рейганомика и др. Однако все они готовились и осуществлялись харизматичными политиками, которые не слишком заботились о теоретическом обосновании своего видения экономического развития.

Итак, выдающиеся экономисты очень редко и не слишком успешно участвуют в проведении реформ, а при проведении успешных реформ харизматичные политики обходились без экономистов-теоретиков. Поэтому фигура Л. Эрхарда – профессионального экономиста, проводящего успешные реформы на основе новаторской теории ордо-либералов, – кажется редчайшим воплощением желаемого идеала соединения экономической теории с хозяйственной практикой.

Так какое же место занимает Л. Эрхард и немецкий ордо-либерализм на страницах современных учебников по истории экономической мысли? Практически никакое!

В большинстве курсов по истории экономической науки немецкие ордо-либералы в упоминаются лишь мимоходом или даже не упоминаются вообще. Среди лауреатов Нобелевской премии по экономике Людвиг Эрхарда тоже, конечно, нет, хотя ее начали присуждать почти за десятилетие до его смерти.

Налицо парадокс: самый успешный, казалось бы, экономист XX века имеет в официальной историографии экономических учений статус своего рода "человека-невидимки".

Загадка аутсайдерства немецких либералов является, на наш взгляд, частным проявлением некоторых общих закономерностей развития мейнстрима экономической науки.

Преподавание истории экономических теорий основано на неявном предположении, что речь идет об изложении объективно наиболее гениальных и практически значимых концепций. Но если бы это было так, то непонятно, почему с конца XVIII в. до конца XIX в. самые гениальные экономисты появлялись почти исключительно в Англии и в "Германиях" (Смит, Рикардо, Милль, Маркс, три поколения немецкой исторической школы, австрийские маргиналисты), с конца XIX в. до середины XX в. – в Англии и Америке (Маршалл, Веблен, Кейнс), а затем – только в США. Если посмотреть на список Нобелевских лауреатов по экономике, то на фоне Самуэльсона, Фридмана, Беккера, Норта, Шеллинга и других американцев даже англичане Коуз и Грэнджер выглядят исключением.

Предположим, что гениальные экономисты появляются главным образом в развитых странах. Однако где гениальные японские и южнокорейские экономисты конца XX века? И почему уже в начале XX в. вдруг "замолчала" Германия? Есть, правда, три великих австрийца, которые в XX в. оказали очень сильное влияние на "экономикс", – Мизес, Шумпетер и Хайек (к ним можно добавить и венского венгра Поланьи). Однако их справедливо называют американскими экономистами, поскольку "состоялись" (получили известность) они всё же в США. Франция за два последних столетия дала только Вальраса, Курно, Парето (швейцарская Лозанна – культурная периферия Франции) и Алле. Голландия – одного Тинбергена, Италия – одного Сраффу.

Итак, почему же англо-американским экономистам удалось полностью вытеснить немецких (а заодно и прочих "континентальных") экономистов из мейнстрима экономической науки?

История экономических учений как отражение конкуренции в ядре мир-экономики

Суть дела, на наш взгляд, – в отмеченной В. Ойкеном "интердепенденции"², примененной к экономической науке. Как сама экономика зависит от культурной, политической и иных сфер жизни общества, так и экономическая мысль включена в культурный контекст эпохи.

Развитие мировой культуры последних трех столетий, на наш взгляд, следует интерпретировать как противоборство/конкуренцию нескольких национальных культур наиболее развитых стран за право определять "дух эпохи". В терминах И. Валлерстайна, речь идет о конкуренции самых сильных стран ядра за лидерство в капиталистической мир-системе. Сам Валлерстайн и другие последователи парадигмы мир-системного анализа рассматривают эту конкуренцию как противоборство бизнес-сетей и национальных государств. Но столкновение национальных экономических систем проецируется и в сферу культуры, ведет к противоборству национальных культурных систем. В истории экономической науки, согласно нашей гипотезе, это отражается в полемике различных национальных школ экономической мысли. Участники этого противоборства сами редко осознают свою национально-культурную ангажированность, но объективно за разным пониманием ценностей и смыслов хозяйственной жизни часто скрываются именно разные национально-культурные традиции.

В XVII-XVIII столетиях культурным лидером капиталистической мир-системы была Франция, где "острый галльский смысл" изобрел термин "политическая экономия" и где возникла первая экономическая школа (физиократы) как важная часть идеологии Просвещения. С конца XVIII в. до середины XX в. шло противоборство английской культуры с "сумрачным немецким гением": "по очкам" побеждала Англия, но и Германии удавалось делать удачные "ходы". Великобритания создала классическую английскую политэкономия Смита и Рикардо как идеологию "свободной торговли", выгодной прежде всего самой развитой стране мира. Германия дала на этот вызов ответ национальной экономией Листа, которая обосновывала протекционизм как способ "догнать и перегнать" лидера. Побочным плодом конкуренции английской и немецкой национальных экономических школ стало рождение марксизма, соединившего элементы обеих традиций.

Однако в первой половине XX в. немецкая культура совершила что-то вроде самоубийства. После двух мировых войн культура Германии стала восприниматься как источник националистической агрессии, а не родник новых социальных идей. Интеллектуальное лидерство полностью перешло к англо-американской (или даже к чисто американской) культуре, которая до сих пор доминирует. Немецкое обществоведение, конечно, не исчезло, но "привинциализировалось": раньше идеи немецкоязычных экономистов и социологов активно "экспортировались", теперь они стали в основном "товаром для внутреннего использования". В частности, если в конце XIX в. идеи австрийских маржиналистов подхватили и развили Маршалл и Парето, то в середине XX в. идеи немецких ордо-либералов никто за рубежом подхватывать не стал.

Ордо-либерализм оказался последней самостоятельной школой немецкой экономической мысли. Об обрыве развития немецкой традиции в развитии экономической науки сви-

² Используемый В. Ойкеном термин *Interdependenz* (буквально – взаимосвязь) означает взаимозависимость хозяйственного, правового и политического порядков. Это понятие имеет тот же смысл, что и идея «включенной экономики» Карла Поланьи.

детельствует элементарная хронология. В течение столетия от Листа («Национальная система политической экономии», 1841 г.) до Ойкена («Основы национальной экономики», 1940 г.) новые "большие" экономические парадигмы рождались в рамках немецкой культуры (включая в нее культуру не только Германии, но и Австрии) едва ли не каждое десятилетие. За последние полвека в немецкоязычных странах не родилось *ни одной* новой "большой" теории. Даже старые "национальные" теории (ордо-либерализм, неоавстрийская школа) постепенно отступают под натиском "экономикса".

Как страна-лидер заставляет всех других поверить, что самые гениальные экономисты живут и работают именно в Англии (Германии, США...)?

Один механизм, наиболее "грубый", М.А. Сторчевой красочно описал на примере немецкого «Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft»: патриотичные немцы, составляя хрестоматии, искренне видят корни концепции социального рыночного хозяйства только в своей национальной культуре. Вряд ли экономисты других стран сильно отличаются от немцев в этом подсознательном патриотизме.

Другой механизм более тонок: лидирующая страна диктует язык международного общения (в эпоху Просвещения – французский, в позапрошлом веке – английский и немецкий, в XX веке – только английский). Того гения, кто печатает свои труды на каком-то ином языке, услышит «разве жена, и то, если не на базаре, а близко». Так было и с русским А. Чайновым, и с поляком М. Калецким («открывшим» кейнсианство раньше Кейнса), и с французом М. Алле. Чтобы быть услышанным коллегами-учеными, гениальный экономист вынужден, как правило, переселяться в страну-лидер и вливаться в ее научное сообщество (как австриец Й. Шумпетер или русский В. Леонтьев). В результате в числе Нобелевских лауреатов по экономике среди десятков американских экономистов "затесался" лишь единственный немец (Райнхард Зелтен, лауреат 1994 г.).

Не следует думать, будто язык научных исследований сам по себе нейтрален к содержанию текстов. Этнолингвисты доказывают, что в разных языках одинаковые понятия включены в очень разные системы ассоциаций, что диктует и совсем разные пути их осмысления. (Например, в русскоязычной культуре «деньги» скорее «грязные» и «бешенные», чем «честные»; «богатство» – скорее «духовное», чем «материальное».) Поэтому сдвиги в развитии мировой экономической мысли диктуются не только борьбой собственно экономических идей, но и столкновением разных культурных контекстов. Доминирующая с середины XX в. англо-американская культура диктует нам, экономистам, не только язык науки (английский), но системы ассоциаций («невидимая рука» рынка), способы осмысления проблем (эконометрика), и это, увы, приходится пока принимать как данность.

В результате англо-американской культурной гегемонии все экономические концепции начинают оцениваться с одной "колокольни". Характерны в этом отношении самые первые слова статьи М.А. Сторчевого, критикующего немецких ордо-либералов как эпигонов англо-американских неоклассиков: "Когда экономист, *воспитанный на англосаксонской литературе, впервые* слышит о том, что есть некое «социальное рыночное хозяйство»..." (курсив мой. - Ю.Л.). Выбрав за точку отсчета англо-американский "экономикс", действительно легко впасть в критический тон. Получается, что немецкие ордо-либералы "ничего не открыли и не разработали". Их можно похвалить лишь за то, что они все же "сумели распознать и отстоять наиболее эффективный способ организации в эпоху большой интеллектуальной сумятицы". Иначе говоря, они отличные практики, но вовсе не теоретики.

А если точку отсчета поменять?

Ордо-либерализм как предтеча неoinституционализма

М.А. Сторчевого как критика ордо-либералов можно опровергнуть словами самого же М.А. Сторчевого. В ходе электронной конференции он писал: «Центральная идея В. Ой-

кена о различении "порядка" и "процесса" - это рассказанная другими словами история Дугласа Норта о "правилах игры". Если бы немецкая экономическая наука стала бы мейнстримом, то вполне возможно, что новая институциональная экономика называлась бы сейчас ордо-экономикой или экономикой порядков. *Institution* и *Ordnung* - это почти тождественные понятия»³. Но неоинституциональная экономика – это «не совсем» неоклассика!

Действительно, сами современные немецкие экономисты, отыскивая аналогии между ордо-либеральной «теорией порядков» и концепциями англо-американского «экономикса», видят своих интеллектуальных «родственников» в представителях теории общественного выбора, точнее, конституционной экономики (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок и др.)⁴. Немецкие либералы, как и их заокеанские «собратья», выступают проповедниками «сильного» государства, которое должно создавать необходимые институциональные условия для эффективного функционирования рыночной системы, а в вопросах регулирования хозяйственных процессов ограничиваться лишь «корректирующей» функцией вмешательства. Но ведь в США конституционная экономика начала развиваться только с 1960-х гг. Получается, что немецкие ордо-либералы опередили американских экономистов-конституционалистов примерно на 20 лет. Они – пионеры, а не эпигоны!

Если вспомнить нобелевскую речь Дж. Бьюкенена, в которой он рассказывает о формировании своей концепции⁵, то европейские корни американской теории общественного выбора абсолютно несомненны. Правда, это корни не немецкие, а шведские: как вспоминает сам Дж. Бьюкенен, все началось с того, что в библиотеке в его руки случайно попала книга К. Викселя «Новый принцип справедливого налогообложения», написанная еще в 1896 г. Хотя немецкие ордо-либералы предвосхитили американских экономистов-конституционалистов, рассматривать их как "отцов" constitutional economics вряд ли возможно. Судя по работам Бьюкенена и его коллег, труды немецких ордо-либералов и практический опыт построения социального рыночного хозяйства в Германии прошли мимо их внимания.

Ордо-либерализм и Public Choice (шире - американский неоинституционализм) оказались параллельными и почти независимыми друг от друга вариантами развития одной парадигмальной идеи: эффективный рынок – это сложный механизм, который может "сам по себе" (без постоянного вмешательства государства) функционировать, но вряд ли может спонтанно сформироваться. Немецкий ордо-либерализм родился раньше и, став основой практической эффективной политики, доказал свою значимость. Американский Public Choice сформировался позже и остается скорее позитивной научной концепцией, чем нормативной программой действий. Однако из-за того, что рождение немецкого ордо-либерализма совпало с поражением Германии в конкуренции стран ядра, концепции ордо-либералов не вошли в мейнстрим мировой экономической науки, пальма первенства досталась американцам.

М.А. Сторчевой полагает, что "если бы немецкая экономическая наука стала бы мейнстримом, то вполне возможно, что новая институциональная экономика называлась бы сейчас ордо-экономикой или экономикой порядков". Очень интересная идея, в духе контрфактической истории. Однако эта альтернатива развития экономической науки была крайне маловероятна. Во второй половине XX в., после сокрушительного военного и идеологического поражения Германии в мировых войнах, немецкая экономическая наука *принципиально не могла* стать мейнстримом. Когда в конкуренции стран ядра одна из них терпит поражение, то одновременно терпит поражения и национальная культура этой страны, обречен-

³ См.: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/271486.html>.

⁴ Ванберг В. "Теория порядка" и конституционная экономика // Вопросы экономики. 1995. № 12.

⁵ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. (Нобелевская лекция) // Вопросы экономики. 1994. №6.

ная в дальнейшем на периферийное положение в мировой культуре. Отсюда и странный статус немецких ордо-либералов: даже признавая их исключительные заслуги в экономическом реформировании Германии, англо-американская традиция все равно не включает немецких либералов в мейнстрим, обрекая их на "провинциальный" статус.

Взгляд на ордо-либерализм в контексте глобальной истории экономической мысли позволяет высказать некоторые суждения не только о прошлом, но и о будущем этой научной школы.

На наших глазах происходит переструктурирование современной мир-системы: гегемония США слабеет, мир становится более многополярным. В сфере экономической науки это отражается в усилении конкуренции англо-американской и континентально-европейской культурных традиций.

Пока в конкуренции парадигм экономической науки наиболее активно ведут себя французские экономисты. Это заметно и в развитии постсоветского институционализма: он еще не сформировался как самостоятельная национальная школа и в значительной степени отражает зарубежные "веяния". Если публикации 1990-х гг. четко отражали англо-американскую традицию (работы Р.И. Капелюшникова, пропагандирующие концепции Р. Коуза), то в 2000-х гг. усилилось влияние французской школы (работы А.Н. Олейника, основанные во многом на идеях Л. Тевено и других представителей французского "социологизированного" институционализма).

Усиление внимания россиян к немецкому ордо-либерализму создает хорошие предпосылки для его популяризации. Если немецкий либеральный институционализм переживет новый взлет, в России у него найдутся последователи. А, может быть, когда российские экономисты-институционалисты завершат формирование национальной школы, они смогут стать не только учениками, но и восприимчивыми немецких ордо-либералов?

Литература

Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. (Нобелевская лекция) // Вопросы экономики. 1994. № 6.

Ванберг В. "Теория порядка" и конституционная экономика // Вопросы экономики. 1995. № 12.

РАЗДЕЛ III.
СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ
ХОЗЯЙСТВО
КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
ЭКОНОМИКИ ГЕРМАНИИ

Раздел 3.1. Исторические предпосылки формирования социального рыночного хозяйства в Германии

Исаков Л.А. (Московский
Издательско-Полиграфический
Колледж им. И. Федорова)

Не только Эрхард, или Исторические основания социально-рыночного хозяйства ФРГ

Как исторически состоявшийся феномен, социально-рыночная модель Л. Эрхарда 1950-1960-х гг. возникла не на пустом месте, а в исторически наполненном пространстве. Именно оно определило как успех, так и исторически ограниченную временность, уложившуюся в «эру Аденауэра» и закрытую финальным кризисом 1966-1967 гг., породившим уже иные социально-исторические реалии «полу-социалистических» и «социалистических» мистерий 1970-х гг.

Германское послевоенное возрождение, как на Востоке, так и на Западе, происходило под влиянием трех факторов:

- факта военного поражения;
- биполярного противостояния сверхдержав, невралгический пункт которого лег на Германию;
- исторической традиции и менталитета.

Два первых фактора коррелировались особым образом с третьим. Невероятная сила, проявленная немцами в двух Мировых войнах, заставляла учитывать их в глобальном противостоянии как серьезнейший фактор предполагаемой Третьей, искать и возвращать в самом германском обществе те институты, которые обеспечивали постоянную боеготовность самой воинственной нации XX в. Шел целенаправленный поиск форм, через которые «осси» и «весси» обращались в соучастников новых битв. Для этого надо было обращаться к внутренней, не к привнесенной данности.

Что касается Восточной Германии, то вспомним сохранение ландшафтурмовской формы 1813 г. в ННА ГДР; возрождение традиций Шарнгорста и Гнейзенау; официальный культ Гете; обращение идеологов КПГ к традициям германского рабочего класса, как революционным, так и этнически-историческим (исполнительность, ответственность, трудолюбие). Это всё при том, что 3 «де-» на Востоке были выполнены в своей антифашистской и антимилитаристской части неизмеримо последовательней, чем в западных зонах оккупации.

В этом отношении Западная Германия выступала более антитрадиционно, обращаясь и против исторической и имперской атрибутики в форме, этикете, поведении; и даже ригористично – чего стоит почти ритуальное избегание коричневого цвета в одежде, рекламе, изображениях; замена традиционных пилоток беретами в бундесвере – при самом возмутительном попустительстве «старо-коричневым» в администрации, экономике, политике.

Не стоит низводить эти красноречивые детали до временной конъюнктурной мимикрии. Запад тоже помнил германский сапог на улицах Парижа, Брюсселя, Рима; помнил и бегство англо-американских армий под Дюнкерком и в Арденнах. В действиях западных администраций прослеживается умысел - переделать немца в англо-американскую разновидность "европейца", растворив немецкую сверхорганизованность, надличностность, мис-

тичность в похлебке всеобщей банальности; т.е. изменить национальные стереотипы и менталитет; снять историческую непредсказуемость великой нации.

Как развитие этого контекста, реформы Л. Эрхардта - не национальны, а антитрадиционны, поскольку они осуществлялись в стране Ф.Листа и железного государственного протекционизма и регламентации от Штейна до Шпеера.

Рассматривая "немецкое чудо" через историческую призму, можно утверждать, что реформы Л. Эрхардта должны были произвести действие, обратное политике Ф. Листа. Подобно тому, как листовский протекционизм заковал в единое целое «страну диалектов», эрхардовская экономика должна была вернуть его в состояние «сборища индивидуализированных атомов» (если уподобить свободную игру рыночных сил всеобщему избирательному праву в афоризме Г.В. Гегеля). Эрхардовские реформы выглядят эпатазирующе противогосударственными, хотя и идут в рамках академических мечтаний, столь необычных в Германии, но расхожих в англо-саксонском мире, к которому традиционно льнут душой и телом кафедры экономики и права рейнских университетов. Подобно тому, как аденауэровская «Германия земель» должна была отчасти претворить черчиллевские мечты о возврате средневропейского пространства в состояние политического конгломерата, порождающего сильных солдат и бессильную политику – эрхардовский «освобожденный труд» должен был генерировать преуспевающего, но никому не опасного кустаря.

Естественно взглянуть на ту среду, которая подхватила эти фантомы академических изысков и наполнила их реальным содержанием, несхожим с теорией.

Следует отметить, германское общество 1945-1950 гг. - это общество особого типа. Всё дееспособное население Западной Германии, свыше 13,5 млн. человек, - а с учётом полной милитаризации всех сторон жизни страны с 1933 по 1945 год и без исключения, - это общество вчерашних солдат, унтер-офицеров, офицеров. Это люди, пропущенные через гигантскую машину, называемую германо-прусской армией, и вне воли, желаний, пристрастий исполнившиеся её стереотипами; - той машины, которая, по словам наблюдателей, обратила Германию в страну, завоёванную собственной армией – основу пруссачества в самом широком смысле, сильнейшим образом деформировавшего все институты страны, обратившего немца в расхожий материал карикатур. Ведущей фигурой, тем приводным ремнём, через который и опосредованно им правительственная политика обращалась в общественную практику, стал вчерашний «герр обер-лейтенант». Он сменил мундир на гражданский костюм, но остался в рамках традиций и социальных ролей этой специфической среды:

- вождь рядовых;
- товарищ равных;
- субординированный исполнитель вышестоящих;
- носитель той ограниченной демократии, в которой «обер-лейтенант» и «капитан»

ближе к солдату и полю боя, чем «герр-оберст».

Вчерашний ротный командир просто не мог не входить в отношения социального бытия нисходящего мирка, т.е. не быть социально ориентированным. Ведь устав безусловно требует от офицера личного участия в обучении и воспитании подчиненных; создания мажорно-самоуверенной обстановки в подразделениях; учёта и использования как материальной так и психологической стороны самой острой формы политики и конкуренции – боя.

Эрхардовские реформы, в объявленной части адресованные к частному интересу, в социальном плане востребовали волевые организаторские начала, носителем которых был перенесенный в гражданское общество офицерский корпус, вошедший во все коридоры социального организма, необходимо трансформирующегося под напором этого нового слоя. Германию поднимали и поддерживали ради проявленных ей бойцовских качеств – их носителем был выученик «Старого Фрица», прусский офицер, перелицованный в германского, что поднимало и уравнивало его с элитами в цитадели германского либерализма и партику-

ляризма Рейнско-Вестфальского и Баварско-Швабского регионов, куда он явился беглецом разбитой армией... Но и с собственными ориентациями экономической деятельности!

Известная классификация агрокапитализма на прусско-юнкерскую и американско-фермерскую разновидности заставляет обратить внимание к прусской практике как специфическому феномену хозяйственной ориентации и традиции.

Очень интересны с этой точки зрения приводимые в мемуарах В. фон Путлиц-унд-Пильхау материалы о хозяйственной практике его отца в трёх принадлежащих ему на основе «имперского ленного держания» рыцарских поместьях¹.

Сам по себе автор этих мемуаров очень примечательная фигура. Аристократ и вполне благонадёжный монархист, смело воевавший в 1-й мировой войне и без колебаний усмирявший берлинское восстание 1918 г.; член «Клуба господ», самого привилегированного и малодоступного в Германии, бурно сочувствовавший путчу Каппа-Людендорфа; крупный администратор в концернах В. Ратенау и Г. Симменса в «эпоху просперити»; дипломат на службе Веймарской, а потом фашистской Германии до 1939 г.; перебежчик в Англию и сотрудник Би-би-си в 1939-1945 гг.; остро конфликтовавший против политики «рейнских рептилий» националист в 1946-1950 гг., перешедший в ГДР в 1951 г. – он имел перед глазами огромное поле наблюдений социально-исторических явлений и катаклизмов, пережив метаморфозы «чёрного», «белого» и «красного» баронов.

В главах, посвященных детству, и особенно попыткам вхождения в мирную жизнь после 1918 г. традиционным для прусского аристократа образом, помещиком и домохозяином, он многократно рисует фигуру отца, создавая вне своих устремлений и устоявшихся оценок прожитой долгой жизни крайне любопытный, типический, неоднозначный и очень живой образ коренного прусского юнкера: милитариста, националиста, отчасти самодура, но всегда «отца-командира» в семье, округе, для детей, батраков, ближайших селений. Фон-Пильхау-старший в какой-то мере не вполне хозяин. Сохраняя черты неискоренимого "боевого коня", он в то же время вполне и естественно врос в окружающую среду, командуя сельхозработами как маневрами, распределяя батраков, как разворачивают эскадрон. Он знает из рода в род всю окружающую мелкоту, и не только деревенскую, но и в ближайшем городке; кумится и тиранствует над ней; но зорко, очень зорко присматривается и печется о своем стаде, как истовый гран-сеньор о своих сервах.

То, что кажется нестерпимой фальшью на картине А. Метцеля «Господин Аугуст Борзиг [«паровозный король Германии»] на празднике урожая в своём имении Грос-Бениц»², вполне естественно для фон Путлица-унд-Пильхау. К нему без зазрения обращается вся округа: как само собой разумеющееся, его извещает о своём решении жениться батрак; в коричневую вьюгу 1934 г. умоляет о спасении еврей-сапожник - знаменательно, и для Путлица-старшего и для его просителей

Эпизод с женихом-батраком особенно колоритен.

Узнав имя избранницы, старик решительно воспротивился.

- Это же кривляка и лентяйка! Нет, нет! Женись на Марте, она работящая и хозяйственная – тебе будет хорошо. Жить станете в доме покойного Симона – я велю отремонтировать. Мебель на первое время выдаст Курт

Заявитель, по мемуарам В. Путлица, - молчаливый, сильный батрак, прошедший фронт, так и поступил... И для него, опаленного Соммой и Верденом, слово барона имело большой вес, отнюдь не сводимый только к хлебу и крову – в крайности можно было по-даться в город...

¹ Путлиц В. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. М., Изд-во Иностранной литературы, 1957.

² Оггер Г. Магнаты. М.: Прогресс, 1985. С. 224.

Интересно, что когда Путлиц-младший, посетив образцовые агропроизводства Вест-фалии, рассказал отцу о методах американской интенсификации производства, низводящих работника до уровня бездушной и безгласной машины, то старый барон был вполне солидарен с возмущением «голубеющего» сына и решительно отмёл доводы о тройном приросте рентабельности:

- Нет, нет! Это нам не подходит – я не хочу ходить по деревне с пистолетом.

Важно и существенно, что для сына Путлиц–старший – не белая ворона, а типический ост-эльбский юнкер, вполне свой в среде собратий. Изображая и критикуя отца, В. Путлиц нападает на него, как на типическое явление, – но сам признаётся в невольном уважении к старому служаке, демонстративно останавливаемому и беседующим с евреем-сапожником в разгар «Хрустальных Ночей». "После разгрома лавочки местный фюрер отослал барону банкноту в 100 марок, как его собственность, «...так как кроме г-на барона никто не расплачивается такими купюрами; впрочем, других у врага рейха найдено не было...»³.

В 1945-1948 гг. таких старых пруссаков офицеры советской оккупационной администрации встречали нередко. В 1948-1950 гг. они преимущественно перекочевали на Запад (как и их сыновья – офицеры разбитых армий), становясь ферментами новой социальности.

В отличие от «испорченного либерального весси» консервативный юнкер-осси всегда был включен в социальное управление, всегда осознавал его своей привилегией и обязанностью. И в 1945-1950 гг., обломками разрушенного механизма фильтруясь в оформляющуюся общественную тотальность, он задавал её типологические качества, заметно отличные от нигилистских отмашек «рейнских ребят».

Теперь, когда военное поражение снесло все, сильнейшим образом дискредитировав монополистические верхи, оказались востребованными иные ресурсы, уже социальные. Вчерашний офицер, своим юнкерским происхождением обязанный к лидерству, а по военному прошлому имевший опыт взаимодействия с самой различной средой, оказался в наибольшей степени востребован. «Армия – школа германского народа» с его переходом переместилась в коридоры управления всех социальных структур.

Феномен «дома с хозяином», в частности восточно-прусского юнкерского имения, породил двуликость феномена германского радикализма, одновременного и социалистического и фашистского. Обыватели этого мирка просто не могли себе представить стороннего, бесчувственно-равнодушного к детям своим государства. С этим связана любопытная особенность германской земельной политической истории: те же самые территории, которые сегодня оплот «красных», завтра превращаются в крепости «коричневых», и наоборот. Так, «реакционная-отсталая» Пруссия дает самую мощную земельную организацию социал-демократов, а «красная» Бавария Э. Толлера, не переводя дыхания, обращается в «черный бастион» Гитлера-Людендорфа. Частное представление может потерпеть поражение, но общее сознание обязанности государства присматривать за благополучием подданных сохраняется, реализуясь уже другим способом. Любая политическая сила, пытающаяся покушаться на эту аксиому бытия, будет сметена с той скоростью, с какой она попытается обратиться критику в практику.

Рыночный старт Л. Эрхарда был столь впечатляющ, поскольку он дал возможность реализоваться исторически предопределенному; вместо размножения индивидов открыл эпоху сложения организма из льнущих друг к другу частей: «старых камарадов», «господ и вассалов», «хозяев и квартиросъемщиков», принявших за привычную работу налаживания взаимодействия нарастающих частей на изменившемся поле боя - политика, социопрактика, экономика.

³ Путлиц В. Ук. соч. С. 116.

Новогерманский патернализм оформлялся в 1950-1960 гг. преимущественно на мелких предприятиях (например, в стекольной промышленности), оказавшихся в руках бросивших родовые гнезда на Востоке аристократов, соединивших опыт социального лидерства с навыками ремесленнической гордости результатами труда.

Кризис 1966-1967 гг. был закономерен и структурен ровно настолько, насколько младенец перерос пеленки эрхардовского родовспоможения и потребовал восходящего управления уже в рамках всеобщих задач – долговременной национальной экономической политики; координирования развития производительной и непроизводительной сфер; выхода на рискованное лидерство в мировой торговле и разделении труда.

Литература

Оггер Г. Магнаты. М.: Прогресс, 1985.

Путлиц В. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. М., Изд-во Иностранной литературы, 1957.

Болдырев Р.Ю. (Поморский государственный университет, г. Архангельск)

„Stunde Null“ или „Neubeginn“?

Ситуация в до-эрхардовской Германии 1945-1948 гг.

Понятия „Stunde Null (час ноль)“ и „Neubeginn (новое начало)“ часто используются в современной немецкой историографии для обозначения периода с 1945 по 1949 гг.

8 мая 1945 г. в пригороде Берлина Карлсхорсте была подписана капитуляция Германии. Историки ФРГ 50-80-х гг. расценивали эти события как катастрофу если не вселенского, то общегерманского масштаба. „Der Untergang (гибель)“, „die Götterdämmerung (конец света)“ – эти и другие сходные термины использовали и используют до сих пор немецкие историки и публицисты для описания крушения Третьего рейха и ландшафта разрушенной и побежденной Германии в 1945 г. Однако при таком апокалиптическом подходе совершенно невозможным представляется столь скорое восстановление немецкой экономики и государственности в 1949 г.

Лишь в 1985 г. устами своего президента Р. Фон Вайцеккера ФРГ признала 8 мая не днем национального унижения и поражения, а днем освобождения от нацизма. Поэтому современные историки предпочитают говорить о периоде „Neubeginn und Wiederaufbau (нового начала и восстановления)“. Еще более емким является понятие „Stunde Null (час ноль)“: ноль – это, с одной стороны полное уничтожение, отсутствие всего, а с другой, начало нового отсчета германской истории.

Проблемы послевоенной Германии

Итак, с каким же итогом вышла Германия из развязанной ею Второй мировой войны?

Политическая ситуация. Согласно Ялтинским и Потсдамским соглашениям территория Германии до подписания мирного договора с ней оккупировалась войсками четырех держав-победительниц – СССР, США, Великобритании и Франции, каждая из которых получила свою оккупационную зону. Функционирование немецких органов власти прекращалось, управление страной приняли на себя союзники, учредившие 5 июня 1945 г. Союзный контрольный совет (СКС) как высший орган управления Германией. При принятии реше-

ний в Контрольном совете действовал принцип единогласия, это означало, что каждая представленная в нем страна, по сути, получила право «вето» на любые его решения. Кроме него, в каждой из четырех оккупационных зон действовала собственная военная администрация во главе с военным губернатором¹. Немецкие органы власти существовали лишь на уровне местного самоуправления и были полностью подконтрольны военным администрациям союзников, представленным на местах военными комендантами.

Проект создания центральных немецких органов власти, внесенный в Союзный контрольный совет СССР и США, был провален французами. Это был первый серьезный шаг на пути к расколу страны. С этого момента каждая зона оккупации стала жить по собственным законам, поскольку военные администрации союзников были практически независимы от СКС, так как считалось, что каждая из держав-победительниц будет проводить в своей зоне оккупации собственную политику. Переход и переезд людей, товаров и услуг из одной зоны в другую был строго ограничен. Для каждого пересечения межзональной границы следовало получить специальный пропуск.

Демографическая ситуация. Прямые потери Германии в войне составили 5,25 млн. человек. Еще 1,7 млн. человек остались инвалидами. Более 8 млн. немецких солдат находились в плену и были исключены на более или менее длительный срок из политической и экономической жизни страны. Плененные англичанами и американцами вернулись домой в основной своей массе уже несколько месяцев спустя, однако около 3 млн. солдат и офицеров вермахта оказались в советском плену, их возвращение растянулось до 1956 г. (назад вернулось около 1,9 млн. чел).

Это породило целый комплекс проблем. Во-первых, создавало проблему обеспеченности трудовыми ресурсами. Ведь в армии, а затем в плену оказались наиболее здоровые мужчины в возрасте от 16 до 60 лет – основная рабочая сила. В ходе «тотальной мобилизации» 1943-1944 гг. они активно заменялись на производстве военнопленными, угнанными в Германию иностранными рабочими. Теперь после окончания боевых действий они получили возможность вернуться домой, и на плечи немецких женщин, до войны в большинстве своем домохозяйек, пала вся тяжесть восстановления страны. Во-вторых, на лицо была серьезная проблема спада рождаемости. По данным статистики, после войны в среднем на 100 мужчин приходилось 125 женщин, а в «брачном возрасте» (от 20 до 30 лет) на 100 мужчин – 600 женщин². В условиях послевоенного кризиса и, зачастую, отсутствия кормильца в семье, многие женщины не рисковали заводить детей. Это в свою очередь породит проблему обеспеченности страны трудовыми ресурсами в будущем, через 20-25 лет.

В то же время, в Германии находилось большое количество иностранцев: более 5,5 млн. «перемещенных лиц»³, а также около 2 млн. солдат и офицеров оккупационных войск. Их содержание теперь тяжелым бременем ложилось на немецкое население. Статья «оккупационные расходы» на долгие годы стала основной в бюджете Германии, например, в советской оккупационной зоне она составляла от 4 до 6 млрд. марок. Независимо от финансовой ситуации в стране она всегда исполнялась на 100%, а то и на 140%⁴.

Очень серьезной была проблема беженцев и репатриантов. Еще в 1939 году по договоренности с Советским Союзом в Германию было переселено около 800 тыс. немцев из Прибалтики. Новый поток беженцев был связан с наступлением Красной Армии в Восточ-

¹ В советской оккупационной зоне это была Советская военная администрация в Германии (СВАГ) во главе с Главной начальствующим маршалом Г.К. Жуковым (с 1946 г. – маршалом В.Д. Соколовским, с 1949 г. – В.И. Чуйковым).

² Kleßmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945-1955. Bonn, 1991. S. 42.

³ Этим термином (англ. displaced persons) обозначали всех иностранцев – военнопленных, узников концлагерей, иностранных рабочих – оказавшихся на территории Германии в ходе Второй мировой войны.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7317. Оп. 28. Д. 1. Л. 39-43.

ной Европе, на конец 1944 года на территории Рейха насчитывалось уже 9 млн. беженцев. Значительная часть из них после окончания войны вернулась домой, но и весной 1947 года в Германии их оставалось еще 3 млн. (4,7% населения). Третья волна мигрантов была связана с репатриацией 1945 г. По решениям Потсдамской конференции немцы подлежали принудительному переселению из всех стран Восточной Европы и с немецких территорий, передаваемых СССР, Польше и Чехословакии (Восточная Пруссия, Силезия, Померания и Судеты). Всего к весне 1947 года в Германию было репатрировано около 10 млн. чел., в т.ч. 4 млн. – в советскую, 3 млн. – в английскую, 3 млн. – в американскую и 50 тыс. во французскую оккупационную зону. Польскими, венгерскими и чехословацкими властями немцам разрешалось взять с собой лишь 25 кг вещей на человека, нажитое годами имущество – дома, крестьянские хозяйства, лавки, мебель – приходилось оставлять новым хозяевам безо всякой компенсации. В отдельных районах (например, в Судетской области Чехословакии), репатрианты не имели права забрать с собой ничего, кроме одежды. Репатрианты подвергались нападениям со стороны славянского населения, бандитов и военнослужащих, порой пограничники раздевали их догола и в таком виде препровождали их через границу. Всем репатриантам по прибытии на родину требовались одежда, жилье и работа, а их не хватало и местному населению. Неудивительно поэтому, что отношения между ними обострились, это подкреплялось и культурными различиями.

В фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) сохранились выдержки из перехваченных советской цензурой писем репатриантов, свидетельствующие об их материальных и психологических трудностях⁵. Среди репатриантов очень сильны были реваншистские настроения. Они считали себя невиновными в преступлениях гитлеровского режима, а потому – несправедливо пострадавшими, принудительную высылку в Германию – незаконной, послевоенные границы, отделившие от них родину, – подлежащими пересмотру. Отношения между переселенцами и местным населением обострились, что подкреплялось и культурными различиями.

Но и на этом «великое переселение народов» не закончилось. В конце 1945 г. началась четвертая волна миграции, на этот раз межзональная. Из-за социально-экономических и политических мероприятий советских властей, а также послевоенной разрухи Восточную Германию покинуло 900 тыс. жителей и этот процесс продолжался.

Всего к 1950 г. в Германию прибыло более 16 млн. беженцев и переселенцев, за время войны население Германии увеличилось с 60 до 66 млн. человек, т.е. на 9,3%. И это за минусом военных потерь! Отдельные районы Восточной Германии испытали проблему перенаселения. К апрелю 1946 г. население земли Мекленбург увеличилось почти на 100%, на 30-50% возросла численность населения провинции Саксония (ныне – Саксония-Ангальт)⁶. В то же время из-за военных действий и связанных с ними разрушений заметно обезлюдели пригороды Берлина и земли вдоль течения Одера.

Инфраструктура. Тяжелое положение беженцев и переселенцев обострилось еще и критической ситуацией, сложившейся в жилищной сфере.

Разрушениям подверглись все промышленные центры страны: 29 крупных налетов пережил Берлин, 21 – Брауншвейг, 19 – Людвигсхафен и Мангейм, по 18 – Киль, Кёльн и Франкфурт на Майне, по 16 – Гамбург и Мюнстер. Только английская авиация сбросила на Германию более 650 тыс. бомб, из них 20% – зажигательных⁷. Ситуация с жилым фондом была просто катастрофической – из 15,8 млн. довоенных квартир 25% было уничтожено или не подлежало восстановлению, еще 50% требовали срочного ремонта. В Восточной

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 356.

⁶ Statistische Praxis. 1949. №3. Karteiblatt.

⁷ Trees W. u.a.: Drei Jahre nach Null. Düsseldorf, 1978. S. 51.

Германии 627 тыс. семей жили во вспомогательном жилом фонде (бараках, подвалах, бункерах, вагончиках), 762 тыс. семей жили во временном фонде (лагеря, приюты, гостиницы). Завалы на улицах мешали нормальной городской жизни, ввиду отсутствия мужчин, для их разборки привлекли женщин-домохозяйек. Легендарные “руинные женщины (Trümmerfrauen)” добыли из развалин миллионы целых кирпичей, очистили их от извести и цемента, сделав пригодными для нового строительства.

Войной была парализована транспортная сеть страны. Было уничтожено 1347 км железных дорог, 425 мостов, 504 путепровода, 3 туннеля, разрушено 47 водопропускных труб, 77 паровозных депо, станционные пути, вокзалы. В плачевном состоянии находился подвижной состав (повреждено 64% паровозов, 46,3% товарных и 56,7% пассажирских вагонов). Это тяжелейшим образом сказалось на всей экономике страны – до войны железные дороги перевозили 2/3 всех товаров. На водном транспорте было разрушено 128 плотин, 194 шлюза и 906 км дамб. Из-за рухнувших мостов и затопленных судов было полностью блокировано водное сообщение. Порты полностью разрушены, акватории и прибрежные воды – заминированы, что сделало невозможным рыболовство и каботажное плавание. Автомобильное сообщение из-за обрушения 1108 мостов было прервано на протяжении 1660 км⁸.

Большинство уцелевших судов, значительная часть локомотивов, вагонов и автомобилей была разделена между победителями в качестве трофеев и репараций. На обслуживание репарационных перевозок был отвлечен значительный подвижной состав – 900 паровозов, 12000 вагонов и 28000 платформ, которые обслуживало 1800 бригад. Из Германии в СССР были вывезены наиболее ценные и исправные корабли, 1291 локомотив и 40852 вагона, 8,1 тыс. км рельсов и 5 млн. шпал, 11,6 тыс. комплектов стрелочных переводов, что привело к резкому снижению объемов перевозок⁹.

Угрожающей была ситуация с обеспечением топливом. Германия не имела общегородских систем центрального отопления, каждая семья должна была самостоятельно заботиться об угле для обогрева. При этом два из трех крупных германских угольных бассейнов – Силезский и Саарский – оказались в составе Польши и Франции, а над последним – Рурским – был установлен полный контроль союзников. Линии раздела Германии на зоны оккупации прошли так, что большая часть топливно-энергетического комплекса оказалась в английской зоне оккупации. Чрезвычайно холодной зимой 1946-1947 гг., когда температура опускалась до -20°C (для расположенной в Центральной Европе Германии это стихийное бедствие), разразился топливный кризис. Его причиной стала неразумная политика союзников, вывозивших весь добывавшийся в стране уголь по заниженным ценам или бесплатно, в счет репараций, в Бельгию и Францию. Из-за отсутствия топлива остановился транспорт, достать дрова или уголь для обогрева домов немцам было фактически невозможно.

Экономика. В кризисе была и вся экономика Германии. Многие заводы были разрушены в ходе военных действий или уничтожены отступающими немецкими войсками, выполнявшими приказ А. Гитлера об оставлении после себя лишь «выжженной земли». В 1946 г. промышленное производство составляло 1/3 довоенного, в сельском хозяйстве возделывалось лишь 25 % от довоенных посевных площадей. Но и этим уцелевшим потенциалом воспользоваться было нельзя. По решению Потсдамской конференции на Германию были возложены репарации в размере 20 млрд. долл., значительная часть производственных мощностей была демонтирована в счет репараций. Уровень промышленного производства был искусственно ограничен союзниками, причем без учета реальных потребностей экономики страны. В результате всего этого безработица достигла 21%.

⁸ ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 38. Д. 1. Л. 18-40.

⁹ Там же. Л. 24-30.

Довоенная Германия зависела от внешней торговли: импортировалась большая часть промышленного сырья и продовольствия, экспортировалось свыше 50% произведенной продукции. Огромный доход страна получала от транзитной перевозки грузов через свою территорию. Остановка транспорта, разрыв дипломатических и торговых связей со всеми странами мира нанесли ощутимый удар по экономике страны и по доходам бюджета. Руководство внешней торговлей являлось компетенцией союзников, которые ориентировали немецкую внешнюю торговлю на свои страны, нанося тем самым ущерб интересам Германии, главным партнером которой всегда были страны Центральной и Восточной Европы. Кроме того, большая часть экспортируемых товаров была отнесена к категории репараций или оккупационных расходов, а потому – не оплачивалась английскими, французскими и советскими получателями.

Финансовая система гитлеровской Германии потерпела крах. Для покрытия все возрасставших военных расходов правительство Третьего рейха выпускало облигации, банки и страховые общества до 90% своих капиталов вкладывали в эти и другие ценные бумаги. С падением гитлеровского режима они потеряли какую-либо стоимость. За годы войны общий дефицит бюджета составил 240,3 млрд. марок, государственный долг вырос до 368,4 млрд. марок, инфляция достигла 500%¹⁰. В последний год войны государственный бюджет Германии вообще не составлялся. Оккупационные власти продолжили неконтролируемую эмиссию, что еще больше снизило покупательную способность марки. Следствием отсутствия товаров и инфляции стали натурализация хозяйства и бартер.

Снабжение населения. В стране официально существовал «серый рынок» – бартер между отдельными предприятиями, натуральная оплата части заработка, транспорта, сферы услуг. В городах открывались «компенсационные магазины» и «обменные пункты», в которых можно было поменять товары на продовольствие. Большинство рабочих работало только 3 дня в неделю, остальное время они обменивали свою зарплату, частично выдававшуюся товарами, на продовольствие и потребительские товары. В связи с прекращением нормального товарообмена между городом и деревней главную роль в снабжении населения стали играть «мешочники» - аналог современных российских челноков. Из крупных промышленных центров в аграрные районы и обратно курсировали специальные «мешочнические поезда», имевшие собственные красноречивые названия. «Картофельный» поезд вез на крестьянские поля Нижней Саксонии, «никотиновый» - на табачные плантации Пфальца, «рыбный» - в Берлин и далее к портам Балтийского моря, «калорийный» - в хлебные житницы Баварии, «витаминный» - в сады Бадена и «шелковый» - в текстильные центры Саксонию. Сама поездка не отличалась комфортом: поездов было мало, поэтому многие пассажиры ехали на крышах, в тамбурах и переходах между вагонами. Для того чтобы попасть в пункт назначения, необходимо было запастись терпением. Например, чтобы купить билет и съездить из Франкфурта на Майне в Майнц (расстояние в 43 км) мешочнику и его помощнику в 1948 г. требовалось 10 часов, до войны на это уходил всего 1 час 25 минут. Но игра стоила свеч: прибыль от спекуляции покрывала все расходы¹¹.

До войны Германия отличалась очень высоким среднедушевым потреблением продовольствия (в 1938 г. немец съедал в день 461 г хлеба, 13 г крупы, 503 г картофеля, 133 г мяса, 66 г жиров и 81 г сахара). За годы войны резко возрос дефицит. Карточки в Германии были введены еще в 1939 г., новые оккупационные власти подтвердили прежние нормы снабжения, абсолютно несоответствующие потребностям населения. Так в 1945 г. на одного немца приходилось 200 г. мяса в месяц, 1 пеленки на 5 лет, 1 тарелка на 5 лет, 1 пара ботинок на 12 лет, 1 костюм на 50 лет. Неудивительно поэтому, что все население, несмотря на запреты, занималось спекуляцией, в которой принимали участие и военнослужащие оккупационных войск.

¹⁰ Там же. Оп. 28. Д. 1. Л. 1.

¹¹ Neubeginn und Wiederaufbau 1945-1949. Bonn, 1989. S. 9.

Полки магазинов были пусты, а на «черном рынке» купить можно было все: от армейского джипа до ручных часов. Ввиду полного обесценивания денег самой распространенной валютой была пачка сигарет “Camel”. Не стоит и говорить, что цены здесь были в десятки, а то и в сотни раз выше, чем в магазине.

Таблица 1.

Сравнение цен на официальном и «черном» рынке (в рейхсмарках)

Товар	Официальная цена	Цена на «черном рынке»
Мясо (1 кг)	2,20	60-80
Хлеб (1 кг)	0,37	20-30
Картофель (1 кг)	0,12	12
Сахар (1 кг)	1,07	120-180
Растительное масло (1 л)	2,50	230-250
Сливочное масло (1 кг)	4,00	350-550
Вино (1 бутылка)	2,00	30-40
Американские сигареты (20 шт.)	2,80	70-100
Ботинки	-	500-800
Платье	-	250-1200
Велосипед	-	1500
Шуба	-	6000
Автомобиль «Опель Р-4»	-	10000

Источник: Neubeginn und Wiederaufbau 1945-1949. Bonn, 1989. S. 8.

Применив смекалку и потратив определенное количество времени, можно было обогатиться. В 1947 г. в берлинской газете «Телеграф» был описан случай, когда человек взял в долг 1 фунт сливочного масла. Полфунта он отдал жене, а остаток обменял в табачной лавке на 50 сигарет. 10 штук оставил себе, а оставшиеся обменял в пивной на 1 бутылку вина и 1 бутылку шнапса. Отправившись в деревню, он обменял бутылку шнапса на 2 фунта масла. На следующее утро он вернул свой долг. Прибыль составила 1,5 фунта масла, 1 бутылку вина и 10 сигарет¹².

Кризис сельского хозяйства был обусловлен не только сокращением посевных площадей, но еще и отсутствием удобрений (10% от нормы), без которых песчаные немецкие почвы не могли дать хороший урожай. Не хватало также техники, инвентаря, топлива, тяглового скота и рабочих рук. В советской и французской зоне победители не только изымали часть производимых сельскохозяйственных продуктов, еще угнали к себе на родину крупный и, частично, мелкий скот. В результате отсутствия продуктов холодной зимой 1946-1947 гг. голодная смерть угрожала 20 млн. человек.

Если в 1936 г. средняя норма продовольственного снабжения составляла 3113 калорий на человека в день, то к началу 1945 г. она сократилась до 2010 калорий. Теперь нормы продовольственного снабжения были значительно ниже физиологического минимума (2200 калорий) и продолжали сокращаться. К середине 1946 г. они составляли 1330 калорий – в американской, 1083 калорий – в советской, 1050 калорий – в английской и только 900 калорий – во французской зоне оккупации¹³. Если перевести это в продукты, то получится 2 куска хлеба, смазанных маргарином, 1 ложка молочного супа и 2 небольшие картофелины. Позднее норма была по-

¹² Telegraf, 24. Juni 1947.

¹³ Deutschland 1945-1949: Besatzungszeit und Staatengründung // Informationen zur politischen Bildung. 1998. №256. S. 13.

вышена до 1550 калорий: 400 г картофеля, 350 г хлеба, 7 г жира, 35 г мяса, 43 г яичного белка, 18 г сахара, 4 г сыра.

Хуже всего осуществлялось снабжение населения промтоварами. Легкая промышленность работала плохо. В 1947 г. в расчете на 1 жителя было произведено 1,1 м ткани, 329 г моющих средств, 130 г табачных изделий, 12,2 коробков спичек, 2 пары «эрзац-обуви» (деревянная или резиновая подошва с тряпичным верхом) приходилось на 5 человек, 1 пара кожаной обуви на 24 человека, 1 трикотажное изделие на 5 человек, 2 пары чулок или носков на 3 человека. Кроме того, необходимо было обеспечить всем необходимым огромное количество беженцев, переселенцев и бывших военнопленных¹⁴. Поэтому выдача товаров проводилась по ордерам и только в исключительных случаях. Неудивительно поэтому, что все население, несмотря на запреты, занималось спекуляцией, в которой принимали участие и военнослужащие оккупационных войск.

В результате войны разорились мелкие и средние слои, являющиеся социальной базой для демократического режима. Они были дезориентированы, растеряны, не уверены в будущем. Будущий канцлер ФРГ Гельмут Шмидт вспоминал: «Все (почти все!) голодали, почти все были на нуле». Чтобы сводить концы с концами семьям приходилось распродавать накопленное в предшествующие годы имущество, т.к. их нынешнего заработка было недостаточно для того, чтобы прокормить себя и своих детей. Среднестатистическая немецкая семья из пяти человек в 1947 г. зарабатывала в два раза меньше, чем тратила.

Таблица 2.

Бюджет немецкой семьи в из 5-ти человек в сентябре 1947 г. (в рейхсмарках)

Расходы		Доходы	
Коммунальные платежи	48,36	Заработная плата мужа	231,20
Продукты по карточкам	87,90	Пособия на детей	62,00
Продукты на «черном рынке» (мука, хлеб, моющие средства, топливо)	375,50		
Другие расходы	78,50		
Итого	590,26	Итого	293,20
Баланс: -297,06*			

* Откуда же взялись у семьи дополнительные средства, чтобы покрыть этот дефицит? Летом 1947 г. пришлось продать дюжину серебряных приборов за 1500 марок. Жена три раза в месяц забирала овощи и картофель у своих родителей в английской зоне (стоимость проезда 16 марок, плата за продовольствие – 25-30 марок), часть из которых перепродавала знакомым по спекулятивным ценам. Источник: Deutschland 1945-1949: Besatzungszeit und Staatengründung // Informationen zur politischen Bildung. 1998. № 256. S. 17.

Социальные проблемы. Семья была идеалом и главной надеждой послевоенной поры. Согласно данным статистики, не все в семейных отношениях обстояло благополучно. Было отмечено две тенденции: с одной стороны, количество семей увеличилось за счет прибывших репатриантов и беженцев; с другой стороны, в результате войны и бомбежек возросло и число холостяков.

Даже уцелевшие семьи были вынуждены бороться с множеством трудностей – нехваткой жилья, отсутствием продовольствия, плохими санитарными условиями, потерей кормильца (смерть на фронте или плен). Так, по данным исследования, проведенного в Бремене и Берлине после войны, только половина опрошенных немцев имела собственную постель, в 30% семей не было отца, лишь 18% глав семей имели постоянную или времен-

¹⁴ Оп. 44. Д. 1. Л. 209.

ную работу. Еще хуже обстояли дела у беженцев и репатриантов: данные по Нижней Саксонии свидетельствуют о том, что только 43% семей этой категории прибыли вместе с отцами, в то время как в местных семьях оба родителя были в 73% семей. Появилась и новая проблема, с которой Германия раньше не сталкивалась, – за годы войны в стране появилось большое количество беспризорных детей.

Но и там, где уцелела все родственники, положение было далеким от идиллии. Взрослым приходилось работать более 12 часов ежедневно, чтобы прокормить всех членов семьи. Из-за обрушившихся на их плечи проблем родители не могли дать своим детям и друг другу необходимые заботу, любовь и безопасность, в результате во многих семьях возросла внутренняя отчужденность. Количество разводов увеличилось в два раза. Многие взрослые перед лицом экономического кризиса, развала страны и падения всех привычных идеалов и ценностей утратили жизненные ориентиры, прежде непререкаемый авторитет родителей в глазах детей заметно упал. Большинство людей устало от войны, было растеряно и психологически неуравновешенно. В информационной сводке СВАГ о положении в Германии от 17 мая 1945 г. отмечается: «В одном из кинотеатров демонстрировался фильм «Чапаев». После того, как был показан расстрел психической атаки, несколько немцев встали и покинули зал. Когда в одной из кинокартин было показано, как немецкие солдаты убивали русских детей, половина зрителей покинула кинотеатр»¹⁵.

Серьезную озабоченность вызывало состояние здравоохранения. В послевоенной Германии резко возросла смертность: в декабре 1945 г. она в 3,5 раза превышала показатели 1938 г., к июню 1946 г. ее удалось существенно снизить, но и теперь количество умерших в 1,6 раза превышало довоенный уровень. Главной причиной столь высокой смертности являлся высокий уровень инфекционных заболеваний (брюшной и сыпной тиф, дифтерия, туберкулез, дизентерия, малярия). Не меньше хлопот доставлял рост количества венерических заболеваний¹⁶.

Резко обострилась и криминогенная обстановка. Особую тревогу у оккупационных властей вызывала молодежная и детская преступность. Нацистская молодежная организация «Гитлерюгенд», занимавшаяся, в том числе, и проблемами детского досуга, прекратила свое существование, многие школы лежали в руинах, неусыпный родительский контроль ослаб, церковь утратила влияние на юных немцев. Отныне молодежь Германии была предоставлена сама себе. Столкнувшись с финансовыми трудностями и потерей кормильца, многие женщины и дети были вынуждены самостоятельно добывать средства к существованию. Существенно возросли женская и детская преступность (только в Берлине – на 850%) и проституция.

Не менее удручающе выглядела статистика по тяжким и особо тяжким преступлениям. Послевоенная Германия была буквально наводнена оружием. Вооруженные банды из бывших солдат вермахта промышляли разбоем и грабежами. Не отличались дисциплинированностью и военнотружущие оккупационных армий. Если западных союзников обвиняли в финансовых злоупотреблениях и нелегальной торговле на «черном рынке», то советские солдаты ассоциировались у населения с пьяными дебошами, грабежами, убийствами и изнасилованиями немецких граждан по мотиву мести за пострадавших родственников и друзей. Если с немецкими преступниками боролись и местная уголовная полиция, и военная полиция союзников, то найти управу на распоясавшихся представителей оккупационных властей было очень трудно – немногие предстали перед трибуналом, только единицы получили заслуженное наказание¹⁷.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 40.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 2. Д. 4. Л. 42-45.

¹⁷ Там же. Ф. 9409. Оп. 1. Д. 25. Л. 16; Ф. 7317. Оп. 2. Д. 3. Л. 69-71, 185-186.

Эти и другие проблемы послевоенного периода пришлось решать новым оккупационным властям Германии.

Оккупационная политика западных держав в Германии

На Потсдамской конференции были утверждены основные принципы оккупационной политики в Германии, т.н. четыре «Д»: демилитаризация, денацификация, демократизация и декартелизация. Они нашли свое воплощение в законах и постановлениях, принятых Союзным контрольным советом. Следует отметить, что при всей общности проблем, стоявших перед Германией, в оккупационной политике западных союзников имелись достаточно существенные отличия.

Англичане до ноября 1945 г. вообще избегали построения и реализации каких-либо глобальных планов по преобразованию Германии. Деятельность их военной администрации сводилась лишь к решению насущных экономических и социальных проблем. Находившееся у власти в Великобритании лейбористское правительство с симпатией относилось к идеям социализации крупной промышленности Германии, с которыми выступали немецкие социал-демократы, но, столкнувшись с глубочайшим экономическим кризисом в своей зоне, они предпочли не проводить рискованных экспериментов. В дальнейшем англичане старались координировать хозяйственные мероприятия в своей зоне с американцами.

Французы управляли своей оккупационной зоной полностью самостоятельно. Поскольку французская делегация во главе с Ш. де Голлем не получила приглашения на Потсдамскую конференцию для выработки совместных планов послевоенного устройства Германии, то французы не считали себя связанными ее решениями. При разработке экономического курса в отношении своей оккупационной зоны во французских «верхах» столкнулись интересы двух группировок: «генералы» во главе с де Голлем считали своей главной задачей максимальное ослабление экономики и даже политическое расчленение Германии, чтобы сделать невозможным новый немецкий «реванш»; «промышленники» же призывали поставить под свой контроль всю экономику зоны, тесно привязав ее к Франции, отсюда берет свое начало идея франко-германского союза, получившая свое завершение в Елисейском договоре 1963 г.

Наиболее обстоятельно подошли к планированию оккупационной политики американцы. Министр финансов США Г. Моргентау еще в 1944 г. предложил план полной дезиндустриализации и реаграризации Германии. «Германская дорога к миру ведет на ферму» – такой была квинтэссенция этого плана. Составными частями плана Моргентау были передача Саара и левобережья Рейна Франции, восточных областей – Польше, интернационализация Рура и Кильского канала и общий раздел Германии на северогерманское и южногерманское государство. 10 мая 1945 г. президент Г. Трумэн подписал директиву JCS 1067 разрешала применять вооруженные силы для выполнения решений по уничтожению военного потенциала Германии. При взимании репараций планировалось сохранить в Германии жизненный уровень, не превышающий уровень соседних государств Объединенных наций. Однако и здесь экономические реалии послевоенной Германии заставили изменить заранее подготовленные планы.

Демилитаризация. В связи с безоговорочной капитуляцией Германии прекратили свое существование германские вооруженные силы, был ликвидирован и Генеральный штаб. В стране запрещалась милитаристская пропаганда в любых формах. Производство военной продукции категорически запрещалось, а все оборудование, которое могло быть использовано для этих целей подлежало либо уничтожению, либо демонтажу. Директива СКС № 39 от 2 октября 1946 г., требовала ликвидации военного потенциала Германии. Общий объем промышленного производства Германии ограничивался с таким расчетом, чтобы производство военной продукции оказалось невозможным. Но, боясь усугубить и без

того трудное экономическое положение своих зон, западные союзники ликвидировали лишь 6-7 % военных предприятий, установив за остальными достаточно строгий контроль. Большинство оставшихся в целости заводов было переведено на выпуск мирной продукции. Они и создали через несколько лет основу экономического взлета Западной Германии¹⁸.

Демократизация. Летом-осенью 1945 г. создаются основные политические партии. Христианско-демократический союз (ХДС) и родственный ему Христианско-социальный союз (ХСС) Баварии представляли интересы консервативных кругов Германии – крестьянства и крупной буржуазии, базой для них послужили правые и католические партии Веймарской республики. Свободная демократическая партия (СвДП) объединила либеральную интеллигенцию и мелкую буржуазию, она создавалась на основе бывших центристских партий. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) – старейшая политическая партия страны – представляла интересы рабочих. Следует отметить, что в западных зонах Коммунистическая партия Германии (КПГ) после войны не пользовались большим влиянием, их популярность в результате ограничительных мероприятий союзников и одиозных мероприятий, проводившихся в Советской оккупационной зоне сходилась на нет.

Денацификация. 5 марта 1946 г. в американской зоне был принят закон «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма», к концу года он был распространен на все западные зоны. Все население старше 18 лет должно было заполнить анкету из 131 пункта для того, чтобы определить, к какой из 5 категорий оно относится: главные виновники, избалованные, менее избалованные, попутчики, освобожденные от ответственности или не замешанные. Изучение анкет, при необходимости – приглашение свидетелей и изучение архивов – возлагались на палаты по денацификации. В зависимости от тяжести совершенных преступлений полагались следующие виды наказаний: до 10 лет рабочих лагерей, штраф, лишение пенсии, ограничение в правах и т.д.

Моментально в Западной Германии появилось огромное количество адвокатских контор, помогающих правильно заполнить анкету, так чтобы она превратилась в «отмывающую бумагу» (Persilschein). В общей сложности в Западной Германии было проведено 6 млн. судебных процессов, 4 млн. попали в 5-ю категорию, 1 млн. – в 4-ю. К первой категории было отнесено 1700 человек, ко 2-й – 23 тыс., к 3-й – более 150 тыс. чел. При рассмотрении дел начали с конца, с 5-й категории, поэтому «крупной рыбе» хватило времени для того, чтобы скрыться из страны.

Можно сделать вывод о том, что денацификация в Западной Германии была проведена достаточно формально. Испытывая дефицит квалифицированных кадров менеджеров, директоров предприятий, чиновников (почти все они были членами НСДАП), американцы и англичане предпочли иметь дело с представителями старой нацистской элиты (за исключением самых одиозных, запятнавших себя серьезными преступлениями), нежели с дилетантами. Благодаря этому удалось обеспечить преемственность экономического курса, сохранить традиционные хозяйственные связи и не допустить обострения экономической и социальной ситуации.

Земельная реформа. Американцы в основу реформы положили принцип решения проблем переселенцев и продовольственного снабжения по возможности без изменения структуры собственности. Крупные помещичьи хозяйства не национализировались, а лишались земли, превышающей разрешенные 100 га. Во французской зоне, где в руках помещиков находилось не более 4% земли, ситуация развивалась аналогично. В английской зоне в связи с голодом реформа практически не проводилась.

Демонопользация. Сначала союзники заявили о том, что крупные предприятия будут разделены и прежнее руководство не будет допущено к управлению ими. Когда пришло

¹⁸ История Германии. Т. 2. / Под ред. Б. Бонвеча и Ю. Галактионова. Кемерово, 2005. С. 275.

время заботиться о восстановлении немецкого промышленного, в том числе и военного, потенциала, о прежних обещаниях забыли. Единственным исключением стал концерн «ИГ Фарбениндустри», замешанный в связях с нацистами и активно применявший в годы войны принудительный труд. Он был разделен на 4 самостоятельных общества: «БАСФ», «Байер-Лeverкурзен», «Хёхст» и «Каселла». Три крупнейших банка – «Дойче банк», «Коммерц-банк» и «Дрезденер банк» – были разделены на 30 организаций. Многие монополистические объединения, распущенные в первые годы оккупации, скоро вновь начали функционировать, иногда даже под прежними названиями. К 1949 г. в Бизонии их насчитывалось около 200. Ключевые позиции в экономике по-прежнему остались в руках старых немецких хозяев, а в Западную Германию с каждым годом все более широким потоком стал вливаться американский и британский капитал¹⁹.

Репарации. В этом вопросе англичане и американцы проявили поразительное единодушие. Им никак не хотелось ослаблять экономику своих зон в результате советского демонтажа. Поэтому они придерживались тактики затягивания решения этого вопроса, предоставляли заниженные данные об экономическом потенциале своих зон, указывая на невозможность удовлетворения советских требований, предлагали для демонтажа устаревшие или малозначительные предприятия. Всего в плане на 1946 г. значилось 1800 предприятий, в 1947 г. из него были исключены 858 объектов. К лету 1948 г. вывоз предприятий из западных зон в СССР полностью прекратился.

С началом Холодной войны (окончательно это стало ясно к осени 1946 г.) планы западных держав в отношении Германии полностью изменились: из бывшего противника она превратилась в возможного союзника в будущей войне с СССР. В этой связи следовало создать сильное централизованное государство с хорошо развитой экономикой. Начать надо было с интеграции отдельных зон оккупации в единое целое и выработки общей политики. Проще всего было договориться между собой англичанам и американцам, 1 января 1947 г. их зоны оккупации объединились в Бизонию.

5 июня 1947 г. госсекретарь Маршалл заявил о разработке программы экономического возрождения Европы, т.н. «плана Маршалла», согласно которому США должны были предоставить экономическую помощь Западной Европе, в т.ч. и Германии. 17 июня взамен директивы JCS 1067 вступила в действие новая директива JCS 1779, согласно которой немцам передавалось управление на уровне земель, демонтаж ограничивался только военной промышленностью и должен был быть увеличен уровень жизни населения.

Огромную роль в стабилизации экономики Западной Германии сыграл план Маршалла, по которому с 1948 по 1951 гг. Германия получила от США 1,5 млрд. долл., еще 1,6 млрд. долл. были предоставлены в рамках «Программы помощи оккупированных территориям». Эти средства были предоставлены в виде продовольствия, потребительских товаров, промышленного сырья и оборудования, позволивших ликвидировать проблему дефицита и ликвидировать последствия демонтажа и послевоенной разрухи в промышленности. Значительную помощь населению западных зон оказали также международные благотворительные организации, особенно Объединение американских отправителей помощи в Европу (CARE). Продуктовые посылки с кофе, шоколадом, тушенкой приходили в каждую немецкую семью.

Союзники занялись созданием единых органов управления для своих зон. 25 июня 1947 г. во Франкфурте на Майне начал работу Экономический совет – высший орган управления Бизонии, состоящий из 52 делегатов от ландтагов. В феврале 1948 г. был создан Земельный совет, состоящий из 24 представителей земельных правительств. Он получил право вето на все законы, принимаемые Экономическим советом.

¹⁹ Там же. С. 276.

В феврале-марте 1948 г. в Лондоне собралась конференция 6-ти государств (США, Англия, Франция и страны Бенилюкса), СССР не был приглашен. На ней было решено создать в Западной Германии федеративное государство и передать ему контроль над Руром. В знак протеста против решений Лондонской конференции советский представитель в Контрольном Совете маршал Соколовский вышел из него. Последний и самый главный межсоюзнический орган по управлению Германией перестал существовать. Теперь выяснилось, что дальнейшее совместное управление Германией является невозможным, поэтому 8 апреля 1948 г. французская зона присоединилась к Бизонии, которая трансформировалась в Тризонию. Путь к созданию западногерманского государства и проведению в нем единых экономических мероприятий был открыт.

Литература

- История Германии: в 3 т. Под ред. Б. Бонвеча и Ю. Галактионова. Кемерово, 2005.
 Deutschland 1945-1949: Besatzungszeit und Staatengründung // Informationen zur politischen Bildung. 1998. № 256.
 Kleßmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945-1955. Bonn, 1991.
 Neubeginn und Wiederaufbau 1945-1949. Bonn, 1989.
 Trees W. u.a.: Drei Jahre nach Null. Düsseldorf, 1978.

Невский С.И. (МГУ
им. М.В. Ломоносова)

История создания Основного закона ФРГ и социальное рыночное хозяйство

Социальное рыночное хозяйство проистекает не из кодексов и уложений, а из мыслей и поступков людей.

Рихард фон Вайцекер, президент ФРГ в 1984-1994 г.г.

История создания Основного закона ФРГ

Недостатки военно-административного управления в оккупационных зонах и нерешенные проблемы в экономической, политической и социальной сферах послевоенной Германии указывали на необходимость углубления процесса зональной унификации в направлении создания центральных органов правительственной власти и последующего государственного строительства¹. Окончательный провал переговоров четырех держав относительно совместного решения «германского вопроса» в конце 1947 г. форсировал намерения англо-американской стороны к скорейшему образованию отдельного западногерманского государства, «которое могло бы стать альтернативой советской экспансии в Европе и коммунистическому эксперименту в советской зоне оккупации»².

¹ Начало практической реализации «американского плана» экономического единства Германии путем образования Бизонии (Объединенной экономической области американской и британской зон) и создания первых квазигосударственных учреждений – Экономического совета («парламента»), Исполнительного комитета (координационного органа) и пяти управлений («министерств») на западе страны относится к первой половине 1947 г.

² История Германии: в 3 т. Т. 2 / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. С. 343.

В начале 1948 г. на Лондонской конференции министров иностранных дел шести держав³ была достигнута договоренность о создании независимого государства на территории трех западногерманских зон. Согласно «лондонским рекомендациям» 1 июля 1948 г. военные губернаторы англо-американской и французской оккупационных зон передали собравшимся во Франкфурте на Майне главам одиннадцати западногерманских земель пакет так называемых «Франкфуртских документов»⁴. Премьер-министрам предлагалось не позднее 1 сентября 1948 г. созвать Учредительное собрание для разработки демократической конституции федералистского типа, которая бы подлежала ратификации путем всенародного голосования. Данное событие имело, несомненно, поворотное значение для послевоенной Западной Германии, хотя первоначально немецкая общественность восприняла предложенные «Франкфуртские документы» скорее отрицательно, опасаясь исторической ответственности за разделение страны. В германских средствах массовой информации даже появилось саркастическое выражение «тризонезия» для ироничного обозначения названия будущего западного государства.

По результатам совещания глав западногерманских земель, собравшихся 8–10 июля в отеле «Риттерштурц» в городе Кобленц, была составлена «ответная нота» военным губернаторам Тризонии⁵, в которой выражалась озабоченность немецкой стороны по поводу «дальнейшего раскола между Востоком и Западом»⁶. Следует отметить, что в обсуждении «Франкфуртских документов» также участвовали представители ведущих партий. Одни (как, например, ХДС и ХСС) в целом высказывались за принятие конституционных предложений западных союзников⁷, другие (прежде всего СДПГ) заняли критические позиции по отношению к «франкфуртской инициативе»⁸. При этом почти все проявляли осторожный скепсис. Западноберлинский бургомистр Эрнст Рейтер (СДПГ) приводил «успокаивающие» доводы, что ответственность за разделение Германии лежит не на немецких политиках, а ее факт уже был предопределен ходом предшествующего развития⁹. Преодолению кризиса до-

³ Переговоры между США, Великобританией и Францией в рамках очередной «Лондонской встречи» (впервые без участия Советского Союза) начались 23 февраля 1948 г.; спустя три дня (26 февраля) к ним официально присоединились представители стран Бенилюкса. Конференция проходила в два этапа: с 23 февраля по 6 марта и с 20 апреля по 2 июня 1948 г.

⁴ Данный пакет состоял из трех документов, включавших положения о: 1) созыве Учредительного собрания для разработки конституции будущего западногерманского государства; 2) пересмотре территориально-административных границ между землями; 3) Оккупационном статуте, на основании которого должны были определяться взаимоотношения союзников с будущим германским правительством до получения последним полного суверенитета.

⁵ В данном случае термином Тризония мы лишь условно обозначаем все три западные зоны оккупации Германии, поскольку официальное слияние Бизонии с французской зоной произошло только весной 1949 г. Между тем, понятие «Тризония» вошло в широкий оборот уже с момента проведения совместной денежной реформы от 20 июня 1948 г. См.: Die Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 1: Politik. / Hrsg. von Wolfgang Benz. Mit Beitr. von Hellmut Becker... Frankfurt a.M., 1989. S. 40. Как пишет Михаэль Фельдкамп в своем исследовании «Парламентский совет», последний барьер на пути образования «Тризонии» был устранен «с включением французского правительства в конституционные планы Лондонской конференции..., несмотря на то, что ее (Тризонии. – С.Н.) создание формально относится лишь к Вашингтонскому соглашению от 8 апреля 1949 г.».

⁶ См.: Antwortnote der westduetschen Ministerpräsidenten an die Militärgouverneure, 10.7.1948 / Steininger R. Deutsche Geschichte seit 1945. Darstellung und Dokumente in vier Bänden. Bd. 2: 1948-1955. Frankfurt a.M., 1996. S. 45.

⁷ См.: Deutschland 1945-1949: Besatzungszeit und Staatsgründung // Informationen zur politischen Bildung. 2. Quartal 1998. No. 259. S. 45f.

⁸ См.: Ежов В.Д. Конрад Аденауэр – немец четырех эпох. М., 2003. С. 99.

⁹ См.: Weimer W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte: von der Währungsreform bis zum Euro. Hamburg, 1998. S. 71f.

верия способствовали предостережения американских властей о неизбежности «сдачи Берлина, если их немецкие партнеры пойдут на конфликт»¹⁰.

После недолгих колебаний премьер-министры все же согласились с проектом западного государства, однако с оговоркой, что новое образование «должно быть не полноценным германским государством, а (поскольку оно охватывает лишь часть Германии) только временным»¹¹. Наиболее активным сторонником концепции «временного государства» выступал социал-демократ Карло Шмид, министр юстиции и исполняющий обязанности премьер-министра земли Вюртемберг-Гогенцоллерн. Его аргументация сводилась к следующему: «Германский народ всех оккупационных зон желает жить в согласии, справедливости и мире в одном общем доме. Если же на западе Германии будет создано отдельное государство, то руководство восточной оккупационной зоны в качестве ответной меры создаст восточногерманское государство. До тех пор, пока четыре оккупационные державы не придут к единому решению относительно окончательной политической судьбы Германии, любое правовое подкрепление статус-кво будет лишь подрывать политику, направленную на преодоление немецкого раскола. Поэтому необходимо сделать так, чтобы то, что сейчас создается, носило 'временный характер', и что имело бы силу до тех пор, пока весь германский народ не получит возможность 'совместно основать государство для всех немцев'»¹².

Исходя из приведенных тезисов, немецкие политики сочли нецелесообразным созыв «национального собрания», что ошибочно означало бы выражение воли всей Германии как целого. Обсуждение конституции, по их мнению, следовало передать на рассмотрение в Парламентский совет. К тому же сам термин «конституция» им представлялся неприемлемым, вместо чего было предложено (гамбургским бургомистром Максом Брауэром, СДПГ) использовать более «скромное» название – «Основной закон». Ратификация Основного закона должна была осуществляться парламентариями земель, что исключало возможность «политически неуместного» всенародного голосования и ослабляло «демократическую легитимизацию» высшего законодательного акта вновь создаваемого государства. Таким образом, германские политики вынесли окончательный вердикт: «руководствуясь обоснованными национальными интересами, они готовы принять участие в образовании сепаратного западногерманского государства, но по национальным мотивам оставили за собой право создать лишь временную конституцию, только для переходного периода»¹³.

После ряда «согласовательных» встреч премьер-министров и военных губернаторов Тризонии¹⁴ в конце июля 1948 г. был сформирован специальный комитет экспертов для разработки «ключевых положений Основного закона». В данный «конституционный конвент», собравшийся с 10 по 23 августа в южнобаварском городке Херренхимзее, вошли одиннадцать уполномоченных делегатов от всех западногерманских земель. Примечатель-

¹⁰ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2005. С. 148. Следует заметить, что выработанные в Кобленце решения встретили неоднозначную реакцию со стороны союзников. Если британцы расценили их как «единогласное стремление к сотрудничеству», то, по мнению главы американской зоны генерала Клея, степень участия германской стороны была «определенно негативной и деструктивной». Steining R. Op. cit. Bd. 2: 1948-1955. S. 33. Военный губернатор французской зоны генерал Мари-Пьер Кёниг вообще приветствовал любые проволочки на пути создания германского государства; единая, централизованная и сильная Германия все еще представлялась Франции слишком опасным соседом. См.: Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993. С. 99.

¹¹ Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы / Пер. с нем. М., 1996. С. 30.

¹² Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland: von der Gründung bis zur Gegenwart. München, 1999. S. 52.

¹³ Зонтхаймер К. Указ. соч. С. 31.

¹⁴ Для согласования «Франкфуртских документов» потребовалось провести три встречи: 14 и 20 июля – для уточнения выработанных в Кобленце решений, и 26 июля – для окончательного утверждения порядка подготовки и принятия западногерманского конституционного проекта. См.: Görtemaker M. Op. cit. S. 53f.

но, что члены делегации (сопровожаемые одним или двумя сотрудниками) придерживались самых различных конституционно-правовых и идеологических взглядов. Среди них были политики, чиновники земельных администраций, профессора-юристы и бывшие дипломаты, но никто из них не мог официально представлять какую-либо политическую партию. Председателем комиссии был избран министр баварского земельного правительства Антон Пфайффер (ХСС). После вступительного заседания, конвент был разделен на три экспертные группы, которые независимо друг от друга занимались разработкой соответствующих разделов конституционного акта. Результаты их работы дважды обсуждались на промежуточных пленарных заседаниях, после чего редакционная комиссия составила обширный 95-страничный документ, который был представлен главам западногерманских земель¹⁵. Итоговое заседание премьер-министров состоялось 31 августа 1948 г. в замке Нидервальд под Рюдесхаймом. В этот же день проект Основного закона был передан на рассмотрение в Парламентский совет.

Следует отметить, что при создании контуров новой конституции одним из важных ориентиров для немецких экспертов служил исторический пример Веймарской республики¹⁶. В первую очередь, речь шла о том, чтобы устранить «слабости» прежней Имперской конституции¹⁷. В отличие от веймарской модели (с неограниченными полномочиями президента, легкостью свержения правительства и плебисцитарным волеизъявлением народа), Основной закон должен был стать «чисто представительской конституцией, по которой народ мог осуществлять свой суверенитет только путем участия в выборах»¹⁸. Для нового государственного устройства предусматривалась четко выраженная федеративная структура (кстати, традиционная для Германии до 1933 г.) с достаточно децентрализованной законодательной системой, системой управления, юстиции, финансовым суверенитетом и финансовой ответственностью земель, а также двухпалатной парламентской системой законодательной власти с нижней палатой (бундестагом) и палатой земель (бундесратом)¹⁹.

Намереваясь по возможности не допустить вновь появления неустойчивых, часто сменяемых правительств веймарских времен, создатели Основного закона стремились исключить негативную зависимость будущего германского правительства от парламента. Отныне главным условием функционирования правительства должна была стать его постоянная опора на «дееспособное парламентское большинство». При этом «деструктивное парламентское большинство» (т.е. оппозиция) не должно было оказывать влияния ни на процесс формирования правительства, ни на его свержение. По новой конституции досрочное смещение главы правительства могло произойти лишь при условии, если имелось абсолютное большинство в парламенте для избрания нового канцлера («конструктивный вотум недоверия»), что отличалось от порядка веймарских времен, когда весь кабинет или отдельного

¹⁵ Составленный на острове Херренхимзее «Отчет о деятельности конституционного конвента» («Bericht über den Verfassungskonvent») содержал обстоятельное изложение конституционных проблем, сам «проект Основного закона», состоящий из 149 статей (многие из которых имели альтернативные формулировки), и список комментариев по отдельным положениям статей. См.: Benz W. Die Gründung der Bundesrepublik. Von der Bizone zum souveränen Staat. München, 1989. S. 111.

¹⁶ По сути, Основной закон вобрал в себя опыт всей германской истории: в нем отразились и конституционные традиции Германской империи (1871) и Веймарской республики (1919), и тенденции межвоенного и послевоенного времени, и директивы западных оккупационных властей. См.: Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. М., 2001. С. 61.

¹⁷ С текстом Веймарской конституции можно познакомиться в: История Германии. Т. 3. С. 284 и далее.

¹⁸ Зонтхаймер К. Указ. соч. С. 34.

¹⁹ Первоначально обсуждалось два варианта построения второй парламентской палаты: в виде сената или представительства земель. Окончательный выбор был сделан в пользу палаты земель – «бундесрата» (совета федерации), которая формировалась из представителей земельных правительств и располагала правом законодательной инициативы, а также отлагательного вето на решения нижней парламентской палаты. См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 150 и далее.

министра можно было отправить в отставку путем простого вотума недоверия. Тем самым в систему будущего государственного устройства вводились элементы так называемого «рационализированного парламентаризма»²⁰, что обеспечивало относительную устойчивость сосуществования парламентского режима и стабильной исполнительной власти.

Исторический опыт Веймарской республики заставил авторов Основного закона по-новому определить и статус главы западногерманского государства. Отныне президент как фактор власти почти полностью исключался (как исключался и порядок президентских выборов посредством всенародного голосования)²¹, вместо чего усиливалось положение главы правительства – федерального канцлера, избираемого, как уже говорилось выше, большинством в парламенте. Главе государства предписывалось занимать нейтральную позицию по отношению к правительству, тогда как последнее, наряду с парламентом, должно было исполнять доминирующую роль в управлении страной. Полномочия президента ограничивались чисто представительскими или формальными функциями, и лишь в особых случаях он имел право принимать решения о роспуске парламента или об объявлении чрезвычайного положения.

Наконец, желая защитить свободный и демократический строй от возможных негативных трансформаций, что также обуславливалось опытом веймарских времен, творцы Основного закона установили: «Основные принципы конституции, а именно: демократия, федерализм и социальное правовое государство – не подлежат никакому конституционному изменению»²². В особенности, по замыслу экспертов, охране должны были подлежать конституционные гарантии индивидуальных прав и свобод граждан, так как они являются основой демократического правового государства, и «которым неотъемлемо должен подчиняться государственный порядок в законодательстве, исполнительной власти и судопроизводстве»²³. Примечательно, что именно раздел об основных правах (19 статей) открывает западногерманский конституционный акт, убедительно подчеркивая правовой характер вновь создаваемого государства²⁴.

Учреждение Парламентского совета состоялось, как и намечалось, 1 сентября 1948 г. На торжественном открытии в зоологическом музее имени Александра Кёнига в Бонне²⁵ собрались, помимо избранных ландтагами земель 65 парламентариев (по одному на 750 тыс. жителей Западной Германии) и 5 депутатов от Берлина (с правом совещательного голоса), премьер-министры, представители от церкви, экономики, деятели культуры, члены Экономического совета, журналисты и сотрудники военной администрации²⁶. С приветственной речью выступил хессенский премьер-министр Христиан Шток (СДПГ), который

²⁰ Adam H. Wirtschaftspolitik und Regierungssystem der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Opladen, 1995. S. 29.

²¹ В отличие от Веймарской республики, рейхспрезидент которой всенародно избирался на семилетний срок (с неограниченным правом переизбрания), в послевоенной Западной Германии выборы президента (на пять лет и максимум на два срока) осуществляло Федеральное собрание, состоящее из 1200 делегатов, половина из которых – депутаты бундестага, вторая половина – делегаты ландтагов, направляемые в зависимости от численности представительств партий.

²² Зонтхаймер К. Указ. соч. С. 35.

²³ Görtemaker M. Op. cit. S. 58. См. также: Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 138.

²⁴ См.: Основной закон Федеративной Республики Германии (23 мая 1949 г.) / Конституции зарубежных государств. С. 68 и далее.

²⁵ Позднее заседания Парламентского совета переместились в специально переоборудованные помещения Боннской педагогической академии на берегу Рейна, которая впоследствии стала официальным зданием бундестага.

²⁶ По политическим причинам на мероприятии отсутствовали военные губернаторы Тризонии (как не было и их заместителей); западные союзники опасались срыва московских переговоров о прекращении «берлинской блокады».

подтвердил от имени премьер-министров официальное принятие союзнического поручения по разработке конституции: «Если кто скажет, что сегодня в Бонне происходит окончательный раскол немецкого народа, то я заявляю перед всей немецкой нацией: мы не разъедемся, мы двигаемся вместе и объединяемся. До сих пор все наши действия были направлены на то, чтобы в любое время достичь максимального единства немецкого народа»²⁷. С места события велась прямая трансляция по Северо-западному радио Германии.

Президентом Парламентского совета был избран Конрад Аденауэр (ХДС), пост председателя Главного комитета занял Карло Шмид (СДПГ). Распределение депутатских мест во фракциях конститuantы выглядело следующим образом: ХДС/ХСС и СДПГ получили по 27 мандатов (ХДС – 19, ХСС – 8), 5 депутатов сформировали фракцию СвДП, по два места досталось представителям мелких партий – Партии центра, Германской партии и Коммунистической партии Германии (КПГ). Наблюдатели от Берлина были представлены тремя депутатами от СДПГ и по одному – от ХДС и СвДП. Непосредственная работа над проектом Основного закона (за закрытыми дверями) началась с середины сентября в шести специально созданных экспертных комитетах: по основным вопросам (Ausschuß für Grundsatzfragen), разграничению компетенций (Zuständigkeitsabgrenzung), организации федерации, конституционного суда и судопроизводства (Organisation des Bundes, Verfassungsgerichtshof und Rechtspflege), финансовым вопросам (Finanzfragen), вопросам избирательного права (Wahlrechtsfragen), оккупационному статуту (Besatzungsstatut)²⁸.

По результатам деятельности экспертных комиссий было проведено 60 (открытых) заседаний в рамках четырех чтений в Главном комитете²⁹. Спустя полгода противоречивых дискуссий и напряженных дебатов, которыми сопровождалось обсуждение проекта Основного закона, в феврале 1949 г. выработанный документ был передан на рассмотрение военным губернаторам Тризонии. В конце апреля состоялась встреча делегатов учредительного собрания с главами оккупационных зон. За окончательной редакцией текста конституции согласно замечаниям союзников³⁰ последовало итоговое чтение в Главном комитете, после чего 8 мая 1949 г. (как раз в четвертую годовщину капитуляции Германии) на общем собрании Парламентского совета Основной закон был принят 53 голосами – «за» и 12 голосами – «против»³¹.

Уже 12 мая Основной закон был утвержден военными губернаторами Тризонии³²; в последующие дни (18–21 мая) он был ратифицирован ландтагами земель. За исключением Баварии, парламентарии которой усмотрели в новом государственном устройстве чрезмерное количество централистских элементов и недостаточное отражение принципа федерализма, за конституцию проголосовали десять западногерманских земель.

²⁷ Benz W. Die Gründung der Bundesrepublik. S. 112.

²⁸ См.: Feldkamp M. Op. cit. S. 59f.

²⁹ Первое чтение в Главном комитете проходило с 11 ноября по 10 декабря 1948 г., второе – с 15 декабря 1948 г. по 20 января 1949 г., третье – с 8 по 10 февраля 1949 г. и четвертое (дополнительное) – 5 и 6 мая 1949 г. Кроме того, на различных стадиях подготовки конституционного проекта было проведено 10 пленарных заседаний и три чтения в Парламентском совете (первое чтение на пленуме состоялось 20–21 октября 1948 г., два заключительных – 6 и 8 мая 1949 г.).

³⁰ Военные губернаторы потребовали дополнительного уточнения формулировок, касающихся разграничения финансовых и законодательных компетенций между федерацией и землями.

³¹ «Против» проголосовали все шесть депутатов от малых партий – КПГ, Германской партии и Партии центра, а также шесть членов фракции ХСС, выразивших несогласие по поводу чрезмерных полномочий федерации по отношению к статусу земель.

³² Утверждение союзниками Основного закона было увязано с последним днем пребывания на своем посту американского генерал-губернатора Л. Клея, а также с прекращением трехсотдневной блокады Западного Берлина и оглашением Оккупационного статута (вступил в силу параллельно с учреждением первого германского правительства осенью 1949 г.).

Торжественное подписание и провозглашение Основного закона состоялось 23 мая 1949 г. на заключительном пленарном заседании Парламентского совета. Из большого зала Педагогической академии в Бонне велась прямая трансляция по всем радиостанциям Германии. В присутствии премьер-министров, президентов ландтагов, представителей трех западных держав, членов Экономического совета, высокопоставленных чиновников администрации Бизонии, а также многочисленных гостей и прессы свою подпись под конституционным актом поставили 63 депутата Парламентского совета³³, одиннадцать премьер-министров, пять представителей Берлина и берлинский обербургомистр Э. Рейтер. Последнее слово взял президент Парламентского совета К. Аденауэр: «Надеюсь, что дух и воля Основного закона полюбятся немецкому народу... Сознывая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный желанием своим национальным и государственным единством служить делу мира во всем мире, немецкий народ [...] принял настоящий Основной закон»³⁴. Конституция нового государства – Федеративной Республики Германии – вступила в силу с 0:00 часов следующего дня – 24 мая 1949 г.

Примечательно, что в связи с «временным характером» нового государственного образования Парламентский совет принял решение о размещении столицы ФРГ в небольшом городе Бонн, а не во Франкфурте на Майне, более подходящем кандидате и финансовом центре Германии, где с лета 1947 г. заседал Экономический совет Бизонии и где располагались ключевые ведомства американской военной администрации (среди возможных претендентов на столицу Западной Германии рассматривались также Кассель и Штутгарт). Выбор в пользу Бонна зачастую иронично связывают с местом жительства самого Аденауэра, который «по личным причинам покровительствовал этому провинциальному городу на Рейне»³⁵. Между тем, по мнению германского политолога Курта Зонтхаймера, это имело «далеко идущие последствия», поскольку, «несмотря на местопребывание в нем правительства, Бонн так и остался провинциальным городом, в котором сами правители, и политики, и бюрократия не интегрированы в общую политическую жизнь столицы»³⁶. Разумеется, «неблагоприятный климат и отсутствие живой среды» для полноценной политической жизни «временной» столицы одного из крупных европейских государств нельзя ставить в ряд факторов, которые могли оказывать сколько-нибудь значительное влияние на Федеративную Республику и ее политику в целом, тем более что с воссоединением Германии (1990) они вообще утратили свое значение в связи с переездом федеральных органов власти в Берлин.

Социальное рыночное хозяйство как экономико-политическая доктрина

Через несколько недель после вступления в силу западногерманской конституции был принят (15 июня 1949 г.) «Закон о выборах в Первый бундестаг и в первое Федеральное собрание Федеративной Республики Германии»³⁷ (так называемый закон «О выборах»), а также назначена дата выборов – 14 августа 1949 г.

Несмотря на достаточно многообразный партийно-политический ландшафт послевоенной Германии³⁸, в ходе предвыборной борьбы изначально наиболее ярко проявилась кон-

³³ Под «разделением Германии» отказались подписаться депутаты-коммунисты Макс Рейман и Хайнц Реннер.

³⁴ Feldkamp M. Op. cit. S. 181f.

³⁵ Зонтхаймер К. Указ. соч. С. 40.

³⁶ Там же. Как замечает исследователь, политическая жизнь в Бонне носила некий «самодовлеющий характер».

³⁷ «Wahlgesetz zum Ersten Bundestag und zur ersten Bundesversammlung der Bundesrepublik Deutschland».

³⁸ В предвыборной борьбе летом 1949 г. принимали участие 16 партий и 70 беспартийных кандидатов. См.: Görtemaker M. Op. cit. S. 78.

фронтация между обеими крупными партиями – СДПГ и ХДС/ХСС. Общественное внимание было сосредоточено прежде всего на двух партийных лидерах – К. Шумахере (СДПГ) и К. Аденауэре (председателе рейнского ХДС). Шумахер, обладая энергичным и харизматическим имиджем профессионального партийца (к тому же, с антифашистским прошлым³⁹), был более известной политической фигурой, нежели Аденауэр. Поэтому решающую роль в предвыборной борьбе для христианских демократов сыграл глава хозяйственного ведомства Бизонии Людвиг Эрхард⁴⁰, уже зарекомендовавший себя в качестве решительного реформатора «Объединенной экономической области». Не являясь членом партии, Эрхард умело персонифицировал себя с центральной темой предвыборной кампании – «социальная рыночная экономика», настойчиво агитируя за продолжение начатого годом ранее хозяйственно-политического курса, ключевые положения которого составили основу официальной предвыборной программы ХДС («Дюссельдорфские тезисы»)⁴¹.

По сути, предвыборная борьба лета 1949 г. носила характер всеобщих политических дебатов относительно выбора «хозяйственной конституции» Федеративной Республики. Сторонники рыночной экономики Эрхард/Аденауэр активно противостояли планово-хозяйственной концепции социал-демократов. Шумахер выдвигал против политики «аполитета свободной рыночной экономики Эрхарда» достаточно резкие контраргументы, обещая в случае победы его партии на выборах социализацию крупной промышленности, а также сферы банковских и страховых услуг. «Мы не хотим планировать каждую головку сыра и не стремимся социализировать каждую парикмахерскую, однако мы выступаем за планирование на высшем уровне и регулирование кредитов и сырья в тех отраслях промышленности, от которых зависит функционирование остальных»⁴², – декларировал в своих речах лидер СДПГ.

Основной мишенью критики для социал-демократов служили увеличивающиеся показатели безработицы и рост цен после денежной реформы⁴³. Эрхард, в свою очередь, указывал на «временный» характер данных негативных проявлений, оправдывая их неизбежными «адаптационными» проблемами переходного периода: «Успехи последнего года в восстановлении хозяйства и улучшении социального положения нашего народа были достигнуты лишь благодаря решительному переходу от командно-принудительной экономики к рыночной; деструктивная, близорукая критика и догматические враждебные выпады ошалевших бюрократов от планирования только тормозили развитие живых сил. Оппозиция нападает

³⁹ Будучи депутатом Рейхстага, Шумахер не раз произносил смелые речи против НСДАП, за что после прихода к власти национал-социалистов неоднократно подвергался аресту и был интернирован в концентрационный лагерь.

⁴⁰ Людвиг Эрхард занимал пост директора Экономического управления Бизонии с марта 1948 г. Подробнее о политической биографии Л. Эрхарда см., напр.: Невский С.И. Людвиг Эрхард: ученый, экономист, политик. Биографический очерк / Историко-экономический альманах. Выпуск 2. Под ред. Д.Н. Платонова. М., 2007. С. 385-401.

⁴¹ Позднее Эрхард вспоминал: «Первая предвыборная кампания проходила исключительно под знаком Социальной рыночной экономики, а также вокруг проблем, касающихся цен, независимости, свободы... В той первой предвыборной борьбе 'Социальное рыночное хозяйство' идентифицировалось с 'ХДС'. Не знаю, часто ли я использовал популярность ХДС; однако каждый знает, что я выступаю за ХДС. В стране меня считают провозвестником Социального рыночного хозяйства» (Koerfer D. Kampf ums Kanzleramt: Erhard und Adenauer. Berlin, 1998. S. 60).

⁴² Weimer W. Op. cit. S. 74

⁴³ Социал-демократы, оглядываясь на политику британских лейбористов, а также опыт американского «нового курса», предпочитали кейнсианские рецепты полной занятости: искусственное стимулирование спроса, льготное кредитование промышленности, бюджетное финансирование широкомасштабных государственных программ создания новых рабочих мест и, соответственно, значительное урезание экономических свобод. См.: Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепция, практика / Общ. ред. А.Ю. Чепуренко. М., 2001. С. 96.

на нашу экономическую политику не потому, что эта политика плоха, а потому, что она хороша, ибо помогает народу, но вредит партии критиков»⁴⁴.

Предвыборная поляризация общественно-политических фронтов произошла довольно быстро. Если профсоюзы традиционно следовали за СДПГ, то католическая церковь и торгово-промышленные объединения выступили на стороне партий Союза. Шумахер крайне резко критиковал партийные пристрастия церкви, назвав ее «пятой оккупационной властью» и объявив религиозные ценности «абстрактными, ничего не значащими категориями»⁴⁵ (за что, кстати, принес социал-демократам дополнительные голоса в южной части Германии, а также в Рейнской области). Аденауэр парировал нападки оппонента: «Как и прежде СДПГ стоит на пути классовой борьбы, что противоречит интересам немецкого народа... Будут ли Германией править по-христиански или ей будут править по социалистически? Если ей будут править по-социалистически, то тогда нам станет ясно, что между социализмом и коммунизмом нет никаких преград»⁴⁶.

Результаты состоявшихся 14 августа 1949 г. выборов в Первый германский бундестаг, в которых приняли участие 78,5 процентов избирателей из 31,2 млн. имеющих право голоса, оказались следующими: 31 % голосов был отдан блоку ХДС/ХСС, социал-демократы получили 29,2 %, СвДП – 11,9 % (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Итоги выборов в Первый германский бундестаг

Партия	Голоса	Процент	Места в парламенте
ХДС/ХСС	7 359 089	31,0	139
СДПГ	6 934 975	29,2	131
СвДП/ННП*	2 829 975	11,9	52
КПГ	1 361 708	5,7	15
Баварская партия	986 478	4,2	17
Германская партия	939 934	4,0	17
Союз экономического развития	681 981	2,9	12
Партия центра	727 505	3,1	10

* Немецкая народная партия (Deutsche Volkspartei)

Источник: Weimer W. Op. cit. S. 76.

Учреждение бундестага состоялось 7 сентября 1949 г. Распределение депутатских мест в нижней парламентской палате выглядело так: 139 мест досталось блоку ХДС/ХСС, 131 – СДПГ, 52 – СвДП, 17 – Германской партии. 12 сентября Федеральным собранием был избран первый президент ФРГ – Теодор Хейс (председатель СвДП), 15 сентября парламент избирает первым федеральным канцлером К. Аденауэра⁴⁷. Спустя пять дней (20 сентября) был сформирован коалиционный кабинет из ХДС/ХСС, СвДП и Германской партии. В но-

⁴⁴ Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М., 1993. С. 157.

⁴⁵ См.: Ежов В.Д. Указ. соч. С. 106.

⁴⁶ Weimer W. Op. cit. S. 73.

⁴⁷ Аденауэр был избран федеральным канцлером 202 голосами «за», 142 – «против», при 44 воздержавшихся и 1 недействительном голосе (из 389 проголосовавших). Так как, согласно Основному закону, для избрания канцлера необходимо было абсолютное большинство в парламенте, а в 1949 г. это составило 202 из 402 голосов, то Аденауэр получил необходимый перевес лишь в 1 голос, который, как впоследствии шутил политик, был его собственным голосом, отданным самим за себя.

вое правительство вошли 13 министров⁴⁸, включая Эрхарда, возглавившего министерство экономики. Главой оппозиции в бундестаге стал председатель фракции СДПГ Шумахер. В своем первом правительственном заявлении 73-летний федеральный канцлер подвел итоги выборов: «Вопрос Социального рыночного хозяйства или плановой экономики играл в предвыборной борьбе первостепенную роль. Германский народ преобладающим большинством высказался против планового хозяйства»⁴⁹. Так конституировалось новое государство – ФРГ, суверенитет которого пока что ограничивался Оккупационным статутом, вступившим в силу 21 сентября 1949 г.⁵⁰

Необходимо заметить, что победе Эрхарда и Аденауэра, помимо многообещающей предвыборной программы под девизом «социального рыночного хозяйства», в немалой степени способствовал начавшийся экономический подъем (см. Таблицу 2). Вопреки все еще наблюдавшимся проблемам переходного периода (росту цен и безработицы), население Германии спустя год после начала рыночных реформ уже могло почувствовать некоторые улучшения в экономическом развитии своей страны. Индекс промышленного производства, который в 1948 г. еще составлял две трети уровня 1936 г., достаточно быстрыми темпами приближался к данной «условно-исторической» отметке. Наиболее значительный рост отмечался в секторе строительства и производстве потребительских товаров, что имело важное «социальное» значение накануне выборов 1949 г.

Таблица 2

Индекс промышленного производства ФРГ (1948-1949 гг.) (1936 = 100)

	Вся промышленность	Строительство	Потребительские товары
1948 г.:	53,0	-	43,7
1-е полугодие	73,2	-	63,8
2-е полугодие			
1949 г.:	79,5	71,1	71,4
январь	78,6	65,1	71,3
февраль	87,3	71,1	81,4
март	80,4	74,4	74,7
апрель	86,3	83,9	82,0
май	85,1	89,0	80,0
июнь	88,5	96,8	78,8
июль	94,0	103,1	86,4
август сентябрь	95,7	105,4	95,9

Источник: Statistisches Bundesamt. Datenreport 1992. Bonn, 1992 / Weimer W. Op. cit. S. 75.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о закреплении в германской конституции положений об общественно-экономической системе. Несмотря на то, что Основной закон совершенно определенно характеризует Федеративную Республику в качестве «демократи-

⁴⁸ В состав правительства пока что не входило министерство иностранных дел, поскольку внешние вопросы оставались в ведении оккупационных властей. Первые внешнеполитические полномочия Федеративная Республика получила 22 ноября 1949 г. с подписанием «Петерсбергского соглашения», устанавливавшего консульские отношения между Германией и союзническими державами.

⁴⁹ Koerfer D. Op. cit. S. 67.

⁵⁰ Оккупационный статут сохранял за союзническими державами многочисленные права и компетенции в отношении Федеративной Республики – от вопросов военной безопасности и внешней политики до контроля над государственным законодательством, экономикой и внешней торговлей. За соблюдением норм Оккупационного статута следила специально созданная Верховная комиссия союзников со штаб-квартирой в Петерсберге (в пригороде Бонна). Окончание оккупационного режима и признание полного суверенитета ФРГ произошло в 1955 г.

ческого и социального правового государства»⁵¹, он не содержит какой-либо конкретной «экономической конституции как выражения общего решения относительно желаемого хозяйственного порядка»⁵². По замыслу своих создателей, Основной закон был изначально сформулирован относительно «открыто», а его экономические статьи носили «подчеркнуто деидеологизированный характер»⁵³. В результате, ни социальное рыночное хозяйство, ни какая-либо иная форма экономического устройства не закреплялись в качестве единственно возможной основы западногерманского общества⁵⁴. По мнению разработчиков Основного закона, положения о социальном и экономическом строе должны были быть включены лишь в общегерманский конституционный акт (согласно постулату о «временном» государстве).

В качестве примера, недвусмысленно подчеркивающего политико-экономическую нейтральность Основного закона, часто приводится следующее постановление Конституционного суда в отношении конституционности закона «Об инвестиционной помощи» (1954): «Основной закон не гарантирует ни хозяйственно-политической нейтральности исполнительной и законодательной власти, ни обеспечиваемого только рыночно-конформными средствами 'социального рыночного хозяйства'. Хозяйственно-политическая нейтральность Основного закона заключается лишь в том, что законодатель не высказался определенно за конкретную экономическую систему. Это позволяет законодателю следовать той экономической политике, которая в данный момент представляется ему оправданной при условии соблюдения Основного закона. Нынешний хозяйственный и социальный строй, хоть и является согласно Основному закону одним из возможных, однако отнюдь не единственно возможным»⁵⁵.

Между тем, отказ от конституционного признания определенного хозяйственного строя в качестве господствующего вовсе не означает полного отсутствия пространства для формирования экономического и социального порядка. Как уже отмечалось, Основной закон содержит нормы, признающие незыблемость фундаментальных индивидуальных гражданских прав и свобод, гарантии прав собственности и наследования, свободы выбора профессии и свободы создания коалиций и проч. В совокупности все эти нормы образуют конституционно-правовую базу для формирования такой хозяйственной системы, «которая от-

⁵¹ Упоминания о «социальном государстве» содержатся в двух статьях Основного закона: в статье 20, абзаце 1 («Федеративная Республика Германия является демократическим и **социальным** федеративным государством»), а также в статье 28, абзаце 1 («Конституционный строй земель должен соответствовать основным принципам республиканского, демократического и **социального** правового государства...»). См.: Конституции зарубежных государств. С. 74, 76.

⁵² Анализ экономических систем: основные понятия теории хозяйственного порядка и политической экономики / Под общ. ред. А. Шюллера и Х.-Г. Крюссельберга; пер. с нем. М., 2006. С. 259.

⁵³ См.: Гутник В.П. и др. Становление системы социального рыночного хозяйства в Западной Германии после второй мировой войны // Общество и экономика. 1994. № 1. С. 135.

⁵⁴ Известно, что среди членов Парламентского совета (как и Экономического совета) были представители различных социально-политических сил, которые придерживались альтернативных (рыночной) экономических концепций (например, «демократического социализма» СДПГ или «христианского социализма» Аленской программы ХДС, не говоря уже о коммунистах). Западногерманский политолог Юрген Зайферт пишет, что Основной закон стал своего рода «конституционным компромиссом между противоборствующими социально-политическими силами и выражением консенсуса между ведущими партиями государства» (Die Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 1: Politik. S. 44).

⁵⁵ Цит. по: Adam H. Op. cit. S. 57. Вопрос относительно политико-экономической нейтральности западногерманской конституции был вновь конкретизирован в марте 1979 г., когда Федеральный конституционный суд вынес решение по делу «о правах на соучастие в принятии решений», подтвердившее сформулированные в 1954 г. положения по толкованию экономического строя в Основном законе. В результате данного решения Конституционный суд в очередной раз подчеркнул, что любые попытки государства санкционировать определенную политику порядка противоречат нормам конституции. См.: Quaas F. Soziale Marktwirtschaft: Wirklichkeit und Verfrämung eines Konzepts. Bern u.a., 2000. S. 122.

казывается от широкого использования государственного дирижизма»⁵⁶. Гарантируя свободу индивидуальных прав с одновременным их ограничением «в рамках компенсирующей системы, регулируемой социальным государством, – пишет западногерманский экономист Хайнц Ламперт, – Основной закон исключает как неуправляемое с социальной точки зрения рыночное хозяйство, так и всякую разновидность экономики, управляемой государством»⁵⁷.

Рассматривая конституционную природу экономического строя ФРГ, нельзя не обратить внимания на еще один аспект, связанный с правовым закреплением статуса социального рыночного хозяйства. Речь идет о первом государственном договоре между ФРГ и ГДР «О создании валютного, экономического и социального союза», по которому с 1 июля 1990 г. на территорию Германской Демократической Республики распространялась западногерманская валюта (DM), а также система социального обеспечения, порядок трудовых отношений и социальная помощь⁵⁸. В статье 1, абзаце 3 Договора сказано: «Основой экономического союза является социальная рыночная экономика в качестве общего экономического порядка обеих договаривающихся сторон. Она определяется прежде всего частной собственностью, конкуренцией, свободным ценообразованием и принципиально полной свободой передвижения труда, капитала, товаров и услуг»⁵⁹. Далее, в параграфе 4 речь идет о «социальном союзе», который обуславливается соответствующим социальной рыночной экономике трудовым правом и основывающейся на принципах социальной справедливости и социального выравнивания всеобъемлющей системой социальных гарантий.

Однако, как полагает ряд исследователей, помимо данного «формального» законодательного закрепления социального рыночного хозяйства в качестве общего экономического строя обоих государств более содержательной конкретизации образа действий, соответствующего «социальному государству», в германском праве так и не произошло. Договор об объединении Германии, вступивший в силу 3 октября 1990 г., также едва ли достоверно и исчерпывающе отражал первоначальный смысл концепции неолиберализма, «интерпретируя социальное государство отнюдь не в духе идеалов Социального рыночного хозяйства»⁶⁰. Подобную аргументацию поддерживает, в частности, немецкая исследовательница Фридрих Куас, которая считает, что содержащееся в Основном законе положение о социальном государстве скорее «порождает состояние аморфности в соответствующем образе действия экономической политики», что подрывает непреложную традицию следовать социальным постулатам. «По крайней мере, исполнение социальных обязательств государства перед гражданами отныне может обосновываться не иначе как отказ от чисто либерального правового государства, ограничивающегося установлением институционально-правовых рамок для гарантии формальных прав свобод»⁶¹, – иронично замечает автор.

Таким образом, характер практической реализации принципа социального государства в Германии пока что остается конституционно-открытой проблемой, способ решения которой зависит от того или иного действующего политического строя.

* * *

Несмотря на отсутствие конституционного признания конкретного общественно-экономического строя ФРГ, в ходе осуществления курса экономической политики прави-

⁵⁶ Анализ экономических систем. С. 261.

⁵⁷ Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. Пер. с нем. М., 1994. С. 72.

⁵⁸ См.: Lehmann H.G. Deutschland Chronik 1945-2000. Bonn, 2000. S. 402-403, 406.

⁵⁹ Договор о создании экономического, валютного и социального союза между ГДР и ФРГ (18 мая 1990 г.) / История Германии. Т. 3. С. 495.

⁶⁰ Tuchtfeldt E. Soziale Marktwirtschaft als ordnungspolitisches Konzept / Perspektiven der Sozialen Marktwirtschaft. Hrsg. von Friedrun Quaas und Thomas Straubhaar. Bern u.a., 1995. S. 30.

⁶¹ Quaas F. Op. cit. S. 123f.

тельствами Аденауэра/Эрхарда в конце 1940-х – первой половине 1960-х гг. свою законно-политическую гарантию все же получает достаточно широкий спектр основополагающих принципов социального рыночного хозяйства, среди которых:

- институт частной собственности;
- независимость центрального банка и стабильность денег;
- свободное ценообразование, свобода тарифных соглашений, заключения сделок и экономическая свобода действий предприятий и предпринимателей;
- государственная политика содействия конкуренции, проводимая Федеральным ведомством по делам картелей;
- неизменная, первостепенно ориентированная на постулаты хозяйственного порядка экономическая политика;
- преимущественно адекватное рынку («корректирующее») вмешательство государства в экономические процессы;
- упорядоченный рынок труда и субсидиарная социальная политика и проч.⁶².

Реальная экономическая политика в первое десятилетие развития Федеративной Республики Германии достаточно последовательно опиралась на теоретические постулаты неолиберализма. Данная последовательность во многом обуславливалась рядом благоприятных конъюнктурных факторов, равным счетом, как и предвыборно-политической привлекательностью самого термина «социальное рыночное хозяйство», так и наличием сильной политической воли и выдающихся пропагандистских способностей его убежденного приверженца и духовного наставника Л. Эрхарда. Несмотря на то, что в политической действительности послевоенной Западной Германии фактически отсутствовало сколько-нибудь глубокое понимание сути классической теории неолиберализма, предложенная Альфредом Мюллер-Армаком концепция все же смогла донести до широкой общественности свою «очевидную эффективность», позволив в конце 1940-х гг. привлечь всеобщее внимание к системе взглядов и идей национально-экономической элиты, не имевшей изначально ни партийного, ни массового фундамента⁶³.

Литература

Анализ экономических систем: основные понятия теории хозяйственного порядка и политической экономики / Под общ. ред. А. Шюллера и Х.-Г. Крюссельберга. Пер. с нем. М., 2006.

Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2005.

Гутник В.П. и др. Становление системы социального рыночного хозяйства в Западной Германии после второй мировой войны // Общество и экономика. 1994. № 1.

Ежов В.Д. Конрад Аденауэр – немец четырех эпох. М., 2003.

Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001.

Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. Пер. с нем. М., 1996.

⁶² Данные элементы общественно-экономического строя ФРГ закреплены соответствующим законодательством: Законом против ограничений конкуренции (1957), Законом о Немецком федеральном банке (1957), Законом о кредитной системе (1961), Законом о внешнеэкономической деятельности (1961), Законом о социальной помощи (1961), Законом о пенсионной реформе (1957), Законом о сельском хозяйстве (1955), Законом о тарифных соглашениях (1949) и др.

⁶³ Под лозунгом «социального рыночного хозяйства» христианским демократам удавалось непрерывно побеждать на пяти выборах в Германский бундестаг: в 1949, 1953, 1957, 1961 и 1965 гг. Впоследствии рыночную концепцию взяла на вооружение и социал-демократическая партия Германии («Годесбергская программа», 1959 г.), что позволило СДПГ войти в состав правительства Большой коалиции в конце 1966 г., а затем и одержать победу на выборах в шестой Германский бундестаг в 1969 г.

- История Германии: в 3 т. Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005.
- Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. М., 2001.
- Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. Пер. с нем. М., 1994.
- Невский С.И. Людвиг Эрхард: ученый, экономист, политик. Биографический очерк // Историко-экономический альманах. Выпуск 2. Под ред. Д.Н. Платонова. М., 2007. С. 385-401.
- Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепция, практика. Общ. ред. А.Ю. Чепуренко. М., 2001.
- Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993.
- Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М., 1993.
- Adam H. Wirtschaftspolitik und Regierungssystem der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Opladen, 1995.
- Benz W. Die Gründung der Bundesrepublik. Von der Bizone zum souveränen Staat. München, 1989.
- Deutschland 1945-1949: Besatzungszeit und Staatsgründung // Informationen zur politischen Bildung. 2. Quartal 1998. No. 259.
- Die Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Hrsg. von Wolfgang Benz. Mit Beitr. von Hellmut Becker. Frankfurt a.M., 1989.
- Feldkamp M. Der Parlamentarische Rat 1948-1949: die Entstehung des Grundgesetzes. Göttingen, 1998.
- Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland: von der Gründung bis zur Gegenwart. München, 1999.
- Koerfer D. Kampf ums Kanzleramt: Erhard und Adenauer. Berlin, 1998.
- Lehmann H.G. Deutschland Chronik 1945-2000. Bonn, 2000. S. 402-403, 406.
- Quaas F. Soziale Marktwirtschaft: Wirklichkeit und Verfrämung eines Konzepts. Bern u.a., 2000.
- Steininger R. Deutsche Geschichte seit 1945. Darstellung und Dokumente in vier Bänden. Frankfurt a.M., 1996.
- Tuchtfeldt E. Soziale Marktwirtschaft als ordnungspolitisches Konzept / Perspektiven der Sozialen Marktwirtschaft. Hrsg. von Friedrun Quaas und Thomas Straubhaar. Bern u.a., 1995.
- Weimer W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte: von der Währungsreform bis zum Euro. Hamburg, 1998.

Раздел 3.2. Мифы и загадки социального рыночного хозяйства

Ченуренко А.Ю. (ГУ-ВШЭ)

Мифы о социальном рыночном хозяйстве

О социальном рыночном хозяйстве как системе представлений об оптимальных принципах формирования экономической политики и как реальном экономико-политическом курсе сложился ряд представлений, которые тиражируются в том числе немецкими политиками, но которые весьма далеки и от аутентичных взглядов тех лиц, которые сформировали в конце 1940 - начале 1950-х гг. социальное рыночное хозяйство в Западной Германии, и от реальностей экономической политики в этой стране.

В России к тому добавляется добросовестное и бесхитростное стремление неопитов брать за образец некие успешные, по общему мнению, модели социально-экономического развития, не очень вдаваясь в тонкости – дескать, там разберемся.

В этой связи хотелось бы предостеречь участников и читателей Интернет-конференции от некоторых устойчивых мифов в отношении социального рыночного хозяйства.

1. Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны, социальное рыночное хозяйство есть рынок плюс «сильная социальная политика»

Именно так зачастую описывают суть той модели социально-экономического развития, которая сложилась в послевоенной Западной Германии и привела к беспрецедентному в европейской истории XX в. росту экономики и достижению качественно новых стандартов общественного развития. Между тем творец экономического «чуда», Людвиг Эрхард, довольно скептически относился к придуманному его главным идеологом и пропагандистом, Альфредом Мюллер-Армаком, понятию, а если и высказывался о социальном в рыночном хозяйстве, то в том смысле, что само по себе рыночное хозяйство – если оно строится на принципах свободы и ответственности, с одной стороны, и солидарности, с другой – обеспечивает так называемую социальную справедливость в отношении абсолютно подавляющего большинства взрослых трудоспособных граждан. Обеспечивает в том смысле, что позволяет свободно выбрать труд по найму за достойное вознаграждение или открытие собственного дела в расчете на доходы от него. И лишь в отношении относительно немногочисленной части населения – инвалидов, детей, многодетных семей, стариков – нужны некоторые меры перераспределения, т.е. социальная политика в общепринятом смысле слова.

2. Заложить основы социального рыночного хозяйства в послевоенной Германии было легко, так как подавляющая часть населения отвергала тоталитаризм, а за спиной Эрхарда стояли оккупационные власти с их планом Маршалла.

Подавляющая часть немцев, действительно, отвергала тоталитаризм, но социал-демократы и влиятельные профсоюзы выступали за смешанную экономику, огосударствление значительных секторов экономики. При этом с ними были в основном солидарны оккупационные власти, которые с крайним недоверием относились к начатым Эрхардом реформам.

Примерно 50% немцев, опрошенных летом 1948 г., спустя несколько месяцев после начала реформ, считали, что реформа проведена несправедливо по отношению к социально ослабленным группам населения; свыше 60% в сентябре 1948 г. полагали, что из-за проведенной либерализации цены будут расти. В декабре 1949 г. (вследствие вызванного притоком переселенцев и возвращавшихся из плена солдат всплеска безработицы) правительство Аденауэра-Эрхарда было на волоске – против него ополчились оппозиция и британская оккупационная администрация, да и американцы были явно не в восторге от происходивше-

го... Так что никакой политической стабильности и мощной поддержки, которых вечно не хватает некоторым реформаторам, не было в начале эрхардовских реформ и в помине.

Что касается плана Маршалла, то его роль в возрождении Западной Германии не надо преувеличивать: по этому плану некоторые страны-победительницы (например, Франция) получили в процентном отношении к ВВП отнюдь не меньше Германии, но почему-то там «чуда» не произошло.

3. Эрхард в своей политике воплощал концепции немецкого ордолиберализма.

Не было – в либеральном лагере – более жестких критиков политики Эрхарда, чем родоначальник ордолиберализма В. Ойкен. Еще в конце 1940-х гг., когда реформы находились в самом начале, он несколько раз открыто и жестко выступал против них – в силу их компромиссности (таковой была антикартельная политика Эрхарда) и ряда других нарушений идеальной картины свободного конкурентного порядка, которую он нарисовал в своих трудах.

На деле правильнее назвать социальное рыночное хозяйство удачной формой институционального компромисса между теорией и практикой (сильные профсоюзы – специфическая монополия на рынке труда, катастрофическая нехватка жилья – ограничения прав собственности в отношении ценообразования на жилищном рынке, лежащая в развалинах угольная промышленность Рура – государственное субсидирование угледобычи и др.), но компромисса не по принципу «чего изволите?», а компромисса, нацеленного на то, чтобы ослабить на время сопротивление влиятельных групп интересов, отступить во второстепенном, чтобы дать возможность осуществлять главное – политику, нацеленную на содействие хозяйственной инициативе граждан.

4. *Вот уже свыше 50 лет ФРГ живет по законам социального рыночного хозяйства, но поскольку темпы экономического развития неуклонно снижаются, а масштабы социальных и экономических проблем нарастают, постольку социальное рыночное хозяйство продемонстрировало свою нежизнеспособность.*

В первой половине 1960-х гг. Эрхард замечает, что не только оппозиция, которая на словах переходит к признанию социального рыночного хозяйства как перспективной модели общественного развития, но и ряд его сторонников начинают проявлять все большую склонность к действиям по принципу: раз в экономике дела идут хорошо, есть возможность увеличить нормы перераспределения через бюджет, а кроме того, привлечь частный бизнес к участию в некоторых согласованных шагах по глобальному регулированию. Кроме того, под действием требований профсоюзов темпы роста заработной платы начинают превышать темпы роста экономики. Он бьет тревогу, отмечает нарастание элементов иждивенчества в поведении сограждан, но сформировавшееся кейнсианское большинство постепенно становится законодателем мод в академической среде, а затем и выходит на политическую арену.

С конца 1960-х гг. в ФРГ осуществляется постепенный, ползучий отход от всех основных принципов политики Эрхарда, которая объявлена несвоевременной (восстановительный период закончился), несоответствующей политике ЕЭС (в которой верх берут сторонники широкого государственного регулирования экономики). С тех самых пор все сменявшие друг друга немецкие правительства по сути продолжали ревизовать принципы социального рыночного хозяйства – свобода, ответственность, солидарность, - при этом клянясь в своей верности «духу, но не букве» этой концепции.

**Конрад Аденауэр
(1867-1967)**

В том, что экономика ФРГ даже после 30 с лишним лет безудержного роста перераспределения через госбюджет, проведения совершенно негибкой политики в сфере трудовых отношений, опережающего роста государственного долга и т.д., и т.п. все еще остается одной из сильнейших в Европе – не слабость, а сила того фундамента, который был создан в конце 40 – начале 60-х гг. и с тех пор постоянно подвергается усадкам и испытаниям на прочность.

5. Социальное рыночное хозяйство – панацея для России, поскольку она в начале периода системной трансформации находилась в сходных с Германией условиях: дезорганизация и дискредитация прежнего общественного устройства в глазах если не большинства населения, то активной части населения, разруха и моральная устарелость сложившейся производственной базы, распад прежних хозяйственных связей вследствие раскола страны и проч.

Действительно, между Россией и послевоенной Германией – много общего. Но много и отличий. Наиболее важные среди них: немецкие монополии в значительной степени были ослаблены – политикой денацификации и декартелизации. Так что опасность монополистического влияния на экономику и политику была осознана только в середине 50-х гг., когда под давлением Эрхарда был принят (1957 г.) закон против картелей. В России же они успешно мимикрировали из министерств в крупные межотраслевые государственные корпорации. И влияние госмонополий в экономике усиливается на протяжении всего периода трансформации.

В Германии под спудом нацистского режима сохранились на «клеточном» уровне формы местного самоуправления, которые и стали фундаментом для отстраивания гражданского общества, а потому – для запуска механизмов субсидиарности. В России этих форм не было, потому на страну с неизбежностью опустилась вертикаль власти с присущей ей сверхцентрализацией.

Наконец, Западная Германия восстанавливалась в период, когда экономическая интеграция Европы делала лишь первые шаги, а потому внутренние механизмы рыночного развития, включая и специфические для модели социального рыночного хозяйства элементы, не испытывали столь мощного воздействия мирового рынка и его императивов, как это имеет место в отношении России. И если Эрхард мог позволить себе, например, возражать даже против сверхбыстрого распространения налогового, таможенного и др. режимов западногерманской экономики на экономику Саара (эта земля оказалась в составе ФРГ чуть позже), опасаясь, как бы ростки свободного рынка здесь не были подмяты более мощными силами, то для России в нынешней ситуации глобальных экономических связей вопрос стоит иначе – тем более, что через экспорт нефти и газа страна все равно втянута в глобальные мирохозяйственные процессы.

Означает ли это, что опыт социального рыночного хозяйства бесполезен? Нет – его надо знать, при этом, правда, помня, что дважды в одну воду войти не удавалось ее никому.

Латов Ю.В. (ГУ-ВШЭ)

Компаративистский подход к загадкам социального рыночного хозяйства

Россия постоянно ищет, "делать жизнь с кого". Киевская Русь училась у Византии, Московия Ивана III и Ивана IV – у Османской империи, петровская Россия – у Голландии и Швеции, Россия XIX века – у "Европы". Попытки полностью отрешиться от поиска "путеводной звезды" и провозгласить самих себя "третьим Римом" или "родиной социализма" особого успеха не приносили. И теперь, в начале III-го тысячелетия, российская цивилиза-

ция в очередной раз ищет объект для подражания. "Равнение на Америку" уже ушло в прошлое. В качестве главных кандидатов в наши "учителя" рассматриваются Западная Европа и Дальний Восток. Поскольку россияне склонны считать себя европейцами, то опыт англичан, немцев "и прочих разных шведов" кажется им ближе, чем экономические модели стран конфуцианского региона.

Современная Россия живет с чувством поражения в Третьей мировой ("холодной") войне, отсюда ее интерес к Германии. Ведь потерпев в 1945 г. еще более сокрушительное поражение, эта страна смогла уже через 5 лет восстать из пепла, и сейчас бывшие победители с завистью глядят на бывших побежденных. Российский интерес к германскому опыту социального рыночного хозяйства, основанному на ордо-либеральной теории, подогревается тем, что "рейнская модель" кажется искомым "третьим путем" - то ли "капитализмом с человеческим лицом", то ли даже "социализмом с эффективной экономикой".

Изучение проблем социального рыночного хозяйства имеет, однако, для отечественных обществоведов не только чисто практическую актуальность. Обсуждение этих проблем позволяет лучше заметить некоторые парадоксы экономической истории XX века

Загадка № 1:

сколько было и есть «социальных рыночных хозяйств»?

Первая проблема связана с пониманием того, что же вообще такое «социальное рыночное хозяйство». Дело в том, что этим термином обозначают весьма разные социально-экономические концепции и модели национальной экономики.

При обсуждении социального рыночного хозяйства часто утверждается, будто разработанная Вальтером Ойкеном "теория порядка", идущие от Альфреда Мюллера-Армака концепции "социального рыночного порядка", сотворенное Людвигом Эрхардом "немецкое чудо" и современная германская модель экономики – это единый комплекс. Так сказать, Ойкен и Мюллер-Армак придумали, Эрхард воплотил, а современные немцы наслаждаются плодами. Однако на самом деле это не совсем так.

Начнем с вопроса о концепциях.

В книге Б.Е. Зарицкого со ссылкой на Х-Ф. Вюнше сообщается, что в современной Германии имеют хождение ни много ни мало как 7 версий концепции социального рыночного хозяйства. Парадокс в том, что как раз либеральная версия Эрхарда наименее популярна! Современным немцам сильнее нравятся интерпретации в более «социалистическом» духе¹. Иначе говоря, в полемике между Э. де Ясаи и Й. Штарбатти германское общество скорее на стороне социалиста, чем либерала.

Этот разнобой в истолковании того, что же такое «социальное рыночное хозяйство», не есть особенность только современной ситуации. Она появилась практически одновременно с возникновением самого этого понятия. Едва начались эрхардовские реформы, как обнаружилось, что либеральный экономист-практик Эрхард далеко не во всем согласен с ордо-либеральным экономистом-теоретиком Ойкеном, а еще меньше – с католическим социологом Мюллером-Армаком (который собственно и придумал понятие *Soziale Marktwirtschaft*). Если вчитаться в «Полвека размышлений» Эрхарда, то с удивлением обнаруживаешь определенную отстраненность реформатора от неолибералов, которых принято считать его братьями и учителями. Сам Эрхард считал своим «учителем и другом» вовсе не Вальтера Ойкена, а мало кому известного в наши дни Франца Оппенгеймера, называвшего свое учение «либеральным социализмом»².

¹ Зарицкий Б.Е. Экономика Германии: путь по лестнице, ведущей вниз. М.: Юристъ, 2003. С. 35-37.

² Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993. С. 515-521.

Очень похоже на то, что термин «социальное рыночное хозяйство» оказался удобен именно своей неопределенностью, позволяющей каждому участнику дискуссии вкладывать в него свой смысл. Такие термины-лозунги хороши для политиков: во время предвыборной агитации одни избиратели будут слышать «социальное», другие - «рыночное», и те и другие охотно проголосуют «за». Однако экономисты (как и любые другие ученые) стремятся избегать терминов с блуждающим смыслом, поскольку их использование мешает понимать объект дискуссии. Поэтому отказ «впустить» немецких либералов в мейнстрим экономической науки можно отчасти объяснить и естественным нежеланием экономистов-теоретиков смешивать научный дискурс с политическим популизмом. Это не значит, что экономисты-теоретики англо-американского мейнстрима совсем глухи к проблеме коллизий между экономической эффективностью и социальной справедливостью (вспомним хотя бы «теорию справедливости» Д. Роулса). Однако они предпочитают пользоваться более строгой терминологией.

Итак, если рассматривать «социальное рыночное хозяйство» как чисто теоретическую концепцию, то обнаруживается, что под этим названием скрывается очень широкий спектр воззрений - от «правых» рыночных фундаменталистов в духе Хайека до «левых» социал-демократов.

Если же рассматривать «социальное рыночное хозяйство» как обозначение не теоретической концепции, а реальной хозяйственной практики, то и здесь обнаружится много «белых пятен».

Во-1-х, как указали в нашей дискуссии Р.М. Нуреев и А.Ю. Чепуренко, есть два весьма разных типа экономической политики, прокламирующих нацеленность на *Soziale Marktwirtschaft*.

«Социальное рыночное хозяйство – 1» - это то, что делал в 1948-1966 гг. сам Людвиг Эрхард. При этом его действия далеко не во всем совпадали с его теоретическими убеждениями: как практический политик, он четко осознавал, что ради тактического успеха придется то и дело «наступать на горло собственной песне». А с конца 1960-х гг. началось стихийное формирование «социального рыночного хозяйства – 2», которое сохраняло старое название-лозунг, но делало акцент не на «рыночном», а на «социальном». И именно это «социальное рыночное хозяйство – 2» кажется многим современным российским обществоведам очень привлекательным. Не случайно в Интернет-конференции было много докладов о социальной политике, но почти ни одного – о стимулировании конкуренции³. Между тем сам Эрхард, как и Ойкен, обеспечение экономической демократии ценил выше обеспечения социальной защиты! Но и социальную политику Германии мы склонны оценивать весьма односторонне – социальная защита, делающая работника пассивным получателем государственно гарантированных льгот, вызывает больше интереса, чем социальное партнерство в духе *Mittbestimmung*, предлагающее работнику активную роль со-руководителя фирмы.

³ Интересным исключением является реплика Л.С. Яковлева, подчеркнувшего, что в современной России, как и в послевоенной Германии, главная задача – это не столько конструирование механизмов социальной защиты и социального партнерства, сколько выстраивание политики, нацеленной на содействие хозяйственной инициативе граждан (<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/274502.html>). Это – подход в духе именно Эрхарда.

Во-2-х, обсуждение социального рыночного хозяйства как национальной экономической модели неправомерно сводить только к опыту Германии.

В литературе можно найти упоминания, что на германскую экономику во многом похожи экономические системы двух других немецко-культурных стран (Австрии и Швейцарии), а также Голландии и Бельгии. Мишель Альбер, чтобы подчеркнуть это сходство, активно пользуется терминами «рейнская модель» и «альпийская модель»⁴. В отечественной литературе проблема сходства и отличия германской экономики в сравнении с ее соседями пока еще не становилась объектом специального анализа. В результате дискурс о социальном рыночном хозяйстве оказывается зауженным – из него выпадают не-германские модификации этой экономической модели.

Итак, анализ социального рыночного хозяйства должен быть обсуждением 7-ми (или более) концепций, 2-х этапов развития послевоенной Германии и 5-ти национальных моделей экономики. Только в таком широком контексте можно понять истинный смысл и настоящую ценность теории и практики социального рыночного хозяйства.

Загадка № 2:

было ли эффективным «социальное рыночное хозяйство – 1»?

В основании российского дискурса о социальном рыночном хозяйстве лежит тезис, что это – очень эффективная модель социально-экономического развития, которая помогла Западной Германии не просто подняться после Второй мировой войны из руин, но и стать одним из лидеров современной мировой экономики. Но на самом ли деле германская модель социально-экономического развития, называемая социальным рыночным хозяйством, обеспечила невиданно высокую эффективность национальной экономики Германии? Попробуем взглянуть на устоявшиеся представления под критическим углом, используя компаративистскую методiku – сравнения во времени и в пространстве.

Для понимания определенной логической противоречивости традиционной точки зрения показательна выставленная в Интернет-конференции статья М.В. Сеницына⁵. В начале статьи автор с оптимизмом заявляет, что «германская модель социально-экономического развития может считаться одной из лучших политик XX века». В конце же статьи он приходит к пессимистическому выводу, что «прежняя модель социальной политики зашла в тупик и не может справиться с вызовами времени». Может ли быть одной из лучших модель, зашедшая в тупик?

Можно, конечно, сказать, что никакого противоречия здесь нет. «Одной из лучших» была модель социально-экономической политики, предложенная Эрхардом и просуществовавшая до 1960-х гг. А вот затем "был совершён поворот к кейнсианским методам экономического стимулирования", и эти-то кейнсианцы как раз и завели Германию в тупик. Одним словом, сначала социальная политика была правильной (направленной на "обеспечение условий деятельности индивидов, способных... самостоятельно заботиться о себе"), а потом неправильной (направленной на перераспределение доходов).

Однако вспомним интересную подробность, которую сообщил А.Ю. Чепуренко: "Послевоенная Германия была обществом с крайне малочисленными категориями неработающего населения... [поэтому] открытие возможностей для предпринимательского старта, поощрение малого и среднего бизнеса было наилучшей формой социальной политики"⁶. Но

⁴ Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998.

⁵ Сеницын М.В. Основные черты германской модели социальной политики // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/272788.html>.

⁶ См.: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/272096.html>.

ведь создавшаяся в послевоенной Германии специфическая демографическая ситуация в принципе не могла быть длительной!

Видимо, следует констатировать, что предложенная Л. Эрхардом социально-экономическая политика имела низкую степень универсальности – она могла давать высокие позитивные эффекты лишь в очень специфических условиях послевоенной Германии. Условия же эти таковы: нуждающихся в социальной поддержке объективно было мало (тех, кто осмеливался ее требовать - и того меньше), а реформатор сидел «на штыках» англо-франко-американских оккупационных войск и мог осуществлять весьма радикальные реформы, не отвлекаясь на всякие референдумы. Да, «оккупационные власти были не в восторге от идей Эрхарда» (А.Ю. Чепуренко). Однако все же уговорить тогдашнего руководителя оккупационных администраций Тризонии американского генерала Люциуса Клея было куда легче, чем нормальный парламент⁷. Реформы Эрхарда (по крайней мере, на самом важном начальном этапе, до провозглашения ФРГ в 1949 г.), как не странно, - это пешный опыт *авторитарной* модернизации, произведенной «добродетельным тираном», который лучше всех знает, "как надо".

Когда же к 1960-м гг. демографическая ситуация в Германии стала более нормальной, то оказалось, что эрхардовскую модель необходимо менять. К тому же «дружеские штыки» оккупационных войск ушли в прошлое. Правда, возможность Эрхарда влиять на формирование социально-экономической политики, казалось бы, возросла: при Аденауэре он был «только» министром экономики, а в 1963-1966 гг. Эрхард в роли канцлера ФРГ получил высшую власть. Но лучше бы он ее не получал. Благожелательно настроенные биографы Эрхарда пишут, что «политик из него был посредственный». Менее благожелательные говорят о «несостоятельности Эрхарда как канцлера»⁸. В газетах того времени можно было найти немало карикатур на Эрхарда, намекающих, что его время истекло. Получается, что создатель «социального рыночного хозяйства» сам же его отчасти и дискредитировал.

Итак, когда Германия Эрхарда оказалась в нормальных условиях социально-экономического развития, его реформаторский курс потерпел неудачу. Найденная им формула «немецкого экономического чуда» отлично работала только в экстремальных условиях. Наследникам Эрхарда пришлось переходить от либеральной модели "социального рыночного хозяйства – 1" к "социальному рыночному хозяйству – 2" с кейнсианской или даже социал-демократической идеологией. Создается впечатление, что Эрхард был гениальным тактиком, но не очень способным стратегом.

Впрочем, критически подходя к осмыслению эффективности эрхардовской модели социального рыночного хозяйства, не будем перегибать палку.

Да, Людвиг Эрхард создал не "экономику на все времена", а "всего лишь" национальную экономическую модель, эффективную в течение примерно 15-ти послевоенных лет. Но и это очень немало! Для сравнения вспомним, как развивались другие разоренные войной страны Западной Европы. Нечто похожее на «немецкое чудо» происходило только в

⁷ Кстати, когда говорят об «отцах» германской модели, то, как правило, забывают даже упомянуть тех администраторов (до 1949 г. Л. Клея, затем К. Аденауэра), которые «прикрывали» Эрхарда и тем самым обеспечивали ему мало-мальски приемлемые условия для реализации идей, отнюдь не пользовавшихся всенародной поддержкой.

⁸ См.: <http://dissertation2.narod.ru/avtoreferats6/st2.htm>.

послевоенной Японии, где, видимо, роль "коллективного Эрхарда" сыграли американские оккупационные власти. Можно предположить, что если бы не эрхардовские реформы, в Германии, вероятно, победили бы этицистские тенденции и она повторила бы худшие черты послевоенного развития других стран Западной Европы: частые политические кризисы (как во Франции и в Италии), чередование национализаций и денационализаций (как во Франции и в Великобритании), вялые темпы экономического роста, роль лидера «второго сорта» в ЕЭС.

Не будем упрекать Эрхарда за то, что ему не удалось создать экономическую модель «на все времена» - такая задача, видимо, вообще невыполнима. Он – герой *своего* времени. «Не говори с тоской: их нет, Но с благодарностью: были».

Что касается кажущегося парадокса «либеральных реформ при авторитарной власти», то это, на самом деле, едва ли не универсальная закономерность. Карл Поланьи очень точно заметил, что рыночная система – это искусственное образование, для создания которого необходимо определенное насилие над естественными склонностями людей. Пожалуй, трудно назвать такого радикального «конструктора» рыночного хозяйства, которому бы не пришлось использовать авторитарные методы. В Великобритании эпохи промышленной революции о методах создания эффективного рынка труда Байрон со злой иронией писал: «И виселиц ряд оживляет картину, Свободы расцвет знаменуя собой». Чтобы провести либеральные реформы в Великобритании 1970-х гг., понадобилась «железная леди» М. Тэтчер. В послевоенной Южной Корее рыночную экономику строили военные диктаторы. Расстрел Белого Дома в Москве 1993 г. тоже укладывается в эту общую закономерность. Чтобы создать основы эффективной экономики, основанную на принципе экономической свободы, обычно необходимо временно отнять у граждан часть политической свободы. Главное при этом – не забыть ее вернуть, иначе средство может превратиться в цель.

Для корректного понимания степени успеха реформ Эрхарда и их роли в возрождении Германии очень важен компаративистский анализ послевоенного развития Западной и Восточной Германии.

Идеологические шоры препятствовали анализу этого сюжета в советские времена, препятствуют и в наши дни. Разница лишь в том, что ранее предлагалось рассматривать развитие ГДР как демонстрацию успехов социализма, а теперь, похоже, его вообще предложено забыть как страшный сон. Между тем выявление общего и особенного в развитии ФРГ и ГДР позволяет сделать важные выводы о роли глубинных пластов национальной хозяйственной культуры вне зависимости от поверхностных идеологических наслоений.

Стало общим местом подчеркивать, что Эрхард возродил Западную Германию из руин послевоенного времени. Но ведь и Восточная Германия лежала в таких же руинах, если только не в еще более худших (бои на Восточном фронте шли гораздо ожесточеннее, чем на Западном). Самое главное, советская оккупационная политика в силу как объективных, так и субъективных причин отличалась от ситуации в американско-англо-французской зоне, увы, не в лучшую сторону.

Дело, прежде всего, в том, что с 1948 г., после начала «холодной войны», наши бывшие союзники прекратили передавать нам положенные, согласно решениям Потсдамской конференции, репарационные платежи из Тризонии. В результате восточным немцам пришлось до 1955 г. платить «за себя и за того парня». Поэтому в Западной Германии репарации в пользу победителей составляли лишь 6-15% ежегодного ВВП, к тому же с 1947 г. начал активно действовать план Маршалла, направленный на оказание помощи странам Западной Европы, включая и ФРГ, как союзникам США в «холодной войне». Зато в Восточной Германии репарации составляли в послевоенные годы, согласно современным оценкам, порядка 20-50% ВВП.

Именно этим «плохим стартом» современные историки-экономисты объясняют во многом значительное отставание экономики ГДР от ФРГ. Действительно, если в промышленности Западной Германии довоенный уровень был достигнут к 1949-1950 гг., то в ГДР этого удалось добиться лишь в электроэнергетике и добыче бурого угля; в основных же отраслях (производство стали, химическая и текстильная промышленность, машиностроение) довоенные показатели были достигнуты только в 1950-1960-е гг.⁹

И все же среди национальных экономических систем стран социалистического лагеря экономика ГДР справедливо считалась одной из наиболее успешных. По клиометрическим данным А. Мэддисона можно сделать очень интересные количественные сопоставления (Табл. 1).

Таблица 1

Сравнение экономического развития «двух Германий» в 1950-1973 гг.*

Страны	ВВП на душу населения, в долл. США по покупательной способности на 1990 г.			Рост за 1950-1973 гг.
	1936 г.	1950 г.	1973 г.	
Западная Германия (ФРГ)	4.590	4.280	13.140	В 3,1 раза
Восточная Германия (ГДР)	4.670	2.860	7.650	В 2,7 раза
Социалистические страны Восточной Европы		2.120	4.990	В 2,4 раза
СССР		2.834	6.060	В 2,1 раза

Рассчитано по: Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. OECD Publications, 2001. P. 178, 185.

* Показатели даны с округлением.

В частности, если взять период 1950-1973 гг., когда экономические системы «двух Германий» уже стабилизировались, то темпы роста среднедушевого ВВП Восточной Германии хотя и отставали от темпов роста Западной Германии, но при этом превосходили темпы роста других социалистических стран Европы. Наиболее поразительно сопоставление ГДР с СССР: в 1950 г. они находились примерно на одном уровне, а к 1973 г. восточные немцы, несмотря на репарации, обогнали нас на 25%!

Может быть, в послевоенные десятилетия было не одно «немецкое чудо», а два – одно в ФРГ, другое в ГДР? И дело не только и не столько в гениальности Л. Эрхарда, сколько в высокой хозяйственной культуре немецкого народа?

Загадка № 3:

является ли эффективным «социальное рыночное хозяйство – 2»?

Экономисты (особенно, сторонники либеральной идеологии), сравнивая Германию времен Эрхарда с пост-эрхардовой, часто высказывают в адрес «наследников» Эрхарда весьма нелюбезные суждения. Судя по литературе, стоило Германии выйти из специфических послевоенных условий, как она начала создавать модель гипер-социального государства, где общество становится жертвой бюрократии. Новая политика постепенно превратила суперчестных налогоплательщиков образца 1946 г. в злостных "уклонистов от налогов" 1990-х гг. Получается, что и модель "социального рыночного хозяйства - 2" тоже нельзя рассматривать как эффективную в долгосрочном периоде: "договор поколений", ко-

⁹ О влиянии советских репараций на развитие Германии см.: Болдырев Р.Ю. Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945-1949 гг.): экономический аспект. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук (2004) - <http://www.rusgermhist.ru/RusRaboti/RusBoldirew/boldirew-04-04.htm>; Болдырев Р.Ю. Советские репарации из Германии 1945-1955 гг.: скрытая страница советской истории // Защитники Отечества. Материалы VI и VII областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2000 - <http://www.rusgermhist.ru/RusRaboti/RusBoldirew/soviet-reparations-1945-55.pdf>.

гда дети фактически обеспечивают пенсию своим родителям, не сможет продержаться в условиях поразившей Германию депопуляции.

Воссоединение Восточной Германии с Западной в 1990 г. щедро добавило масла в огонь. Экономика ФРГ и так страдала от перегруженной и бюрократизированной системы социальных услуг, а теперь к "весси" добавились "осси", "развращенные социализмом". В результате в конце 1990-х гг. на каждого восточного немца государство в среднем тратило примерно на 25% средств больше, а получало в виде налогов на 25% меньше, чем на западного немца¹⁰.

Итак, если верить многим публикациям, Германия начала 2000-х гг. подозрительно напоминает СССР горбачевских времен конца 1980-х гг.: сравнительная конкурентоспособность национальной экономики падает, теневой сектор растет как на дрожжах, все говорят о необходимости реформ, но никто не знает, как за них взяться. Как выразился еще десятилетие назад председатель Союза немецкой промышленности Х.О. Хенкель, "мы вплотную подошли к той черте, которая отделяет нас от государственного социализма и экономического паралича"¹¹.

Попробуем подойти критически к критике в адрес пост-эрхардовского "социального рыночного хозяйства - 2". Вряд ли стоит принимать за чистую монету все филиппики в адрес современной германской экономической модели. В Германии, как и в России, судя по всему, много таких критиков, которые готовы по идеологическим соображениям десятилетиями твердить, что "мы подошли к критической черте" и "прогнивший строй" вот-вот рухнет, замечая в жизни одни лишь негативные тенденции.

Чтобы лучше понять, насколько плохо или хорошо развивалась пост-эрхардовская Германия, попробуем, используя оценки того же А. Мэддисона, сравнить ее основные макроэкономические показатели с показателями других развитых стран (Табл. 2, 3).

Прежде всего, отметим, что нет *ни одного* показателя, по которому бы Германия в последнюю четверть XX в. оказалась самой худшей среди пятерки ведущих развитых стран Запада. Хуже всего обстоит дело со средними темпами ежегодного прироста среднелюдского ВВП, но и по этому показателю Германия на одном уровне с Францией. По темпам прироста производительности труда (ВВП за час работы) Германия среди лучших: ее темпы чуть ниже, чем у Франции, но много выше, чем у США.

Таблица 2

**Среднегодовые темпы экономического прироста
в ведущих развитых странах Запада, в %**

Ведущие развитые страны Запада	Среднелюдской ВВП		ВВП за час работы	
	1950-1973 гг.	1973-1998 гг.	1950-1973 гг.	1973-1998 гг.
Страны, побежденные во Второй мировой войне				
Германия	5,0	1,6	5,9	2,4
Италия	5,0	2,1	5,8	2,3
Страны, победившие во Второй мировой войне				
Франция	4,1	1,6	5,0	2,5
Великобритания	2,4	1,8	3,1	2,2
США	2,5	2,0	2,8	1,5

Составлено по: Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. OECD Publications, 2001. P. 132.

¹⁰ Цит. по: Андреева Е.Л., Стровский Л.Е. Россия и Германия. Уроки трансформации социально ориентированной экономики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 4.

¹¹ Там же. С. 3.

Безработица и инфляция в Германии всегда, кроме последнего рассмотренного А. Мэддисоном периода, были самыми низкими. Некоторое ухудшение показателей Германии в 1990-е гг. легко объяснить последствиями объединения ФРГ и ГДР. Если в послевоенное десятилетие восточный немец отдавал СССР репарации "за себя и за того парня" с Запада, то теперь уже западный немец, возвращая долг, отдает социальные платежи "за себя и за того парня" с Востока, который при социализме привык к сильной социальной защите, но несколько отвык от по настоящему производительного труда.

Таблица 3

Безработица и инфляция в ведущих развитых странах Запада, в %

Ведущие развитые страны Запада	Безработица				Инфляция (темпы прироста потребительских цен)			
	1950-1973 гг.	1974-1983 гг.	1984-1993 гг.	1994-1998 гг.	1950-1973 гг.	1974-1983 гг.	1984-1993 гг.	1994-1998 гг.
Страны, побежденные во Второй мировой войне								
Германия	2,5	4,1	6,2	9,0	2,7	4,9	2,4	1,7
Италия	5,5	7,2	9,3	11,9	3,9	16,7	6,4	3,5
Страны, победившие во Второй мировой войне								
Франция	2,0	5,7	10,0	12,1	5,0	11,2	3,7	1,5
Велико-британия	2,8	7,0	9,7	8,0	4,6	13,5	5,2	3,0
США	4,6	7,4	6,7	5,3	2,7	8,2	3,8	2,4

Составлено по: Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. OECD Publications, 2001. P. 134.

Итак, на фоне других развитых стран германское "социальное рыночное хозяйство - 2" выглядит более чем достойно. Конечно, результаты у него похуже, чем у эрхардовского "социального рыночного хозяйства - 1", но ведь "немецкое чудо" на то и чудо, что оно не может длиться вечно.

Следует обратить внимание на то, что издержки многих недостатков, присущих современной германской экономике, имеют во многом иной характер, чем в других странах. Как экономист, специализирующийся на проблемах теневой экономики, проиллюстрирую этот тезис на примере одного только этого сектора.

Проанализируем сначала количественные показатели, опираясь на исследования австрийского экономиста Фридриха Шнайдера¹², одного из ведущих современных специалистов по сравнительному анализу теневой экономики.

Ф. Шнайдер проследил динамику роста теневого сектора в трех немецко-язычных странах с разными модификациями социального рыночного хозяйства – Германии, Австрии и Швейцарии – с 1970-х гг. до наших дней (Табл. 4). Судя по его данным, ситуация в странах рейнско-альпийской модели далека от идеала. Почти трехкратный относительный рост теневой экономики за последние 30 лет в Германии и Швейцарии, более чем пятикратный рост в Австрии – показателями успеха это не назовешь.

Однако как смотрятся эти страны на фоне других развитых стран 1990-2000-х гг.?

Если расширить угол зрения и рассматривать Германию не саму по себе, а в контексте общих тенденций социально-экономической эволюции развитых стран (Табл. 5), то оценки становятся гораздо менее критическими. Показатели Германии чаще всего оказываются не выше, а *ниже* среднего показателя стран ОЭСР, а в общем примерно соответствуют среднему уровню. Что касается других рейнско-альпийских стран, Австрии и Швей-

¹² Schneider F. Rückläufige Schattenwirtschaft in Deutschland, Österreich und in anderen OECD-Ländern – Fluch oder Segen? (январь 2005): <http://www.econ.jku.at/Schneider/Schatt2005.pdf>.

царии, то у них теневой сектор – один из самых низких среди развитых стран (ниже только в США).

Таблица 4

Размеры теневой экономики в немецкоязычных странах за 1975-2005 гг.
согласно данным об использовании наличных денег

Годы	Размеры теневой экономики в сравнении с официальным ВВП					
	Германия		Австрия		Швейцария	
	%	Млрд. евро	%	Млрд. евро	%	Млрд. франков
1975	5,75	29,6	2,04	0,9	3,20	12
1985	11,20	102,3	3,92	3,9	4,60	17
1995	13,90	241,1	7,32	12,4	6,89	25
2005	15,64	346,2	10,27	22,0	9,05	38,7

Таблица 5

Динамика масштабов теневой экономики (в % от официального ВВП)
в странах ОЭСР 1990-2000-х гг.*

Страны	1989/90	1994/95	1999/00	2003	2005
Греция	22,6	28,6	28,7	28,2	27,6
Италия	22,8	26,0	27,1	26,1	24,4
Испания	16,1	22,4	22,7	22,2	21,3
Португалия	15,9	22,1	22,7	22,2	21,2
<i>Бельгия</i>	19,3	21,5	22,2	21,4	20,1
<i>Норвегия</i>	14,8	18,2	19,1	18,6	17,6
<i>Швеция</i>	15,8	19,5	19,2	18,6	17,5
<i>Финляндия</i>	13,4	18,2	18,1	17,6	16,6
<i>Дания</i>	10,8	17,8	18,0	17,4	16,5
<i>Германия</i>	11,8	13,5	16,0	17,4	15,6
Ирландия	11,0	15,4	15,9	15,4	14,8
Канада	12,8	14,8	16,0	15,3	14,3
Франция	9,0	14,5	15,2	14,7	13,8
Австралия	10,1	13,5	14,3	13,7	12,6
Великобритания	9,6	12,5	12,7	12,2	12,0
<i>Нидерланды</i>	11,9	13,7	13,1	12,7	12,0
Новая Зеландия	9,2	11,3	12,8	12,3	11,7
Япония	8,8	10,6	11,2	11,0	10,3
<i>Австрия</i>	6,9	8,6	9,8	10,8	10,3
<i>Швейцария</i>	6,7	7,8	8,6	9,5	9,0
США	6,7	8,8	8,7	8,5	8,2
В среднем для 21 страны ОЭСР	12,7	16,2	16,8	16,5	15,6

* В таблице выделены курсивом страны с сильной социальной политикой – скандинавские страны и страны с социальным рыночным хозяйством (по типологии М. Альбера).

Сильный рост теневой экономики в странах социального рыночного хозяйства, оказывается, отражает общемировую тенденцию. Видимо, дело в кризисном состоянии не какой-то одной национальной модели, а современного мирового сообщества в целом. Увы, нового Эрхарда нет пока не только в Германии, но и нигде в мире. "Предвестьем льгот приходит гений И гнетом мстит за свой уход".

Теперь перейдем от количественных к качественным оценкам.

Мы, россияне, привыкли ассоциировать теневую экономику прежде всего с рэкетом, коррупцией, нелегальной миграцией, наркобизнесом, проституцией и прочими опасными

для общества видами экономической деятельности. Работают ли эти ассоциации применительно к Германии? Скорее нет, чем да.

Таблица 6

Типологизация теневой экономики

Основные признаки	«Беловоротничковая» экономика	«Серая» (неформальная) экономика	«Черная» (криминальная) экономика
Субъекты	Работники официального (“белого”) сектора экономики	Неофициально занятые	Профессиональные преступники
Объекты	Перераспределение доходов без производства либо производство запрещенных услуг	Производство обычных товаров и услуг	Производство запрещенных товаров и услуг
Конкретные разновидности	Коррупция, уклонение от налогов, приписки	Мелкий незарегистрированный бизнес, безконтрактный найм, контрафактное производство	Наркобизнес, рэкет, проституция, кражи, грабежи

С некоторой долей условности теневую экономику можно разбить на три подсектора – «беловоротничковую», «серую» и «черную» теневую экономическую деятельность (Табл. 6). С точки зрения интересов общества, самыми опасными разновидностями являются «беловоротничковая» и «черная»: в них либо производятся «вредные блага» (наркотики, платный секс...), либо вообще осуществляется перераспределение доходов, уменьшающее общее благосостояние (грабежи, коррупция). Что касается «серой» теневой экономики, то она в целом скорее полезна, чем вредна, поскольку обеспечивает потребителей обычными товарами и услугами, а также стимулирует конкуренцию (вспомним «Иной путь» Э. де Сото).

Страны с сильной социальной политикой, где теневая экономика обычно крупнее, чем в более либеральных странах, отличаются как раз тем, что подавляющую долю нелегальной деятельности составляют разные виды уклонения от налогов, чем занимаются как неформальные производители, так и легальные фирмы. Это значит, что в теневом секторе абсолютно доминирует «серая» теневая деятельность и та «беловоротничковая», которая наименее опасна. Что касается «черной» теневой экономики, то выражение «немецкая мафия» воспринимается как оксюморон (типа «квадратного круга»). Зато либеральные США демонстрируют весьма высокий уровень криминальности, включая хрестоматийно известную организованную преступность. С точки зрения развития коррупции Германия тоже является более чистой страной, чем США (Табл. 7). Страны Скандинавии, где «социализма» больше, чем в Германии, в этом отношении еще выразительнее: хотя относительные масштабы теневой экономики у них примерно вдвое выше, чем в США, однако эти страны по чистоте от коррупции устойчиво «впереди планеты всей», включая США.

Таблица 7

Индексы восприятия коррупции для стран ОЭСР

СТРАНЫ МИРА	Индексы восприятия коррупции			
	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2006 г.
Новая Зеландия	9,6	9,4	9,5	9,6
Финляндия	9,1	9,8	9,7	9,6
Дания	9,3	10,0	9,5	9,5
Швеция	8,9	9,4	9,3	9,2
Швейцария	8,8	8,9	8,8	9,1
Норвегия	8,6	8,9	8,8	8,8
Австралия	8,8	8,7	8,8	8,7

<i>Нидерланды</i>	8,7	9,0	8,9	8,7
Великобритания	8,6	8,6	8,7	8,6
<i>Австрия</i>	7,1	7,6	8,0	8,6
Канада	8,9	9,2	8,7	8,5
<i>Германия</i>	8,1	8,0	7,7	8,0
Япония	6,7	6,0	7,0	7,6
Ирландия	8,6	7,7	7,5	7,4
Франция	7,0	6,6	6,9	7,4
США	7,8	7,5	7,5	7,3
<i>Бельгия</i>	6,7	5,3	7,6	7,3
Испания	4,4	6,6	6,9	6,8
Португалия	5,6	6,7	6,6	6,6
Италия	3,0	4,7	5,3	4,9
Греция	4,0	4,9	4,3	4,4

Составлено по: <http://www.transparency.org/>.

* В таблице выделены курсивом страны с сильной социальной политикой – скандинавские страны и страны с социальным рыночным хозяйством (по типологии М. Альбера).

Таким образом, можно сформулировать закономерность: сильная социальная политика в условиях современного рыночного хозяйства обычно ведет к росту теневой экономики, но к снижению ее вреда для общества. Современная Германия – яркий тому пример. Поэтому «экономический паралич» ей вряд ли угрожает.

Итак, компаративистский подход к анализу германской экономической модели в частности и к модели социального рыночного хозяйства в целом обнаруживает много интересных аспектов, требующих пристального изучения. В России давно настало время внедрять экономическую компаративистику не только в научный дискурс, но и в преподавание экономических дисциплин. К сожалению, пока это направление научных исследований известно в нашей стране относительно слабо.

Литература

Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998.

Андреева Е.Л., Стровский Л.Е. Россия и Германия. Уроки трансформации социально ориентированной экономики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

Болдырев Р.Ю. Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945-1949 гг.): экономический аспект. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук (2004) - <http://www.rusgermhist.ru/RusRaboti/RusBoldirew/boldirew-04-04.htm>.

Болдырев Р.Ю. Советские репарации из Германии 1945-1955 гг.: скрытая страница советской истории // Защитники Отечества. Материалы VI и VII областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2000 - <http://www.rusgermhist.ru/RusRaboti/RusBoldirew/soviet-reparations-1945-55.pdf>.

Зарицкий Б.Е. Экономика Германии: путь по лестнице, ведущей вниз. М.: Юристъ, 2003.

Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993.

Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. OECD Publications, 2001.

Schneider F. Rückläufige Schattenwirtschaft in Deutschland, Österreich und in anderen OECD-Ländern – Fluch oder Segen? (январь 2005) - <http://www.econ.jku.at/Schneider/Schatt2005.pdf>.

Раздел 3.3. Социальные институты в германской модели рыночного хозяйства

Григорьева И.А. (СПбГУ)

Исторические предпосылки и особенности развития «немецкой модели социальной политики»

В концепцию социального рыночного хозяйства, развитию которой посвящен данный сборник, органично входит «немецкая» модель социальной политики, которая в основных чертах была построена Бисмарком на основе взаимных обязательствах работодателей и работников. Развитие «социального рыночного хозяйства (СРХ), по оценке зарубежных ученых, оставило практически без изменений подходы к социальной политике. Так, на Западе давно стало привычным распределение «социальных обязанностей», связанное с тем, что за разработку и реализацию социальной политики отвечает не только государство, но и экономические акторы-партнеры, т.е. работодатели и работники / собственники и наемные работники. Такое распределение обязанностей в Германии складывалось столетиями и называется социальным партнерством. Модель социальной политики, базирующаяся на системе обязательного социального страхования, организуемой и финансируемой «социальными партнерами», часто называют по месту возникновения германской, по имени родоначальника - моделью Бисмарка, а по содержательному акценту – моделью трудовых достижений. Поскольку система социального страхования с взаимными обязательствами социальных партнеров, является основой социал-демократических/европейских моделей социальной политики, а социальные государства Западной Европы добились очевидных успехов в решении ее задач, исторический опыт Германии и в этом отношении заслуживает серьезного анализа.

Исторические предпосылки развития социального страхования

Социальное партнерство является формой контрактных, договорных отношений, частным случаем «общественного договора» Руссо [*Руссо* 1998]. Развитие буржуазного общества, развитие прав и свобод всех членов общества, провозглашенных в 1789 году в «Декларации прав человека и гражданина» привели к оформлению целого ряда идей, связанных с защитой социальных прав человека. Защита социальных прав понимается как защита от потери доходов на тех этапах жизни или в тех жизненных ситуациях, когда человек становится нетрудоспособным. Хотя индивиды предполагаются свободно взаимодействующими в рамках, установленных обычаями и законом, спросом и предложением, фактически их взаимодействие подразумевает наличие институтов права и государства как гарантов выполнения взаимных контрактных обязательств. Отсутствие правового поля не только парализует «невидимую руку» рынка, но и делает непредсказуемыми взаимодействия социальных партнеров, разрушает контрактные отношения.

Так, отношения в рамках обязательного социального страхования, на наш взгляд, представляют собой пример потенциально очень устойчиво сбалансированных взаимодействий, если нормы участия / включения / возмещения при наступлении страхового случая конструируются государством на основе экономизированного понимания эффективности социального страхования, с одной стороны, и неукоснительно соблюдаются контрактными/корпоративными партнерами взаимодействия, с другой.

В XVII-XVIII веках у теоретиков «общественного договора» обосновывается «неестественный» характер социальных отношений, базирующихся на добровольных соглашениях,

а не на традиционных родственных, клановых или соседских связях. Договоры страхования рассматривались как один из видов подобных соглашений, ограждавших от рисков потери имущества или товаров. Идея распространения страховых соглашений на людей в связи с риском потери дохода возникает в конце XVIII века. Однако она сразу столкнулась с возражением, что применение принципа страхования к людям будет подрывать чувство личной ответственности и провоцировать беззаботное отношение к своему будущему. Поэтому роль государства в системе социального страхования связана с решением тех задач, которые не удается решать на основе добровольного обмена между независимыми друг от друга обладателями прав собственности. Подробно дискуссия между либералами, настаивавшими на личной ответственности каждого гражданина и собственника, и социалистами, апеллировавшими к социальной солидарности, описана французским исследователем П. Розанваллоном [Розанваллон 1997, с. 20-26].

До середины XIX века во всех странах Европы, равно как и в России, семья являлась основным институтом поддержки нетрудоспособных лиц (детей, стариков, длительно болеющих и т.д.), а дополнением ей выступали частные и общественные (в том числе церковные) благотворительные учреждения, опекавшие одиноких лиц (нищих и убогих). Распад в связи с индустриализацией и урбанизацией многопоколенной семьи и сопутствующих ей социальных обязательств уменьшили семейные ресурсы, а наемный труд на промышленных предприятиях принес и новые возможности, и новые риски, которых не знал доиндустриальный уклад жизни.

Идея семейной солидарности, как базового типа социальной солидарности, помогла оформить идею «предприятия (корпорации) - большой семьи» и «государства - большой семьи». Речь шла о становлении механизмов финансовой ответственности через специальные виды страхования всех членов этих «новых семей» друг за друга. В социальном страховании был найден механизм, с помощью которого традиционные семейные механизмы солидарности были заменены другими, поддержанными и легитимированными государством системами безопасности и защищенности. Конечно, государству пришлось объяснять гражданам, почему целесообразно аккуратно платить взносы в систему социального страхования. Обязательному социальному страхованию предшествовали различные формы добровольного, в основном, в виде «касс взаимопомощи», «компаньонажей», «рабочих клубов» и т.д. Возникло новое понятие – «рабочая солидарность», которое также подразумевало, что рабочий класс – большая семья, объединенная общими интересами.

Для всей германской мысли того времени характерной чертой явилась попытка осмыслить взаимосвязь таких социальных феноменов как «государство – общность – личность – свобода», а не рассматривать изолированного от общества индивида как субъекта прав и свобод. Считалось, что человек должен быть связан с согражданами большим числом «уз», но это должны быть «узы» свободных союзов и корпораций, а не государства. Известный мыслитель того времени В. фон Гумбольдт настаивал на том, что государство не должно выходить за пределы, связанные с необходимостью охранять граждан от внешних и внутренних врагов, другие же цели, считал он, чреваты нарушением прав граждан на самостоятельное решение собственных проблем. Учреждения государства, осуществляющие заботу о гражданах, имеют вредные последствия, в них господствует дух правительства, единообразия, считал Гумбольдт. Многообразие, которое дается соединением многих, есть величайшее благо общества, оно теряется по мере усиления государства. Еще более от заботы государства страдает энергия деятельности и нравственный характер граждан. Кем много и часто руководят, подчеркивает Гумбольдт, тот легко добровольно отказывается и от представленной ему доли самостоятельности. Он считает себя свободным от забот и удовлетворяется тем, что ждет руководства свыше и подчиняется ему. Такой подданный считает себя свободным от нравственных обязательств и от законов, и уклонение считает выигрышным.

Если каждый рассчитывает на заботливую помощь государства о себе, то еще охотнее предоставляет государству заботу о других гражданах. Государство, следовательно, ослабляет сочувствие к ближним, и делает людей менее готовыми к оказанию взаимопомощи, поэтому оно должно брать на себя лишь «заботу о безопасности лиц, не достигших зрелого возраста или лишившихся, вследствие сумасшествия и слабоумия употребления своих умственных способностей» [цит. по *Гайм* 1898].

Сегодня, по истечении более чем полутора столетий, точка зрения В. фон Гумбольдта, выглядит весьма прозорливой, однако в середине XIX-го столетия большинство социальных мыслителей волновал вопрос о том, как от правового и политического «уравнения» перейти к уравнению общественному (от равных политических прав к равным социальным правам). Для решения вопроса были предложены политический радикализм К. Маркса, реформизм Э. Бернштейна и К. Каутского, а также теория «социального государства» Л. фон Штейна. Если В. фон Гумбольдт акцентировал задачу сохранения независимости личности от государства, то Л. фон Штейн пришел к выводу, что государство и его исполнительная власть должны взять на себя решение задачи «попечения об общественной нужде, дающего индивидууму физические условия личной самостоятельности» [Штейн 1874, с. 523].

На фоне такого общественного и теоретического климата впервые было введено принудительное (обязательное) страхование от несчастных случаев на производстве. Это произошло в Пруссии, в Промышленном уставе 1845 г.¹ Право издавать акты о страховых обязательствах получили органы местного самоуправления, на территории которых располагались предприятия. Эта форма страхования распространилось и на другие страны, где со второй половины XIX в. стали приниматься законы об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. Судебные процессы позволяли на практике выработать понятие профессионального риска. К примеру, нанимая человека на определенную работу, предприниматель подвергал его определенному риску, связанному с той или иной профессией. Следовательно, материальная ответственность за этот риск ложилась на предпринимателя. Первый законодательный акт (закон) об ответственности предпринимателей за профессиональный риск был издан в Германии в 1871 году. Чуть позже возник институт добровольного страхования предпринимателей от убытков, возлагаемых на них данным законом. В целом система обеспечения увечных рабочих по форме приняла страховой характер. Если страхование являлось еще добровольным, то само обеспечение риска обрело для работодателя принудительный характер. Позднее законодательно было закреплено не только само вознаграждение пострадавшему, но и его способ через посредство страховых организаций.

Завершилось создание системы обязательного социального страхования в период 1883-1889 годов под руководством канцлера Бисмарка. В 1883 году был введен Закон о страховании потери трудоспособности в связи с болезнью, в 1884 году - Закон о страховании в связи с несчастными случаями на производстве, в 1889 году - Закон о страховании нетрудоспособности в старости. При этом в данных законах плательщиками выступали как трудящиеся, так и предприниматели, а в особых случаях и государство. Эти виды страхования стали обязательными для работающих, независимо от возраста, пола, профессии, квалификации и состояния здоровья. Они явились фундаментом немецкого «социального рыночного государства» [Государственное и административное устройство 1998, с. 69-73]. Таким образом, можно заключить, что Бисмарку в его модели социальной политики удалось обобщить и юридизировать как нормы обычного права и общепринятых представлений о

¹ В то время Россия не отставала от Европы. В 1861 году был принят закон о «вспомогательных товариществах» при казенных горных заводах. С этого момента на казенных заводах в обязательном порядке устраивались кассы страхования, а затем регулирование страхования от несчастных случаев осуществлялось в рамках Устава о промышленности.

справедливости, так и уже институционально сложившиеся нормы экономических отношений. Это и обусловило устойчивость модели социальной политики «по Бисмарку».

Обязательное социальное страхование предложило убедительный ответ на вопрос, каким образом необходимые и желаемые гражданами социальные гарантии можно трансформировать в задачи государства, как и где государство изыскивает средства для этих целей, как они должны расходоваться и т.п. Ресурсы государства, как правило, формируются за счет законного изъятия части доходов граждан и организаций посредством налогообложения. Налогообложение – чрезвычайно важная связь между государством, рынком и гражданами, не менее древняя, чем нормы закона. Особые формы налогов, которые называются «социальные отчисления» (введенное российским законодателем понятие «единого социального налога» плохо согласуется с этой традицией, но об этом ниже), направляются в специальные, уполномоченные государством же финансовые организации для управления. Поэтому более чем столетняя традиция называет средства социального страхования «корпоративными», то есть вносимыми работниками и работодателями, и характеризуется тем, что аккумулируются эти средства не в бюджете государства, а в специально созданных целевых финансовых организациях (фондах, больничных кассах), государственных, но внебюджетных.

Система государственного социального страхования, возникнув в Германии, быстро охватила практически все страны Европы, поскольку вместо социально-философских рассуждений о соотношении ответственности и солидарности в ее основу было положено понятие риска, которое можно объективировать и степень риска рассчитать. С точки зрения вероятности потери дохода можно рассматривать в одной плоскости риски, связанные с несчастными случаями на производстве, болезнями, безработицей и даже старостью. Важно то, что договор страхования, как частный случай «общественного договора» делает выплату пособия зависящей от экономических условий и правовых норм, а не от щедрости государства-покровителя. Тем самым, речь идет не о нравственных правилах, а об исполнении закона. Жесткая связь между трудом, заработком и возможностью получения компенсаций также способствует уменьшению зависимости от государства, увеличивая личную ответственность за социальную безопасность (защищенность). Технически эта ответственность всегда обеспечивалась системой индивидуального учета внесенных сумм (которую наши российские реформаторы пенсионной системы называют «персонифицированным учетом взносов»), в картотеках больничных касс или страховых обществ. При смене места работы страховая карточка была основным документом, подтверждавшим права работника на социальные выплаты. В этом ее принципиальное отличие от советской «трудовой книжки», которая фиксировала стаж, а не накопленные суммы, почему в 1990-е годы подделка трудовых книжек или записей об особых видах стажа стала массовой. Впрочем, советская, а теперь и российская система пенсионного обеспечения/страхования во многом строится на перераспределительных началах, не связанных с законами рыночной экономики, а также на недоверии граждан к государству и друг к другу.

Принцип субсидиарности как дополнение социальному страхованию

Протестантская «этика трудовых достижений», воплощенная в социальном страховании, возможно, не разделялась бы в Германии и Европе столь многими, если бы дополнением ей не выступали фундаментальные христианские ценности, связанные с определением места человека в Космосе, с особенностями христианской хозяйственной этики и другими концептуальными моментами, как бы «завуалированными» наступлением протестантизма. Существенные для каждого христианина моральные основания всякой активности, в том числе и хозяйственной, воплощались в принципе ответственности каждого человека за себя и ближайших окружающих. Этот принцип личной ответственности, получивший извест-

ность, как «принцип subsidiarности», базируется на «естественном праве каждого человека самостоятельно решать собственные проблемы, без вмешательства государства в личную жизнь граждан» [Enciclopedia, 1966, 253] и является одним из опорных в конструкции социального государства в Германии.

Поэтому необходимо раскрыть, как этот принцип стал одним из важнейших в концепции СРХ. Развитие социального страхования, расширение налогообложения для реализации социальных функций государства и муниципалитетов, совпало по времени с процессом отделения церкви от государства в большинстве европейских стран (в Германии в 1883 г., во Франции – в 1905 и т.д.). Поскольку до конца 19 века основной инстанцией, оказывающей помощь обездоленным, была церковь, то, отчасти для сохранения своего статуса их защитницы, отчасти потому, что муниципалитеты и коммуны, как правило, территориально совпадали с давно сложившимися приходами, католическая церковь активно включилась в осмысление нового социального явления, каким стало государство, заботящееся о человеке. И это неудивительно, поскольку механизмы оказания помощи нуждающимся были ею хорошо разработаны. Широкое развитие к тому времени идей христианского социализма привело к тому, что католическая церковь сформулировала собственную социально-политическую доктрину, альтернативную как капитализму, так и социализму.

Считается, что отправной точкой доктринального оформления «Христианского социального учения» католической церкви были энциклики папы Льва XIII, особенно «О новых явлениях» («*Regrum novarum*», 1891 г.), - 1-я социальная энциклика - где признавалось наличие социального неравенства и значение рабочего вопроса, а также акцентировалось понятие «естественного права», из которого выводилось не только право частной собственности, но и необходимость невмешательства государства в личную жизнь граждан. Право граждан на защиту от контроля и вмешательства государства особенно было подчеркнуто в энцикликах папы Пия XI, где содержалась критика фашистского государства в Италии (1931 г.), а также германского национал-социализма и атеистического коммунизма (1937 г.).

Главным принципом «Христианского социального учения» является идея *вспомогательности (subsidiarности)*, которая в течение 20 века стала широко использоваться не только католическими патриархами: в ряде стран она нашла отражение в правовых нормах. Исходно, принцип вспомогательности означает, что человек всегда должен пытаться решать возникающие проблемы с помощью «ближайшей инстанции». В религиозном смысле человек сам для себя является ближайшей инстанцией, несущей максимальную ответственность за себя. Если он не может самостоятельно справиться со сложной жизненной ситуацией, то должен обратиться к семье и родственникам. Следующей инстанцией будет местная община, соседи, церковь и гражданские организации, а затем муниципальные или коммунальные власти, региональные и государственные структуры.

В более поздних документах Католическая церковь прямо говорила об обязанности властей предоставить помощь и дать возможность гражданину проявить свои возможности, о необходимости подхода «снизу вверх». Вот какое определение subsidiarности содержится в упоминавшейся энциклике 1931 года, написанной в честь 40-летия «*Regrum novarum*»: термин «subsidiarность» происходит от латинского выражения «*subsidium ferre*» (оказывать помощь) и обозначает определенную систему взаимоотношений государства и граждан. В рамках этой системы государство должно предлагать своим гражданам различного рода помощь для того, чтобы они могли самостоятельно решать свои проблемы на основе самоорганизации и самоконтроля. Особое внимание уделяется естественным правам человека – все, что гражданин может сделать сам, по собственной инициативе, является его неотчуждаемым правом, - далее эта мысль развивается – государ-

ственные структуры не должны выполнять то, с чем могут успешно справиться местные сообщества, - и подводится итог: любая общественная деятельность по своей сути субсидиарна, а государство обязано свести к минимуму вмешательство в дела отдельных граждан и местных сообществ.

Такой акцент на ответственности человека за свое место в мире связан с католической духовной традицией, подчеркивающей человеческую ипостась в Богочеловеческом образе Христа и необходимость привнесения христианских принципов в повседневную жизнь. «Католицизм как бы смотрит на небо с земли, рационально строит лестницу в небо, уделяя большое внимание земным проблемам» [Зарубина, 1998].

В ряде документов Католическая церковь прямо говорила об обязанности властей предоставить помощь и дать возможность гражданину проявить свои возможности, о необходимости подхода «снизу вверх». В субсидиарной системе взаимоотношений государства и граждан «все, что гражданин может сделать сам, по собственной инициативе, является его неотчуждаемым правом. Государственные структуры не должны выполнять то, с чем могут успешно справиться местные сообщества, и обязано свести к минимуму вмешательство в дела отдельных граждан и местных сообществ» [Коваль, 1994, 526-527].

Самодетельность граждан очень важна также для противостояния «демонству организации», приводящему к превращению человеческого общества в гигантскую машину, обслуживающую экономический рост. Индустриализм приводит к утрате человеческого содержания труда, к его дегуманизации и противостоит развитию человека. Интересно отметить, что чувствительность к данной проблеме католическая церковь проявила задолго до того, как социологи обнаружили различие между уровнем жизни и его качеством и занялись индикаторами социального развития. Патриарх Пий XI в Рождественском послании 1952 года наметил ставшее теперь общепринятым различие между *ростом* экономических показателей и *развитием*, принимающим во внимание «человеческую цену» материального благосостояния. Папа писал: «Как для народов, так и для отдельных людей “иметь” больше не есть конечная цель. Всякий рост амбивалентен. Будучи необходим, чтобы позволить человеку быть человеком, он превращается для него в тюрьму, едва только становится для него высшей целью, заслоняя собою весь остальной мир. Сердца тогда черствеют и замыкаются в себе, людей собирает вместе не дружба, а интерес, который вскоре начинает их ссорить и разъединять. Стремление исключительно к тому, чтобы “иметь”, воздвигает препятствия к возрастанию качества бытия и противостоит подлинному его величию: как для народов, так и для отдельных личностей стяжательность есть самая очевидная форма моральной недоразвитости» [Любе П. де, 1989].

Внимание к проблемам и трудностям «человеческого существования на земле» характерно и для работ Иоанна-Павла II и отражено в ряде энциклик. Папа отмечал, что «нынешняя ситуация в мире с точки зрения развития производит скорее негативное впечатление». Это вызывается в частности тем, что увеличивается разрыв между развитым Севером и южными регионами; что существуют различные формы эксплуатации и угнетения; действуют экономические, финансовые и социальные механизмы, укрепляющие состояние богатства одних и бедности других. Все страны должны решить разделяющие их конфликты, научиться сотрудничать друг с другом, что может произойти только в том случае, если они существенным образом изменятся.

В энциклике «Сотый год» (1991) сказано, что «труд несет особую печать человека и человечества, печать личности, действующей в сообществе личностей и эта печать определяет ее внутреннюю оценку, ... даже самую ее природу». Здесь в отношении к труду очевидно заявлена «точка схождения» католицизма и протестантизма. Далее Папа подчеркивает, что человека следует рассматривать не как статистическую единицу или элемент общественных отношений, но как «субъект нравственных решений, который посредством таких решений

созидает нравственный порядок» [Иоанн Павел II, 1992]. Так своеобразно в современном католицизме сформулировано убеждение, что сети социального порядка создают и поддерживают сами граждане ответственным отношением к своему месту в обществе.

Христианские демократы в Германии 2-й половины XX века активно использовали католическую идею субсидиарности, которую немецкие же христианские социальные мыслители вложили в папские энциклики начала века и довели до расцвета в правовом корпусе Европейского союза уже в наши дни, в 1990-е годы.

Основные черты германской модели социальной политики

Вопрос о том, сколько моделей социальной политики можно выделить и на каких основаниях, не только дискуссионный, но и весьма сложный. В теоретическом плане он связан с тем, на каких основных социальных отношениях строится подход к социальной политике: солидарностных, обменных или иерархических. Более точно, может быть, следует говорить о разных типах обменов: обмене дарами, который носит возвратный характер; эквивалентном обмене в отношениях спроса-предложения и иерархическом обмене в патрон-клиентских отношениях [Барсукова 2004, с.20]. Поскольку в современных обществах, как показал К. Поланьи [Поланьи 2002], сосуществуют разные типы обменов, причем доминирование рыночных отношений над ценностно-нормативными возникло сравнительно недавно, проблема социальной политики может заключаться в исследовании и проектировании национальных моделей с учетом степени развитости каждого из трех типов обменов. Современные исследователи также подчеркивают, что даже экономика не может функционировать, исходя из того, что человек в первую очередь стремится удовлетворять собственные экономические потребности. Чем выше уровень развития общества, тем большую значимость приобретает необходимость удовлетворения потребностей социальных [Шлехт 1999]. С этой точки зрения не кажется архаизацией подчеркивание значения принципа субсидиарности в «Общеввропейском» подходе к направлению развития социальной политики, поскольку именно субсидиарный подход акцентирует значение внеинституциональных форм социальной защиты и ответственность каждого человека за себя и свое ближайшее социальное окружение – семью и соседей.

В практическом плане выделение разных моделей социальной политики должно учитывать специфику разных стран при наличии общих признаков. Комиссия Европейского Сообщества (ЕС), которая разрабатывала унифицированную модификацию социальной политики для «Общеввропейского дома», выделяет две основные модели:

1. Первая, часто называемая «бисмарковской» (по имени ее родоначальника, канцлера Бисмарка), устанавливает жесткую связь между уровнем социальной защиты и успешностью (длительностью) профессиональной деятельности. Социальные права обуславливаются теми отчислениями, которые выплачиваются на протяжении всей активной жизни, то есть социальные выплаты принимают форму отложенных доходов (страховых взносов). Страховые кассы, управляемые на паритетных или разделенных началах работодателями и работополучателями, собирают в установленном, как правило, через коллективные договоры размере отчисления из заработной платы, из которых и формируются как обязательные, так и дополнительные/профессиональные страховые фонды и осуществляются социальные выплаты.

Ответственность за финансовое равновесие и сохранность средств несут правления касс (фондов). Они не должны субсидироваться из бюджета любого уровня, так как налоговое перераспределение, реализуемое через универсальный бюджетный подход, противоречит логике трудового (страхового) участия. Здесь социальная защита должна быть принципиально независима от «финансовых инъекций» со стороны госбюджета.

Конечно, для индивидов и семей со слабыми возможностями активного трудового

участия существует национальная солидарность, реализуемая через муниципальные или другие негосударственные службы для малообеспеченного населения, светскую или церковную благотворительность, опирающиеся на устойчивые религиозные и культурные традиции. Хотя это вспомогательные механизмы, они работают в Европе достаточно эффективно, обеспечивая общедоступность минимально необходимой помощи.

2. Вторая модель, которую комиссия ЕС называет «бевериджской» (также по имени ее родоначальника английского общественного деятеля У. Бевериджа), исходит из того, что любой человек, независимо от его принадлежности к экономически активному населению, «от колыбели до могилы» имеет право на **минимальную защищенность** в случае сокращения своих материальных ресурсов. В тех странах, которые выбрали эту модель, действуют системы страхования по болезни, прикрепление к которым является автоматическим, а базовый уровень пенсионной системы обеспечивает минимальные доходы всем престарелым, независимо от их прошлых усилий по отчислениям от заработной платы (так называемые «социальные» пенсии в отличие от трудовых, которые также обязательно присутствуют и «профессиональных», которые стали развиваться гораздо позже). Такие системы социальной защиты (за исключением трудовой пенсии) финансируются через налоги из государственного бюджета. В данном случае преобладает принцип национальной солидарности, строящийся на концепции распределительной справедливости. Приверженцами этой системы являются Англия и страны скандинавского социализма, в первую очередь Швеция, достигшие весьма разных результатов в решении, например, проблем бедности. Но принцип национальной солидарности неожиданно объединяет последовательно институциональную «шведскую модель социализма» и уникальный для либеральной страны «минимальный английский социализм».

Однако любые классификации, естественно, фиксируют различия, но гораздо меньше – их степень. Кроме того, в условиях глобализации исторически неразрывная связь между благосостоянием и национальным государством, на которой базируются чувства солидарности и социальной справедливости, в последние годы имеет тенденцию ослабевать. Поэтому границы между моделями социальной политики носят все более размытый характер, что видно из Таблицы 1.

Таблица 1

Основные характеристики моделей социальной политики

Тип социальной политики	Либеральная (резидуальная)	Институциональная (социал-демократическая)
Характеристика		
1. Целевая группа	Малообеспеченные	Все граждане, но в первую очередь, работающие (налогоплательщики)
2. Принцип предоставления помощи	Селективность, адресность	Универсальность
3. Критерий предоставления помощи	Соответствие установленным критериям и нуждам	Права всех граждан, обусловленные трудовым участием
4. Размер предоставляемой помощи	Соответствующий минимальным стандартам потребления	Соответствующий стандартам нормального уровня жизни
5. Финансовый источник	Налоги с физических лиц	Налоги с юридических и физических лиц
6. Уровень перераспределения	Низкий	Высокий

7. Социальная стратификация (уровень неравенства)	Высокий	Низкий или средний
8. Социальный контроль	Сильный	Слабый или средний
9. Статус получателей помощи	Низкий, стигматизированный	Нормальный
10. Затраты на социальные нужды в % к ВВП	Низкие (менее 10%)	Высокие (более 20%)
11. Статус социальной политики по отношению к экономике	Маргинальный, вторичный	Примерно одинаковый с экономической статус (теоретический и политический)

Обычно над системой «национальной солидарности» надстраиваются дополнительные «этажи» коллективного профессионального (и/или межпрофессионального) или индивидуального характера, что дает новые основания для варьирования моделей. С «нордической» точки зрения, принято рассматривать шведскую модель социальной политики как обобщение институциональной модели социальной политики. Континентальная Европа реализует модель, названную Титмуссом моделью достижений. Эта концепция была развита в работах Б.Р. Андерсена. Он использует все три модели Титмусса, добавив англо-американскую, названную остаточной или либеральной. В Таблице 2 отражены некоторые центральные элементы каждой модели с указанием автора и ключевых понятий (*Abrahamson, 1993*). Растет значение католической модели, поскольку в последние годы много написано о необходимости деbüroкратизации и даже деинституционализации социальной политики.

Таблица 2

Модели социальной политики, выделенные по разным основаниям

Автор, предлагающий типологию	Типы моделей (две, три или четыре в зависимости от оснований для классификации)			
	Andersen; Kosonen	Северная («нордическая»)		Европейская «континентальная»
Комиссия ЕС	Beveridge		Bismark	
Titmuss	Остаточная	Институциональная	Модель достижений	
Espring-Andersen	Либеральная/ англо-американская	Социал-демократическая/скандинавская	Консервативная /этатистская	
Bislev & Hansen	Либеральная	Северная	Корпоративная	Католическая
Liebfried	Остаточная	Современная	Институциональная	Рудиментарная

Как видно из вышеприведенной таблицы, модели и различия между ними, основываются на разных критериях. Титмусс разделяет модели по организационному принципу и следствиям для граждан. Espring-Andersen проводит разделение между разными стратегиями социальной политики, которые заключаются в том, что либеральный режим направляет социальные программы на самых бедных, консервативный сохраняет статусные различия социальных групп, включая ориентацию на традиционную структуру семьи и традиционную роль женщин. Наконец, социал-демократический режим в скандинавских странах гарантирует как универсализм социальных прав, так и нерушимость индивидуальной автономии.

Andersen и Kosonen отличают модели друг от друга главным образом через разный геополитический опыт, тогда как Комиссия ЕС разделяет модели, как и Титмусс - согласно разным принципам организации, обозначенным как Bismark и Beveridge соответственно. Существенной для оценки всех моделей является также возможность достижения значимого социального результата в виде решения проблем занятости и бедности, что видно из Таблицы 3.

Таблица 3

Модели социальной политики, занятость и социальное перераспределение

Перераспределение	Высокое	Низкое
Занятость		
Высокая	Социал-демократическая модель	Либеральная модель
Низкая	Консервативная модель	Католическая модель
Уровень бедности	Умеренный	Высокий

Естественно, что в социальной реальности модели существуют в смешанном виде, так называемом европейском welfare mix. На предпочтительности смешанной модели первоначально настаивала Франция, изначально интегрировавшая католический подход с широкой поддержкой семьи и обязательное страхование работающих. Но в настоящее время даже Швеция предприняла ряд мер по либерализации социальной политики, во всяком случае, в отношении пожилых [Григорьева, 2006]. О либерализации социал-демократии и социализации либерализма заявлено и в ряде официальных документов, например, так называемом «манифесте Блэра-Жоспена».

В последние годы проблемы развития моделей социальной политики и социального государства/государства всеобщего благосостояния стали активно обсуждаться именно с точки зрения разнообразия норм социальных обменов, что оказалось весьма плодотворным [Мау, 2004]. Пионером данного подхода к отношениям, лежащим в основе социальной политики, очевидно, является Н. Луман [Luhmann 1991]. В работе об изменении форм помощи он еще в 1970-х годах показал, как развитие гарантированных государством форм помощи вытесняет взаимопомощь и другие возвратные формы помощи на периферию социального государства. Таким образом, и Луман, и Хабермас, оказались весьма проницательными аналитиками и критиками немецкого социального государства, прояснившими механизмы взаимодействий, в ходе которых государство само способствовало росту числа клиентально зависимых людей, параллельно наращивая свое бюрократическое могущество. Произошло это в процессе ликвидации «двойного общества» - неразрешимой проблемы для немецкого социального государства, опирающегося на трудовые достижения/социальное страхование. Однако введение пособий по нуждаемости американского образца не только не ликвидировало бедность, но ускорило развитие кризисных явлений.

Германская модель имеет несколько названий. Некоторые называют ее континентальной/европейской в соответствии с ее геополитической доминантой, другие предпочитают определение институциональной. Центральный принцип, тем не менее, с точки зрения всех исследователей, один – акцент на институты рынка, корпоративное партнерство и обязательное социальное страхование под государственным наблюдением. Для хорошо организованных рабочих в процветающих отраслях результат может быть очень высок, поэтому существует еще одно обозначение: «модель трудовых достижений». Правда, войны и социально-экономические потрясения первой половины XX века вели к тому, что пенсии то

росли, то снижались параллельно с экономической ситуацией. Определенное, причем постепенно растущее соотношение между пенсиями и ростом доходов работающих, удалось установить в 1950-е годы, что повысило благосостояние пенсионеров. Так, в 1980-е годы уровень возмещения утраченного заработка в пенсии достиг 70%, правда, при наличии стажа, равного 40 годам. Однако эта норма оказалась слишком высокой в ситуации старения населения и увеличения возраста дожития. Объединение Германий потребовало пенсионной реформы и в 1992 году были установлены единые нормы для всех территорий объединенной Германии.

Выплату пособий социальной помощи малообеспеченным, аналогичной либеральным *welfares*, в Германии ввели в 1962 году. Тогда ее получателями были 500 тысяч человек, примерно 1% населения. Задача социальной помощи состоит в том, чтобы обеспечить её получателю проживание, соответствующее человеческому достоинству. К личным повседневным потребностям относятся общественные связи и участие в культурной жизни в соответствующем объёме. Получатель социальной помощи должен стремиться к материальной независимости, прилагая для этого все возможные усилия. В противном случае ему грозит понижение или полное прекращение выплат, поскольку социальная помощь - это не пожизненное пособие, а временная материальная поддержка человека, оказавшегося в трудной ситуации. Такая поддержка осуществляется за счёт налогоплательщиков. Поэтому получатель социальной помощи имеет не только права, но и обязанности. Социальная помощь не предоставляется тому, кто может помочь себе самостоятельно или получает необходимую помощь от родственников. Но, несмотря на перечисленные условия, ограничивающие получение социальной помощи, число получателей-клиентов постоянно растёт, а доверие налогоплательщиков в социальному государству - падает.

В 1990-е годы, возможно, из-за трудностей совмещения разных, несмотря на одни социал-демократические корни, социальных систем Западной и Восточной Германии, по ряду позиций продолжался отказ от принципа «трудовых достижений» и шла постепенная либерализация социальной политики. Так, законодатель возложил на систему пенсионного страхования выполнение ряда задач, «подрывающих» принцип чистого страхования, но выравнивающих пенсионные права «восточных» и «западных» немцев. По «западной» логике получалось, что у «осси» трудовые достижения меньше (например, стаж, необходимый для получения пенсии), а уровень защиты выше. Возраст выхода на пенсию также отличался. Однако законы обратной силы не имеют и для уже вышедших на пенсию сохранились полученные права. Для решения задач выросшей нагрузки на пенсионную систему используются дотации государства, например, на финансирование срока службы в армии, времени воспитания детей и т.п., которые раньше не включались в страховой, а следовательно, и в трудовой, стаж. На эти цели тратятся существенные суммы – 18-20% расходов на пенсии ежегодно. Чтобы уменьшить долю государственной дотации, с 1992 года поставлены узкие рамки инвестиционной деятельности фондов, ибо безоговорочный приоритет должна иметь их платежеспособность, наличие резервов предстоящих периодов платежей.

Итак, обновление подходов к развитию экономики, предложенное «школой Ойкена» и развитие «социального рыночного хозяйства», по оценке зарубежных ученых, оставило практически без изменений подходы к социальной политике [Abrahamson 1993]. Безусловно, введение пособий социальной помощи для малообеспеченных в начале 1970-х годов говорит о либерализации, о введении «кейнсианских» элементов в СРХ. Несмотря на помощь малообеспеченным или именно благодаря ей, последние десятилетия численность маргинальных или социально исключенных групп, пользующихся «заботливостью» государства, растет. Это, с одной стороны, подтверждает известное в практической социальной работе правило, что идентификация новой группы, имеющей право на пособие, приводит к быстрому росту ее численности. С другой - порождает вполне справедливое недовольство рабо-

тающих, которые как налогоплательщики считают, что государство должно заботиться только о тех, кто действительно не может себя обеспечивать. Это основной пункт «скрытого контракта» между законопослушными гражданами и государством.

В настоящее время в Германии, где налогоплательщики раньше всегда были весьма дисциплинированными, растет число нарушителей налоговой дисциплины. Впрочем, имеющаяся статистика не разделяет налогоплательщиков на бывших западных или восточных, что существенно. Ведь рост числа неплательщиков в последние годы может быть обусловлен и общей постсоциалистической болезнью восточных немцев. Но и процедуры контроля за более обоснованным предоставлением помощи дорогостоящи, бюрократизируют и обезличивают социальное государство, а в чем-то и нарушают права граждан. Поэтому в Германии начались социальные реформы, ставящие целью ограничение государственной поддержки трудоспособной части малообеспеченных граждан.

Еще раз подчеркнем, что «немецкая» модель социальной политики, органично входящая в СРХ, была построена на взаимных обязательствах нанимаемых и нанимателей, принципе трудового участия, когда лучше обеспечен тот, кто больше работает, больше зарабатывает и аккуратно платит социальные отчисления, а также приоритете реабилитации над пенсионированием, чтобы не допускать досрочного ухода на пенсию в связи с утратой трудоспособности. Модель трудовых достижений еще в 1960-е годы была дополнена социальной помощью малообеспеченным, которая, в принципе, не должна была носить дестимулирующего по отношению к занятости характера. Но сохранение мотивации к занятости при наличии достаточно высокой помощи малообеспеченным не удалось реализовать эффективно ни в Германии, ни в какой другой стране. Поэтому следующим шагом стал субсидиарный подход для дебюрократизации социальной защиты и хотя бы частичного восстановления ее возвратного характера. С 1991 года субсидиарный подход стал официальной и вполне светской идеологией развития социальной политики в Европейском доме [Григорьева, Садыхова 2001, с.61].

В Германии же активно идет реформа социально-экономических отношений, связанная с адаптацией социальной политики и социального страхования к реалиям стареющего общества. В рамках реформы безработные должны найти работу для обеспечения достойного проживания; рынок труда должен стать более гибким, удалив препятствия для занятости, а система социального страхования должна остаться жизнеспособной в обществе старения и растущей продолжительности жизни. Необходимо ограничить социальные расходы, не относящиеся к заработной плате и даже уменьшить уже достигнутый уровень пенсионного возмещения, поскольку возраст дожития постоянно растет. Нельзя сказать, что эта реформа идет гладко и принимается населением с энтузиазмом. Принятие «Повестки до 2010 года» было одной из существенных причин проигрыша Г.Шредера на выборах, несмотря на всю разъяснительную работу. Тем не менее, реформа справедлива, поскольку модели поведения, необходимые в XXI в., требуют от каждого члена общества ответственности, благоразумия, способности управлять собой и расчета последствий своих действий на протяжении разумно и заблаговременно спланированного, жизненного сценария [Agenda 2010, 2004].

Подводя итоги сказанного, отметим, что Россия может заимствовать у Германии следующее:

1. Опыт постоянного, но постепенного и медленного реформирования. Ничто так не отбрасывает нас назад, как попытки начать сначала, разрушить до основания и т.п. В начале 1990-х годов мы недолго колебались между «шведским социализмом» и либерализацией. Несмотря на отсутствие как традиций, так и институциональных условий для либерализации, мы выбрали ее, отчасти из исторической любви к шоковой терапии – революции. В результате социальная политика была не только слабым местом реформ, она тянула назад

экономику, а о потерях населения и говорить нечего.

2. Уважение к трудовому вкладу и отложенной собственности наемных работников в системах социального страхования, особенно пенсионного. Мы считаем, что введение Единого социального налога, который собирают налоговые органы, является грубейшим рушением прав корпоративных собственников и разрушением основ социального партнерства. Но это конфискационное нововведение прошло почти незамеченным, хотя государство урезало потенциальные доходы населения в старости.

3. Умение учитывать транзактные издержки, использовать технологии их снижения. Конечно, без рыночного менталитета и нормальной пенсионной системы убеждать граждан платить налоги не слишком результативно. Но уклонение от налогов подрывает возможности бюджета и ставит вопрос о более жестком учете общественных благ для исключения их использования «зайцами». Необходимо найти оптимальное соотношение солидарностных и страховых подходов, особенно в пенсионном и медицинском страховании, где основная масса пользователей уже не является налогоплательщиками. В условиях разбалансированной экономики сегодня работает механизм экономического разрушения социальной солидарности, что тем более требует осторожных шагов, потому что хрупкие механизмы семейной поддержки сегодня не могут быть альтернативой системе социального страхования, а государство многократно обманывало граждан.

4. Законопослушание граждан и устойчивость законов. Когда государство постоянно меняет нормы взаимодействия, любые решения становятся проигрышными, поскольку законопослушание падает. При этом устойчивое развитие российского общества и каждого гражданина возможно только при переориентации государства, экономики и самих людей на улучшение здоровья, повышение образования и занятости как предпосылок постепенного роста благосостояния. Необходима также поддержка государством любых легитимных форм самозанятости и самообеспечения, децентрализация управленческих полномочий и финансовых ресурсов параллельно с развитием общественных инициатив взаимопомощи и повышением ответственности каждого человека за самого себя, за свое развитие и развитие ближайшей социальной среды.

Рост экономической самостоятельности может сделать людей более независимыми и позволит более реалистично обсуждать вопрос о новых формах социальной защиты и социальном партнерстве граждан и государства в современной России.

Литература

Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 6.

Государственное и административное устройство Германии. Сборник международных терминов из области права и управления. Пер. с нем. Федеральная академия государственного управления. Бонн, 1998.

Григорьева И.А., Садыхова А.А. «Принцип субсидиарности» в праве и социальной политике ФРГ, США и РФ // «Клио». Журнал для ученых. 2001. № 1 (13).

Григорьева И.А.. Социальная политика и пожилое население современной России: вызовы и возможности // Мир России. 2006. №1.

Гумбольдт В. фон. О границах государственной деятельности. // Гайм Р. Вильгельм фон Гумбольдт. Описание его жизни и характеристика. Пер. с нем. М., 1898.

Зарубина И.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: ИЧП «Изд-во Магистр», 1998.

Иоанн Павел II. Мысли о земном. Пер. с польск. и итал. М., 1992

Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2.

- Конституция Российской Федерации. М., 1993. Ст.7.
- Лобье П. де. Социальная доктрина католической церкви. Брюссель, 1989.
- Нуреев Р.М. Теория и практика социального рыночного хозяйства / Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России. Сб. докладов. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. СР.: Алетея, 2002.
- Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния. Пер. с франц. М.: Ad marginem, 1997.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Пер. с франц. М., 1998.
- Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Том 1. Весна 1993. Вып.2.
- Шлехт О. Этическое содержание социального рыночного хозяйства. СПб.: Экономическая школа, 1999.
- Штейн Л фон. Учение об управлении. Пер. с нем. СПб., 1874.
- Abrahamson P. Social policy in changing Europe. Roskilde University, 1993.
- Agenda 2010. Questions and Answers. English Edition (www.bundesregierung.de)
- Enciclopedia Americana. International edition. N.Y., 1966.
- Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий Пер. с нем. по изданию: Luhmann N. Formen des Helfens im Wandel gesellschaftlicher Bedingungen // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 2. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft, 4 Auflage, Opladen 1991. S. 134-149. © 1975 Westdeutscher Verlag GmbH, Opladen.
- Mau St. Welfare Regimes and the Norms of Social Exchange // Current Sociology. January 2004. Vol. 52(1). P. 53-74.

Давыдова Т.Е. (Воронежский государственный архитектурно-строительный университет)

Человеческий фактор в системе социального рыночного хозяйства

«Никакая экономическая ситуация не может быть настолько безнадежной, чтобы решительная воля и честный труд всего народа не смогли справиться с ней». (Л. Эрхард.)

Эти слова Людвиг Эрхарда очень образно отражают точку зрения творца так называемого «экономического чуда» Германии, которую он никогда не уставал отстаивать. По его словам, «то, что произошло в Германии, было чем угодно, но не чудом. Это было всего лишь результатом честного усилия всего народа, которому были предоставлены основанные на принципах свободы возможности снова прилагать и применять инициативу и энергию человека ... Нас вывели вперед совершенно реальные силы и факторы»¹. Так он сказал в декабре 1954 года, но его мнение, свидетельствующее о доступности, реальности подобного результата, не менее актуально и сейчас.

В последние годы имеет место и постоянно возрастает интерес к теории социального рыночного хозяйства, к ее базовым положениям, результатам теоретического развития, практической реализации и возможности использования в современных условиях. В про-

¹ Эрхард Л. Немецкое чудо? / Благополучие для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. Авт. предисл. Б.Б. Багаряцкий, В.Г. Гребенников. М.: Начала-Пресс, 1991.

цессе общественного развития все более пристальное внимание уделяется основной функции государства – служить и содействовать благосостоянию его граждан. Так как система социального рыночного хозяйства в полной мере соответствует этому стремлению, интерес к ней оправдан. Учитывая существенную, а в ряде случаев и первоочередную значимость человеческого фактора для формирования эффективной социально-экономической системы, поставленной на службу человеку и обществу, постараемся оценить его значение и вклад в разработку, реализацию и совершенствование системы социального рыночного хозяйства.

Думается, что человеческий фактор в системе социального рыночного хозяйства целесообразно рассматривать с различных позиций. Сформулируем направления исследования, условно обозначив их таким образом:

1. Человек как цель системы;
2. Человек как руководитель;
3. Человек как исполнитель;
4. Человек: современный взгляд на систему.

При этом первые три направления будем рассматривать как взаимосвязанные базовые, наиболее важные элементы системы.

В качестве объекта исследования возьмем систему социального рыночного хозяйства, сформированную в соответствии с мировоззрением Л. Эрхарда, то есть единственную реализованную на практике. Альтернативные теоретические положения в данном случае использовать на наш взгляд нецелесообразно, так как реальное значение человеческого фактора разумно оценивать главным образом с практических позиций. При этом необходимо уточнить, что Людвиг Эрхард был не только практиком социального рыночного хозяйства, но и его теоретиком. В современных условиях отдельные исследователи понимают под термином «теоретик» автора глобальных теоретических трудов по достаточно широкому кругу вопросов, подходя к определению этого термина несколько поверхностно. Существует и альтернативная точка зрения, которой придерживается автор.

Так, Б.Е. Зарицкий говорит о том, что политика, инициатором которой был Л. Эрхард, позволила обеспечить Германии экономическое процветание, социальную и политическую стабильность. Причем при своем прагматизме эта политика имела в основании «солидный теоретический фундамент, ... ясно очерченные контуры ... социально-экономической модели, которая должна была придти на смену оккупационному режиму»². Далее, в качестве одного из компонентов, обеспечивших в свое время успех социального рыночного хозяйства, Х. Хамель называет «наличие у Эрхарда завершенной концепции, готовность претворить ее в жизнь...»³. Наконец, с аналитических позиций Р.М. Нуреев, например, определяет теоретическое знание как многоэтапный, многоуровневый процесс. Экономическое знание первоначально фиксируется; на втором этапе облекается в мысль. Следующий этап – оформление мысли в системное учение и, наконец, автор выходит на уровень экономического анализа, формируя аналитический инструментарий. Он также отмечает, что, не ориентируясь на «высокую теорию», рассматривать теоретическое изложение мировоззрения Эрхарда на уровне первых двух этапов вполне правомерно. Безусловно, формированию собственной теоретической концепции Эрхард уделял гораздо меньше внимания, чем, например, А. Мюллер-Армак, В. Ойкен, но эта концепция, к сожалению, так и не оформленная, несомненно, существует.

² Зарицкий Б.Е. Ключи к успеху / Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». М.: Издательство БЕК, 1997.

³ Хамель Х. Комментарий к «немецкому экономическому чуду» // Цель – рыночное хозяйство. Хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку: Пер. с нем. Под ред. А.Ю. Чепуренко, В.П. Гутника. М.: ВладДар, 1995.

1. «Человек как цель системы». Социальное рыночное хозяйство, по сути, тем и отличается от альтернативных моделей развития, что оно «социальное», то есть ориентированное прежде всего на человека. Для Л. Эрхарда, например, не только рынок, но и сама экономика не представляла самодостаточной ценности. Он постоянно повторял, что и рынок, и экономическая эффективность не есть конечная цель, а лишь инструменты для ее достижения. Цель же состоит в том, чтобы раскрепостить человека, дать простор его энергии и инициативе, обеспечить ему достойное существование, максимально удовлетворить его не только материальные, но и духовные потребности. Для государства экономическая эффективность не самоцель, а лишь одно из средств для удовлетворения материальных и духовных потребностей своих граждан. Так, например, Х.Ф. Вюнше отмечает, что социальные услуги государства не соответствуют концепции социального рыночного хозяйства Эрхарда. Данная концепция ставит целью увеличение шансов каждой отдельной личности, и успех достижения этой цели нельзя ставить в зависимость от уровня социальных государственных услуг. Индикатором успеха социального рыночного хозяйства является то, что, в конечном счете, эти услуги для подавляющего большинства граждан становятся излишними в условиях роста всеобщего благосостояния⁴.

Отметим, что подобный подход при детальном рассмотрении рассчитан не просто на результат, но и на перспективу, возможно, даже в большей степени. Да, безусловно, общество и в теории, и на практике выигрывает в процессе деятельности в описанных условиях. Но в действительности отложенный эффект еще больше. Человек, воспитанный в таких условиях и на таких нравственных принципах, ориентируется на развитие и активное использование своих лучших качеств, естественным, эволюционным путем формируя тем самым здоровое, эффективное общество, нацеленное не просто на приобретение благ для себя лично, но на их получение в результате труда на благо всего общества. Однако существует опасность изменения условий существования человека, что неизбежно приведет к изменению результата.

2. «Человек как руководитель». Подобная опасность исходит из того, что «правила игры» могут измениться. Эти правила определяет государство. Л. Эрхард, будучи реальным «человеком-руководителем», видел функции государства такими:

- государство для всех социально-экономических субъектов должно выработать ясные, единые и справедливые правила игры, которые не допускали бы ни дискриминации, ни привилегий;
- эти правила должны изначально предоставлять всем субъектам равные стартовые условия;
- государство должно следить за выполнением этих правил;
- государство не должно вмешиваться в эту систему – оно лишь арбитр;
- государство обязано гарантировать необходимый минимум социальной защиты для тех, кто по возрасту, состоянию здоровья или иным причинам не сможет принимать участие в хозяйственной жизни общества.

Рыночное хозяйство в силу конкуренции, основанной на борьбе за объективные результаты деятельности, исключает любую попытку государства злоупотребить хозяйственной силой как инструментом политической власти. Задачей государственной политики является единственно соединение свободы, порядка, индивидуализма и коллективизма в гармоничное единство с целью достижения «благосостояния для всех». Успех достижения цели в том, чтобы обеспечить каждому индивидууму необходимый минимум и создать условия, чтобы любой из них при желании был в состоянии обеспечить себе желанный макси-

⁴ См. Вюнше Х.Ф. Социальный аспект социального рыночного хозяйства / Социальное рыночное хозяйство как политика введения рыночного хозяйства // Цель – рыночное хозяйство. Хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку: Пер. с нем. Под ред. А.Ю. Чепуренко, В.П. Гутника. М.: ВладДар, 1995.

мум. Причем, думается, ориентация была скорее не на обеспечение минимума, а в первую очередь, на создание этих условий. Средства на это полагалось брать из «общественного пирога». О нем Эрхард говорил так: решение лежит не в делении, а в умножении национальной продукции. Те, кто внимание уделяет проблемам распределения, всегда приходят к ошибочному желанию распределять больше, чем может производить народное хозяйство.

Правительство должно заниматься эффективным перераспределением общественного пирога в соответствии с четкой и согласованной с обществом системой долгосрочных приоритетов. Стоит полностью изменить порядок формирования государственного бюджета и «разложить привычные бюджеты на долгосрочные, примерно четырехгодичные циклы, чтобы тем самым выявить надежные критерии значимости и иерархического места отдельно взятых задач». В числе важнейших целей Эрхард называл образование, науку, культуру, здравоохранение, пенсионное обеспечение, транспортную инфраструктуру. Особое внимание им уделялось совершенствованию системы доступного, качественного образования и поддержке научных исследований. По его мнению, «социальная рыночная экономика ... не может обойтись без широкой профессиональной подготовки, образования и воспитания специалистов и предпринимателей, которые рассматривают сферу экономики как поле приложения своих знаний и навыков, ... возможность самореализации. Только добротное, систематическое обучение ..., поощрение развития ... способностей, ... способно сформировать людей с твердыми нравственными правилами». «Чем сложнее ... взаимодействие факторов хозяйства, тем выше требования, предъявляемые к человеку ... Образование, воздействующее на душу, волю и характер человека, должно быть всегда и в первую очередь ориентировано на человека»⁵.

Процесс формирования социального рыночного хозяйства сложен и неоднозначен, поэтому многое зависит от «человека-руководителя». Его действия могут быть одобрены, но могут и подвергаться осуждению. Так, согласно разработанному союзническим Контрольным советом индустриальному плану развития Германии 1946 г. предполагалось, что общий объем промышленного производства Германии не должен превышать 50-55% уровня 1938 г.; 14 отраслей промышленности, включая тяжелое машиностроение, авиа- и судостроение, подлежат полному уничтожению. В 12 отраслях, включая сталелитейную и электротехническую промышленность, машиностроение и автомобилестроение, производство подлежит резкому сокращению. Без ограничений допускается развитие легкой, добывающей промышленности и сельского хозяйства. В структуре экспорта должны преобладать сырьевые товары, и среди них важнейшим считается уголь. Производственные мощности, которые являются избыточными с точки зрения достижения поставленных целей, подлежат демонтажу. Жизненный уровень германского населения не должен превышать 74% от довоенного (замораживание его уровнем 1932 г., то есть годом апогея экономического кризиса). Как отмечают специалисты, в случае реализации этого плана Германия должна была вернуться в зависимость поставщика сырья.

В результате же политики, проводимой Эрхардом, в Германии свершилось то самое «чудо». Так, например, если уровень безработицы в 1950 году составлял 11%, то в 1954 – 7,6%, в 1958 – 3,1%, в 1960 – 1,3%, в 1962 – 0,7%. Изменилась структура потребления, увеличились реальные доходы граждан. Отмечая изменения к лучшему, сам Эрхард перечисляет, на сколько увеличилось производство (изменение объема производства соответственно в 1949 и 1956 годах таково: обувь кожаная – 1,74 раза, потребление кофе на душу населения – 4,2 раза). Он горд тем, что германская экономика поставлена на службу человеку. При этом далеко не все были довольны революционными реформаторскими действиями Эрхарда. Так, примерно половина опрошенных летом 1948 года считали, что реформа была проведе-

⁵ Эрхард Л. Экономика и образование // Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993.

на особенно несправедливо по отношению, в частности, к старикам, инвалидам, переселенцам, пострадавшим от бомбежек. Только 20% считали, что Эрхард со своей задачей справился хорошо, 28% ставили ему оценку удовлетворительно, 25% - плохо, а 27% не смогли дать однозначного ответа.

Важно отметить, что, по мнению Эрхарда, социально ориентированная, рыночная экономика должна была основываться на взаимной ответственности граждан и государства, то есть в нашей интерпретации «человек-руководитель» и «человек-исполнитель» должны были тесно взаимодействовать, доверяя друг другу, стремясь к благосостоянию для всех. Как руководитель, Эрхард заявлял, что, «когда все усилия социальной политики направлены на то, чтобы каждого человека ... предохранить от всех превратностей жизни ... нельзя требовать от людей ..., чтобы они выявили в необходимой мере такие качества, как жизненная сила, инициатива, стремление к достижениям в производительности, и другие лучшие качества»⁶. Схожее мнение высказывает В. Гутник: «наилучший социальный порядок существует не там, где путем перераспределения общественного продукта обеспечивается максимально широкая социальная поддержка, а там, где в такой поддержке нуждается минимальное число граждан»⁷.

Равенство стартовых возможностей предоставляется каждому члену общества в молодом возрасте - в начале трудовой деятельности. Создаются условия, призванные содействовать развитию способностей человека, их реализации в той мере, в которой этого желает сам человек. В дальнейшем степень личного успеха зависит только от уровня развития способностей и усилий, затраченных на их реализацию, то есть от исполнителя.

3. «Человек как исполнитель». Социальное рыночное хозяйство несведущему человеку с позиции результатов может показаться исключительно привлекательным, с позиции первоначального этапа реализации – недопустимо «антисоциальным». Именно так оно и было впервые воспринято в Германии.

Людвига Эрхарда в начале реформ часто упрекали в том, что пенсионеры, например, слишком мало получают для того, чтобы даже думать о таких роскошных предметах потребления, как телевизоры, холодильники, пылесосы. В ответ Эрхард замечал, что не с пенсионеров должен начинаться переход к более высокому уровню потребления. В Америке, например, автомобили также покупали сначала не самые бедные. Однако то, что сейчас считается роскошью, послезавтра станет товаром широкого потребления. Таким образом, если не преодолеть социальной неприязни, то есть того, что новые товары сначала станут достоянием только одних, иногда даже незаслуженно, все мы законсервируемся в искусственной бедности. Только стремясь постоянно улучшать жизненные возможности народа, мы тем самым разовьем основу для технического прогресса. Расширив потребление, мы сможем и впредь участвовать в счастливом и здоровом мировом развитии.

Экономическое чудо, возможно, свершилось во многом из-за того, что одни граждане не понимали это, другие – верили Эрхарду, третьи, которых было большинство, в силу сурового немецкого воспитания подчинялись и терпели. Результат показал, что Эрхард был прав.

Так, для Эрхарда социальная политика государства ничего общего не должна была иметь с филантропией и поощрением иждивенческих настроений. Социальность - высший приоритет, но она не должна являться синонимом иждивенчества. Состязательность есть главный принцип развития свободного и динамичного общества. Социальная справедли-

⁶ Эрхард Л. Благосостояние для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. Авт. предисл. Б.Б. Багаряцкий, В.Г. Гребенников. М.: Начала-Пресс, 1991.

⁷ Гутник В.П. Социальное государство / Социальный порядок и проблемы его реформирования // Политика хозяйственного прядка в Германии / В.П. Гутник; РАН, Ин-т мировой экономики и межд. отношений. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

вость предполагает равенство шансов на старте, но не обязательно равенство конечных результатов деятельности. Состязательность дает возможность выявить, кто есть лучший в решении определенной задачи; какие методы и направления ее решения наиболее оптимальны и эффективны; как мобилизовать свои силы, способности и творческую энергию, чтобы быть в числе первых.

Эрхард представлял себе идеальным общество как граждан, готовых к восприятию социального рыночного хозяйства. Он рассматривал средний класс населения как людей, которые из чувства своей собственной личной ответственности и на основе собственной трудовой деятельности хотят обеспечить свое существование. Если среди этих людей будет потеряна решимость жить именно так, то от среднего слоя не останется ничего, кроме людей, требующих защиты, чтобы иметь возможность жить немного лучше, чем другие.

Человек должен говорить не так: «Государство, приди мне на помощь, защити меня и помогай мне», но так: «Государство, не заботься о моих делах, но предоставь мне столько свободы и оставь мне от результата моей работы столько, чтобы я мог сам и по собственному усмотрению обеспечить себе существование, мою судьбу и судьбу моей семьи». Социальное обеспечение не означает социальное страхование для всех; оно не означает перенесения индивидуальной ответственности на коллектив. Вначале должна быть собственная личная ответственность, и только тогда, когда одной этой ответственности оказывается мало или она безрезультатна, вступают в силу обязательства государства или общества в отношении человека. Например, гарантированная государством пенсия должна обеспечивать лишь необходимый прожиточный минимум. Об остальном будущий пенсионер должен позаботиться сам в годы своей активной трудовой деятельности, делая сбережения или используя возможности пенсионного страхования. Иначе социальная справедливость для пенсионеров обернется социальной несправедливостью для работающей части населения и учащейся молодежи.

Правильная социальная политика должна ориентироваться на поддержку позиций каждого отдельно взятого человека: обретая самостоятельность и независимость от опеки государства, гражданин превращается в свободного человека. В условиях роста благосостояния оправдано и с социальной точки зрения возложение на каждого отдельного человека ответственности за самого себя, свою семью. Наконец, чем богаче общество, тем меньше людей нуждается в социальных благах, предоставляемых государством.

Проблема заключается в следующем. С одной стороны, государство смягчает правила, с другой – люди перестают им следовать, полагая, что от этого большого вреда не будет.

4. «Человек: современный взгляд на систему». Следует отметить, что в современных условиях сочетание рынка и социальной составляющей необыкновенно привлекательно и теоретически обещает решение всех, то есть и социальных, и экономических, и, как следствие всех остальных проблем. На наш взгляд, основная ошибка заключается в том, что многие разделяют категорию на части – «социальное» и «рыночное» хозяйство. Так, в одних случаях выдвигаются предположения, что категория формируется при удачном «объединении» элементов планового – как бы социального – и рыночного принципов организации хозяйственной жизни общества. В других случаях говорят о том, что рынок позволяет приумножать богатство, которое путем разумного перераспределения может быть направлено на удовлетворение социальных потребностей общества, тем самым служа обществу и отдельному человеку. Но в действительности разделения не существует, и это подтверждает Людвиг Эрхард. «Социальный смысл рыночного хозяйства в том и заключается, что любой успех экономики идет на благо всему народу»⁸.

⁸ Эрхард Л. Благосостояние для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. Авт. предисл. Б.Б. Багаряцкий, В.Г. Гребенников. М.: Начала-Пресс, 1991.

С позиций отдельных исследователей системы современного рыночного хозяйства как такового и социального рыночного хозяйства Людвиг Эрхард представляет интерес оригинальное несоответствие: Эрхард называл систему хозяйствования социальной, но социальной политики (той, которую в наше время некоторыми экономистами принято считать социальной) не проводил. Отчасти это справедливо. Действительно, практически все реформы, проведенные Л. Эрхардом, «абсолютно социальными» в понимании большинства сегодняшних представителей «человека-руководителя» и «человека-исполнителя» не являлись. Что означает термин «социальный»? Для людей, в их интересах, на их благо. В современных условиях под этим термином применительно к экономической политике зачастую понимают меры, введенные только с целью сиюминутного повышения уровня и качества потребления человека. С этим нельзя согласиться, так как подобный подход следует рассматривать как конъюнктурный и недальновидный. Да, выделение бюджетных средств на такие социальные цели, как, например, увеличение совокупного дохода граждан (дотации) и компенсацию безработицы (пособия), можно считать элементами социальной политики, но лишь в краткосрочном периоде. Эрхард всегда оценивал последствия экономической политики в перспективе. Он замечал, что при необходимости решения социальных проблем требовались не «пожарные меры», а серьезная работа с тщательной оценкой отложенных последствий: в долгосрочной перспективе следует ориентироваться не на исправление последствий нерациональной экономической политики, а на их предотвращение, рассматривая в качестве приоритета анализа не следствие, а причину.

Так, когда в конце сороковых годов на территории Западной Германии резко возросшая численность населения привела к всплеску безработицы, Эрхард действовал как противник предоставления дешевых кредитов и разработки программ по искусственному созданию рабочих мест. «Трудоустроить 1,2 млн. безработных, всех до последнего человека, за две недели – пара пустяков, если бы нашелся преступно безответственный политик, готовый вновь обрушить на наш народ инфляцию, которая после призрачного расцвета всегда ведет к экономической и социальной дезинтеграции... Мы ни на мгновение не упускаем из поля зрения задачу повышения жизненного уровня людей за счет большего и более продуктивного труда... При этом совершенно очевидно, что по разработанному раз и навсегда рецепту нельзя «облагодетельствовать» экономику...»⁹. Итак, что же было сделано для преодоления безработицы. Во-первых, банковская система отказалась от жесткой кредитной политики. С 11 июня 1949 года обязательный минимум банковских резервов был снижен на 3%, в мае-июле 1949 года ставка учетного процента была также уменьшена в целом на 1%. В конце лета коммерческим банкам была предоставлена ссуда в 300 млн. марок, предназначенная для предоставления долгосрочных кредитов промышленным предприятиям. Затем было повторно проведено снижение обязательного минимума банковских резервов и ставок по срочным и бессрочным вкладам. Наконец, когда уровень безработицы особенно вырос, были выделены специальные дотации для создания дополнительных рабочих мест в жилищном строительстве. Налоговое бремя снизили и осуществили возвратные выплаты уже уплаченных по прежним ставкам сумм. В результате среднемесячный прирост производства составил 3-4%, экспорт к лету 1950 года увеличился вдвое, показатели безработицы ощути-мо уменьшились¹⁰. Отметим, что государственные дотации, выделенные с целью создания дополнительных рабочих мест, были направлены в сферу, связанную с острейшей в то время проблемой. Результатом продуманной дотационной политики стало не только сокращение безработицы, но и увеличение количества вновь отстроенных квартир с 219 тысяч в 1949 году до 441 тысячи в 1951 году. К началу 1960-х годов почти 8 млн. семей пересели-

⁹ Эрхард Л. О проблемах безработицы / Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993.

¹⁰ См. Зарицкий Б.Е. Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». М.: Издательство БЕК, 1997.

лись в новые дома и квартиры. Разумеется, подобную политику следует оценивать (и с современных позиций в том числе) в первую очередь именно как социальную.

В современных условиях социальная ориентация экономики не означает следования указанным ранее принципам. Одной из альтернатив якобы устаревшей точке зрения Эрхарда стало мнение Х. Афхельдта, автора опубликованной в 1994 году книги «Благосостояние для никого». Он говорит о том, что сегодня решения по поводу организации хозяйственной жизни общества принимаются на глобальном, мировом уровне, и это делает возможность создания государства Эрхарда недостижимой. Отчасти с ним можно согласиться. Да, Германия очень быстро потеряла преимущества, обеспеченные ей реализованной политикой Эрхарда. Ведь за период с 1970 по 1990 год численность людей, вынужденных обращаться за социальной помощью, выросло более чем в 2 раза. Сегодня около трети ВВП германское государство перераспределяет на социальные нужды. Экономисты и социологи подтверждают: по-настоящему в бедности живут от 2 до 3% населения. Например, социальная помощь на содержание детей в 1965 году выплачивалась на каждого 75-го ребенка, в 1990 году – на каждого 12-го, в современной Германии – на каждого седьмого.

Одной из причин этого называют, в частности, неэффективную систему налогообложения. Если государство отнимает у человека существенную часть его дохода, оставшихся средств ему не хватает для удовлетворения потребностей и развития способностей. Он вынужден обращаться за социальной помощью. Таким образом, чем больше налоги, тем больше клиентов у системы социального обеспечения, тем больше требуется поступлений в госбюджет на социальные нужды и так далее.

Другой причиной можно считать то, что современное общество не сможет «поднять» ответственность, налагаемую социальным рыночным хозяйством. Л. Эрхард и А. Мюллер-Армак говорят о действиях свободного человека, определяющихся желанием этого человека. В их работах речь идет о конкретном человеке – деятельном, способном и стремящемся развивать свои способности, а не о человеке вообще¹¹. Они говорят о людях, которым с младенчества прививается любовь к порядку и обязательности. Эрхард высоко ставил нравственные принципы общества, следуя им лично в первую очередь. Он не допускал возможности альтернативного поведения граждан при реализации теоретических положений концепции социального рыночного хозяйства на практике; эта теория изначально базируется на сознательном поведении человека, ориентированного на значительную отдачу и постоянное совершенствование. Нравственность и ответственность современных граждан зачастую находится на недопустимо низком уровне, что автоматически исключает возможность участия в системе важнейшего звена – «человека-исполнителя», в отдельных случаях и «человека-руководителя». «Человек как цель» остается, но этого недостаточно для формирования законченной, действующей и эффективной системы.

Литература

Вюнше Х.Ф. Социальный аспект социального рыночного хозяйства / Социальное рыночное хозяйство как политика введения рыночного хозяйства // Цель – рыночное хозяйство. Хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку: Пер. с нем. Под ред. А.Ю. Чепуренко, В.П. Гутника. М.: ВладДар, 1995.

Гутник В.П. Социальное государство / Социальный порядок и проблемы его реформирования // Политика хозяйственного прядка в Германии / В.П. Гутник; РАН, Ин-т мировой экономики и межд. отношений. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

¹¹ См.: Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993; Мюллер-Армак А. О свободе и социальной справедливости / Предложения по осуществлению социальной рыночной экономики / Социальное рыночное хозяйство // Политэконом. 1996. №1.

Зарицкий Б.Е. Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». М.: Издательство БЕК, 1997.

Хамель Х. Комментарий к «немецкому экономическому чуду» // Цель – рыночное хозяйство. Хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку: Пер. с нем. Под ред. А.Ю. Чепуренко, В.П. Гутника. М.: ВладДар, 1995.

Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993.

Эрхард Л. Благополучие для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. Авт. предисл. Б.Б. Багаряцкий, В.Г. Гребенников. М.: Начала-Пресс, 1991.

Сидорина Т.Ю. (ГУ-ВШЭ)

Социальная политика «социального рыночного хозяйства» в системе моделей социальной политики *Welfare State*

Проблема систематизации моделей социальной политики

В своем современном состоянии социальная политика – дитя XX столетия. Предшествующие века заложили основы всеобщего понимания, что для решения социальных проблем требуется продуманная политика, что социальные проблемы – это серьезное поле деятельности государства, негосударственных институтов и непосредственно граждан; нерешенность социальных проблем (особенно в нынешнем веке) – путь к социальной и политической дестабилизации и конфликтам.

**Жан-Жак Руссо
(1712-1778)**

В XX в. формируется широкий спектр программ, путей реализации социальной политики. Среди них примеры Швеции и Норвегии, Германии и Франции, Англии и США, СССР и стран бывшего социалистического лагеря, а также Латинской Америки, Азии и др. Реализация социальной политики зависит от политического устройства, уровня экономического развития, отношений собственности, структуры управления, культуры, морали, особенностей истории и традиций.

Можно ли говорить о некой общей траектории развития социальной политики? Полагаю, что нет, даже в условиях стремительно распространяющейся глобализации. Однако во всем многообразии подходов к решению социальных проблем в XX в. совершенно отчетливо выделяется и занимает лидирующее положение социальная политика *Welfare State*.

Феномен *Welfare State* – это величайшее достижение западно-европейской культуры и цивилизации. Его истоки были заложены задолго до реального воплощения этой системы. Наследие Великой французской революции – Декларация прав человека от 1789 г. – представляется сводом основных положений политики государства всеобщего благосостояния и общественного договора Руссо¹.

И если мы сегодня говорим о социальной политике Германии и немецком социально-экономическом чуде, то также, как большинство стран западного мира, Германия реализовала один из вариантов государства благосостояния и социальную политику, соответствующую основным положениям *Welfare State*.

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998.

Поэтому в контексте заявленной темы имеет смысл рассмотреть вопрос о социальной политике «социального рыночного хозяйства» в контексте систематизации программ социальной политики Welfare State.

Расцвет концепции государства всеобщего благосостояния приходится на середину XX в. Многие исследователи обращались к анализу феномена государства всеобщего благосостояния. Так, Римлингер (1971) считает, что становление государства благосостояния определяется спецификой национальных схем индустриализации. Виленский и Лебау (1965) рассматривают обращение к модели благосостояния как вынужденный ответ государства на проблемы индустриального общества. Маршалл (1950) обращает внимание на роль гражданских, политических и социальных прав в сложном процессе формирования социальной политики государства. Пиерсон (1991) утверждает, что функционирование института государства всеобщего благосостояния в конце XX в. поддерживалось идеологией социальной демократии. Мы могли бы продолжить изложение известных точек зрения на природу и сущность государства всеобщего благосостояния. При всем разнообразии оценок и часто противоречащих друг другу подходов важно отметить следующее: не вызывает сомнения, что государство всеобщего благосостояния является феноменом, характерным для современной индустриальной эпохи. До XX в., и уж никак до XIX в., на национальном или местном уровнях не существовало таких механизмов, которые необходимы для поддержания налогообложения и предоставления услуг, характерных для государства всеобщего благосостояния².

Достаточно распространенным является представление о том, что в основе социальной политики лежит распределение произведенного общественного продукта. Принципы этого распределения различны. Условно их можно свести к следующим:

- *либеральный* подход, опирающийся главным образом на индивида с минимизацией государственного влияния на жизнь населения;
- *социально-демократический* подход (вариант – социальная рыночная экономика), предусматривающий определенную роль государства в перераспределении доходов между различными группами населения, учет потребностей социально слабых групп;
- *планово-экономический* подход, опирающейся на централизованное регулирование производства и распределения³.

Систематизированное различие подходов к типологии социальной политики предлагает известный российский социолог В.Н. Ярская. Она рассматривает несколько типологий социальной политики в зависимости от параметров сравнения социально-политических систем. Например, в одном случае выделяются скандинавская, континентальная европейская, трансатлантическая англосаксонская модели, в другом – бисмаркская и бевериджская, в третьем – резидуальная (остаточная), институциональная и достижительная⁴.

Разделение системы социальной политики на резидуальную и институциональную характерно для англоязычных исследователей. Резидуальная система предполагает, что проблемы индивидов, групп и населения решаются благодаря участию семьи, родственников и соседей. Обращение за помощью в государственные службы считается аномальным, помощь оказывается после проверки обстоятельств и степени неспособности самостоятельно справиться с трудностями. Оказывается лишь временная и минимальная помощь; получение помощи унижает и связано с потерей социального статуса. Институциональная сис-

² См.: Miller St. The Development of Social Policy // Social Policy / Ed. by J. Baldock et. al. N.Y., 1999. P. 6–7.

³ См.: Экономическая энциклопедия / Глав. ред. Л.И. Абалкин. М., 1999. С. 579.

⁴ См.: Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 43; Саппс М., Уэллс К. Опыт социальной работы. Введение в профессию / Пер. с англ. М., 1994; См.: Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 12.

тема предполагает, что проблемы решаются в соответствии с установленными законами, нормами и правилами. Обращение за помощью в государственные службы считается нормальным. Помощь носит по возможности превентивный, профилактический характер; оказываемая помощь, адекватна проблеме и потребностям нуждающихся; помощь носит универсальный характер, получить ее может каждый, не теряя при этом самоуважения⁵.

Таким образом, существуют разные подходы к классификации видов социальной политики. В большинстве случаев мы сталкиваемся с описанием ситуации в решении социальных проблем, с выдвижением, обоснованием и опытом реализации тех или иных социальных проектов. Наличие в основе их проведения тех или иных определяющих принципов (эгалитаризм, невмешательство, патернализм и др.) позволяет с определенными натяжками отнести политику, проводимую данной страной, к некоему типологическому регистру. Безусловно, эти классификационные распределения крайне относительно. Но, так или иначе, рациональный европейский ум привык к позитивистской парадигме и нуждается хотя бы в попытке упорядочивания. Поэтому исследователи социальной политики предпринимают попытки сформировать более или менее строгую классификацию ее моделей. Понятие модели применяется в силу крайней идеализированности данной теоретической операции. То, что предлагается для рассмотрения в качестве моделей, суть некий теоретический образ, в той или иной мере приложимый к реальной социальной ситуации определенной страны. Естественно, что ни одна страна в мире в чистом виде не воплотила ни одну из известных моделей, что обусловлено помимо всего прочего и тем, что экономические условия меняются, соответственно меняются и подходы к решению социальных проблем. В этом смысле описаний и видов социальной политики столько же, сколько и стран мира. Однако и во всем этом многообразии ученые смогли выделить определенные формообразующие критерии.

Г. Эспинг-Андерсен: типы государства всеобщего благосостояния. Параметры классификации

Сегодня «государство благосостояния» для многих политиков и ученых – это, во-

Г. Эспинг-Андерсен

первых, синоним системы обеспечения социальных потребностей общества; во-вторых, оптимальное сочетание свободных рыночных экономических отношений и участия правительственных институтов в решении социальных вопросов.

Наиболее обстоятельное исследование в этой области было проведено Г. Эспинг-Андерсеном⁶. Обобщив значительный эмпирический материал, он выделил три типа или, как он назвал их, три «режима капитализма всеобщего благосостояния» – неолиберальный (или американский), социально-демократический (скандинавский, шведская модель социальной политики) и консервативно-корпоративистский (франко-германский).

В построении этих типов ученый исходил из того, что в различных странах социальная политика строилась вокруг определенных, внутренне связанных принципов. Поэтому для различных типов представлений о справедливом обществе всеобщего благосостояния

⁵ См.: Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 43.

⁶ См.: Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

были общими определенные последовательные предположения и результаты с точки зрения природы государственного вмешательства, расслоения социальных групп и, что очень существенно, предела, до которого рыночное распределение заменялось бюрократическим распределением благ. Последний механизм в этой концепции обозначается понятием «рас-товаривание» (de-commodification). В работе «The Three Worlds of Welfare Capitalism» (1990) Эспинг-Андерсен характеризует выделенные типы государства благосостояния, которые, собственно, и представляют основные модели современной социальной политики, существующие в экономически развитых странах Запада.

Для характеристики и различения типов государства благосостояния Эспинг-Андерсен предлагает следующие параметры: уровень декоммодификации; стратификация общества; государственное вмешательство (интервенция)⁷.

1. *Неолиберальный* (или американский):

1.1. Уровень декоммодификации – низкий;

1.2. Стратификация общества – высокая;

1.3. Государственное вмешательство осуществляется в форме регулирования рынков.

2. *Социально-демократический* (скандинавский, шведская модель социальной политики):

2.1. Уровень декоммодификации – высокий;

2.2. Стратификация общества – низкая;

2.3. Вмешательство государства осуществляется в форме прямого предоставления финансового обеспечения.

3. *Консервативно-корпоративистский* (франко-германский):

3.1. Уровень декоммодификации – высокий;

3.2. Стратификация общества – высокая;

3.3. Вмешательство государства осуществляется в форме прямого предоставления финансового обеспечения и регулирования рынков.

Неолиберальный тип характеризуется относительно низким уровнем декоммодификации, относительно высоким уровнем расслоения с точки зрения неравенства доходов и государственным вмешательством, для которого более типично регулирование рынка, чем предоставление прямого социального обеспечения. В неолиберальной модели социальная помощь оказывается по остаточному принципу бедным и малообеспеченным слоям населения, не способным самостоятельно добывать средства существования. По сути дела речь идет об обязанности государства предоставлять определенный минимум социальных гарантий всем членам общества.

Социал-демократический тип, напротив, характеризуется высоким уровнем декоммодификации, низкой степенью расслоения и прямым государственным обеспечением, регулированием и финансированием программ помощи малоимущим слоям общества. Социально-демократический принцип (который также называют либерально-социалистическим), первоначально основанный на концентрации общественных фондов поддержки профсоюзных и иных демократических общественных организаций, позднее распространился на всех граждан государства, имеющих права на равные льготы, независимо от степени нужды и трудового вклада⁸. К числу стран, осуществивших на практике данную модель социальной политики, относятся, как уже было указано, скандинавские государства, где принципы универсализма социальных прав соседствуют с нерушимостью индивидуальной автономии. Поэтому эта модель представляет собой соединение либерализма с социализмом⁹.

⁷ См.: Manning N. The Politics of Welfare // Social Policy / Ed. by J. Baldock et. al. N.Y., 1999. P. 55.

⁸ См.: Esping-Andersen G. Op. cit. P. 62.

⁹ См.: Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 12.

И, наконец, франко-германский (корпоративистский) тип отличается соединением черт первых двух типов, При этом, согласно Андерсену, имеет место довольно существенное расслоение общества по доходам и социальному статусу при значительном растоваривании, которое происходит через жесткое регулирование бесприбыльных производителей, а не через прямое государственное обеспечение.

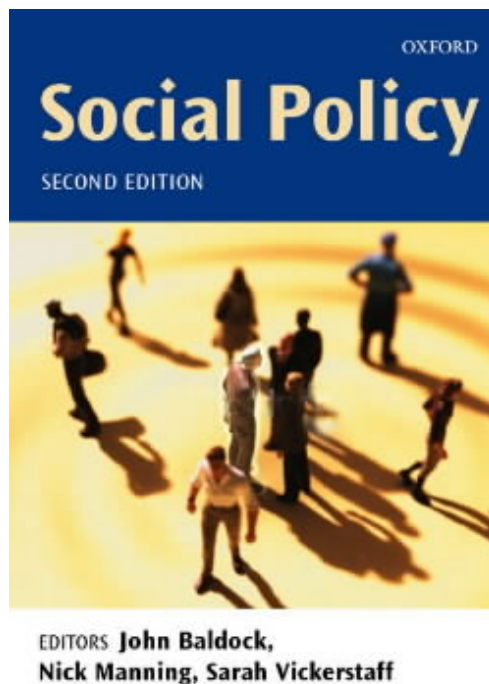
Н. Мэннинг: модели управления социальной политикой. Социальная политика и власть

Известный специалист в области социальной политики английский социолог Ник Мэннинг, анализируя теорию Г. Эспинг-Андерсена, отмечает, что, по мысли автора концепции, один из источников, определивших исторически различия «режимов» (типов) государств всеобщего благосостояния, – политическая сила трудовых движений в различных странах. Влияние этого фактора принципиально даже при относительно равном уровне экономического роста.

С этой точки зрения источники, размер и щедрость государств благосостояния зависят от политических сил и общественных объединений. Там, где средние классы убеждены, что в их интересах поддерживать потребности рабочего класса в расширении государства благосостояния (как в Скандинавии), там частный сектор услуг переполняется и средний класс сосредотачивается на качественном проникновении в государственный сектор. Если же интересы рабочего класса плохо представлены (как в США, например), или интересы среднего класса переместились с государственного обеспечения на частный рынок (как в Великобритании), тогда достижения и качество обеспечения государством социального благосостояния пострадают¹⁰.

Что же касается Германии, то, ссылаясь, на Андерсена, Мэннинг отмечает, что в ней историческое корпоративное наследие было модернизировано в соответствии с новой постиндустриальной классовой структурой. В таких консервативных обществах Welfare State, где силен корпоративный дух, либеральный сценарий рыночной эффективности и овеществления человека не был широко распространен. Предоставление социальных прав также принципиально никогда не оспаривалось. Преобладающей чертой было сохранение статусных различий. Таким образом, права были связаны со статусом и классовой принадлежностью. Этот корпоративизм был заложен в основании государства и мог вполне заменить рынок как источник благосостояния. Следовательно, частное страхование и дополнительные профессиональные льготы были чем-то маргинальным. Вместе с тем акцент государства на поддержке статусных различий означает, что его собственные способности к перераспределению богатства невелики.

Типология, предложенная самим Мэннингом, согласно мнению автора, вполне сочетается с общепринятым представлением о государстве благосостояния¹¹. Особенностью данной типологии является то, что автор делает ставку не столько на экономическое обеспечение социальной политики, сколько на политическую систему управления социальным

¹⁰ См.: Manning N. The Politics of Welfare // Social Policy / Ed. by J. Baldock, et. al. P. 54–57.

¹¹ Ibid. P. 50–51.

обеспечением и решения социальных проблем общества. Мэннинг выделяет следующие модели: плюралистическую, элит, корпоративную и марксистскую.

Еще одна типология. М. Альбер и П. Козловски: какой капитализм? какая социальная политика?

Во вводной статье к сборнику «Социальное рыночное хозяйство» (1999), подготовленному российскими и зарубежными экономистами и социологами по материалам российско-германской конференции известный немецкий экономист Питер Козловски, предвзято рассматривая феномен социального рыночного хозяйства в Германии, обращается к классификации современных разновидностей капитализма Мишеля Альбера. Последний предлагает две основные модели: «неоамериканскую, англосаксонскую» и «рейнскую» модели капитализма¹².

В основе этих моделей лежат две концепции капитализма. Альбер назвал одну из моделей рейнской, так как экономические системы стран, расположенных на берегах реки Рейн (Швейцария, Германия, Бельгия и Голландия), имеют схожие черты. Такая терминология, по мнению ученого, удобна, так как смещает акцент с чисто немецкой на более широкую центрально европейскую модель.

Козловски, обращаясь к концепции Альбера, отмечает, что в классификации последнего отсутствуют разновидности азиатского капитализма, что свидетельствует о недостаточности концепции. Однако целью Альбера было показать конкурентность именно этих двух моделей капиталистической культуры. Козловски признает, что японская модель капитализма, безусловно, отличается от американской модели, что российский постсоветский капитализм отличается от немецкой модели социального рыночного хозяйства, которая, в свою очередь, отличается от британской модели капитализма в вариантах Бевериджа, Кейнса или Тэтчер¹³.

Но именно противостояние названных двух экономических моделей интересует как Альбера, так и Козловски, особенно в контексте того, какую из них выберет постсоветская Россия.

Автор статьи называет три основные характеристики, которыми, на его взгляд, определяется капитализм: во-первых, частной собственностью, во-вторых, максимизацией прибыли и полезностью в качестве мотивации хозяйственной деятельности субъектов и, в-третьих, координацией через рынки и систему цен в отличие от централизованного планирования¹⁴.

Тем самым выявляется, что американская модель нацелена на почти полное освобождение рынка и трех характеристик капитализма от распределительных и политических ограничений. Рейнская модель – это модель встроенности рынка в социальную и политическую структуру, в структуру социальной политики¹⁵. Она также придает особое значение

Питер Козловски

¹² См.: Козловски П. Социальное рыночное хозяйство и разновидности капитализма // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. СПб., 1999. С. 9.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ Ср.: Koslowski P. Ethics of Capitalism and Critique of Sociology. Two Essays with a Coment by James Buchanan. Heidelberg; Berlin; N.Y., 1996. (Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. СПб., 1996.)

¹⁵ Козловски замечает, что прежде всего здесь имеется в виду политика социальной безопасности.

уравновешиванию тех тенденций капитализма, которые ведут к монополизации и массовому неравенству. «Производимое государством сглаживание разницы в доходах, — пишет Козловски, — в рейнской модели капитализма подразумевает, например, что государство гарантирует всем возможность получения высшего образования. Следует отметить, что Германия, Австрия и Швейцария находятся среди немногих стран в мире, в которых студенты не должны платить за высшее образование»¹⁶.

Второй легитимной мерой уравновешивания в рейнской модели капитализма, по мнению ученого, является прогрессивный подоходный налог, на который, однако, ведется наступление в связи с конкуренцией между странами за привлечение иностранных инвестиций. В Америке также существует прогрессивный подоходный налог, но в 1980-х гг. степень прогрессии была значительно сокращена. Третьей мерой уравновешивания Козловски называет налог на наследство¹⁷.

Наконец, важно следующее. В рейнской модели государство понимается не как минимальное, а в первую очередь как социальное государство, не как государство благосостояния в английской реформистской традиции, которая восходит к политике, предложенной в 1940-х годах Бевериджем, основателем английского государства благосостояния, а как государство социальной безопасности в традиции Бисмарка, заложенное в 1890-х годах. «Задачей социального государства в рейнской традиции, — пишет Козловски, — является не только гарантия правовым государством действенности закона, но также и обеспечение социальным государством, по крайней мере, минимального уровня социальной безопасности. Это, однако, не значит, что его целью является создание “государства всеобщего благоденствия”»¹⁸.

Рассмотрение этой классификации капиталистических экономических порядков (капитализмов) Козловски завершает утверждением, что «европейский и западный подход, разделяющий англосаксонскую и рейнские модели, несмотря на ценность этой классификации для Европы, является недостаточным в мировом масштабе. С концом коммунизма мир вступил в новую стадию дебатов, в которой конкурируют друг с другом не только две упомянутые выше модели капитализма. В эти дебаты должны быть включены и те модели капитализма, которые доминируют за пределами западного мира»¹⁹.

Заметим, что несмотря на критическую оценку Козловски, классификация Альбера представляется весьма интересной в контексте рассмотрения моделей социальной политики, поскольку во многом совпадает с подходом рассмотренной выше классификации Эспинга-Андерсена, что поддерживает нашу уверенность в правильности выбора основополагающей типологии.

Литература

Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1.

¹⁶ Козловски П. Социальное... С. 11.

¹⁷ При описании двух указанных моделей экономического порядка Козловски отмечает, что государство благосостояния Великобритании не вписывается в модель противостояния неоамериканской и рейнской моделей. Это показывает, что данный дуализм не является всеохватывающим. Британский капитализм, по мнению Козловски, нельзя отнести ни к первому, ни ко второму типу. Одним из свидетельств этого и является то, что в последнее время налог на наследство в Великобритании был выше, чем в Германии.

¹⁸ Козловски П. Указ. соч. С. 12.

¹⁹ Там же.

Козловски П. Социальное рыночное хозяйство и разновидности капитализма // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. СПб., 1999.

Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. СПб., 1996.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998.

Саннс М., Уэллс К. Опыт социальной работы. Введение в профессию. Пер. с англ. М., 1994.

Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

Koslowski P. Ethics of Capitalism and Critique of Sociology. Two Essays with a Coment by James Buchanan. Heidelberg; Berlin; N.Y., 1996.

Manning N. The Politics of Welfare // Social Policy / Ed. by J. Baldock et. al. N.Y., 1999.

Miller St. The Development of Social Policy // Social Policy / Ed. by J. Baldock et. al. N.Y., 1999.

Гутник В.П. (ИМЭМО РАН)

Кризис социального государства в Германии*

Сопоставление Германии и России одновременно и рискованно, и многообещающе. Проблема использования германского опыта особенно сложна, поскольку исторически уже неоднократно либо немцы нас учили, либо мы напрямую заимствовали отдельные элементы немецкой экономической системы, но оценить эффективность такого обучения очень трудно. При этом можно было бы обосновать как особую близость (в том числе культурную и ментальную), так и абсолютную несовместимость моделей развития двух стран. Больше всего профессоров в российских университетах, больше всего инженеров в российской промышленности, больше всего переселенцев в дореволюционной России было немцев. Все это не могло не наложить отпечаток на процессы нашего развития, хотя и сопротивление «онемечиванию» всегда было сильным, а неприемлемость и даже пагубность внедрения немецкого порядка и самоорганизации, трудовой этики и самодисциплины, государственной регламентации и индивидуальной свободы, да и вообще всех германских институтов особо подчеркивалась российскими исследователями с петровских времен до наших дней.

Мы исходим из того, что различия между Германией и Россией (прежде всего на современном этапе) велики, но не критичны, чтобы говорить о невозможности (или нецелесообразности) сопоставлений и использовании немецкого опыта. Вместе с тем необходимо учитывать еще два важных обстоятельства, которые корректируют представления о германской модели как ориентире для современных трансформирующихся экономик.

Вопрос о том, является ли современная социально-экономическая система Германии – *социальное рыночное хозяйство* – образцом для подражания или предостережением об опасности пути, который быстро заведет в тупик, становится все более актуальным. Особенно хороша и привлекательна германская модель из-за за своего системного характера и взаимозависимости элементов (институциональной целостности). Но это же делает ее почти непригодной для имитирования или трансплантации. Она выдержала испытание временем и доказала свою пригодность на протяжении многих десятилетий, но одновременно обнару-

* Предлагаемый текст – это фрагменты из главы «Германия: успехи и провалы социального рыночного хозяйства» в книге: Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство развитых стран. М.: Изд-во Ин-та экономики переходного периода, 2005. С. 33-37, 76-79.

жила определенную жесткость, степень которой со временем нарастала. Те самые элементы, которые обуславливали устойчивость системы, препятствовали ее радикальному самообновлению. Попытки модернизации через внесение новых принципов и механизмов, как правило, нарушали системную целостность и хотя и способствовали решению одних задач, усугубляли другие проблемы (возможно, поэтому на существенные модификации, подобные «тэтчеровской революции» в Великобритании, немецкий политики не решались, а институты и регулирующие механизмы, явно не вписывающиеся в систему, быстро сходили на нет). Наконец, даже модель социального рыночного хозяйства, создававшаяся в конце 40-х – 50-е годы XX в., устарела, поскольку нынешние условия постиндустриального общества и глобализирующейся экономики существенно отличаются от условий позднеиндустриальной стадии развития в середине прошлого столетия. Более того, германская модель во многом зиждется на *социальном государстве*, которое в основных чертах сформировалось еще в конце XIX – начале XX вв. Теперь же механизмы социального государства не только изнашиваются, но и перестают быть дееспособными. Следовательно, сейчас речь идет не о ремонте старой и проверенной системы, а о ее радикальной модернизации или даже замене.

Если говорить о замене существующей в Германии социально-экономической системы на другую, то сразу же напрашивается вывод о распространении на ФРГ англо-американской модели – не просто более эффективной, но, по утверждениям многих экспертов, единственно возможной в глобализирующемся мире. Однако делать такой вывод было бы поспешно. Адаптивные возможности англо-американской модели не намного выше германских (возможно, лет через десять и она потребует существенной перестройки), а структурные, демографические, культурно-социальные и политические особенности двух систем слишком велики, чтобы беспрепятственно обмениваться моделями развития.

Поэтому Германия находится сейчас в фазе не просто обновления, но по существу поиска (или – в оптимистическом варианте – формирования) новой собственной модели. Вероятно, это также будет социальное рыночное хозяйство, но иного качества, соответствующего требованиям XXI в. Именно поэтому эволюция германской модели в последние годы, воздействующие на этот процесс факторы, а также весь комплекс связанных с этим реформ представляет большой интерес для России, поскольку позволяет ей определить параметры и траекторию развития европейской модели, в рамках которой ей и предстоит выработать собственную модель. Предстоит – поскольку реформы 90-х годов и характер развития в последнее пятилетие пока не дают основания говорить о том, что Россия свой выбор сделала и определила характер и основные принципы своего пути развития.

Что же касается Германии, то перестройке подвергаются практически все элементы социально-экономической системы, но наиболее важные изменения происходят в экономической политике, в регулировании рынка труда и в социальной сфере. Общее направление необходимых преобразований было ясно давно, но их конкретизация произошла в марте 2003 г., когда канцлер Г.Шрёдер в специальном правительственном заявлении в Бундестаге представил пакет реформ, названный «Повестка дня – 2010» (Agenda 2010). Эта программа носит комплексный характер – от снижения налогового бремени до повышения инновационности немецких фирм, но нацелена прежде всего на либерализацию рынка труда, точнее, на смягчение регламентаций найма и на снижение степени социальной защищенности безработных. Надо сказать, что конечного текста программы не существует: каждый год она модифицируется и дополняется¹.

Если в сфере налогообложения и на рынке труда уже реализуется немало мер, то сдвиги в сфере предпринимательства и на финансовых рынках гораздо слабее; не удастся

¹ См., например, изданную Федеральным правительством в феврале 2004 г. брошюру: Agenda 2010. Deutschland bewegt sich / Presse- und Informationsdienst der Bundesregierung. 2004.

преодолеть отставание от основных конкурентов и в инновационной области. Тем не менее немецкие фирмы вполне конкурентоспособны с точки зрения осуществляемой ими стратегии и проведения текущих операций. Несколько парадоксальной представляется нынешняя ситуация, когда социально-экономическая модель испытывает большие трудности (если не сказать – находится в кризисе), территория страны как место приложения капитала утрачивает конкурентоспособность, а немецкие фирмы завоевывают все новые рынки и их продукция остается вполне конкурентоспособной и востребованной.

Прежде чем перейти к конкретным проблемам и сферам, предопределяющим модернизацию германской модели, отметим три базисных особенности, характеризующие социальное рыночное хозяйство:

- теоретическая концепция социального рыночного хозяйства, разработанная неолиберальными экономистами и учеными ордолиберального направления («Фрайбургская школа»), и реализованный политиками в Германии хозяйственный порядок существенно различаются, даже если реальная система и опирается на принципы этой концепции (поэтому, кстати, многие «духовные отцы» социального рыночного хозяйства, например, В. Ойкен, равно как и современные ученые неолиберального направления выступали и выступают с критикой политики, проводимой федеральными правительствами – от К. Аденауэра и Л. Эрхарда до Г. Шрёдера);
- в германской модели сочетаются принципы либеральной экономики и активного вмешательства государства, свобода и порядок; роль государства в экономике (и особенно его перераспределительной политики в социальной сфере) всегда была и остается весьма высокой, но характер экономической политики свидетельствует о том, что она сосредоточена преимущественно на регулировании общих условий хозяйствования (формировании, поддержании и совершенствовании хозяйственного порядка), а не хозяйственных процессов, хотя периодическое увлечение селективной «промышленной» политикой, сопряженной с прямым воздействием на принятие инвестиционных и производственных решений также встречается;
- социальное рыночное хозяйство – это открытая система, она не застыла в своем развитии, не стала раз и навсегда сформированным механизмом, а, напротив, подвергалась и подвергается хозяйственно-политическому воздействию, приводящему либо к частичным улучшениям или корректировкам, либо к довольно глубоким и масштабным модификациям; вместе с тем традиции в германском обществе очень живучи, формы и правила, созданные в прежние эпохи, не отбрасываются при переходе к новым системам или при их модификации, а максимально используются и в том или ином виде сохраняются весьма долго; с одной стороны, это придает хозяйственному порядку большую устойчивость, но с другой – сдерживает развитие, делает его более осторожным, градуалистичным, не допускает радикальных сдвигов, а иногда даже оказывает негативное влияние на бизнес (чрезмерная регламентация ремесленной и всей предпринимательской деятельности, большое количество административных предписаний для бизнеса, закостенелость принципов тарифной автономии, сохраняющаяся тенденция к картелизации экономики).

Современные социальные проблемы порождены не только глобализацией и демографической ситуацией, но и неспособностью традиционного механизма социального государства адаптироваться к новым вызовам, адекватно справляться с проблемами. Это прежде всего относится к принципу социальной солидарности, который отлично содействовал решению социального вопроса в условиях существенной имущественной дифференциации, но мало дееспособен и вызывает все большее отторжение у значительной части общества в условиях высокой степени социальной однородности и доминирования среднего класса.

Принцип солидарности поколений в системе пенсионного обеспечения при сохранении нынешних темпов рождаемости скоро вообще перестанет работать.

При сохранении традиционной системы социального страхования проблему можно решить только постоянно наращивая социальные взносы. Но они и без того в большинстве стран ЕС уже достигают 85-90% от прямой часовой заработной платы. Дело не только в том, что соотношение зарплаты, приносимой работником домой, и общими издержками на труд неуклонно уменьшается, но и в том, что растут общие издержки (а издержки на труд уже давно стали определяющей статьёй себестоимости продукции), что, как уже отмечалось, снижает конкурентоспособность германской (равно как и французской или бельгийской продукции).

Не случайно многие экономисты отмечают парадоксальный, на первый взгляд, факт: именно социальное государство как перераспределительная машина разрушительным образом воздействует не только на экономику и предпринимательскую среду, но и на социальное благополучие. Активный и всеобъемлющий государственный патернализм резко снижает склонность не только к риску, но и к принятию самостоятельных решений, требующих собственных инвестиций. Германия конца XX века – лучшая демонстрация этого². Немцы не только настороженно относятся к акциям (как ценным бумагам) и к участию в собственности, но и не хотят инвестировать в образование из собственных средств, менять работу и место жительства (чтобы получить лучшую работу) и даже в безвыходной ситуации соглашаться на плохо оплачиваемые рабочие места – лучше вообще не работать или заниматься «серым» приработком. Стремясь помочь безработным и создать для них достойные условия жизни, социальное государство отбило у последних всякую охоту искать работу. Программы обучения и повышения квалификации, повышение эффективности служб занятости и т. п. ничего не дадут, если пособие по безработице составляет 2/3 прежней зарплаты и выплачивается до 3-х лет. Сокращение сроков выплаты пособий по безработице и замена помощи безработным (она меньше по размерам, но действует после прекращения выплат пособий практически без ограничения по времени) социальной помощью, предусмотренные программой реформ канцлера Г. Шрёдера (в частности, вызвавшей бурные протесты программой «Харц-IV»), очевидно, можно расценить как шаг в правильном направлении.

Чем социальная помощь лучше, чем помощь безработным? Она не увязывается с предыдущей зарплатой и для всех равных по размеру семей одинакова. Правда, и она столь высока, что подрывает стимулы к труду. Профессор Зинн приводит такие расчеты³: если минимальная зарплата составляет 8,7 евро в час, то в семье с двумя детьми зарплата отца семейства после вычета налогов и взносов, но с добавлением социальной субсидии составит 1696 евро; если же отец вообще не будет работать, то социальная помощь семье составит 1550 евро. Разница не столь принципиальна, чтобы вкалывать 155 часов в месяц.

Среди безработных, кстати, в Германии особенно велика доля лиц с низким уровнем образования (14,2%) или вообще без образования (около 20%), тогда как среди закончивших университеты безработных всего 2,6%. Но это происходит не потому, что для лиц с плохим образованием вообще нет работы, а потому, что они не согласны получать адекватную этой работе низкую зарплату. Фактически это ведет к своеобразной уравниловке, не учитывающей качество человеческого капитала. Поощрение малой занятости, «майнская модель», предусматривающая компенсацию социальных взносов для лиц с низкими заработками, досрочный выход на пенсию – все эти механизмы оказались недееспособными. Социальная помощь необходима, но поощряющая активность и поиск работы (особенно у

² По данным социологического опроса, проведенного в 2003 г. Институтом Алленсбах, 71% немцев предпочитают жить в стране, где есть надежные экономические и социальные гарантии, и только 17% – в стране, в которой вознаграждается готовность к риску.

³ См.: Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? München: Econ, 2003. S. 168.

молодежи), а не сидение в кресле у телевизора или в пивнушках с последующими неонацистскими игрищами после пивных возлияний. Помощь должна не заменять заработок, а дополнять его, если он слишком низкий. При любой зарплате работать должно быть существенно выгоднее, чем просто получать социальные пособия. Многие эксперты полагают, что такая модель «активизирующей социальной помощи» поможет ликвидировать главную причину безработицы в Германии.

Особой проблемой остается Восточная Германия. Ландшафт здесь вместо «цветущего», который обещал бывший канцлер Гельмут Коль, явно «увядший». Слишком быстрое выравнивание социальных выплат и заработной платы явно сыграло злую шутку с «подъемом Востока». Характерно, что промышленность в новых землях в последние годы растет бурными темпами и отличается высоким техническим уровнем, но в этой отрасли работает только 15% занятых в новых землях. Высокотехнологичные производства создают впечатление о прорыве бывшей ГДР в эру информационных технологий, но они, увы, почти не создают новых рабочих мест, а наоборот, их ликвидируют.

В целом же уровень доходов в восточных землях почти достиг западногерманского уровня, хотя производительность труда ниже 60% этого же уровня, иными словами, благополучие не зарабатывается, а обеспечивается трансфертами с запада (до сих пор, по оценкам Ифо-института, сюда ежегодно закачивается около 85 млрд евро государственных средств⁴; в рамках «Пакта солидарности-2», т. е. только за счет взимания налога «надбавка солидарности», до 2019 г. намечено перевести еще 156 млрд евро⁵). Формально более образованные и квалифицированные работники на востоке на самом деле не имеют *нужных* для рыночной экономики знаний и умений. И большинство из них не поехали на запад искать работу, а довольствовались социальной помощью. Социальное государство стало своеобразным источником «голландской болезни» на востоке Германии.

Можно согласиться, что новый приток денег не только не поможет, но только усугубит ситуацию на востоке страны. Выход найти трудно, потому что простой переход к конкурентоспособной зарплате при ограничении всех видов социальной помощи политически неприемлем. Правда, предлагается как-то компенсировать снижение зарплаты (например, передать работникам доли собственности их предприятий, а также продать бывшим гражданам ГДР по низкой цене еще остающееся в руках государства жилье). Честно говоря, сомнительно, что восточные немцы примут этот план с радостью. Да и политики не готовы на такой риск, где, судя по последним выборам, радикалы слева и справа получают все большую поддержку.

Литература

Agenda 2010. Deutschland bewegt sich / Presse- und Informationsdienst der Bundesregierung. 2004.

Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? München: Econ, 2003.

⁴ Sinn H.-W. Op. cit. S. 228-229.

⁵ Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung. 19.09.2004.

Раздел 3.4. Экспорт институтов социального рыночного хозяйства

Цедилин Л.И. (ИМЭПИ РАН)

Роль принципов социального рыночного хозяйства в «срастании» двух Германий*

Восточные земли: итоги трансформации

Когда в 1990 г. большинство жителей ГДР проголосовало за немедленное вхождение их родины в состав ФРГ, мало кто сомневался в том, что в результате слияния двух сильнейших экономик «капиталистического» и «социалистического» мира возникнет мощнейшая в экономическом отношении сверхдержава, которая будет доминировать, по крайней мере, на европейском континенте. Высказывались даже опасения за будущее Европейского Союза, поскольку у объединенной Германии, казалось, будет достаточно сил и средств, чтобы стать самостоятельной экономической составляющей мирохозяйственного порядка наряду с США и Японией.

Напомним некоторые факты, которые можно определить, как некие исходные позиции накануне слияния двух германских государств.

В то время ФРГ занимала лидирующее положение в западноевропейской интеграционной системе по большей части макроэкономических показателей. Западную Германию отличали устойчивые темпы экономического развития, постоянный профицит госбюджета, огромное – порядка 150 млрд. марок – положительное сальдо внешнеторгового баланса и высокая степень социальной защищенности практически всех слоев населения. Правда, уже тогда немало говорилось о необходимости реформирования сложившейся модели социального рыночного хозяйства, переставшей отвечать требованиям времени.

ГДР, в свою очередь, всегда считалась «витриной социалистического мира», страной с развитой, необычайно диверсифицированной экономикой и высоким жизненным уровнем населения. Народное хозяйство страны олицетворяли св. 150 комбинатов центрального подчинения, ставших своего рода высшей точкой развития социалистического планового хозяйства, и одновременно представляемых как аналог капиталистических концернов. Будучи крупнейшим поставщиком машин, оборудования и потребительских товаров в Советский Союз и крупнейшим же покупателем на самых выгодных бартерных условиях советского сырья, ГДР казалась вполне конкурентоспособным регионом даже после вхождения в состав ФРГ. Однако в конце 1980-х годов, когда гласность в Советском Союзе открыла возможности для деидеологизированной непредвзятой аналитики, стали открыто отмечаться и слабости экономики ГДР, в частности, нарастающее отставание от ФРГ по производительности труда (накануне объединения производительность в ГДР составляла ок. 1/3 западногерманского уровня), чрезмерную зависимость народного хозяйства от особо льготных условий в экономических отношениях как с Советским Союзом, так и с ФРГ. Как бы то ни было, наиболее авторитетные западногерманские специалисты по экономике ГДР – эксперты западноберлинского Германского института экономических исследований (DIW) все же довольно высоко оценивали отдельные достижения страны и ее потенциал в целом. У федерального канцлера того времени Гельмута Коля, казалось, были достаточно веские основания говорить о «цветущих ландшафтах», в которые должны превратиться пять новых федеральных земель (Бранденбург, Мекленбург-Передняя Померания, Саксония, Саксония-Ангальт и Тюрингия).

* Впервые опубликовано в: Системные изменения в российском обществе: новые взгляды. Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РНИСиНП, 2005.

Переход к рыночной экономике произошел в новых землях разом, буквально за одну ночь. И сразу ГДР, всегда относившаяся к странам, препятствующим проведению рыночных реформ, оказалась в авангарде трансформационного процесса. Можно сказать, что жители социалистической ГДР тоже пережили своего рода шоковое воздействие. Но его, однако, вряд ли можно назвать «шоковой терапией» в том понимании, которое обычно подразумевается, когда речь заходит о смене хозяйственных порядков в большинстве постсоциалистических стран. Новые граждане Германии получили все социально-экономические завоевания, наработанные в ФРГ за сорок лет успешной реализации концепции, известной как «социальное рыночное хозяйство». Бывшей ГДР, таким образом, не только удалось избежать таких практически повсеместно сопровождавших рыночную трансформацию явлений, как инфляция (не говоря уже о гиперинфляции), коррупция, обнищание широких масс населения, приход криминала во власть (последнее относится, разумеется, в основном к странам СНГ). На новые земли, и это главное, пролился в прямом смысле золотой дождь в виде трансфертов социальной направленности, льгот, инвестиций и передовых технологий. Немаловажное значение имел и так называемый институциональный трансферт. Тогда как страны СНГ и ЦВЕ в муках методом проб и ошибок вырабатывали новые институты, ГДР, объединившись с Западной Германией, смогла перенять уже апробированную правовую систему, включающую торговое и акционерное право, юридические нормы, регулирующие проведение конкурсов и банкротств, конкурентное право и пр. Разгосударствление и приватизация предприятий проходили под контролем и при активном участии специально созданного Ведомства по опеке, справляться с трудностями переходного периода помогали тысячи специалистов, прибывших с Запада Германии.

Благодаря всеобъемлющей поддержке и всесторонней помощи Запада экономика Востока Германии получила мощные импульсы для модернизации. В Дрездене фирмы Infineon и AMD наладили производство современных чипов, поставляемых ныне во все страны мира. BMW, Volkswagen, Opel, Porsche построили в Саксонии и Тюрингии автомобилестроительные предприятия, производительность которых выдерживает любые международные сопоставления. Судоверфи в Висмаре и Ростоке в техническом отношении доведены до уровня ведущих в мире южнокорейских конкурентов. Аспирин для всей Европы сегодня производят на заводе концерна Bayer в Биттерфельде. В Лойне французская компания Elf построила самый современный нефтеперерабатывающий завод в Европе. Бывший комбинат Buna был модернизирован американской компанией Dow Chemical¹.

Инфраструктура Восточной Германии подверглась существенному обновлению и модернизации. За последние годы в новых землях была создана самая современная телефонная сеть в Европе. На Востоке построены новые, отвечающие самым высоким требованиям автомагистрали, модернизировано железнодорожное сообщение.

В общем и целом восточногерманская экономика в сжатые сроки была перестроена по западному, рыночному образцу. Но еще более существенно то, что жители новых земель получили беспрепятственный доступ ко всем социальным благам социально ориентированной экономики Западной Германии. Не будет преувеличением сказать, что наиболее впечатляющие результаты трансформационного периода в Восточной Германии – те, которые свидетельствуют о росте благосостояния ее жителей. ГДР, как известно, занимала первое место по уровню жизни (по произведенному национальному доходу на душу населения) в социалистическом мире. Однако отрыв от идущей следом Чехословакии был незначительным и составлял несколько процентных пунктов. Сейчас же уровень социального пособия безработного в Восточной Германии более чем вдвое превышает уровень средней заработной платы рабочего в Чехии.

¹ Шмид К.-П. 13 лет единства. Как срastaется то, что должно быть вместе // Deutschland. 2004. № 4. С. 5-6.

Средняя заработная плата на Востоке в настоящее время примерно соответствует зарплате на Западе, тогда как накануне преобразований в ГДР она (по покупательной способности) составляла менее 30% от уровня оплаты труда в ФРГ. Восточногерманские пенсионеры сейчас получают почти такую же пенсию, как и западногерманские, хотя они никогда не платили взносы в пенсионные фонды.

Таблица 1

Показатели уровня жизни на Западе и Востоке Германии в 2002 г.

	Запад	Восток
Валовой внутренний продукт на душу населения (в евро)	27 448	17 077
Средний доход на душу населения (в евро)	16 972	13 958
Оснащенность домашних хозяйств (в %)		
Автомобили	76,1	71,0
Телевизоры	95,5	97,8
Компьютеры	54,7	48,1
Интернет	28,7	21,3

Источник: Deutschland. Nr. 4. 2003. S. 9, 11.

Как видно из Табл. 1, по уровню жизни Восточная Германия вплотную приблизилась к западногерманским стандартам. Однако если средний доход на Востоке лишь на 18% ниже дохода на Западе, то по производству ВВП на душу населения отставание намного больше – 38%. Такое различие объясняется в первую очередь тем, что производительность труда (и, соответственно, эффективность производства) в новых землях по-прежнему существенно, примерно на одну треть, ниже, чем в старых. Причем в последние годы разрыв перестал сокращаться, т. е. отставание Востока в этой области в настоящее время не наверстывается, а уровень благосостояния восточных немцев, как и в первые годы трансформации, поддерживается фактически искусственно, за счет беспримерных субсидий.

За годы совместного существования в развитие бывшей ГДР вложено 1,25 триллионов евро (1,540 трлн. долл.). Ежегодно новые земли получают дотаций на сумму 75 млрд. евро, что составляет более 4% валового внутреннего продукта страны, при том, что темпы роста ВВП в ФРГ за последние десять лет не превышали 2% в год. Финансирование производится за счет средств налогоплательщиков и взносов в фонды социального страхования, причем платят только западные немцы². Восточная Германия стала мировым лидером среди так называемых дотационных регионов и по сумме субсидий на душу населения и по степени зависимости от субсидий. «Итальянский юг, получающий помощь от северных областей, Португалия, подпитываемая трансфертами ЕС, и Израиль, в который вложены американские капиталы, тоже – дотационные регионы. Но дефицит их баланса на 12-13% меньше, чем 45%-ный восточногерманский»³.

Теперь, по прошествии 15 лет после начала трансформационного и объединительного процессов, приходится констатировать, что сложения потенциалов двух Германий не получилось. Одна часть территории страны существует в определяющей степени за счет усилий населения другой части. Зависимость от помощи с Запада стала хроническим состоянием восточногерманской экономики - при том, что эта помощь уже не способствует наверстыванию отставания, и даже больше не поддерживает status quo. Как выразился советник германского министра по «Реконструкции Востока», сам выходец из Восточной

² Шмид К.-П. 13 лет единства. Как сростается то, что должно быть вместе // Deutschland, 2004, № 4, с.10.

³ См.: Объединение Германии провалилось // Финансовые известия. 21.04.04.

Германии Манфред Штольпе, «Восток перестал развиваться после первоначальной эйфории. Он глупеет, беднеет и стареет»⁴.

Можно добавить: «и пустеет». Обращает на себя внимание массовый отток на Запад населения, и, главным образом, его активной и креативной части – молодежи. Население новых земель в настоящее время насчитывает около 13,7 миллионов человек, тогда как накануне объединения в ГДР проживало 16,7 млн.

Финансовые трансферты по существу не способствуют сокращению безработицы на Востоке, уровень которой – 20% - более чем вдвое превышает средний показатель по стране. Причем нельзя сказать, что все безработные (а их общая численность достигла рекордных с момента воссоединения абсолютных значений – полтора миллиона человек) активно ищут новое место. Немалую часть составляют лица, свыкнувшиеся со своим статусом и предпочитающие заработку совсем немалое пособие по безработице. На различные виды социальной поддержки ушла почти половина трансфертов. Однако и промышленные инвестиции, очевидно, не приводят к существенному росту занятости.

Первоначально предполагалось, что финансовая поддержка новым федеральным землям будет оказываться до 2004 года. Но принятый впоследствии «Пакт солидарности» предусматривает продолжение политики трансфертов до 2019 года, общая сумма субсидий составит 156,5 млрд. евро. С известной долей уверенности можно предположить, что указанная временная граница будет отодвинута дальше: вряд ли в намеченные сроки регион Восточной Германии способен существенно повысить степень самообеспечения. Как бы то ни было, но размеры федеральной поддержки скорее всего будут вынужденно сокращаться, поскольку, как считает целый ряд экспертов, рецессия, наблюдаемая в настоящее время во всей германской экономике, на 2/3 объясняется восточными трансфертами.

Итак, налицо сложнейшая экономико-политическая дилемма. С одной стороны, зависимость новых земель от западных трансфертов необходимо снижать хотя бы потому, что вся германская экономика переживает не лучшие времена. С другой стороны, тенденцию к усилению этой зависимости пока прервать не удастся из-за того, что социально-экономическое положение там в последние годы скорее ухудшается. Существенное сокращение зависимости тем более проблематично, что «восточной» экономике предстоит новое испытание в конкуренции территориальных условий хозяйствования со странами - новичками ЕС. «Растет страх, что расширение ЕС на Восток еще более затруднит процесс выживания хрупких восточногерманских предприятий»⁵.

Восточногерманская экономика: испытание системной конкуренцией

Трансформационная перестройка экономики во всех без исключения постсоциалистических странах сопровождается радикальными структурными сдвигами. Происходит сворачивание производства одних традиционных отраслей, главным образом, тяжелой и оборонной промышленности, при одновременном динамичном развитии других – строительства, легкой и пищевой промышленности. Под воздействием рыночных сигналов осуществляется перегруппировка секторов экономики – ускоренно развивается сфера услуг и снижается доля промышленности и сельского хозяйства в производстве ВВП. Рынок призван за несколько лет выправить большинство структурных перекосов, образовавшихся за десятилетия существования волюнтаристской плановой экономики. В целом можно отметить закономерность: *чем дальше страна зашла по пути социалистических преобразований, тем больше оказалась деформирована ее экономика и тем более радикальными (и в боль-*

⁴ См. там же.

⁵ Шмид К.-П.. 13 лет единства. Как срастается то, что должно быть вместе // Deutschland. 2004. № 4. S. 11.

шинстве случаев более болезненными) оказываются структурные изменения в условиях рыночной свободы и конкуренции.

Восточная Германия в этом отношении представляет собой особый случай. Более кардинальной перестройки экономики не испытала ни одна другая страна бывшего социалистического лагеря. По сути, произошла деиндустриализация экономического ландшафта, радикализм которой не может быть объяснен даже тем обстоятельством, что ГДР всегда относилась к лидерам по глубине и размаху социалистических преобразований. В то же время эта операция по удалению образований и искривлений социалистического периода проводилась с обильным применением обезболивающих средств самого сильного действия. Последующая терапия экономики также сопровождалась использованием все тех же методов обезболивания. В результате произошло то, что не могло не произойти – привыкание организма (социально-экономического) к анестезии, перешедшее в хроническую зависимость от нее. В этом заключается специфическая особенность восточногерманского региона, определяющая, как представляется, его дальнейшую судьбу.

Проблема конкурентоспособности восточногерманских предприятий с начала трансформации и по сей день решается в основном методами их экономической поддержки со стороны государства. В этом смысле государственную экономическую политику, проводимую на новых землях, вряд ли можно определить в целом как политику конкурентную, т.е. направленную на поддержание и поощрение конкуренции во всех сферах хозяйственной жизни. Скорее, речь может идти о промышленной политике (как ни парадоксально это звучит при практически состоявшейся деиндустриализации экономики), призванной обеспечить ускоренное развитие современных предприятий и целых отраслей на основе помощи со стороны государства.

В этом состоит, на наш взгляд, принципиальное отличие экономической политики и практики трансформации и последующего развития Восточной Германии от политики и практики стран ЦВЕ и СНГ (но также и от экономической политики периода послевоенных реформ в Германии), где *приспособление к рыночным условиям сложившихся предприятий и образование и развитие новых происходили в условиях формирующейся конкурентной среды и под ее непосредственным воздействием.*

В Восточной Германии конкуренция возникла сразу, причем в самом своем «цивилизованном», последовательно институциональном воплощении. В новых землях сразу стали применяться нормы и правила отшлифованного за десятилетия конкурентного права Западной Германии и соответствующие предписания Европейского Союза. «Предприятия столкнулись с мощнейшей международной конкуренцией, к которой не были подготовлены и с которой не могли справиться. Основной проблемой стало не обеспечение конкуренции, а создание конкурентоспособных предприятий»⁶.

Проводившаяся в новых землях политика по обеспечению и повышению конкурентоспособности предприятий оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, были по существу полностью разрушены комбинаты – крупные промышленные образования, в которых, зачастую искусственно, под «одной крышей» были сведены НИОКР, производство и сбыт конечного продукта, и которые были действительно монополистами на территории бывшей ГДР. Ведомство по защите конкуренции пресекало и попытки некоторых западных компаний завоевать господствующее положение на рынке путем объединения с восточногерманскими. С другой стороны, наиболее, как первоначально казалось, перспективные восточногерманские предприятия – судовой верфи, металлургические или химические предприятия - в ходе приватизации доставались, в основном, тем западногерманским и иностранным компаниям, которые сами занимали ведущие позиции в соответствующих отрас-

⁶ Шмидт К.-Д. Трансформация и конкуренция: пример бывшей ГДР // Политэконом. 1997. №3-4. С. 100.

лях. Таким образом, на Востоке нередко возникали на месте прежних новые региональные монополии, аналоги тех, что уже существовали на Западе. При этом Европейский орган по контролю за слиянием компаний, как правило, занимал позицию невмешательства, поскольку после слияний едва ли какая-либо корпорация завоевывала господствующее положение на рынке ЕС⁷.

Так же, как и в странах ЦВЕ, ставших новыми членами ЕС, в Восточной Германии крупные западные компании активно создавали производственные мощности, причем предприятия восточных земель, как правило, оснащались на самом передовом уровне. Однако мотивация экспансии в восточном направлении была, очевидно, неодинаковой. В случае размещения производства в странах ЦВЕ наиболее притягательными для компаний с Запада представляются относительная дешевизна рабочей силы и емкость внутреннего рынка этих стран. В случае создания мощностей на территории новых федеральных земель оба этих фактора изначально имели ограниченное значение. Главным же побудительным мотивом было, как видно, стремление поучаствовать в освоении обильных государственных субвенций, выделявшихся на санацию старых и становление и развитие новых предприятий, будь-то прямые дотации или всевозможные льготы при приобретении, реконструкции или функционировании предприятия на Востоке. Потому нередко на Востоке размещались резервные мощности, производство на которых должно сжиматься или расширяться в зависимости от развития конъюнктуры, тогда как основной спрос призваны покрывать испытанные предприятия на Западе. В ряде случаев западные компании были заинтересованы в приобретении восточногерманских предприятий лишь ради поглощения потенциальных конкурентов.

Конфликт между конкурентной и промышленной политикой в полной мере проявил себя в ходе трансформации экономики ГДР под надзором и при активном участии государства. По подсчетам экспертов, последовательный перевод комбинатов и предприятий Восточной Германии в режим рыночного порядка означал бы ликвидацию $\frac{3}{4}$ рабочих мест. Поэтому из политических соображений предприятия защищались (и защищаются во многих случаях до сих пор) от воздействия конкуренции посредством субвенций. Комиссия ЕС относилась к подобной практике с пониманием и благосклонностью. Многие полуживые предприятия восточных земель получили обильные вливания средств, но лишь немногим это пошло на пользу и привело к действительному повышению конкурентоспособности. В конечном итоге при проведении этого эксперимента по трансформации экономики постсоциалистической страны подобными методами активной промышленной политики подтвердилась известная истина: *там, где нет давления конкуренции, тормозится процесс приспособления к рынку*. Защита от конкуренции приносит лишь временное облегчение предприятию, в большинстве случаев в конечном итоге она оборачивается ущербностью и хронической зависимостью от внешнего вспомоществования.

Пример Восточной Германии позволяет убедиться в том, что защита от конкуренции приносит сомнительную пользу не только в случае поддержки наплыву «старых» предприятий, но и стимулирования создания и развития новых. Весьма показательной в этом отношении представляется осуществляемая в настоящее время на Востоке Германии политика по поддержке инновационных процессов⁸.

Стимулирование усилий по повышению технологического уровня восточногерманских предприятий в последние годы является одним из приоритетных направлений экономической политики в новых землях. Речь идет, главным образом, о поддержке предприятий, занимающихся разработкой и внедрением инноваций, в целях сокращения отставания

⁷ Шмидт К.-Д. Трансформация и конкуренция: пример бывшей ГДР // Политэконом. 1997. №3-4. С. 102.

⁸ См.: Zweiter Fortschrittsbericht wirtschaftswissenschaftlicher Institute über wirtschaftliche Entwicklung in Ostdeutschland. Kurzfassung // Wochenbericht des DIW Berlin 47/03.

в этой области от Западной Германии и укрепления позиций восточногерманской промышленности на внутреннем и внешнем рынках. Начиная с 1996 г. в Восточной Германии наблюдается опережающее развитие НИОКР по сравнению с прочими секторами промышленности. Однако по важнейшим индикаторам, таким как удельный вес НИОКР в создании добавленной стоимости, доля занятых в этом секторе, экспортная квота и производительность сектора, отставание от Западной Германии остается все еще достаточно ощутимым.

В новых землях исследовательской деятельностью занято относительно большее число лиц с законченным высшим и профессиональным образованием, чем на Западе Германии. Это касается, прежде всего, наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности. В 2001 г. в сфере НИОКР промышленности Восточной Германии работали примерно 25 тыс. сотрудников, т. е. около 8% всех занятых в этом секторе экономики ФРГ. Однако в большинстве своем (70%) они трудятся на малых и мелких фирмах, тогда как в Западной Германии сотрудники НИОКР являются в основном служащими крупных компаний. Другой особенностью потенциала НИОКР Восточной Германии является высокая доля занятых в сфере услуг – 17% против 3% в Западной Германии. Инновативные предприятия сферы услуг испытывают, как правило, больше трудностей в процессе утверждения на рынке, поскольку в данной области наблюдается особенно острая конкуренция.

Но главное отличие восточногерманского сектора НИОКР – в другом. 90 % восточногерманских предприятий, занимающихся разработкой и исследованиями, не могут функционировать на началах самоокупаемости, они в той или иной степени зависят от получения государственных субсидий. В Западной Германии доля таких предприятий составляет порядка 33%. Кроме того, отставание в области производительности труда на восточногерманских предприятиях, занимающихся инновационной деятельностью, от аналогичных предприятий Западной Германии существенно больше, чем в других секторах экономики. Таким образом, *высокая степень занятости в сфере НИОКР и высокий уровень наукоемкости производства поддерживаются в новых землях искусственно, за счет массивной государственной поддержки, и они не отражают действительной конкурентоспособности этого сектора.* Восточногерманские предприятия, поощряемые подобной «технологической» политикой государства, инвестируют в исследования и новые разработки больше, чем это диктуется потребностями рынка и размерами предприятия, что, в свою очередь, ставит под сомнение прочность создаваемого в новых федеральных землях научно-технического потенциала.

Таблица 2

Основные индикаторы экономического развития восточногерманской экономики в 1999-2002 гг.

	1999	2000	2001	2002
Численность населения в тыс. чел.	13 908,3	13 899,5	13 788,1	13 573,7
в % к предыдущему году	- 0,5	- 0,6	- 0,8	- 0,8
ВВП в млрд. евро	216,8	220,0	220,0	219,5
в % к предыдущему году	2,4	1,5	0	- 0,2
Производительность*) в тыс. евро	36,2	37,1	37,7	38,3
в % к предыдущему году	1,9	2,4	1,5	1,4

*) ВВП в ценах 1995 г. в расчете на одного занятого

Источник: Wochenbericht des DIW. 47/03

Следует отметить ряд тенденций, характеризующих социально-экономическое развитие Восточной Германии в последние годы и позволяющих судить о том, как выглядят позиции восточногерманского региона в системной конкуренции со странами ЦВЕ – новыми членами ЕС. На фоне довольно динамичного социально-экономического развития стран

ЦВЕ, прежде всего, обращает на себя внимание отчетливо выраженная стагнация в Восточной Германии (см. Табл. 2).

В Восточной Германии затяжной кризис переживает строительство, причем показатели развития отрасли на Востоке Германии хуже, чем на Западе.

Дефицит бюджетов всех уровней вынуждает ужесточать режим экономии и в новых землях. Однако сокращения в последние годы гораздо больше затронули инвестиционные, а не социальные программы. Намеченные налоговые реформы, видимо, позволят изменить тенденцию.

Весьма невысок уровень занятости в Восточной Германии, масштабы безработицы в новых землях сопоставимы лишь с соответствующим показателем Польши и Словакии и на порядок превышают показатели других вступивших в ЕС стран. Занятость по крайней мере на четверть (от общего числа рабочих мест) поддерживается специальными мерами в рамках соответствующих государственных программ. В новых федеральных землях не хватает 2, 4 млн. стабильных рабочих мест, что соответствует 25%-ной квоте избыточной занятости, созданной и поддерживаемой искусственно. В 2002 г. потеряли работу 1,03 млн. человек против 0,98 млн. получивших место.

Ухудшение экономической конъюнктуры восточногерманские предприятия воспринимают болезненнее, чем западные, и соответственно число банкротств на Востоке значительно больше – относительно численности занятых – чем на Западе.

Несмотря на активную господдержку инновационной деятельности, для инвесторов в Восточной Германии более привлекательными остаются трудоемкие производства, поскольку уровень оплаты труда там все же несколько ниже, чем в старых федеральных землях. Капиталоотдача восточногерманской промышленности с 1996 г. держится на неизменном уровне и составляет 70% от соответствующего показателя промышленности Западной Германии⁹. В целом территориальные условия хозяйствования в новых землях остаются хуже, чем на Западе Германии, и разрыв в последние годы, по крайней мере, не сокращается. Вместе с тем, предприниматели Восточной Германии оценивают условия хозяйствования в регионе скорее позитивно, чем негативно. Согласно результатам опроса, проведенного летом 2000 г. Германским институтом экономических исследований (Берлин), предприниматели новых земель единодушно указывали на менее высокую по сравнению с Западной Германией стоимость рабочей силы как на главное преимущество региона. В качестве слабых мест отмечали недостатки в развитии инфраструктуры и нехватку квалифицированных работников. Высшие оценки заслужили условия хозяйствования, сложившиеся в Дрездене. Затем следуют регионы Йены, Лейпцига, Веймара, Эрфурта. Последние места заняли юг Бранденбурга и север Тюрингии – аграрные, отдаленные от деловых центров территории¹⁰.

Опрашиваемые восточногерманские бизнесмены сравнивали условия своего региона с условиями в старых землях, где уровень конкуренции в целом выше, чем на Востоке, и где предприятия, особенно малые и средние не получают такой поддержки, как на Востоке. (В новых землях в той или иной степени на поддержку могли рассчитывать практически все осуществляющие инвестиции предприятия). Так что представленные оценки вряд ли достаточно достоверно отражают соотношение сил в региональной конкуренции.

Автор не располагает данными по сравнению условий хозяйствования восточногерманского региона и, например, соседних Польши и Чехии. Нетрудно предположить, однако, что в случае подобных сопоставлений оценки тех же факторов были бы прямо противоположными: уровень развития инфраструктуры в новых землях Германии рассматривался

⁹ См. Zweiter Fortschrittsbericht wirtschaftswissenschaftlicher Institute über wirtschaftliche Entwicklung in Ostdeutschland. Kurzfassung // Wochenbericht des DIW Berlin 47/03.

¹⁰ См. Zweiter Fortschrittsbericht wirtschaftswissenschaftlicher Institute über wirtschaftliche Entwicklung in Ostdeutschland. Kurzfassung // Wochenbericht des DIW Berlin 47/03.

бы, скорее, как их конкурентное преимущество, а значительно более высокая стоимость рабочей силы в НФЗ при вполне сопоставимом с Чехией и Польшей уровне квалификации работающих по найму выглядела бы, несомненно, как уязвимое место.

Схожесть профилей специализации – производство преимущественно трудоемкой продукции – Восточной Германии и вступивших в ЕС стран ЦВЕ позволяет предположить обострение системной конкуренции между бывшими партнерами по социалистической интеграции. В первую очередь, взаимный товарообмен, который в ближайшее время, безусловно, интенсифицируется вследствие снятия последних барьеров и географической близости регионов, должен будет выявить их сильные и слабые стороны. В области производства и сбыта высокотехнологичной продукции позиции Восточной Германии выглядят более предпочтительными – массивная господдержка этого сектора в конечном итоге не может не отразиться на результате в виде, например, более высокой экспортной квоты соответствующей продукции. Хотя здесь многое зависит от развития конъюнктуры. Что же касается производства и сбыта трудоемкой продукции, то в этой сфере серьезным преимуществом в ценовой конкуренции обладают страны ЦВЕ, где значительно ниже издержки на оплату труда и намного меньше социальная нагрузка на предприятия. Этот фактор не может не сказаться и в ходе конкурентной борьбы и в сфере услуг. Однако наибольшую угрозу занятости, и соответственно, всей социально-экономической ситуации в Восточной Германии представляет собой развитие замещающего производства в странах соседях и продолжение практики аутсорсинга. В случае существенного ослабления федеральной поддержки новых земель (что почти неизбежно в виду затянувшейся рецессии в Германии) притягательность восточногерманского региона для западногерманских и зарубежных инвесторов заметно снизится и, соответственно, возрастают шансы в борьбе за новые капиталовложения у стран ЦВЕ – новичков ЕС.

Таким образом, глобализационные процессы окажут в случае сохранения наметившихся тенденций скорее разрушительное, нежели оздоравливающее воздействие на экономику Восточной Германии. Во всяком случае, нынешние позиции этого региона в системной конкуренции в Европе, обостряющейся с принятием в ЕС новых членов, не дают оснований для оптимистичных прогнозов в отношении перспектив его развития.

В поисках решений

Как представляется, использование только методов локальной терапии в виде модификации специального режима для восточных земель вряд ли способно радикальным образом изменить ситуацию к лучшему. Так, предлагаемые некоторыми экспертами такие последние средства спасения, как введение долгосрочных налоговых льгот для восточногерманских компаний и предоставление им гарантированных возможностей участия в конкурсах на получение государственных подрядов¹¹, означает продолжение все той же - паушальной, по сути, - протекционистской политики господдержки. Льготное налогообложение предприятий одного региона предполагает к тому же принятие специальных и дорогостоящих мер контроля в целях недопущения злоупотреблений (создание подставных фирм, внутрифирменные махинации с поставками и т.п.). Наконец, подобная практика вряд ли получит одобрение в органах ЕС.

Более резонными представляются предложения по проведению масштабной реформы всей сложившейся к настоящему времени в ФРГ социально-экономической системы и по изменению приоритетов «восточной» политики в духе предлагаемых системных преобразований.

¹¹ См.: Объединение Германии провалилось // Финансовые известия. 21.04.04.

Профессор Рюдигер Поль из Института экономических исследований г. Галле считает, что экономическая рецессия последних лет в ФРГ не может быть объяснена только чрезмерной финансовой нагрузкой, обусловленной объединением Германии. Истинная причина кризисных явлений заключается, по его мнению, в том, что «Германии с ее социально-экономической системой все труднее выдерживать ужесточающуюся международную конкуренцию территориальных условий хозяйствования»¹². *Западная Германия, олицетворяющая модель «социального рыночного хозяйства», была обречена на утрату прежних позиций, даже если бы объединение и не состоялось.*

Что же касается собственно «восточной» политики, то основной ее недостаток проф. Поль видит в том, что значительная часть «восточных» трансфертов использовалась на социальную помощь, т.е. на потребление, а не для интенсификации хозяйственных процессов. Но, в свою очередь, указывает этот эксперт, высокие социальные выплаты отражают слабости экономики, не способной обеспечить достаточной занятости. Р. Поль согласен с тем, что ориентиры политики поддержки восточных земель должны быть пересмотрены.

С тем, что недостатки «восточной» политики по сути являются следствием недостатков социально-экономической системы Германии в целом, нельзя не согласиться. Но не менее принципиальное значение имеет, на наш взгляд, то, что эти недостатки еще более усугубились пороками, доставшимися в наследство Восточной Германии от периода «реального социализма».

С предложениями конкретных мер по оздоровлению ситуации в Восточной Германии выступает другой эксперт из Института г. Халле д-р Йоахим Рагнитц¹³. Он считает необходимым отказаться от политики помощи по принципу «поливания из лейки» и предлагает разработать специальные концепции развития для каждого региона новых земель в отдаленности. Так, в периферийных регионах следует поощрять развитие туризма или сельского хозяйства, а не производство высокотехнологичной продукции. Помощь регионам и предприятиям должна оказываться под девизом «Усиливать сильных», тогда как «слабые» должны поддерживаться, скорее, по остаточному принципу. В целях улучшения условий хозяйствования в новых землях Рагнитц предлагает сосредоточиться в первую очередь на среднесрочных проектах развития инфраструктуры с более широким использованием альтернативных источников финансирования. Принципиально важным представляется предложенное им дальнейшее упразднение регламентаций в области строительства, охраны окружающей среды и трудового законодательства, если они препятствуют экономическому росту и созданию рабочих мест. Причем новые земли должны стать своего рода «полигоном» для опробования мер по дерегулированию экономики Германии в целом.

Особо следует отметить предложения по определению уровня заработной платы. Рагнитц считает, что должна проводиться политика дифференцированного подхода, а население Восточной Германии должно усвоить, что различия в оплате труда - суть один из важнейших элементов рыночной экономики.

Будут ли реализованы эти, на наш взгляд, весьма разумные предложения по реформированию экономической политики в либеральном духе, покажет время. Предлагаемые меры вполне могут способствовать если не достижению финансовой самостоятельности, то, по крайней мере, существенному ослаблению зависимости от трансфертов и укреплению позиций Восточной Германии в системной конкуренции. Однако эта цель если и достигнута, то в лучшем случае, в среднесрочной перспективе. Проблемы настолько сложны и глубоки, что их вряд ли удастся решить в ближайшее время, и Восточной Германии еще не один год придется мириться с репутацией депрессивного региона.

¹² См. Pohl R. Die Wachstumschwäche in Deutschland – ist der Osten schuld? // IWH-Pressemitteilung 15/2004.

¹³ См. Ragnitz J. Ist der Aufbau Ost gescheitert? // IWH-Pressemitteilung 15/2004.

Опыт Германии и Россия

Опыт трансформации и последующего социально-экономического развития Восточной Германии позволяет, как представляется, поставить под сомнение некоторые сложившиеся стереотипы оценок рыночных преобразований, осуществляемых в постсоциалистических странах, и в частности, в России. Так, принято объяснять проблемы и трудности переходного периода, главным образом, чрезмерной жесткостью либеральных реформ.

В Восточной Германии переход к рынку был смягчен настолько, насколько это вообще было возможно. Жители бывшей ГДР получили немедленный доступ ко всем благам, наработанным за сорок лет функционирования социального рыночного хозяйства. И все же потенциал недовольства в этой части Германии, если судить по итогам так называемого протестного голосования за «левых» и за крайне «правых», не меньший, чем в странах СНГ и ЦВЕ, где уровень жизни и социальной обеспеченности несравнимо ниже. И уж тем более восточным немцам не приходится считать либералов «чикагской школы» виноватыми том, что в регионе не хватает рабочих мест и сокращается численность населения.

Так же вызывает сомнения тезис об «особости» русской нации, которой якобы генетически присущ коллективизм и чужд индивидуализм. Как оказалось, менталитет многих восточных немцев, поживших при социализме, отличается от менталитета «западников» именно по тем же самым характеристикам. В этой связи, скорее, можно говорить об «особости» социалистической нации, которая, похоже, действительно сформировалась в условиях жесткого тоталитаризма.

В свете рассмотренного восточногерманского опыта некорректным представляется прямое сопоставление потенциалов социалистической плановой экономики и экономики рыночного типа. Когда говорят о кратном сокращении производства за время реформ, то имеют в виду те самые валовые показатели, достижение которых и было самоцелью плановой экономики и которые никак не отражали эффективность производства. Промышленный потенциал бывшей ГДР был в конечном итоге практически демонтирован, прежде всего, потому что он не вписывался в современную рыночную экономику ФРГ и не отвечал критериям эффективности. Соответственно, никто из экспертов в Германии не оценивает результаты преобразований на основе сравнения объемов производства до и после 1990 г. в силу бессмысленности подобного сопоставления. Действительно содержательными критериями успешности экономических реформ, где бы они ни проводились, были и остаются показатели эффективности, производительности и уровня жизни населения.

Наконец, практика преобразований в Восточной Германии, очевидно, обогащает наши представления о границах возможностей промышленной политики. Определенно можно утверждать, что промышленная политика никак не может заменить выполнение некоторых принципиальных требований, предъявляемых к успешной экономической системе. Напрашивается банальный вывод: высокая конкурентоспособность (предприятия, отрасли, региона) не может быть достигнута без всемерного поощрения собственно конкуренции.

Литература

Шмид К.-П. 13 лет единства. Как срastaется то, что должно быть вместе // Deutschland. 2004. № 4.

Объединение Германии провалилось // Финансовые известия. 21.04.04

Шмидт К.-Д. Трансформация и конкуренция: пример бывшей ГДР // Политэконом. 1997. №3-4.

Zweiter Fortschrittsbericht wirtschaftswissenschaftlicher Institute über wirtschaftliche Entwicklung in Ostdeutschland. Kurzfassung // Wochenbericht des DIW Berlin 47/03.

Pohl R. Die Wachstumschwäche in Deutschland – ist der Osten schuld? // IWH-Pressemitteilung 15/2004.

Ragnitz J. Ist der Aufbau Ost gescheitert? // IWH-Pressemitteilung 15/2004.

РАЗДЕЛ IV.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО
ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

4.1. Проблемы стимулирования конкуренции

Кузнецов А.В. (ИМЭМО)

Конкуренция в социальном рыночном хозяйстве как средство либералистского "пересмотра" итогов приватизации в России*

Результаты ошибочной стратегии социально-экономической трансформации в России

В советской экономике почти полностью отсутствовала конкуренция производителей, а большинство предприятий представляли собой монополистов (если и не в масштабах всей страны, то в пределах региона или местности). В результате экономика отличалась крайне низкой эффективностью, а уровень жизни подавляющей части населения был невысоким. Социально-экономическая трансформация 1990-х гг., направленная на создание в России полноценной рыночной экономики, связывалась с либеральными идеями. В частности, предполагалось, что в результате приватизации возникнет целый класс эффективных частных собственников, который будет способствовать росту конкуренции в экономике, что в свою очередь приведет к повышению эффективности производства во всех отраслях и быстрому развитию российской экономики.

Ускорение всего процесса трансформации связывалось с проведением быстрой приватизации, для чего собственность раздавалась почти бесплатно определенным категориям граждан, причем владельцами предприятий "назначались" часто люди, которых в принципе трудно назвать предпринимателями (например, "красные" директора). Одновременно с помощью высокой инфляции "сжигались" сбережения остального населения, а участие иностранных инвесторов максимально ограничивалось (хотя их средства могли не только решить проблему хронического бюджетного дефицита, но и обеспечить необходимую модернизацию основных фондов).

К настоящему времени процесс трансформации зашел в России, по сути, в тупик. Безусловно, в стране в целом оформилась система рыночных отношений, однако за последние 10-15 лет уровень жизни многих граждан не повысился или даже понизился. Крайне вяло происходят структурные преобразования, необходимые для укрепления конкурентных позиций России на мировых рынках. В стране укоренился малоэффективный мощный коррумпированный аппарат чиновников-бюрократов и полубандитских "правоохранительных" органов. Несмотря на обеспечиваемый прежде всего частными компаниями устойчивый рост в российской экономике все последние годы, в стране не удается наладить финансирование хотя бы минимального набора социальных обязательств, лежащих на любом государстве (иначе как трактовать то, что зарплата учителей не дотягивает даже до уровня физического выживания, в результате чего способная молодежь не идет в сферу обязательного школьного образования, а материальное обеспечение основной части пенсионеров, чье поколение создавало ныне приватизированные объекты, почти целиком предполагается за счет их ненормированной занятости в теневом секторе или поддержки со стороны детей). Особую остроту приобретает жилищная проблема, актуальная для любой страны с неблагоприятными климатическими условиями, в связи с использованием строящихся домов как выгодного средства размещения свободных финансовых средств (причем купленные "впрок" квартиры часто даже не используются для сдачи в аренду). В результате большин-

* Впервые опубликовано в: Системные изменения в российском обществе: новые взгляды. Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РНИСиНП, 2005.

ство граждан, поддержавших либеральные преобразования 1990-х годов, все более скептически воспринимают новые инициативы реформаторов.

Во многом решение названных проблем упирается в высокий уровень монополизации и олигополистического контроля отдельных рынков. Недобросовестная конкуренция российских частных нефтяных и металлургических компаний, злоупотребления фирм в сфере жилищного строительства и многие другие факты признаются большинством экспертов. Лишь несовершенство российского законодательства не позволяет Федеральной антимонопольной службе (ФАС) пресекать значительную часть их действий, нацеленных на ограничение конкуренции¹.

Безусловно, принятие летом 2006 г. нового закона "О защите конкуренции" должно улучшить ситуацию. В частности, проще становится бороться с монопольным сговором, доминированием в рамках региональных рынков. Однако масштабы монополизации на уровне субъектов Федерации по-прежнему велики. Так, отсутствие на протяжении всех лет реформ понятия компании, доминирующей на региональном рынке (которое уже давно было введено в антимонопольное законодательство многих стран СНГ – в результате, в Киргизии монополистами признаются даже компании по выкапыванию могил), привело к безнаказанному разделу бензинового рынка более чем 20 субъектов Российской Федерации, где проживает четверть населения страны².

Еще менее заметными оказались действия региональных монополистов в других отраслях. Например, кого интересует "Омская макаронная фабрика", производящая 97% макаронных изделий в своей области и контролирующая в результате 60-70% регионального рынка сбыта? А сколько действует монополистов на сегментах рынка с низкой долей импорта в регионах, удаленных от основных экономических центров? В то же время есть случаи, когда компания удерживает доминирующее положение в отдельных регионах (например, фирма "Акрон" контролирует почти весь рынок азотных удобрений в Орловской области, более 2/3 рынка Липецкой и не менее 1/3 рынка Белгородской областей), но, по видимому, не проявляет своей монопольной власти³.

Не стоит забывать и о крупных предприятиях сферы услуг, часто одним своим существованием препятствующих развитию нормальной конкуренции в провинции (достаточно вспомнить "Сбербанк"). Что уж говорить о наличии так называемых "естественных" монополий, часть которых действует в потенциально конкурентных отраслях.

При этом большинство российских монополий и олигополий используют дополнительные доходы не на улучшение благосостояния наемных работников (доля оплаты труда в ВВП России одна из самых низких в мире) и даже не на совершенствование своей продукции, а на личное обогащение владельцев и топ-менеджеров, причем предпочитающих тратить свои сбережения вне пределов России. Таким образом, крупные российские компании, занимающие доминирующее положение на рынке, чаще всего не имеют ничего общего с монополиями в трактовке Й. Шумпетера (которого, кстати, либералы всячески критиковали за концепцию позитивного вклада монополий в технологическое развитие)⁴.

¹ Подробнее см. официальный сайт ФАС (<http://www.maprf.ru>).

² Данные Российского топливного союза, объединяющего 35 региональных ассоциаций розничных торговцев бензина, которые постоянно сталкиваются с необоснованным повышением цен оптовых поставщиков топлива.

³ Сведения о доле рынка получены из сопоставления данных отчета фирмы "Акрон" за 2002 г. и информации Госкомстата России. Насколько скрупулезным было расследование ФАС, сказать сложно, учитывая, что ею отмечено превышение среднего по России уровня цен на азотные удобрения у компании "Акрон" на 15% по стране в целом.

⁴ Действительно, крупные компании, благодаря некоторому ограничению конкуренции могут быстрее и эффективнее проводить НИОКР и усовершенствовать свою продукцию, что в конечном счете содействует развитию экономики всей страны (подробнее см.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия.: Пер. с англ. М.: Экономика, 1995. Гл. VIII). Однако в России расходы частного бизнеса на НИОКР в процентах к ВВП од-

Искажение в структуре распределения доходов приводит к деформации инвестиционного процесса, снижению его "прозрачности" и общему замедлению темпов роста осуществляемых капиталовложений. Кроме того, стремление монополий и олигополий законсервировать сложившуюся ситуацию ведет к поддержанию высокого уровня коррумпированности чиновников. Все это лишь тормозит дальнейшие преобразования в хозяйственной сфере и ставит под сомнение возможность успешного завершения затянувшейся социально-экономической трансформации.

"Социальное рыночное хозяйство" как средство возврата России к либерализму

Необходимость значительной корректировки направления трансформации России для успешного развития страны в долгосрочной перспективе не вызывает сомнения у многих. Однако возникает закономерный вопрос – была ли изначально ошибочной ориентация России на либеральные ценности Запада или в ходе проводимых преобразований реформаторы не смогли избавиться от многих советских стереотипов и в итоге отошли от либерализма, идеи которого все еще близки многим россиянам?

Странники первого утверждения иногда увязывают практику недобросовестной конкуренции сырьевых и инфраструктурных гигантов с их нахождением в частной собственности. В условиях, когда законность приватизации вызывает сомнения, в определенных политических кругах возникает соблазн провести масштабный пересмотр итогов приватизации в России. Однако ясно, что эффективные владельцы просто так не появятся, а сам по себе передел собственности лишь нанесет значительный урон даже тем несовершенным рыночным отношениям, которые уже возникли.

В этой связи очень удобной оказалась концепция "социального рыночного хозяйства", которая во многом базируется на идеях германского ордолиберализма. Для многих критиков реформ 1990-х годов стал заманчивым отказ от англосаксонского либерализма при сохранении ориентации на либерализм как таковой. Особое воодушевление у ряда политиков вызывает идея сочетания сильного государства, стремления к социальной справедливости и приверженности либеральным ценностям. При этом далеко не всеми осознается, что в социальном рыночном хозяйстве сила государству нужна лишь для поддержания работоспособности рыночных механизмов путем сохранения конкурентной среды, защиты частной собственности, обеспечения открытости рынков и реализации стабильной экономической политики. Социальная же справедливость не имеет ничего общего с уравнилельной системой (наличие ее элементов в ФРГ следует расценивать как отклонение от ордолиберальных установок).

Изучение германского либерализма интересно и из других соображений. Во-первых, до поражения во второй мировой войне Германия была, по сути, страной картелей – во многом ее экономика в первой половине XX в. с неразвитой конкуренцией напоминает сегодняшнюю олигархическую систему России. Во-вторых, правовые системы и ФРГ, и России основаны на континентальном праве, что требует детальной проработки антимонопольного законодательства для его эффективного применения.

Сравнение российского антимонопольного законодательства с соответствующими нормами, существующими в США, странах ЕС и Японии, показывает, что в целом российские законы соответствуют мировой практике. В то же время отсутствие прецедентного права (характерного для англосаксонских стран) приводит к тому, что недостаточная проработанность норм прямого действия не позволяет конкретизировать характер антимоно-

ни из самых низких в мире, тогда как отношение государственных затрат на НИОКР к ВВП страны в России приблизительно соответствует среднему по ЕС уровню (расчеты автора на основе данных Госкомстата России).

польного правонарушения и доказать факт сговора даже по явным косвенным признакам согласованного поведения компаний на рынке⁵.

Насколько же реально развитие социального рыночного хозяйства в российских условиях и, в частности, может ли характерное для него активное содействие конкуренции решить проблему неэффективных олигархических структур в России?

Прежде всего, следует отметить, что теоретические концепции, на которых базируется понятие "социальное рыночное хозяйство", и реальная практика германской социально-экономической политики заметно различаются. Достаточно привести один пример. В конце 1940-х годов теоретики ордолиберализма требовали проведения в Западной Германии радикальной декартелизации и создания условий, при которых новое усиление монополий стало бы в принципе невозможным. Такая позиция проистекала из убеждения В. Ойкена, Ф. Бёма, а также других идеологов ордолиберализма и смежных с ним концепций (например, В. Рёпке), что государство должно бороться не против злоупотреблений монополий, а вообще против их существования. Однако противодействие со стороны мощных промышленных кругов Германии не позволило правительству ФРГ быстро реализовать радикальную программу декартелизации. Лишь в 1957 г. был принят "Закон против ограничения конкуренции", причем он был в значительной степени выхолощен и не отвечал в полной мере теоретическим положениям концепции социального рыночного хозяйства. Только в 1973 г. основная часть изъятий из первоначального законопроекта попала в новую редакцию этого закона⁶. В частности, основополагающий запрет на создание картелей был дополнен учетом не только документальных договоренностей, но и косвенных свидетельств сговора компаний – столь актуальной для современной России мерой. Однако, в отличие от России, не всякая горизонтальная кооперация фирм одной отрасли (особенно средних и малых, а для некоторых депрессивных производств – и крупных компаний) трактуется как целенаправленное стремление к сокращению конкуренции.

Никогда не было и среди теоретиков ордолиберализма единого подхода в отношении политики содействия конкуренции в Германии. Хотя, безусловно, теория конкурентного порядка ордолибералов предусматривала побуждение с помощью антимонопольного законодательства субъектов экономической власти к такому образу действий, как если бы существовала полная конкуренция. Это означало, что поведение монополистов, даже если они сохранялись на рынке в силу стремления к технологической (экономической) эффективности, должно было максимально приближаться к конкурентному поведению. В результате действия западногерманских политиков в экономической сфере изначально базировались не столько на запрещении образования картелей и крупных холдингов, сколько на реализации целенаправленной и комплексной экономической и правовой политики, обеспечивавшей дееспособность самой конкурентной среды.

Однако взгляды даже классиков ордолиберализма на отдельные частные вопросы различались. Это позволяет некоторым современным ордолибералам даже проводить, например, четкое разделение позиций В. Ойкена и Л. Микша. Примерами может служить понимание роли властных структур ("сильное государство" у Ойкена и "демократия большинства" у Микша), механизмов экономической политики ("конституционные принципы установленного порядка" у Ойкена и "большое число генерированных элементов порядка" у Микша) и даже ее конечных целей ("истинный порядок как предпосылка свободы лично-

⁵ См.: Качалин В. Эволюция подхода к антимонопольному регулированию в постсоветской России // Антимонопольное регулирование в России: в контексте мировой практики и отечественной истории / Сб. дискуссионных материалов. М., 2003. С. 31-54.

⁶ Детальный анализ эволюции социального рыночного хозяйства с позиций ордолиберализма см.: Гутник В.П. Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: Экономика, 2002. С. 62-114.

сти" у Ойкена и "свобода индивида как социально-этические рамки создаваемого порядка" у Микша)⁷.

Практический выход данные теоретические расхождения находят в государственной политике против олигополий. Если Л. Микш предлагал для олигополий специальное регулирование ("навязанную конкуренцию"), то В. Ойкен считал, что крайне жесткий контроль за монополиями со стороны государства должен ликвидировать у олигополий и других крупных фирм всякие стимулы противодействовать конкуренции. На практике в ФРГ никогда не достигалась такая жесткость антимонопольных мероприятий (а в понимании Ойкена экономическая деконцентрация могла заходить очень далеко), однако профилактическое воздействие государственной конкурентной политики было довольно сильно, причем ее недостатки часто компенсировались сильным давлением со стороны зарубежных конкурентов германских компаний. При этом надо помнить, что внешняя открытость германской экономики также является элементом социального рыночного хозяйства и неотъемлемым средством содействия конкуренции.

Современные ордолибералы подчеркивают, что конкуренция ценна для общества сама по себе⁸ и лишь во вторую очередь служит инструментом получения экономических и социальных выгод. При этом соотношение свободы конкуренции и экономической выгоды остается предметом дискуссий, особенно в таких областях как "естественные" монополии. Сохраняются споры и в отношении ряда принципов современной антимонопольной политики в ФРГ (например, наложение ограничений на слияния до их реализации), роли кооперации как дополнения конкуренции и т.д.⁹.

Возможности внедрения конкурентного порядка в России

Можно долго теоретизировать о том, какой хороший экономический порядок следует внедрять в России, однако встает два практических вопроса – какие элементы такого порядка реально могут прижиться в современной России и какие общественно-политические силы готовы поддержать изменение направления трансформации в стране?

Ответ на первый вопрос, в частности, подразумевает определение того, что могла бы вобрать в себя российская антимонопольная политика из германского опыта. Например, какой смысл менять критерий доминирования фирмы на рынке (сигнализирующий о необходимости пристального изучения действий компании с точки зрения возможных злоупотреблений в конкурентной сфере) с российских 35% до германских 30%? На наш взгляд, важна смена самой идеологии государственной политики в России – по-видимому, самым ценным в германском социальном рыночном хозяйстве является борьба за сохранение конкуренции как важнейший конституирующий признак экономического порядка, может быть в чем-то даже более важный, чем частная собственность. Хотя более чем полувековой германский практический опыт в сфере содействия конкуренции необходимо изучать в России.

Кроме того, важно, наконец, отказаться от советского по духу перекоса антимонопольного законодательства в пользу интересов продавцов товаров (услуг). Практика применения антимонопольных норм в России часто исходит из того, что в стране степень концентрации и монополизации предложения не может не быть высокой. В частности, при нали-

⁷ Berndt A., Goldschmidt N. "Wettbewerb als Aufgabe" – Leonhard Miksch Beitrag zur Ordnungstheorie und –politik // ORDO. Band 51. 2000. S. 33-74.

⁸ Кстати, целью германского федерального закона против недобросовестной конкуренции служит не только защита отдельных сторон в конкурентной борьбе, потребителей и других участников рынка, но и отстаивание интересов всего общества по сохранению подлинной конкуренции (см.: Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb. UWG §1).

⁹ См.: Гутник В.П. Указ. соч. С. 184-189; Сорвилов Б. Пять десятилетий социальному рыночному хозяйству Германии: поучительные уроки прошлого и современность // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. №2.

чии потребностей, но отсутствии адекватного платежеспособного спроса на отраслевом рынке все рассуждения ведутся о стимулировании спроса, а не об увеличении предложения, которое часто означает ликвидацию монополии продавца и поддержку мероприятия по снижению издержек¹⁰. Наиболее наглядной иллюстрацией служит сектор жилищного строительства.

При этом подлинное содействие конкуренции в российских условиях может стать, по нашему мнению, самым эффективным средством "пересмотра" итогов приватизации. Особо важно то, что действие конкурентных сил нанесет урон всем неэффективным собственникам – не только из числа олигархов, но и представителей среднего бизнеса. Ведь значительная часть средних по размеру капиталов была получена тем же способом, что и миллиардные состояния, только масштаб "приватизации" был мельче. Однако в условиях трансформации советского законодательства в рыночное приватизация и не могла пройти в абсолютно законных рамках, причем с безукоризненным соблюдением этических норм. Следовательно, важно не то, кто в какой степени нарушал законы и общественные правила в ходе вступления в права собственности, а как новые хозяева стали распоряжаться своими предприятиями.

Именно конкурентные силы могут ударить по неэффективным собственникам, не желающим вкладывать ни в развитие своего производства, ни в создание условий для роста благосостояния своих работников. Использование же в качестве арбитров при пересмотре итогов приватизации чиновников (в большинстве своем коррупционеров) приведет лишь к расправе с "неудобными" по различным соображениям собственниками, многие из которых могут как раз быть эффективными предпринимателями. Причем апеллирование к независимости российских судов выглядело бы странным, если учесть, что почти вся приватизация велась с нарушениями.

В этой связи становится очевидным второй позитивный момент, связанный с использованием конкуренции как инструмента передела приватизированной в 1990-е годы собственности. Очевидно, что замена неэффективных собственников руками чиновников приведет лишь к возникновению слоя "новых олигархов", эффективность которых как предпринимателей опять будет сомнительна. В то же время в России есть источник формирования целого класса собственников и управленцев, способных быть эффективными предпринимателями, но опоздавших к приватизации 1990-х годов.

Если в обществе действительно существует довольно широкий слой, готовый принять конкурентный порядок, то можно утвердительно ответить на второй вопрос – о наличии общественно-политической поддержки изменения направления трансформации. Конечно, этот слой может и проиграть в борьбе за конкурентный порядок нынешним бюрократическим и олигархическим структурам. В таком случае останется лишь сожалеть об упущенных возможностях подлинного экономического развития страны и становиться свидетелями все новых малоэффективных реформ. Какие же группы могут поддержать внедрение конкурентного порядка?

Во-первых, это многие средние собственники. Они хотя и не живут, строго следуя букве закона, в целом являются эффективными и социально ответственными бизнесменами и могут при создании настоящей конкурентной среды на рынке потеснить некоторых олигархических гигантов. Значительная часть представителей среднего бизнеса не может паразитировать на добыче сырья или использовать созданные в советский период с помощью масштабных инвестиций уникальные производственные мощности. Эти предприниматели вынуждены работать в условиях жесткой конкуренции и понимают, что для сохранения и

¹⁰ Подробнее см.: Дынкин А., Миловидов В. Антимонопольная политика и инвестиционный климат в России // Антимонопольное регулирование в России. С. 5-30.

приумножения своего капитала требуется постоянно повышать эффективность производства, вкладывая средства в его техническое развитие и создавая стимулы для работников.

Во-вторых, нельзя забывать, что в стране выросло новое поколение, получившее современное образование и изначально обладающее рыночным мышлением. Значительная часть молодежи устроилась в жизни лучше, чем поколение их родителей, поэтому возникающая на данном этапе трансформации проблема сужения перспектив их социального роста часто ускользает из поля зрения аналитиков. Однако с каждым годом в стране будет все больше людей, которые в силу возраста не могли участвовать в приватизации, но которые по своим способностям и знаниям оказываются часто на голову выше тех, кто прикрывается примитивным лозунгом "если вы такие умные, почему вы такие бедные". Рано или поздно молодые менеджеры в крупных и средних компаниях сменят значительную часть нынешних собственников или их наследников.

Эти две группы не только способны потеснить нынешний малоэффективный частный бизнес, но и создать политическую опору для смены экономической идеологии во властных структурах. Наконец, есть и третий источник – зарубежные инвесторы, которые до сих пор сталкиваются с ограничениями в банковской и страховой сферах, а также многих отраслях промышленности. Рост внешней открытости российской экономики также нанесет удар по многим неэффективным собственникам.

Внедрение конкурентного порядка, однако, не позволяет утверждать, что новый социальный и экономический порядок в России будет похож на германскую модель социального рыночного хозяйства. Возможно, российское "социальное рыночное хозяйство", как и в свое время германское, окажется лишь красивой оболочкой, подчеркивающей переход к эффективно функционирующему рыночному порядку, который благодаря развитию конкуренции будет способствовать росту благосостояния населения. При этом очевидно, что политика реального содействия конкуренции потребует трансформации и других элементов хозяйственного порядка в России.

Литература

Антимонопольное регулирование в России: в контексте мировой практики и отечественной истории / Сб. дискуссионных материалов. М., 2003.

Гутник В.П. Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: Экономика, 2002.

Сорвилов Б. Пять десятилетий социальному рыночному хозяйству Германии: поучительные уроки прошлого и современность // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия.: Пер. с англ. М.: Экономика, 1995.

Berndt A., Goldschmidt N. "Wettbewerb als Aufgabe" – Leonhard Miksch Beitrag zur Ordnungstheorie und –politik // ORDO. Band 51. 2000. S. 33-74.

4.2. Перспективы использования Россией институтов германского хозяйственного порядка

Дюсше О.М. (ГУ-ВШЭ)

Проблемы России и опыт Германии: институциональный подход

Несмотря на трансформацию институтов¹ в России (в первую очередь, права собственности) и переход к рыночным отношениям и демократическим выборам в рамках президентской республики, внутренние и внешние институциональные соглашения у России и ФРГ существенно различаются. Д. Норт обратил внимание на динамический аспект подобных проблем: «Главная загадка человеческой истории — как объяснить широкую дивергенцию (расхождение) траекторий исторических изменений. Как случилось, что общества стали развиваться по расходящимся историческим траекториям? Почему общества так отличаются друг от друга?» [16, с. 21]. Представления о «полярности мира» широко распространены, и следует согласиться с Нортом, что загадка требует решения, тем более, что понимание проблемы актуально для России.

Последние годы высветили ретроспективу: с укреплением экономического положения России, осознанием национальных интересов и формированием внутренней и внешней политики РФ, усложнились проблемы институциональных соглашений с организациями НАТО и ВТО. Одновременно эти годы показали наличие положительных тенденций во взаимопонимании с внешним миром и рост доверия к РФ. Так, по прогнозам Всемирного банка в 2007 году иностранные инвестиции в основной капитал РФ вырастут на 20%². Заявка России на проведение Зимней олимпиады в городе Сочи победила в результате голосования в МОК. Итоги XI Петербургского экономического форума весной 2007 г. показали рост популярности форума и эффективность заключения международных договоров³.

На форуме в Петербурге вице-премьер С. Иванов по поводу различий российской и западной демократии сказал: "Часто от наших западных коллег приходится слышать, что Россия и Запад идут разными дорогами. Думаю, они забывают об известной истине, что к одной и той же цели ведет множество путей. И в истории есть немало примеров, когда далекие от Запада в географическом и культурном плане страны, в конечном счете, превращались в развитые демократии с рыночной экономикой". Кто мы, откуда мы и куда мы идем — все эти важные вопросы должны рассматриваться с помощью подхода институциональной экономической теории.

1. Можно ли считать экономический анализ нейтральным?

Проблемы методологии экономического анализа привлекают в последнее время пристальное внимание российских экономистов, однако вопрос «об идеологических корнях и идеологическом содержании экономического анализа» оказался, как ни странно, «на обочине». Исходную точку для понимания проблемы идеологических корней в науке можно найти в работе У. Дж. Сэмюэлса «Идеология экономического анализа» [19]. Согласно Сэмюэл-

¹ В своей нобелевской лекции Д.Норт определяет институты, выделяя три компонента: «Институты — это ограничения, структурирующие человеческие взаимоотношения и создаваемые самими людьми. Среди них можно выделить формальные ограничения (правила, законы, конституции), неформальные ограничения (нормы поведения, условности, внутренние принципы), а также механизмы, позволяющие контролировать их соблюдение». Краткое определение по Норту [16, с. 17] «Институты — это правила игры в обществе...».

² ЦБ повысил приток иностранного капитала вдвое. Новости 25.06.2007.

(http://www.newsinfo.ru/news/2007/06/news1359144.php?id_r=7).

³ Итоги XI ПЭФ, см. <http://top.rbc.ru/economics/13/06/2007/106287.shtml>.

су, прямое отношение к этой теме имеют: «проблема ценностей в экономической теории; дихотомия позитивной и нормативной экономической теории; несовпадение факта и его оценки, отношение между сущим и должным, а также проблема видимой легкости, с которой должное подается как вывод будто бы сущего, а суждения о том, что должно быть, представляются как непреложные выводы из того, что есть на самом деле; проблема соотношения экономического анализа и экономической аргументации; отношение между индивидуализмом и коллективизмом в методологии и отношение их обоих к нормативному индивидуализму и нормативному коллективизму, ... кроме того, проблема размежевания сфер собственного экономического анализа и политической экономии... Каково различие между экономической теорией (с ее инструментарием и понятийным аппаратом) *per se* и тем, как экономисты используют эту теорию, иными словами, могут ли теория, ее инструментарий и понятийный аппарат быть свободными от идеологии, тогда как их использование зависит или может зависеть от идеологии?».

В постановке Сэмюэlsa вопрос об идеологической нейтральности экономического анализа представляется в значительной степени риторическим. Экономическая теория является субъективным отражением экономических закономерностей в условиях неполноты информации, когнитивных ограничений и неопределенности будущего и подвержена влиянию «факторов культурного и идеологического порядка», т.е. рекомендации теоретиков и экспертов могут нести отпечаток определенной институциональной культуры, в т.ч. ценностей.

Норт также отмечал, что идеология, основанная на субъективном восприятии реальности (как нормативных представлениях об устройстве мира), имеет ведущее значение для человеческого выбора [16, с. 41]. Любопытно, что О. Уильямсон, занимаясь в основном исследованиями «институтов капитализма» в сфере контрактного права, обратился к системному анализу институциональных форм от тысячелетних традиций до текущих рыночных цен, «распределяющих ресурсы» [28]. Уильямсон выделил четыре уровня [28, с. 597] взаимовлияющих классов неформальных и формальных институтов с различным сроком жизни (по убыванию):

1) неформальные институты: обычаи, традиции, религиозные нормы (*embeddedness*, что называется далее институциональной культурой), изучение которых он отнёс к области социальной теории;

2) формальные институты: политические (например, конституция), юридические (например, гражданский и уголовный кодексы), бюрократические законы (например, налоговый кодекс), называемые институциональной средой, и отнесенные к экономике права (*property rights*);

3) судебные решения и контракты (т.е. правоприменение, в т.ч. контрактного права), отнесенные к экономике трансакционных издержек;

4) а также цены, количества и стимулы, распределяющие ресурсы и занятость, изучением которых занимается неоклассическая экономика.

Классическое понимание системы рыночных цен, как механизма распределения ресурсов в экономике, позволяет отнести их к институтам в широком смысле, как «правилам игры». Заметим также, что цены в экономике СССР также определяли «правила игры», однако и устройство общества и вся система «правил игры» в обществе были иными. Правила игры зависели от других представлений и традиций, которые могут сохраняться в течение жизни нескольких поколений, и оказывать влияние не только на правоприменение, но и трансформацию формальных институтов.

Таким образом, рекомендации экономистов и экспертов, и принятие решений в экономической политике несут имплицитные предположения о реагировании агентов в духе

«родной» институциональной культуры, даже если институциональная среда, в т.ч. законодательство, «чужой» экономики были скрупулезно проанализированы.

Рассматривая реформы Эрхардта, как case-study, надо отметить, что особенности трансформации экономики — в его ограниченности узкими временными рамками, высоких темпах изменения социально-экономических условий и адекватности экономической политики, несмотря на столкновение различных подходов к идеологии проведения реформ. Интересы конфликтующих идеологий представляли (в разное время в различной степени) три стороны: оккупационные англо-американские власти, заинтересованные в противостоянии коммунистической идеологии планового хозяйства СССР; немецкое правительство, ответственное за возрождение экономики в условиях разрухи, послевоенных репараций и возвращения военнопленных; и оппозиция, акцентировавшая внимание на социальных вопросах.

2. О немецком «экономическом чуде»

Денежная реформа в Германии готовилась в течение двух лет (1946-1948 гг.), когда введение оккупационными властями карточной системы и «замораживания» цен успеха не имели [18, с. 81]. Именно немецкая сторона на первой стадии денежной реформы предложила сокращение вдвое денежной массы по сравнению с американским планом Колма-Голдсмита-Доджа. Реформа 20 июня 1948 года предусматривала ряд «правил»: сохранение номинала текущих платежей; прогрессивную шкалу обмена с отсрочкой части сбережений; сокращение в 10 раз взаимных обязательств фирм; аннулирование государственных обязательств; санацию коммерческих банков и независимость центрального банка (Банк немецких земель); однократное, стартовое⁴ наполнение фонда зарплаты предприятий и бюджетов разных уровней; снижение налогового бремени и льготы для стимулирования сбережений [18, с. 84-85].

Реформу, стартовавшую 20 июня 1948 года нельзя рассматривать как исключительно денежную, это была комплексная санация институтов экономической системы. Как уже отмечалось, в момент ее введения конкурировали, по крайней мере, три идеологии продолжения реформ. Английские советники-лейбористы и германские социал-демократы рассматривали целесообразность установления центрального планирования и государственной собственности в тяжелой промышленности⁵. В американской военной администрации были сторонники кейнсианских способов выхода из затяжной экономической депрессии. Эрхардт, еще в преддверие денежной реформы публично заявлял о необходимости перехода к рынку, однако военная администрация не поддержала его.

Политическое чутье Л. Эрхарда подсказало ему оптимальное решение (рассматривая Эрхардта как «политического предпринимателя», уместно применение понятия Кейнса — «animal spirit»). Непосредственно за объявлением денежной реформы в июне 1948 года Эрхардом был введен в действие закон о принципах хозяйственной структуры и политике цен, отменяющий 90% инструкций контроля над ценами при сохранении контроля над ценами товаров и услуг первой необходимости и основных видах сырья, а также внешней торговлей [18 с. 87-88]. Четкость, быстрота и своевременность решений, принятых в июне 1948 года определили начальную точку новой институциональной траектории и стимулы рыночного развития экономики.

Есть русская пословица: «Хорошее начало – половина дела», но удержаться на новой траектории с ее «инкрементными приращениями» (по Нурту [15]) можно было, только ре-

⁴ Последующие выплаты и расчеты должны были осуществляться за счет текущих доходов, что настраивало нацию на готовность работать, и не хватало только одного - уверенности, что работа будет справедливо вознаграждаться.

⁵ Интересно, в какой степени (возможно, неявно) повлияли на формирование подобных воззрений впечатляющие успехи военно-промышленного комплекса СССР, определившие исход второй мировой войны.

шая конкретные проблемы последующего институционального развития. Такими ключевыми решениями были: государственная помощь в реализации жилищного строительства; организация общественных работ (в т.ч. строительство дорог), административные ограничения импорта и валютный контроль для снижения внешнеторгового дефицита, финансовая поддержка развития приоритетных отраслей [18, с. 90]. Сверим решения Эрхарда на начальной стадии реформ с пятью тезисами институциональных изменений Норта⁶ [15].

Тезис первый: ключом к пониманию институциональных изменений является взаимодействие институтов (правил игры) и организаций (игроков).

Новые законы (правила игры) не исполняются исключительно по приказу, необходима лояльность «участников игры», а игроками в Германии 1948 года была вся нация и оккупационные власти. Насколько известно, активных выступлений и недовольства при объявлении денежной реформы удалось избежать. Можно выделить три объясняющих (психологических) обстоятельства: 1) Эрхард обращался к нации с пояснением своих планов накануне реформы, и реформа не была неожиданной; 2) немцы устали от войны, разрухи, карточек и необеспеченных денег, и психологически были готовы принять стартовые условия реформы, где никто не был забыт; 3) Эрхард принял ответственность за введение закона о принципах хозяйственной структуры, одобренного Экономическим советом (но не оккупационными властями, которые, тем не менее, сохранили нейтралитет), доверие населения основывалось, по-видимому, в значительной степени на армейских традициях повиноваться начальству и национальным нормам повиновения законам.

Тезис второй: конкуренция – фактор, вынуждающий инвестировать в навыки и знания (индивидов и организаций) с целью поиска лучших альтернатив, что ведет к изменению институтов.

Введение рынка, и, следовательно, конкуренции при целевой поддержке приоритетных социальных и производственных направлений способствовали возрождению обычаев делового оборота в новых условиях, организации быта, сплочению нации в повышении экономической эффективности.

Тезис третий: институциональная структура обеспечивает стимулы отбора навыков и знаний, и отражает рыночную власть тех, кто способен создавать и изменять правила.

К осени 1948 года возросшее количество денег в обращении повлияло на динамику цен, и Эрхард незамедлительно принял решение о блокировании (до 70 %) вкладов на счетах населения; регулярной публикации каталогов «уместных цен»; о программе обеспечения населения потребительскими товарами по сниженным ценам; о либерализации внешней торговли (для наполнения внутреннего рынка и создания конкурентной среды); также были повышены нормы обязательных резервов центральным банком и даже принят запрет на выдачу кредитов (на ограниченный срок). В ноябре состоялась демонстрация протеста против реформ Эрхарда. Однако, он был уверен, что принятые изменения правил (вмешательство государства в экономические процессы) – временная мера, необходимая для укрепления растущих рыночных сил. Эрхард оказался прав, а вмешательство государства – эффективным. К весне 1949 года цены стали снижаться⁷, и население успокоилось.

⁶ Работа Норта [15] имеет неординарную структуру. Начиная с очень краткой формулировки тезисов, автор возвращается трижды к каждому из них в других разделах, названных Объяснения, Дискуссия и Алгоритм исследования. Поэтому приведенная здесь формулировка тезисов включает элементы размышлений Норта из всех частей его работы, и ответственность за компиляцию лежит на авторе.

⁷ Само по себе повышение или снижение цен мало о чем говорит. Уильямсон [28] рассматривает рыночные цены, одновременно с объемами и стимулами, как «институты» третьего уровня управления – текущие правила распределения экономических ресурсов.

Тезис четвертый: менталитет агентов существенно влияет на их выбор (и отбор навыков). При теоретическом подходе мы должны не сомневаться в том, каким образом люди приходят к выбору.

Эрхард был уверен в действенности проводимых реформ (насколько это возможно в ситуации неопределенности). По-видимому, его уверенность основывалась на трудолюбии населения, склонности к порядку и стремлении улучшить жизненные условия, а также в наличии предпринимательского таланта и умения ориентироваться в условиях конкуренции, т.е. институциональной культуре. Проводимые реформы создали условия для реализации этих склонностей.

Тезис пятый: экономия от масштаба, комплементарность и сетевые экстерналии институциональных форм определяют инкрементность (прирост) и зависимость от пути развития. Сегодняшний выбор ограничивает будущий выбор.

Никто, ни оккупационные власти, ни сами немцы, в 1948 году не предвидели, что институты проведенных реформ образуют настолько эффективные институциональные формы, которые выдвинут ФРГ в тройку лидеров мировой торговли. Социальное рыночное хозяйство было основано на таком сочетании индивидуальных стимулов и коллективных устремлений, которые дали пример редкой экономической эффективности – «немецкого чуда». Выбор Эрхарда определил *возможность* всех последующих выборов, оптимально снял ограничения институционального развития. Ряд решений непосредственно влиял на снижение транзакционных издержек эксплуатации экономической системы: строительство дорог и ограничение цен на почтовые услуги (сети интернет в те времена еще не было) создавали предпосылки взаимодействия бизнеса; обращения к нации с разъяснениями проводимой политики уменьшали «информационные издержки» и снижали неопределенность принятия решений. Если бы ФРГ последовала одной из альтернативных стратегий выхода из кризиса, можно только предполагать, как изменилась бы мировая экономическая история.

Нет сомнений в заслугах Эрхарда в проведении экономической реформы, но можно ли считать, что он внес значительный вклад в развитие экономической науки? И если да, то какой именно вклад? Экономическую науку можно разделить на экономическую теорию (включая фундаментальную составляющую) и прикладную науку. Очевидно, что прикладная наука намного более трудоемкая, и до настоящего времени разработана меньше теоретических основ, что подтверждается нерешенными проблемами экономической политики, как во времена Эрхардта, так и в настоящее время. Можно предположить, что ограниченность прикладной науки связана с нерешенными проблемами взаимосвязи институциональных форм различных уровней систем, начиная от правил формирования цен (в том числе, их роста), контрактного права, формальных законов и кодексов (институциональной среды) до институциональной культуры (включая религиозные взгляды, традиции, ценности и особенности национальной психологии и менталитета). Опыт реформ Эрхарда в институциональном аспекте изучен еще недостаточно. Однако, то, что он не сформулировал теоретических положений проведенной реформы, не означает отсутствия вклада. Само формирование институциональной среды в ее развитии, которая обеспечила единство индивидуальных и коллективных (сетевых) устремлений на пути экономического роста заслуживает признания вклада в экономическую науку.

3. О применимости опыта реформ

Немецкий профессор Х. Зиберт в своей монографии рассмотрел многоплановые задачи экономической политики и проблемы социального хозяйства в применении к ФРГ [9]. Его работа содержит уникальный перечень и анализ проблем, связанных с перераспределением национального дохода, и ее можно изучать как справочник. Зиберт рассмотрел «вели-

кие политэкономические заблуждения», такие как планируемые макроэкономические показатели (темпы роста ВВП, норма накопления, инфляция, занятость и отраслевая структура) и избирательное воздействие налоговой и процентной политики и инвестиционных заказов. Он касается проблем конкурентоспособности различных стран, изменения структуры спроса на рынке труда, формирования социального пакета (социальное страхование и здравоохранение), а также проблем стареющего общества, иммиграции и экологии.

Отметим подзаголовок названия книги: «Как можно избежать заблуждений...». Понимание сущности проблем – необходимое условие их успешного решения, однако не достаточное. Разоблачение мифов и анализ ошибок вносят неоценимый вклад, ограничивая сферу допустимых решений, потому что это выявляет факторы, ведущие к неудачам экономической политики. В этом смысле успехи политики труднее анализировать (и повторить), чем отрицательный опыт. Можно ли рассматривать результаты анализа Зибберта [9] как рекомендации к действиям российских политиков? Понимание распространенных заблуждений не гарантирует успеха, так же, как прямое следование рецептам эффективного решения проблем. Зибберт привел (по нашему мнению) замечательный пример «импорта институтов», когда успешный в некоторых случаях метод оказывается порочным в похожих условиях («эффект кобры»). Зибберт в своей монографии отметил «изворотливость» населения на примере случая размножения популяции кобр в Индии, когда правительство объявило премии за головы кобр. Однако «рациональные агенты» выбрали неожиданное для правительства решение – они стали выращивать кобр. Можно рассматривать этот случай как пример неудачного «импорта институтов». В средневековой Европе и в России при размножении популяции волков власти также объявляли премии за каждую шкуру убитого волка, и это правило работало эффективно, сокращая популяцию волков.

Глобализация мировой экономики, доступность технологий и опыта других стран, и даже объединение их усилий (пример Европейского союза) не всегда помогают в оптимизации текущих решений. Как справедливо заключил Зибберт, эффективные краткосрочные решения могут вести к неблагоприятным (и даже разрушительным) последствиям в долгосрочном периоде [9, с. 16-30, с. 207].

Примеры развития Испании и Чили во второй половине XX века, экономический рост в Китае (вопреки отсутствию свободы и демократии западного образца), новые теории политического цикла, социальные исследования элит и ожиданий населения расширили «банк данных» о траекториях исторических изменений разных обществ. С точки зрения перекрестного анализа эти данные свидетельствуют об ошибочности тезиса К.Маркса - политическая и социальная сферы не являются «надстройкой» над сферой экономической, «первичность» и независимость экономических факторов может быть оспорена. Однако это не означает беспочвенности тезиса об «экономическом империализме». Экономические подходы могут быть применены к анализу институтов, т.е. к «правилам игры» в экономике, политике, социальной сфере. Необходимым и методологически плодотворным является смещение акцентов экономической теории.

4. Институты имеют значение

Рассматривая экономическую политику, мы предполагаем вмешательство государства в эволюционный процесс формирования равновесной траектории. Неоклассический подход игнорирует по большей части факторы, влияющие на траекторию развития общества: легитимность наделения правами⁸, обмен и защиту прав собственности, делегирование

⁸ Проблемы легитимности рассматриваются, например, в монографии Хёффе [17]. А.Ф. Филиппов в заметках по переводу монографии отмечает: «Что можно называть "легитимным"? Это вопрос вопросов политической теории. Легитимность — не просто законность, т.е. легальность. Она предполагает некоторое высшее обоснование, нежели законное принятие решений или просто действительность права. Прагматическая легитимация

права выбора, механизмы принуждения и ограничения свободы выбора, искажение стимулов и внешние эффекты, связанные с несовершенством институтов, а также транзакционные издержки и потери, присущие эволюционному функционированию социально-экономической системы⁹.

Под несовершенством институтов понимается внутренние несоответствия институтов различных уровней. Заметим, что подобное понятие «несовершенства» не требует равновесия системы институтов в каждый момент времени, но предполагает существование «тренда», т.е. траектории «точек» во времени, к которым в каждый момент времени стремится система. Вмешательство политиков (ЦБ и правительства) изменяет правила игры, стимулы и стратегии поведения экономических агентов, и, возможно, тренд к которому стремиться состояние системы.

Фундаментальное определение транзакций Дж. Коммонсом, когда в основе отдельной транзакции лежит конфликт интересов, а ее целью является разрешение конфликта путем обмена правами собственности, допускает *универсальное обобщение*, применимое не только для рыночной системы. Это обобщение позволяет рассматривать «отдельную транзакцию, как базовую единицу микроэкономического анализа» не только на продуктовых и политических рынках, но и при заключении социальных контрактов (соглашений). Типы транзакций, определенные Коммонсом [27], исчерпывают все возможные случаи положения сторон: равноправное (сделка), иерархическое (управление), доминирующее (рационализация). Примерами этих трех типов служат рыночные сделки свободного обмена, руководство и подчинение на фирме, лицензирование и налогообложение.

Можно ли считать, что интересы сторон полностью удовлетворены при совершении транзакций? Очевидно, что нет – для любого типа транзакций. На продуктовом рынке покупатель даже в условиях полной информации может выбрать наилучший (из рыночных), но не полностью соответствующий его требованиям продукт, что связано с ограниченным разнообразием предложения продуктов. На политическом рынке дополнительные искажения связаны с результатом выбора по сумме голосов, когда для части электората избирается не «наилучший» из всех баллотируемых кандидат. На фирме искажения связаны с неполнотой контракта между начальником и подчиненным, неопределенностью будущего при его заключении, асимметрией информации о качествах и поведении подчиненного и начальника. Институты лицензирования и налогообложения определяют порядок и закон для широкого круга экономических агентов, и, даже при ориентации на социально-экономическое

господства состоит в демонстрации его выгоды, но выгоду Хёффе предлагает понимать как дистрибутивную, распределяемую на всех людей, все стороны социальной жизни. А это уже позволяет рассматривать прагматические вопросы в перспективе справедливости, в которую, между прочим, включается и критерий универсального консенсуса... Дело в том, что институты, согласно их антропологической трактовке, не только поддерживают человека как существо, нуждающееся в защите. Они регулируют его влечения, так сказать, изнутри, проникая в глубины его сознания и воли и, удовлетворяя изначальные потребности, надстраивают над ними другие. Поэтому институциональное принуждение отнюдь не воспринимается человеком как нечто внешнее — а это заставляет более точно сформулировать проблему справедливости. Ведь стабилизации служат любые институты, которые функционально эквивалентны. Однако данный антропологический момент автор предлагает совместить с нравственным, что позволяет ему выделять те институты, которые "служат справедливости".

⁹ Те же «упреки» можно адресовать основным течениям кейнсианского направления. Проблема состоит в том, что неоклассическое и некейнсианское подходы экономической теории обладают развитым аналитическим инструментарием, позволяющим проводить количественный позитивный анализ экономической политики, однако, в области нормативного анализа или экономических прогнозов результаты расчетов в краткосрочном периоде несовершенны, а в долгосрочном, как правило, ошибочны. В то же время, прикладные количественные методы неинституционального анализа на основе теории транзакционных издержек и теории игр, практически неразвиты, но качественный анализ институциональных изменений может быть достаточно эффективным для целей политической экономии при выборе альтернативных вариантов.

различие групп, вызывают искажения стимулов и потери эффективности. Актуальность подхода Коммонса за сто лет научно-технического прогресса (НТП) существенно возросла с усложнением структуры экономики, ростом разнообразия стратегий агентов и дифференциации доходов населения, и, как следствие, ростом социально-экономических проблем.

Понимание транзакций по Коммонсу позволяет рассматривать функционирование системы институтов как *рынок обмена прав*, где полные, экономические расходы сторон включают транзакционные издержки (в традиционном понимании) и частные потери эффективности, связанные с перечисленными искажениями (которые в широком смысле можно отнести к транзакционным издержкам обмена прав). Первые и вторые снижают эффективность функционирования системы обмена вплоть до наступления кризиса. Кризис можно рассматривать как провал «рынка обмена прав». Провалы «обмена прав» могут включать провалы торговли, выборов, управления на фирме или управления на государственном уровне. Например, в интервью с К. Бендукидзе [2], где он содержательно проанализировал особенности налогообложения в России (до налоговой реформы), приведено замечание, что в начале и середине 1990-х годов, налоговое законодательство так сильно ужесточило наказания за просрочку уплаты налогов, что «в некоторых случаях результатом оказался полный отказ от уплаты налогов. Люди обнаруживали, что задолженность по налогам и штрафам растет столь быстрыми темпами, что погасить ее не удастся, что бы они ни делали. Ее суммы быстро делались сопоставимыми со стоимостью самого предприятия».

Удовлетворяют ли маршалианские представления о спросе и предложении на рынке совершенной конкуренции новым потребностям институционального подхода к экономике «обмена прав»? Ответ очевиден. Несмотря на громадную роль в анализе функционирования товарных рынков, этот подход не в состоянии обеспечить понимание растущего разнообразия общественных феноменов в условиях НТП: дифференциации продуктов и политических требований (вкусов) избирателей, дифференциации на рынках труда, непрерывного роста цен и дифференциации доходов и т.п. Например, маршалианские представления о рынке не учитывают и не могут дать ответ на вопросы, какими факторами обусловлен рост дифференциации продуктов, как влияет он на экономический рост, инфляцию, дифференциацию доходов и другие.

Еще более важным является понимание проблемы динамики институтов и сравнительного анализа институциональных изменений, в т.ч., проблемы поставленной Нортон: «как объяснить широкую дивергенцию траекторий исторических изменений». Актуальным является вопрос: можно ли считать многовековую историю такой страны как России примером неэффективной *институциональной траектории*? И как соотносится подобное предположение с периодами экономического роста и эффективной политической конкуренции на мировом рынке? Периоды подъемов и спадов, а также кризисы присущи истории развития различных государств, как для стран Запада и Востока, так и для России.

Интересную типологию институциональной структуры государственных систем и пример практического применения институционального анализа к истории России можно найти в монографии О.Э. Бессоновой [4]. Бессонова ввела понятие *институционального архетипа* цивилизационной матрицы, который имеет дуальную природу, и состоит из двух типов координации: рыночной и раздаточной. Эти способы координации существуют совместно, конкурируют за различные виды деятельности и органично дополняют друг друга. Центральным элементом каждой локальной цивилизационной матрицы является *институциональное ядро*, увязывающее в единую систему факторы четырех локальных (реальных) сред: материально-технологическую, природно-климатическую, национально-демографическую и культурно-религиозную среды. Дуальность институционального архетипа означает, что между типами координации групп институтов существуют отношения доминантность - компенсаторность. В зависимости от того, какой тип координации доминирует,

Бессонова выделила два типа локальных структур (государств): рыночного и раздаточного. Классификация основывается на особенностях доминирующих базовых институтов и доминирующем характере труда, который она назвала формационным элементом. Институциональный анализ государства основывается на особенностях структуры институционального ядра (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Структура институционального ядра

Элементы институционального ядра	Рыночного типа	Раздаточного типа
Базовые институты		
Обмена	Купля-продажа	Сдача-раздача
Собственности	Частная	Общественно- служебная
Сигнальный	Прибыль	Жалобы
Компенсаторные институты		
Компенсационное регулирование	Государственное регулирование	Частное предпринимательство
Компенсационное обеспечение	Социальное обеспечение	Рыночная торговля
Формационный элемент		
Труд	Частный	Служебный

За основу принята табл.1 в монографии Бессоновой [4, с. 114].

Бессонова полагала, что эволюция цивилизационных матриц может быть представлена в виде смены 4-х-фазных институциональных циклов. Первая фаза, перинатальная (или ре-эволюционная), определяет тип формационного труда и институциональное ядро. Вторая и третья фазы характеризуются структурированием и исчерпанием (устареванием) характера доминирования, связанного с типом формационного труда. В четвертой фазе институциональных трансформаций происходит поиск нового формационного элемента. Смена фаз цикла определяется сменой трудовых моделей, связанных с развитием технологий. Бессонова классифицировала траекторию исторического развития России как эволюцию институциональной структуры раздаточного типа, и отнесла современное состояние России к четвертой, завершающей фазе цикла, когда подготавливается переход к новому циклу путем преодоления сакрализации власти и формирование демократии, гражданских прав и свобод, либерализация экономики. Важной особенностью этой фазы развития она считала деидеологизацию рыночных и раздаточных способов координации человеческой деятельности, признание их равноценности и равноправности для развития мировой цивилизации.

Следует отметить, что методология подхода Бессоновой отличается от подхода к микросистемному анализу И. Валлерстайна [6], который в его описании истории перемен и месте государств рассматривал деление мира на центр и периферию (по принципу экономической эффективности сообществ), а в завершение анализа пришел к тезису о кризисе капитализма. Теория Бессоновой не предсказывает конца капитализма (как рыночной системы), и не противоречит тезису Л. Мизеса [14] об экономической эффективности принципа частной собственности, а также выводам Ф. Хайека [23] об адаптивной (и не обязательно экономически эффективной) приспособляемости институтов (спонтанных порядков). Безупречная с точки зрения диалектики развития систем (которая, заметим, носит элемент тео-

рии фракталов¹⁰), теория Бессоновой учитывает роль геополитических и техногенных факторов в циклическом и поступательном характере динамики развития обществ. Этот подход «соприкасается» с идеями Дж. Гелбрейта [8] о дивергенции различных общественных систем с развитием технологий и совершенствованием знаний.

Также можно добавить соображения относительно *методологической* общности подхода Бессоновой с современной теорией организаций Менара-Уильямсона [13], где два чистых архетипа (рынок и фирма) основаны на двух принципах управления: равноправного положения сторон, и права «приказов и указов» одной из сторон, в зависимости от издержек осуществления трансакций, а их комбинации образуют гибридные структуры. Можно заметить, что так же как и в теории организаций Менара-Уильямсона, основополагающим принципом адаптационной эффективности локальных институциональных структур (государств) Бессоновой служит критерий трансакционных издержек Коуза. Так, большие расстояния, разнообразие многонациональных культур и экономических укладов ведут к высоким издержкам координации, передачи информации и т.д., и в определенные исторические периоды делают более эффективным раздаточный тип координации, и наоборот. Очевидно, что более высокие трансакционные издержки снижают темп движения по траектории развития.

Таким образом, отличия природных условий, национально-демографические и культурно-религиозные особенности локальных сообществ определили различие стартовых условий еще во времена неолитической революции (по Нортю), а законы инкрементных приращений, зависимость от пути развития и трансакционные издержки - дивергенцию траекторий развития. Рост многообразия технологий, усложнение структуры экономики и глобализация ведут к росту (трансакционных) издержек координации, а международная торговля, импорт экономически эффективных институтов, а также совершенствование «суммы технологий» и снижение трансакционных издержек способствуют дивергенции различных общественных систем. Нежесткие ограничения определяются, по-видимому, факторами первоначальной наделённости.

Как уже отмечалось, понимание закономерностей институциональных изменений имеют большое значение при выборе экономической политики, так же как и результаты аналитических исследований, однако их практическое применение не является ясным и простым делом. П. Самуэльсон в 1961 году в своем президентском обращении к Американской экономической ассоциации высказал по этому поводу ряд парадоксальных утверждений. Являясь одним из выдающихся аналитиков экономической теории и создателем ряда экономико-математических моделей, а также главным экономическим советником США, он утверждал, что экономический анализ и экономическая действительность - это два разных мира, поэтому понять логику аналитических результатов политик не в состоянии и не прислушивается к рекомендациям экономистов. В определенной степени такие же проблемы возникают в отношениях экономистов и политиков в условия трансформации экономики в России.

5. Проблемы инфляции, стабилизационного фонда и структурных изменений в экономике России

Переход России к экономике рыночного типа и либерализация цен запустили механизм изменения функции денег, и вместе с ним инфляцию. Отрицательные последствия неожиданной инфляции широко известны. Однако также известно, что инфляция в рыночной

¹⁰ Имеется ввиду, что цивилизационные структуры, государства, базовые и компенсаторные институты ядра категоризованы по одному и тому же принципу координации, как «рыночные» и «раздаточные».

экономике сопровождается экономический рост, а тотальное подавление ее целесообразно в случае «перегрева экономики».

При либерализации цен компенсация изначально деформированных (относительно рыночных равновесных) цен привела к неожиданно быстрым темпам роста инфляции. В.А. Бессонов в работе по анализу макроэкономической динамики переходного периода отмечал: «есть основания полагать, что ... увеличение темпов инфляции сопровождается снижением синхронности изменения цен отдельных товаров и услуг, и наоборот... т.е. говорит о трансформационной инфляции» [3, с. 214]. По-видимому, несинхронность изменения цен в период резкого роста цен на нефть также можно отнести к «трансформационной инфляции». Кроме того, появление локальных очагов роста, в период после дефолта 1998 года тоже сопровождалось несинхронным изменением цен. Перечисленные явления оказывают различное влияние на последующее развитие экономики, и, по-видимому, применение инструментов подавления инфляции (воздействия на цены) желательно сделать избирательным, учитывая при этом, что любые воздействия, в том числе, изменения «правил игры» государственными органами, имеют различные временные лаги.

Теоретические проблемы регулирования рынка (в т.ч. инфляции) можно соотнести с выбором модели и ее предпосылок, и обратиться к анализу Блауга о "реалистичности" предпосылок в работе [5], где он полемизировал с инструментальным подходом М. Фридмана. Вопрос реалистичности предпосылок Блауг связывал с необходимостью точного определения обстоятельств, для которых она имеет силу [5, с. 64]. Например, Зиберт считал, что для экономики ФРГ стабильный уровень цен – это верный номинальный якорь [9, с. 56-57]. Применима ли эта рекомендация к российским предпосылкам экспорт-ориентированной экономики в процессе трансформации? Положение о стабильности цен выросло на известном тезисе М. Фридмана, что инфляция является монетарным феноменом (что очевидно в долгосрочном периоде, когда темпы роста денежной массы превышают темпы экономического роста). Однако, еще в начале прошлого века Дж. М. Кейнс сформулировал универсальное возражение: «В долгосрочном периоде все мы умрем». Как уже отмечалось, из теории экономических циклов известно, что периоды подъема в экономике сопровождаются инфляцией. То есть, инфляция – это интегральный показатель, связанный со структурными сдвигами, ценовыми диспропорциями, ростом денежной массы, зависящей также от притока валюты при фиксированном валютном курсе, ростом процентной ставки¹¹ и ожиданиями населения. Во второй половине 60-х годов в Южной Корее денежная масса росла на 50-70% в год. Уровень монетизации при этом был повышен с 10% до 27% ВВП, средний уровень инфляции составлял 13%, а темпы экономического роста — 10% в год [10] (заметим, что темп инфляции не соответствует разности темпов прироста денежной массы и экономического роста по уравнению Фишера).

В период после 2000 года, когда рост ВВП был уже очевидным, борьба с инфляцией занимала российское правительство не меньше, чем проблемы экономического роста. Заявление А. Чубайса о необходимости 10% повышения тарифов на электричество на очередном заседании правительства (в марте 2006 г.) было оценено критически, как способствующее росту цен, то есть инфляции. Дискуссия о монетарной или немонетарной природе роста цен ведется и экспертами и министрами [21, 22, 25], однако ясность проблемы и способы выделения компонент инфляции (если это в принципе возможно) еще не достигнута. Учитывает ли борьба с инфляцией «реалистичные предпосылки» и задачи настоящего момента? Подавление инфляции не является самоцелью, важными аргументами могут быть выгоды (или издержки) связанные с процедурой проведения политики и ее влиянием на ожидания и стимулы агентов, экономический рост и перспективы развития.

¹¹ Дж. Хикс считал, что процент является и монетарным и реальным феноменом [20].

Для открытой экономики большое значение имеет политика обменного курса, накопление и использование резервов. Зиберт сообщил, что денежная политика Европейского центрального банка (ЕЦБ) основывается на анализе большого набора индикаторов, однако ограниченный опыт Европейского союза *не позволил еще выявить стабильные монетарные зависимости* [9 с. 55]. В отличие от США и Германии российское Правительство находится в условиях бюджетного профицита, позволившего сформировать стабилизационный фонд, одновременно растут валютные резервы Центрального банка. Отвлекаясь от проблем расходования профицита, стабилизационный фонд, как запас, функционирует, по-видимому, так же, как валютные резервы ЦБ изъятые из обращения в экономике¹². На семинаре Е.Г. Ясина в ГУ-ВШЭ 27.10.2004 «Экономическая политика и стадии развития» В.М. Полтерович и В.В. Попов представили результаты анализа влияния импортных тарифов и скорости накопления государственных валютных резервов на экономический рост. Они показали, что одна и та же политика может ускорять или замедлять рост в зависимости от стадии развития страны. Проблема в том, нужны ли России растущие валютные резервы (правительства и ЦБ), как влияют они на экономический рост? С появлением профицита бюджета возникла проблема координированной политики накопления (и расходования) правительственного резерва. Трофимов [15] считал, что изъятие из экономики налоговых поступлений (стабилизационный фонд) снижает потенциальный инвестиционный спрос, способствуют усилению сырьевой специализации российской экономики, сохраняя преимущество доступа экспортеров сырья к мировым рынкам и мировым финансовым ресурсам. Ведев [5] предлагал, что деньги стабилизационного фонда необходимо через инвестиционные банки путем смешенного финансирования направлять на значимые проекты. Решение этих проблем начинается с появлением представлений о перспективной политике, координирующей развитие перспективных направлений хозяйства, включая составление краткосрочных и среднесрочных планов. Нормативный экономический анализ подсказывает нам, что эти планы, не следует рассматривать как федеральные законы, во избежание старых ошибок планирования. Эти планы имеют ценность для принятия сегодняшних решений и анализа ожидаемых среднесрочных перспектив, а также для последующего позитивного анализа и настройки моделей с учетом текущих структурных изменений в экономике и других сферах общества.

Структурные изменения в экономике характерны не только для стран, переходящих от плана к рынку, отличие определяется, в основном, масштабами институциональных изменений. Зиберт поставил вопрос, как много промышленности нужно стране? Также он отметил, что мировая отраслевая структура смещается в направлении информационной и коммуникационной технологии, и биотехнологии, при этом изменяются доли обрабатывающей промышленности и в сфере занятости и в национальном доходе [9, с. 41-44]. Подобная структурная перестройка ориентирована на инновации и укрепление конкурентоспособности страны, и сопровождается инвестициями в образование, науку и создание венчурных фондов¹³.

6. О путях решения социальных проблем России

Дифференциация доходов и доля населения за чертой бедности являются только вершиной айсберга «запущенных» не только во время перестройки проблем. И специфика «старых» проблем определяется особенностями «служебного» характера труда в экономике

¹² А.Л. Ведев, ссылаясь на Минфин, сообщает, что размещение Стабилизационного фонда осуществляется примерно по той же структуре, что и валютные резервы РФ - примерно 2/3 в ценные бумаги (это US treasuries 10-30 лет и немецкие бонды, 10-30 лет в евро).

¹³ В исследовании наукоемких технологий в мировой экономике Авдулова и Кулькина приведен перечень наукоемких технологий и товаров США по данным Статистического управления США (2000 г.) [1].

СССР. Львов в своей статье «Нравственная экономика»¹⁴ отмечал: «Нетерпимо, когда 36 миллионов наших сограждан — четверть населения России — имеют доход ниже прожиточного минимума... Это примерно 2 доллара на человека в день. Трудно себе представить, как вообще могут жить, а вернее — выживать, люди, у которых доходы еще ниже... Бедность сегодня превратилась в один из мощных сдерживающих факторов экономического роста. Мы перешагнули допустимую границу, за которой человек выталкивается из активного процесса созидания. У него меняются целевые ориентиры, формируется искаженный социально-психологический генотип» [11]. Львов привел сравнительные оценки валового продукта, который производится на 1 доллар часовой заработной платы: в России, по его оценкам, среднестатистический работник производит сегодня в 2,7 раза больше ВВП, чем среднестатистический работник в США. Т. е. оплата труда существенно занижена и не достигла еще среднего «советского» уровня. При этом цены на товары и услуги приближаются к мировым.

Львов считал необходимым провести реформу заработной платы, ввести гарантированный уровень оплаты труда, обеспечивающего стартовые условия нормального воспроизводства рабочей силы, а также внести изменения в действующий Налоговый кодекс, отказаться от, так называемой, плоской шкалы налогообложения в 13 процентов, отказаться от обложения граждан с доходами ниже 500—600 долларов в месяц и активно задействовать механизм налогообложения недвижимого имущества.

Существуют ли дополнительные экономические возможности решения проблемы бедности? Львов, ссылаясь на статью Репетто^{15[11]}, обратил внимание, что, в то время как износ капитала включается в издержки производства, *сокращение* ограниченных природных ресурсов не отражается в издержках (т.е. невозстановливаемая убыль ресурсов не учитывается¹⁶). Львов считал, что подобная система создает повышенную антропогенную нагрузку на природный потенциал, т.е. приводит к отрицательным внешним эффектам, и искажает пропорции вознаграждения основных факторов производства (земли, труда и капитала). Львов считал, что для России это означает неоправданно высокую нагрузку на доходы бизнеса и населения, и свидетельствует о неэффективности действующей у нас системы налогообложения. Она угнетает бизнес, сдерживает рост заработной платы и конечного спроса, искусственно увеличивает затраты на производство отечественной продукции и снижает ее конкурентоспособность, стимулирует сокращение рабочих мест в экономике. Необходимо оценить социальную стоимость ограниченных ресурсов, определить величину ренты, и изымать ее у частных лиц, эксплуатирующих месторождения природных ресурсов. Природную ренту следует рассматривать, по мнению Львова, как социальный дивиденд и главный источник общественных расходов, прежде всего сферы бесплатного здравоохранения и образования.

В докладе Яковлева и Ясина на 5-й Международной научной конференции «Конкурентоспособность и модернизация экономики», проведенной в ГУ-ВШЭ весной 2005 года упоминается эта проблема: «Правительством была поддержана идея диверсификации экономики, призванная решить проблему сырьевой ориентации российского производства и экспорта. За ней следом напрашивалась идея изъятия природной ренты, активно развиваемая левым флангом политического спектра, особенно С. Ю. Глазьевым: изъять сверхдоходы нефтяников и снизить налоги на остальных, дав тем самым импульс развитию обрабатывающих отраслей. Вскоре, однако, выяснилось, что доходы нефтяников высоки лишь в

¹⁴ Концепция нравственной экономики принадлежит швейцарскому экономисту Ж. Ш. де Сисмонди (1773-1842), критически относившемуся к классической политэкономии

¹⁵ Репетто Р. Природные ресурсы в системе национальных счетов // В мире науки. 1992. № 8.

¹⁶ Дополнительно следует отметить, что проблема замещения по исчерпанию ресурсов требует своевременных научных и прикладных исследований в поиске экономически эффективных альтернатив.

силу конъюнктуры и конкурентоспособности их товара, в отличие от большинства других отраслей; что они ничем не выделяются по сравнению с их конкурентами на мировом рынке и чрезмерные изъятия просто приведут к потере ими конкурентоспособности. И так наши нефтяные компании только недавно приступили к внедрению новых технологий, уже давно освоенных другими. А обрабатывающим отраслям как реципиентам выгод еще предстоит достичь конкурентоспособности, доказать, что они могут это сделать в приемлемые сроки» [26]. Очевидно, проблема политики, помимо изменения идеологии отношения к ресурсной ренте в экономической теории, включает также вопросы выбора краткосрочных преимуществ конкурентоспособности сырьевой отрасли на мировом рынке или/и долгосрочного стимулирования внутреннего рынка и решения социальных вопросов.

7. Простые правила институциональной экономики

Создание законов и механизмов контроля, определяющих экономические стимулы функционирования «рынка прав» в государстве являются прерогативой трех ветвей власти. Однако простые принципы не должны быть забыты. Согласно основным положениям неинституциональной экономики транзакционные издержки влияют на функционирование экономики как трение, препятствуют инициативным начинаниям и тормозят экономический рост. В своем исследовании эффективных товарных рынков Д. Норт отмечает: «Исследование экономического развития с исторической точки зрения – это изучение инноваций институтов, которые делали возможными заключение все более сложных сделок благодаря снижению транзакционных (и производственных) издержек этих обменов. Проблема заключается в доверительных соглашениях. Эффективные рынки подразумевают неперсонифицированный обмен во времени и пространстве. Но как добиться доверия в соглашениях «анонимных» сторон? В современном западном мире мы считаем, что выполнение контрактов обеспечивается третьей, принуждающей стороной – государством». Замечание Норта в значительной степени применимо к любому типу транзакций, в том числе на рынке труда, в сфере лицензирования и налогообложения, где отношения не являются анонимными, но *неперсонифицированные* отношения повышают доверие и сокращают транзакционные издержки оппортунистического поведения. Бюрократические процедуры, неадекватное налогообложение, нелегитимность прав, неэффективное функционирование законов и механизмов соблюдения законности приводят к тому, что даже платежеспособное население не может обеспечить себя жильем, стимулы эффективных предпринимателей подавлены, риск инвестиций и инноваций чрезмерно велик. Не отрицая остроты настоящего момента и сложности задач, стоящих перед Правительством, Центральным банком, Думой и Президентом в период трансформационных изменений, неинституциональный подход позволяет рассматривать проблемы политики под определенным углом зрения: способствуют ли предпринимаемые действия росту доверия и снижению транзакционных издержек? Создают ли существующие законы и ограничения «правильные» стимулы экономических агентов для продуцирования экономического роста? По-видимому, именно такой вывод подсказывают нам результаты анализа «немецкого чуда».

Литература

1. Авдулов А.Н., Кулькин А.Н. Наукоемкие технологии и их роль в современной экономике (http://www.rfbr.ru/default.asp?doc_id=5767)
2. Бендукидзе К. Налоги за услуги // Отечественные записки. Журнал медленного чтения (<http://strana-oz.ru/?numid=5&article=250>)
3. Бессонов В.А. Проблем анализа макроэкономической динамики переходного периода. М.: ИЭПП, 2005

4. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. М.: РОССПЭН, 2006
5. Блауг М. Несложный урок экономической методологии // THESIS. Вып. 4. 2000
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем. СПб.: Университетская книга, 2001
7. Ведев А.Л. Деньги должны распределяться не чиновниками, а через банковскую систему // Мнения экспертов АЛ «Веди», 2006
(http://www.vedi.ru/OpEd/vedi_Vedev_011_006_200306.htm)
8. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М.: АСТ, 2004
9. Зиберт Х. Эффект кобры. Как можно избежать заблуждений в экономической политике. СПб.: Университет экономики и финансов, 2003.
10. Кораблин С. Немонетарная инфляция // Интернет-Портал Газета Бизнес, №28 (547), 14.07.2007 (<http://www.business.ua/i547/a18387/>)
11. Львов Д. Нравственная экономика // Свободная мысль-XXI. №9. 2004
(http://www.postindustrial.net/content1/show_content.php?id=104&table=free&lang=russian)
12. Материалы Интернет-конференции «СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО: концепция, практический опыт и перспективы применения в России»
(<http://www.ecsocman.edu.ru/>)
13. Менар К. Теория организаций: разнообразие соглашений в развитой рыночной экономике // Институциональная экономика. Авторский коллектив под общ. ред. А.О. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. Гл. 15.
14. Мизес Л. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. М.: Начала-Пресс, 1994
15. Норт Д. Пять тезисов институциональных изменений // Квартальный бюллетень клуба экономистов. Вып. 4. Минск: Институт приватизации и менеджмента, Европейский гуманитарный университет, 2000.
16. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
17. Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России. Сборник докладов под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
18. Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика. Под общ. ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 2001
19. Сэмюелс У.Дж. Идеология в экономическом анализе. Современная экономическая мысль. Серия: "Экономическая мысль Запада". Под ред. Афанасьева В.С. и Энтова Р.М. М.: Прогресс, 1981.
20. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1993.
21. Трофимов Г.Ю. Еще раз про инфляцию (и Банк России) // Институт финансовых исследований, 2006 (<http://www.ifs.ru/>)
22. Трофимов Г.Ю. Научные споры министров // Институт финансовых исследований, 2006
(<http://www.ifs.ru/>)
23. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Пер. с англ. М.: Новости при участии изд-ва Catalaxu, 1992.
24. Хёффе О. Основоположения критической философии права и государства / Перевод Вл.С. Малахова при участии Е.В.Малаховой. М.: Гнозис, 1994.
25. Центр "Открытая Экономика". Круглый стол «Стабилизационный фонд РФ и его роль в экономической политике», 2005 (<http://www.opec.ru/library/>)
26. Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики // Фонд «Либеральная миссия». Дискуссии. 2004 (<http://www.liberal.ru>)
27. Commons J. Institutional Economics // AER. V. 21. N. 4. P. 648-657.
28. Williamson O. The new institutional economic: taking stock, looking ahead // Journal of economic literature. Vol. 38. № 3 (Sept., 2000). P. 595-613.

Гутник В.П. (ИМЭМО РАН)

В каком хозяйственном порядке нуждается Россия?*

Сформулированный в названии статьи вопрос требует пояснения. Во-первых, речь не идет (и не может идти) о конструировании идеального (и поэтому утопического) порядка, в котором присутствовали бы только хорошие стороны хозяйствования и экономического регулирования и были бы устранены все дурные. Во-вторых, нельзя ограничиться отсылкой к объективным тенденциям и спонтанным процессам, как раз и обеспечивающим нужный порядок – тот ли это будет порядок, в котором нуждается страна? Следовательно, в-третьих, речь идет о принципиальном выборе (*Grundentscheidung*), причем этот выбор должен быть обоснован.

Очевидно, несмотря на позитивную экономическую динамику последних лет, многочисленные программы и множество институциональных реформ, выбор в пользу конкретного порядка еще не сделан. Чтобы убедиться в этом, достаточно понаблюдать, что говорят и делают члены российского правительства. Но если в условиях трансформационного кризиса было достаточно утверждать, что «мы идем к рыночной экономике» (пусть и со всякими прилагательными – «регулируемой», «социально ориентированной» и т. п.), то теперь необходим конкретный выбор, чтобы в соответствии с ним строилась вся институциональная система и система экономической политики.

Сложность выбора хозяйственного порядка обусловлена тем, что он должен вписываться в российские реалии начала XXI века (не отрываться от земли) и в то же время преодолевать имеющиеся ограничения, т.е. совершать некий качественный прорыв. Далее, не следует, с одной стороны, изобретать велосипед и создавать абсолютно уникальный российский хозяйственный порядок, а с другой стороны – недопустимо переносить чужие порядки на отечественную почву при всем при том, что игнорировать опыт других было бы не меньшей ошибкой. Наконец, нельзя не учитывать «окружающую среду», внешние условия: глобализацию, демографический кризис, геополитические и внутривнутриполитические проблемы, а также характер субъектов хозяйствования и хозяйственного регулирования. Строго говоря, нельзя серьезно рассуждать о необходимом хозяйственном порядке, абстрагируясь от порядка внутривнутриполитического и общественного, от качества государства и чиновничества, от состояния гражданского общества и правовой системы (которые, разумеется, не даны как неизменные элементы, не подлежащие трансформации – при коррумпированном чиновничестве, криминальных «крышах» и басманном правосудии нечего и рассчитывать на формирование *нужного* хозяйственного порядка). *Interdependenz der Ordnungen* проявляется здесь особенно ярко.

Но, к сожалению, детальный анализ этой взаимосвязи в рамках даже самого длинного выступления на этой сессии невозможен, поэтому я вынужден ограничиться тремя вопросами, связанными с выбором хозяйственного порядка:

- 1) Европеизация или евразийство?
- 2) Олигопольно-корпоративный или конкурентный порядок?
- 3) Индикативное планирование (и промышленная политика) или *Ordnungspolitik*?

Иерархии у этих трех вопросов нет, они все равнозначны, взаимно переплетаются и обуславливают друг друга. Поэтому их разделение является условным, полезным лишь для аналитических целей. Не останавливаясь далее на этом подробно, отметим, что система социального обеспечения (или социальный порядок) во многом определяется избранным хозяйственным порядком, но не только им; так что рыночный конкурентный порядок в эко-

* Впервые опубликовано в: Системные изменения в российском обществе: новые взгляды. Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РНИСиНП, 2005.

номике может, например, совмещаться с солидарно-перераспределительным социальным порядком.

1-й вопрос в значительной мере философский, мировоззренческий. Но отнюдь не схоластический. Спор западников и почвенников не только не нашел своего разрешения в процессе рыночных реформ (или, если угодно, трансформационного кризиса), но, кажется, даже обострился, о чем свидетельствует ряд недавних публикаций российских ученых (правда, обострения эти периодические и во многом являются реакцией на поведение Запада). Можно выделить 4 основных направления, причем каждое из них означает вовсе не направления сотрудничества (почти все согласны с тезисом о многовекторности сотрудничества) и даже не общественный ориентир, а весьма различные политические и хозяйственные порядки:

а) европейский вариант социальной рыночной конкурентной экономики с развитым демократическим и правовым государством;

б) проамериканский вариант рыночной экономики с доминированием в ней крупных (транснациональных) корпораций и элементами тоталитарного управления¹;

в) самобытный (уникальный) путь России как евразийской державы с сильным и доминирующим государством (причем специфические российские составляющие такой системы напоминают скорее «азиатские», нежели «евроэлементы»);

г) евразийский вариант, сочетающий российское своеобразие с европейскими (в меньшей степени американскими) и азиатскими (т. е. китайскими) элементами. Этакий «ordnung mix».

Состояние неопределенности и необходимость выбора являются, видимо, неотъемлемыми характерными чертами нашей страны. Возможно, это присуще и некоторым другим странам (Германии прежде всего), но едва ли в столь явной форме и на протяжении длительного исторического периода. Найти объяснение данному феномену не так уж трудно: самоидентификация России как страны, находящейся «*между*» (а иногда и «*над*») не способствовала долговременной устойчивости и вынуждала искать если не определенное пристанище, то путь к желаемому порядку.

Трудность в том, что в российском (а при известных оговорках – и советском) обществе никогда не было не то что консенсуса относительно пути развития, но и понимания реального состояния, в котором находится страна. Более того, сама постановка вопроса о *выборе* многими исследователями (если не большинством) воспринимается как неправомерная, поскольку мы не можем быть ни Западом, ни Востоком – Россия слишком своеобразна (самобытна, уникальна), чтобы вписаться в стандартные рамки двух вариантов. Да и к тому же, почему выбор пути развития ограничивается лишь двумя *географическими* направлениями?!

Однако проблема существует, и ее предельно четко сформулировал академик В.В. Журкин: «что главное в российской цивилизации: ее развитие в соответствии с общими закономерностями человеческого общества или ее специфика, отличающая ее от других цивилизаций...»²? Игнорировать этот старый, но не утративший актуальности вопрос невозможно, особенно в переходный (или трансформационный) период.

Выбор, понимаемый не как определение основных партнеров, а как осознание Россией своего положения в процессе мирового прогресса и парадигмы дальнейшего движения, делать все равно придется (и сама постановка вопроса о выборе вовсе не плод кабинетных

¹ Это не обязательно означает, что таков американский хозяйственный порядок на самом деле, но так он воспринимается определенной категорией российских «западников», которых мягкотелая, одряхлевшая Европа с ее заикленностью на правах человека раздражает.

² Россия между Западом и Востоком: мосты в будущее / Отв. ред. Н.П.Шмелев. М.: Международные отношения, 2003.

размышлений). Правда, эта необходимость чревата опасностями как его искусственного установления (и навязывания обществу) политической властью, так и бесконечным сохранением раскола общества (точнее, его активной части) на «западников» и «восточников». Следовательно, осознанный выбор может базироваться лишь на четком и объективном понимании глобальных тенденций, основных черт (закономерностей и особенностей) наших партнеров и соседей, но прежде всего – состояния и тенденций развития самой России. Мало провозгласить «Россия – европейская страна». Этот тезис необходимо обосновывать и наполнять содержанием

Многие сторонники формирования в России хозяйственного порядка европейского типа настойчиво подчеркивают, что наша страна – органичная, хотя и очень своеобразная часть европейской цивилизации; что российский менталитет, действительно, своеобразный, но постепенно становится европейским менталитетом свободного индивида; что Россия должна двигаться к социальному рыночному хозяйству европейского типа. Эти тезисы весьма привлекательны – но не выдают ли они желаемое за действительность? Подлинную европейскость еще предстоит создавать, причем постепенно, в течение длительного времени при условии стабильности и последовательной политики, основанной на здравом смысле.

Но если экономическая политика государства нацелена не на формирование целостной системы хозяйственных институтов, а на решение иных задач – прежде всего связанных с укреплением властных позиций – то рассчитывать на возникновение эффективного хозяйственного порядка не приходится. Так, например, приватизация 1990-х была направлена на консолидацию новой элиты и ослабление (или ликвидацию) экономической основы противоборствующей стороны, а не на формирование эффективных собственников и общее повышение эффективности производства, равно как и нынешняя борьба с олигархами мало влияет на «институциональное упорядочивание». Качеством экономических институтов в 1990-е годы мало кто интересовался, но надо признать, что именно через изменения отношений собственности удалось обеспечить относительную стабильность политической власти. В этой связи не может вызывать удивления то обстоятельство, что нынешнее преобразование политической системы (на наш взгляд, именно преобразование, а не достройка) началось со «споров между хозяйственными субъектами», переросших в расследование налоговых преступлений «олигархов» и законности отдельных приватизационных сделок. Взаимозависимость политической и экономической составляющей системы прослеживается здесь весьма отчетливо, а селективность борьбы против «хозяйственных преступлений» лишь подчеркивает ее специфические задачи.

Поэтому институциональные преобразования (которые все же проводятся на протяжении более полутора десятка лет) не конституируют взаимосвязанную систему. И в настоящее время фрагментарность и дискреционность характеризует экономическую политику едва ли в меньшей степени, чем в начале 1990-х гг. Правда, она стала более осторожной (примеры пенсионной реформы и реформы ЖКХ об этом свидетельствуют), но от того не более последовательной.

Особый вопрос – развитие федерализма. Пока не сформировались правовое демократическое государство и эффективная рыночно-хозяйственная система, трудно рассчитывать на игру субъектов федерации по правилам, хотя и можно заставить их это делать – но уже в рамках тоталитарного государства. Для федерации самое главное – четкое и зафиксированное в Конституции разделение компетенций (в том числе и финансовых) и ответственности. Но для этого необходима устойчивость и политической системы, и экономического развития. Строить нормальную федерацию в условиях глубокого трансформационного кризиса было нереально. И сейчас, в условиях стабилизации и роста, вряд ли оправдано делать ставку преимущественно на укрепление центральной власти, поскольку бороться нужно не с

избытком федерализма, а с маскирующимся под него «неофеодализмом». Подлинная реализация принципов субсидиарности, местного самоуправления и регионального взаимодействия сделают федерацию более жизнеспособной, чем любые «вертикали».

В поисках постреформенного хозяйственного порядка немало экспертов предлагают «простое и очевидное» решение – «менять экономическую политику», т. е. отказываться от «безудержного либерализма» и переходить к адекватному государственному регулированию экономики.

Действительно, ошибок реформаторами наделано слишком много, «экономического чуда» не получилось, рынок есть – но ущербный. Впрочем, вряд ли все так плохо из-за некомпетентности «ультралибералов» или происков американских советников. Любая другая команда в той постсоветской ситуации сделала бы не меньше ошибок (хотя, вероятно, и других), поскольку любой необходимый шаг был сопряжен с обязательными мерами «фланговой защиты», сопряженными с большими издержками. К тому же, надо было избежать бунта, путча, продолжения дезинтеграции и т. п., а потому идти на компромиссы и откровенные сделки (что ярко проявилось во время и приватизации, и «залоговых аукционов»). Политические факторы (и прежде всего задача укрепления позиций новой власти) доминировали над целями создания эффективного хозяйственного порядка. И виноват в этом, на мой взгляд, не либерализм, а российское своеобразие смены одной формы «власти-собственности» другой ее формой без необходимого разделения. Поэтому либерализация получилась столь же ущербной, как и вся рыночная система, да и вообще часто она использовалась лишь как красивая этикетка, скрывающая несколько иное содержание (разве могут быть свободные цены без развитой конкуренции, частная собственность без институтов имущественной ответственности, стабильная ценность денег без реальной независимости центрального банка и т. д.?). Да и вообще проблема не в том, много ли было (и есть сейчас) либерализма в экономической политике, а какого он качества. Если свобода предпринимательства и конкурентный порядок душится административным и криминальным рэкетом (часто трудноразделимыми), то всякая провозглашаемая либерализация остается пустым звуком. Что ж против нее бороться?

Поэтому издержки приватизации, проблемы, связанные с малым бизнесом, неудовлетворительное состояние банковского сектора и фондового рынка не могут быть преодолены в рамках сохраняющейся и по существу своему антилиберальной спайки власти и собственности, при которой доминируют государственные или частные властные структуры, но не институты конкурентного рынка.

Европейский выбор – это не только ориентация на базисные принципы европейской модели, но и модернизация через «интеграцию», т. е. формирование хозяйственного порядка и системы взаимодействия со странами Европы на качественно новом уровне, обозначаемом сегодня как Общее европейское экономическое пространство (ОЕЭП). Нечего и говорить, что готовность России «войти» в ОЕЭП сейчас мизерная. Предварительная работа по ее приспособлению к европейским структурам и правилам предстоит огромная. Но ведь и эта подготовительная работа может и должна вестись в ходе создания ОЕЭП. Это очень сложный и длительный процесс, но именно *процесс*, а не некое застывшее состояние. И уже сегодня можно создавать простейшие элементы именно такого единого пространства, понимая, что они пока слабы и примитивны, но из них будут развиваться зрелые формы.

Реальная противоречивость положения России в том, что ей и надо бы выбирать, и болезненно выбор делать – хочется по старой традиции, на авось, продвигаться вперед, корректируя движение по обстоятельствам. Мы и хотели бы на Запад, но понимаем, что из этого может ничего не выйти (сил и целеустремленности не хватает) и поэтому ищем оправдания в евразийстве.

А евразийство всегда воспринималась и воспринимается не как «существование *между*» или «существование *и там, и тут*», а как особость, исключительность. Разумеется, специфика, своеобразие присущи любой стране. Каждая из них имеет собственную модель, или хозяйственный порядок, а потому, скажем, немецкий хозяйственный порядок отличается не только от китайского или сингапурского, но и от американского и даже от британского, шведского, французского и т. д., несмотря на все успехи интеграции и формирование общеевропейской модели, находящейся пока на зачаточном уровне. Поэтому у нас невозможна ни американская, ни немецкая ни тем более абстрактная «западная» (равно как и не менее абстрактная «восточная») модель развития. Модель может быть и будет только «российской». Но она либо войдет в круг тех моделей, которые образуют некое единство, именуемое *цивилизацией*, либо останется на обочине развития, потому что традиции и *differentia specifica* российской хозяйственной модели свидетельствует о том, что уровень ее мировой конкурентоспособности не более высок, чем конкурентоспособности автомобиля «Москвич» или станков завода (бывшего?) имени Орджоникидзе.

Б. Орлов хорошо показал, что в основе позиции евразийцев лежит определенное понимание взаимоотношений между индивидом, обществом и государством. «...Евразийцы выступают за государство, действующее в закрытом режиме или в режиме “управляемой демократии” и руководствующееся так называемыми “национальными интересами”, среди которых интересы человека, его права и свободы стоят на заднем плане, а на переднем плане метафизически обоснованная державная мощь, освященная религиозными патриотическими установками. Неевразийцы выступают за общество, которое само формирует органы государства, поручая ему в первую очередь соблюдать права человека и обеспечивать свободные, регулируемые только демократическими законами виды деятельности...»³.

В этом контексте становится понятной связь второго и третьего вопросов, сформулированных в самом начале статьи, с первым, т. е. с европеизацией. Ясно, что желаемый хозяйственный порядок предусматривает «сильное государство». Слабое государство не привлекает никого и с таким исходным элементом никто формировать хозяйственный порядок не собирается. Но остается вопрос о качестве и характере деятельности «сильного государства». Одно дело бороться с «избранными» олигархами и совсем другое – демонтировать государственно-олигархическую систему. Последнее невозможно, если одновременно во главу угла ставить задачу создания и последующего пестования крупных транснациональных корпораций, которые якобы только и могут быть конкурентоспособными на мировом рынке. Очевидно, такие гиганты, как Даймлер-Крайслер или Сименс, Россиигодились бы, но нельзя забывать, что на пустом поле (т. е. на поле, не усеянном множеством малых и средних предприятий) корпорации не могут эффективно развиваться. Азиатский опыт чеболизации лишь деформирует и без того «недорыночную» структуру экономики. Огромные расходы крупнейших ТНК на НИОКР окажутся нерациональной тратой денег без сопутствующего функционирования более смелого и рискованного в инновационном отношении малого бизнеса. Российские же интегрированные бизнес-группы (ИБГ) вместо инновационного прорыва обеспечат нам селективный протекционизм и застой, сохранение (или рост) коррупции и усиление авторитарных политических тенденций. Чеболизация в современных российских условиях возможна и в краткосрочной перспективе может даже способствовать более быстрому росту экономики – вплоть до пресловутого удвоения ВВП, но настоящая и комплексная модернизация ей не под силу.

Поэтому – в соответствии принципами европейской политики хозяйственного порядка – требуется не просто антимонопольный контроль, а в прямом смысле насаждение конку-

³ Социально-экономические модели в современном мире и путь России: В 2 кн. / Под общ. ред. К.И. Микульского. М.: «Экономика», 2003. Кн. 1: Трансформация постсоциалистического общества. С.351–352 (выделено в оригинале).

ренции, прежде всего через целенаправленное и интенсивное поощрение малого бизнеса. Только когда малые и средние предприятия будут производить не 13-17% ВВП, как сейчас, а хотя бы 35%, можно подумать и о поддержке крупнейших корпораций на мировых рынках (да и то осторожно, чтобы не повредить внутренней конкуренции). Но самое главное – не допустить сращивания ИБГ с государством, тенденция к чему уже просматривается.

Отрицательное или даже пренебрежительное отношение к конкурентным формам организации рынка, свойственное российским элитам (не только политическим, но и хозяйственным, и научным, многие представители которых полагают, что конкуренция – это вообще миф), пока мешает осознать приоритетность этого пути. Серьезных лоббистов конкурентного порядка пока в России замечено не было. Но мешает формированию конкурентного порядка и целый комплекс институциональных преград и полутеневая специфика сферы малого бизнеса. Высокая степень явной или потенциальной криминализации пугает власть, пытающуюся решить проблему через барьеры и жесткий контроль, которые, в свою очередь, в совокупности с бандитским и государственным рэкетом отпугивают возможным предпринимателей. Отсюда – неразрывная задача одновременного и согласованного насаждения конкурентного порядка и правового государства.

Новомодная тенденция реализации концепции «сильного государства» в экономике – восстановление регулируемости через индикативное планирование (и соответственно вытеснение уже упоминавшегося «безудержного либерализма»). Здесь все делается вроде бы в традициях европейской модели, ибо за основу берется *французская* модель индикативного планирования (дирижизм), хотя потихоньку сдвиг происходит в сторону японской и южнокорейской моделей.

Мягкий вариант индикативного планирования предполагается осуществить через бюджетное среднесрочное планирование. Идея навести порядок в бюджетном планировании и контроле за использованием бюджетных средств – весьма здравая и давно назревшая. Однако анализ некоторых наработок властных органов (например, Сводного доклада Правительства РФ «Цели, задачи и показатели субъектов бюджетного планирования», который определяет концепцию реформирования бюджетного процесса) наводит на грустные мысли о переходе к всеобъемлющему планированию в натуральных показателях (многие из которых бюджетными рычагами вообще-то не регулируются). Привлекательная идея о смещении акцентов бюджетного процесса «от управления бюджетными ресурсами (затратами) на управление результатами» предусматривает установление множества показателей и отчетности по ним, что неизбежно повлечет расширение не только (и скорее не столько) стимулирующих мер для достижения целей, но и административно-принудительных, причем затрагивающих не только субъектов, получающих бюджетные ресурсы. Это далеко от того среднесрочного финансового планирования, которое применяется, например, в Германии и которое действительно было бы полезно и в наших условиях.

Хотя идеологи реформирования бюджетного процесса полагают, будто предлагаемые нововведения расширяют сферу применения программно-целевых методов, таковые отсутствуют напрочь, ибо нет и самих программ (если не считать программой сам федеральный бюджет со всеми его текущими расходами). В целом же, на мой взгляд, непродуктивно, смешивать бюджетное среднесрочное планирование и индикативное планирование, поскольку у них разные задачи и механизмы.

Более жесткий вариант индикативного планирования (пока есть его лишь смутные очертания), очевидно, предполагает базироваться на отдельных государственных программах. Однако при этом нет никакой ясности, намерено ли правительство

- а) увеличить масштабы государственных инвестиций для реализации этих программ,
- б) осуществлять совместное (долевое) финансирование проектов с частными компаниями,

в) вовлекать частный бизнес в реализацию государственных программ с помощью льгот (прежде всего налоговых) и преференций.

Помимо этого остаются открытыми вопросы о выборе приоритетов, иерархии программ, их нацеленности. Очевидно, что какую-то пользу индикативные планы (программы) могут принести, если на определенном временном отрезке государство намерено осуществить (или ускорить) структурные сдвиги в экономике. В этом случае возможно и применение методов селективной промышленной политики (включающей выборочное субсидирование отдельных отраслей или предприятий и предоставление им льгот). Но – если есть абсолютная уверенность в определении этих сдвигов (поэтому и программы должны быть достаточно «узкими», конкретными) и необходимые ресурсы. Вместе с тем и рост государственных инвестиций, и тем более инвестиционные налоговые льготы для частных компаний противоречат принципам нынешней экономической политики.

Но еще хуже то, что проекты индикативного планирования содержат элементы, которые нельзя расценить иначе, как база для административного планирования. Поэтому до создания эффективного конкурентного порядка было бы целесообразно вообще отказаться от попыток внедрения в том или ином варианте индикативного планирования и селективной промышленной политики, продолжая работу по формированию механизмов среднесрочного финансового планирования.

Российский хозяйственный порядок как разновидность модели «европейской» (а не вообще «западной») не столько запрограммированная для нас цель, сколько ориентир движения. И хорошо бы им воспользоваться.

Литература

Россия между Западом и Востоком: мосты в будущее. Отв. ред. Н.П.Шмелев. М.: Международные отношения, 2003.

Социально-экономические модели в современном мире и путь России: В 2 кн. / Под общ. ред. К.И. Микульского. М.: «Экономика», 2003.

4.3. Проблемы модернизации социальной политики

Творогова С.В. (ГУ-ВШЭ)

Чтобы было не напрасно: оценивание как способ повышения эффективности социальной политики

Пожалуй, большинство российских исследователей при обсуждении любых аспектов зарубежного опыта хотя бы неявно пытаются примерить его к реальностям нашей страны с тем, чтобы в непростой, но вечной дискуссии о путях развития России по меньшей мере попробовать предложить очередной вариант, уже по крайней мере где-то однажды доказавший свою состоятельность. В данной работе мы также не можем удержаться от подобного соблазна, правда столь громких или многообещающих заявлений постараемся избежать, считая, что любые изменения требуют стратегической проработки, а простое описание некоего опыта – по сути фрагмента большой мозаики процесса социальных изменений в определенном обществе – не позволяет получить адекватного представления ни о самом процессе, ни о возможностях, ограничениях и специфике использования определенного подхода или механизма. При этом рассмотрение отдельных элементов системы (в частности, упомянутых механизмов или подходов) в контексте социальной реальности может способствовать более полному пониманию процессов, происходящих в России.

В связи с вышесказанным к теме о социальном рыночном хозяйстве представляется разумным подойти не с позиций сопоставления современных России и Германии, хотя определенные общие проблемы в сфере социальной политики и существуют в обеих странах, но с обсуждения некоторых тезисов о германском подходе к социально-экономическому устройству государства, сформулированных в послевоенный период Людвигом Эрхардом. Согласно его утверждениям, «глубинный признак социальной рыночной экономики ... – соединять на рынке принцип свободы с социальной сбалансированностью и нравственной ответственностью каждого человека перед сообществом». [1: 379]

Приведем несколько развернутую цитату о некоторых особенностях реализации этой модели: «Мы отклоняем государство благоденствия социалистического образца и всеобщее коллективистское снабжение граждан не только потому, что эта осуществляемая с самыми благими намерениями опека ставит человека в зависимость от системы, которая в конечном счете воспитывает верноподданничество, убивая свободные гражданские убеждения. Есть и другая причина. Это самоотчуждение, т.е. отказ от личной человеческой ответственности, паралич индивидуальной предприимчивости должны привести к снижению эффективности народного хозяйства в целом. И тогда мы опять окажемся в том положении, что все слои в равной степени почувствовали бы себя обманутыми и распределение доходов народного хозяйства зависело бы от произвола соперничающих друг с другом властных политических интересов. Там, где функции рынка заменяются директивами чиновников, а конкуренция – распоряжающейся бюрократией, приходит конец прогрессу и росту производительности труда, социальному благосостоянию и человеческому благополучию.» [1: 360-361]

Еще одна выдержка из текстов Л. Эрхарда: «...Государство способно порождать и мобилизовать капитал лишь в той степени, в которой оно готово и способно облагать народ налогами. Это ... на практике означает, что у гражданина отнимают без компенсаций средства для массового накопления капитала и образования богатства в руках государства, а стало быть, при данной специфической форме принудительных сбережений в народном хозяйстве плоды отказа от потребления достанутся не хозяину сбережений и не налогоплательщику, а государству, которое благодаря такому шагу стало еще могущественнее.» [1: с. 365]

Не вдаваясь в споры о роли государства в экономической системе, не являющиеся предметом данной работы, отметим два важных тезиса, следующих, как мы полагаем, из вышеприведенных фрагментов:

- 1) инициатива граждан есть важнейший источник экономического роста и общественного развития;
- 2) государство способно аккумулировать значительное количество ресурсов.

Проблема распределения ресурсов, определение справедливых или признаваемых большинством членов общества форм и оснований для получения части средств, аккумулированных через систему налогообложения, является одной из фундаментальных для социальной политики. Для Эрхарда особо важно то, что распределение этих ресурсов государством по определению будет неэффективным.

Сразу отметим, что, несмотря на пафос Эрхарда, идеология государства всеобщего благосостояния получила широкое распространение в ведущих странах с рыночной экономикой в послевоенный период. Позже, столкнувшись со снижением конкурентоспособности экономических систем, правительства различных стран, взявших на себя большое число социальных обязательств, были вынуждены искать способы сокращения т.н. «беремени социальных расходов». Принципы «государства всеобщего благосостояния» с течением времени интегрировались в систему ожиданий граждан многих стран, и потому реформирование социальной сферы особенно болезненно воспринимается – в качестве самого близкого по времени примера можно привести продолжающиеся студенческие волнения во Франции, вызванные изменениями в трудовом законодательстве в отношении статуса молодых работников.

Этот пример, как и множество аналогичных (например, вступление в силу в России закона о монетизации льгот) позволяет сделать вывод о том, что спланированное простое сокращение средств на социальные программы крайне редко может привести к реальному снижению расходов бюджета на данную сумму. Общество называют социальной системой как раз потому, что для него характерна взаимосвязь многих агентов, одновременное протекание различных процессов, потому простое изменение одного параметра может привести к самым неожиданным последствиям. При всей банальности и очевидности этого тезиса реальная система принятия решений в самых разных странах продолжает поставлять примеры того, как он игнорируется.

Тем не менее, задача сокращения государственных расходов сохраняет свою актуальность для всех правительств, поэтому на передний план встает проблема эффективности расходования бюджетных средств. Если тезис Л. Эрхарда заключался в изначальной неспособности государства обеспечить эффективное использование доступных ему ресурсов, то современные политики принимают идею распределения средств государством и фокусируются на том, как оно происходит: стремятся договориться о содержании самого понятия «эффективность» с тем, чтобы иметь возможность ее оценивать.

Необходимость повышения эффективности использования ограниченных ресурсов, ставшая особенно актуальной после первых нефтяных шоков, привела к тому, что активно стали разрабатываться различные процедуры и методы оценки эффективности и результативности программ, деятельности агентов социальной политики и т.п. [2].

Можно выделить как минимум три уровня проведения оценки эффективности:

- 1) уровень политики,
- 2) уровень организации,
- 3) уровень сотрудника

– во всех трех случаях выявление возможностей повышения эффективности способно существенно повысить качество услуг, их соответствие запросам получателей и т.п. В дан-

ной работе мы остановимся на первом уровне и рассмотрим перспективы и сложности его использования на примере социальной политики.

Политический курс всегда можно проанализировать через набор программ, провозглашаемых и реализуемых этим курсом. Программы могут быть декларативными или конкретными, утопическими или привязанными к реальности, противоречивыми или внутренне согласованными, задающими определенные сроки или размытыми – анализ эффективности программы невозможен, если она написана нечетко, т.е. из нее непонятно, каких именно целей и в какие сроки планируется достичь, и каким образом уровень достигнутого будет оценен [3]. Последнее таит в себе серьезную, часто недооцениваемую сложность, с которой регулярно сталкиваются исследователи, работающие в области социальных наук, – проблеме измерения. Социальные явления слишком сложны и многоаспектны, поэтому определение конкретных проявлений реальности, подтверждающих или опровергающих исследовательскую гипотезу, является нетривиальной задачей, и всегда решается в контексте исследуемой проблемы.

Для того чтобы преодолеть данную ситуацию, в современной теории управления разработано достаточно большое число алгоритмов [4], позволяющих получить корректные с методологической точки зрения формулировки целей деятельности на любом уровне – программы, организации, сотрудника. Тем не менее, несмотря на все усилия теоретиков менеджмента и высокие требования к управленческой подготовке руководящих кадров, достаточно часто в программных документах встречаются декларативные формулировки целей. С нашей точки зрения, эту странность можно объяснить двумя способами:

- 1) отсутствие реальных навыков формулирования целей, т.е. результат незнания или слишком формального, не содержательного, обучения;
- 2) сознательное манипулирование формулировками, вызванное нежеланием упорядочить деятельность, сделать ее прозрачной для наблюдения и оценки, как внешней, так и внутренней.

Отсюда мы можем говорить о существовании¹ определенного риска на пути оценки эффективности – назовем его «ловушкой», т.к. из-за него вся процедура оценивания может потерпеть фиаско. Таким образом, ловушка №1 – отсутствие или размытость целей. Поскольку за определение и формулировку целей отвечает руководство, эта ловушка может быть использована именно в его интересах, а значит, основным способом преодоления ее является стимулирование (с помощью как положительных, так и отрицательных стимулов) к содержательному и качественному определению стратегических направлений развития и грамотной формулировке целей.

Предположим, цели деятельности определены: известно, что конкретно и в какие сроки должна обеспечить данная программа, с этим согласны основные заинтересованные в ее работе стороны и реализовать задуманное в установленных рамках возможно. Следующий шаг – определить, как именно можно будет понять, что программа достигла поставленных целей – другими словами, необходимо определить показатели, свидетельствующие об этом. На этом этапе мы вновь сталкиваемся с проблемой измерения – выделение ограниченного числа измеримых признаков в случае сложных социально-экономических процессов представляет собой действительно сложную задачу. И здесь снова возникает риск – в данном случае это ловушка №2 – абсолютизация значения показателей: разработка системы показателей оценки деятельности отнимает столько времени, что на саму деятельность его фактически не остается. Еще один аспект этой проблемы связан с вечным поиском «золотой сере-

¹ Здесь и далее предложенные формулировки проблем обобщают опыт автора, накопленный при внедрении практики планирования и оценки деятельности в ряде российских организаций, а также данные проведенных автором исследований о практиках оценивания деятельности, сложившихся в России в таких сферах, как государственная служба, высшее образование, сфера научных исследований и разработок.

дины» - возможности соблюсти баланс между детальностью описания оцениваемого процесса и учетом многовариантности его реализации, т.е. обеспечение определенного уровня гибкости оценки. Как возникновение, так и решение этой проблемы вновь связаны с деятельностью лиц, принимающих решение, поэтому ее появление можно связать с ригидностью или некомпетентностью руководящих работников, отсюда основной способ выбраться из этой ловушки – прививание необходимых принципов и формирование соответствующих навыков у руководящих работников.

Таким образом, система оценивания эффективности, «попавшаяся» в эту ловушку, имеет слишком сложную и громоздкую, часто непрозрачную систему оцениваемых результирующих показателей.

Еще одна непростая ситуация, возникающая при разработке показателей оценки, – ловушка №3 – имитация показателей, т.е. сознательный выбор таких характеристик, достигнуть которые не составит труда. Эта ловушка может проявляться двояко: через занижение целевых значений или через отбор трудно измеримых или нерелевантных показателей. В определенном смысле данная ситуация – самая сложная для выявления и корректировки, т.к. в ней отражается определенный *status quo*, достигнутый между руководством и сотрудниками, и подвергаемый угрозе со стороны системы оценивания. Найти квалифицированных внешних экспертов, способных дать комплексное заключение по поводу качества разработанного инструмента оценки, часто оказывается крайне сложной задачей. Даже выводы авторитетных внешних экспертов далеко не всегда могут помочь сломать сопротивление системы – для решения подобной задачи необходимо использовать накопленный теорией управления опыт внедрения изменений, комбинация разных подходов и инструментов которого может помочь добиться желаемого результата.

Даже прекрасно разработанная система, содержащая четкие цели и проработанные механизмы оценки уровня их достижения может не способствовать повышению эффективности деятельности: это происходит в том случае, когда демонстрируемые результаты деятельности не соответствуют реальности – отражают ее частично, либо откровенно искажают. Таким образом, мы имеем дело с ловушкой №4 – фабрикование результатов. Подобная ситуация хорошо знакома всем, кто когда-нибудь сталкивался с проявлениями плановой экономики: приписки – удачный пример того, как желаемое выдают за действительное. Аналогичное намерение отражает и нежелание милиционера принять заявление от потерпевших – оно портит итоговую статистику результатов работы подразделения и влечет за собой соответствующие санкции – подобных примеров современная действительность предоставляет в большом количестве. Очевидно, что все они отражают нежелание сотрудников, поставленных перед необходимостью соответствовать требованиям системы, принять эти правила.

Иными словами, формальные нормы не совпадают с неформальными, воспринимаются как введенные извне и не обязательные для исполнения – подобная ситуация прекрасно описана в управленческой литературе, вплоть до уровня учебников, объясняющих смысл Хотгорнского эксперимента. Если кратко резюмировать выводы, можно сказать, что самый простой вариант решения этой ситуации – введение жесткой системы санкций, т.е. постоянное оценивание, поощрение лучших, наказание злоупотребляющих; самый сложный, но наиболее перспективный способ решения этой проблемы – изменение системы сложившихся неформальных норм.

Например, одна из функций ставших популярными в России сериалов про работу милиции – трансляция представлений о честности и беспристрастности сотрудников органов внутренних дел не только обществу в целом, но и тем работникам этой системы, что определяют себя нормативные рамки и пока не выбрали (или не уверены в своем выборе) образцов для подражания. Следовательно, для того, чтобы ловушка № 4 не помешала наладить

работу системы оценивания, важно отслеживать реальные процессы, на которые призвана оказана воздействие деятельность оцениваемых, и проводить анализ ее качественных параметров. Если существуют возможности распространения новых образцов поведения, содействующих эффективности деятельности, их необходимо максимально использовать.

Представим, наконец, ситуацию, когда система оценивания начала полноценно работать – все участники приняли ее идеологию, наладили связи друг с другом, освоили необходимые инструменты – даже на этом этапе работы системы оценивания есть определенные проблемы – ловушка №5 – описание без анализа. Эта сложность процесса оценивания связана с излишней описательностью, часто присущей проектам по оценке, что не позволяет сделать грамотных обобщений и выявить суть проблемы. Подобная ситуация характерна для социальных наук в целом – увлекаясь различными аспектами самого процесса исследователи часто игнорируют контекст – саму систему, элементом которой является рассматриваемый феномен. Таким образом, обеспечение связи между эмпирическими исследованиями и теоретическими разработками позволяет существенно повысить качество и надежность оценки.

Итак, преодолев все потенциальные сложности, можно получить действенный инструмент повышения эффективности любой политической программы, в частности, можно существенно улучшить качество и результативность социальной политики – важно лишь сформулировать ориентированную на долгосрочный период стратегию в этой сфере, продумать конкретные шаги по ее практической реализации и избегать всегда существующих в сложных системах рисков подмены деятельности ее имитацией.

Почему проблемам, возникающим при введении процедуры оценивания, отведено столько места в данной работе? Нам представляется, что единственный инструмент, способный упорядочить социальную политику в России и придать ей необходимый динамизм, позволяющий соответствовать меняющимся запросам, – это действенная система оценивания, реализуемая на всех уровнях реализации социальной политики.

Перечисленные сложности, связанные с внедрением системы оценивания и наблюдавшиеся в ходе реализации многих проектов, как мы полагаем, отражают большинство проблем, стоящих в настоящее время перед российской социальной политикой: размыто сформулирована стратегия работы в данной сфере; отсутствуют четкие цели работы сторон, ответственных за ее реализацию; устоявшиеся правила функционирования данной сферы менять никому из действующих сторон не выгодно, поэтому сохраняется высокий риск крайне формального подхода к реализации изменений и повышению эффективности собственной деятельности, т.е. обновление фасадов при сохранении содержания. Распространившаяся в последние годы тенденция к максимальной формализации описаний процессов деятельности также не способствует полноценному повышению эффективности российской социальной политики – она позволяет отслеживать соответствие действий работника формальным критериям, но при этом создает предпосылки для тиражирования неэффективных подходов, трактует работника как придаток системы, снижая его мотивацию и стимулируя крайне формальное отношение к исполняемым функциям, и полностью блокирует возможности развития.

Возвращаясь к размышлениям Л. Эрхарда, отметим его ориентацию на рост производительности труда как постоянное мерило продвижения немецкой экономики – проецируя данный подход на российскую социальную политику, можно сказать, что повышение ее эффективности есть свидетельство продвижения социального государства.

Литература

1. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993.

2. Shadish W.R, Cook T.D., Leviton L.C. Foundations of Program Evaluation: Theories of Practice. Sage Publications, 1991; Rossi P.H., Lipsey M.W., Freeman H.E. Evaluation: A Systematic Approach. Sage Publications, 2004.

3. Chen H. Practical Program Evaluation: Assessing and Improving Planning, Implementation, and Effectiveness. Sage Publications, 2004.

4. Bemelmans-Videc M.L, Rist R.C., Vedung E. Carrots, Sticks, and Sermons: Policy Instruments and Their Evaluation. Transaction Publishers, 1998.

Григорьева И.А. (СПбУ)

Модернизация социальной политики в России и возможности использования немецкого опыта

Процессы социально-экономической трансформации в России в период с начала 1990-х годов по настоящее время связаны с поисками модели социальной политики, в направлении которой можно было бы откорректировать исторически в советское время сложившийся вариант. В сегодняшнем интересе к социальному рыночному хозяйству (СРХ) и реформам Л. Эрхарда очевиден поиск «нового лекарства» для разбалансированного российского хозяйства и общества, застрявшего в состоянии аномии и беспорядка. Этот интерес подпитывается известным сходством между состоянием экономики послевоенной Германии и современной России, а также распадом прежней нормативной системы и отсутствием позитивного консенсуса, необходимого для реального восстановления равновесного и справедливого порядка, как основы понимания мира [Сидорина 2006, с.8].

Но возможность заимствования любого опыта зависит от наличия определенных базовых предпосылок, традиций и институтов в реформирующейся стране. Рассмотрим с этой точки зрения германский опыт построения социальной политики, который исторически послужил основой для других европейских моделей или модификаций, более или менее устойчиво развивающихся, что дает повод обсудить возможность его использования для России¹.

Цели и модели современной социальной политики

В начале 1990-х в России модернизация мыслилось, в первую очередь, как экономическая либерализация, без ясно проработанных социальных целей, за исключением, может быть, привычного «роста благосостояния». Поэтому в процессе коренных социально-экономических изменений необходимо было разобраться, каким образом решение существующих проблем социального развития может быть интегрировано в цели и задачи социальной политики, как сконструировать объекты политики из сложившегося проблемного пространства и какие управленческие подходы использовать.

Первоначально обсуждался выбор направления реформирования социальной политики в сторону «шведского социализма» или «американского либерализма». Однако реформаторы решили выбрать «шоковую терапию», т.е. реформирование по либеральному американскому образцу, как наиболее быстрый, дешевый и проверенный, как тогда казалось путь. Выбор был обусловлен возможностью снижения затрат на социальные нужды, что с тех пор является важнейшей целью Правительства, несмотря на все заявления о других приоритетах. Однако

¹ Автор выражает большую признательность уважаемым коллегам из ГУ ВШЭ, в первую очередь, Т.Ю.Сидориной, за приглашение участвовать в Интернет конференции «Социальное рыночное хозяйство» в апреле 2006 г., а также Ю.В.Латову и К.Н.Костюку за высказанные по ее тексту замечания, которые старалась учесть.

сами поиски новой социальной политики для столь большой страны, обремененной доминированием государства во всех областях жизни, представляют немалый интерес.

В период растерянности в 1992-1993 г.г., когда инфляция обогнала самые смелые прогнозы, а децильный коэффициент более чем удвоился только за 1992 г. [Трансформация, 1996], словосочетание «социальная политика» вообще казалось провокационным, а речь шла лишь о стабилизации уровня жизни населения. Группами экспертов были разработаны поочередно две «Программы стабилизации уровня жизни населения» (в 1993 и 1994 г.г.), но обе не были приняты правительством.

Затем Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН вернулся к более целостному пониманию социальных изменений и предложил «Концепцию социальной политики в России» [Концепция, 1994]. В ней отмечается, что «острые противоречия, угрожающие превратиться в прямое противоборство социальных групп и утрату социальной мобильности (добавим от себя – и устойчивости общества в целом), обуславливают необходимость проведения интеграционно-ориентированной социальной политики. При этом вполне очевидно, что слои и группы, находящиеся на разных стадиях адаптационного процесса, а потому сталкивающиеся с неоднородными проблемами, требуют дифференцированного подхода, учитывающего специфику их интересов.

Авторы «Концепции» предполагали, что эти дифференцированные подходы совпадают, в основных чертах, с существующими либеральным (англо-саксонским), консервативным (германским) и социалистическим (неопатерналистским) подходами в социальной политике². Казалось, что их сочетание при наличии легальных рамок социально-экономической активности и поддержке неконфликтного взаимодействия между различными социальными группами и даст возможность сохранения стабильности и интегрированности общества. Т.е. речь шла уже не о выборе модели социальной политики, а о сочетании различных подходов к разным группам населения в требуемой новой модели. Аналогичную точку зрения высказывали, уже гораздо позже, и другие авторы: «Реализация дифференцированной социальной политики предполагает, прежде всего, учет различных адаптационных возможностей населения с последующим воспроизводством системы норм и ценностей, составляющих ее концептуальную базу. Так, для наиболее продвинутой части населения в качестве такой системы и направления развития могут использоваться ценности либерализма. Для сектора, находящегося в начальной стадии адаптации, более правомерно применение социальной философии консерватизма. Для неадаптированной части населения концептуальной основой может стать патернализм» [Мельников, Мацерат, 2002, с.101-102].

Понятно, что логика авторов определена желанием «взять лучшее» в разных моделях. Однако для этого следует разобраться, «каким аршином их мерить», по удачному выражению Ю. Латова [Латов, 2006], а затем - можно ли как-то «совмещать». Консервативный и патерналистский (социалистический) подход являются вариациями социал-демократической модели, где социальная политика через трудовое законодательство и социальное страхование решает проблемы наемных работников. В конце XIX века это были, в первую очередь, рабочие, в настоящее время в постиндустриальном обществе большинство людей, работающих по найму – уже не «синие», а «белые» воротнички. Цель консервативной социальной политики - нейтрализация радикальных социалистических идей, обеспечение возможности социал-реформизма. Противоположностью реформизму является социал-

² Нужно отметить, что большинство специалистов по социальной политике как на Западе, так и у нас в России, опираются на классификацию Г. Эспин-Андерсена, предложенную в работе «Три типа государства всеобщего благосостояния», которая несколько отличается от принятого экономистами деления на «англо-саксонскую» и «рейнскую» модели. Однако последние полностью совпадают с итерацией моделей социальной политики к двум типам «по Бисмарку» и «по Бевериджу».

радикализм, который на практике был связан с социалистической революцией и патернализмом в социальной политике. Сейчас мы видим опыт реализации социал-реформизма в развитых государствах Европы, а опыт социал-радикализма – в бывшем СССР. Реформизм оказался достаточно эффективным способом достижения благосостояния разных слоев населения за счет высокой исторической преемственности, а радикализм вел к высоким человеческим издержкам, которые «съедали» перемены. При этом обеим модификациям присущ как потенциал дифференциации интересов, так и явно выраженные солидарностные ценности, направленные против неравенства, что привело к тому, что налоги на работающее население в настоящее время слишком выросли, а обеспечиваемых групп населения становится все больше. Здесь интересы социальной защиты аутсайдеров и задачи ориентированной на перспективу социальной политики стали противоречить друг другу, социально-экономическое развитие западных стран замедлилось из-за чрезмерной социальной нагрузки на предпринимателей и работающих. Задачи этой модели социальной политики сегодня – найти новые возможности для баланса интересов работающих и экономически зависимых клиентов социальной работы, в определенной степени урезая, а лучше, оптимизируя, социальные расходы.

В либеральной модели социальная политика через систему общественной и государственной помощи (welfares) и благотворительности обеспечивает минимальный доход бедным, нетрудоспособным, деклассированным и самым низкооплачиваемым из работающих. Цель – обеспечить перечисленным группам населения приемлемое существование, чтобы обеспеченные классы могли не опасаться за свою жизнь и имущество. Противоположность такой минимальной поддержки – известные из истории варианты принудительного трудоустройства, которые в сегодняшних правовых государствах трансформировались в общественные работы или системы отработки пособий (welfarestate - workfare state). Недаром английские исследователи отмечают, что корни социальной работы находятся в тюрьме, рабочем доме и приюте [Parker, 1998]. Реальной целевой группой здесь являются не бедные, а, напротив, обеспеченные слои населения, которые защищают собственное безопасное и устойчивое существование через политику поддержки нуждающихся. Такая цель, как «благосостояние для всех» здесь просто не может возникнуть. Но безопасность тоже немало стоит! Государства, проводившие такой тип социальной политики, быстро столкнулись с неконтролируемым ростом расходов на социальные нужды и ростом количества клиентов. Поэтому, например, Великобритания, начиная с 1980-х годов, стала использовать в решении социальных проблем рыночные механизмы и развивать взаимопомощь и самопомощь под флагом «community development» - развития сообществ и работы на этом уровне. Политика развития работы в сообществах, как актуальный компонент социальной интеграции, сегодня вызывает интерес во многих странах.

Итак, несколько огрубляя, с одной стороны, целевая группа – экономически активное/занятое население и его защита через страхование, с другой – бедные, как целевая группа и их защита через социальную помощь. Нужно отметить, что страхование и помощь могут совмещаться, поскольку каждая из этих систем поддерживает и защищает разные права человека или разные гражданские права. Страхование – рыночный механизм и только расширяет возможные представления о праве собственности; различные же пособия, гарантирующие минимальные доходы, поддерживают либо прожиточный минимум, либо «включенность в общество», то есть социальные права по преимуществу. В немецкой системе социальной помощи, дополнившей в 1960-е годы страхование, подчеркивается, что получатель должен стремиться к самостоятельному материальному обеспечению. Английский же вариант «минимального социализма» связан с признанием обязанности государства по обеспечению нуждающихся «от колыбели до могилы» и поддерживает включенность, сохранение социального статуса члена определенной группы. Т. Маршалл неоднократно го-

ворил о необходимости поддержки каждого индивида, каждого гражданина для сохранения его социального статуса, но не для выравнивания доходов (в отличие от социализма скандинавского или советского). Однако гуманность и легитимность этого подхода, развивавшегося в Англии со времен «Закона о бедных» 1601г., так и не привела к тому, чтобы в стране стало меньше бедных. Более того, их наибольшее количество, если сравнивать самые развитые страны, несмотря на экономические успехи Англии последней четверти века. В Англии так же нередок феномен «работающего бедняка», занятого, как и у нас, в бюджетном секторе.

Можно сделать вывод, что такое совмещение подходов, теоретически не лишённое логики, на практике ведёт к дезорганизации социального порядка и ценностных ориентаций населения, что было отмечено в Германии, начиная с 1970-х годов. В России попытки совмещения, т.е. либерализация социал-демократической модели, пусть и советского толка, начались в 1990-е годы и быстро привели к формированию «андекласса» социальных иждивенцев [Балабанова, 1999]. Дело в том, что каждая модель социальной политики предполагает опору на разные базовые ценности и разные группы, по отношению к которым акцентированы обязанности государства. Повторим, что в либеральной модели это бедные, малообеспеченные; в консервативной – наемные работники³, недаром она называется «моделью трудовых достижений». Патернализм тесно связан с социализмом и универсальным характером вмешательства государства, направленным на всех граждан, а поэтому, что много раз отмечено, способствующий клиентизму и иждивенчеству.

Консервативная же модель ориентирована, в первую очередь, на «успешно занятых» или просто работающих, поэтому и называется часто «моделью трудовых достижений». Жесткая связь между трудом, заработком и уровнем социальной защиты способствует уменьшению зависимости от государства, освобождая от необходимости его вмешательства. Но эта свобода увеличивает личную ответственность за социальную безопасность (защищенность). С «бегством от свободы» можно связать «провалы» этой модели, поскольку высокого уровня социальной защиты могут добиться только социальные группы – инсайдеры рынка труда, постоянно и эффективно занятые. Аутсайдеры же и в Германии, и в России вынуждены рассчитывать на систему социальной помощи и местные благотворительные организации, поддержка которых существенно меньше, чем в системе обязательного страхования. К сожалению, обязательное страхование обеспечивает реальную поддержку только в Германии, но не в России, где работающих бедных очень много, особенно если работодатель – государство. Поскольку эффективная занятость по разным причинам доступна не всем, данная модель социальной политики, с одной стороны, имеет меньше демотивирующих моментов, но с другой, - ведёт к появлению «двойного» общества, или по выражению датского социолога П. Абрахамсона, Первой и Второй Реальности [Abrahamson, 1993].

Поэтому сочетать консервативную и либеральную модели, «трудовые достижения» и «помощь бедным» в социальной политике одной страны можно, но это ведёт к снижению трудовой мотивации у работающего населения, возникновению множества теневых зон и взаимодействий, внутри которых появляются иные способы получения доходов, нежели занятость. Такая ситуация возникла как в Германии после либерализации консервативной модели Бисмарка в начале 1960-х годов, так и, особенно, ее развитие видно в России последних 12-15 лет.

Процессы трансформации социальной политики в России в период с начала 1990-х годов по настоящее время привели к противоречивым изменениям государства, экономики и

³ Подчеркнем, что наемные работники конца XX - начала XXI века – это не «синие воротнички» или пролетарии, которым нечего было терять, а, как правило, «белые воротнички», от топ-менеджера корпорации до директора медицинской клиники.

гражданского общества. Проводившаяся в это время социальная политика характеризовалась спонтанностью и бессистемностью, а зачастую противоречила направлению экономических реформ. В сущности, она сводилась к попыткам нейтрализации уже возникшей социальной напряженности, постоянно отставала и не могла предложить концепции согласованного развития государства, общества и экономики, понятной для россиян, а не просто позаимствованной где-то на Западе. Значение государства в социальной политике постоянно уменьшалось, в то же время значение его как института, способного обеспечить более справедливое распределение выгод от рыночной экономики, росло. Во-первых, именно таковы ожидания населения по отношению к государству, а во-вторых, только сильное правовое государство может обеспечить развитие самой рыночной экономики, поскольку оно создает устойчивые и общезначимые нормы взаимодействия – законы.

Опыт Германии показывает, что успешное реформирование может опираться только на собственные исторические корни, на ценности традиционной культуры, разделяемые значительной частью населения. Поэтому в начальном периоде модернизации социальной политики в России было бы уместно дополнить риторику «государства трудящихся» более конструктивными и экономически просчитанными мерами, связанными с повышением заработной платы всем работающим по найму через регулирование государством минимального размера почасовой оплаты труда. Это обеспечило бы более гибкий механизм занятости, необходимый в современных условиях. О советских и постсоветских просчетах в конструировании пенсионной системы именно с точки зрения компенсации утраченного заработка, т.е. страховых механизмов, можно спорить долго. Стоит подчеркнуть, что значение пенсионной системы выходит далеко за рамки социальной защиты, поскольку страховое пенсионирование требует отлаженного налогового института. Будучи инструментом защиты индивидуальных прав, пенсионные отношения связывают отношениями/сетями солидарности не только имеющих работу и уже неработающих, но и работников и работодателей, а тех и других – с государством. В рамках заработанных пенсионных прав (если, конечно, они являются таковыми) реализуется множество социальных контрактов, которые оказываются в России непартнерскими. Низкий уровень заработной платы и низкий уровень возмещения утраченного заработка через пенсии являются вполне работающими индикаторами отсутствия в России «экономики соучастия», партнерства в трудовых отношениях и вообще «нормальных», т.е. не криминальных форм корпоративности.

Все это позволяет сделать вывод, что Россия недостаточно использовала ресурс общего с Германией социал-демократического прошлого, который не работает для модернизации российской социальной политики.

Может ли Россия заимствовать у Германии опыт развития социальной защиты?

Итак, активное трудовое участие и выполнение всех социально-страховых норм оказалось в Германии эффективной моделью социального партнерства и прочным фундаментом социальной защиты, поэтому, обновляясь, постоянно воспроизводилось в течение более чем столетия. Сегодняшние трудности показывают, что отход части населения от выполнения социальных обязательств связан с недоверием к распределительной политике, противоположной политике трудовых достижений. В России периода перестройки также были очень сильны настроения, связанные с тем, что социалистическая «уравниловка» носит дестимулирующий по отношению к активной части населения характер.

Среди направлений реформирования и рационализации социальных обязательств государства в России особое место занимала пенсионная система. Принципиальное отличие этой системы от любых других социальных институтов состоит в том, что ее участниками являются все жители страны — не только, как часто думают, пенсионеры, но и все занятые, т.е. молодые и средние поколения, которым со временем предстоит пользоваться ее услуга-

ми. Строение этой системы определяет степень ответственности поколения взрослых за постаревших родителей, всех здоровых граждан за всех инвалидизированных и т.д. Распределение пенсионных обязанностей и прав между государством, работодателями (бизнесом) и работополучателями (гражданским обществом) делает эту систему важнейшей опорой социального партнерства, а не только частью социальной защиты. Долгосрочность трудовых обязательств, обмениваемых на пенсионные права, дает основания считать их основой социально-контрактных отношений в современном правовом государстве.

За последние годы написано множество работ о характере и специфике социально-экономической трансформации в России. В связи с очевидной необходимостью реформирования пенсии, о вариантах реформирования написано также немало. Издается специализированный журнал «Пенсия». Однако, к сожалению, институт пенсионирования не всегда рассматривается в достаточно широком социально-экономическом контексте. Обращение к опыту Германии в построении системы социальной защиты, опирающейся на социальное партнерство и обязательное страхование, дает возможность восполнить этот пробел.

К началу 1990-х годов в России сформировалась развитая пенсионная система, которая базировалась на принципе солидарности поколений, т.е. изъятии экономических ресурсов у работающего поколения и перераспределении их в пользу людей, вышедших на пенсию по возрасту или инвалидности. Она обладала и положительными моментами - широким охватом, т.е. универсальностью и высоким уровнем гарантированности. По мнению специалистов Всемирного Банка, сложившейся системе были присущи следующие недостатки:

1. сложные формулы пенсионных выплат в сочетании с излишне щедрыми правами на получение пенсии, включая ранний выход на пенсию, для работников ряда отраслей;
2. смешанный характер задач, решаемых через пенсионную систему (распределение, страхование, сбережение) в сочетании с высокой ставкой налогов, низкой мотивацией у физических лиц к уплате взносов и повышенной мотивацией к уходу на пенсию;
3. растущая финансовая нагрузка вследствие уменьшения количества плательщиков взносов, увеличения количества пенсионеров, роста безработицы и т.п. [Реформа системы 2003, с.7].

Наличие множества льготных режимов пенсионирования наряду с мотивацией к раннему выходу на пенсию, на наш взгляд, свидетельствовали об несформированных партнерских отношениях социально-трудовой сфере. Учитывая, что реформирование социально-экономических отношений в стране велось параллельно с демократизацией политического режима, невозможно переоценить важность отмеченных проблем. И, действительно, реформирование пенсионных отношений началось еще в 1990 г. с принятием нового Закона «О государственных пенсиях в РФ». В соответствии с ним был организован внебюджетный государственный Пенсионный фонд (ПФР) как самостоятельная финансово-кредитная организация, средства которой формируются за счет страховых платежей всех работодателей и работников, что можно было рассматривать как шаг в становлении страхового подхода, с одной стороны, и оформление корпоративной, а не государственной собственности, с другой. Автономия средств пенсионных фондов от государственного бюджета, по опыту развитых стран и той же Германии, является важнейшим условием как их целевого использования, так и реализации прав корпоративных собственников. Однако уже во второй половине 1993 г. ПФР стал подчиняться правительству и осуществлять свою деятельность на основе бюджета, согласованного с Министерством финансов РФ. Длительное время государственный бюджет был одним из основных должников ПФР, нарушая все мыслимые принципы социального партнерства и, фактически, заставляя финансировать пенсии военнослужащим, «чернобыльцам» и ряд других нестраховых выплат из средств трудовых пенсий. Процесс реформирования пенсионной системы носил противоречивый, а зачастую и регрессивный

характер, что показывает анализ программных документов правительства и результатов их реализации до начала Пенсионной реформы в 2002 г., которые отражены в таблице.

Таблица

Направления реформирования пенсионной системы и достигнутые результаты

<i>Документ</i>	<i>Направления реформирования</i>	<i>Достигнутые результаты</i>
Основные задачи социального реформирования. Программа углубления экономических реформ 1992 г. (Программа Гайдара)	Пенсионное обеспечение: - последовательное проведение реформы пенсионного обеспечения, основанной на принципах создания трехуровневой пенсионной системы (социальная пенсия, трудовая (страховая) пенсия, частная пенсия); - отказ от выплаты пенсий работающим пенсионерам	-В связи с резким снижением уровня жизни населения, в частности пенсионеров, реформирование было отложено, а пенсионная система «нагружена» рядом несвойственных функций для поддержки малообеспеченных - пенсии работающим пенсионерам выплачиваются до настоящего момента.
Концепция пенсионного реформирования, 1995 г.	- создание 3-х уровневой системы -достижение финансовой стабильности пенсионной системы, -оптимизация условий предоставления и размеров пенсий - расчет пенсии на основе <i>страхового стажа и заработка, с которого уплачивались взносы.</i>	<i>Не была реализована</i> , принят Закон «О ветеранах» от 12.01.1995г. №5-ФЗ, запутавший и усложнивший систему льгот.
ФЗ «Об основах государственной социальной политики РФ» (Проект, 1996 г.)	Ст. 3. Политика доходов населения: - проведение рациональной политики доходов населения (поддержание оптимальных соотношений между доходами активной части населения и нетрудоспособных граждан, минимальными размерами оплаты труда, пенсий и др. социальных пособий с величиной прожиточного минимума) - Ст. 9. Политика социальной защиты: - развитие пенсионного обеспечения на основе совершенствования государственной пенсионной системы и негосударственного пенсионного обеспечения в форме профессиональных пенсионных программ и личного добровольного пенсионного страхования	Закон в целом не был принят, В 1995 г. был принят ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» №81-ФЗ от 19.05.1995. В 1997 г. - ФЗ «О прожиточном минимуме», с изменениями, внесенными Федеральным законом от 27 мая 2000 года № 75-ФЗ
О программе социальных реформ в РФ на период 1996-2000 г.г. Постановление	Раздел Развитие пенсионного обеспечения и страхования - развивать страховые подходы к пенсионному обеспечению,	-Подготовлен Проект пенсионной реформы, представленный Мин. Труда и соц. развития и ПФР, 1997 г. – <i>не была реализована</i> ⁴

⁴ Содержала два принципиальных новшества: 1. обязательная накопительная компонента на основе индивидуальных счетов и с передачей управления накоплением частным компаниям; 2. введение обязательной провер-

Правительства № 222 от 26.02.97 (Программа Черномырдина)	правовую базу 3-х уровневой пенсионной системы, включающей государственную, профессиональную и частную/негосударственную пенсии: - ввести персонифицированный учет взносов в ПФР - снять ограничения на размер выплачиваемой пенсии - упорядочить предоставление льгот для занятых в неблагоприятных условиях труда	-Принят Закон РФ «О негосударственных пенсионных фондах» от 30.04.1998 -Принят Закон РФ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного пенсионного страхования» от 01.04.1996 г. № 27-ФЗ.
О мерах правительства и Центрального банка РФ по стабилизации социально-экономического положения в стране. Пост. Прав. № 25.12.1998 («Мобилизационная» программа Примакова)	Раздел Нормализация условий жизни населения: - провести в 1999 г. дифференцированную индексацию пенсий, предусматривающую существенную поддержку малообеспеченных пенсионеров; - упорядочить систему социальных льгот и выплат, сконцентрировав помощь на малообеспеченных слоях населения	Приняты: - Закон «О государственной социальной помощи населению» № 178-ФЗ от 17.07.1999 - Закон «О потребительской корзине» от 20 ноября 1999 № 201-ФЗ
План действий Правительства в области социальной политики и модернизации экономики на 2000-2001 г.г. Распоряжение Правительства №172-р от 26 июля 2000 г. (Программа Грефа)	Раздел Социальная поддержка населения - перевод натуральных льгот в денежную форму или форму оплаты труда/денежного довольствия для работающих категорий	Отложен
	Раздел Пенсионное обеспечение и страхование - поэтапное повышение до 1,2 предельного соотношения зарплаток с применением индивидуального коэффициента пенсионера	Реализовано, но мало повлияло на дифференциацию и увеличение размера пенсий
	-поэтапная корректировка пенсионного возраста - подготовка законов для постепенного перехода к накопительному финансированию пенсий, в том числе досрочных; учет накоплений на индивидуальных счетах в системе государственного пенсионного страхования; - подготовка закона, определяющего виды пенсий и условия их предоставления по государственному пенсионному страхованию	Отложена, обсуждается Готовится пакет законов пенсионной реформы

ки материального положения при предоставлении социальных пенсий тем, кто не сумел сформировать пенсионные накопления.

Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002 - 2004 годы) Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 июля 2001 г. N 910-р	1) реформирование сложившейся пенсионной системы, осуществляющей выплату пенсий на распределительной основе; 2) выработка правовых норм и основных методических и организационных мероприятий, направленных на введение механизмов накопительного финансирования пенсий и обеспечение их функционирования;	Декабрь 2001 г., приняты Федеральные законы: 1. «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», 2. «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» 3. «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». В дополнение к ним в 2002 г. принят ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в РФ»
	3) преобразование системы предоставления досрочных пенсий в связи с особыми условиями труда путем перехода к накопительным механизмам финансирования досрочных пенсий за счет дополнительных страховых взносов, обеспечивающих необходимый размер пенсии на период с момента достижения льготного пенсионного возраста и до достижения общеустановленного пенсионного возраста.	С 2002 г. прекращено приобретение новых прав досрочного выхода на пенсию

Очевидно, что принимавшиеся правительственные программы отражали общественно-политическую и научную дискуссию о направлениях и перспективах реформирования пенсионной сферы России. Кроме повышения размеров пенсии, все годы обсуждался вопрос об уровне страховых отчислений, способных обеспечить системе финансовую стабильность, не снижая экономическую активность и не способствуя ее перемещению в теневой сектор в целях уклонения от налогообложения. Фактически это был вопрос согласования интересов государства, имеющего обязанности перед населением, и интересами развития бизнеса.

Многие авторы считали, что снизить уровень налоговой нагрузки можно, лишь разрушив государственную монополию на социальное страхование, перейдя к системе, где государственное страхование лишь дополняет корпоративные и негосударственные страховые механизмы. Другой путь повышения эффективности пенсионного страхования связывался с быстрым переводом государственного страхования с распределительной на накопительную модель функционирования.

Поиски новой модели пенсионной системы происходили на фоне:

- затяжного периода дефицита Пенсионного фонда, ее главного финансового института,
- хронического состояния неплатежей,
- шока после дефолта 1998 года и т. д.

Каждое из этих обстоятельств влияло на формирование подходов к реформированию. Было очевидно, что повысить доходы пенсионной системы в данный период времени невозможно. Необходимо было снизить расходы, что можно было сделать разными способами. В числе первых назывались отказ от нестраховых пенсионных льгот и привилегий, повышение собираемости взносов посредством внедрения персонифицированного учета, участие застрахованных в управлении пенсионными средствами.

Острую критику с позиций страхового подхода вызывали льготные режимы выхода на пенсию. Существующие списки производств и работ, дающих право на досрочное назначение пенсии, создавались еще в советскую эпоху и уже тогда были недостаточно обоснован-

ными из-за того, что не были подкреплены соответствующими исследованиями условий труда. В 1990-е годы списки льготных рабочих мест были существенно расширены, но не из-за ухудшения условий труда, а в результате коллективных усилий государства, работодателей и профсоюзов, стремившихся предотвратить массовую безработицу и хоть как-то нейтрализовать обнищание населения. Например, в 1996 году были установлены пенсии за выслугу лет педагогическим и медицинским работникам, позволяющие их получателям оставаться на прежнем рабочем месте. Хотя при этом ставилась лишь цель повысить материальное обеспечение указанных категорий занятых, по данным О. Синявской, появление таких пенсий привело к шестикратному увеличению численности получателей пенсий за выслугу лет, подавляющее большинство которых продолжало работать [Синявская 2005, с.206]. Очевидно, что к задачам пенсионного обеспечения эта норма отношения не имела. По экспертным оценкам, в ряде отраслей доля лиц, пользующихся правом на льготное пенсионное обеспечение в связи с характером труда, составляет сейчас от 10 до 60% от общего числа [Чернышев 1999, с.136]. Таким образом, действующая система льготного пенсионного обеспечения не просто не побуждает работодателей улучшать условия труда, но, напротив, способствует расширению так называемых «вредных» производств за счет вполне «нормальных», поскольку позволяет возложить хотя бы часть затрат по реструктуризации производства, связанных с высвобождением рабочей силы, на государство. Выход состоит, по-видимому, в том, чтобы тщательно продумать реализацию такой реформы, включая как аттестацию рабочих мест, так и возможные налоговые льготы для работодателей, создающих профессиональные пенсионные системы.

Все же определенные подвижки в пенсионной системе происходили, особенно после принятия трех новых законов, фактически, начала пенсионной реформы, вступивших в действие с 2002 г., и полного охвата всех работающих системой персонифицированного учета, тоже с 2002 г. Страховой капитал увеличивался, все работающие были охвачены персонифицированным учетом взносов. Казалось, скоро размер пенсии работающих будет действительно зависеть от их трудового вклада. А для нынешних пенсионеров доля страховой части пенсии незначительно, но устойчиво росла. Начала складываться страховая система в настоящем смысле этого слова.

Но нерешенной проблемой оставался вопрос о льготах пенсионерам, финансирование которых обременяло бюджеты всех уровней. Дискуссия об изменении льготных режимов, уменьшении числа льготников и более адресном предоставлении льгот длилась также не один год. Наконец, в 2004 г. был принят закон №122, который не только вызвал массовое недовольство пенсионеров, но и критику со стороны большинства специалистов. При этом незапланированной жертвой «монетизации» стала пенсионная реформа. Уже упоминалось, что с советских времен пенсионное обеспечение и социальные льготы связаны в единое неразрывное целое. Абсолютное большинство льготополучателей в России — пенсионеры. Оценив масштаб социального потрясения, правительство пошло на внеплановую и беспрецедентную по масштабам индексацию размера базовой части пенсии (на 36%), нарушив при этом законодательно установленный порядок индексирования. Проблема далеко не исчерпывается финансовыми аспектами этой акции, усугубившей дефицит ПФР. Гораздо более опасно разрушение новой архитектуры системы: она сдвинулась от страховых принципов, т.е. учета трудового вклада, в сторону «технологий собеса». Согласно прогнозам, быстро вернуться в прежнее состояние системе не удастся [Синявская, Малева, 2005, с.227].

Добавим, что по условиям Пенсионной реформы роль государства в обеспечении граждан трудовой пенсией должна была снижаться, что происходит даже быстрее, чем планировалось. Сегодня в систему уже внесены поправки, связанные с включением в накопительную часть системы все меньшего круга работающих и все более поздних годов рождения. Это связано с уменьшением размера Единого социального налога (ЕСН), которого до-

бились предприниматели. Государство считало, что меньший налог будет платиться аккуратнее, но, видимо, этого не произошло, поскольку уже сообщается о гигантских суммах, которых недостает ПФР для выплаты текущих пенсий. Естественно, это связано и с противоречивыми отношениями новых бизнес - структур с государством, их все еще массовым уклонением от уплаты налогов.

Можно также предположить, что если бы страховая часть пенсии рассчитывалась с меньшим усреднением, а с большим учетом сумм, внесенных на персонафицированные счета, это эффективнее бы мотивировало корпоративных участников не скрывать заработки. Сегодня же именно страховая часть пенсии – самая слабая часть пенсионной конструкции. Еще слабее может быть только накопительная часть, введение которой, фактически уменьшало возможности повышения пенсий уже не работающим. Казалось, что успешность или провальность проекта накопления взносов выяснится нескоро, в 2022/2027 г.г. Однако из-за снижения ставки ЕСН финансовые проблемы ПФР стали нарастать очень быстро. Уже в настоящее время министр Минздравсоцразвития М.Зурабов объявил о необходимости изъять накопительные отчисления из системы обязательного пенсионного страхования. А уже имеющиеся «накопительные» средства передать для финансирования страховой пенсии [Перемена мест, 2007]. Естественно, это означает сворачивание пенсионной реформы и перераспределение обязательств государства, связанных с повышением пенсии, на неопределенно долгое время.

Социальное партнерство, о котором много говорилось в последнее десятилетие, уступает место прямому вмешательству государства и безразличию к интересам большинства населения. В то же время доверие к идее, что в обществе могут существовать разделяемые всеми или многими цели, а, следовательно, согласование и взаимодействие возможно, является идеологической опорой возможности управления и социальной политики. Даже в марксистском подходе классовые конфликты рассматриваются как условие или толчок к социальным изменениям, которые, в конечном итоге, приводят к более гармоничному развитию общества.

Из долгосрочных программ правительства понятно, что, несмотря на любые декларации, реальная социальная политика основывается на постоянном снижении расходов федерального бюджета на социальные цели. Из-за неэффективного налогообложения и слабой распределительной политики результаты роста ВВП в последние годы мало сказываются на уровне благосостояния и возможностях развития большей части общества. Генерализация рисков и потребностей защиты на фоне безразличия или цинизма государства в России приводит к деформации приоритетов социальной политики, ограничению ее решением простейших задач, сводящихся к удовлетворению элементарных потребностей «слабых групп населения». Это препятствует оздоровлению длительно формирующихся систем, подобных системе пенсионирования. Но через выстраивание таких стратегических систем защиты отношения между человеком и государством в России могут стать более равноправными и партнерскими.

Пока же можно отметить, что из амбициозных целей пенсионного реформирования достигнута только одна – снижение налоговой нагрузки на бизнес. Однако корпоративные собственники потеряли права на управление средствами ПФР, которые, при благоприятном течении событий, могли бы инвестироваться в технологическое обновление, улучшение условий труда и т.п. При формально внедренной трехуровневой пенсии успех страховой и накопительной части выглядит как никогда проблематично с точки зрения соответствия будущих выплат трудовому вкладу и отчисленным взносам. Тенденции старения населения и увеличения возраста дожития пока в реформе никак не учтены, хотя в различной форме это сделано практически во всех странах [Григорьева 2006, с.39-43]. Таким образом, об устойчивой системе социальной защиты с опорой на социальное стра-

хование и пенсионную систему, равно как о социальном партнерстве, в России говорить еще рано.

Светское использование «принципа субсидиарности» в Европе и возможность использования субсидиарного подхода в России

Важнейшим вопросом модернизации социальной политики остается вопрос о характере взаимосвязи между свободой, самостоятельностью и ответственностью каждого человека за собственное благосостояние, или, иначе говоря, - «личная свобода, социальная справедливость, экономическая дееспособность как основные элементы концепции социального рыночного хозяйства» [Нуреев, 2006]. Реализовать эту связку в социальной политике возможно на основе использования «принципа субсидиарности», что и было сделано в СРХ.

Католический по происхождению принцип субсидиарности снова привлек внимание исследователей и практиков в светской трактовке после введения его в законодательство Европейского сообщества, а затем – Европейского союза (ЕС). Ж. Делор в 1991 году подчеркнул двойное значение этого принципа: “Это не просто ограничение вмешательства высшей власти, находящейся лицом к лицу с человеком или сообществом, а их возможность действовать самим: это также обязанность этой власти действовать лицом к лицу с этим человеком или этой группой таким образом, чтобы дать им средства достичь своих целей” [Мэнди, 1997]. В рамках ЕС это связано также с ограничениями полномочий Евросоюза в отношениях со своими членами и осуществлением политики на максимально низком уровне управления. Придерживаясь принципа субсидиарности - вспомогательности, ЕС не должна нарушать принцип национального суверенитета при выдвижении каких-то радикальных или неожиданных предложений в сфере социальной политики.

К примеру, Германия и Великобритания настаивают на том, что программы борьбы с бедностью должны находиться в их собственном ведении, равно как программы помощи престарелым. Обе страны имеют очень старые традиции решения этих вопросов. Германские земли решают данные проблемы во многом с участием религиозных и светских общественных организаций “третьего сектора” – “свободных трежеров”, получающих целевое финансирование на решение подобных задач в конкурсном порядке. ЕС в данном случае не считает необходимым и полезным предлагать варианты согласованных действий.

Немецкие исследователи и практики постоянно возвращаются к осмыслению роли субсидиарности в развитии Германии. Это связано, в частности с тем, что хотя Германия была родиной протестантизма, лютеране преобладали только в северных провинциях, южные же остались оплотом католицизма. Историческим парадоксом выглядит то, что самые богатые земли Германии (Бавария и Баден-Вюртемберг) населены католиками и являются electoralной базой Христианского социального союза (ХСС). Это еще раз подтверждает старую истину, что социальная история не объясняется линейными детерминациями.

Важно также отметить, что исторически основой самоуправленческой организации в Германии была община, основывающаяся на совместном проживании и совместном производстве. Она более успешно решала административную задачу децентрализации управления, нежели обладала финансовой самостоятельностью, поэтому не избежала определенного (по сравнению с северной Европой или США) огосударствления. Но одной из самых специфических особенностей самоуправленческой организации в Германии было то, что участие в представительных и исполнительных органах основывалось не на добровольности граждан, но на своего рода праве-обязанности, на “принудительной” демократии: отказ от участия в деятельности органов самоуправления вел к общественным последствиям, включая ущемление в правах и усиление налогообложения. [Институты, 1995]. Может быть, это одна из причин исключительной дисциплинированности немцев по отношению к общественным делам, ставшая “притчей во языцех”. Нельзя не согласиться с цитируемым

коллективом авторов, отмечающих, что «преследуя утилитарно-финансовые цели, такой подход превращал самоуправление в род государственной или общественной повинности. Вместе с тем, следствием такой «принудительной демократии» стал несравненно более высокий уровень личной гражданской ответственности в Германии (сравнительно, например, с Францией или Россией)» [там же].

Достоинно упоминания и то, что еще в 50-60-е гг. XIX века в Германии начали создаваться общественные союзы - самоорганизации по отраслевому и профессиональному признаку. Вскоре эти союзы стали наделяться правительством особыми полномочиями в специальной социальной сфере: общественном призрении и социальной помощи, медицинском и школьном деле. Эти новообразовавшиеся органы были общественными объединениями, но рекомендации и решения, принимаемые ими, были обязательными для работающих в данной профессиональной сфере. Нам кажется, что эта практика коренится в средневековой католической традиции, где обладание конкретной профессией, принадлежность к цеху выступали важнейшими дисциплинирующими и душеспасительными факторами. «Каждое из этих занятий предполагало определенный уровень ответственности в соблюдении евангельских заповедей. Важнейшей составляющей этой ответственности являлось профессиональное мастерство и добросовестность в выполнении повседневных обязанностей» [Институты, 1995]. Здесь же, безусловно, находятся и корни немецкой трудовой и коммунитарной корпоративности.

Так, с середины прошлого века государство финансировало решение важных социальных проблем, а технологию, в соответствии с традицией, отработывали и добивались ее стандартизации профессиональные ассоциации. В 1911 году организация таких целевых общественных объединений была узаконена и они стали важным фактором социальной жизни Германии. Видимо, эти объединения предшественниками «свободных трегеров», то есть носителей социальных услуг в современной Германии. Они имеют правовой статус НГО и государственные лицензии на предоставление определенных лицензией видов услуг. Этот опыт, связанный с тем, что государственные социальные службы сами не производят услуги, а закупают их у НГО, деятельность которых координируют, в настоящее время весьма востребован в России.

Принцип subsidiarity реализуется последовательно и полно во многих конституционно-правовых нормах Основного Закона ФРГ. В статье 23 провозглашается приверженность ФРГ идее Объединенной Европы, а Евросоюз обязан «гарантировать соблюдение принципов демократии, правового государства, социального и федеративного государства, а также соблюдение принципа subsidiarity». Subsidiarity выражается в компетенции земель при самостоятельном выполнении ими государственных задач (ст. 30, 70, 72, 74), а также в правовых основах местного самоуправления (ст. 28-2) [Конституции, 1996]. Федеральные законы Германии «О социальной помощи» и «О помощи детям и молодежи» также реализуют этот принцип, предоставляя «свободным трегерам» право осуществлять деятельность в сфере социальной и молодежной политики, при этом Конституционный Суд Германии вынес решение, в соответствии с которым свободные трегеры имеют приоритет по отношению к государственным и муниципальным структурам. Принцип subsidiarity проявляется и в нормах социального права, и в правовых основах заключения тарифных соглашений между работодателями и работополучателями.

Можно ли найти работающие аналогии в отношении российского православия и возможностей модернизации социального государства на этой культурной основе? Видимо, нет, поскольку специфика недавно принятого (2000 г.) православного социального учения наиболее отчетливо проявляется в сравнении с социальным учением иных христианских конфессий. По мнению К.Н. Костюка, «все они в общем и целом располагаются между либерализмом и социал-демократией. Если сравнивать православное и католическое социаль-

ные учения, то бросаются в глаза разные основания их социально-этического суждения. На базе естественно-правовой традиции в католицизме сформулированы социальные принципы, коренящиеся в христианском социальном идеале: общего блага, солидарности, субсидиаритета. Подобных фундаментальных принципов социального строительства православная доктрина не предлагает. Она пытается сформулировать библейское и патристическое учения об обществе и непосредственно спроецировать их на современную ситуацию. И это очень сближает ее с подходом протестантской социальной этики. Однако протестантский подход гораздо более смел в суждении о мире, в готовности выводить конкретные императивы поведения христианина из евангельских принципов.

В сравнении с протестантизмом высвечивается особенность православия, связанная с более глубоким чувством церковности: настоящая доктрина, по сути, еще не является в полном смысле социальным учением, учением о социальном мире и о христианине-гражданине. Она остается скорее учением о Церкви в мире, о том, как христианин должен действовать в обществе в качестве члена Церкви, а не гражданина... Множество из исконных предметов социального учения, реалий социальной жизни и понятий социальной науки - правовое государство, рыночная экономика, социальная справедливость и т.д. - на деле не становятся предметом внимания, что серьезно сузит рабочие возможности документа. Именно эти предметы являются основным объектом рефлексии в социальных учениях западных церквей»[Костюк, 2001].

Когда-то принятие православия отделило Россию от Европы. В настоящем трудно говорить о сближении позиций, так как православная церковь пока консервативна. Это ее отличает от католической, которая приобрела новую роль в Объединенной Европе через светское признание принципа субсидиарности для использования его в социальной политике.

Российское правительство пыталось воспользоваться этими «европейскими наработками». В 2000 г. правительство провозгласило курс на «субсидиарное социальное государство» в России [План действий 2000]. Упоминание о субсидиарных принципах разворачивало дискуссию о взаимоотношениях граждан и государства в иное русло, чем это предлагалось в 1990-х годах, когда впервые был поставлен вопрос о пересмотре привычного, но слабо от-refлексированного социального контракта «личные права в обмен на государственные гарантии». Однако отсутствие традиций местного самоуправления и решения социальных проблем на уровне их возникновения привело к тому, что в последние годы централизация и концентрация власти в России только нарастали. Изменения в законодательстве о местном самоуправлении и изменения в системе финансирования МСУ, которые начались в 2005 г., окончательно похоронили попытки откорректировать идеологию.

Однако в рамках не мировоззренческих, а социально-технологических проблем опыт построения системы обслуживания населения снизу, от «свободных трегеров», т.е. НГО, способных представлять интересы и предлагать услуги населению, весьма полезен. Российское государство уже приступило к формированию нормативной базы, обеспечивающей такой порядок производства и предоставления социальных услуг [Социальная работа, 2006]. Однако уход государства из сектора производства социальных услуг может быть не менее болезненным для населения, чем уже произошедшая коммерциализация здравоохранения и привести к сужению числа получателей/потребителей, к снижению доступности социального обслуживания и потере уже завоеванных позиций.

Развитие человека и выбор модели социальной политики

Еще одно соображение о том, какую модель из двух, немецкую или американскую, необходимо было выбрать России, связано с возможностями сравнения Индексов развития человеческого потенциала (ИРЧП) этих двух стран. Современные исследователи согласны, что использование ИРЧП выявило более сложную взаимосвязь между уровнем доходов и

развитием человека, чем это считалось ранее, до 1990-х годов. По данным российских исследователей, для 77 из 174 обследованных ООН стран, рейтинг по уровню среднедушевого ВВП, был выше, чем рейтинг по ИРЧП; среди них в таких богатых государствах, как Бруней, Кувейт, Саудовская Аравия, Люксембург, расхождение составляло 10 позиций и более (для Саудовской Аравии, например, -32). Можно сказать, что эти страны недостаточно используют результаты развития своей экономики на соответствующее развитие человека и нации [Кокшаров, 1999]. Считается, что в тех странах, где государство активно участвует в социальном развитии, рейтинги показателей ВВП и ИРЧП близки. В то же время для большинства исследуемых стран (92 из 174), рейтинг по ИРЧП был в 1999 году выше рейтинга по ВВП. Это говорит о том, что для развития человека особое значение имеет не только величина дохода, которой располагает государство (общество), но характер распределения результатов экономической деятельности. Эта ситуация характерна как для богатых, так и для бедных стран. Так, среди самых богатых стран мира разрыв между рейтингами ИРЧП и ВВП составил: +1 для Норвегии, -4 для США, +8 для Великобритании и +6 для Финляндии, -5 для Германии. Конечно, сразу напрашивается гипотеза, что Великобритания это превышающее значение показателя ИРЧП обеспечивает система минимального гарантированного доступа к услугам здравоохранения для всего населения, которая генетически связана с особенностями модели социальной политики В. Бевериджа. В Германии отрицательную разницу предположительно можно объяснить наплывом мигрантов с низким уровнем образования. А США «недобирают» по уровню ИРЧП как раз из-за проблем с доступом к медицинской помощи, что давно объявлено главной социальной проблемой в США. Эти предположения, конечно, необходимо тщательно проверять, но доступ к базовым социальным услугам при любой модели социальной политики фактически гарантировал более высокий уровень ИРЧП при сравнительно низком ВВП, что ясно показывает статистика постсоциалистических стран.

Для этих стран до сих пор впечатляющей является разница между рейтингами ИРЧП и ВВП, причем Россия уже практически выбрала, растратила имевшийся за счет избыточного образования населения ресурс, «социалистический запас прочности». Сейчас разница рейтингов у России всего +3, а у Белоруссии - +24, Украины - +25, Узбекистана - + 35 и т.д. [Доклад, 2004].

Поэтому сравнение динамики ИРЧП по ряду развитых стран показывает, что однозначных предпочтений в пользу выбора какой-то модели социальной политики, исходя из этого показателя, на наш взгляд, сделать нельзя.

Подчеркнем, что «теперь мы оказались в новом тысячелетии. Мы живем во времени, кажущемся необычным, эпохальным, хотя многие из нас убеждены, что новый, качественно другой социальный порядок невозможен. Социология может быть помещена между известной, названной «индустриальным обществом как оно есть», - и неизвестной, развивающейся, пока безымянной, общественной формацией. И если это так, то положения наших классиков могут потерять свою силу; типологии и наборы концепций, так тщательно развиваемые поколениями социологов, могут стать неэффективными. Как же постичь то, что развивается?» [Espin-Andersen, 2000] Это мнение известного специалиста по социальной политике требует серьезного внимания, особенно, когда мы говорим о целях и перспективах социальной политики.

К сожалению, наиболее огорчительные просчеты современного российского государства связаны с разрушением трудовых отношений и снижением доверия между работающими гражданами и государством. Эффективность ряда направлений социальной политики, таких, как программы занятости, повышение зарплаты работникам бюджетной сферы, социальное партнерство работодателей и наемных работников, чрезвычайно низка. Доходы значитель-

ной части трудоспособного населения так и не обеспечивают более высокое качество потребления и жизни, пенсионная реформа в тупике и т.д. Никаких новых вариантов решения социальных проблем не предлагается.

Отсутствие каких-либо критериев достижения целей и измерения эффективности – старая болезнь российской, а ранее советской социальной политики. По нашему мнению, государству необходимо прекратить фабриковать популистские лозунги и начать серьезную работу по повышению уровня заработной платы работающих, собираемости налогов, росту страховой части пенсии, что и находится, фактически, в русле или колее немецкого опыта.

Тормозит же модернизацию, на наш взгляд, то, что в условиях высоких цен на нефть «голова не надо». Наличие недорогих ресурсов не способствовала поиску эффективных моделей развития. Так, оборудование, вывезенное из Германии после 2-й мировой войны, у нас долгое время считалось новой западной техникой, а Германии освободило пространство модернизации. Качество экономического роста в Западной Германии было существенно выше, чем в Восточной, которую СССР превратил в «витрину социализма», опять же обеспечивая ресурсами.

Нужны новые концепции социальной политики, новые стратегии и новые формы их реализации. Однако необходима работа по осознанию целей модернизации, поскольку риски для всех участников этой инновационной деятельности велики. В современной ситуации трудно сказать, что выигрышнее/проигрышнее – ничего не менять или опять менять непонятно зачем и для достижения каких результатов.

Литература

Балабанова Е.С. Андекласс: понятие и место в обществе // Социологические исследования. 1999. №12. С.65-70.

Григорьева И.А. Социальная политика и социальное реформирование в России 90-х годов. СПб.: Изд-во «Образование-Культура». 1998.

Григорьева И.А., Садыхова А.А. «Принцип субсидиарности» в праве и социальной политике ФРГ, США и РФ // «Клио». Журнал для ученых. 2001. N1 (13).

Доклад о развитии человека за 2004 год (<http://www.undp.org>)

Интернет-конференция «Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России с 20.02.06 по 30.04.06. Материалы конференции // www.ecsocman.edu.ru

Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М.: Наука, 1995.

Кокшаров А. Россия уступает Барбадосу // Эксперт – Северо-запад. 1999. №43.

Конституции зарубежных государств. США, Великобритания, Франция, Италия, Германия, Япония, Канада. М.: Изд-во БЕК. 1996.

Концепция социальной политики в России (из доклада Института социально-экономических проблем народонаселения РАН) // Общественные науки и современность. 1994. №6. С.23-31

Костюк К.Н. Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви // Общественные науки и современность. 2001. № 6.

Мельников Е.Г., Мацерат М.И. Социальная структура в российском обществе: возможные пути стабилизации // Конфликт и социальный порядок // Под ред. В.Д.Виноградова. СПб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 2002.

Мэнди Б. Роль надгосударственных организаций в формировании социальной политики и определении направлений развития социальной работы: на примере Европейского союза // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. Пер. с англ. М., 1997.

Нуреев Р.М. Теория и практика социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под ред. проф. Р. М. Нуреева. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Сидорина Т.Ю. Социальная политика как политика экономического порядка в теории В.Ойкена // Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России: Сб.ст. / Под ред. проф. Р.М.Нуреева. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Социальная работа и гражданское общество: Колл. монография. Под ред. И.А.Григорьевой, А.А.Козлова, В.А.Самойловой. СПб.: Скифия-Принт, 2006.

Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России: Сб.ст. / Под ред. проф. Р. М. Нуреева. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.

Цан К.-Х. Распределение федеральной, региональной и местной ответственности // Международный семинар по проблемам местного самоуправления. Петрозаводск, 1995.

Abrahamson P. Social policy in changing Europe. Roskilde University, 1993.

Agenda 2010. Questions and Answers. English Edition (www.bundesregierung.de).

Espin-Andersen G. Two societies, one sociology and no theory // British Journal of Sociology. Vol. No. 51. Issue. № 1 (January-March 2000).

Parker R.A. A historical Background to Residential Care // Sinclair I. (ed.) Residential Care. London, 1998.

Римский В.Л. (Фонд ИНДЕМ)

Особенности российской социальной политики

Российская модель социальной политики имеет много особенностей, которые сложились ещё в советский период развития нашей страны. К таким особенностям относятся, в частности, сравнительно высокая доля государственного регулирования и государственного финансирования системы социальной защиты, сравнительно низкая доля финансовых средств частных благотворителей в этой системе, низкий уровень публичности в определении концепций, целей, задач и методов их реализации в социальной политике и некоторые другие.

Переход России от советского к постсоветскому политическому режиму не сопровождался по различным причинам развитием сильного гражданского общества и добровольным принятием на себя как гражданами, так и государственными чиновниками всех уровней управления федерального, регионального и местного обязательств строгого и точного соблюдения норм законодательства.

В России профессиональные политики и государственные деятели в отсутствие сильного давления со стороны граждан во многом сумели снять с себя ответственность за решения важнейших общественных и экономических проблем. В их понимании политикой является исключительно борьба за власть и за удержание власти, поэтому от гражданского общества они ожидают исключительно легитимации своей власти. Российские политики и государственные деятели не имеют желания и не умеют направить активность граждан на решение реальных проблем. Но они сравнительно эффективно направляют их активность на поддержку процедур удержания собственной власти, формируют в сознании граждан представление о политике, как о борьбе за власть и за её удержание. Поэтому в сознании большинства российских граждан политика не связана с решениями важнейших, стратегических проблем общества и государства. И поскольку борьба за власть и её удержание интересна

только участникам этой борьбы, а решения проблем, волнующих граждан, исключены из сферы политики и в сознании и в применяемых социальных практиках, как граждан, так и государственных деятелей, большинство российских граждан не участвует и не имеет желания участвовать в политике. Ведь их приоритетами являются решения их проблем, а не проблем политиков, борющихся за доминирование друг с другом.

Российские политики и государственные деятели стремятся вообще не связывать со своей деятельностью понимание политики как разработки и реализации программ разрешения важнейших проблем в тех или иных областях, как средств и ресурсов решений тех или иных проблем. Через доминирование государства в области символического производства концепций, идеологий, стратегий, программ и планов деятельности органов государственной власти такое понимание политики навязывается гражданам. Не является исключением и понимание социальной политики, её проблем и вариантов их решений, ресурсов и стратегий, которые могут для этого использоваться, рисков и угроз, которые порождает реализация того или иного проекта в этой сфере.

Выбор неучастия в политике для большинства российских граждан является вполне рациональным, во-первых, потому что политики препятствуют реальному проявлению такой активности граждан, а, во-вторых, потому что граждане не имеют достаточной квалификации, чтобы предложить решения социальных проблем на столь же профессиональном уровне, как и государственные служащие и работающие по их заказам эксперты. В результате в нашей стране постоянно усиливается доминированием чиновников в принятии государственных решений, в частности, решений социальных проблем. И это доминирование получает постоянное подтверждение в публичной сфере и во взаимодействии граждан с чиновниками, потому что в силу низкого уровня профессионализма граждан в сфере социальной политики и других сферах компетенции органов государственной власти чиновники имеют возможность достаточно убедительно доказывать неэффективность и нежелательность участия граждан в принятии государственных решений. При этом собственные методы анализа ситуации и принятия решений чиновники представляют нередко как максимально эффективные или даже единственно возможные.

Стратегические проблемы общества и государства настолько значимы, что полностью их игнорировать невозможно, но их решения принимаются органами государственной и муниципальной власти, в том числе, и в сфере социальной политики на основе представлений своеобразной канцелярской реальности, т.е. статистических, экономических и других показателей, макроэкономических, социальных и иных моделей, включаемых в канцелярские документы. Эти показатели и модели по объективным и субъективным причинам не всегда адекватно отражают реальность. Но граждане через систему представительства в выборных органах власти и через лидеров гражданского общества имеют очень ограниченные возможности изменений государственной политики в направлении своих приоритетов и интересов, а принимаемые чиновниками государственные решения, в том числе и в сфере социальной политики, в сторону повышения уровня их адекватности реальности.

Органы государственной власти декларируют как существование, так и свою заинтересованность в решениях многих социальных проблем. Но чаще всего, сами эти органы власти, их руководители и работающие по их заказам эксперты становятся производителями «социальных проблем», решения которых потом и предлагают гражданам. К «социальным проблемам» такого рода относятся, например, бедность, снижение рождаемости, миграция, безработица, рост преступности и наркомании и многие другие. Это реальные проблемы, но представления о них, методы их решений, критерии оценивания их эффективности существенно различаются у государственных служащих и у большинства граждан.

В публичном дискурсе о социальной политике доминируют при этом представления, методы решений проблем и критерии их эффективности, предлагаемые органами государ-

ственной власти. Именно государство обращает внимание общества на такого рода «социальные проблемы», именно оно формулирует сущность и содержание таких проблем, определяет социальные группы, для которых эти проблемы необходимо решать, обращается затем к профессиональному сообществу экспертов для обоснования постановок таких проблем и обоснования вариантов их решений. Именно после того, как та или иная проблема признаётся государством «социальной», она получает обоснование необходимости затрат тех или иных общественных ресурсов на её решение, обоснование соответствующего финансирования, материального обеспечения, правового регулирования и т.п.

В качестве примера можно привести проблему бедности, существование которой признают и государственная власть, и большинство граждан. Но понимание этой проблемы и методов её решения у представителей органов власти и у разных социальных групп граждан разное. Поскольку органы власти в нашей стране существенно сильнее чем граждане консолидированы в отстаивании своих интересов и приоритетов, в публичной сфере бедность в большинстве случаев представляется так, как её описывают органы государственной власти. Основой их описания являются системы различных показателей, в случае бедности чаще всего представляющие размеры доходов физических лиц или семей, обеспечивающих минимальное удовлетворение жизненных потребностей. Но каким должно быть это минимальное удовлетворение жизненных потребностей, представители органов государственной власти и эксперты, работающие по их заказам, понимают не так, как граждане.

В частности, Еврокомиссия определяет уровень бедности как 60% от среднего уровня доходов в каждой стране Евросоюза, поэтому в каждой из них этот показатель в денежном выражении свой, но единый для всех граждан каждой из этих стран. В США устанавливаются минимальные значения доходов семей в денежном выражении, ниже которых наступает бедность. Эти минимальные значения можно назвать границами бедности, и эти границы определяются дифференцированно для различных по размеру и составу семей, включая одиночек. Всего, в зависимости от количества детей и престарелых членов в семье, в США действует 48 границ бедности. Если общий доход семьи оказывается ниже, чем граница бедности для данного типа семьи, то все её члены считаются бедными. При этом границы бедности едины для всех географических регионов США и ежегодно корректируются в соответствии с изменениями индекса потребительских цен¹.

В России органами государственной власти к бедным принято относить всех физических лиц, имеющих доходы ниже границы бедности, которая определяется по стоимости так называемой потребительской корзины. В настоящий период действует методика расчёта потребительской корзины, введённая Госкомстатом РФ в 2000 году, а до этого с 1991 года эта методика менялась ещё и в 1992 году, когда она была установлена на уровне в два раза меньшем уровня советского периода. Методика 2000 года повысила прожиточный минимум примерно на 15-20% по сравнению с методикой 1992 года. Но при этом необходимо учитывать, что Госкомстат РФ в 1994 году изменил методику расчёта уровня доходов граждан, с которым сравнивается прожиточный минимум для определения принадлежности гражданина к категории бедных². С другой стороны в России официально определяемый набор товаров и услуг потребительской корзины фактически не включает непродовольственные товары и услуги, рост цен на которые существенно опережает увеличение общего индекса потребительских цен. Этот фактор занижает реальную величину прожиточного минимума в текущих ценах, что, в свою очередь, занижает границу бедности в нашей стране³.

¹ Кузнецова Е.В. О динамике уровня бедности в США // Вопросы статистики. 2006. №7. С. 53-56.

² Овчарова Л.Н. Бедность в России // Мир России. 2001. Т. 10. № 1. С. 171-178.

³ Лебедева Л.Ф. Проблемы измерения и динамика уровня бедности (мировой опыт и особенности России). 1999 (<http://www.iskran.ru/russ/works99/lebedeva1.html>).

Социологи используют свои показатели уровня бедности в России. В частности, в настоящий период «Левада-Центр» шесть раз в год, каждый нечетный месяц, измеряет два показателя, характеризующих проблему бедности: субъективные оценки величины прожиточного минимума и субъективные оценки уровня бедности, т.е. такой уровень денежных доходов, ниже которого семью можно было бы назвать бедной. Респонденты «Левады-Центра» в большинстве своём полагают, что прожиточный минимум должен обеспечивать не выживание, как считают государственные служащие, а более или менее приличное существование в соответствии со сложившимися в обществе социальными нормами. В сознании большинства респондентов прожиточный минимум вообще не ассоциируется с понятием бедность, а субъективные оценки уровня бедности оказывается примерно в полтора раза ниже уровня прожиточного минимума. Следовательно, прожиточный минимум понимается большинством российских граждан как некий средний уровень жизни, а не уровень бедности⁴.

Последний вывод социологов важен ещё и тем, что терминология описания проблем бедности в сознании граждан полностью сформирована органами государственной власти. Но различия в понимании понятия бедности между представителями органов государственной власти, работающих по их заказам экспертов, и граждан настолько велики, что граждане в социологических опросах демонстрируют существенно отличающееся от официально признанного содержание понятия бедности. Естественно, что в этой ситуации представления органов власти и граждан о том, насколько актуальна проблема бедности и как её следует решать, существенно различаются. Граждане в большинстве своём отвергают методы решений этой проблемы, предлагаемые государством и экспертами, но сами не могут предложить никаких более понятных им и более эффективных с их позиций решений. Во многом именно различия в представлениях и приоритетах органов власти и граждан о проблеме бедности препятствуют эффективному её решению в течение последних 10-15 лет.

Для обоснований приоритетов в социальной политике и обеспечения доверия граждан к принимаемым в этой сфере решениям государство привлекает профессионалов, экспертов в области социальной сферы, экономики и политики. Но сообщество экспертов в этих областях вынуждено подчиняться давлению государства на содержание их деятельности. Эксперты не всегда оказываются способными отстаивать перед органами государственной власти и управления содержание социальных проблем и научно обоснованные варианты их решений. Так происходит, прежде всего, потому, что именно государство является крупнейшим заказчиком аналитики и консалтинга в этих областях деятельности. А когда государство не является прямым заказчиком решений социальных проблем, то определяет факторы, на которые должны реагировать и бизнес, в первую очередь, крупный, и организации гражданского общества. Если они не будут адаптироваться к ограничениям в социальной сфере, определяемым государством, то фактически не смогут вести свою деятельность. В результате крупный бизнес заказывает экспертам и аналитикам те разработки, которые согласованы с государственными приоритетами, поскольку иные разработки ему не нужны. Средний и малый бизнесы в России традиционно не склонны тратить свои ресурсы на исследования и аналитику. Негосударственные, некоммерческие и общественные организации чаще всего просто не имеют финансовых средств, достаточных для оплаты заказов углублённых и объективных исследований, поэтому они чаще всего занимаются решениями конкретных проблем конкретных граждан, не подвергая сомнению монопольное право органов государственной власти на разработку и реализацию социальной политики.

⁴ Динамика бедности в России. Результаты субъективных измерений «Левады-Центра». (<http://www.levada.ru/dynamicabed.html>).

В результате практически весь опыт консалтинга экспертов и аналитиков связан с исследованиями, согласованными с государственными приоритетами, либо проводящимися по прямым государственным заказам. Поэтому даже при наличии разнообразия мнений и оценок российское экспертное сообщество наиболее эффективно отстаивает приоритеты и интересы государства, а не граждан. Эти приоритеты, интересы и способы решений вырабатываются российской бюрократией, поскольку именно она через информацию, представленную в канцелярских документах, имеет наиболее сильное влияние на принятие государственных решений в органах власти и управления. Осознанно или неосознанно, но эксперты и аналитики своей деятельностью почти всегда поддерживают не вполне адекватные реальности бюрократические проекты и программы решений разнообразных проблем, в том числе, социальных.

Направленность государственной социальной политики на решения проблем, описываемых канцелярскими моделями реальности, не позволяет эффективно решать реальные социальные проблемы граждан. Государство нередко ставит общество перед ложным выбором в решении тех или иных социальных проблем, предлагая их простые и ясные решения, которые скорее являются популистскими, чем действительно решающими проблемы общества. Но неадекватность канцелярских моделей социальной реальности оценивается руководителями и служащими органов государственной власти и управления скорее как невозможность эффективных решений проблем в этой сфере, чем несоответствие этих моделей приоритетам и интересам граждан. Такие представления государственных служащих поддерживаются и экспертным сообществом через систему обоснования государственных решений в нашей стране и анализа опыта других стран в разработке и ведении социальной политики. В любом случае эксперты всегда смогут подобрать для чиновников описание зарубежного опыта, который подтвердит обоснованность выбора российских моделей ведения социальной политики.

Невозможность эффективных решений социальных проблем органами государственного управления приводит к отказам руководителей и ответственных работников этих органов от многих обязательств государства в социальной сфере. Нередко такие отказы не подтверждаются на уровне публичных заявлений чиновников, но проявляются в практике деятельности органов государственной власти. Так, ликвидация районных больниц создаёт для сельских жителей большинства российских регионов существенные проблемы с использованием доступного для них медицинского обслуживания, отсутствие внимания государства к подготовке учителей создаёт в системе среднего образования дефицит учителей среднего трудоспособного возраста, что препятствует реализации долгосрочных стратегий развития среднего образования в России и т.п.

Государство, отказываясь от ответственности за решения социальных проблем, передаёт свою ответственность за них, с одной стороны, организациям гражданского общества, а с другой – экспертам, специалистам, профессионалам. А они якобы способны находить и осуществлять решения этих проблем с «нейтральных» позиций науки, аналитики, существующих традиций и т.п. Но чаще всего государство таким образом позволяет решать социальные проблемы лоббистам тех или иных коммерческих интересов. Привлекаемые этими лоббистами эксперты находят обоснования их прав распоряжения общественными ресурсами в целях решений социальных проблем. Лоббирование гражданских интересов при принятии государственных решений в сфере социальной политики является очень слабым в силу слабости позиций гражданского общества в сравнении с позициями государства и бизнеса. Поэтому социальная политика во многом разрабатывается и реализуется без участия граждан, а государственные и муниципальные проекты и программы в социальной сфере исполняются без участия граждан. Большинство граждан не проявляет собственной активности в решении своих проблем, а ожидает их решений от органов государственной или

муниципальной власти. Но предлагаемые этими органами власти решения социальных проблем граждан чаще всего не устраивают, ведь они разработаны без их участия и без учёта их интересов.

Вследствие слабости лоббирования со стороны гражданского общества и незаинтересованности органов государственной власти в решениях реальных общественных проблем российская публичная политика явно разделилась на отдельные социальные проблемы или группы проблем со своими агентами и лоббистами. И эти социальные проблемы скорее конструируются своими агентами и лоббистами, чем представляют реальные проблемы общества. Конструирование производится агентами и лоббистами с помощью проведения социологических исследований, экспертиз, формирования прогнозов и стратегий, а также интерпретаций их результатов в средствах массовой информации. Такое конструирование нередко проводится с целью представить некую «социальную проблему» как весьма актуальную, но имеющую единственно возможный эффективный способ решения, который только её агенты и лоббисты якобы способны реализовать.

Осознанно или неосознанно целями деятельности агентов и лоббистов государственных и коммерческих интересов становится монопольное или почти монопольное распоряжение общественными ресурсами, необходимыми для решения сконструированной с их участием «социальной проблемы». Такими ресурсами могут быть финансовые средства бюджетов различных уровней, благотворительные средства, спонсорская помощь, кредиты, гранты, в том числе, иностранных и международных организаций и т.п.

Группы лоббистов, экспертов, аналитиков, заинтересованных в существовании определённых проблем и в получении постоянного доступа к общественным ресурсам для столь же постоянного решения этих проблем, постепенно оформляются организационно, усиливая тем самым свою значимость в системе принятия государственных решений. Но при этом эксперты и аналитики оказываются не склонными предлагать гражданам реальные решения общественных проблем. Работая по заказам органов государственного управления и крупного бизнеса, эксперты и аналитики склонны представлять приоритеты и интересы граждан как менее обоснованные, чем государственные, а решения, альтернативные бюрократическим, как менее эффективные, а иногда и как просто несостоятельные. Обычными аргументами в поддержку такой позиции у чиновников, бизнесменов и работающих по их заказам экспертов являются утверждения о непрофессионализме представителей гражданского общества, об их слабой информированности о тех или иных показателях социальной сферы или содержании тех или иных документов, а также о том, что уже принятые решения способны существенно изменить ситуацию.

Поэтому специалисты, эксперты и профессионалы в тех или иных сферах деятельности в современной ситуации нередко оказываются неспособными лоббировать реальные решения общественных проблем. Попытки обсуждений реальных социальных проблем, вариантов и ресурсов их решений, иногда предлагаемых общественными объединениями, чиновники, бизнесмены и работающие по их заказам эксперты пока довольно успешно направляют на подтверждение выбранных органами государственной власти и управления решений социальных проблем.

Российские граждане за период постсоветского развития уже довольно хорошо разобрались в реальных целях и приоритетах деятельности политиков и государственных деятелей. Наши граждане если не понимают рационально, то чувствуют, что никаких реальных решений своих проблем от представителей власти или политиков, идущих к власти, они не получают. Они чувствуют оторванность от жизни канцелярских решений проблем, которые предлагает им наша бюрократия, и не верят в их эффективность.

В российском обществе, тем не менее, пока ещё остался весьма высокий уровень доверия к учёным, исследователям, профессорам, специалистам, экспертам, поскольку в теч-

ние десятилетий у наших граждан формировался достаточно высокий уровень доверия к научному знанию и к его носителям. Но именно этот высокий уровень доверия позволяет в настоящий период манипулировать сознанием граждан, причём такие манипуляции нередко производятся с помощью средств массовой информации самими специалистами и экспертами.

В современной ситуации научные знания и методики нередко используются для выполнения работ практической направленности. Поэтому во многих областях профессиональной деятельности происходит совмещение позиций тех, кого можно назвать экспертами в этих областях. Исторически первой была позиция учёных, исследователей, которые сначала реже, а в последний период всё чаще стали одновременно занимать и вторую позицию – консультантов должностных лиц государственной и муниципальной службы. И сравнительно недавно весьма распространённой в среде учёных и исследователей стала третья позиция – публичных лиц, представляющих решения органов власти и бизнеса, потому что их руководители нередко много менее компетентны в этих решениях, чем соответствующие эксперты.

Вполне реальным в настоящий период является совмещение этих трёх или двух позиций профессионалов одновременно. Поскольку публичные представления государственных решений осуществляются через средства массовой информации, такие эксперты получают возможности общественной поддержки своей деятельности. И в этом не было бы ничего негативного для общества, если бы такие эксперты одновременно не являлись лоббистами социальных или иных проблем, которые постоянно публично представляют. Такие эксперты, публично декларируя высокий уровень общественной поддержки своей деятельности, сформированный соответствующими пропагандистскими проектами, и высокий уровень обоснованности своих проектов, не подтверждённых объективными исследованиями, получают возможности финансирования своих научных исследований и разработок соответствующих государственных решений. Но эти решения на деле обосновываются необходимостью реализации решений, выбранных теми или иными органами государственной или муниципальной власти.

В результате научная обоснованность государственного решения превращается в видимость, в реальности эта обоснованность определяется эффективностью выбранного группой агентов и лоббистов способа его продвижения в общественном сознании. Это продвижение нередко проводится с использованием доверия граждан к научному знанию, специально разработанная с помощью научных методик видимость которого им представляется. Таким образом осуществляется один из самых распространённых способов манипулирования сознанием граждан, которые эксперты используют для обеспечения легитимации государственных решений. Даже сам выбор проблем, решения которых эксперты представляют гражданам, нередко определяется необходимостью их лоббирования, а не их эффективностью и не их востребованностью гражданами.

Декларируемая государством значимость тех или иных социальных проблем нередко используется в публичной сфере для придания новых функций тем или иным органам власти и управления, для создания новых таких органов, а в итоге всегда – для обоснования тех или иных затрат государственного бюджета. Для реального выявления проблем общества в широком смысле, для описания их сущности и поиска реальных их решений необходимо проведение независимых от государства исследований, независимой аналитики и независимого консалтинга, что предполагает существование независимых от государства заказчиков таких работ. Неспособность органов государственной и муниципальной власти и экспертов, работающих по их заказам, сформировать такую независимую аналитику и независимый консалтинг, существенно снижают эффективность проектов и программ российской социальной политики.

Литература

Кузнецова Е.В. О динамике уровня бедности в США // Вопросы статистики. 2006. №7.

Овчарова Л.Н. Бедность в России // Мир России. 2001. Т. 10. № 1.

Лебедева Л.Ф. Проблемы измерения и динамика уровня бедности (мировой опыт и особенности России). 1999 (<http://www.iskran.ru/russ/works99/lebedeva1.html>).

Динамика бедности в России. Результаты субъективных измерений «Левады-Центра». (<http://www.levada.ru/dynamicabed.html>).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нуреев Р.М. (ГУ-ВШЭ)

Стратегия и тактика российской модернизации в свете концепции социального рыночного хозяйства

1. Рекомендации для России: типичные ошибки в выборе приоритетов

Прежде всего, надо указать на те характерные ошибки в выборе приоритетов экономической политики, которых следует избегать.

Экономическая политика НЕ должна:

1. Формулироваться с акцентом на «восстановление» и «выживание»;

Ликвидация разрушительных последствий трансформационного шока 1990-х гг. в основном уже завершена. Сейчас ВВП России уже превысил предкризисный уровень (см. рис. 1). Инфляция тоже давно вошла в нормальные рамки 8-10% ежегодного прироста. Россия в настоящее время – нормальная по среднемировым стандартам страна. Таким образом, истеричные лозунги о необходимости бороться с кризисом, неминуемой близкой катастрофой и т.д. следует оставить на долю политических маргиналов. Однако именно от нас зависит, каким образом будет развиваться экономика России в ближайшее десятилетие: более быстрыми или более медленными темпами.

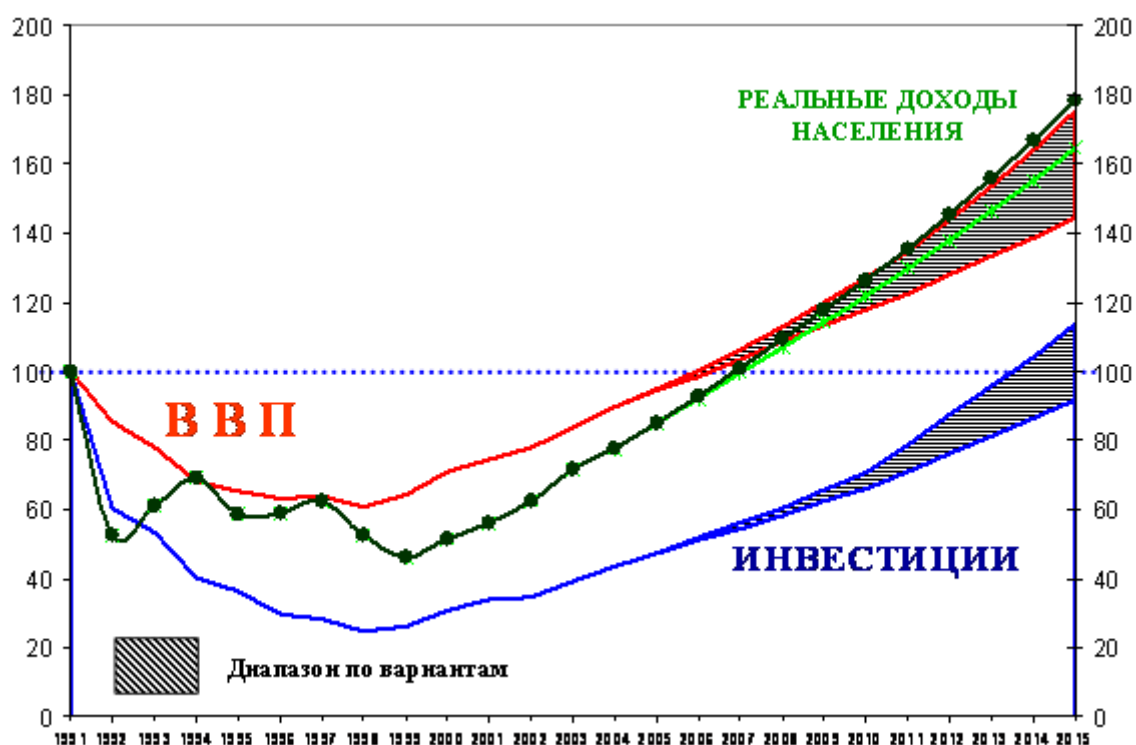

Рис. 1. Динамика ВВП, инвестиций и реальных доходов населения России (1991-2006 гг.) и прогноз на 2007-2015 гг. (1991 г. = 100%)

2. Основываться на противопоставлении рынка и демократии, с одной стороны, социальной справедливости, с другой стороны;

Демократия и рынок в принципе не могут считаться целями экономической полити-

ки; они – лишь методы достижения целей. Ни демократия, ни рынок сами по себе не являются идеальными методами, которые автоматически создают наилучший общественный порядок.

3. Основываться на противопоставлении государства и рынка;

В современной рыночной экономике «провалы рынка» (монопольная власть, несовершенная информация, внешние эффекты, производство общественных благ) преодолеваются расширением функций государства. Однако вмешательство государства нередко приводит к случаям, когда правительство не в состоянии обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов. Возникают «провалы государства» (ограниченность необходимой для принятия решений информации, несовершенство политического процесса, слабость контроля над бюрократией, неспособность государства полностью предусмотреть и контролировать ближайшие и отдаленные последствия принятых им решений).

Необходимо в новых исторических условиях, с одной стороны, определить границы и методы государственного воздействия на экономическую жизнь, а с другой, активно защищать основы экономики от силового, разрушительного вмешательства в неё государства.

4. Выдвигать в центр внимания заботу о какой-то одной социальной группе – бедных, предпринимателях, русских и т.д.;

Общество развивается как единое целое, где каждый зависит от всех. Создание «любимчиков» приводит к отчуждению от них других членов общества, к «перетягиванию одеяла» (рентоискательской деятельности) и к нарастанию социальной напряженности и конфликтов. Формулируемая программа должна иметь общенациональное звучание, служить средством консолидации нации.

5. Формулироваться главным образом в терминах показателей системы национального счетоводства («удвоить темпы экономического роста», «догнать и перегнать Америку по среднедушевым показателям...»);

Сами по себе показатели СНС плохо отражают качественные изменения – за ростом ВВП может скрываться сильный рост социальной дифференциации, моноотраслевая специализация и т.д. Между тем российское общество нуждается не в расширенном воспроизводстве современной структуры, а в структурных сдвигах.

6. Нацеливать на нереальные цели, навеянные ложной ностальгией по СССР.

В настоящее время Россия – экономически «средне-слабая» страна. В ближайшее десятилетие мы можем соревноваться только со странами «нашей лиги» - такими как Испания, Мексика, Южная Корея, Турция. Такой выбор ориентиров не должен восприниматься как самопринижение: в мире есть немало крупных стран со славной историей, которые могут только мечтать о современном российском уровне развития (Китай, Индия, Иран). В то же время не следует забывать, что Россия является ядерной державой и членом Совета Безопасности ООН и «Большой восьмёрки» (и даже председательствующим в ней в 2006). Однако по экономическим показателям наша страна ещё не вполне вписывается в «Большую восьмёрку», и нам данный аванс ещё следует оправдать, и сделать всё возможное, чтобы сохранить статус мировой державы.

2. Тактические приоритеты

Время для внедрения концепции социального рыночного хозяйства в его полном объеме было упущено реформаторами в 1990-е гг. Однако это не значит, что данная концепция неприменима к России совсем. В свете концепции социального рыночного хозяйст-

ва сформулируем тактические приоритеты на ближайшие годы. Как мы отмечали во вводимом докладе, реализация концепции социального рыночного хозяйства предполагает три важнейшие составляющие:

- Личную свободу
- Экономическую дееспособность
- Социальную справедливость

Политическое движение, претендующее на роль лидера российской модернизации, должно сформулировать конкретные мероприятия, которые бы обозначили общий вектор изменений, дали бы быстрый позитивный эффект и нашли бы поддержку у максимально широких кругов избирателей.

Можно предложить следующие «быстрые» мероприятия.

1. Личная свобода

Безусловным приоритетом является развитие и укрепление личной свободы. Однако для этого необходимо поднятие материального благосостояния, поскольку обнищавший забитый человек далеко не всегда может воспользоваться своей личной свободой. Создание основ рыночной экономики в 90е гг. привело к тому, что начался процесс перераспределения собственности от менее эффективных собственников к более эффективным. В результате доля инсайдеров сократилась почти в 2 раза, а доля аутсайдеров соответственно резко увеличилась (см. рис. 2). Фактически это подтверждает известную теорему Коуза и свидетельствует о том, что если не препятствовать развитию конкуренции, то она будет способствовать не только личной защищённости, но и экономической дееспособности граждан.

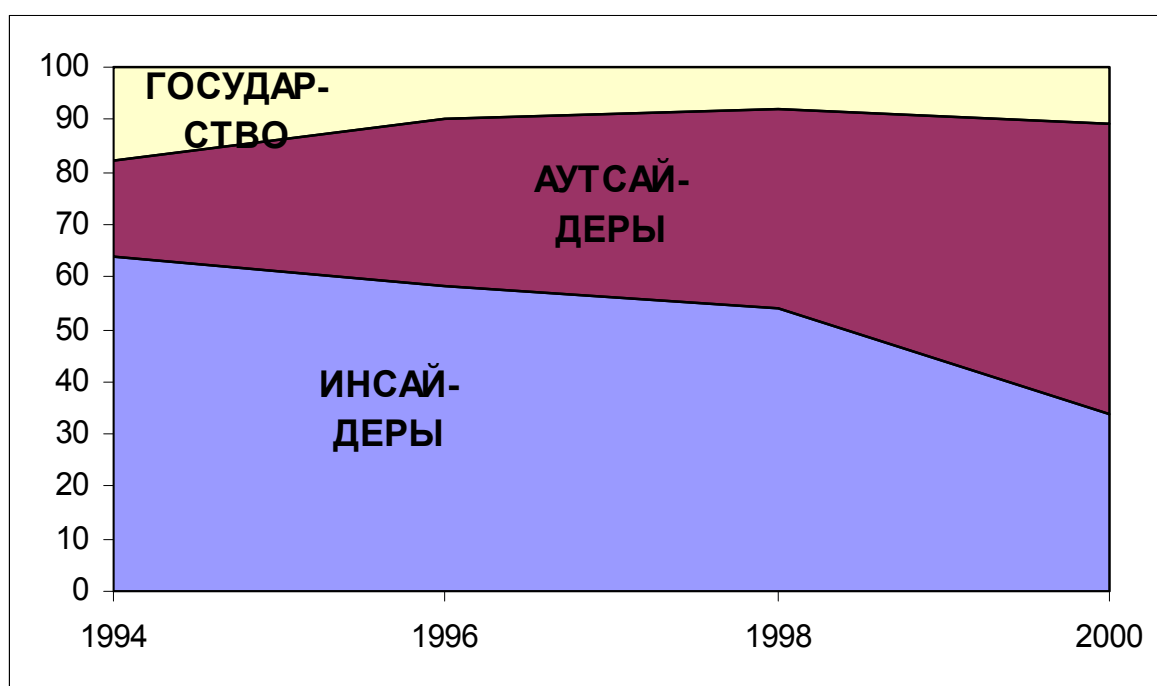

Рис. 2. СТРУКТУРА СОБСТВЕННОСТИ КРУПНЫХ И СРЕДНИХ ПРИВАТИЗИРОВАННЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ, %

В 2004 году Россия вышла на 65 место по индексу человеческого развития (см. табл. 1). Он составил 0,797. По таким показателям как грамотность мы занимаем уже 10-е место (0,994), уступая Казахстану и Таджикистану!

Таблица 1.
Место Российской Федерации по Индексу человеческого развития в 2004 году

HDI value	Life expectancy at birth (years)	Adult literacy rate (% ages 15 and older)	Combined primary, secondary and tertiary gross enrolment ratio (%)	GDP per capita (PPP US\$)
1. Norway (0.965)	1. Japan (82.2)	1. Georgia (100.0)	1. Australia (113.2)	1. Luxembourg (69,961)
63. Mauritius (0.800)	113. Ukraine (66.1)	8. Kazakhstan (99.5)	31. Luxembourg (88.4)	57. Malaysia (10,276)
64. Libyan Arab Jamahiriya (0.798)	114. Grenada (65.3)	9. Tajikistan (99.5)	32. Belarus (88.0)	58. Botswana (9,945)
65. Russian Federation (0.797)	115. Russian Federation (65.2)	10. Russian Federation (99.4)	33. Russian Federation (87.9)	59. Russian Federation (9,902)
66. Macedonia, TFYR (0.796)	116. Mongolia (64.5)	11. Ukraine (99.4)	34. Hungary (87.5)	60. Mexico (9,803)
67. Belarus (0.794)	117. Bolivia (64.4)	12. Armenia (99.4)	35. Singapore (87.3)	61. Costa Rica (9,481)
177. Niger (0.311)	177. Swaziland (31.3)	128. Mali (19.0)	172. Niger (21.5)	172. Sierra Leone (561)

Источник: Human Development Report 2006

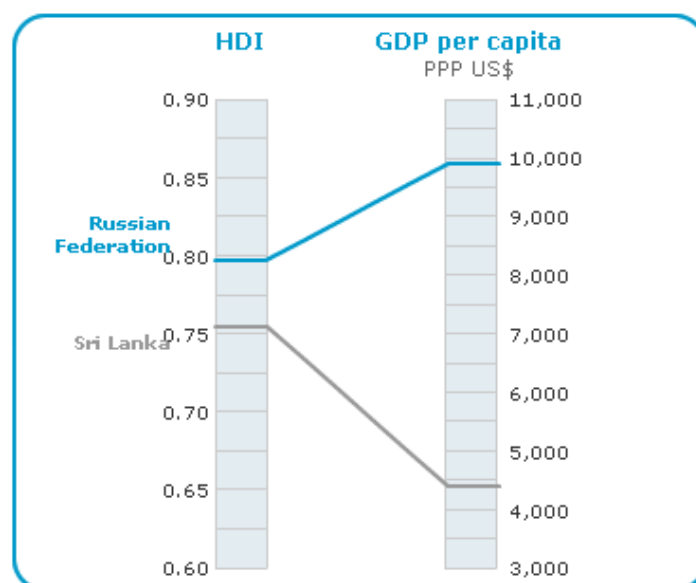

Рис. 3: Индекс человеческого развития дает более комплексную характеристику, чем доход на душу населения

Источник: Human Development Report 2006

По объединенному показателю доступности начального, среднего и высшего образования – 33-е место, и здесь уже есть существенные резервы. По показателю уровня жизни, измеряемого реальным ВВП на душу населения, – 59-е место. Этот показатель растет, однако медленнее, чем хотелось бы, и мы уступаем даже Малайзии и Ботсване. Если же сравнивать с занимающим 1-е место Люксембургом, то разрыв превышает 7 раз. Лю-

бопытно сравнить не только с лучшими достижениями, но с более скромными. Шри-Ланка, у которой всего \$4400 реального ВВП на душу населения, имеет индекс развития человека равный 0,75 (см. рис. 3). Это означает, что наше сравнительное преимущество в доходах на душу населения в значительной мере обесценивается другими составляющими HDI.

Наибольшее отставание у нас по продолжительности жизни, которая составляла в 2004 году всего лишь 65,2 года, лишь чуть-чуть опережая Монголию (64,5) и Боливию (64,4). По этому показателю мы занимали 115 место из 177 стран, по которым имеются данные.

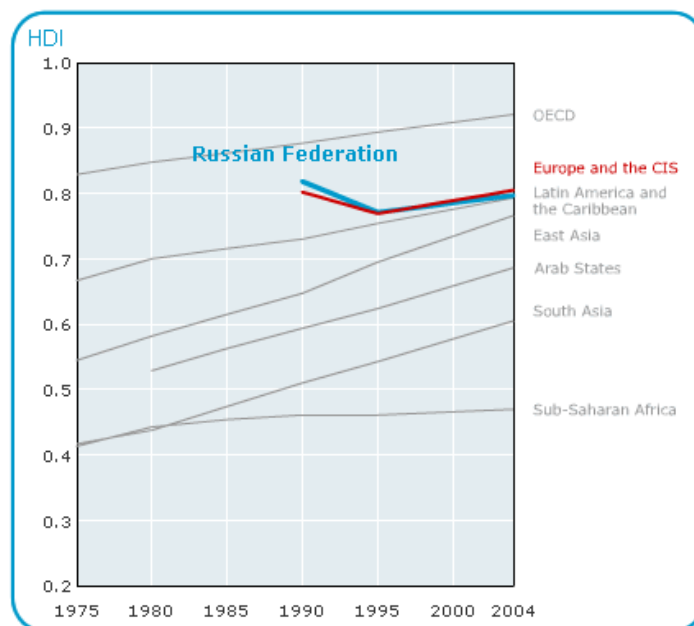

Рис. 4: Динамика индекса человеческого развития России в международном контексте

Источник: Human Development Report 2006

Ситуация в последние годы меняется. Если с 1990 по 1995 гг. было заметное снижение индекса, то в последние 10 лет наметился позитивный рост. Однако не следует обольщаться: мы только вернулись к уровню конца 80-х годов, когда существовал заметный разрыв между СССР и развивающимися странами. За эти годы он заметно сократился, и мы сейчас вышли на уровень, который был достигнут за эти годы Латинской Америкой и странами Карибского бассейна (см. рис. 4).

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЕСПОСОБНОСТЬ

В последние годы значительный вклад в экономический рост составляли отрасли ТЭК. Если в 1999-2001 гг. преобладал внутренне-ориентированный рост, то в 2002-2004 гг. – экспортно-сырьевой (см. Табл. 2).

Таблица 2
Вклад отдельных отраслей в экономический рост (процентные пункты ВВП)

	1999-2001 гг. Внутренне-ориентированный рост	2002-2004 гг. Экспортно-сырьевой рост

	Средне- годовые темпы прироста	Процентных пунктов	%	Средне- годовые темпы прироста	Процентных пунктов	%
Темп прироста ВВП (в том числе за счёт:	7,1	7,1	100	6,4	6,4	100
Нефтегазовой промышленности	3,9	0,4	5	8,0	0,7	11
Сырьевых отраслей (металлургия, химия, лес)	11,1	1,0	14	5,8	0,5	8
Обрабатывающей промышленности (машиностроение, лёгкая, пищевая)	12,2	1,1	15	7,3	0,7	10
Строительства	11,0	0,7	10	9,0	0,6	10
Сельского хозяйства	13,7	0,9	12	3,8	0,3	4
Торговли	4,5	1,2	17	9,7	2,3	36
Транспорта и связи	7,1	0,7	10	8,0	0,7	11
Нерыночных услуг	0,9	0,1	1	2,8	0,2	3
Других товаров и услуг	5,4	1,1	16	1,9	0,3	5

Источник: Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. 2005. С. 11.

Если, по данным Росстата, в 1995 году минеральные продукты составляли 42,5% в структуре экспорта Российской Федерации, то в 2005 году они выросли в полтора раза – до 64,6%, тогда как доля машин и оборудования упала почти в 2 раза – с 10,2% до 5,6%. Если к минеральным продуктам добавить древесину, металлы и драгоценные камни, то доля этих изделий в товарной структуре экспорта превысит 80%.

И, наоборот, за последние годы существенно вырос импорт машин, оборудования и транспортных средств (с 33,6% в 1995 до 44,0% в 2005) и продукции химической промышленности и каучука с 10,9% в 1995 до 16,5% в 2005. Наметившаяся в последнее десятилетие тенденция свидетельствует не только о сохранении, но и об углублении сырьевой специализации России.

Однако это не значит, что в этой области всё обстоит хорошо. Если мы хотим опереться на развитие топливно-энергетического комплекса, то его необходимо модернизировать, то есть научиться добывать нефть и газ более современными способами.

Для реализации этого потенциала необходимо применение новых технологий. Аналогичная проблема встаёт и перед нефтяным сектором. Мы до сих пор не умеем добывать нефть на шельфе. К тому же не всегда рационально используем полученные энергоносители. Необходимо развивать энергосбережение, новые технологии в области транспортировки энергии и энергоносителей. Использование высоких цен на нефть смогло бы создать предпосылки для эффективного использования стабилизационного фонда, средства которого могли бы быть направлены на модернизацию экономики.

Разведанные мировые запасы природного газа составляют 148,9 трлн. куб. м. При современном уровне потребления их хватит более чем на 70 лет. Разведанные запасы природного газа в России – 48 трлн. куб. м (32% мирового), и они истощаются.

Степень использования начальных запасов крупных газовых месторождений России такова:

- Вуктыльского – 79,3%,
- Оренбургского – 45,6%,

Северо-Кавказских - 80-100%.

В Надым-Пуртазовском существенно отработаны наиболее эффективные сеноманские залежи:

Вынгапуровского месторождения	66,2%,
Медвежьего месторождения	62,6%,
Уренгойского месторождения	44,4%,
Ямбургского месторождения	25,5%.

Прогнозируемые ресурсы природного газа в России высоки – 166,8 трлн. м³. Однако они сосредоточены главным образом в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. Свыше 42% ресурсов связано с акваториями северных морей – Карского и Баренцева.

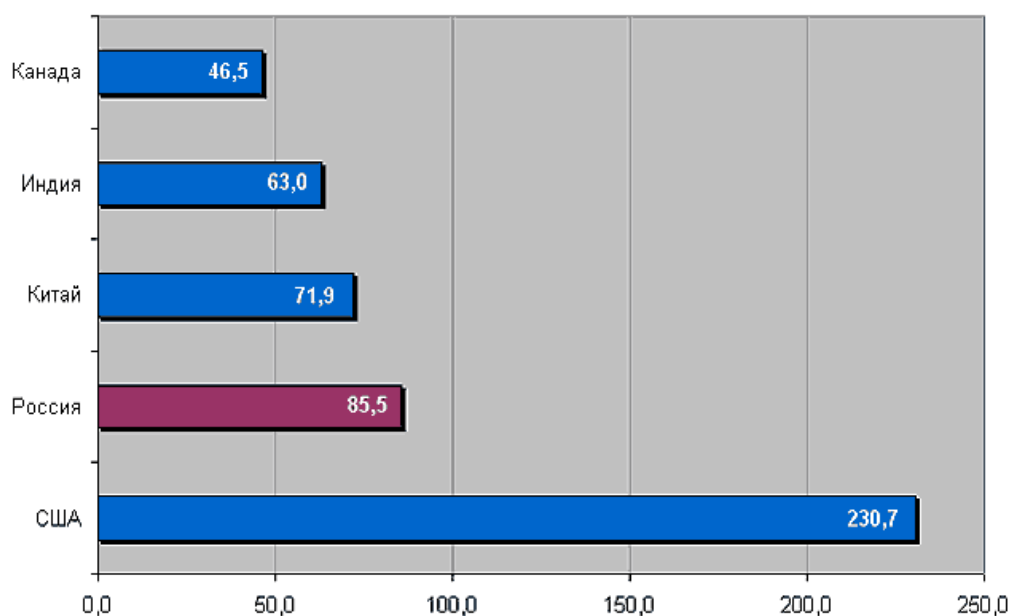

Рис. 5. Российские железные дороги в мировой железнодорожной системе. Эксплуатационная длина, тыс.км.

Источник: www.rzd.ru.

Данные, представленные в Табл. 3, наглядно показывают, что больше 70% экспорта обеспечивает экспортно-сырьевой сектор, в котором используется около 9% основных фондов, занято менее 6% трудоспособного населения и который даёт свыше 40% налоговых поступлений. В секторе социальных услуг сейчас занят почти каждый четвёртый россиянин, сосредоточена треть основных фондов. Однако вклад этого сектора в экспорт и налоговые платежи гораздо скромнее, и составляет 2,6% и 1,6% соответственно. Нуждается в значительной модернизации инфраструктурная отрасль, недостаточно эффективно используется железнодорожный транспорт. Россия превосходит Китай по протяжённости железных дорог, однако значительно уступает ему по грузообороту (см. Рис 5 и 6). Это несмотря на то, что Россия удобно расположена между Востоком и Западом, и РЖД может быть использована для организации транзита.

Таблица 3

Основные характеристики секторов российской экономики

	Добавленная стоимость	Экспорт	Численность занятых	Основные фонды	Налоговые платежи
Российская экономика - всего	100	100	100	100	100

Экспортно-сырьевой сектор	16,8	70,6	5,6	9,1	40,3
Внутренне-ориентированный сектор	15,2	9,9	27,5	9,2	11,3
Торговля	21,1	-	17,2	2,0	19,1
Инфраструктурные отрасли	10,0	4,3	8,6	36,9	8,0
Сектор социальных услуг	9,1	2,6	23,2	32,9	1,6
Другие отрасли экономики	27,9	12,6	17,8	9,9	19,6

Источник: Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. М., 2005. С. 17.

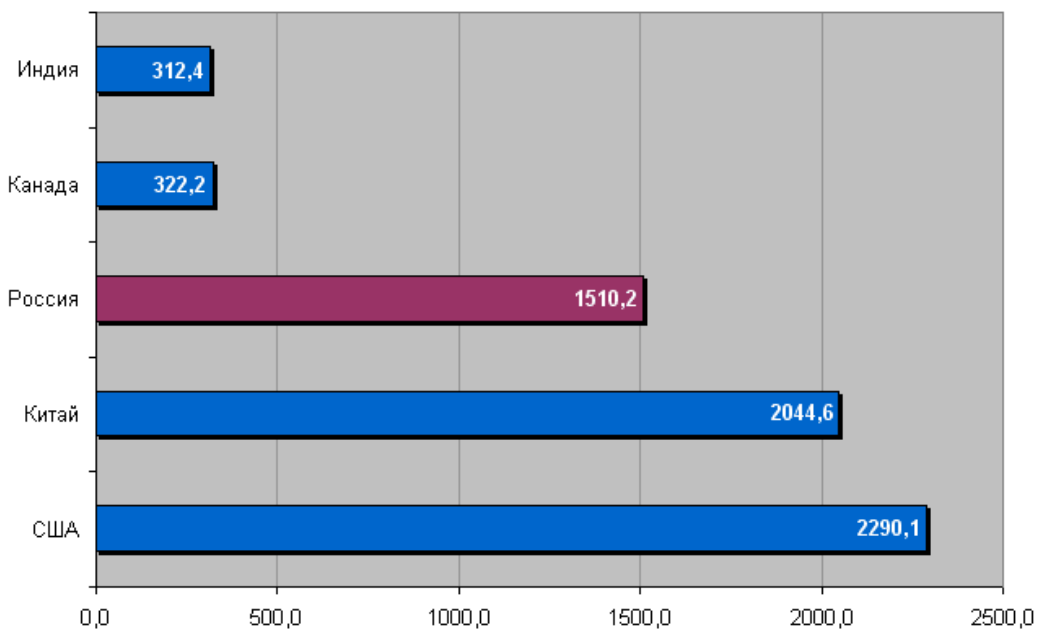

Рис. 6. Российские железные дороги в мировой железнодорожной системе. Грузооборот, млрд. т/км.

Источник: www.rzd.ru.

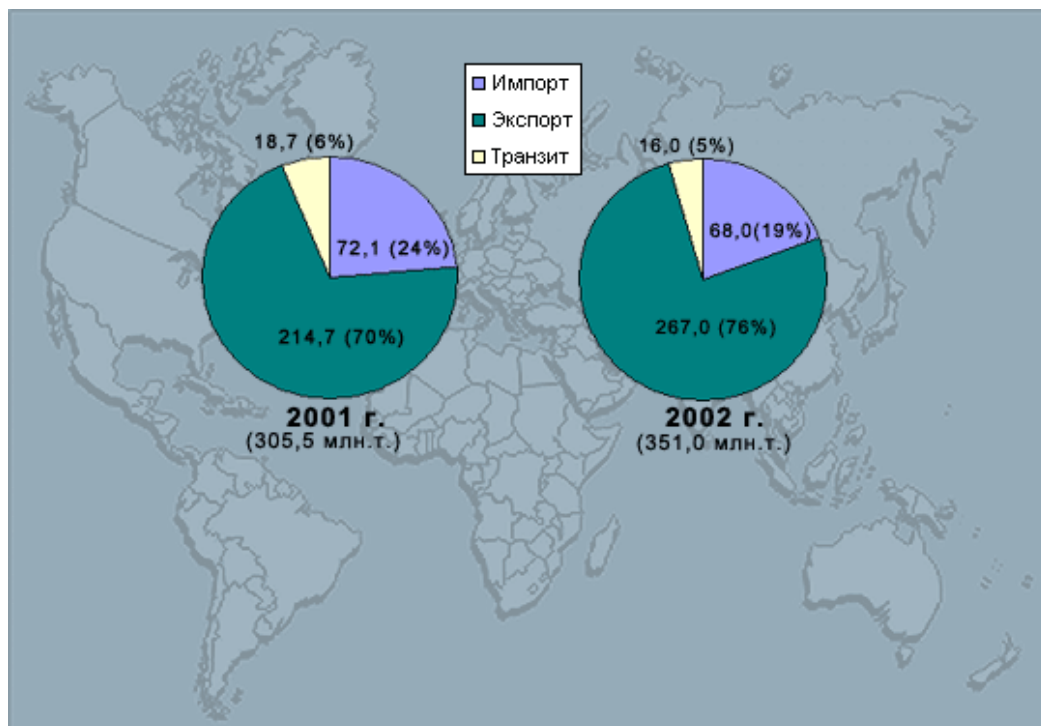

Рис. 7. Перевозки внешнеторговых и транзитных грузов российскими железными дорогами в 2001-2002 гг., млн.т

Источник: www.rzd.ru

Таблица 4

Основные социально-экономические показатели (темпы роста, %)

Показатель	Вариант прогноза	Отчет	Оцен-ка	Прогноз (среднегодовой темп роста)			2012 к 2003, %	2015 к 2004, %	
				2004	2005	2006-2008			2009-2010
ВВП	1				5,6	5,1	4,9	163	176
	2	7,2	6,4		5,8	6,0	6,7	172	196
	3				6,0	6,2	6,8	174	198
Производство промышленной продукции	1				3,9	3,9	3,6	144	151
	2	6,1	4,1		4,6	5,2	5,6	156	173
	3				4,6	5,3	5,6	156	173
Инвестиции в основной капитал	1				8,5	8,1	8,4	215	246
	2	10,9	10,3		9,8	9,8	11,1	244	297
	3				11,1	10,8	11,2	260	315
Реальные располагаемые денежные доходы населения	1				8,0	6,6	6,2	195	211
	2	9,9	9,1		8,9	7,4	7,2	206	230
	3				9,1	7,4	7,2	207	231
Оборот розничной торговли	1				8,5	7,0	6,7	210	227
	2	12,5	11,8		9,7	7,6	7,2	221	242
	3				10,0	7,8	7,3	226	248
Экспорт товаров*	1				3	1,0	1,6	146	126
	2	21,9	4,2		3	2,2	4,4	158	148
	3				3,5	2,0	3,8	158	144
Импорт товаров*	1				13,3	7,6	6,0	272	275
	2	18,5	22,2		17,7	10,1	8,7	341	366
	3				17,9	11,3	9,0	371	400

Источник: Долгосрочный прогноз роста российской экономики. Доклад МЭРТ Российской Федерации. С. 11.
Примечание: первый сценарий – базовый, второй – инновационно-активный, третий – инновационно-активный с высокими ценами на нефть; * темп роста экспорта и импорта в физическом выражении.

3. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В 2004 г., почасовая заработная плата в промышленности составляла в России 1,7 долл. США, и хотя это было в три раза выше, чем в Китае, Индии и Индонезии, но в 1.4 меньше, чем в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Латинском Америке (см. Рис. 8). Тогда как по производительности труда в промышленности России находилась на том же уровне, что и страны ЦВЕ и Латинском Америки (см. Рис. 9).

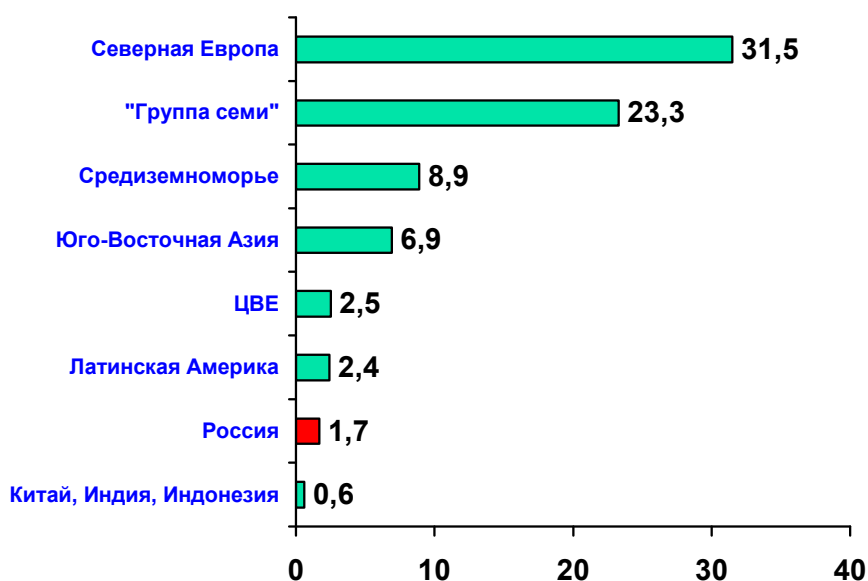

Рис. 8. Заработная плата в промышленности (долларов в час, по обменному курсу, 2004).

Источник: Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. С. 31.

Однако по сравнению с группой семи, почасовая заработная плата отставала в 13,5 раза, а со странами Северной Европы (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия) и того больше 18,2 раза (см. Табл. 5). В то же время по производству добавленной стоимости на одного занятого разрыв не столь велик: он составляет 2,3 раза для "Группы семи" и 2,6 раза для Северной Европы (см. Рис. 9 и Табл. 5).

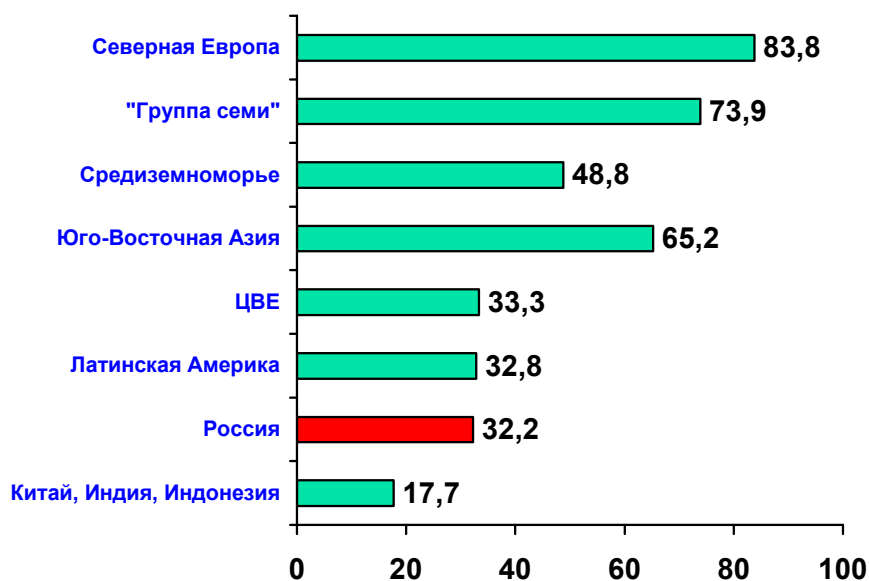

Рис. 9. Производительность труда в промышленности (1000 долларов на одного занятого, по ППС, 2004)

Источник: Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. С. 31.

Таблица 5

Соотношение России и других стран мира по заработной плате и производительности труда в промышленности (Россия = 1, 2004 г.)

	Почасовая заработная плата	Производство добавленной стоимости на одного занятого
Северная Европа (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия)	18.2	2.6
«Группа Семи»	13.5	2.3
Средиземноморский регион (Португалия, Греция, Испания, Словения, Турция, Израиль),	5.2	1.5
Юго-Восточная Азия (Ю. Корея, Малайзия, Сингапур)	4.0	2.0
Центральная и Восточная Европа (Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия)	1.5	1.0
Латинская Америка (Чили, Колумбия, Мексика, Венесуэла)	1.4	1.0
Россия	1.0	1.0
Новые «центры силы» Азии (Китай, Индия, Индонезия)	0.3	0.5

Источник: IMD World Competitiveness Yearbook. 2005; Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. С. 29.

Реализации социальной справедливости будут способствовать:

- Улучшение жилищных условий россиян базовое направление повышения их благосостояния, развивая систему долгосрочного кредитования и ужесточая противодействие экономической преступности в жилищном строительстве и стимулируя конкурентоспособ-

ность жилищного строительства.

- Создание среднесрочной программы повышения доходов ряда работников государственной службы – учителей, врачей, работников правоохранительных органов (акцент надо делать не на немедленном повышении, а на стабильном росте доходов, связанном с показателями эффективности их работы).
- Введение более строгих наказаний за коррупцию должностных лиц, внедрение принципа круговой поруки (при выявлении факта коррупции строго проверяются все ближайшие коллеги взяточника и задерживается их служебный рост).
- Повышение прозрачности доходов. Высшим должностным лицам и ведущим предпринимателям предлагается публично (в Сети) размещать информацию о своем личном имуществе.
- Поощрение меценатства. Государство предлагает предпринимателям заниматься меценатством в пользу организаций культуры и науки, гарантируя освещение этих PR-мероприятий в СМИ и налоговые льготы.

3. Стратегические задачи

Теперь необходимо сформулировать стратегические приоритеты (на ближайшее десятилетие). Эти приоритеты должны указывать желаемые изменения самых общих «правил игры», которые воспринимаются и как цель, и как средства ее достижения. Рассмотрим их также с точки зрения личной свободы, социальной справедливости и экономической дееспособности.

Охарактеризуем каждое из этих направлений подробнее

1. Личная свобода

Для развития личной свободы необходимо, прежде всего, укрепление доверия между субъектами. Современные экономисты и социологи называют фундаментальными институтами именно доверие между гражданами и доверие граждан к социально-экономическим организациям (государству, банкам и т.д.). Также важную роль играют развитие гарантий частной собственности и систематическая экономическая политика, содействующая свободе.

Не следует воспринимать всякое усиление российского государства как покушение на личную свободу. Если государство создаёт равные для всех правила игры, защищает малообеспеченные слои населения, требует честной уплаты налогов, добивается своевременной выплаты пенсий и зарплат, то в этом трудно усмотреть покушение на демократию.

Необходимо формирование национально ориентированного ведущего слоя общества. Не секрет, что в 1990-е гг. сложилась так называемая «оффшорная аристократия», которая перевела свои капиталы в зарубежные страны. Не удивительно, что такая страна, как Кипр вышла в последние годы на одно из первых мест по вывозу капитала в Россию. В действительности это российский капитал, который находится в подобного рода оффшорных зонах. Беда не только в бегстве капитала; беда в том, что наша бизнес-элита не превращается в национальную буржуазию и связывает своё будущее с зарубежными странами.

Другой составной частью национально ориентированного ведущего слоя общества является бюрократия, которая постепенно превращается из советской номенклатуры в компетентных государственных служащих – неотъемлемой части современного западного общества.

В формировании национальной элиты важную роль должна сыграть современная система образования и культура. К сожалению, и здесь существует много проблем. В настоящее время происходит расслоение российских вузов, которые усиливают и воспроизво-

дят дифференциацию постсоветского общества. Даже в Советском Союзе существовало больше возможностей для представителей региональных центров пробиться на вершину пирамиды.

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЕСПОСОБНОСТЬ

Повышая экономическую дееспособность, можно предложить следующий набор институциональных приоритетов:

- Создание и поддержание конкурентного порядка, усиление антимонопольной деятельности.
- Переключение приоритетов хозяйственной деятельности с рентоискательной на производительную деятельность и повышение имиджа честного предпринимательства. В 1990-2000-е гг. доход предпринимателей (особенно, высшего звена) сильнее зависел от их участия в «политических играх» и от элементарной коррупции, чем от совершенствования производства. В результате российские бизнесмены приобрели крайне негативную репутацию «легальных преступников», рядовые россияне одобряют любые меры по «раскулачиванию». Чтобы бизнес завоевал уважение россиян, необходимо минимизировать коррупцию и ввести лоббизм в правовые рамки.
- Независимость страны от внешнего экономического давления. Следует добиваться независимости от «нефтедолларов» и от зарубежных кредиторов (типа МВФ). При этом категорически не следует отказываться ни от экспорта нефти и газа, ни от использования зарубежных кредитов. Речь идет о том, чтобы никакие зарубежные события и организация не могли оказывать существенного влияния на выбор россиянами путей развития своей страны.
- Проведение разумного протекционизма в переходный период. Защита национальной промышленности и в этой связи оправданность мер по защите внутреннего рынка, особенно в переходный период, пока хозяйственное развитие в стране не набрало необходимый темп.
- Рост привлекательности России для притока из-за рубежа работников. В ближайшие годы Россия обречена жить под дамокловым мечом «демографической катастрофы» - сокращения числа граждан в трудоспособном возрасте. Поэтому одним из важнейших приоритетов должно быть расширение использования иностранной рабочей силы – главным образом, из ближнего зарубежья.
- Развитие интеграционных отношений со странами ближнего зарубежья («экономическое восстановление единого постсоветского пространства»). Во всем мире укрепляются интеграционные блоки, экономически объединяющие страны с общими границами и с общими проблемами развития (ЕС, НАФТА, АТЭС). Дезинтеграция постсоветского пространства должна смениться интеграцией. Россия не собирается покушаться на политическую независимость Украины, Казахстана, Белоруссии и т.д., но должна твердо держаться курса на их экономическое объединение.

3. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Институциональные приоритеты должны суммироваться каким-то емким и многозначным лозунгом, который был бы привлекателен для россиян разной идеологической ориентации. Возможны, скажем, следующие варианты:

- «Поставить рыночное хозяйство на службу социальному».
- «Бедными можно быть поодиночке; чтобы достойно жить, мы должны действовать сообща».
- «Основа России – средний класс».
- «Сломать административные барьеры, создать общественный контроль».

- «Стимулировать «региональные локомотивы роста».
- «Осуществлять адресную поддержку уязвимых регионов и обеспечение в них условий для улучшения качества жизни населения как одного из критериев целостности России».

В качестве лозунгов возможны следующие варианты:

«Россия учится у Запада и Востока, чтобы быть самобытной евразийской экономической державой».

«Немцы создали эффективную модель социального рыночного хозяйства XX века, россияне создадут эффективную модель социального рыночного хозяйства XXI века».

«Россия будет изменяться, не изменяя себе».

4. Возможные сценарии развития

Развитие России теоретически возможно в трех направлениях: с преобладанием роли государства; олигархии или созданием условий для укрепления и развития мелкого среднего бизнеса. Назовем эти варианты условно:

- Государственный капитализм
- Олигархический капитализм
- Конкурентный капитализм

Развитие по пути государственного капитализма означает всеобъемлющее вмешательство государства в экономику, усиление централизованного перераспределения ресурсов, ограничение свободы предпринимательских и инвестиционных решений (как центром, так и региональными властями), дозированная открытость экономики и ставку на максимизацию роста на базе ограниченного круга отраслей.

В случае реализации сценария олигархического капитализма произойдет дальнейшее укрупнение компаний и рост отраслевой концентрации, относительно значимое присутствие крупных иностранных компаний на российском рынке, делегирование государством принятия хозяйственных решений крупным компаниям, но на условиях политического согласования в рамках «промышленной политики», сочетание открытости экономики с селективными протекционистскими мерами.

При реализации сценария конкурентного капитализма государство сохраняет сильную регулирующую политику в сфере формирования, поддержания и совершенствования условий хозяйствования, содействия конкуренции, поддержки малого и среднего бизнеса, максимально устраняется из сферы принятия предпринимательских решений, перераспределение ресурсов (кроме социального перераспределения) возлагается на рыночно-конкурентные механизмы, проводится политика открытых рынков при четких правилах и ответственности субъектов.

Однако даже реализация этих сценариев возможна в различных институциональных формах.

Их влияние на политику будет различаться в зависимости от целого ряда обстоятельств. В зависимости от укрепления или ослабления вертикальной модели политического управления, возможны следующие варианты:

- Авторитаризм – демократия, «управляемая демократия»;
- Протекционизм – фритрейдерство;
- Закрытое - открытое общество;
- Современное либеральное - классически либеральное;

В зависимости от развития политического федеративного устройства возможны усиление централизма или развитие федерализма, ослабление или усиление региональной власти. В результате будет реализована либо, преимущественно административная либо либеральная модель.

Однако и в этом случае возможна различная роль политических организаций. Возможно ослабление или усиление роли партий и их влияния на принятие значимых решений. В настоящее время ярко выражена тенденция к укреплению однопартийной системы, однако как показывает исторический опыт это страны с неустойчивой демократией.

С. Мейнворинг исследовал 46 демократических периодов продолжительностью не менее 25 лет в 30 странах. Результаты его исследований представлены в Табл. 6. Он разделяет все системы на президентские, парламентские и смешанные, которые классифицирует по принципу господства партий: системы с одной, двумя или несколькими доминирующими партиями. В числителе указывается число стран, в которых демократия существовала не менее 25 лет, а в знаменателе – число стран, в которых существует соответствующая форма правления.

Выводы из анализа напрашиваются сами собой. Наиболее важным из них является то, что президентские системы менее стабильны, особенно в условиях многопартийной системы. Из 31-ой страны с президентской системой, длительные периоды демократии характерны только для семи стран. Из 15 многопартийных стран с президентской системой только одна (Чили!) оказалась стабильной. Угрозу демократии представляет и безраздельное господство одной партии. В странах с одной доминирующей партией демократические режимы менее устойчивы, так как формой выявления недовольства нередко становятся военные путчи. Это нередко случается там, где существует доминирующая оппозиционная партия, кандидат которой не смог победить на президентских выборах. На 14 стран с одной доминирующей партией нашлась только одна, для которой был характерен длительный период демократического правления. Из 24 стран с нестабильной президентской системой, которые можно считать нестабильными, в 10 существовали однопартийные или двухпартийные, а в 14 – многопартийная системы.

Таблица 6

Устойчивость демократии при президентских и парламентских системах

ПАРТИИ СИСТЕМЫ	Одна доминирующая	Две	Много
Президентские	0/5	6/11	1/15
Парламентские	1/8	5/7	19/29
Смешанные	0/1	0/1	4/5

Источник: Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism and Democracy // Comparative Political Studies. 1991. Vol.26. № 2. P.198-228.

Слабостью парламентских систем является неустойчивость коалиций. Наличие большого числа партийных фракций приводит к тому, что они нередко распадаются. Парламентская система правления оказалась наиболее эффективной в индустриально развитых странах. И наоборот, мы должны сделать неутешительный вывод о том, что никакие формы демократии неэффективны в странах третьего мира.

Время покажет, закрепится ли однопартийная система в России или ей на смену придёт двухпартийная. В условиях президентских систем возникновение устойчивой многопартийной системы менее вероятно.

В последнее время предпринимаются шаги по повышению роли гражданского общества, однако насколько они сумеют выразить интересы различных социальных групп, покажет время. Совершенно очевидно, что во многих странах (например в Великобритании, Франции, Японии) большую роль сыграли профсоюзы. В ряде стран (например в Германии) важную роль играют союзы предпринимателей, а также политические организации малого и среднего бизнеса.

Важно, чтобы экономическая политика была понятной гражданам, а политики сумели убедить людей в её правильности. Необходимо, чтобы политика была последовательной, открытой и честной. К тому же она должна быть правильно выстроена тактически, т.е. ориентироваться не только на долгосрочный, конечный результат, но и доказывать свою эффективность в разумные, с точки зрения ожидания населения, временные сроки. Только в этом случае мы сумеем реализовать те возможности, которые представляет нам история.

Сведения об авторах

Болдырев Роман Юрьевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Поморского государственного университета (г. Архангельск).

Электронный адрес: boldyrev_ry@mail.ru.

Ванберг Виктор – профессор, руководитель Института Вальтера Ойкена.

Электронный адрес: vanberg@walter-eucken-institut.de.

Вюнше Хорст-Фридрих – исполнительный директор Фонда им. Людвига Эрхарда.

Электронный адрес: ???

Григорьева Ирина Андреевна – д.с.н., доцент кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).

Электронный адрес: dvs@mailbox.alkor.ru.

Гутник Владимир Петрович – д.э.н., профессор, зав. Центром европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН.

Электронный адрес: gutnik@imemo.ru.

Давыдова Татьяна Евгеньевна – к.э.н., доцент, зам. зав. кафедрой экономической теории и основ предпринимательства ГОУ ВПО Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Электронный адрес: tedav@rambler.ru.

Дементьев Вячеслав Валентинович – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, декан факультета экономики и менеджмента Донецкого национального технического университета (Украина).

Электронный адрес: dement@fem.dgtu.donetsk.ua.

Дюсше Ольга Михайловна – к.э.н., заведующая методическим кабинетом кафедры институциональной экономики Государственного университета – Высшей школы экономики.

Электронный адрес: dusochet@hse.ru.

Исаков Лев Алексеевич – преподаватель Московского издательско-полиграфического колледжа (МИПК) им. И.Федорова.

Костюк Константин Николаевич – к. полит. наук, директор издательства «Директмедиа Пабблишинг».

Электронный адрес: kkostjuk@directmedia.ru.

Кузнецов Алексей Владимирович – к.э.н., заведующий сектором Центра европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН.

Электронный адрес: kuznetsov@imemo.ru.

Латов Юрий Валерьевич – к.э.н., доцент, старший научный сотрудник Академии управления МВД России, доцент кафедры экономического анализа организаций и рынков Государственного университета - Высшей школы эко-

номики, доцент кафедры национальной экономики Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова.

Электронный адрес: latov@mail.ru.

Левин Сергей Николаевич - к.э.н., доцент, доцент кафедры экономической теории Кемеровского государственного университета.

Электронный адрес: levin@kemsu.ru.

Невский Сергей Игоревич – к.э.н., доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Электронный адрес: snevski@yandex.ru.

Нуреев Рустем Махмутович – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета – Высшей школы экономики, заведующий кафедрой национальной экономики Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова.

Электронный адрес: nureev@hse.ru.

Попов Григорий Германович - к.э.н., заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института языков и культур им. Льва Толстого, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

Электронный адрес: gregormoltke@mail.ru.

Римский Владимир Львович – заведующий отделом социологии Фонда ИНДЕМ.

Электронный адрес: vrim@yandex.ru.

Сидорина Татьяна Юрьевна - д.ф.н., профессор кафедры социально-экономических систем и социальной политики экономического факультета Государственного университета - Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ).

Электронный адрес: mirros@mail.ru.

Сторчевой Максим Анатольевич – к.э.н., член Совета Директоров Института "Экономическая школа" (СПб.).

Электронный адрес: storch@mail.ru.

Творогова Светлана Викторовна – к.с.н., старший научный сотрудник отдела стратегического прогнозирования центра научно-технической, инновационной и информационной политики Института статистических исследований и экономики знаний Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ).

Электронный адрес: sv-tv@inbox.ru.

Цедилин Леонид Иванович – к.э.н., ведущий научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН.

Электронный адрес: lic@transecon.ru.

Чепуренко Александр Юльевич – д.э.н., декан факультета социологии Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ).

Электронный адрес: achepurenko@hse.ru.